ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2025 № 1(35)

ИМЛИ
РАН
1932

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 1 (35). 2025

Published since 2016

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2025. № 1 (35)

Издается с 2016 г.

16+

Литературный факт: научный журнал. –2025. – № 1 (35). – 444 с.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-67296 от 30 сентября 2016 г.

Редакция

Главный редактор
Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Заместитель главного редактора
Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Екатерина Евгеньевна Дмитриева (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Алена Эдвартовна Исаханян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Маргарита Вадимовна Черкашина (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *М.Л. Андреев* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лощилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Ca' Foscari, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна – Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1
Тел: 8 (495) 690-50-30
E-mail: editor@litfact.ru
Сайт: http://litfact.ru/

© 2025, ИМЛИ РАН

Literaturnyi fakt [Literary Fact]. No. 1 (35). 2025. 444 p.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

The journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296, September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alena E. Isakhanyan* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Margarita V. Cherkashina (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia), *Mikhail L. Andreev* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA, USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia), *Mikhail V. Stroganov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatnin* (University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi* (University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel), *Lazar S. Fleishman* (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schruba* (Milan University, Milan, Italy)

Address: Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia
Phone: 8 (495) 690-50-30
E-mail: editor@litfact.ru
www.litfact.ru

© 2025. IWL RAS

Содержание

Литературный факт. 2025. № 1 (35)

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Н.А. Яковлева. От коллежского секретаря до советского эмигранта: судьба писателя Аркадия Пресса и его роман «Граница» 8

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

А.Л. Соболев. Валерий Брюсов в воспоминаниях С.М. Соловьева..... 51

А.С. Александров. Переписка А.В. Амфитеатрова и В.Я. Брюсова (1909–1912)..... 95

А.М. Любомудров. «Читая Ваши книги, легче любить людей»: переписка М.В. Карамзиной и И.С. Шмелева (1934–1939) 115

БИОГРАФИКА

А.И. Рейтблат. Службы Фаддея Булгарина 155

П.А. Дружинин. «Романтик текстологии»: Константин Иванович Халабаев 176

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И КОММЕНТАРИЯ

И.Б. Делекторская. Охота на ангела (об одном «загадочном» образе у И.Ф. Анненского) 198

С.А. Серегина, С.И. Субботин. Страница поэтического диалога С.А. Есенина и Н.А. Клюева: О датировке стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся...»..... 209

С.В. Федотова. Откуда 13-е? (загадки датировки выступлений А. Блока с речью «О назначении поэта») 223

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И РЕЦЕПЦИЯ

О.Ю. Панова, С.И. Панов. Воспитательная функция критики: Сергей Динамов и Синклер Льюис 246

О.И. Щербинина. «Время пустых обещаний миновало»: советские контакты представителей американской еврейской печати..... 268

А.В. Голубцова. Первые советские контакты А.М. Рипеллино (по материалам РГАЛИ) 286

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

В.А. Суханов. Русский Ташкент в сатирической поэзии начала XX века..... 314

Н.Н. Примочкина. М. Горький — редактор рукописей неизданной книги «История Горьковского края» (по архивным материалам)..... 339

Я.В. Слепков. Статья Ахматовой «Последняя сказка Пушкина»: творческая история 357

А.Ю. Балакин, В.В. Турчаненко. Анна Ахматова и Пушкинская комиссия АН СССР 387

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Н.И. Шубникова-Гусева. Сергей Есенин в энциклопедическом формате. Статья первая. От Полного собрания сочинений и Летописи к Есенинской энциклопедии 418

Contents

Literary Fact. 2025, no. 1 (35)

FROM CREATIVE HERITAGE

Natalia Iakovleva. From a Collegiate Secretary to a Soviet Emigrant: The Fate of the Writer Arkady Press and His Novel *The Border* 8

MEMOIRS. LETTERS. DAIRIES

Alexander Sobolev. Valery Briusov in S.M. Soloviev's Memoirs. 51

Alexander Alexandrov. Correspondence Between A.V. Amfiteatrov and V.Ya. Bryusov (1909–1912) 95

Alexey Lyubomudrov. "It's Much Easier to Love People by Reading Your Books": The Correspondence of Maria Karamzina and Ivan Shmelyov (1934–1939) 115

BIOGRAPHICA

Abram Reitblat. Bulgarin's Services 155

Petr Druzhinin. "The Romantic of Textual Criticism" Konstantin Ivanovich Khalabayev 176

TEXTOLOGY AND COMMENT PROBLEMS

Ioanna Delektorskaya. Hunting for an Angel (about a "Mysterious" Image in the Poem by Innokenty Annensky) 198

Svetlana Seregina, *Sergey Subbotin*. A Page of the Poetic Dialogue Between S.A. Yesenin and N.A. Klyuev: About the Dating of the Poem "Beloved Land! My Heart Dreams of...".. 209

Svetlana Fedotova. Where Is the 13th One from? (Riddles About the Date of A. Blok's Speech On the Destiny of a Poet) 223

LITERARY CONNECTIONS AND RECEPTION

Olga Panova, Sergey Panov. Instructive Criticism: Sergei Dinamov and Sinclair Lewis .. 246

Olga Shcherbinina. "Time for Hollow Promises Has Passed": Soviet Contacts of American Jewish Press 268

Anastasia Golubtsova. First Soviet Contacts of Angelo Maria Ripellino (Documents from Russian State Archive of Literature and Art) 286

ARTICLES. NOTES. REPORTS

Viktor Sukhanov. Russian Tashkent in Satirical Poetry of the Early 20th Century 314

Natalia Primochkina. M. Gorky as an Editor of Manuscripts of the Unpublished Book *History of the Gorky Region* (Based on Archival Materials) 339

Iakov Slepkov. Akhmatova's Article "Pushkin's Last Fairy Tale": The History of Creation 357

Alexey Balakin, Vladidmir Turchanenko. Anna Akhmatova and the Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences 387

LITERARY GUIDES AND DICTIONARIES

Natalia Shubnikova-Guseva. Sergei Yesenin in the Encyclopedic Format. Article 1. From the Complete Works and Chronicles to the Yesenin Encyclopedia 418

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт.
2025. № 5 (35)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-8-50
https://elibrary.ru/QVOJOS

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

От коллежского секретаря до советского эмигранта: судьба писателя Аркадия Пресса и его роман «Граница»

© 2025, Н.А. Яковлева
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена описанию жизненного пути и характеристике творческой деятельности забытого литератора Аркадия Германовича Пресса (1870–1952), активно выступавшего в петербургско-петроградской печати с рассказами, повестями, переводами, научно-популярными очерками, рецензиями. Он был сотрудником журналов «Нива», «Живописное обозрение», «Задушевное слово» и др., составлял учебные пособия по литературе, праву, серию небольших сборников «Общедоступная философия в изложении Аркадия Пресса» в издательстве Сойкина (Гоббс, Декарт, Гегель, Канд и др). Дореволюционную служебную карьеру Пресс закончил в юридическом департаменте Сената в чине надворного советника, после 1917 г. Пресс недолгое время служил по ведомству Наркомпроса, в том числе руководил Публичной библиотекой. В 1923 г. он с семьей эмигрировал в Литву (и его фамилия приобрела огласовку Пресас), а в 1925 г. перебрался в Финляндию, где и прожил остаток жизни. Свои пореволюционные мытарства в Петрограде Пресс описал в «романе» «Граница» (1931–1942), носящем условно-автобиографический характер, как и ряд предшествующих его сочинений. Фрагменты из этого неизданного сочинения писателя публикуются в приложении к статье.

Ключевые слова: Аркадий Пресс, биография писателя, архивные материалы, революция 1917 года, эмигрантская литература.

Сведения об авторе: Наталья Александровна Яковлева — PhD, г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-1699-8102

E-mail: niakovleva@hotmail.com

Для цитирования: *Яковлева Н.А.* От коллежского секретаря до советского эмигранта: судьба писателя Аркадия Пресса и его роман «Граница» // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 8–50. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-8-50

Литературная деятельность Аркадия Пресса начиналась в последнее десятилетие XIX века.

Писатель родился в Петербурге в 1870, происходил из еврейской семьи, при рождении наречен Ароном Гиршем[1]. Его дед и отец, Шлиом (Соломон) и Герман Прессы, были старожилами города Ковно[2], там же до революции родители владели домом и гостиницей[3]. Отсюда позднее был «образован» и второй, «литовский», вариант фамилии — Пресас — который закрепился за членами семьи Аркадия Германовича Пресса после 1923 года, когда из Петрограда они уехали в Ковно, а затем в Финляндию, где осели до конца жизни.

Мать писателя, Анна Васильевна Пресс (урожденная Канель), окончила в Гродно польскую гимназию, где училась вместе с Изабеллой Гриневской (девичья фамилия Фридберг), с тех пор ставшей ее подругой[4]. Рано умершая родная сестра матери, Надежда Васильевна (1854–1886), была замужем за известным еврейским историком, ученым и писателем Осеем Штейнбергом (1830–1908)[5], с которым жила в Вильно. Аркадий Пресс, испытавший в молодости влияние этого известного ученого, будучи уже эмигрантом, не терял из виду и своих кузенов, Макса Штейнберга (1883–1946), советского композитора и музыканта, профессора Ленинградской консерватории, ученика и зятя Н.А. Римского-Корсакова, и жившую во Франции Надежду Щупак (1886–1941), ученого-санскритолога.

В своей профессиональной карьере Аркадий Пресс пошел по стопам отца, закончив императорский Санкт-Петербургский университет по юридическому факультету (1888–1892). В его студенческом деле сохранилось письмо от 12 июля 1888 г. на имя ректора М.И. Владиславлева от сенатора уголовно-кассационного департамента, тайного советника и сослуживца отца — Н.С. Арсеньева (1831–1903) — с просьбой обратить внимание на юношу, относительно которого он был «любезно обнадежен» при личной встрече с ректором: «…зная вышеназванного юношу еще с его детства, как

---

[1] См. копию свидетельства о рождении, сохранившуюся в его личном деле служащего Сената: РГИА. Ф. 1352. Оп. 154. Ед. хр. 292. Л. 8.

[2] См. письмо А.Г. Пресса к матери от 20 июня 1922 г (Коллекция рукописей Национальной библиотеки Финляндии. KK. Sl. Ms. 87.28). Далее ссылки на этот архив даются сокращенно (KK), а номера листов приводятся по авторской нумерации, если она имеется.

[3] Подтверждающие этот факт документы сохранились в архиве писателя (KK. Sl. Ms. 87.4).

[4] Подробнее см.: *Пресс А*. Писатели [Воспоминания]. Изабелла Гриневская (KK. Sl. Ms. 87.7).

[5] В частности, свидетельства об этих семейных связях присутствуют в очерке, посвященном Штейнбергу. См.: *Пресс А*. Писатели [Воспоминания]. Осий Штейнберг (KK. Sl. Ms. 87.7).

родного сына известного мне со всей безукоризненной стороны присяжного поверенного округа С.П.Б. судебной палаты Германа Соломоновича Пресс <так!>[6], считаю за особое удовольствие удостоверить, что юноша Аркадий Пресс отличался всегда благонравием <…> возрос, как мне известно, в самом полезном и преданном направлении Престолу и Отечеству, невзирая на то что по вероисповеданию своему он не просветился еще законоучением Христовым, пребывая в законе Моисеевом»[7].

После окончания университета А.Г. Пресс состоял на службе в межевом, а затем судебном департаменте, поднявшись по служебной лестнице от коллежского секретаря до надворного советника и получив, как полагалось по протоколу, орден Св. Станислава 3 степени и серебряную медаль в память Царствования Императора Александра III на Александровской ленте[8]. Занимал должности (младшего и старшего) землемера, секретаря Сената по продажам, но несмотря на успешное ведение дел, службой тяготился и, во всяком случае, по интересам выбивался из круга столичного чиновничества конца века. Эта среда запечатлена в его рассказах и предстает перед читателем в модернизированном, по сравнению с ее «классическими» прототипами, виде. Теперь — это громко смеющиеся «молодые люди в блестящих вицмундирах, в ослепительно свежем белье, в модных галстучках и золотых перстнях», с «изящными портфелями», курящие дорогие сигары (рассказ «Своим трудом») [9, с. 21]. В дальнейшем автор предполагал объединить рассказы на эту тему в сборник под названием «Чиновники» (по аналогии с собранием очерков К. Станюковича «Моряки»). Несмотря на попытки изобразить современных клерков, с одной стороны, и реабилитировать «маленького человека» — с другой, суть конфликта осталась прежней. Герой Пресса, человек, отравленный департаментом, хотя от природы «жизнерадостный и веселый», обладал «многими приятными дарованиями, недурно рисовал, играл на рояле, писал даже водевили для театра. Он любил всевозможный спорт и предавался ему от души, с увлечением молодости. Его видели на гребных гонках, велосипедных состязаниях и т. п. Но однообразная канцелярская

[6] Ему, в частности, принадлежало авторство брошюры, которую впоследствии переиздал ставший юристом сын: *Пресс Г.С.* Присяжный поверенный. Страхование. Правовые основы, законы и практика Сената по огневому и морскому страхованиям. 2-ое изд. исправил и дополнил Аркадий Пресс, присяжный поверенный, бывш. помощник Обер-Секретаря Судебного департамента Правительствующего Сената. СПб.: Изд. юридического книжного склада «Право», 1914.

[7] ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Ед. хр. 2887. Л. 16.

[8] См. его послужной список в личном деле служащего Сената (РГИА. Ф. 1352. Оп. 154. Ед. хр. 292. Л. 20–29).

работа мало-помалу высосала, так сказать, из него все соки. Способности его глохли, пропадал интерес к жизни. Здоровье его тоже сильно пошатнулось. Явилась тоска» [9, с. 22–23]. В таких сюжетах просвечивали мотивы личного разочарования в уготованной автору участи судейского чиновника, что выдают и некоторые фрагменты его позднейших воспоминаний: «Секретари были завалены работой. Особенно донимали нас глупые ”продажи”, т. е. разрешение ”продаж” имуществ ”подопечных”. Ответственность громадная, а умственной работы юриста почти никакой. В Сенате говорили: ”Нам бы надо особое жалованье за Тоску”»[9].

Между тем этих мучеников департамента ждала совсем другая, гораздо более суровая, судьба: последнее поколение имперских чиновников вскоре будет сметено революцией и исчезнет не только с литературной, но и с исторической сцены. В этот вихрь попадет и сам Аркадий Пресс, значительная часть биографии которого пришлась на дореволюционный период.

К октябрю 1917 года Аркадий Пресс уже был главой многодетной семьи. Со своей женой, Марией Владимировной Ильинской (1871<?>–1940), он познакомился, еще будучи студентом университета, на даче в Териоках. В 1893 г., после рождения первенца Аркадия (1892), принял православие, в 1895-м, с появлением второго ребенка, Германа (1894), обвенчался с женой. Вслед за тем на свет появились три дочери: Анна (1896), Надежда (1898) и Дина (1899)[10] и два сына Владимир (1907) и Георгий (1909). Семья не имела большого достатка: Пресс несколько раз в годы своей министерской службы обращался за пособиями на воспитание и образование детей[11]. Подрабатывал он и адвокатской практикой, защищая уголовных преступников, но, по воспоминаниям одного из сыновей, это принесло ему большие неприятности с полицией, и однажды их дом подвергся ограблению[12]. В 1912 г. Аркадий Пресс ходатайствует об отставке и пенсии по состоянию здоровья (в том же личном деле «служащего Сената» сохранился длинный список медицинских диагнозов, спровоцированных «желтухой»)[13]. Таким образом, достигнув относительно стабильного положения, в сорок два года он завершил свою карьеру судейского чиновника, намереваясь полностью посвятить

[9] *Пресс А.* Книга любви [Воспоминания] (KK. Sl. Ms. 87.9. Л. 75).

[10] Умерла в Обуховской больнице в Петрограде 1 январе 1920 года.

[11] Прошения сохранились в личном деле служащего Сената (РГИА. Ф. 1352. Оп. 154. Ед. хр. 292. Л. 31–35).

[12] KK. Sl. Ms. 87.8.

[13] РГИА. Ф. 1352. Оп. 154. Ед. хр. 292. Л. 50–53.

себя литературной деятельности. В прозе А. Пресса нашлось место герою, пропустившему свою жизнь в ожидании повышения, но так и не получившему долгожданной пенсии из-за бюрократического недоразумения (рассказ «Пенсия») [9, с. 1–11]. Между тем, несмотря на благополучный исход этого дела для самого автора, спокойной жизни, обеспеченной почти 20-летней службой в департаменте, оставалось всего пять лет.

В своих позднейших, уже эмигрантских, воспоминаниях, обращенных к умершей жене, он предстает добропорядочным семьянином и романтиком, несмотря на тяжелые испытания, которые ему пришлось пережить. В них сохранились и старые адреса его прежней петербургской жизни: «Мы оба настоящие дети столицы. Я родился у Харламова моста, в доме Сутугина[14], твое детство прошло в маленьком домике с садом в Семеновском полку. В юности я жил в нашем большом каменном доме на Воскресенском N 13 с лепным и росписным красками и золотом потолком[15]. Ты жила на Павловской в деревянном домике с фруктовым садом твоей тети на Петербургской стороне N 9[16]. Этот дом стал твоим и в нем мы прожили многие годы до 1919 г. — Он описан в моем рассказе “Незнакомец” (Историческая летопись. 1916)»[17].

Главный герой «Незнакомца» — не кто иной, как Пушкин, который инкогнито снимает в майские белые ночи комнату в доме на пустынной улице по Петербургской стороне. Это и есть дом, где живут Прессы вплоть до эмиграции из советской России. Из этого дома Аркадий Пресс ездил на службу в Сенат, в нем писал свои сочинения (с тою же целью там уединяется и Пушкин), в этом доме его семью застал большевистский переворот, голод и эпидемии первых революционных лет, и, судя по пространным описаниям, он также может претендовать на роль главного героя текста:

> По обеим сторонам улицы тянулись одноэтажные деревянные дома, и над покосившимися заборами свешивалась свежая зелень фруктовых садов. <…>

---

[14] Вероятно, речь идет о сохранившемся доме купцов Сутугиных, расположенном на углу набережной Канала Грибоедова (д. 106) и пр. Римского-Корсакова (д. 12).

[15] Возможно, имеется в виду сохранившийся д. 13 по проспекту Чернышевского (быв. Воскресенский пр.).

[16] Ныне ул. Мончегорская в Петроградском р-не.

[17] *Пресс А.* Книга любви. Л. 19. Упомянутый рассказ был напечатан в журнале с продолжением в двух номерах за 1915 год: *Пресс А.* Незнакомец // Историческая летопись. 1915. Ноябрь. № 11. С. 1320–1327; Историческая летопись. 1915. Декабрь. № 12. С. 1465–1469.

— Где тут дверь? — воскликнул он (незнакомец. — *Н.Я.*), оглядывая домик.

— Барин, а ты ткни в калитку! — сказал кучер ленивым голосом, показывая кнутом на ворота. <…>

Кучер вытащил из «берлины» небольшой чемодан и, кряхтя и охая, понес во двор. Обошли покосившиеся службы, колодезь с «журавлем», огород, сад и, наконец, очутились пред низкой дверью, посреди которой было вделано крошечное круглое окно. <…> Дверь отворилась, и тот вошел в тесные сени. Но «боливар» пришлось снять и внести боком, так как он не входил в дверь. <…>

Аглая Петровна шла по коридору со стеклянной стеной, вроде веранды, по узкой комнате с обеденным столом, покрытым клеенкой и серой бумагой, затем по комнате, сплошь увешанной образами с горящими лампадами, наконец, остановилась около дверей и стала шарить в кармане ключ. Ключ был найден и замок при повороте ключа издал два громких музыкальных звука, словно дернули сильно две струны на балалайке.

— Господи! Что за крепость! — подумал приезжий. <…>

Дверь отворилась, и все очутились в просторной комнате в два окна с низким потолком и затхлым воздухом. Стояла красная мебель «русского ампира» и большая кровать с горою подушек. <…>

Хозяйка ушла. Новый жилец оглянул внимательно умными, быстрыми глазами всю комнату и сразу освоился. Он почувствовал себя, словно дома. Принесли воду. Скинув «редингот» и умывшись, он одел полосатый красный халат и разложил на столе несколько книг и бумагу[18].

К художественному творчеству Аркадий Пресс обращается параллельно сочинению популярных очерков по философии[19] и специальных статей по судебному делу[20]. Но писать стихи он начинал еще в гимназии. Его «положительный» характер, как и домашнее образование, включавшее игру на рояле, знание языков и занятия словесностью, во многом определят его литературные предпочтения, оставив в пору собственных писательских дебютов равнодушным

[18] *Пресс А.* Незнакомец // Историческая летопись. 1915. Ноябрь. № 11. С. 1320–1323.

[19] Брошюры автора выходили в серии «Общедоступная философия» (были напечатаны его переводы со вступительными статьями о Платоне, Аристотеле, Макиавелли, Монтескье и др.)

[20] В частности, Пресс был постоянным автором «Судебного обозрения». См., например, его статьи: «Опекунские дела: I Продажи. II Сумасшедшие (1904. № 23, 24); «Дела об авариях» (1904. № 36); «Административный суд» (1905. № 18, 19); «Вексельное судопроизводство» (1905. № 27) и др.

к «новому искусству». Сохранившиеся в его архиве заметки и мемуарные очерки позволяют очертить круг его тогдашних интересов: он читает французскую классику, поглощен творчеством Бальзака, восхищается Лермонтовым, Гейне, Надсоном, цитирует Апухтина, интересуется рассказами Анатолия Каменского, переживает увлечение «сионской поэзией» С.Г. Фруга, однажды с восторгом показывая собеседнице зажегшийся свет в окне квартиры своего кумира.

В университете, благодаря знакомству со студентами филологического факультета, А. Пресс посещал лекции П.И. Вейнберга по литературе, которые произвели на него сильное впечатление. Вейнбергу он вскоре показал и свои неопубликованные стихи, получив от него одобрение[21]. По свидетельству автора, большая часть этого раннего поэтического архива вместе с другими дореволюционными материалами погибла во время эвакуации из Териок в 1939 г.

Литературный дебют Аркадия Пресса состоялся в 1893 г. на страницах журнала «Нива», где он выступил в жанре «миниатюр»[22]. И вскоре его имя появится в других массовых изданиях: «Живописном обозрении», «Задушевном слове», «Всеобщем двухнедельнике», «Природе и людях», «Биржевых ведомостях», «Столичной почте», «Исторической летописи» и проч. Расширится и жанровый репертуар, который включит рецензии, критические обзоры о литературе, статьи, «песни», переводы, очерки о писателях и путешественниках. До революции появятся пять небольших сборников его короткой прозы, содержание которых во многом дублировало друг друга, повесть «Зеленый остров. Путешествие Миклухо-Маклая к папуасам» (1916), три тома очерков о писателях и литературе[23], сборники «Песни» (1914), «Цветы востока» (1912), включавшие стилизации, переводы и оригинальные поэтические тексты.

Рецензенты первых прозаических книг А. Пресса определили его жанр как «миниатюры», «акварели», «картинки»: «Повести и рассказы г. Аркадия Пресса, это — небольшие акварели, если хотите — не законченные акварели, а только эскизы с натуры, сделанные à la prima, под первым впечатлением встречи, разговора или события. Вот почему в них много искренности, много жизни, мало сочиненности, деланности. <…> О настоящих размерах дарования молодого автора судить <…> еще трудно, и следует подождать от него чего-нибудь

[21] *Пресс А.Г.* Писатели [Воспоминания]. Гейне из Тамбова (KK. SL. Ms. 87.7).

[22] *Ар. П–а <Пресс А.Г.>*. Две встречи. Миниатюра // Нива. 1893. № 45. С. 1027; *Ар. П–а.* В чем счастье. Индийский рассказ // Нива. 1893. № 51. С. 1175–1178.

[23] *Пресс А.* Писатели XIX века (Характеристики). Книга первая. СПб., 1901; *Пресс А.* В царстве книг. Очерки и портреты. 2-е изд. Т. II. СПб., [1908]; *Пресс А.* В царстве книг. Очерки и портреты. Изд. 2-е. Т. III. <на обложке Т. II>. СПб., [1908].

более законченного; однако уже и эти рассказы могут быть прочитаны с удовольствием и оставляют в читателе, по своей идее, отрадное впечатление, в особенности два из них: “Принцип” — хорошенький идейный жанрик и “Спесь” — жанрик юмористический»[24].

Рассказы, вошедшие в сборник 1908 года, в той же «Ниве» рецензент сравнил уже с чеховскими: «Рассказы г. Пресса немного напоминают по своей краткости и сжатости рассказы Чехова, но юмор г. Пресса несколько суше, а настроение гораздо грустнее. Лучшими из них, на наш взгляд, являются: “Недоразумение”, “Спесь”, “Приемный час” и “Еврейские девушки”»[25].

Судя по уже упомянутым неопубликованным мемуарам «Писатели»[26], в этот период А.Г. Пресс интенсивно завязывал и расширял связи с литературным миром. Знакомился с редакторами «толстых» журналов и многотиражных газет, был заинтересован в публикациях и хорошей оплате. Среди его знакомых А. Михайлов-Шеллер («Живописное обозрение»), Н. Нотович («Новости»), А. Турчанский («Научное обозрение»), В. Буренин («Новое время»), В. Короленко («Русское богатство») и др. Но отнюдь не везде он встречал радушный прием.

Так, важный для него автор, секретарь, а потом редактор журнала «Русское богатство» В.Г. Короленко, критически отнесся к присланным рассказам, отказался публиковать их в журнале, где вскоре появилась отрицательная рецензия на сочинения Пресса, которая, по его же свидетельству, принадлежала самому редактору[27]. В ней рассказы Пресса названы «бледными китайскими тенями на туманном фоне» и «отражением отражения»[28]. Эти отношение запечатлены не

---

[24] *Б.п.* А. Пресс. Повести и рассказы. СПб. 1899 // Нива. 1899. № 10. Стлб. 436. См. также рец. на первый сборник: Нива. 1897. № 5. Стлб. 210.

[25] *Б.п.* А. Пресс. 1) В царстве книг. Т. I и II. Изд. 2-е. СПб. 1908. 2) Стружки. Рассказы. Изд. 2-е. СПб. 1908 // Нива. 1909. № 4. Стлб. 681–682.

[26] Готовятся нами к публикации.

[27] *Пресс А.Г.* Писатели [Воспоминания]. Короленко (KK Sl. Ms. 87.7). Это подтверждается публикацией письма Короленко к А.Г. Прессу от 29 апреля 1914 г. (*Короленко В.Г.* Избранные письма. Литературная и редакторская работа (1886–1920). М.: Гослитиздат, 1936. Т. III. С. 232–234; тут же приводится ответное письмо А.Г. Пресса, сохранившееся в архиве Короленко).

[28] *Б.п.* <*Короленко В.Г.*> Аркадий Пресс. Повести и рассказы // Русское богатство. 1899. № 8 (11). С. 8–10, 2-й паг. Ср. свидетельство в письме к жене, М.В. Ильинской: «Рецензию Короленко папа и мама читали уже давно и оба сказали, что это очень глупо и что слышна в каждом слове зависть (!). Мне было это очень приятно слышать из уст мамы. <…> Мама вполне примирилась с моей литературой. Ей самой, видно, моя книга очень понравилась, и вокруг нее многие говорят о ней. В Вильне Пирожков, который женат на Фене <?>, сестре Мишеньки и Наденьки, имеет Типографию и собирается перевести “Недоразумение” и “Святую Пасху” на еврейский язык. Словом, против меня пока один Короленко…» (KK. Sl. Ms. 87.28). В письме упоминаются Надежда и Михаил Штейнберги; Феня, вероятно, их сводная сестра.

только в позднейшем мемуарном очерке, посвященном писателю, но и написанном на злобу дня рассказе «Направления», где содержатся намеки на редакцию «Русского богатства»[29].

Пресс, по собственному признанию, посылал свои рассказы и Л.Н. Толстому, но ответа не получил[30]. Сохранилось письмо С. Венгерова (от 19 января 1909 г.), в том числе содержащее ответ на просьбу написать рецензии на его книги:

> Многоуважаемый Аркадий Германович.
>
> Я всегда думал, что отзывы о моих книгах в «Ниве» пишет г. Эйзен[31], а оказывается, что этими благосклонными отзывами обязан я Вам[32]. Приношу искреннейшую благодарность. Столь же искреннюю благодарность приношу за присылку книг. Сейчас же снял со статьей о русских писателях карточки и приобщил к своему библиографическому собранию. Что касается отзыва о Ваших интересных книгах, то, к сожалению, так завален срочной работой, что едва ли смогу в ближайшем будущем написать что-нибудь. Но я бы мог вот что сделать. У меня ежедневно бывает сотрудник «Исторического вестника» А.Г. Фомин. Если бы вы прислали для него книги (беллетристических «Стружек» не надо), то я попросил бы г. Фомина дать отзыв в «Истор<ический> вест<ник>»[33]. Для других журналов и газет Вам, конечно, моего посредничества не надо. 3 том Пушкина[34] я своевременно направлю прямо к Вам. С удовольствием готов прислать всё, что прикажете, из прилагаемого каталога Библиотеки «Светоча»[35].
>
> С искренним уважением С. Венгеров[36].

---

[29] Рассказ «Направление» вошел в сборник автора «Стружки» [9, с. 233–234].

[30] *Пресс А.Г.* Писатели [Воспоминания]. Горький (KK Sl. Ms. 87.7. Л. 159). Впоследствии он отзывался о Толстом не слишком комплиментарно.

[31] Эйзен Илья Моисеевич (1869–1936) — писатель, сотрудник и редактор «Нивы», в советское время редактор Издательства Академии наук, одноклассник А.Г. Пресса по гимназии, упоминается в его воспоминаниях «Писатели».

[32] Вероятно, речь идет о следующих заметках: *Б.п.* <*Пресс А.Г.*> Венгеров С.А. Полное собрание сочинений В.Г. Белинского // Нива. 1903. № 2. Стлб. 292; *Б.п.* <*Пресс А.Г.*> Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей // Нива. 1904. № 8. Стлб. 620.

[33] Рецензия А. Фомина действительно появилась в журнале. Отзыв был весьма критическим и содержал упреки в поверхностности. См.: *Фомин А.* Аркадий Пресс. В царстве книг. СПб. 1909 // Исторический вестник. 1910. Март. Ср. положительную рецензию А. Трачевского на его более ранний сборник «Писатели XIX века» (1901), во многом совпадающий по составу: *Трачевский А.* Люди и призраки // Научное обозрение. 1901. Март. С. 59–67.

[34] Имеется в виду следующее издание: *Пушкин А.С.* [Сочинения]. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909. Т. 3: Статьи и заметки; Стихотворения 1829–1834 гг. (Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова).

[35] Название книжной серии, выходившей под редакцией С. Венгерова.

[36] KK. Sl. Ms. 87.2.

Значительное место в дореволюционном творчестве Аркадия Пресса занимала еврейская тема. Писатель длительное время сотрудничал с «Еврейской энциклопедией», и среди его статей были и такие, которые отмечены этим изданием как магистральные, в частности, «Вечный жид»[37]. Авторство других, меньших по объему, может быть обнаружено лишь при фронтальном просмотре томов: это статьи о Жаке Бодене[38], Короленко[39], Илье Гинсбурге[40], Венгеровых[41]. Среди последних особое для него значение имела родоначальница этой семьи, писательница Паулина Венгерова, автор мемуаров о жизни патриархального еврейства в Беларуси и Литве (она была родом из Брест-Литовска). Этнография еврейских местечек, обычаи, одежда, быт, история, религия — все это было темой прозы и самого Пресса, что сближало его не только с Венгеровой, но и с прозой С. Фруга, у которого, кроме прочего, фигурировал один из любимых писателем тип еврейских мудрых чудаков[42]. Об интересе к «Воспоминаниям бабушки» П.Ю. Венгеровой, вышедшим по-немецки в 1908 г. отдельной книгой, как и пиетете, который он испытывал к самой мемуаристке, свидетельствует письмо Пресса и посланный адресату в подарок сборник его собственных рассказов:

7 Декабря 1909

Многоуважаемая Паулина Юлиевна!

Посылаю Вам заметку из «Еврейской энциклопедии» о Вашей книге и о работах Ваших детей. На днях, если позволите, пришлю Вам также статью о Ваших мемуарах, которая выйдет в последней книге журнала «Еврейская старина»[43]. Засим не откажите принять

[37] *Пресс Арк.* Вечный жид // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / под общей ред. д-ра Л. Каценельсона и барона Д.Г. Гинцбурга. СПб.: Изд. О-ва для научных еврейских изданий и Издательства Брокгауз-Ефрон, 1910. Т. V. Стлб. 896–904.

[38] *Пресс Арк.* Боден Жак (Bodin) // Там же. Т. IV. Стлб. 766.

[39] *Пресс Арк.* Короленко Владимир Галактионович // Там же. Т. IX. Стлб. 771.

[40] *Пресс Арк.* Гинцбург Илья Яковлевич // Там же. Т. VI. Стлб. 534–536.

[41] *Пресс Арк.* Венгерова Зинаида Афанасьевна // Там же. Т.V. Стлб. 418; Венгеров Семен Афанасьевич // Там же. Стлб. 418–421; Венгерова Паулина Юлиевна // Там же. Стлб. 418–419. Статья об И.А. Венгеровой, судя по криптониму, принадлежала А. Тарле.

[42] Ср., например, рассказ Фруга «Дача» и рассказы А. Пресса «Печка», «Юдель».

[43] Имеется в виду следующая рецензия: *Пресс Аркадий.* О мемуарах г-жи Венгеровой. Pauline Wengeroff. Memoiren einer Grossmutter. Bilder aus der Kulturgeschichte der Juden Russlands im 19 Jahrhundert. Band I. Mit einem Geleitwort von Dr. G. Karpeles. Berlin 1908 (VII + 200 str.) // Еврейская старина: Трехмесячник Еврейского историко-этнографического общества, издаваемый под редакцией С.М. Дубнова. 1909. Т. II. С. 307–331. Отрывки воспоминаний П. Венгеровой на русском печатались в газете «Восход» в 1903 г.

от меня книжку моих рассказов[44] в знак моего глубокого уважения и искренней симпатии к Вам и Вашему прекрасному таланту.

С почтением
Аркадий Пресс.

Петербург
Пет<ербургская> Стор<орона>
Павловская ул. Д. 9[45].

Большое место в его творчестве занимала и тема антисемитизма, которую он пытается осмыслить, в том числе, и в своих энциклопедических статьях, в частности, о Короленко, И. Гинцбурге, и в собственных художественных текстах. События самого драматичного рассказа на эту тему, «Призраки», разворачиваются в «старом польском городке» [9, с. 163], где в тесном соседстве между собой живут евреи, русские, поляки и литовцы и где происходит жестокое убийство еврейской старухи, хасидки («хсиде»), бабушки рассказчика. Не исключено, что прототипом этого города был Ковно (Каунас), откуда, как уже говорилось, происходили предки Пресса. Уголовное по характеру преступление, расследуемое в рассказе, является поводом для изображения антисемитской атмосферы, царящей среди жителей, администрации, судебных и полицейских чиновников города, куда на похороны из Петербурга приезжает герой. Как часто у Пресса, этот трагический сюжет имеет биографический подтекст, что подтверждается сохранившемся в архиве фрагментом его письма, видимо, адресованного жене. Упоминаемые в нем подробности совпадают с деталями рассказа: «Похороны в воскресенье. <…> Перестаешь верить в завтрашний день. <…> Еще два дня невероятной тяжести. Дай Бог вынести. <…> Убийцы — драгунские солдаты. 2 пойманы. Я видел одного… Прислуга ослепла, но еще жива»[46]. Отметим также, что рассказ открывается пассажем, в котором нетрудно расслышать подлинный голос автора (как и в большинстве текстов Пресса, повествование ведется от первого лица):

Я не вырос среди своего народа.

Картины жизни евреев, случайно виденные мною в детстве, слились в моей памяти с чудными библейскими образами. Поэзия возвышенных молитв, могучие звуки древнего языка живут во мне

[44] Имеется в виду вышедший в один год с мемуарами сборник «Стружки» [9].
[45] ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 4. Ед. хр. 1007. Л. 1–2.
[46] KK Sl. Ms. 87.28.

наряду с воспоминаниями о длинных «капотах», ярмолках, пейсах, о порывистых восточных жестах, взглядах и говоре. Все это — и жизнь и фантазия — слилось в моей душе в одну светлую, почти волшебную грезу далекого, золотого детства…

Еврейство — все, что касается еврейства — было для меня мечтою… [9, с. 142].

В его творчестве антисемитизм имел свою особую географию и был нередко связан с хорошо известными автору локусами дачной и курортной жизни, где он часто проводил летнее время с родителями, уже и после рождения своих старших детей, в том числе для поправки здоровья. Так, действие рассказа «Недоразумение» разворачивается в поезде, по дороге на Рижское взморье, в Дуббельн (Дубулты), куда следует рассказчик и где автор провел летний месяц 1899 года, делясь своими впечатлениями в письмах к М.В. Ильинской, остававшейся в Петербурге. Между главными героями рассказа вспыхивает страсть, однако вскоре на первый план выходит иная коллизия. Оба случайных попутчика героя оказываются юдофобами: и страстная «блондинка с темными глазами», направляющаяся в Тарту, которая принимала своего vis-à-vis еврея за немца или итальянца, и случайный господин, по-чеховски проспавший все действие на верхней полке, представитель совершенно другого класса — учитель, автор незаконченной диссертации на «историко-библейский сюжет», едущий в Ригу.

Финляндские мотивы в дачных сюжетах также были связаны с обстоятельствами личной биографии автора, однако, в отличие от еврейских, в повествовании зачастую играли второстепенную или эпизодическую роль, а финны и финский couleur locale служили лишь фоном для происходящих событий. В упомянутой выше рецензии, напечатанной в «Русском богатстве», В.Г. Короленко в этой связи иронизировал над героями Пресса, которые «по большей части ездят на дачу в Финляндию». И, упрекая автора в отсутствии реальных сюжетов, повторялся: «Может быть, это происходит оттого, что муза г. Пресса только и питалась, что разными ”отражениями”, только и ездила, что по финляндской дороге. Пожелаем автору большей широты наблюдения»[47].

Аркадий Пресс был тесно связан с дореволюционной дачной Финляндией, с детских лет проводил лето на Карельском перешейке, и затем, уже независимо от старшего поколения семьи, приобрел

[47] *Б.п. <Короленко В.Г.>* Аркадий Пресс. Повести и рассказы // Русское богатство. 1899. № 8 (11). С. 9–10. 2-й паг.

там, как зафиксировано в документах, собственный дом («вилла Аркадия»)[48]. В круг его общения еще до революции входили известные финляндские «дачники», связь с которыми, в частности, с семьей И. Репина, продолжилась и позднее, уже после того, как Прессы оказалась в эмиграции в Финляндии.

Обработка финской темы в его творчестве начиналась в жанре дачного рассказа[49], но не ограничилась развлекательной «повесткой», автор так или иначе стремился к ее проблематизации, освещению болезненных общественных вопросов.

В рассказе «Дача» [9, с. 118–123] соединены обе значимые для писателя темы. Петербургский доктор, оставивший задаток дачевладельцу финну Матти Кархунену, в июне обнаруживает, что его дача сдана другим постояльцам, а задаток не подлежит возврату. Причиной является закон о черте оседлости, и, хотя герой имеет право на свободное заселение, в новом сезоне в Финляндии действует особое положение для евреев-дачников, требующее финляндское подданство, отсутствие которого не мешало аренде в предыдущие годы. Но вопреки юридической правомерности отказа, сочувствие местных жителей оказывается на стороне доктора. Выступление «простого народа» в роли морального арбитра — частый прием в финских сюжетах автора, и, несмотря на свой эпизодический характер, такие персонажи несут важную смысловую нагрузку.

Тот же прием использован в рассказе «Экзамен на магистра» [9, с. 69–107][50], где автор критически изобразил университетскую среду, будучи сам выходцем из нее. По сюжету герой-рассказчик не может получить магистерскую степень по философии из-за предвзятого отношения экзаменующего профессора и его льстивого окружения. Причина — зависть и ревность к рано умершему его научному руководителю, который в рассказе носит фамилию Сперанский. Судя по всему, под этим именем скрывается реальный прототип, Сергей Александрович Бершадский (1850–1896), известный историк, юрист, профессор Санкт-Петербургского университета. Это предположение подтверждается и посвящением одной из философских брошюр Аркадия Пресса, указывающим на связь последнего с известным ученым: «Книгу эту посвящаю я памяти профессора Сергея Алек-

[48] Ее владельцем он числился с 1905 г. См.: Старые дачи: Архивные материалы: Справочник. URL: https://terijoki.spb.ru/old_dachi/od_people.php# (дата обращения: 12.07.2024); [11, с. 208–210]

[49] Подробнее см.: [12].

[50] Ранее рассказ выходил под названием «Дружба» (*Пресс А.Г.* Повести и рассказы. СПб., 1899. С. 139–184).

сандровича Бершадского, под руководством которого я работал в течение четырех лет»[51].

Целый ряд деталей, введенных в текст, совпадает с биографическими подробностями и реальным портретом Бершадского: профессор университета, носитель черной бороды, что запечатлено на сохранившихся его портретах, читает лекции по философии, в том числе о Платоне, имеет дом (дачу) в Финляндии, умирает в расцвете лет от неизлечимой болезни и пр. Ученый изображен прежде всего как талантливый университетский преподаватель, не понятый ни коллегами, ни большинством малообразованных студентов и окруженный завистниками.

Сперанский-Бершадский представлен в рассказе и в другой своей ипостаси — в образе частного человека. Сцены приватной жизни Сперанских разворачиваются в финляндском «поместье», что является поводом для автора наполнить эти страницы финскими пейзажами и ввести эпизодические образы финнов, местных жителей. Судя по документам, дача Бершадского находилась в деревне Ино, Уусикирской волости Выборгской губернии (наименование участка: Marttila, номер:13-5)[52], вероятно, именно эти места (ныне поселок Поляны) и описаны в рассказе:

> Летом Сперанский жил на берегу Финского залива в верстах шестнадцати от железнодорожной станции.
>
> У него была своя дача — маленькое поместье.
>
> Оно было расположено под горою почти у самого берега моря. <…> Это был тихий мирный уголок…. [9, с. 73–74].

Функция эпизодических персонажей и здесь была не только и не столько «этнографической». Они демонстрировали истинный («не напоказ») демократизм главного героя, играя роль, как уже говорилось, морального арбитра его дел и поступков, в данном случае в противопоставлении университетской профессуре:

---

[51] *Пресс А.Г.* Платон. СПб., 1900. Имя Бершадского упоминается также в письме Пресса к М.В. Ильинской (лето 1896 г.). Описывая свою поездку в Кранц (курорт под Кенигсбергом), он, в частности, сообщал: «В Пруссии я очутился в вагоне с одним сербом, кончившим в этом году петербургский университет. Мне было очень приятно слышать, что он очень хвалит Бершадского. Я не сказал ему, кто я, чтоб не испортить впечатления» (KK. Sl. Ms. 87.28). См. также некролог С.А. Бершадского, принадлежавший его перу: *А.П.* Памяти С.А. Бершадского // Новости и биржевая газета. 1896. 26 апреля. № 56. С. 2.

[52] См.: Старые дачи: Архивные материалы: Справочник. URL: https://terijoki.spb.ru/old_dachi/od_people.php (дата обращения: 12.07.2024).

Мой возница, природный финн с морщинистым лицом, то и дело спрыгивал с тележки и шел рядом с лошадью. <…>

Лошадка тяжело дышала, опустив голову, и временами спотыкалась о камни, валявшиеся в песке.

— …Alä puto! (Не надо падать) — вскрикнул возница.

— Ты здешний? — спросил я возницу.

— Да… да! — ответил финляндец.

— А как звать тебя?

— Тойвоне!... — Юхани Тойвоне!

— Ты служишь у Сперанского?

— Нет!.. — ответил он. — Я «naapuri»

— Сосед?

— Да, да! — Сусед, сусед!...

— Что ж, ты давно Сперанского знаешь?

— Перанского!.. — переспросил он. — Давно … давно!..

— Он махнул рукой.

— Вы дружно живете с ним?

Финлядец быстро повернулся ко мне лицом, словно его дернуло.

— Мы очень Перанского, — сказал он — «rakastan»!

— Любите?

— Да, да!... Любим!

Он весь расплылся в широкую улыбку.

— А за что же вы его любите?

— Он хороший есть! — ответил финн. — Hyvä on!.. Hyvä on!..

— Что ж он вам делает?

— Много делает! — ответил он. — Нам он «raha» деньги давал… я землю покупал… и избу строил!..

— Это… у моря-то твой домик?

— Да, да! — Мой!.. Там еще другие есть!

Он указал по направлению к морю.

— Перанского все знают!... Какой «poika» (крестьянин) бедный, — он тому помогает!..

Финляндец снова сморщился в улыбку.

Мы были на вершине холма.

Он подобрал вожжи и прикрикнул на лошадь.

Когда мы съехали в долину, он еще бормотал про себя:

— Hyvä on!.. Hyvä on… <…>

Поодаль два черных силуэта финских рыбаков бесшумно стащили в воду большую лодку и поплыли в море.

Я не мог позабыть моего Юхана. Я все еще видел пред глазами его добродушное морщинистое лицо и в ушах моих раздавались его слова, сказанные про Сперанского:

— Hyvä on!.. Hyvä on!… [9, с. 76–77]

Подобные, в традициях русской классики, образы людей из народа идейно сближали художественные тексты Аркадия Пресса и его же критические статьи, где автор пропагандировал финноязычную, «народную» литературу, используя метафору «нравственной силы»[53], и противопоставляя ее «немецко-шведской» «аристократической» и административной культуре Финляндии.

В последнее десятилетие века интерес к проблеме становления финноязычной прозы возник у целого ряда русских писателей, критиков и переводчиков, в число которых входил и Пресс. Одному из самых известных в это время финских писателей Юхани Ахо он посвятил статью, а впоследствии оставил о нем мемуары[54]. Интерес к финскому языку и литературе реализовался, таким образом, в текстах разного жанра. В переиздание своей небольшой книги «Теория словесности» (1916) Аркадий Пресс также внес сведения из финских учебников, демонстрируя в этом отношении свою осведомленность: «Наконец я имел в виду финский язык и финскую литературу. Учебник теории словесности, принятый в финских школах “Runous-Oppi” (B.F. Godenhjelm)[55], в части, касающейся поэзии, во многих отношениях лучше немецких и французских учебников. Поэтому знакомство с финской наукой мне кажется полезным»[56].

«Новое искусство» оказалось вне поля его интересов, также позднее он будет равнодушен к его представителям и в литературе эмиграции. В этом смысле характерно его воспоминание о встрече с Блоком в 1918 г., которое свидетельствовало о неведении автора в истории прошедшего мимо него русского символизма. Однако,

---

[53] *Пресс А.Г.* Литература пасынков природы // Пресс А.Г. В царстве книг. Т. I. С. 399.

[54] *Пресс А.Г.* Юхани Ахо. Портрет // Там же. С. 391–395. Ср. также свидетельство писателя о реакции героя очерка: «<…> в моем столе в Канерве лежало письмо (откр<ытка>) от Ахо из Järvenpää asema с благодарностью за то, что я поместил его в такое хорошее общество — рядом с Додэ, Мопассаном, Флобером и др.» (*Пресс А*. Книга любви. Л. 295). Отметим, что название одного из сборников самого Аркадия Пресса «Стружки» совпадает с заглавием сборников Юхани Ахо «Lastuja» (1891) и «Uusia lastuja» («Новые стружки», 1892).

[55] Бернхард Фредрик Годенхельм (1840—1912) — финский литературовед. Автор финско-немецких словарей, истории финской литературы, многократно переиздававшейся.

[56] *Пресс А.Г.* Теория словесности. Для учителей. Пг.: Изд. А.Д. Ступина, 1916. С. 4. См. письмо Пресса к Э. Радлову от 16 января 1916 г. по поводу редактуры этой книги: ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. Ед. хр. 1253. Л. 1–4.

вместе с тем, эта запись позволяет «взглянуть» на Блока глазами «популярного» автора, не избежавшего, если верить его воспоминаниям, увлечения марксизмом, и на тот момент также переживавшего хаос большевистского переворота и ищущего точки сближения с советской властью. К А. Блоку Пресс обратился за помощью в постановке и публикации перевода пьесы «Жена рабочего» известной финской писательницы Минны Кант, сделанного его дочерью. Анна Аркадьевна Пресс в это время училась на историко-филологическом отделении Высших женских курсов «по группе русской филологии» (ученица Бодуэна де Куртэнэ):

> Я ходил с этой пьесой в какой-то театральный комитет, которым заведовал некий «футуристический» поэт Александр Блок. Знаменитая «рабочая» пьеса, казалось, весьма подходила к рабочему театру нового РСФСР — союза. Но «футурист» был больше поэтом старого порядка и поставить на сцене пьесу Ани мне не удалось. Аудиенция моя происходила в быв<шем> дворце вел<икого> князя Владимира[57] — в зале обитом палевым крепом с черными цветочками и такой же «будуарной» мебелью, пахнувшей «Трианоном с Помпадуршей». Поэт был маленький, наглый и препротивный, но жена его, дочь Менделеева, с широким лбом отца, была очень проста и ласкова со мной… Перевод нашей Ани так и остался погребенным в Канцелярии «футуриста»…[58]

Возможно, что слово «футурист», несколько раз иронично употребленное автором в адрес Блока, используется им как синоним модернизма, чуждого, по его мнению, подлинным демократическим устремлениям. В целом Блок намеренно изображен устаревшим и неуместным, сродни мебели и самому особняку, где происходит эта встреча.

В революционном Петрограде начался новый этап жизни писателя, завершившийся «бегством» из голодного города и последующими скитаниями, которые предшествовали эмиграции. Потеряв источники дохода, Аркадий Пресс и его старшие дети вынуждены были искать средства к существованию для всей семьи. Оба взрослых сына, Аркадий и Герман, в это время были студентами Академии художеств[59]. Семья жила на «два дома»: «младшая» ее часть

[57] В 1918 г. тут разместился ТЕО Наркомпроса, с 1920 г. — Дом ученых; Дворцовая наб., д. 26.

[58] *Пресс А.* Книга любви. Л. 123–124.

[59] См. билет на посещение Петербургских государственных свободных

с М.В. Ильинской-Пресс оставались, как и многие финляндские дачники, в более сытой сельской местности, на даче в Канерве, а старшие — с отцом жили в Петрограде. Между собой они сообщались, как и в мирные времена, кочуя по железной дороге, из города на дачу и обратно. В архиве сохранился специальный пропуск, «удостоверение», выданное 26 апреля 1917 г. А.Г. Прессу, «действительно имеющему надобность неоднократно ездить в ближнюю Финляндию»[60]. Связь также поддерживалась регулярно отправляемыми письмами и открытками (почтовые карточки) с информацией о текущих делах, переводе денег, устройстве на работу и проч. Между тем, обстоятельства жизни, которые расценивались как временные, стремительно ухудшались. Образ голодного и опустевшего Петрограда тех лет запечатлен в позднейшей фрагментарной записи старшего сына, Аркадия Аркадиевича Пресса:

> …началось бегство из города, массовое, повальное, настоящая эпидемия, в несколько месяцев опустели отдельные дома, затем улицы, затем целые кварталы, а Голод все царствовал в нашем городе. Из столицы тогда еще Петроград превратился в уездный городок <…> В течение одного с лишним года число <жителей> упало до 800 тысяч <…> На улицах росла густая зеленая трава, прорастая между камнями булыжной мостовой. Нередко можно было встретить ребятишек, пасущих козочку прямо посредине улицы. На Моховой мало езды было всегда, а теперь совершенно никакой. Но если бы кто-либо захотел проехаться по этой улице, не знаю, чем бы кончилась такая попытка. Шашечная мостовая была разобрана и разобрана какими-то поперечными полосами, оставшиеся шашки не могли удержаться на своих местах. <…> В городе жгли все двери, оконные рамы, мебель, наличники, ставни, паркетные рамы. <…> И весь этот материал добывался в соседних домах, покинутых изголодавшимися хозяевами. Большинство имущества оставалось в квартирах, часть беженцев мысленно думали вернуться в недалеком будущем. — Меня пригласила к себе прачка, жившая в подвале в углу много лет. Прихожу в квартиру из 5 комнат, чудно обставленную, и моя прачка выходит ко мне в шелковом красном платье, такого покроя, который носили только на вечерах. Ее муж, младший дворник из соседнего дома, вышел ко мне тоже чуть ли не в смокин-

художественно-учебных мастерских на имя Г.А. Пресса, удостоверяющий его принадлежность к мастерской профессора В.И. Шухаева. Выдан на 1918–1919 уч. год (KK Sl. Ms. 87.28).

[60] KK Sl. Ms. 87.1.

ге. Но как на них сидели эти когда-то бесценные вещи, теперь были смешны, никому никуда не годный хлам. Правда, моей маленькой прачке очень не повезло, она щеголяла в шелку не более полугода. Старые хозяева вдруг появились, и началась свалка с милицией, процессом, судом и арестом. Другим повезло больше, они с быстротой умопомрачительной ликвидировали попавшее в их руки имущество. Многие имели несколько квартир и перетаскивали по ночам вещи из одной в другую, уже расставляли караваны из подвод, и эти караваны уходили из города, иногда очень далеко. Я много лет спустя видел, вещи из Петербурга продавались в парижских магазинах. Много имущества шло и в Финляндию, хотя граница была закрыта[61].

В это время А.Г. Прессу вновь пришлось определяться на государственную, теперь уже советскую, службу. Он поступил на работу в Наркомпрос[62], получил место директора гимназии, которая в новоиспеченном советском быту все еще именовалась «гимназией вел. кн. Алексея», а в период реорганизации Публичной библиотеки в течение двух месяцев (с 29 января по 24 марта 1918 г.) и здесь исполняет должность директора («правительственного комиссара»), что подтверждено многочисленными документами[63]. Об этом сохранилось и несколько коротких записей в разных фрагментах его воспоминаний: «В 1918 г. меня выбрали Правительственным комиссаром и директором быв<шей> Императ<орской>, ныне Государственной, Публичной библиотеки в Петербурге. Я не принадлежал ни к какой партии — меня знали только по книгам — мое назначение вызвало протесты во всех партиях, особенно среди черной сотни и кадетов, и каких-то эссеров <так!>, и самих коммунистов. Тогда В.И. Ленин, которого я лично тоже не знал, дважды подтвердил мое назначение»[64].

Источником сведений об инциденте, послужившем причиной увольнения А.Г. Пресса из библиотеки (кража книг), служат мемуары сотрудника Наркомпроса И.В. Егорова[65], который сам при схожих

---

[61] KK. Sl. Ms. 87.28.

[62] На недолгое время туда же был определен в 1919 г. его сын Герман (см. удостоверение на его имя, сохранившееся в архиве: KK. Sl. Ms. 87.28).

[63] *Грин Ц.И.* Пресс Аркадий Германович // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь. URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=694 (дата обращения: 15.12. 2024).

[64] *Пресс А.* Книга любви. Л. 273. Ср. другую запись: «Когда меня назначили директором Публичной библиотеки — мы жили в Канерве — я приехал домой — ты как всегда с детьми встретила меня с радостью, обняла и поцеловала <…> потом сказала: “Поздравляю тебя!.. Но я не рада!.. Я боюсь!.. Это слишком видно! Опасно такое место!..” Ты была права!.. Pour vivre heureux vivons cachés!.. [Чтобы жить счастливо, давайте жить скрытно!..]» (Там же. Л. 23)

[65] Иван Васильевич Егоров (1887–1971) — бывший житель Гельсингфорса,

обстоятельствах занял должность комиссара Книжной палаты. Приведем этот фрагмент, которому не нашлось, однако, какого-либо документального подтверждения:

> В другой раз явилась целая делегация во главе с академиком А.А. Шахматовым. Среди пришедших были видные библиофилы и сотрудники Публичной библиотеки — В.М. Андерсон, В.И. Саитов, А.И. Браудо и другие. Волнуясь, они наперебой изложили свое дело. Оказалось, что небезызвестный в то время компилятор и популяризатор Аркадий Пресс самозванно объявил себя комиссаром Публичной библиотеки. Устроил на работу своих сыновей и вместе с ними принялся расхищать ценнейшие собрания этого хранилища. Книги целыми возами отправляли на квартиру комиссара.
>
> Я тотчас же доложил об этом безобразном случае Луначарскому. Пресса отставили, а комиссаром Публичной библиотеки назначили Владимира Максимовича Андерсона [7, с. 248].

В документе по сдаче дел, сохранившемся в архиве, за Прессом в качестве «недостачи» числились только казенные бумаги[66]. Отметим, что одна из «открыток» А.Г. Пресса к жене от 8 октября 1918, т. е. спустя семь месяцев после увольнения, содержала просьбу при переезде забрать с дачи самое необходимое, в том числе «казенные книги», которые от «меня все требуют»[67]. Трудно судить, имело ли это отношение к вышеописанному серьезному обвинению, выдвинутому против юриста, знатока и поборника закона. Но во всяком случае, проблемы сообщения с Финляндией начались гораздо раньше, что стало настоящим ударом для А.Г. Пресса и его семьи.

Самый тяжелый кризис разразился в апреле 1918 г., когда, в связи с ходом гражданской войны в Финляндии и победой белых, граница, контроль на которой до этого времени осуществляли финские красногвардейцы, внезапно закрылась на длительный период. Аркадий Пресс как владелец дома, скорее всего, имел юридическое право на проезд к оставшейся в Финляндии семье, однако, в период военного хаоса это основание, судя по всему, во внимание не принималось[68]. Во всяком случае, все усилия получить официальное

выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, участник семинара С. Венгерова, муж Т.И. Немчиновой, дочери писателя И. Ясинского.

[66] См.: Дело правительственного комиссара по Российской Публичной библиотеке Аркадия Германовича Пресса (Архив РНБ. Ф. 10/1. № 3233. Л. 14).

[67] KK. Sl. Ms. 28.

[68] Ср.: «До 1923 г. из Советской России выпускали хозяев недвижимой собственности, и под этим предлогом можно было въехать в Финляндию и не вернуться на Родину.

разрешение на пересечение границы оказались тщетными. Эти обстоятельства, слухи о боях, идущих недалеко от его дачи, поток «красных» беженцев из Финляндии, которых он наблюдал на пограничной станции Белоостров, усиливавшееся беспокойство за жену и детей, невозможность передать им деньги на жизнь — всё это заставило его решиться на нелегальный переход границы вместе с одним из своих сыновей Германом, в то время, как уже говорилось, 24-летним студентом Академии художеств. Этим событиям посвящен его позднейший неопубликованный текст, по авторскому определению — роман под названием «Граница» (1931–1942). «Бегство» в Финляндию, однако, не состоялось, Прессы были задержаны и выдворены с риском для жизни обратно в Советскую Россию. Воссоединение семьи произошло в голодном Петрограде, куда вскоре вернулась из Канервы М.В. Ильинская-Пресс, оставив в Финляндии дом и имущество.

Менее чем через год после драматических событий, описанных в упомянутом «романе», и окончательного отказа «финского сената» на проезд в Канерву, несмотря на ходатайства известного финского писателя Юхани Ахо, семья покинула Петроград, сменив направление «побега». Отметим, что поток беженцев в Финляндию к этому времени стремительно вырос, были налажены нелегальные пути исхода и найти опытных проводников не составляло труда. Однако Прессы не решились повторить неудачный опыт, вероятно, опасаясь и вспышек гражданской войны в Финляндии, и дополнительных рисков переправы несовершеннолетних детей. «В 1919 г. мы бежали из “голодного” Петербурга в Оршу и бросили свой дом, и все вещи навсегда»[69]. Так они вновь оказались в приграничном городе, находившемся на военном положении, под властью большевиков, в разгар эпидемии сыпного тифа, где в ожидании документов на право выезда из советской России «застряли» почти на четыре года. Прессу удалось добиться беженского статуса для всей семьи, подтвердив свою связь с Литвой, куда, в этом случае, они могли уехать как реэвакуированные во время первой мировой войны оптанты[70].

Кроме <…> Леонида Николаевича Андреева и Ильи Ефимовича Репина, среди владельцев дач на Карельском перешейке, назовем имена историка литературы, библиотекаря Владимира Николаевича Тукалевского, генерал-лейтенанта, командующего белой Олонецкой армией Владимира Степановича Скобельцына, литературоведа, камергера Ивана Ивановича Тхоржевского, философа, популяризатора науки Аркадия Германовича Пресса» [2, с. 7].

[69] Речь идет о доме на Павловской ул. в Петрограде, который был национализирован в 1920 г.

[70] См. заверенный перевод с литовского (от 12 октября 1921 г.) удостоверения, подтверждающего, что «Аркадий Германович Прес <так!>, проживающий в настоящее время в Орше, — постоянный житель Литвы, выселенный во время войны в Россию»,

Для получения виз, в том числе на транзитный переезд через Латвию и пребывания в карантине в Режице (Резекне), а также оплаты всех расходов на семью из семи человек, А.Г. Прессу пришлось из Орши выезжать в Москву[71]. Преодолев многочисленные трудности, в 1923 г. семья добралась до Литвы, где в это время проживала Анна Васильевна Пресс, мать писателя.

В Орше, несмотря на тяжелые условия, А.Г. Пресс работал как лектор в Оршанском Народном университете, выступал с концертами и популярными лекциями о музыке в школах, на вечерах, на почте, в полевом госпитале, в красноармейских частях, «в полуразрушенных зданиях без окон и дверей, в ночное время, тут же стояли лошади, пулеметы»[72]. «Работы было так много, что едва поспевал. Каждый вечер я где-нибудь читал. Гонорар получал я натурой как паек и прибавку к пайку. Таким образом я кое-как кормил семью»[73].

Следующий период жизни, в Ковно, где семье были выданы литовские паспорта, длился до 1925 года. В это время продолжилась литературная деятельность А.Г. Пресса. Он, по собственным свидетельствам, занимал должность профессора консерватории, продолжив читать лекции по истории музыки, работал как музыкальный критик[74], сотрудничал в русской газете «Эхо» («Aidas»)[75], ежедневной газете «Lietuvos žinios»[76] и других изданиях, где печатался на литовском. Но несмотря на тесные связи с Ковно, ставшим его «официальной» родиной[77], конечной целью по-прежнему оставалась пограничная, «дачная», восточная Финляндия.

за подписью секретаря беженского отдела полномочного представительства Литовской республики в РСФСР; а также ряд других свидетельств, в том числе единый беженский билет от 24 марта 1922 г., выписанный на имя Аркадия Аркадьевича Пресаса и Анны Аркадьевны Пресас (KK. Sl. Ms. 87.28).

[71] См. письмо от 28 февраля 1923 г. с грифом отдела по реэвакуации беженцев, уведомлявшее адресата о необходимости получения визы в Москве (KK. Sl. Ms. 87.2).

[72] Запись об отце, принадлежавшая одному из сыновей, возможно, А.А. Прессу (KK. Sl. Ms. 87.1).

[73] Фрагментарная запись карандашом, принадлежащая А.Г. Прессу (KK. SL. Ms. 87.9). Сын Герман в этот период работал «инструктором изобразительных искусств при детских домах Оршанского уездного отдела Народного образования»; см. его удостоверение от 13 августа 1920 г.(KK. Sl. Ms. 87.28).

[74] В частности, писал отчеты о симфонических концертах в Городском саду.

[75] См. удостоверение сотрудника газеты, выписанное на имя Аркадия Прессе <так!>, от 18 июля 1923 г. на литовском, русском и французском языках за подписью редактора Аркадия Бухова (KK. Sl. Ms. 87.1). А.С. Бухов (1889–1937) — известный писатель, эмигрант, бывший «сатириконовец». О его деятельности в этот период см., в частности: [1].

[76] См. удостоверение корреспондента ежедневной газеты на имя писателя (KK. Sl. Ms. 87.1).

[77] Отметим, что в ряде анкет, и в том числе в полученном позднее финском паспорте, в графе места рождения значилось Ковно (Каунас).

> В 1925 г. я поехал в Финляндию. Меня влекло к «нашим» местам, откуда нас изгнала война и революция <…> Я мог ехать на юг Франции… Франц<узский> посол в Ковне Padovani предлагал мне ехать в Bordigera[78]… Швейцарский консул Weingard советовал в Швейцарию и облегчил бы мне переезд. — Но я выбрал Финляндию, я хотел вернуться «домой»![79]

Однако дом и земля в Канерве к этому времени уже были конфискованы и, заново обустраиваясь на старых местах, Прессы рассчитывали на финансовые компенсации. Часть семьи осела в Келломяках (Комарово). Герман Пресс с женой и родившимся там сыном[80] поселились в Териоках (Зеленогорск). Сохранилась фотография И. Репина и А. Пресса, относящаяся, судя по всему, к этому времени и сделанная известным финским писателем Илмари Киянто (1874–1970), дача которого находилась в Канерве[81]. Нашлись, как кратко отмечал в своих заметках писатель, и старые знакомые финны, и даже лавочник, которого они знали еще до революции, но возвращение в «потерянный рай» не принесло удачи.

С 1928 г. А.Г. Пресс преподавал в Териокском общественном колледже (Terijoen kansalaisopisto), где читал лекции по народному искусству и географии[82]. В это время он усиленно занимался продвижением в печать своих произведений, часть из которых вышла маленькими тиражами за счет автора на финском, французском и английском языках (в Териоках и в Выборге). В этот период жанр «миниатюр», «прерафаэлитских картинок», характерный для его ранней прозы, уступил место миниатюрным «романам» для широкого круга читателей. Из дореволюционного репертуара в новые тексты перешла тема путешествий и путешественников. Его герои зачастую были связаны культурными узами с Россией. Ряд произведений этого времени в оригинале писались на французском или финском, не являясь переводами, у других имеются «двойники» (варианты или авторские адаптации) текстов на разных языках, преимущественно

---

[78] Город у франко-итальянской границы.

[79] *Пресс А.Г.* Книга любви. Л. 64–65.

[80] Фотографию его дома, совмещенного с принадлежавшим ему фотоателье см.: [3, с. 101].

[81] Фотография опубликована: Georege Presas. Kuka oli Jurij Repin? // Kaltio. 1962. № 5. S. 115; Kähönen E. Entinen Terijoki: kyläмuistoja. Kouvola, 1982. S. 216. Канерва — полустанок между Келломяки (Комарово) и Куоккала (Репино). Воспоминания о И.Е. Репине А.Г. Пресса были напечатаны на финском (Suomen Sosialidemokraatti. 1941. №№ 73, 80) и на русском (Русский листок. 1984. №№ 5, 6).

[82] См. подтверждающий это «сертификат» на финском языке от 20 декабря 1932 г. (KK. Sl. Ms. 87.1).

тоже на финском и французском. Но этим автор не ограничился, и одно из направлений его деятельности это организация не только изданий, но и переводов собственных произведений, которые, судя по всему, также осуществлялись преимущественно за свой счет.

Вышедшая на английском повесть «Зеленый остров» о Н.Н. Миклухо-Маклае («The Green island. Viipuri: Työväen kirjapaino», 1938) представляла авторский перевод произведения, изданного в России еще в 1916 году[83]. «Финский» роман «Elää tai kuolaa?» («Жить или умирать?») был напечатан в Выборге в 1927 г. к 75-летию смерти известного ученого и писателя Матиаса Кастрена; в нем, по словам рецензента, «в вымышленной форме представлены сцены из исследовательских поездок М.А. Кастрена по северу России»[84]. Этот роман был награжден Государственным советом Финляндии памятной медалью в честь независимости и провозглашения республики. Отметим, что критики, хотя и отмечали «нефинские выражения» в произведениях Пресса, тем не менее оценивали их благосклонно. В 1934 г. в Териоках роман о Кастрене был выпущен автором также и по-французски[85]. А годом ранее появилось аналогичное издание, тоже на французском языке, «Nordenskiöld» — роман об исследователе Арктики, путешественнике Адольфе Эрике Норденшельде (1792–1866). В предисловии проскользнуло мимолетное воспоминание автора, что было характерно для его текстов: «En 1881 Nordenskiöld était à St. Pétersbourg. J'étais enfant encore, je l'ai vu passer sur l'escalier de mon gymnase, qui était situé au-dessus de la Société Géographique»[86].

Неосуществившийся перевод романа «Valloitus» («Завоевание», 1932) автор намеревался заказать в Японии и там же издать, но это не вызвало большого энтузиазма у корреспондента из Токио, чье письмо сохранилось в архиве писателя:

> Что касается этого «романа», то, поскольку я могу судить, это просто пересказ знаменитых записок Головина, которые, между прочим, были переведены также на японский язык. <…> Японцы же не

---

[83] *Пресс А.Г.* Зеленый остров: (Путешествие Маклая к папуасам): Повесть. Пг.: Тип. бр. В. и Л. Линник, 1916.

[84] *M.<arti> K.<overo>*. Muuan kirja M.A. Castrenista // Uusi Suomi. 1927. 7 мая. № 104.

[85] *Presas A.* Vivre ou Mourir. Parmi les samoièdes. Terijoki-Finlande: Terijoen Kirjapaino OY, 1934.

[86] *Presas A.* Nordenskiöld. Terijoki-Finlande: Terijoen Kirjapaino OY, 1933. P. 6. Пер.: «В 1881 году Норденшельд был в Петербурге. Я был еще ребенком и видел, как он проходил по лестнице моей гимназии, которая находилась над Географическим обществом» (*франц.*).

> особенно любят вспоминать об этом эпизоде истории японо-русских отношений <…>
>
> Повторяю, если г. Прессу важно лишь, чтобы его работа явилась на японском языке, безразлично, в каком переводе и где, то, может быть, какой-нибудь журнальчик и согласится напечатать ее, но никто не согласится переводить столь пространный труд даром или печатать его особым изданием, если за это не заплатят хорошо[87].

Упомянем также еще одно сочинение этого периода на французском, написанное в литературно-критическом жанре и посвященное французскому драматургу Эжену Бриё (1858–1932)[88].

В 1939 г., накануне Зимней войны, Прессы, как и другие жители приграничных поселков, подлежали эвакуации. По свидетельству писателя, во время этих событий были утрачены, то есть сожжены, его архив, библиотека и картины Германа и старшего сына Аркадия, вернувшегося к родителям после учебы в Париже. Пресс потерял семью, не зная о месте ее нахождения со 2 декабря 1939-го по 18 января 1940-го[89], и с этими обстоятельствами в дальнейшем настойчиво связывал болезнь и смерть жены (2 декабря 1940 г.). Отметим, что Прессы эвакуировались в декабре месяце, когда ситуация обострилась, так как задержавшиеся «переселенцы», к числу которых принадлежали и Прессы, вынуждены были присоединяться к беженцам, уже спасавшимся от начинавшихся военных действий. В этих условиях забрать с собой вещи, а тем более архив возможности не было.

Сын Герман, образ которого запечатлен в документальном повествовании «Граница», остался в Карелии, в Териоках, не покинув ее вместе с родителями. Последнее письмо к отцу, написанное им 21 мая 1941 г., пришло за два дня до начала Великой отечественной войны. Он сообщал, что все «здоровы и работа есть»[90]. Поиски с тех пор пропавшего Германа, наведение официальных справок, велись вплоть до 1946 г. А.Г. Пресс адресовал письма и оставшимся в Советском Союзе своим знакомым, Т.Л. Щепкиной-Куперник,

---

[87] Письмо из Токио от 23 мая 1925 г., адресованное г. Рамстэду, судя по тексту, предлагавшему произведение писателя японскому адресату (KK Sl. Ms. 87.3). В этот период Пресс также искал пути издания своих произведений и в Советском Союзе, в частности, обращаясь за помощью к В. Бонч-Бруевичу, с которым был знаком еще по работе в журнале «Нива». См. ответное письмо за подписью замдиректора Гослитмузея С.И. Аралова от 23 июля 1938 г. (KK. Sl. Ms. 87.2).

[88] *Presas A.* Brieux. Portrait litteraire. Terijoki-Finlande: Terijoen Kirjapaino OY, 1930.

[89] Это была нередкость при эвакуации, т. к. беженцев направляли в различные пункты приема; см., например, письмо А. Олиференко к А.Г. Прессу от 13 декабря 1939 г. (KK. Sl. Ms. 87).

[90] KK. Sl. Ms. 87.2.

и родственникам, Максу Штейнбергу, предполагая, что семья Германа «ушла» на Урал или в Сибирь[91]. Очевидно, что о трагической их судьбе он долгое время ничего не знал. Впоследствии старший сын, А.А. Пресс, безрезультатно в 1958 г. просивший советское гражданство, указывал в анкетах, что его брат погиб в блокаду, «при осаде Ленинграда»[92]. Однако на сегодняшний день известно, что Герман Пресс был репрессирован: «В 1941 г. Г.А. Пресас был арестован, признан “особо-опасным” и вскоре умер в тюремной больнице» [2, с. 160–161]. Вместе с ним погибла и вся его семья, чей «прах покоится в безвестных могилах Пискаревского и Серафимовского кладбищ»[3, с. 20][93]: сын Валентин Германович Пресас, родившейся в Териоках в 1930 г., и жена Ольга Ивановна Пресас (1893 – март 1942), урожденная Олиференко, выпускница Петроградского женского института[94].

В свой последний период жизни (1940–1952) А.Г. Пресс продолжал просветительскую и популяризаторскую литературную работу, в том числе на страницах финской печати.

В период войны он обратился к написанию мемуаров, оставшихся в основном своем массиве не опубликованными. Личные воспоминания, посвященные и обращенные к жене, М.В. Ильинской-Пресс объединены под названием «Книга любви». Воспоминания представляют собой фрагментарные, «спонтанные» записи о разных периодах жизни, без строгой последовательности и деления на хронологические этапы, с привлечением личных эпистолярных источников. Другой корпус текстов — это мемуары о встречах, общении, истории знакомств и контактов с представителями мира литературы, музыки, искусства. Часть из этих очерков посвящены дореволюционному периоду и объединены под заглавием «Писатели». Все они не раз цитировались в этой статье.

В послевоенное время он вновь усиленно налаживал связи с редакторами газет и издательствами, пытался «нащупать» запросы нынешнего читателя с демократическими взглядами, так и оставшегося его «целевой аудиторией» со времен 1890-х годов. Налаживал связь с советским ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи

---

[91] KK. Sl. Ms. 87.3.

[92] См. его анкету-заявление о приеме в гражданство СССР (KK. Sl. Ms. 87.28).

[93] Отметим, что в этой работе высказано предположение о возможной вербовке Г.А. Пресаса НКВД: «Люди семейные чаще поддавались на вербовку из-за страха за своих близких, которым могла грозить опасность (в частности Г. Пресас <…>)» [3, с. 9].

[94] «Она нелегально бежала из Петрограда в 1921 г., жила в Келломяках, пока с мужем не переехала в Терийоки, где стала членом Вреденского благотворительного комитета» [2, с. 161].

с заграницей), через которое еще в 1938 г. намеревался договориться об издании своих текстов в СССР и вновь вернулся к тому же вопросу, поддерживая переписку в 1946 г. с начальником этой организации С. Истоминым.

* * *

Ниже приводятся фрагменты из «романа» А.Г. Пресса «Граница» (1931–1942). В нем, как уже говорилось, описаны события 1918 года.

Первоначально автор предполагал издать этот текст на французском языке под названием «La Frontier. Sans famille» («Граница. Без семьи»). Подзаголовок (или вариант названия), вероятно, отсылал к одноименному роману известного французского писателя Гектора Мало (1878) о драматической истории мальчика, потерявшего и вновь обретшего семью. Мотив «потери семьи» в революционных и военных обстоятельствах в произведении Пресса являлся основным, что подчеркивается и в пацифистском послесловии к французскому тексту, отсутствующему в русском варианте, под названием «Quelques pensées» («Несколько мыслей»), датированном 2 августа 1931 г. В этом тексте была в том числе собрана коллекция коротких сюжетов о разлученных во время войн семьях:

> Dans cette geurre mondiale hors les milliers et les milliers de jeunes vies tuées pour rien, il y a ou encore des milliers de familles brisées pour toujours, des milliers d'enfants, que ont perdu leurs parents, des milliers de parents, qui ont perdu leur enfants.
>
> Plusieurs années après la guerre dans tous les pays on lisait, les annonces des membres de famille separés, égarés dispersas, quise cherchainet dans ce triste monde...[95]

Французский текст он начал писать в 1931 г., т. е. на фоне создания «иноязычных» небольших по объему биографических романов-путешествий. В этом смысле внимания заслуживает и короткая комедия «Torikori» («Корзинка с рынка», 1938), где были своеобразно «перелицованы» трагические события, которые А.Г. Прессу

[95] *Presas Arkadius*. La Frontier. Sans famille (KK. Sl. Ms. 87.15 Л. 190). Пер.: «В этой мировой войне, помимо тысяч и тысяч молодых жизней, убитых ни за что, есть еще тысячи семей, разрушенных навсегда, тысячи детей, потерявших родителей, тысячи родителей, потерявших своих детей. Спустя несколько лет после войны во всех странах можно было прочитать объявления о разлученных, потерянных и разбросанных членах семей, которые искали друг друга в этом печальном мире...» (*франц.*).

пришлось переживать в собственной биографии. Рецензент комедии следующим образом излагал ее сюжет:

> Sen juonena ovat Elias Lönnrotin[96] Raja-Karjalassa kokemat passintarkastusvaikeudet hänen v. 1841 tekemällään matkalla, jolta hänen oli virheellisen passin vuoksi palattava takaisin tyhjin toimin. Juonen ympärille kutoutuu Veskelyskylän ja Petroskoin sikäläisten olojen kuvailua koomillisine tilanteineen. Tekijän esityksestä saa elävän kuvan silloisen venäläisen virkavallan mädännäisyydestä rajantakaisessa Karjalassa ja olojen takapajuisuudesta. Samalla ilmenee näytelmän lopussa olevista ajatuksista luja luottamus Karjalan tulevaisuuteen[97].

Жанр «Границы», обозначенный во французском варианте как «souvenirs» далее автор поменял на «роман». А. Пресс планировал издать его в Париже: «О нашей разлуке 1918 г. я написал роман “~~Граница~~”[98] “Застава”, по-французски назывался прежде “La famille”. Michel Albin[99] в Париже отказался это издавать…»[100]. Французское издание не только расширило бы читательскую аудиторию, но, видимо, позволило бы автору и более свободно трактовать события тех лет, если учесть, что текст содержал критику немецкой и шведской администрации периода гражданской войны и революции, а также сюжеты жестокого поведения белофиннов. Отметим, что в это время в финской печати писатель снискал себе устойчивую репутацию «преданного друга, влюбленного в Финляндию».

Окончательная дата, проставленная под обоими вариантами, — 1942 год, т. е. «роман» завершался на фоне новой войны, после драматических событий 1939 г., «потери семьи» во время эвакуации, смерти жены и исчезновения сына. В своем произведении, первоначально имевшим подзаголовок «Дневник мирного жителя», писатель задним числом, пользуясь сохранившейся перепиской и, вероятно,

---

[96] Элиас Лённрот (1802–1884) — финский писатель, фольклорист, создатель карело-финского эпоса «Калевала».

[97] *М. К-о* < Marti Kovero>. Näytelmäkirjallisuutta // Uusi Suomi. 1938. № 300. Пер.: «Ее сюжет посвящен трудностям паспортного контроля Элиаса Лённрота в приграничной Карелии в его годы. Из поездки, которую он совершил в 1841 году, ему пришлось вернуться ни с чем из-за недействительного паспорта. Сюжет построен вокруг описаний условий жизни в Вескелюскюля и Петрозаводске, с комическими ситуациями. Изложение автора дает яркую картину гнилости русской бюрократии того времени в приграничном регионе» (*фин.*).

[98] В приведенном фрагменте это название было зачеркнуто, что встречалось и в других его записях. Очевидно, автор колебался в выборе заголовка.

[99] Знаменитое французское издательство, основанное Мишелем Альбеном и до сих пор существующее в Париже.

[100] *Пресс А*. Книга любви. Л. 126.

позднее утраченными дневниковыми записями, восстановил день за днем собственную историю, начиная с попыток получить разрешения на проезд в Финляндию и заканчивая нелегальным переход финской границы. На той стороне, как уже говорилось выше, «перебежчиков», автора и его сына Германа, задерживают, подозревая в шпионаже и, после многочисленных допросов, обманом отправляют обратно в Советскую Россию, под видом транспортировки на карантин в Териоки. Беженские сюжеты вскоре станут важной темой русской эмиграции, а частные свидетельства, оставленные в мемуарной литературе, сохранят многие подробности этого исхода. Роман А.Г. Пресса органично занимает свое место в этом контексте. В нем, помимо реалий, связанных с основным сюжетом, «мелькают» образы советских и иностранных чиновников времен красного террора, местных жителей бывших курортных районов, дачевладельцев, финских торговцев, молочниц, сторожей, крестьян. Зачастую события разворачиваются вокруг пограничной станции Белоостров. Автор, надолго став ее заложником, передает приграничную атмосферу весны-лета 1918 года.

Само название «Граница» несет на себе груз современных автору коннотаций[101]. Отметим, что уже возникавший в творчестве писателя мотив «границы» был связан в его ранней прозе с чертой оседлости и с проблемой антисемитизма. Характерны и ностальгические мотивы отчуждения знакомой географии — одно из значимых переживаний автора, связанное с сентиментальными воспоминаниями о дореволюционной патриархальной Финляндии. Так, например, символичен эпизод, где автор, заключенный в полицейском участке (шведская/немецкая комендатура), расположенном в старой даче, обнаруживает обрывки своей дореволюционной статьи, посвященной финским писателям: «Я нахожу на полу в мусоре разорванный номер “Нивы” с моей статьей о финской литературе. Я старался когда-то внушить русским любовь к красоте Финляндии и справедливости и честности финского народа. Вот моя работа — в грязи запачканная и разорванная сапогами немецких солдат… И я сам нахожу ее тут… Что за насмешка судьбы!»[102].

Как и в своей дореволюционной прозе, автор «воспроизводит» свои и чужие разговоры, предпочитая эту форму наррации и стремясь сохранить в тексте «необработанный» взгляд очевидца, изображающего крушение мира через мелкие детали. В подобной форме

[101] О трансформации понятий «границы», «своего» и «чужого», в особенности у беженцев в Финляндию, см., в частности: [6, с. 3–7].

[102] *Пресс А.* Граница (KK. Sl. Ms. 87.7. Л. 50).

Пресс усматривал традицию французской прозы. Размышления об этом присутствуют в его воспоминаниях, посвященных Кисемскому, второстепенному писателю второй половины XIX в. и другу литератора А.Н. Цехановича (1862–1896), автора романа «Петербургская Нана» (1894), снискавшего в свое время популярность.

> На мой вопрос, как он пишет, Кисемский мне раз ответил: — Я пишу сплошь разговорами! Описаний у меня почти нет, только диалог и реплики! — Это же театр! — заметил я с удивлением. — Нет! — воскликнул он — Именно не театр! В театре автора нет, а у меня роман, и я сам все время участвую в картине! — Это же еще хуже! Это — резонер в пьесе! — Ай, нет! Вы не понимаете! Резонера совсем нет! Но я сам живое, действующее лицо романа! Мои мысли, мои слова освещают картину!… Я все-таки не вполне его понял, но несомненно в его письме было нечто новое для нас! — Кисемский был, по-видимому, прав — я встретил впоследствии такую форму у французов — у Мюссе, «Un souper chez Rachel»[103], у Поля Лаведана, «Vreux Jeu»[104], у Абель Хермана (Herman),«Les transatlantiques»[105].

---

[103] «Ужин с Рашель» (*франц.*). Имеется в виду принадлежащий перу А. де Мюссе квази-документальный диалог, спонтанно возникший во время ужина с легендарной французской драматической актрисой (1839).

[104] Возможно, подразумевается роман «Le jeu nouveau» (1898) французского писателя Henri Lavedan (1859–1940).

[105] Роман (1897) французского писателя и драматурга Hermant Antoine Joseph Abel (1862–1950).

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. ПРЕСС. Граница. (*Фрагменты*)

1918. — Петроград. 20 апреля

<…> Финляндский вокзал похож на развалину — стекла в окнах выбиты, стены запачканы, буфет совершенно пуст, двери заставлены, один только выход и два солдата с ружьями охраняют его. Люди, однако, проходят. Билетная касса закрыта. Агент из ЧеКа кричит, пробегая: «Ступайте к коменданту!». Все бросаются туда. Один только вагон стоит на рельсах. Это — салон-вагон быв<шего> генерал-губернатора Финляндии[1]. Я влез в него первым. Комендант молодой унтер-офицер, на кожаном диване за столом, среди двух агентов, подписывает груду бумаг. — Что вам надо? — спрашивает он меня удивленно. — Я хочу ехать в Канерву! — Куда? — Канерву! — Финляндию? — Ну да! — Что вы, с ума сошли? Что ли? — Как? — А так! Разве вы не знаете, что граница закрыта! — Почему? — спросил я ошеломленный. — Почему? Это вас не касается! — Как меня не касается! У меня жена и дети там. — Тем хуже для вас! Я ничего не знаю! — Но мне сказали, что нужно ваше разрешение! — Да что вы привязались! Кто вы такой? — Я из Наркомпроса. Вот мои документы! Паспорт и пропуск! — Хорошо, товарищ, — сказал комендант, посмотрев подписи и печати — Но я ничего для вас не могу сделать! — Дайте мне все-таки разрешение! — Да куда вам мое разрешение! Что вы такое говорите! — воскликнул он. — Я же вам повторяю — граница закрыта! Финляндии больше для нас не существует! — Господа! Что же делать? — Я чувствую, что бледнею. Комендант смотрит на меня молча с минуту — затем берет у меня мои бумаги и на пропуске делает пером какой-то крючковатый знак — Приходите через два дня! — говорит он уже спокойным тоном. — Пойдет поезд а Белоостров, товарищ Геншель там поможет вам пройти границу. — Я выхожу из вагона, еле держусь на ногах. Меня окружает целая толпа. — Что он сказал? — Поезд пойдет послезавтра! — Куда? — У меня а руках бумага. Ближние рассматривают подпись. — Белоостров! — говорит какой-то господин а серой кепке. Все сразу отшатнулись от меня с досадой. — Конец Финляндии! — раздались голоса. Женщины стали креститься. Все-таки не все еще верили, не хотели расходиться, лезли в вагон. Солдат, охранявший вагон, закричал во все горло: — Прочь! Осади назад! — Я ушел с тоской. Я еще не мог сразу освоить всю глубину

поразившего меня несчастия… Но словно какое тяжелое предчувствие сдавило мое сердце. Словно серый туман застилал мне глаза… Вокзал показался мрачным… черным… Два голубя ворковали над крышей. Я поднял голову, они вдруг улетели и пропали в голубом небе... — Ах! Господи, Боже ты мой! Если б я только мог улететь с ними! …

28 апреля

Послезавтра поезд не пошел, в следующие дни тоже. Прошла так целая неделя. Между тем в город стали собираться беглецы из Финляндии. Усталые и замученные они имели жалкий вид. Они умирали с голоду. Мужчины, женщины и дети прибегали с границы, прячась по несколько дней в лесах. Рассказывали ужасы. Гражданская война, вспыхнувшая на западе и севере Финляндии, едва замечалась в остальной стране. Только сахар и масло стали раздавать по карточкам, но это не из-за красных. На Финляндском вокзале в Петрограде, говорили, был спрятан арсенал оружия, которое посылали восставшим в запломбированных вагонах[2]. — Иногда проносился по рельсам странный паровоз, серый и бронированный с русской надписью «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Но финны не читали по-русски. Затем в один прекрасный день все белые исчезли из пограничных деревень и местечек. Однако вот что произошло за несколько дней моего отсутствия. В этот самый вечер, как я уехал из дому[3], — распространился слух, что немцы и шведы под командой бывшего русского полковника[4] отбросили[5] красные войска и гнали их на восток — дрались уже под Выборгом. Паника охватила жителей. Поезд, отправленный на следующий день, был последний, шедший за границу… Он был набит семьями красных, спасавшихся из Финляндии. Люди сидели на крышах вагонов, цеплялись на буферах. Ночью началась канонада. То было 23-е апреля. Воздух был чист и прозрачен. Бледная полная луна поднялась над лесом. Белые появились на горах, красные бежали по берегу моря — дрались ожесточенно на полотне железной дороги[6]. Новая станция в Териоках была разбита и [подожжена][7], груда убитых в Куоккале, станция Оллила у границы сгорела дотла. Все полотно попало в руки белых. Дорога была отрезана. — Красные, спасаясь, бросились на лед, к Лисьему носу на русскую сторону, но лед был уже слаб и лопнул. Сотни людей потонуло. Было страшно глядеть. Других убивали пули белых. — Теперь, — сказал рыбак-финн, который сообщил мне все это, — разыскивают по лесам остатки красных и расстреливают их без пощады!.. Я слушал все это как

во сне, словно в кошмаре… — А что же с жителями стало? — Я не знаю, — ответил он, — говорят, их тоже расстреливают — и финнов, и русских… стреляют всех, кто не белый. В Териоках расстреляли учительницу русской школы… а в Келломяках даже пастор два дня лежал спрятанным под кроватью!... — Келломяки! Это же рядом с Канервой! Было сражение а Келломяках? — Не знаю!… Вероятно, было!… — Ой! — Я прямо обезумел… Я побежал со всех ног к Военкому… узнать правду… Но разве мне скажут правду?!

30 апреля

Я провел ночь в крайнем беспокойстве… Я ничего еще не узнал… Каждое утро я еду на вокзал и беседую там со всеми, но люди говорят мало… Жизнь словно остановилась, публики вообще мало, и те, кто еще приходят, как я, имеют удрученный вид… Впрочем, никто ничего толком не знает… <…> Я собрал еще несколько слухов. — В Куоккале дрались два дня. Пакгауз на станции был полон трупов. Убитые лежали на всех дорогах... Рядом с окровавленными телами сидели немецкие солдаты, приводя в порядок свой туалет, причесывались и гляделись в карманные зеркальца… Беглецы, бледные и голодные, протягивали руки под окнами домов, прося есть, и когда женщины давали им несколько картошек или корку хлеба, они убегали в лес, не сказав спасибо… выстрелы еще звучали со всех сторон — расстреливали беглецов в оврагах…[8] <…>

2 мая

Я сегодня был на границе. — Наконец мой поезд пошел, совсем маленький поезд — всего два или три вагона, полные солдат и агентов ЧеКа.

Из окна видна грустная картина — красивые и некогда веселые дачи и домики превращены в руины — окна выбиты, двери высажены, доски вырваны со стен… но весна ласкает уже зелень берез, ручьи блещут а траве, жаворонок поет… Солнце залило вагон… Беспокойство гложет мое сердце, но вдруг наступает минута передышки — мир природы будто смягчает мою боль… Мне кажется, что ничто не изменилось, что я спокойно возвращаюсь к себе домой, в любимую Финляндию… и я дышу легко… и я живу… Сон этот быстро проходит, но смутное чувство приближения к семье остается еще во мне… и волнует меня глубоко. Приехав в Белоостров, я бегу к коменданту. — Он наверху, на втором этаже в крошечной комнате — какой-то угол комнаты — за столом офицер лет 30-ти, щегольски одетый и гладко выбритый, интеллигентного вида, поет весело

по-немецки: «Du hast Diamanten und Perlen!» («У тебя бриллианты и перлы»). — Перед ним маленькая женщина в черном горько плачет: — Но пустите же меня к мужу! — говорит она. — Вы же знаете, сударыня, я не правитель Финляндии! — Но как же я буду жить без моих детей!.. — Женщина уходит, продолжая плакать.

Я обращаюсь к коменданту в свою очередь. — Вы товарищ Геншель? — Я! — Я рассказываю мое дело и представляю документы. — Он улыбается и гладит себе подбородок. — Хорошо! — говорит он. — Ну что же вы хотите? — Я хочу, чтоб вы помогли мне пройти через границу! — С удовольствием, — отвечает он веселым тоном. — Я представлю вас шведскому коменданту! — Благодарю вас! — воскликнул я. — Только видите, — продолжал он, — сегодня уже поздно!.. Невозможно разговаривать с ними! Мост будет закрыт весь день! Завтра тоже! Ну приходите так… через два дня! — Спасибо!

Я кланяюсь и ухожу, но комендант останавливает меня: — Я забыл вам сказать, — говорит мне, — чтоб пройти границу, надо иметь еще один документ — специальное разрешение от Комиссариата[9], где вы служите. И затем пусть поставит дату: «Май месяц»! Не забудьте!

Я ухожу. Комендант Геншель поет опять чуть насмешливым голосом: «Im Wandersihönen Monat Mai!» — «В чудном месяце Мае!». Господин в серой кепке и еще несколько человек поднимаются по лестнице. Полная тишина на станции — ни поезда, ни пассажиров, ничего… Разбитый фонарь... пулей… Тут, вероятно, дрались в Октябрьскую революцию… В буфете... но это только тень буфета… Чекисты и один стражник пьют чай с леденцами вместо сахару. В проходе курьезное объявление в раме, извлеченное, видимо, из жандармского управления: «Секретно! Всем пограничным агентам полиции и жандармам Финляндии строгий приказ охранять реку и принять все возможные меры, чтоб известный и весьма опасный политический деятель Александр Керенский не прошел через границу и не проник в пределы Российской Империи. — Означенный Керенский переходил уже границу много раз и занят открытой пропагандой против Императорского Правительства». — Подпись: “Помощник Начальника Жандармов” и т. д. — Какой странный документ! Он пережил Керенского на станции Белоостров. Кто теперь думает о Керенском!

Прежде чем вернуться в город, я пошел посмотреть мост. Граница — узкая речка «Сестра-река» по-русски, по-фински — «Райайоки» (пограничная) — всего каких-нибудь 30 шагов в ширину. <…> Два моста — жел<елезно>дорож<ный> наверху, другой для возов и пешеходов внизу. Оба пути на мостах загорожены — рельсы подняты

кверху — и на обоих мостах — словно гигантский еж из колючей проволоки. Маленький финский часовой с белой повязкой на левой руке стоит на берегу реки. <…>

15 мая

Застава спущена… Путники в зимних платьях, несмотря на жар и яркое солнце, ждут уже долго…. — Приготовьте ваши документы! — говорит мне тихо господин в сером костюме и шерстяных чулках. — Вы пойдете первым! — Не знаю! — отвечаю я также тихо. — У меня нет специальной рекомендации![10] — У меня есть, — говорит он, — от шведского консула! <…> Комендант Геншель разговаривает посредине моста со шведским офицером. Он говорит по-немецки <…> Я сделал несколько шагов, чтобы подойти к шведу, но вдруг позади меня раздался пронзительный крик. Какая-то женщина кричала по-русски <…>. Раздались еще крики. Сыщик в гороховом пальто, с саквояжем в руках кричит громче всех. — Товарищ Геншель стремительно бежит к мосту. <…> Заставу с русской стороны тотчас спустили. Я едва успел выскочить. Финны выкатывают железного ежа на мост. Застава финская тоже закрыта…

17 мая

Я снова в Белоострове. Надо же выяснить дело — можно ли пройти границу или нет. Подымаюсь по лестнице, как обыкновенно. Дверь к коменданту закрыта на ключ. <…> В буфете, который почти так же пуст, как в городе, прислуга-финка ничего не знает. Несколько агентов и стражников пробегают по станции. Когда их спрашивают, они молчат, словно не слышат, или отвечают неопределенными жестами… Я иду на границу. У моста железнодорожный сторож, карел, спокойно стирает белье в речке. — Где комендант? — спрашиваю я. — А чорт его знает, твоего коменданта! Он показывает мне кирпичную казарму на конце березовой аллеи. — Все черти там собрались! Верно и он там! Ступай! Комендант действительно там, но солдат у дверей меня не пропускает — У них собрание товарищей… — Подожди на станции! — говорит солдат, — через полчаса придет! — Он не пришел через полчаса, не пришел и через два часа. А поезд уже собрали — скоро надо ехать. — Впрочем, теперь поздно, — говорит маленькая модистка. — Сегодня уж не подымут заставы!.. Пришла женщина, что третьего дня устроила скандал и сорвала переговоры на мосту, и с нею сыщик в гороховом пальто… Они служат на таможне. Оба глядят на нас насмешливыми глазами… Ничего сейчас не поделаешь!.. Я поднимаюсь в вагон с омраченным духом…

18 мая

Станция Белоостров словно спит. Товарищ Геншель все в отсутствии. На сей раз его вызвали в Петроград по важному делу… Я обращаюсь к его помощнику. Худощавый, сухой офицер немецкого вида… — Я ничего не могу сделать без приказа коменданта! — говорит он. — Кроме того, финны не разговаривают со мной! — Что же делать?

25 мая

Наконец я его поймал, товарища Геншеля… Он сидит у себя за столом. — А! Это вы? — говорит он своим веселым тоном, словно ничего не произошло. — Однако, — сказал я с упреком, — вы же мне обещали провести меня через границу! — Ну да! С удовольствием! Но вы видали сами… <…> — Во всяком случае вот вам мое разрешение! — Я подаю ему кусок бумаги с печатями Комиссариата и подписью Наркома. Товарищ Геншель прочитывает все внимательно, затем говорит с большим удивлением: — Вам дали это? — Ну да! А почему вы спрашиваете? — Теперь никому больше не дают разрешений! — Но это хорошо! Очень хорошо! — Так этого достаточно? — В данную минуту достаточно, конечно! Но, видите ли, в ваше отсутствие я получил другой циркуляр… от военкома[11]. Границу нельзя пройти без военкома!.. — Боже ты мой, значит еще разрешение от военкома? Комендант смеется… — Но ведь так будет без конца! Вот уж май проходит! Комендант смотрит на меня круглыми насмешливыми глазами, потом начинает петь по-немецки «Im Wandersihönen Monat Mai!» — («В чудный месяц Май!»...)

26 мая

В коридоре Комиссариата я встретил сегодня тов. Бонч-Бруевич и тов. Ульянову[12]. Они шли, держа друг дружку под руку. — Вы не пошлете своих детей, — говорит мне Бонч-Бруевич, — в Детское село к тов. Луначарской?[13] — А зачем? — На каникулы! Там очень хорошо! Луначарская устроила образцовый интернат, говорят, в помещении великих князей… во дворце бывшего императора… Я послала туда свою дочь и очень довольна… — Спасибо! Но, сказать по правде, я небольшой поклонник интернатов… а затем у меня больше нет моих детей… — Как? — Они остались в Финляндии и меня не пускают через границу!.. Что вы! — Вот уже целый месяц нет писем от моей семьи… ни одного слова… Я не знаю даже, что с ними сталось… Они остались без денег… Я не знаю, что мне делать!.. Вдруг силы меня покинули… Я горько стал

плакать… — Ай! Что вы! Не падайте духом! — сказала Бонч-Бруевич с волнением — Откроют же границу… Вы скоро пройдете!.. Не плачьте так! Не убивайтесь!..

1 июня

Я провел ужасный вечер. Сыновья мои — воспитанники Академии художеств — сказали мне вчера: — Знаешь, мы нашли лососину! — После того, как мы ели собак и кошек — я никак не ожидал услыхать про лососину. Это все равно, как сказать тогда про белую булку!.. — Каким же это способом? — Ака[14] достал лодку на Петровском острове, и мы поедем на взморье! — Один наш товарищ там поймал уже лосося! За Крестовским! — Но там опасно! Течение сильное! — Будь спокоен! Мы поплывем тихонько! Они уехали рано утром… Уже наступал вечер — их еще не было дома… Я был вне себя… Я испытывал муки ада… Я упрекал себя горько, зачем я их отпустил… — Все это голод! Ни о чем не думаешь толком! Голова кругом идет! — Ох! Белые наши весенние ночи! <…> Но когда сердце сдавлено, можно умереть от печали… Этот белый свет усиливает беспокойство… Я ходил один по комнате, я лежал на всех кроватях, я прислушивался к каждому звуку, каждому шороху… Я не мог больше ни жить, ни думать… Наконец в час ночи они вернулись… <…> Они целый день провели на острове, из камышей вытащили шмонку, на которой какой-то татарин с молодой девушкой чуть не были унесены течением… Обедали на траве под ивами среди цветов… Был суп и кусок конины, который дал татарин... Был также хлеб и соль... А из-за течения невозможно было раньше приехать… Лосося не поймали, но привезли двух щук и букет белых кувшинок. <...>

7 июня

Второй сын мой поехал осматривать границу. Он прошел пешком по Левашову, чтоб поговорить с крестьянами и узнать, что происходит в деревнях. Земля перерезана траншеями и обтянута колючей проволокой, всюду солдаты… Но карельские солдаты рассказывают, что границу проходят по обе стороны от Белоострова! Направо от заставы пройти легче, так как воды там меньше и другой берег не так обрывист…

10 июня

… Решено — мы перейдем сами границу — совсем просто — пешком… Мы пойдем вдвоем — я с Гермашей … Ака останется дома ждать известий от нас… Я сказал дворничихе, что мы едем на дачу,

как обыкновенно. — Разве границу открыли? — Да, говорят, можно пройти!.. <…> У нас только маленький саквояж, чтоб не возбуждать подозрений. — На вокзале все по-старому — только разменная касса открыта — продают финские деньги. — Я сейчас же меняю все, что на мне, т. е. несколько сот рублей, и весело сосчитываю изящные финские розовые марки — Они выпущены белыми, — говорит кассирша. — «Красные» бумажки объявлены Финским банком недействительными. Вот вам номера! — Она дает мне листок с написанными карандашом номерами <…> Не покупайте выше этих номеров! <…> Приехав в Белоостров, мы прогуливаемся некоторое время по станции, затем отдыхаем на скамейке, словно ждем коменданта. Никто не обращает на нас никакого внимания, ни агенты, ни солдаты, ни таможенники. Меня хорошо знают — привыкли видеть меня на этом месте. — Наконец поездная прислуга уходит, пассажиры поднимаются к коменданту, агенты пьют чай в буфете — мы тихонько встаем и идем задумчиво к реке… Дорога поворачивает… Мы проходим казарму, школу, красные домики с разбитыми окнами… Нищий в лохмотьях проходит, не глядя на нас, затем тощая корова… Мы уже в деревне… вскоре совсем спрятаны в густой зелени прибрежных кустов. Это дает нам иллюзию свободы… <…> Но стало жарко… Птицы едва свищут… Мы тепло одеты по-зимнему, в тяжелых драповых пальто — наше летнее платье всё осталось в Финляндии. <…> Мы закусываем второпях в маленьком лесу, сидя на свежем мхе под соснами, мы жуем сухую воблу из столовки… Затем мы снова шагаем — нельзя терять времени на отдых. Я хорошо знаю местность, где можно пройти реку в брод. Поток делает извилину, и воды там по колено, но до этого места еще пятнадцать километров… Местность совершенно пустынна, не видать ни души… <…> Жарко, словно среди лета… — более 20°, наверное. — Наше суконное платье тянет к земле, как камень… Мы останавливаемся на каждом шагу, чтоб обтереть пот со лба и с лица…<…> жажда начинает нас мучить после соленой воблы… Это еще хуже, чем жара… <…> Граница, по-видимому, совсем не охраняется!.. Но в эту же минуты мы слышим отдаленные крики… Дорога свернула… Мы на широком шоссе… вскоре целый взвод русских солдат на лошадях проскакал галопом перед нами. Мы повернули налево. Показались домики по обеим сторонам шоссе. Все слышны голоса… Солдаты на лошадях и пешие встречаются на каждом шагу[15]. — Это дорога опасна, — говорю я сыну. — Нас в конце концов арестуют! Зайдем в дом.

Мы входим в первый попавшийся садик. Маленькая женщина, финка идет нам навстречу. — Нет ли у вас молока? — спрашивает мой сын. — Мы умираем от жажды! Женщина приносит нам тотчас большую крынку молока и две кружки. Мы садимся на камни в зелень акации и жадно пьем свежее молоко. — Вы из города? — спрашивает финка. — Да! Она приносит нам еще крынку. — Молока у нас довольно! — говорит она тихо — Хлеба то нет! — Как повсюду! — Мы платим ей за молоко очень недорого… Она честная женщина, и мы сидим еще несколько минут, пока всадники не ускачут подальше и пыль не уляжется на дороге… — А куда вы теперь идете? — спрашивает финка. — У нее такой прямой вид и глаза такие добрые, что я отвечаю просто: — В Лютахенту! (Luutahäntä). Она вытаращила глаза от удивления. — Что! В Финляндию? — Да! На финскую сторону! А отсюда далеко до Лютахенты? — Это не так далеко! Километров десять будет… только не ходите по шоссе… тут слишком много народу! — А куда надо идти? Она подводит нас к забору и показывает нам пальцем поворот шоссе, который пропадает вдали. — Выходя из деревни, вы увидите красный домик… Поверните сейчас налево и идите по тропинке в кусты — она приведет вас к реке, только не подходите к самому берегу… <…>

Наш проводник все время идет, скрестив руки позади, наконец он останавливается и говорит тихо: — Ну вот, пришли! Приготовьтесь теперь! — Я даю ему деньги. Затем мы подтягиваем подтяжки, которые висят на наших исхудавших плечах, застегиваем пальто. Проводник раздвигает кусты, пропускает нас вперед! Сам остается сзади. Мы в двух шагах от воды... <…>

В одно мгновение я спускаюсь в воду... до бедер — и иду прямо вперед. Но поток так силен, что я чувствую меня относит… Надо делать усилия, чтобы не упасть… Сын мой идет за мной… Я держу свой сак высоко над водой... Пальто тянет меня вниз, как камень… Вода поднимается… до пояса… до груди… Когда мы дошли до средины реки, сын мой Герман говорит мне совершенно спокойным голосом: — Часовой! <…>

Текст печатается по подлиннику, хранящемуся а Собрании рукописей Национальной библиотеки Финляндии (Sl. Ms. 87. 7).

[1] Последним генерал-губернатором Великого княжества Финляндского был Николай Виссарионович Некрасов (1879–1940) — кадет, министр Временного правительства, позднее репрессирован и расстрелян. Занимал эту должность с 4 сентября по 25 октября 1917 г.

[2] Ср.: «Одним из существенно провоцирующих факторов, способствующих развитию революционной ситуации в Финляндии, стал поезд, отправившийся из Петрограда а Тампере в конце января 1918 г. Он вез “подарок” Ленина финским трудящимся — около 15 тысяч винтовок и иное военное снаряжение. Красногвардейцы выставили вдоль пути следования свои посты для охраны состава, а шюцкоровцы на Карельском перешейке — для его остановки» [8, с. 99].

[3] Имеется в виду дача а Канерве.

[4] Барон Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867–1951) с января 1918 г. был назначен главнокомандующим финляндской армии, а 26 апреля (т. е. за два дня до приведенной автором записи) в ходе боев между «красными» и «белыми» занял Выборг.

[5] Бои в Выборге велись с января 1918 г., финским «красным» оказывали помощь русские красногвардейцы и анархисты. Завершение гражданской войны на Карельском перешейке относят к 15 маю 1918 г. и связывают с взятием руин форта Ино. Ср.: «В последние дни гражданской войны а Финляндии все мосты, ведущие через границу, были подорваны. Главным действующим переходом служил погранпункт Раяйоки, расположенный напротив железнодорожной станции Белоостров» [3, с. 83–84].

[6] Строительство нового вокзала и станции в Териоках было закончено к декабрю 1917 г. Речь, видимо, идет именно о станции. Вокзал значительно пострадал в Зимнюю, а затем практически был разрушен во Вторую мировую войну. См. об этом: [4, с. 10–11].

[7] Во фрагменте упоминаются курортные поселки: Terijoki (Зеленогорск), Kuokkala (Репино), Ollila (Солнечное).

[8] Отметим, что «белый террор» в Финляндии в 1918 г. с натуралистическими подробностями освещался в советских газетах, что имело свои пропагандистские цели в создании образа «врагов революции». Возможно, советская публицистика повлияла и на военные картины, изображаемые Прессом, которые он, по собственному свидетельству, записывал по слухам.

[9] В Иностранном отделе Комиссариата внутренних дел Петроградской трудовой коммуны выдавались пропуска, необходимые при пересечении границы до победы в гражданской войне белофиннов.

[10] Имеется в виду «доказательства необходимости выезда за границу», «подтвержденные различными организациями», что, как правило, было необходимо при получении заграничных паспортов, декрет о которых вышел 15 мая 1918 г. [10, с. 39].

[11] Н.Е. Врангель, в том же году готовясь к побегу, вспоминал: «Куда ни обращались, всегда оказывалось, что со вчерашнего дня право на выезд дает другое учреждение» [5, с. 387].

[12] Жена В.Д. Бонч-Бруевича Вера Михайловна Величкина (1868–1918) и сестра Ленина Мария Ильинична Ульянова (1878–1937).

[13] Первая жена наркома просвещения Анна Александровна Луначарская (ур. Малиновская; 1883–1959).

[14] Речь идет о втором сыне Аркадии Аркадьевиче Прессе (1892–1969) — художнике, скульптуре, в это время обучавшемся в Академии художеств.

[15] Вероятно, в этом эпизоде запечатлен вывод русских войск из Финляндии, который должен был осуществиться по мирному договору, заключенному между Германией и Советской Россией в марте 1918 г. На Карельском перешейке этот процесс продолжался вплоть до осени.

Литература

1. *Агафонова В.* Литовское семилетие Аркадия Бухова // Вильнюс. 1993. № 11 (130). С. 174–178.

2. *Базанов П.Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.). СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2015. 183 с.

3. *Балашов Е.* Терийокские пленники, 1939–1940. 2-е изд. СПб.: Гйоль, 2021. 196 с.

4. *Браво А.*, *Травина Е.* Зеленогорск. Терийоки: дачная жизнь сто лет назад. СПб.: Центр сохранения культурного наследия, 2022. 320 с.

5. *Врангель Н.Е.* Воспоминания: От крепостного права до большевиков / вступ. статья, коммент. и подг. текста А. Зейде. М.: НЛО, 2003. 506 с.

6. *Демидова О.Р.* Из России в Финляндию: Граница как экзистенциальная катастрофа // Российское зарубежье в Финляндии: Между двумя мировыми войнами: сб. научных трудов. СПб.: Сударыня, 2004. С. 3–7.

7. *Егоров И.В.* От монархии к Октябрю. Л.: Лениздат, 1980. 272 с.

8. *Невалайнен П.* Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939 / авториз. пер. с финн. Майю Леппя. СПб.: Коло, 2005. 448 с.

9. *Пресс А.Г.* Стружки. СПб.: Артистическое заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1908. 248 с.

10. *Рупасов А., Чистиков А.* Советско-финляндская граница. СПб.: Европейский дом, 2007. 222 с.

11. *Травина Е.* Комарово / Kellomäki. Морская сторона. Книга-путеводитель. (Дачная жизнь сто лет назад). СПб.: Центр сохранения культурного наследия, 2022. 256 с.

12. *Яковлева Н.А.* Финская дача в творчестве и биографии А.Г. Пресса // Опыт и небывалое в литературе и культуре / Experience and Non-Existence in Literature and Culture. Тарту: University of Tartu Press, 2022. С. 144–156.

Research Article and Publication of Archival Documents

From a Collegiate Secretary to a Soviet Emigrant: The Fate of the Writer Arkady Press and His Novel *The Border*

© 2025. Natalia A. Iakovleva
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is devoted to the description of the life path and characteristics of the creative work of the forgotten writer, Arkady Germanovich Press (1870-1952), who actively appeared in the St. Petersburg-Petrograd press with stories, novellas, translations, popular science essays, and reviews. He contributed to the journals *Niva*, *Zhivopisnoye Obozreniye*, *Zaduschevnoye Slovo*, and others, compiled textbooks on literature and law, and a series of small collections, Public Philosophy as Presented by Arkady Press, published by Soikin (Hobbes, Descartes,

Hegel, Kand, and others). Press finished his pre-revolutionary career in the Senate's legal department with the rank of court councilor. After 1917, Press served for a short time in the People's Commissariat of Education, including as head of the Public Library. In 1923, he and his family emigrated to Lithuania (and his surname was given the vocalization Presas), and in 1925 he moved to Finland, where he lived the rest of his life. Press described his post-revolutionary ordeals in Petrograd in the "novel" *The Border* (1931–1942), which is conditionally autobiographical in nature, like a number of his previous works. The appendix to the article contains fragments from this unpublished work by the writer.

Keywords: Arkady Press, biography of the writer, archival materials, the 1917 revolution, émigré literature.

Information about the author: Natalia A. Iakovleva, PhD, St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-1699-8102

E-mail: niakovleva@hotmail.com

For citation: Iakovleva, N.A. "From a Collegiate Secretary to a Soviet Emigrant: The Fate of the Writer Arkady Press and His Novel *The Border*." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 8–50. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-8-50

References

1. Agafonova, V. "Litovskoe semiletie Arkadiia Bukhova" ["Lithuanian Seven Years of Arkady Bukhov"]. *Vil'nius*, no. 11 (130), 1993, pp. 174–178. (In Russ.)

2. Bazanov, P.N. *Ocherki istorii russkoi emigratsii na Karel'skom peresheike (1917–1939 gg.)* [*Essays on the History of Russian Emigration on the Karelian Isthmus (1917–1939)*]. St. Petersburg, Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo Publ., 2015. 183 p. (In Russ.)

3. Balashov, E. *Teriiokskie plenniki, 1939–1940* [*Terijoki Prisoners, 1939–1940*]. 2nd ed. St. Petersburg, Giol', Publ., 2021. 196 p. (In Russ.)

4. Bravo, A., and E. Travina. *Zelenogorsk. Teriioki: dachnaia zhizn' sto let nazad* [*Zelenogorsk. Terijoki: Dacha Life a Hundred Years Ago*]. St. Petersburg, Tsentr sokhraneniia kul'turnogo naslediia Publ., 2022. 320 p. (In Russ.)

5. Vrangel', N.E. *Vospominaniia: Ot krepostnogo prava do bol'shevikov* [*Memories: From Serfdom to the Bolsheviks*], introd. article, comm. and text prep. by A. Zeide. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 506 p. (In Russ.)

6. Demidova, O.R. "Iz Rossii v Finliandiiu: Granitsa kak ekzistentsial'naia katastrofa" ["From Russia to Finland: The Border as an Existential Catastrophe"]. *Rossiiskoe zarubezh'e v Finliandii: Mezhdu dvumia mirovymi voinami: sbornik nauchnykh trudov* [*Russian Abroad in Finland: Between the Two World Wars: Collection of Scientific Papers*]. St. Petersburg, Sudarynia Publ., 2004, pp. 3–7. (In Russ.)

7. Egorov, I.V. *Ot monarkhii k Oktiabriu* [*From the Monarchy to October*]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1980. 272 p. (In Russ.)

8. Nevalainen, P. *Iskhod: Finskaia emigratsiia iz Rossii 1917–1939* [*Exodus: Finnish Emigration from Russia 1917–1939*], authorized translation from Finnish by Maiiu Leppia. St. Petersburg, Kolo Publ., 2005. 448 p. (In Russ.)

9. Press, A.G. *Struzhki* [*Chip*]. St. Petersburg, A.F. Marx Publ., 1908. 248 p. (In Russ.)

10. Rupasov, A., and A. Chistikov. *Sovetsko-finliandskaia granitsa* [*Soviet-Finnish Border*]. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2007. 222 p. (In Russ.)

11. Travina, E. *Komarovo / Kellomäki. Morskaia storona. Kniga-putevoditel'. (Dachnaia zhizn' sto let nazad)* [*Komarovo / Kellomäki. Sea side. Guidebook. (Dacha Life a Hundred Years Ago)*]. St. Petersburg, Tsentr sokhraneniia kul'turnogo naslediia Publ., 2022. 256 p. (In Russ.)

12. Iakovleva, N.A. "Finskaia dacha v tvorchestve i biografii A.G. Pressa" ["Finnish Dacha in the Works and Biography of A.G. Press"]. *Opyt i nebyvaloe v literature i kul'ture* [*Experience and Non-Existence in Literature and Culture*]. Tartu, University of Tartu Press, 2022, pp. 144–156. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 24.12.2024
Одобрена после рецензирования: 20.01.2025
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 24.12.2024
Approved after reviewing: 20.01.2025
Date of publication: 25.03.2025

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-51-94
https://elibrary.ru/SPOQNY

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Валерий Брюсов в воспоминаниях С.М. Соловьева

© 2025, А.Л. Соболев
Независимый исследователь,
Москва, Россия

Аннотация: Впервые публикуется мемуарный очерк о В.Я. Брюсове, написанный вскоре после смерти поэта его приятелем, символистом младшего поколения С.М. Соловьевым. Их литературные и человеческие отношения были непростые, что прямо отражено в очерке. В своем мемуаре Соловьев останавливается на середине 1900-х гг., времени наиболее тесного общения двух поэтов и обретения Брюсовым широкого литературного признания. Рассказывая ряд интересных жизненных историй, мемуарист в то же время старается показать становление Брюсова как главы новой школы русской поэзии и литературы, отводя ему примерно ту же роль, что столетием раньше выпало сыграть А.С. Пушкину. Вспоминая Брюсова в суете редакционных дел по журналу «Весы», книгоиздательству «Скорпион», в литературных и личных стычках и полемиках, в кругу семьи и в напряженных любовных коллизиях, Соловьев не забывает о главном — о том, что герой его очерка был прежде всего поэтом. Воспоминания печатаются полностью по авторской рукописи С.М. Соловьева, публикация сопровождена научным комментарием.

Ключевые слова: Валерий Брюсов, Сергей Соловьев, мемуары, русская литература начала 20 века, символизм, периодическая печать, биография писателя, литературный быт, архивные документы.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — независимый исследователь, г. Москва, Россия.
E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: *Соболев А.Л.* Валерий Брюсов в воспоминаниях С.М. Соловьева // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 51–94. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-51-94

Печатаемые ниже воспоминания Сергея Михайловича Соловьева (1885–1942) о Валерии Яковлевиче Брюсове (1873–1924) не принадлежат к числу вовсе неизвестных источников. Со ссылкой на «маши-

нопись в собрании Р.Л. Щербакова» они цитировались в биографии Брюсова, вышедшей за подписью Н.С. Ашукина и Р.Л. Щербакова [4, с. 655]. Фрагменты сохранившихся в собственном архиве Соловьева черновиков приводились в работе А.В. Лаврова [13, с. 376][1]. Мы берем за основу публикации рукописный беловик мемуаров, отложившийся в довольно неожиданном источнике — фонде А.М. Эфроса (РГБ. Ф. 589. Карт. 12. Ед. хр. 11). Вклад последнего в брюсоведение минимален и ограничивается, по сути, некрологической репликой в сборнике 1925 г.[2] Единственное в его архиве письмо И.М. Брюсовой относится к 1942 г. и, несмотря на содержащийся в нем отчет в подборе материалов («Наконец, разыскала Вам книги, что Вас интересуют. Простите, что вид их столь непривлекателен — дань времени. Chefs d'oeuvre имеется у меня только в одном экземпляре. Может статься, что разыщу еще, тогда я передам Вам, для Вашего знакомого, но сейчас не попадается больше»[3]), не приближает нас к разгадке появления в фонде манускрипта соловьевских мемуаров. Остается предположить или полностью оставшуюся недокументированной работу Эфроса над несостоявшимся сборником памяти Брюсова, либо просто череду случайностей, столь часто сопутствующих формированию архивных комплексов.

Печатаемые мемуары имеют отчетливый некрологический характер: под черновиком стоит помета: «29 октября, Надовражино»[4] — и архивисты обоснованно предполагают, что непроставленный в манускрипте год — 1924-й: это означает, что работа над ними была вчерне закончена через три недели после получения горестной вести. Сам жанр хроникальных записей в сочетании с корректной и обстоятельной манерой Соловьева-мемуариста избавляет публикатора от необходимости предварять текст очерком истории отношений автора и героя. За пределами воспоминаний остались лишь несколько эпизодов этого почти двадцатипятилетнего знакомства.

В позднем письме к вдове Брюсова, договариваясь о подготовке к печати неоконченного перевода «Энеиды», Соловьев, почти между делом говорит, что ему «кажется уже суждено быть зам-Брюсовым»[5]. Это чуть не впервые прямо сформулированное ощущение невольно-

[1] См. также предисловие А.В. Лаврова, предпосланное книге воспоминаний Соловьева: [22, с. 9–12].

[2] Книга для чтения по новейшей русской литературе / сост. В. Львов-Рогачевский. Л.: Гос. изд-во, 1925. Т. 2. С. 213.

[3] Письмо от 27 ноября 1942 г. // РГБ. Ф. 589. Карт. 20. Ед. хр. 48. Л. 1.

[4] РГБ. Ф. 696. Карт. 3. Ед. хр. 7.

[5] Письмо от 4 декабря 1928 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 155. Ед. хр. 16. Л. 3. Подробнее оно цитируется в прим. 110 к тексту воспоминаний.

го двойничества многое объясняет в их односторонне неровных отношениях. Рассыпанные по переписке отзывы Соловьева о Брюсове полны чувства недобровольного подчинения. «Весь месяц я провел в неприятнейшей борьбе с “великим магом”, который пустил несколько бомб, необыкновенно разрушительных», — писал он Блоку в середине осени 1904 г. — «План кампании мага Валерия был следующий, поистине блестящий: обезоружить меня, заставив меня влечь в бездну за собой ту особу, роль которой в моей жизни я считал конченной»[6]. «Простите мне ради Бога мою низость — я написал о Вас по приказу, то, что буквально продиктовали мне…»[7], — спустя несколько лет извинялся он перед Буниным за глумливую рецензию в «Весах». С этим выпукло контрастируют написанные в те же годы мадригалы «Ты, Брюсов, не был бы унижен…» и «Ты, Валерий, Пушкина лиру поднял…». Тот же психологический казус, вероятно, лежит в основе эпизода, по сути, небывалого: в предисловии к своему третьему сборнику стихов Соловьев помещает подробный разбор брюсовской рецензии на второй[8]. На той же линии — гипертрофированно эмоциональная реакция Соловьева на случай, вчуже представляющийся незначительным: оставив «Весам» для публикации десять стихотворений и не дождавшись реакции, он отдал два из них в другой журнал, где они были напечатаны. Выяснилось, что они же были отобраны и «Весами», на что Брюсов ожидаемо попенял в несохранившемся письме. Соловьев отвечал многостраничным памфлетом, завершив его:

> Продолжать переговоры с Вами я могу только по выяснении некоторого икса в Вашем письме. Что разумеете Вы под «нарушением добрых литературных обычаев»? Выражение неопределенное, в него можно вкладывать различное содержание. А вот уже яснее: «Вы позволили себе некорректность». Позволил, значит: сознатель-

---

[6] Недатированное письмо (первая половина октября 1904 г.): [18, с. 378].

[7] *Бунин И.А.* Биографические материалы. Воспоминания. М.; Берлин: Директ-медиа, 2017. С. 42.

[8] *Соловьев С.* Цветник царевны. М., 1913. С. IX–XV. На это обратил внимание один из рецензентов: «<…> нам кажется, что лучше было бы для г. Соловьева не печатать своего длинного предисловия и не вступать с г. Брюсовым в пререкания о художественном достоинстве своих стихов» (*Шмидт В.* <Рец. на:> Сергей Соловьев. Цветник царевны. М., 1913 г. // Русская мысль. 1913. № 10. С. 366). Занятно, что, кажется, единственный среди критиков апологет Соловьева, Н.А. Фольбаум, хотя и не отрицает зависимость Соловьева от Брюсова, отдает ему преимущество: «Сергей Соловьев во многом напоминает Брюсова, каким тот был в “Urbi et orbi”. Но если сравнить его с тем, чем сделался Брюсов в книжках “Современного мира”, то, пожалуй, Соловьеву придется отдать пальмовую ветвь. Я с искренним восторгом приветствую книгу Сергея Соловьева» (*К. без С.* Книжная витрина // Заря. 1907. № 207. 30 апреля. С.3).

но совершил. Что же совершил? Послал стихи зараз в две редакции? Это называется не некорректность, а — мошенничество.

Я был очень удивлен, что, несмотря на давнее наше знакомство, Вы не то подумали, не то сделали вид, что подумали обо мне столь дурно. Действительно, одно из двух: или я жертва ошибки, и тогда следовало Вам говорить со мной в менее оскорбительных выражениях и не делать мне нотаций, от которых я отвык с тех пор, как покинул школьную скамью. Или же я — мошенник, но тогда неуместна подпись: Ваш дружески.

Теперь: в чем предлагали Вы мне извиниться: в рассеянности, неаккуратности или в сознательном обмане? На первое я готов только в том случае, если и редакция извинится в том же самом заодно со мною. На второе я отвечать не стану. Мое имя слишком чисто, чтобы я за него боялся[9].

Градус этих отношений естественным образом снизился к середине следующего десятилетия — хотя еще в 1916-м Соловьев писал приятельнице: «Бои давать я не перестал, но пока они происходят в моем кабинете. Пишу сейчас против Брюсова <…>»[10]. После долгого перерыва они увиделись уже в начале 1920-х годов. 19 декабря 1922 г., сообщая Белому московские новости, Соловьев писал: «Брюсов очень жалок. Про него хочется сказать «лежачего не бьют»»[11]. На этот момент они были коллегами — но вновь, как и в эпоху «Весов», над их союзом лежала тень благодеяния старшего младшему: Соловьев состоял преподавателем в управляемом Брюсовым институте. Впрочем, и закатные дни их отношений не обошлись без надрыва: Соловьев был уволен от преподавания и требовал ответа: «[о]тменяется ли в Институте самый предмет латинского языка или курс поручается другому преподавателю»[12]. Несколько месяцев спустя Соловьев находился среди многотысячной толпы, провожавший гроб Брюсова на Новодевичье.

Воспоминания печатаются по рукописи (РГБ. Ф. 589. Карт. 12. Ед. хр. 11) без изъятий. Общеизвестные имена и понятия не комментируются.

---

[9] Письмо от 7 сентября 1907 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Л. 17–19. Речь о стихотворениях «Ты взманила к вешним трелям…» и «Тают тайные печали...», напечатанных в «Перевале» (1907. № 7. С. 27–29) и «Весах» (1907. № 8. С. 9–10, 13–14).

[10] Письмо к Н.А. Врангель-Левицкой от 21 декабря 1916 г.: [19].

[11] Письмо С.М. Соловьева к Андрею Белому // Опыты. Нью-Йорк, 1953. Кн. 2. С. 187.

[12] Недатированное письмо // РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Л. 32.

С.М. Соловьев

Валерий Брюсов эпохи «Urbi et orbi» и «Венка»

Если начало 19 в<ека> в поэзии отмечено именем Пушкина, а конец его именем Фета, то возрождение русской поэзии в начале 20-го века имеет в Брюсове своего единственного начинателя и завершителя. Перед ним стоит Бальмонт, за ним следует Блок, но эти типичные романтики, чистые лирики и импрессионисты, не могли создать эпохи и школы, как создал Брюсов, поэт мысли, классик по форме, ученый изыскатель, организатор и администратор. На заре моей жизни я был совершенно раздавлен могучим гением Брюсова, на несколько лет мог быть только его подражателем, и с трудом выбирался на собственные пути в поэзии. Прошли года, отношение мое к Брюсову стало объективным. Делались ясны его недостатки, особенно при наведении на его стихи лучей поэзии Тютчева и Боратынского, но и теперь, открывая лучшие страницы его книг, поражаешься силой и самобытностью его таланта и возмущаешься несправедливостью тех, кто, так много получив от Брюсова, готовы лягать копытом мертвого льва.

Близость моя с Брюсовым относится к 1904–1905 гг., впоследствии мы разошлись и не видались около 10 лет. Но в том седом человеке, с которым я встретился 3 года назад, я узнал много мне дорогого и хорошего. 3 года я работал у него в Институте[1], а когда увидел в гробу его заостренное, как у летящей птицы, лицо, увидел этого сожженного и упавшего Икара-Фаэтона —

Тогда, Кронион, суд исполни
И гибелью покрой мой стыд:
Пусть, опален зубцами молний,
Паду к ногам океанид![2]

— много встало теней, и с благодарным и грустным чувством я делюсь с читателями воспоминанием о моей встрече с Брюсовым на рубеже «Urbi et orbi» и «Венка»[3].

I.

Когда я был гимназистом, в Московском обществе стало известно, что есть молодой скандалист Брюсов, написавший «О, закрой свои бледные ноги»[4]. Всеобщему глумлению над Брюсовым способствовала и рецензия о «Русских символистах», написанная в «Вестнике Европы» моим дядей В.С. Соловьевым[5]. В.С. преду-

преждал молодого символиста, что «потворствование низменным страстям не приведет к добру» и что, начав с заглядывания в женские купальни, поэт начинает страдать манией величия: уже река представляется ему «саркофагом», а он сам — «великим человеком». Вскоре после этого Соловьев умер[6]. И в «Русском архиве» появилась статья Брюсова «Поэзия Владимира Соловьева»[7]. И что же? Молодой поэт не только не воспользовался случаем отомстить своему суровому и не совсем справедливому критику, но скромно склонился перед его судом. «В последнее время за Соловьевым признавали право учить», заканчивает Брюсов свою статью. «Очень жаль, что замолкли эти столь нужные нам поучения. Но вспомним, что он сам видел божественную необходимость и справедливость даже в выстреле Дантеса, «разрушившем божественный фиал, как сосуд скудельный»[8].

Такое благородство со стороны известного «хулигана» и «скандалиста» весьма тронуло моего отца, и скоро Михаил Сергеевич, человек строгий, замкнутый, с аскетическим складом Марка Аврелия, стал частым гостем в квартире Брюсова на Цветном бульваре, а Брюсов появился у нас за вечерним чайным столом[9]. Мне шел тогда 16-й год, интересы мои были направлены совсем в другую сторону, и я обыкновенно уходил, когда появлялся Брюсов, произведший на меня сразу неприятное впечатление. Брюсов подарил моему отцу свою книгу «Tertia vigilia» и читал ему свои стихи из готовящейся книги «Urbi et orbi»: Habet illa in alvo[10], Еще я долго поброжу по бороздам земного луга[11] и жуткое стихотворение о любовном свидании с покойницей[12], которое Брюсов обыкновенно преподносил в салонах pour épater les bourgeois[13]. Конечно, Брюсов, вел себя с моим отцом очень скромно и тактично, он старался ему понравиться и достигал цели. Помню одну фразу Брюсова у нас за чаем: «представьте себе, цензура вычеркнула у меня один эпиграф, из кого бы Вы думали? из Фомы Кемпийского!»[14]. Когда мой отец прислал Брюсову 3-й и 4-й тома сочинений В. Соловьева, с «Великим спором» и «Историей теократии», Брюсов отозвался весьма прочувствованным письмом, где писал, что с жадностью принялся за чтение этих томов, что они ему ближе и интереснее, чем два первых, чисто философских[15].

Когда через несколько лет мой отец заболел смертельной болезнью, Брюсов прислал письмо, где высказывал надежду на скорое выздоровление и между прочим заявлял: «Михаил Сергеевич не может умереть, так как мне надо о многом, многом с ним поговорить»[16]. И странно, что этот на все пуговицы застегнутый, черствый

и резкий молодой человек у гроба моего отца держал себя взволнованным и почти плачущим ребенком[17]. В «Новом Пути» Брюсов напечатал весьма краткий и сухой некролог моего отца, но за этой сухостью можно было угадать многое[18].

Прошло полгода. Однажды в октябрьский вечер слышу в передней оживленный, захлебывающийся голос Андрея Белого и чьи-то редкие реплики. В кабинет вошли Белый и Брюсов. Последний положил передо мной том «Urbi et orbi», в белой обложке, с крупными золотыми буквами. Я начал ему читать свои стихи. Брюсов кое-что снисходительно похвалил, но заметил: «в них мало того, что я особенно ценю: искусства». Тут же прочитал одно свое стихотворение, и все, что я писал, показалось мне детским лепетом. Я погрузился в изучение «Urbi et orbi», и могу повторить слова Блока из письма ко мне: «Urbi et orbi начало раздирать нас пополам, но половинки склеиваются»[19]. Трудно и радостно было поверить, что в наши дни, дни Фофанова и Минского, живет поэт, как были поэты раньше, может быть Боратынский, а, может быть, и Пушкин, живет он на Цветном бульваре, можно к нему ходить и слушать его новые стихи. И я ходил к нему по утрам и иногда засиживался до обеда. Очарование было уже в самой квартире Брюсова, уютной, комфортабельной, очень простой и скромной. В кабинете — несколько шкафов книг: отдельные полки посвящены литературе по Пушкину, литературе по Вергилию, а внизу виднеются толстые серые фолианты по средневековой магии. На шкафу одна мраморная головка из Флоренции, над столом — большой неизвестный портрет Владимира Соловьева, загадочно смотрящий зачарованными глазами[20]. У Брюсова во всех движениях — отчетливость, выделка, экономия. Цепкие пальцы летают по полкам, моментально достается нужная книга, прочитывается цитата, и книга опять на месте. В отношения вносила милую ноту жена Брюсова, маленькая, круглая, домовитая Жанна Матвеевна. Она — чешка, и в доме стиль не русской, а европейской аккуратности и комфорта. Иногда приходит свояченица Брюсова, веселая и легкомысленная Бронислава Матвеевна, воспитанная в католическом пансионе[21]. Одним словом — «дом Матвея», который описан в «Огненном ангеле». За обедом оказывается, что Брюсов не ест мяса. В то время он и не курил, и не пил вина. Иногда у него останавливался странник, одетый по-мужицки, поэт Добролюбов, говоривший на о и называвший Брюсова «брат Валерий»[22]. В папках хранились начатые рукописи. В отсутствие Брюсова Жанна Матвеевна однажды украдкой дала мне читать рукопись готовившегося «Венка».

Придешь, прочитаешь Брюсову ряд стихов. Он их мгновенно уничтожит своим едким анализом, окончательно добьет двумя-тремя стихами из Пушкина, потом неохотно ~~вынет листок бумаги и~~ прочтет (чаще всего наизусть) одно свое новое стихотворение: «Медея», «Конь блед»[23]. Такое совершенство, что молчишь и думаешь: «а, может быть, это второй Пушкин?». Я решаюсь критиковать один стих:

Засыпать в тиши семейства,
Как простой жене раба[24].

«Есть вариант», замечает Брюсов, «быть рабой твоей, судьба!»

«Много Вы пишете», обидно обращается ко мне Брюсов, «я вот за два последних месяца написал всего одно стихотворение "Конь блед", но надо еще над ним поработать».

Разговор идет совершенно внешний, формальный, но вдруг Брюсов «разверзает уста», и целый мир: страсти, ужасы, страдания, нежности — возникает и втягивает в себя волшебной силой.

Иногда Брюсов читал мне Боратынского, которого знал почти всего наизусть, и своим отчетливым, певучим чтением впервые открывал и объяснял мне то или другое стихотворение. Лучшего чтения я не слыхал. В одну ноту, выделяя каждое слово, напряженным голосом он читал:

И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь[25]

и вдруг бросал: «а оно». «Вы понимаете, что оно? Тело, о котором упомянуто раньше».

Выходишь на улицу и чувствуешь, что все в душе смято и опрокинуто, юношеское миросозерцание колеблется, все написанное кажется хламом, хочется учиться, стать таким же тружеником, мастером, как волшебник, сидящий в квартире на Цветном бульваре.

II.

В сентябре 1904 г. я студентом 1-го курса первый раз зашел с Белым в редакцию «Скорпиона», в Метрополе, на Театральной площади. В верхнем этаже, в небольшой комнате, один, среди груды иностранных журналов и корректурных листов, постоянно

тревожимый звонком телефона, сидел Брюсов, в самом центре Метрополя, этого американизованного дома-небоскреба, какие тогда еще только подымались в Москве. Это было вскоре после нашего поражения под Ляояном[26]. Брюсов был исключительно поглощен Японской войной.

Борьба не тихнет. В каждом доме
Стоит кровавая мечта,
И ждем мы в тягостной истоме
Столбцов газетного листа[27].

Он говорил, что если будет заключен позорный мир, он напишет стихи с эпиграфом из Тютчева:

Нет, мера есть долготерпенью,
Безумству также мера есть…
…
Не все же можно перенесть![28]

Он злобно бранил Куропаткина[29] за его военную бездарность. Я начал оправдывать его общими фразами о плохом состоянии войска, трудности сообщения, недостатке снарядов и т. д. Брюсов пожал плечами: «если бы все было идеально, то вероятно и я бы разбил японцев, хотя я плохой полководец». Затем начал жаловаться на трудности своего положения, на свою одинокость в работе над «Весами». «Мне бы нужен был человек, во-первых, знающий французский, немецкий, английский и итальянский языки, во-вторых…» и т. д. Скоро такой нашелся в лице грека М.Ф. Ликиардопуло[30]. Мы вышли на улицу. Мальчик-газетчик выкрикивал какое-то поразительное известие с театра войны. Брюсов быстро ловит газетный листок и со злобой ударяет по нему пальцем: «Вот как они надувают! Смотрите!», и он начал разбирать крупные слова, как какой-нибудь филологический текст. «Два слова выкидывают, прибавляют одно, и получается вздор».

Белый тогда, окончив физико-математический факультет, поступил на первый курс филологического факультета. Брюсов недоумевал: «Да зачем, Борис Николаевич? Уехали бы в какой-нибудь немецкий университетский город и учились бы! Что Вам может дать Московский филологический факультет?»

В один сентябрьский вечер Брюсов пригласил нас с Белым к себе на поэтическое собрание. Были еще Балтрушайтис, Ходасе-

вич, Максимилиан Шик и Малицкий[31]. Мы с Белым пришли раньше всех и с братом поэта Александром Яковлевичем[32] поджидали в кабинете Брюсова, который одевался. Он вошел в кабинет, руки его сильно пахли одеколоном. Духов Брюсов никогда не употреблял, не любил и цветов, предпочитая им простую зелень. Собрались гости, зашел философский разговор. Впрочем это был не разговор. Брюсов говорил монолог и доказывал множественность совершенно неведомых миров. Видя, что спор не завязывается, он обратился к угрюмо молчавшему Балтрушайтису. «Что Вы не говорите, Юргис?» — и с милой улыбкой «ведь это Ваша тема». Но Балтрушайтис не пошевелился.

Перешли в столовую. Брюсов угощал всех бутербродами, и когда кто-нибудь скромно брал один бутерброд, властно и внушительно говорил: «еще!». Если отказывались, Брюсов с напряжением повторял: «еще!», и отказаться не было возможности. И вдруг все стало волшебным. Раздались звуки «Орфея и Эвридики»[33]. Рыдающие звуки любви, которая силится проникнуть в царство мертвых, вызвать оттуда дорогую тень.

Верь мне, верь мне! У порога
Встретишь ты, как я, весну.
Я, заклявший лирой бога,
Песней жизнь в тебя вдохну.

Но Эвридика ускользает во мрак и пустоту:

Я не смею, я не смею,
Мой супруг, мой друг, мой брат!
Я лишь легкой тенью вею,
Ты лишь тень ведешь назад.

Выразив свое восхищение, один из слушателей начал возражать Брюсову, что любовь действительно может победить смерть, может воскресить мертвых. «Нет, нельзя, нельзя» отчетливо настаивал Брюсов, как перед тем он говорил о бутербродах: «еще! еще!». И новая рыдающая песня любви «Ариадна»:

И сердце в первый раз изведало,
Что есть блаженство на земле,
Когда свое биенье предало
Тебе — на темном корабле[34].

Музыка волшебника Клингзора окончательно покорила всех присутствовавших Эшинбахов и Офтердингенов[35]. Потом я читал «Дафну», «Видение св. Бернарда» и мелкие стихи[36]. «Хорошо пишете, С. М.», как-то сердито заметил Брюсов, и нельзя было понять, что здесь, похвала или ирония. Потом читал Белый из «Золота в лазури»[37]. Брюсов был восхищен и говорил: «Продолжайте, продолжайте, Борис Николаевич. А мы будем вас слушать, как звери слушали Орфея». Максимилиан Шик читал немецкие стихи, начинавшиеся: «Wie die trunkende Bajaderen»[38]. Брюсов похвалил и заметил: «а что рифма einst и du weinst[39] обычна в немецких стихах, или это Ваша собственная рифма?». Шик скромно сознался, что рифма эта обычная. Балтрушайтис и Ходасевич весь вечер не проронили ни слова.

III.

Этой осенью я часто по вечерам встречал Брюсова у Белого. Однажды я застал там и приехавшего из Парижа Макса Волошина. Волошин читал стихи[40]. Брюсов нападал на него за то, что он вместо «феи» говорит на иностранный лад: «фэи»[41]. «Феи, феи», кричал Брюсов, «а это что у Вас за слово? такого слова по-русски не существует». — «А почему бы ему», потупился Волошин, «не начать существовать?» — «Потому что есть другое русское слово, а этого слова не должно существовать». Брюсов делался все раздражительнее. Он покорял нас своими политическими стихами: казалось, ожила форма политических стихов на злобу дня, чего мы не видали со времен Пушкина и Тютчева. В то время революционные круги приветствовали стихотворение Брюсова «Кинжал»[42]. «Чтобы прекратить эти восторги, я написал вот что», — и Брюсов властно махнул рукой, как консул, подавляющий восстание.

Теперь не время буйным спорам,
Как и веселым звонам струн.
Вы, ликторы, закройте форум!
Молчи, неистовый трибун![43]

Нам, большим в то время романтикам, было непонятно, что Брюсов так увлекается политикой и даже произносит речи в Городской Думе[44]. Но сам Брюсов придавал этой своей деятельности большое значение и повторял стих Тютчева:

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное![45]

По поводу известия об одном жестоком сражении, когда Белый воскликнул: «ужасно! ужасно!», Брюсов гневно загремел: «Что же ужасно? А Вы как себе представляете? Война не то, что рисуется на батальных картинках! Штык вонзается в мундир, затем в рубашку, затем в тело… Но я готов воздвигнуть алтари безумию и ужасу и приносить на нем жертвы, бескровные» затем после паузы, задумчиво, с зычным <?> воркованием: «и кровавые». Конечно, в таких фразах Брюсова было много деланности и риторики, но на гимназистов и студентов 1-го курса они действовали сногсшибательно, и это действие Брюсов учитывал, вербуя свои легионы. И, задав страху, на всех накричав и всех разбранив, он вдруг набрасывал покрывало над зазиявшей пропастью, и начинал услаждать нас каким-нибудь латинским стихом из Вергилия.

Около 4-х часов обыкновенно можно было застать Брюсова в редакции «Скорпиона». Здесь происходили самые интересные разговоры; он затрагивал какую-нибудь острую тему, недоговаривал и загадочно улыбался. «Я Вас люблю за то, что Вы человек очень соблазняющийся», говорил он мне; затем он обращался к Белому: «а ведь Вас я одно время считал Алешей Карамазовым». Шутя он сравнивал меня и Белого с Орестом и Пиладом, с Розенкранцем и Гильденштерном (себе оставляя почетную роль принца Гамлета). «Вы знаете, что когда Орест умер и сошел в ад, Пилад пожелал покинуть для друга Элисейские поля и пребывать в аду». «Кто же из нас будет в аду?» спросил я. Брюсов смерил нас взглядом. «Я думаю, в аду будет…» взгляд его нежно остановился на Белом — «Борис Николаевич». В то же время он написал стихи к Белому, где от лица Локи обращался к Бальдеру:

Вскрикнешь ты от жгучей боли,
Вдруг повергнутый во мглу.
…… я в бреду
Буду петь с моей Сигиной:
«Бальдер! Бальдер! ты в аду»[46].

Он особенно любил скандинавскую мифологию. «Заметьте, во всех религиях свет в конце концов побеждает тьму, и только в скандинавской мифологии торжествует мрак». Мы шли около Метрополя. «А если бог восторжествует над злом?» спросил я. «Не

хочу тогда жить» — отвечал Брюсов, подняв голову, «пусть я умру тогда последней смертью. Ведь такая есть?»

Как-то мы сидели в его кабинете. «Скажите мне, Валерий Яковлевич», обратился я к нему, «Вы-то верите, что Христос воскрес?» Он грустно склонил голову. «Ну, конечно, С.М.», устало произнес он, «Христос воскрес, Бог победил дьявола, но я-то не хочу становиться на сторону победителя и сильнейшего. Правда, я говорю романтически, но меня всегда возмущало, что Бог обманывает дьявола. Ведь и в "Фаусте" Гете в конце концов Мефистофель остается в дураках. Да, да, Бог надувает его»[47]. И глубокая обида, сочувствие и жалость к Мефистофелю слышались в его голосе.

В начале 1905 г. у Брюсова с Белым произошла ссора. Брюсов весьма неделикатно выразился о Мережковском и повторил о нем гнусную и невероятную сплетню. Дело дошло до вызова на дуэль[48]. Друзья поэтов старались предотвратить этот исход. Однажды, в зимних сумерках я увидел, что по двору ко мне идет Брюсов. «Ну что? Все благополучно?» спросил я. Он изнеможенно опустился в кресло. «Все благополучно… ах, до скути благополучно[49]. Не дадите ли Вы мне бумагу и перо?» «Вот жаль перья плохие», заметил я. Брюсов стал рыться в перьях и пробовать их. «А вот хорошее перышко!» Он четко написал записку, сложил и просил передать ее Белому[50]. Затем принялся уныло роптать: «Современному человеку легко писать, но трудно убивать. А вспомните хоть Карла Великого, который едва умел нацарапать свое имя, а что ему стоило убить человека?»

Стихи Брюсова в то время были полны предчувствием смерти. В феврале мы собрались в редакции «Весов» слушать новую драму Брюсова «Земля». Драма эта меня немного разочаровала, от Брюсова я ждал большего. На чтении были: редактор «Скорпиона» С.А. Поляков, редактор «Грифа» С.А. Соколов с женой, писательницей Ниной Петровской, и Андрей Белый[51]. После чтения заговорили о предстоящем сборнике Брюсова «Венок». «Если меня не будет в живых, я поручаю издание Сергею Александровичу», обратился Брюсов к Полякову. В те же дни написаны дивные стихи: «Ахиллес у алтаря»:

Знаю я: во вражьем стане
Изогнулся меткий лук.
Слышу в утреннем тумане
Тетивы певучий звук.
Встал над жертвой облак дыма,

Песня хора весела,
Но разит неотвратимо
Аполлонова стрела.

В январе-феврале 1905 г. я дружил с Ниной Ивановной Петровской и бывал у нее почти каждый день. От нее я получал новые стихи Брюсова, написанные на листочках, пропитанных запахом модных тогда в Москве, очень душных духов Ideàl. Так я узнал «Ахиллеса у алтаря» и «Адама и Еву» — два стихотворения, где Брюсов достиг небывалой раньше и после того силы.

Раз, зайдя в редакцию «Весов», я застал Брюсова, очень возбужденным, за перемаранным, со множеством поправок листом. Среди работы, отрываемый звонками телефона, он лихорадочно писал стихотворение «Клеопатра», с характерной для него рифмой: «распят» и «аспид»:

Нет, как раб не буду распят,
Ты не будешь как раба.
Клеопатра! верный аспид
— Наша общая судьба.

Отчасти благодаря влиянию Нины Петровской, расположение ко мне Брюсова возрастало. Он предложил мне напечатать 5 моих стихотворений в 4-м сборнике «Северных цветов», и сам придумал для них удачный заголовок «Предания»[52]. Тогда же он привлек меня к печатанию рецензий в «Весах» — делу, которое я исполнял неохотно, так как здесь приходилось считаться с политикой литературного лагеря и наживать себе врагов в людях, никакой вражды к которым, ни личной, ни идейной, я не имел, между тем как в самом лагере «Весов» чувствовал себя случайным гостем. Однажды Брюсов зашел ко мне и, не застав дома, оставил том сборника «Знание», с запиской, где просил хорошенько разругать книгу для ближайшего номера «Весов» и кончал словами: «пора указать Горькому и К° их настоящее место». Я неохотно написал нескладную рецензию, которую Брюсов, не предупредив меня, переделал, вставил в нее свои фразы, отчего она получила вид совсем нелепый[53]. Когда я указал Брюсову, что не могу видеть свое детище в таком искалеченном виде, он уныло заметил: «да ведь Вы написали очень нескладно».

К весне 1905 г. наша дружба с Брюсовым усилилась до того, что мы соединялись с ним против всех остальных писателей. Раз, после обеда у него, мы вышли вместе на Цветной бульвар. Снег таял,

и фонари слабо мерцали в засиневшем небе. Брюсов взял меня под руку и, смотря вдаль, сказал: «Все-таки лучшее из стихотворений: “Еще в полях белеет снег, а воды уж весной шумят, бегут и будят сонный брег…”».

В ясные апрельские дни я приходил к нему обедать. Бронислава Матвеевна приносила желтые мимозы; Брюсов вбегал опоздавший, запыхавшийся, изнеможенный. «Какой день!» обращался я к нему. «Да, действительно», тряс головой Брюсов, «я его… выпил». После обеда он приносил за чай какую-нибудь книжку. В то время он очень советовал мне заняться переводом «Фауста», и я набросал несколько отрывков[54]. Говорили мы о том, как трудно передать несравненную песню Гретхен за прялкой: «Meine Ruh ist hin, Mein Herz ist schwer», и особенно «Und — ach! — sein Kuß!»[55] Мы сравнивали все русские переводы, и Брюсов особенно выделял перевод песни Гретхен у Веневитинова[56]. «Но как быть с этим «поцелуй», тут не обойдется без «струй», у всех них здесь «струй». А Вы знаете для перевода Байроновых стихов «Первый поцелуй» я должен был подобрать семь рифм к слову «поцелуй»[57]. А как хорошо у Веневитинова окончание: «И, умирая, еще лобзанья рвать»[58]. — «А какую сцену из «Фауста» Вы больше всего любите?» — «Да пожалуй, где Фауст с Мефистофелем летят мимо виселицы и видят хоровод ведьм».

Когда мы вышли на улицу, Брюсов вдруг исступленно воскликнул: «воздуху! воздуху! я задыхаюсь дома!»

Эту весну Брюсов был влюблен в тему «Антония» и долго развивал мне сюжет: Антоний, за минуту до победы, вдруг поворачивает корабль и устремляется за Клеопатрой, проиграв все свое дело. Вообще «Антоний и Клеопатра» была любимая его Шекспирова трагедия, которую он часто цитировал. Этот год он жил мыслью о Египте, ему грезилось, что он жил в Египте еще во времена гиксов[59] <sic!>, отсюда постоянная тема «Изиды», «Тота» и Клеопатры. После разговора с Брюсовым об Антонии, я скоро принес ему написанные мной на эту тему стихи. Брюсов очень был доволен. Начинались они так:

Слышишь весел взмахи мерные?
Дружно скрипнули рули:
Моему приказу верные
Отплывают корабли.
Там, за далями зелеными,
Мчатся римские суда:
То Октавий с легионами

Исчезает без следа[60].

Через несколько дней Брюсов прочел мне своего «Антония». Хотя мои стихи были написаны под Брюсова, но мы совершенно по разному разработали тему. У меня была картина и лирика, у Брюсова блестящее рассуждение:

Как нимб, любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя.
Блажен, кто ведал посмеянье,
И стыд, и гибель за тебя.

Никогда в жизни Брюсов не был таким напряженным и иступленным, как этой весной, никогда он не был таким типичным поэтом. В мае и он, и я постоянно встречали зарю на московских улицах, и эти часы рассвета весны 1905 сохранены в очень тогда любимых мной стихах Брюсова:

Как стадо пьяное кентавров,
Спят гости безобразным сном.
Венки из роз, венки из лавров
Залиты, смятые, вином.
Гремит случайная телега
По тяжким камням мостовой…[61]

В этот год написан «Венок» и окончательно задуман «Огненный ангел». Роман этот Брюсов замыслил давно, еще в ранней юности, у стен Кельнского собора:

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи.
Над померкшим старым Кёльном
Золотые нимбы света,
В этом храме богомольном
Взоры нежные твои[62].

Медленно, год за годом, роман этот зрел в уме Брюсова, он изучал литературу Средних веков, знаменитый «Молот ведьм», выдумывал сцены, подбирал типы, всматривался в старинные гравюры. Первоначально заглавие этого романа должно было быть

«Ведьма», и это заглавие было удачнее, чем «Огненный ангел», так как в центре романа стоит ведьма Рената, а не ангел Мадиэль[63].

В мае праздновался юбилей Шиллера, и Брюсов дал в «Весах» место трем балладам Шиллера в моем переводе[64]. На лето он уехал в Финляндию, где создал прелестный цикл стихотворений к Сайме[65]. Брюсов сознавал, что его талант стоит в зените, что дальше неизбежен склон вниз:

Взлечу, но к цели ослепительной
Вторично мне не вознестись,
И я с поспешностью стремительной
Всем существом впиваю высь[66].

IV.

Зимой 1905–1906 г. Брюсов был поглощен революционным движением. Он радовался революции, приветствуя ее как «лик Медузы»[67]:

Это колокол вселенной
С языком из серебра,
Что колышет миг мгновенный
Робеспьеры и Марà[68].

После громов декабрьского восстания появилась его книга «Венок», и в предисловии автор вздыхал: «Бедная моя книга! Многие оттолкнут тебя, сказавши: «не время»».

В эту зиму написано прекрасное стихотворение «Грядущие гунны», первую строфу которого Брюсов еще давно сообщал мне во время прогулки. Вообще в то время он творил медленно, — одно стихотворение зрело у него годами: создавалась одна строфа, постепенно обрастала другими строфами, иногда Брюсов долго носил в голове один замысел, иногда одну рифму; так стихотворение «Грядущие гунны» по-видимому запело с рифмы гунны — чугунный. И часто лучшие стихи Брюсова создавались годами. Бывало, спросишь его: «Ну, а как Ваш Erlkönig?»[69] «Да еще две строфы прибавилось». То же было и с прозой. Замысел романа «Ведьма» явился в молодые годы у стен Кельнского собора. Роман был уже анонсирован в «Весах» в 1907 г., а у Брюсова лежала только чистая рукопись, вверху которой было написано: «Ведьма»[70]. Но первые главы романа превзошли все ожидания. Мы знали Брюсова, как большого поэта, теперь открылось, что он такой же великолепный

прозаик. Казалось, перед нами вырастает новый Вальтер Скотт, новый Флобер[71].

Но в 1905–906 гг. я уже начал отходить от Брюсова, «выкарабкиваться из-под тяжести его стихов», как выражался Блок[72]. Этому освобождению много помог приезд в Москву барона Pierr'a d'Alheim, французского писателя[73]. Подобно Брюсову он был мистик и эстет, подобно Брюсову он жил в атмосфере Средних Веков; но вкус его был тоньше, мистика — чище и серьезнее. Он открыл мне Ронсара и поэтов плеяды, поддержал во мне и углубил мою всегдашнюю любовь к Мюссэ, которого презирал Брюсов, объяснил мне Винье, Ламартина, Бальзака. В то же время прилежное изучение Гомера и Софокла очищало мой вкус. Брюсов не любил Софокла. На мой вопрос, кого из трагиков Греции он предпочитает, Брюсов отвечал: «Конечно Эсхила. Терплю Еврипида, Софокла презираю». Поклонник Вергилия, он выражался об Овидии так: «Это был просто несносный болтун». Но чем больше вкушал я Софокла и Ронсара, тем более «кровожадность» и «сладострастные пытки» Брюсова казались мне грубы. Особенно оттолкнула меня книга рассказов Брюсова «Земная ось»[74], где местами он спускается до уровня какого-нибудь Мирбо.

Летом 1906 г. Брюсов пожелал навестить меня и Белого в подмосковном имении моей бабушки, под Крюковым[75]. Бабушка моя Александра Григорьевна Коваленская, известная детская писательница, была замечательной женщиной своей эпохи[76]. Хотя ей было за 60 лет, она сохраняла свежесть ума и живо интересовалась всем новым в искусстве. К Брюсову она относилась с большим предубеждением; не протестуя против приезда «учителя», как я шутливо называл Брюсова, она ожидала увидеть какого-то неприличного человека, развратителя юношей.

К вечеру Брюсов в соломенной шляпе въехал в ворота, осененные чуть желтеющими липами. Я сразу провел его в старую библиотеку XVIII в., с портретами и коричневыми рядами полок. «Не ободрал ли Вас извозчик, Валерий Яковлевич?» — «Ну, конечно, как новое здесь лицо, я переплатил». — «Что же он с Вас взял?» — «Рубль с четвертью». Мы, постоянные жители, никогда не платили менее полутора рублей, Брюсову сразу удалось выторговать четвертак.

Пошли гулять на пруд. Брюсов с Белым бегали наперегонки; видно было, что «горожанин» Брюсов желает в деревне вести себя по-деревенски[77].

За вечерним чаем Брюсов рассказывал о Швеции, откуда только что вернулся[78], говорил о шведском языке, и очень заинтересовал

мою кузину Марию Викторовну Коваленскую, переводившую со шведского[79]. Она была очень интересна в этот вечер, с красными цветами в распущенных черных волосах, и бабушка в тревоге следила за Брюсовым, ожидая, что «учитель» примется за свои «ласки» и «пытки». Но, конечно, было совсем наоборот. Брюсов не только был изысканно почтителен и с бабушкой, и с внучкой, но даже во всех спорах принимал сторону старушки против меня и Белого. «Нет, я совершенно согласен с Александрой Григорьевной: одно дело — форма, а другое — содержание». Я прочел новый лирический отрывок в ритмической прозе, от которой Белый раньше был в полном восторге. Брюсов нашел, что эта вещь никуда не годится, моя бабушка грустно с ним согласилась, и я сам, и Белый тоже согласились. Затем «учитель» «разверз уста». Он прочел цикл новых стихов: дивные «Сады Гесперид», «Фаэтон», картинки Швеции, где была рифма «Дарлекарлии» <sic!> и «состарили»[80], и о встрече Магдалины со Христом в саду[81]. Как сейчас слышу его голос, произносящий эти прекрасные слова:

Но души женщин не устанут
Как горный ключ точить любовь[82].

И в заключение настоящую песнь Клингзора, полную волшебства и ужаса:

И сквозь сумрачные сети, что сплели высоко буки,
Проходящий луч луны,
И в его волшебном свете чьи-то груди, чьи-то руки
Беззащитно сплетены[83].

Волшебный мир возник прельстительным миражом, Брюсов уронил голову и зловеще, выделяя каждое слово, закончил:

Голгофа кончена. Свершилось. Мы — в аду.

Моя бабушка была в полном восторге и не заметила ни «сплетенья рук», ни кощунственной «Голгофы».

Очаровав и пленив, Брюсов отправился спать во флигель. Прощаясь с ним, я рекомендовал его вниманию том латинских poetae minores[84] и оставил для просмотра тетрадь моих стихов. Мы разошлись спать по разным комнатам. На другое утро, за прогулкой, он много говорил о Швеции, о ее призрачности, о том, что она —

родина духовидцев, напр. Сведенборга. «А Италия Вам близка?» спросил я. «О, Италия много значила для меня в молодости, но не теперь. Латинская магия совсем другая, чем шведская. В Швеции все призрачно, а в Риме делают восковую куклу и ее прокалывают, как в эклоге Вергилия»[85].

Мы закусили яблоком в доме моих друзей, пожилых дочерей священника. Младшая из них, очень чуткая и нервная, вдруг пожелала поговорить с Брюсовым наедине[86]. После минутной аудиенции Брюсов вышел, очень задумчиво и заинтересованно смотря вдаль. Потом я узнал, что речь шла о его стихах и на восклицание: «какие у Вас страшные стихи!» Валерий Яковлевич ответил: «О, это только опушка леса! Можно написать и я напишу гораздо страшнее». Вообще он всегда говорил, что еще только собирается писать настоящие стихи. По дороге зашла речь о таинственном. Брюсов признавался, что у него есть один неодолимый страх: «Это — папоротник. Когда я в лесу набреду на заросль папоротников, я обращаюсь в паническое бегство. А знаете какое печатное слово я впервые прочитал в детстве? Это было слово: чума. Я боялся чумы, от меня про нее скрывали, и вдруг я прочел в газетах: чума. В ужасе я побежал к родителям, с криком: чума! чума!».

От учителя гимназии Поливанова, где учился Брюсов, Леонида Петровича Бельского[87] я знал о трагическом событии, пережитом Брюсовым в 8-м классе гимназии. У него была невеста, и она умерла от какой-то страшной болезни, кажется черной оспы[88]. Брюсов был так расстроен, что Бельскому с трудом удалось уговорить его держать выпускные экзамены. Этот факт многое объясняет в «могильной» поэзии Брюсова.

Зашла речь и о вампирах. Брюсов говорил о вампиризме как научном факте: «есть некоторые признаки, по которым можно узнать, что вампир пьет у вас кровь: появляется сонливость, недомогание и т. д.».

Запрягали лошадей, и мы сели на несколько прощальных минут в библиотеке.

«Я уже успел ознакомиться вот с этой частью библиотеки», указал Брюсов, «очень интересно. Посмотрел и римских поэтов, особенно мне понравился Пентадий[89]. Теперь о Ваших стихах». Он посмотрел на меня пристально и жестко. «Интересно, да, очень интересно, но в них нет того, что Державин называл "парением"»[90]. Он процитировал стих. «Этот стих не парит». Впрочем один только поэт не писал плохих стихов, это Бодлэр. А например у меня:

На теле, розовом и белом,
Как кровь горели капли роз[91].

Здесь три ошибки». Он говорил, как будто оставлял нам завещание, как будто он никогда больше не приедет. «А весь секрет поэзии в умелом пользовании аллитерациями. В этом сила Вергилия, Вячеслава Иванова. И у меня например: берег вечного веселья[92]». Простился и укатил.

«Учитель мне очень понравился», объявила моя бабушка за обедом. Но у меня и Белого на душе был мутно. После того, как мы разошлись спать, я вошел к Белому со свечей и спросил: «ты не слышишь каких-то стуков?» — «Да, слышу» отвечал Белый. Мы немного поговорили, стуки замолкли.

Через четыре месяца флигель, где провел ночь Брюсов, сгорел со всей библиотекой.

V.

В стихотворении «Фаэтон» Брюсов точно выразил свое настроение 1906 года:

Я вижу с высоты зенита
Со всех сторон отвесный скат, —
И мне одна стезя открыта:
Дуга крутая на закат.

Поэт Ходасевич осенью 1906 г. говорил мне про Брюсова: «его шведские стихи хуже прежних. Он как-то успокоился». Но «на высоте зенита» еще стоят «Все напевы»[93] — книга успокоенная, гармоническая, осенняя.

Заплелись багрянцы клена
В золотую ткань дубов,
Но за ними небосклона
Синий круг без облаков[94].

Ах, в лесу, где шепчут воды, вновь составить хороводы
Легких братьев и сестер,
Но никто не слышит зова, и шумит кругом сурово
Поредевший, строгий бор[95].

Брюсов становился маститым; из прежнего дерзкого новатора он превращался в один из «столбов» московского общества, дружил с Южиным, со Струве[96], с профессорами. Он становился гораздо проще, начал есть мясо и курить. Он шел к тому, чтобы стать академиком, увенчанным национальным поэтом, как Верхарн. Много занимался наукой, изучал Древний Рим и Эгейскую культуру, готовил книгу статей Aurea Roma[97]. Но эта книга не появилась, а накопившийся материал послужил для великолепной статьи об Авзонии[98] и для большого прекрасного романа «Алтарь победы»[99]. В то же время рушились некоторые замыслы: был начат и брошен роман «Семь смертных грехов». Брюсов говорил мне, что у него написана лишь первая глава: «Скупость»[100]. Не написана была и анонсированная повесть «Женщина с бичом»[101].

«Весы» приходили в упадок. Брюсов отказался от писания рецензий о стихах и передал это дело мне. В начале 1909 г. было решено устроить коллегиальное редактирование «Весов»[102]. Зимним вечером мы с Белым и Эллисом заседали у Брюсова. Чувствовалась близость конца «Весов», конца скромной квартиры на Цветном бульваре. У Белого сильно болела голова. Заметив это, Брюсов торопливо послал в аптеку за лекарством. Скоро начался разлад в редакции. Поляков, Балтрушайтис, Белый и Ликиардопуло готовы были восстать против Брюсова и свергнуть его диктатуру, но Эллис и я решительно отказались изменить дорогому «учителю». Желая как-нибудь оживить «Весы», решили пригласить в сотрудники Горького, и Белый написал сочувственную рецензию на его «Детство»[103]. Весной 1909 г. я получил от Брюсова милое письмо, где он писал, что мы работаем с ним в одной области: он над Римом, я — над Византией IV-го века[104]. Летом Брюсов уехал в Савойю. Жанна Матвеевна жаловалась мне перед отъездом: «я люблю летом жить попроще, в деревне, а Валерию Яковлевичу непременно нужно за границу, табльдот и быть застегнутым на все пуговицы».

Кончились «Весы». Брюсов стал заведовать литературным отделом «Русской Мысли»; с Цветного бульвара переехал на новую квартиру на Большой Мещанской. И в этом выборе места для квартиры сказалась его обычная практичность: вдали от центра — и дешевле, и спокойнее: не так одолевают посетители.

Зимой 1910–1911 г. я иногда встречал Брюсова в Обществе Свободной Эстетики. Когда он прочел стихи «Олень святого Губерта» я сказал ему: «эти Ваши стихи мне нравятся более других»[105]. «Я это знал», скучающе ответил Брюсов.

С 1912 г. я потерял Брюсова из вида и не встречался с ним 10 лет.

VI.

Густая мгла сентябрьского вечера сгущалась в подвальном этаже «Дворца искусств», теперешнего ВЛХИ[106], где в то время помещалась кухня и столовая для студентов и профессоров. Валил пар от кастрюлей, дымили папиросы, слышался смех, декламация стихов. Вдруг все затихли. Я обернулся от стола: передо мной молча стоял высокий седой человек — я узнал в нем «учителя» моей юности. Но он меня не узнавал, и только когда я назвал мою фамилию, махнул рукой, сморщился и рассмеялся.

Три года потом я преподавал в институте Брюсова[107], и по прежнему любовался изящной выделанностью его манер, его неутомимой деятельностью, его умением проводить заседания. Он был сед, но, благодаря своей активности, сохранял молодой вид. Казалось, у этого человека нет ни одной свободной минуты: все рассчитано. Управление, заседания, протоколы, ссылки на параграфы декретов — во всем этом Брюсов купался, как в родной стихии. По прежнему он нагонял страх на молодежь. На экзаменах это был какой-то палач, терзавший трепещущих барышень и юношей из провинции. «Ваша командировка! покажите! она просрочена!» Брюсов наконец достиг профессорства, о котором мечтал с юности (он был оставлен при Университете по кафедре истории профессором В.И. Герье[108]), и действительно, как профессор греческой и римской литературы, он был очень на своем месте. К классицизму у него была какая-то страсть. Однажды я спросил его, знает ли он одного маленького латинского поэта, Рутилия[109]. Ожесточенное и сухое лицо Брюсова вдруг озарилось детски-блаженной улыбкой: «Еще бы! ах, какой это поэт!». Иногда я пробовал с ним спорить, но ясно было, что он уже не интересуется возражениями, что он замкнулся в круге собственного миросозерцания. Не думаю, чтобы он мог дать что-нибудь новое в поэзии, но, казалось, пришла пора, о которой он мне говорил 20 лет тому назад: «если я доживу до старости, то, как Жуковский переводил «Одиссею», буду переводить «Энеиду»». Над «Энеидой» он трудился всю жизнь, но все оставался недоволен своим переводом и не решался издать его в свет: переделывал вновь и вновь[110]. Он говорил мне, что у него уже почти готов новый большой роман из римской жизни «Юпитер поверженный»[111]. Но… протоколы, заседания… Главпрофобр, моно, вцик…[112] а из груди вырывается глубокий жуткий кашель, и на лице — тень близкой смерти.

Весной этого года он стал очень сосредоточен, печален и мягок. Он уходил. Когда осенью пришло известие о его сильной болезни, никто из близко знавших его не сомневался, что это — конец. (И надо сказать, что 50 лет жизни очень много для человека, жившего таким напряженным темпом, как Брюсов, превращавшего каждый миг в дело, писавшего по нескольку томов в год и упивавшегося всеми экзотическими ядами Вавилона, Средних веков, современного Парижа.)

VII.

Рим навсегда зачаровал Брюсова. От римлян взял он эту культуру воли, действия, неустанного стремления к намеченным целям. Созерцая в Риме развалины древнего форума, он говорил:

Строений этих камень каждый
Напоминает мне: вести
К мете, намеченной однажды,
Среди пустынь свои пути[113].

И он шел к этой «намеченной мете». Во-первых, внутри самого себя: возделывал свой талант, обламывая свой стих как мрамор. Он любил ссылаться на то, что Микель-Анджело изваял своего Давида из самой безобразной, не поддающейся обработке глыбы. Во-вторых, во внешней жизни: выделывая свои манеры, свои отношения с людьми, заключая выгодные ему коалиции и разбивая их, вербуя отряды своих ничтожных поклонников и уничтожая их в нужный час. Но здесь он перешел границы: его «выделанность», его «ремесленность» начала убивать поэзию, из поэта он превратился в «ритора», в «литератора», подобного Авзонию.

Когда читаешь его «Алтарь победы», то живешь в Риме IV-го века, и «Мост Проба», «Холм Садов», «однообразные виды Этрурии» становятся также знакомы, как «Каменный мост» и «Девичье поле». Он тщательно изучал римскую историю со всех ее сторон: бытовой, политической, экономической. Однажды он с увлечением рассказывал мне, что достал книгу, где говорится о сношениях Рима с Китаем при Антонинах[114]. Любимой его мыслью было, что расцвет римской империи относится не к эпохе Августа, а к эпохе Траяна и Диоклетиана, когда Рим стал aurea Roma — золотоглавым Римом. Ему близки были настроения последних римлян, но не энтузиастов, вроде Лукана, а охлажденных скептиков и риторов, вроде Симмаха и Авзония. Любил он и римских генералов, особенно

Цезаря и Антония. В «Алтаре победы» так живо описано сражение римских легионов, как будто автор был его участником.

Мне вспоминается одна картина. В сумерках февральского вечера Брюсов в кабинете ВЛХИ играет в шахматы с И.С. Рукавишниковым[115]. Силы противников равные, оба — замечательные игроки. Брюсов в меховом воротнике сидит откинувшись, как тигр, подстерегающий добычу. Он двигает турой, и вероятно в его мечтах носится Цезарь, наносящий удар Помпею. Но в этом римско-классическом стиле — только одна сторона Брюсова, та, которой он любил повертываться к людям. «Urbi et orbi» и «Огненный ангел» слишком ясно говорят о «безумиях», диких и мрачных оргиях его духа, о его тяготении к магии Египта, Вавилона и Средних Веков. Мечта о будущем человечества волновала его с ранних лет. Многое он пророчески верно предвидел и указал. В замечательной поэме «Замкнутые», написанной в первые годы столетия, он предсказывает полное разрушение форм современной цивилизации:

В руинах, звавшихся парламентской палатой,
Как будет радостен детей свободных крик!
Как будет весело дробить остатки статуй
И складывать костры из бесконечных книг.

В рассказе «Республика Южного Креста» изображается великолепный город, искусственно созданный среди полярной пустыни южного полюса. Внезапно в нем разражается психическая эпидемия — болезнь противоречия, — mania contradicios[116], все, кто не успел бежать из города, гибнут. Машины бездействуют, город погружается во тьму и наполняется сумасшедшими:

«Какие-то темные, атавистические чувства оживали в душах этих городских обывателей, и полунагие, немытые, нечесаные, они плясали хороводами пляски своих отдаленных пращуров, современных пещерным медведям, и пели те же дикие песни, как орды, нападавшие с каменными топорами на мамонта».

В драме «Земля» будущее человечества рисуется, как громадный город. В людях пробуждается жажда земли и солнца, они подымают крыши всемирного города, не рассчитав того, что над ним нет атмосферы, и последние люди погибают в корчах.

Брюсов всегда был скептиком и пессимистом:

Неколебимой истине
Не верю я давно,

И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно[117].

Этим объясняется кажущаяся смена его миросозерцаний. Но он не мог менять миросозерцания, потому что для него «неколебимой истины нет», «быть может, все в мире лишь средство для ярко-певучих стихов»[118].

Он был европейцем, что сказывалось во всех мелочах его обихода, в его стремлении быть застегнутым на все пуговицы, в его отвращении к излияниям чувств, к разговорам «по душам», в его чопорности и аккуратности, которыми он напоминал какого-нибудь банкира из Сити. Характерно, что лучшие его вещи относятся к жизни Европы, древней и средневековой («Алтарь победы», «Протесилай умерший»[119], «Огненный ангел») и все его попытки написать рассказ из русской современной жизни окончательно беспомощны и часто являются стилизациями «Повестей Белкина». Он даже не может подобрать русских имен для своих героинь: одна называется «Мара», а другая «Кет»[120].

Торопливо шел я на Запад,
Она — на Восток[121], —

писал он еще в юношеской «Tertia vigilia».

Его работа в «Весах» сводилась главное к тому, чтобы ознакомить русскую публику со всем новым во французской и немецкой литературе, привить русскому стиху те формы, которые уже выработаны на Западе.

В позднейшей книге «Зеркало теней» (1912 г.) он указывает на полную противоположность и несовместность культур Азии и Европы:

Того, кто едет на верблюде,
Не наши колыхают сны,
И не о нашем просят чуде
В час боя рыцари луны.
……..
Вы все, учившие Гомера,
Приявшие, что дал нам Рим,
Кому одна сияла вера
Лучом таинственным своим,
Смотрите: древняя химера
Дыханьем дышит огневым.

За лики гордые Шекспира,
За Рафаэлевых Мадонн,
Должны мы стать на страже мира,
Священного для всех времен[122].

Потому Брюсов прошел мимо романтического народничества Блока и Белого.

Но едва ли Брюсов придавал серьезное значение своей антитезе: Европа и Азия. Вернее, она была для него также одним из «средств для ярко-певучих стихов». Мы не думаем, чтобы «Рафаэлевы Мадонны» говорили ему более, чем «Астарта», «Изида», «Тот», которым посвящены волшебные гимны его «Венка». Как римлянин эпохи Империи, в сенате он отстаивал «древнюю римскую доблесть», а ночью тайно ходил в какой-нибудь храм Сераписа или Митры.

Уже в одном некрологе было отмечено крайнее одиночество Брюсова, одиночество везде[123]: в «зале веселья», где он ловил черты Анадиомены в подходящей к нему проститутке[124]; на театре войны, где он живет корреспондентом «Русских Ведомостей» и пишет изящные отчеты в стиле записок Цезаря о Галльской войне[125]; на заседании Общества Свободной Эстетики, где он читает московским домам об Египетских ночах Клеопатры[126]; на заседании ВЛХИ, где он ссылается на параграфы последних декретов.

Отступи, как отлив, все дневное пустое волненье!
Одиночество, стань словно месяц, над часом моим!
Слышу: смутно рокочут с волной уходящей каменья,
Вижу: алый, закатный туман превращается в дым.
И я упьюсь последним счастьем:
Быть без людей, быть одному[127].

Раз он меня встретил фразой: «с сегодняшнего дня я не велел никого впускать: люди — самая ужасная порода животных». И от этого одиночества — глубокая грусть и усталость, которые можно было прочесть в его глазах, глазах затравленного волка, откусывающегося от своры напавших на него собак. Брюсов сам кусал, кусал больно, и оттого создал себе столько врагов, врагов непримиримых. Но иногда лицо этого волка или диктатора вдруг озарялось такой доброй, детской улыбкой, что нельзя было не полюбить этого человека. И эта неожиданная доброта иногда сияла в его стихах, в его милых детских песенках, где он обращается к кроту с увещанием

быть осторожнее в работе, так как и ему, поэту будет немного грустно увидеть «черный трупик возле пня» («Семь цветов радуги»)[128], или где он говорит о том, как любит помогать слепому перебираться через улицу среди экипажей («Tertia vigilia»)[129]. Среди кошмарных «Таинств ночей» и сладострастных пыток «Urbi et orbi» вдруг звучат какие-то подлинно-небесные голоса:

О, как я мог пожертвовать тобой,
И женщине из плоти и из крови
Как предпочел небесный образ твой![130]

Или по поводу готических окон Notre Dame:

И краски были мир. В глубоких безднах рая
Не эти ль образы, века не утомляя,
Ласкают взор ликующих теней?[131]

Но эти звуки смолкают, краски гаснут, и поэт изнемогает в безводной пустыне, полной миражей и дьявольских голосов:

Зной горит и губы сухи,
Дали строят свой мираж:
Манят тени, манят духи,
Шепчут дьяволы: ты наш![132]

Таков был этот человек, сплетение противоречий, человек 20-го века, певец города, машин и фабрик, упивавшийся всеми культурами прошлого, гениями всех стран и веков. Как Леонардо да Винчи, он был влюблен в аэропланы; как Леонардо забрасывал искусство для математических вычислений, стремился «мертвым циркулем измерить возможность невозможных грез»[133] и «проверить таинство смерти»[134]. Космография вдохновляла его на прекрасные стихи:

Часть морей купая в зное,
Часть прохладам уделя,
Никогда не спит в покое
Солнцу верная земля.
Солнце, искра в сонмах млечных,
Направляет путь слуги.
Пики гор остроконечных
Чертят бешено круги.
(«Царю северного полюса»).

Брюсов часто надевал маску «позитивиста», но не то же ли самое изобразил он у Агриппы Неттесгеймского в романе «Огненный ангел»? Таким Агриппой держал себя Брюсов в начале 900-х годов, и трудно прибавить что-нибудь к мастерской характеристике его, сделанной Андреем Белым:

Ты над книгой тайн изогнут,
Бледный оборотень, дух!
Грустен взор, сюртук застегнут,
Горд, серьезен, строен, сух[135].

---

[1] Высший литературно-художественный институт, организованный (в 1921) и возглавлявшийся Брюсовым. См. также примеч. 106.

[2] Из стихотворения Брюсова «Фаэтон» («Как в полдень колесница Феба…»).

[3] Два ключевых стихотворных сборника Брюсова: М., 1903 и М., 1906 соответственно (оба под маркой издательства «Скорпион»).

[4] Легендарный впоследствии моностих впервые напечатан на отдельной странице третьего выпуска сборника «Русские символисты» (М., 1895. С. 13).

[5] В.С. Соловьев отзывался рецензиями на все три выпуска «Русских символистов» (Вестник Европы, 1894. № 8. С. 890–892; 1895. № 1. С. 421–424; № 10. С. 847–851; все — с подписью Вл.С.). Прочитав вторую из них, Брюсов напутствовал приятеля: «Напиши, наконец, мнение о втором выпуске! Читал ли “Вестник Европы”, статью Соловьева о нем (1895. № 1)? — Боже мой, он так уничтожил нас, что и клочьев не осталось» (письмо к В.К. Станюковичу от 5 января 1895 г.: *Станюкович В.К.* Воспоминания о В.Я. Брюсове / публ. Н.С. Ашукина и Р.Л. Щербакова // [16, с. 733]). Несмотря на их содержание и насмешливый тон, эти рецензии, благодаря тиражу и репутации «Вестника Европы», сыграли значительную роль в популяризации декадентства; много лет спустя Брюсов писал, вспоминая про выход «Русских символистов»: «Посыпались десятки, а может быть, и сотни рецензий, заметок, пародий, и, наконец, их высмеял Вл. Соловьев, тем самым сделавший маленьких начинающих поэтов, и прежде всего меня, известными широким кругам читателей» [8, с. 171]. В следующей фразе цитируется третья из соловьевских рецензий.

[6] Соловьев умер 13 июля 1900 г., т. е. через пять лет после них. Брюсов был на похоронах, записав в дневнике: «Умер Вл. Соловьев. Бартенев знавал его хорошо, и мы были с П.И. на похоронах. Так суждено мне было встретиться с критиком моих первых стихов. А я мечтал — и часто — о личных беседах. “Но он бы вас соблазнил”, — сказал мне Бартенев. Я поцеловал в руку своего случайного врага и ценимого мной поэта и мыслителя. Бартенев предложил мне написать статью о поэзии Вл. Соловьева» [7, с. 89–90].

[7] Русский архив. 1900. № 8. С. 546–554.

[8] Соловьев цитирует финал статьи, вероятно, по памяти; в оригинале: «И к властному голосу Вл. Соловьева прислушивались, как к словам учителя; за ним признавали право судить... Смерть неожиданно прервала эти столь нужные нам поучения. Но чтобы остеречься от лишних сетований, вспомним, что сам он пытался угадать смысл и нравственную необходимость даже в выстреле Дантеса, разрушившем “божественный фиал”, как “сосуд скудельный”» (Там же. С. 554).

[9] Брюсов познакомился с родителями мемуариста осенью 1900 г.; ср. в ретроспективной записи за октябрь: «У Шестеркиных видел М.С. Соловьева (брата Владимира) и жену его, Ольгу Михайловну, переводчицу Рёскина и Уайльда. Она интереснее его. Я умело изображал перед ними “афориста” (от “афоризм”) и до-

статочно пленил их удивление. Она набивается работать в "Скорпионе"» [7, с. 92]. В сентябре следующего, 1901 г. там же появилась запись: «Был у меня Мих.С. Соловьев, благодарил за статью о Вл. Соловьеве и привез первые томы его сочинений; кроме того предлагал что-то для "Северных Цветов". После я был у него. Жена его, Ольга Михайловна, "поклонница и жрица красоты", мило болтала о Фете и Вергилии. <…>. Сын Соловьева, юный Сергей Михайлович, тоже мило беседовал о Корнеле и Расине» [7, с. 106].

[10] «Она имеет во чреве» (*лат.*). Стихотворение «Habet illa in alvo» («Ее движения непроворны…») вошло в «Urbi et orbi».

[11] Стихотворение «В ответ» из того же сборника.

[12] Стихотворение «Призыв» («Приходи путем знакомым…») было написано в 1900 г., но впервые напечатано только в 1906 г. По поводу этого стихотворения Соловьев писал Блоку: «Я вижу у Брюсова весьма последовательную цепь противоестественных настроений. Начинается с любви к живым трупам, кончается уже определенной любовью к настоящему трупу» (цит. по: [13, с. 375]). Впрочем, в письме к самому автору он отзывался о нем иначе: «Думая о Ваших стихах, заметил в них Леонардовскую черту. В Вас сильно сладострастие познания, вы зорко проникаете туда, куда страшно и не надо заглядывать.

Смерти таинство проверь.

Это "проверь" так гениально, что трудно о нем говорить. Тут замечательна именно математичность слова. И основательная дьявольщина» (письмо от 10 марта 1905 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Л. 1 об.–2).

[13] Эпатировать буржуа (*франц.*).

[14] Возможно, речь идет о стихотворении «Туманные ночи» («Вся дрожа, я стою на подъезде…») из второго издания первой книги Брюсова «Chefs d'oeuvre» (М., 1895. С. 43): в подготовительных материалах к неосуществленному собранию сочинений этому стихотворению предпослан эпиграф: «Огонь горит, но пламя возносится с дымом» (см.: *Брюсов В.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 1. С. 577).

[15] Письма Брюсова к М.С. Соловьеву не сохранились или не разысканы. Из ответных известны два письма — от 15 ноября 1901 г., посвященное предстоящей публикации «Симфонии» А. Белого (в литературе оно обычно цитируется как «недатированное»), и от 30 октября 1902 г.:

«Дорогой Валерий Яковлевич,

Думал быть у Вас сегодня вечером, но простудился и должен посидеть дома. Надеюсь, что удастся побывать в следующую середу <sic!>, а теперь посылаю Вам: 1) V том брата, 2) Стихотворения Блока, 3) Стихотворения и отрывок из мистерии Бугаева "Антихрист", который, как сами увидите, лучше бы назвать "Пришедший".

Большое спасибо за "Tertia Vigilia"» (РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 22. Л. 3–4).

[16] Может быть, это пересказ фразы из письма Брюсова к А. Белому, написанного за несколько дней до смерти Соловьева: «Дорогой Борис Николаевич! Заходил я к Михаилу Сергеевичу и узнал, что он очень болен. Уверен, что это минет, между прочим уже потому, что еще неизменно хочу говорить с ним о многом» [16, с. 351].

[17] Михаил Сергеевич Соловьев умер 16 января 1903 г.; его жена, мать С.М., в тот же день покончила с собой. Брюсов записал в дневнике: «Совсем было собрался я уезжать в Петербург, как случилась смерть М.С. Соловьева и Ольги Михайловны. Я был на похоронах. Бугаев держал себя торжественно, Сережа очень странно» [7, с. 129].

[18] Неподписанный (но позже включенный в брюсовскую автобиблиографию) некролог напечатан: Новый путь. 1903. № 2. С. 202–203. Брюсов писал: «16 января скончался в Москве Михаил Сергеевич Соловьев, брат философа Вл.С. Соловьева. Жена покойного М.С., Ольга Михайловна, узнав о кончине мужа, поспешно удалилась в свою комнату, и через несколько минут ее нашли там тоже мертвой. Их хоро-

нили вместе, в Новодевичьем монастыре. Смерть их произвела большое впечатление в Москве. М.С. был небезызвестен в литературе. Он составил прекрасный указатель к “Истории России” своего отца, С.М. Соловьева, а последние годы занимался редактированием собрания сочинений своего брата Вл. Соловьева и продолжением его перевода “Творений Платона”. М.С. был очень образованный человек и, между прочим, прекрасно знал еврейский язык. О.М. Соловьева была художница и переводчица. <…> Гостиная Соловьевых была маленьким литературным салоном, где собирались молодые поэты. Иные из них многим обязаны советами и тонкому вкусу как М.С., так и О.М.» (С. 202).

[19] Имеется в виду письмо Блока от 21 октября 1904 г.: «Почему ты придаешь такое значение Брюсову? — Я знаю, что тебя несколько удивит этот вопрос, особенно от меня, который еле выкарабкивается из-под тяжести его стихов. Но ведь “что прошло, то прошло”. Год минул как раз с тех пор, как “Urbi et orbi” начала нас всех раздирать пополам. Но половинки понемногу склеиваются, раны залечиваются, хочешь другого. “Маг” ужасен не вечно, а лишь тогда, когда внезапно в “разрыве туч” появится его очертание» [18, с. 381].

[20] Ср. в описании кабинета Брюсова в следующей квартире: «в простенках те же небольшие картины и рисунки — подарки Брюсову от Сапунова, Волошина, Зака и других художников, те же портреты любимых поэтов: Пушкина, Тютчева, Владимира Соловьева, Верхарна» (*Ильинский А.А.* Заметки о Брюсове // Брюсовские чтения 1963 г. Ереван: Айастан, 1964. С. 523). И мраморный бюст, и портрет видны на фотографии опустевшего кабинета, опубликованной в траурные дни: Красная нива. 1924. № 43. С. 1041.

[21] Бронислава Матвеевна Погорелова (урожд. Рунт; 1885–1983), переводчица, редактор, мемуаристка. В письме к Брюсову от 17 августа (вероятно, 1907 г.) Соловьев передает привет «покровительнице и заступнице моей Бронславе Матвеевне» (РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Л. 16).

[22] Поэт Александр Михайлович Добролюбов (1876–1945) был в Москве осенью 1903 г.

[23] «Медея» («На позлащенной колеснице...») и «Конь блед» («Улица была как буря. Толпы проходили...») вошли в «Венок».

[24] Из стихотворения «Медея» («На позлащенной колеснице...»).

[25] Из стихотворения «На что вы, дни! Юдольный мир явленья…».

[26] Трагическое для русской армии сражение при Ляояне произошло 11–13 августа 1904 г.

[27] Первые строки стихотворения «К согражданам».

[28] Первые строки стихотворения «По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая».

[29] Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925), главнокомандующий русскими войсками в русско-японскую войну.

[30] О работе Михаила Федоровича Ликиардопуло (1882–1925) в «Весах» см.: [14].

[31] Из названных лиц, возможно, нуждается в комментарии поэт, библиофил, переводчик и книговед Максимилиан Яковлевич Шик (1884–1968). Четвертым участником был Георгий Леонидович Малицкий (1886–1953), одноклассник, друг и корреспондент А.Я. Брюсова (младшего брата поэта) и Ходасевича; библиограф (см. сделанный им обзор: *Малицкий Г.* Библиографические справочники по музейному делу // Казанский музейный вестник. 1922. № 1. С. 47–54); архивист (соавтор кропотливого описания: *Малицкий Г.Л.*, *Щепкин В.Н.* Рукописи Елпидифора Васильевича Барсова. М., 1915 (отдельный оттиск из Отчета Российского исторического музея за 1914 г.)); этнограф (*Малицкий Г.* Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства. (В росписи и резьбе). С 25 рисунками. Казань, 1923); поэт (единственное разысканное стихотворение: Круговая чаша. Русская поэзия «Серебряного века».

Антология / сост. В. Кудрявцев. Рудня; Смоленск: Мнемозина, 2008. Т. 6. С. 248); впоследствии ученый секретарь Московского исторического музея, музеевед; приятель В.К. Шилейко (ср. регулярные его появления в эпистолярии последнего: *Шилейко В.* Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и другие материалы. М.: Вагриус, 2003. 319 с.).

[32] Об Александре Яковлевиче Брюсове (1885–1966), поэте и археологе, см.: [20].

[33] Одноименное стихотворение («Слышу, слышу шаг твой нежный…») из сборника «Венок».

[34] В печати стихотворение известно под заглавием «Тезей Ариадне» («Ты спишь, от долгих ласк усталая…») из того же сборника. В рукописи стихотворение действительно называлось «Ариадна».

[35] Аллюзия на рассказ Э.Т.А. Гофмана «Состязание певцов».

[36] «Дафна» («Бог Эрот, ярясь на Феба…») и «Видение св. Бернарда» («На окне раздернуты шторы…») — стихотворения, вошедшие в первый сборник Соловьева «Цветы и ладан» (М., 1907).

[37] Первый стихотворный сборник Белого (М., 1904).

[38] «Как пьяные баядерки» (*нем.*). Это неточно процитированная первая строка стихотворения Шика «Regen» («Дождь»): *Schick M.* Regen («Wie trunkne Bajaderen…») // Charon (Berlin). 1904. № 7. S. 108 (указано К.М. Азадовским).

[39] «Один раз» и «ты плачешь» (*нем.*).

[40] Вероятно, имеется в виду вечер 24 декабря 1904 г. В этот день Волошин записывал в дневнике: «Брюсов. «Пойдемте сейчас к Андрею Белому <…>». <…> У Белого Сер<гей> Соловьев. Чтение стихов и “Симфонии”» [11, т. 7, кн. 1, с. 184–185].

[41] Почти наверняка Волошин читал знаменитый «Дождь» («В дождь Париж расцветает…») [11, т. 1, с. 23]. Настораживает, впрочем, что «феи» рифмуются здесь с «быстрее», что принуждает к традиционному произношению.

[42] Вольное стихотворение Брюсова «Кинжал» («Он вырван из ножен и блещет вам в глаза...») сразу после публикации разошлось по революционным антологиям.

[43] Из стихотворения «К согражданам» («Борьба не тихнет. В каждом доме…»).

[44] Брюсов был и выступал на первом предварительном совещании избирателей в городскую думу по первому участку Москвы 3 ноября 1904 г. В хроникальном отчете упоминается среди присутствующих на заседании «известный литератор Валерий Брюсов» и приводится его реплика: «В. Брюсов возразил, что один совет выдающегося юриста может быть дороже постоянных посещений и бесконечных речей малоспособного адвоката» (На совещании избирателей // Русский листок. 1904. № 306. 4 ноября. С. 3). Впрочем, уже к концу ноября он разочарованно записывал в дневнике: «Был на заседании городской Думы. Похожего на парламент мало. Наиболее отделанные речи — это пустозвонство либеральных гласных... Дело ведется очень спустя рукава. В полтора часа почти без прений провели бюджет в 22 миллиона. Голосуют вставанием; кой-кто привстанет было, махнет рукой и вновь сядет. Считает на глаз писарь, который и шепчет цифру кн. Голицыну. И при таком счете дело решается большинством *одного* голоса» [7, с. 78]. Ср., кстати, суждение Соловьева из письма к Вяч. Иванову от 12 декабря 1906 (по смыслу) г.: «При всей моей любви к Брюсову я должен сказать, что его общественное направление мне несимпатично. Тут пахнет 17-м октября и “мирными обновлятелями”. Этот запах я не многим прощаю. Кажется, только пожилым родственникам и Валерию Яковлевичу, который — гений, потому может иногда чудить. Но сам заражаться сим запахом я не желаю и эпического отношения к реакции не понимаю» (РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 60. Л. 1).

[45] Первые строки стихотворения Тютчева.

[46] Из стихотворения «Бальдеру Локи» («Светлый Бальдер! мне навстречу…»).

[47] Ср. в недатированном письме Соловьева к Блоку: «Теперь я не могу его <Брюсова> бояться: он на мой вопрос: “воскрес ли Христос?” — посмотрел грустными глазами и сказал: “Конечно, воскрес, Серг. Мих.! Я ни одной минуты в этом не сомневался. И, конечно, бог победит дьявола, но мне кажется как-то неблагородно становиться на сторону победителя”» [18, с. 389].

[48] Этот конфликт начался вечером 19 февраля 1905 г. Сам Белый вспоминал: «Снова увиделись мы с Брюсовым в феврале 1905 года, когда я <…> вновь появился в Москве; он явился как встрепанный, с молньей в глазах и с неприязнью в надутых губах; с дикой чопорностью сунув пальцы и вычертивши угловатую линию локтем, он бросил на стол корректуры, мои, прося что-то исправить; но видом показывал, что корректуры — предлог; кончив с ними, стоял и молчал, не прощаясь, наставяся лбом на меня, точно бык перед красным, посапывая: бледный, весь в красных угрях.

Вдруг без всякого повода, точно бутылка шампанского пробкою, хлопнул ругательством, — не на меня: на Д.С. Мережковского, зная, что у этого последнего жил и что для внешних я в дружбе с ним; я — оборвал Брюсова; он, отступая шага на два, свой рот разорвал: в потолок:

— “Да, но он продавал...” — “что” — опускаю: ужаснейшее оскорбление личности Мережковского; я — так и присел; он, ткнув руку, весьма неприязненно вылетел.

Когда опомнился, — бросился тотчас за стол, написав ему, что я прощаю ему, потому что он “сплетник” известный; ответ его — вызов: его секундант ждет в “Весах” моего» [6, с. 513], см. там же на с. 680 подробный коммент. к эпизоду.

[49] Брюсов иногда произносил вместо ки — ти, явление, наблюдаемое у крестьян московской губернии. — *примеч. С.М. Соловьева*.

[50] Это случилось 22 февраля 1905 г. Текст записки: [16, с. 283]. Белый вспоминал по поводу этого эпизода: «Он взвешивал долго письмо; вдруг, явясь к Соловьеву, взволнованный, мягкий и грустный, уселся писать мне ответ примирительный, чтобы С.М. Соловьев передал его лично; в те дни клекотал Соловьеву, что хочется очень ему, “просияв”, умереть» [6, с. 514]. Примечательно, что Соловьев был назначен на роль примирителя тайным письмом жены Брюсова: «Много было злого за эту зиму. Одно из зол — вражда Брюсова с Белым. Как я знаю Вал.Як., он очень любит Бориса Николаевича. Но самые сильные бывают самыми слабыми. А Валер.Як. теперь под влиянием истинного врага Белого. Отсюда вражда.

Не удивляйтесь, Сергей Михайлович, этому моему письму. Мысленно я давно <веду> с Вами беседу об этом и вполне убеждена, что только вы захотите и только вы можете что-нибудь сделать. Вы знаете и любите их обоих. Мне бы хотелось, чтобы вы никому не говорили об моем желании прекратить вражду, но хотелось бы, чтобы вы что-нибудь для этого сделали. Иоанна Брюсова» (Недатированное письмо // РГБ. Ф. 386. Карт. 73. Ед. хр. 62. Л. 1–2; истинный враг Белого — Н.И. Петровская, о которой см. далее).

[51] Соловьев сознательно умалчивает о крайне напряженных чувствах, перекрестно связывающих поименованных гостей: у Нины Ивановны Петровской (1879–1928) незадолго до этого закончился роман с Белым и только разгорались отношения с Брюсовым; Сергей Алексеевич Соколов (Кречетов; 1878–1936), будучи ее законным мужем, вряд ли взирал на это равнодушно. И только Сергей Александрович Поляков (1874–1943) был, вероятно, от этого сюжета далек.

[52] Цикл из пяти стихотворений «Предания» напечатан: Северные цветы Ассирийские. М.: Скорпион, 1905. С. 44–50.

[53] В «Весах» подписанных рецензий Соловьева на сборники «Знание» не появлялось (хотя журнал исправно рецензировал их, начиная с 1-го выпуска). Вероятно, под влиянием неудовольствия Соловьева Брюсову пришлось подписать его рецензию одним из своих обычных псевдонимов: *Пентаур <Брюсов В.Я.>*. <Рец. на кн.:> Сборник Товарищества Знание за 1904 год. Книга третья. Спб. 1905. Ц. 1 р. // Весы. 1905. № 2. С. 60–61. Может быть, впрочем, речь идет о рецензии на четвертый выпуск «Знания», подписанной «И. Смирнов» (Весы. 1905. № 4. С. 47–50).

[54] Переводы Соловьева из «Фауста» нам неизвестны; впрочем, в дальнейшем, когда ему требовалось процитировать текст, он, вероятно, приводил его в собственном переводе (см.: *Соловьев С.* Гете и христианство. Сергиев Посад, [Б. и.], 1917. С. 19–20, 21 и др.; среди цитат в неопознаваемом переложении попадаются и переводы А.К. Толстого). В 1928 г. Соловьев читал доклад, посвященный свежевышедшей книге перевода первой части «Фауста», сделанной Брюсовым. Книга напечатана под маркой Госиздата (М.; Л., 1928); доклад сохранился в рукописи (РГБ. Ф. 696. Карт. 2. Ед. хр. 20). Судя по заголовку, он был прочитан 25 октября 1928 г. В это время было не так-то много институций, способных предоставить аудиторию для этой темы: из-за упоминания в тексте доклада И.К. Линдемана предполагаем, что это было Русское общество друзей книги, хотя в его хорошо документированной истории доклад и не упоминается. В начале доклада говорилось: «По форме Брюсов был учеником латинской и французской поэтической школы (как Пушкин и Баратынский); немецкий язык он знал плоховато; его поэзия определялась Виктором Гюго, парнасцами, Бодлером, Верленом, Верхарном, а не Стефаном Георге и Рильке. Но однако, как большой поэт, Брюсов умел ценить, словами Блока, “И острый галльский смысл, и сумрачный германский гений”. Шиллер оказал на него большое влияние (“Орфей и Эвридика”, “Ахиллес у алтаря”), у стен Кельнского собора ему и его возлюбленной казалось “мы не жили, но когда-то Генрих Гейне в стройных строфах пел про нас”» (РГБ. Ф. 696. Карт. 2. Ед. хр. 20. Л. 1). Один из выводов: «Перевод же “Фауста” несовершенен и не мог быть таким именно по причине этого отсутствия конгениальности между поэтами, хотя мы постараемся доказать, что этот перевод — лучший из существующих стихотворных переводов “Фауста” и уступает только переводу Фета в лирических частях. Перевод Тютчева был бы совершеннее всех, как можно увидеть по сохранившимся фрагментам» (Там же. Л. 3).

[55] В переводе самого Брюсова: «Мне покоя нет, // Томлюсь всегда»… «И ах! поцелуй!» (*Гете*. Фауст / пер. Валерия Брюсова; ред. и коммент. А.В. Луначарского и А.Г. Габричевского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 225, 226).

[56] Вероятно, Брюсов читал перевод Веневитинова в книге: *Веневитинов Д.* Полн. собр. соч. СПб.: В тип. О.И. Бакста, 1862. С. 145. В его переводе монолог начинается: «Прости, мой покой! / Как камень, в груди / Печаль залегла. / Покой мой, прости!».

[57] Брюсов готовил переводы Байрона для собрания сочинений под редакцией С.А. Венгерова. «Первый поцелуй любви» напечатан: *Байрон Дж.* Сочинение. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905. Т. III. С. 460. Он действительно подобрал семь рифм (по числу катренов): «волнуй», «уврачуй», «тоскуй», «ликуй», «струй», «горюй», «чаруй».

[58] Точнее «И, умирая, с уст его / Еще лобзанья рвать!».

[59] Сейчас принято говорить «гиксосы» (что более соответствует греческому оригиналу). Так называют племена, захватившие часть территории Египта в XVIII–XVI вв. до Р.Х.

[60] Этого стихотворения мы не знаем.

[61] Из стихотворения «Последний пир» («Бледнеют тени. Из-за ставен…»).

[62] Из стихотворения «Помню вечер, помню лето…».

[63] Это подтверждается мемуарами И.М. Брюсовой: «“Огненный ангел” писался наскоро, по мере печатания повести в “Весах”; некоторые главы сдавались в типографию по частям. Но обдумывал Валерий Яковлевич эту вещь долго. За много лет до ее печатания он говорил, что хочет писать роман “Ведьма”. Свое увлечение спиритизмом он объяснял как исканье подходящего материала и типов для этого романа. Для изучения эпохи романа было прочитано много книг. Много было разговоров о ведьмах. Помнится, было какое-то увлечение этой эпохой. Даже Александр Яковлевич, брат Валерия Яковлевича, в те времена еще юноша, переводил какие-то трактаты о ведьмах» (Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики / сост. Н. Ашукин. М.: Федерация, 1929. С. 219).

[64] Три баллады Шиллера в переводе Соловьева («Кассандра», «Геро и Леандр», «Рыцарь Тоггенбург») напечатаны: Весы. 1905. № 5. С. 4–17.

[65] Финский цикл Брюсова «На Сайме» из восьми стихотворений вошел в «Венок».

[66] Из стихотворения «В полдень» («Свершилось! молодость окончена!...»); первое слово в оригинале «Паду».

[67] Подразумевается стихотворение Брюсова «Лик Медузы» («Лик Медузы, лик грозящий…»).

[68] Из стихотворения «Знакомая песнь» («Эта песнь душе знакома…»).

[69] «Erlkönig» — лесной царь (*нем.*). Это подзаголовок брюсовского стихотворения «В сквере» («Что ты здесь медлишь в померкшей короне…»).

[70] Не вполне так. До конца 1905 г. «Весы» вовсе не имели беллетристического отдела, который появился только в № 1 за 1906 г. (он же — № 12 за 1905). В № 2 за 1906 г. редакция приносила свои извинения за то, что не могла начать печатанием обещанный ранее роман Брюсова (при этом, неплохо изучив комплект «Весов», мы так и не нашли этого обещания). В № 11 за тот же год редакция сообщала, что роман начнет печататься с январского номера 1907 г., что и было осуществлено.

[71] 9 августа (вероятно, 1907 г.) Соловьев писал Г.А. Рачинскому: «Я совсем ошалел от “Огненного ангела”. Это — самый совершенный русский роман, хоть конечно у Достоевского отдельные места ярче» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2903. Л. 46). Несколько дней спустя он писал уже самому автору: «Читаю Ваш роман с жадностью и благоговением. Ваша Сарраска — девица весьма мне по вкусу и весь шабаш — хоть куда! Говорить ли о том, что роман составит эпоху, как некогда “Капитанская дочка” и “Мертвые души”? Могу сделать один упрек. Не страшно, — как страшен Эдгар По. Слишком рационально, выявлено, нет неопределенной жути дьявольской, как у Гоголя и Гофмана. Но таков путь Вашего гения и не мне ставить ему законы. Математик Вы, Валерий Яковлевич! ох, какой математик!» (письмо от 17 августа 1907 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Л. 15; год в рукописи не проставлен, восстановлен по смыслу). Апологетическая рецензия Соловьева на роман напечатана: Русская мысль. 1909. № 3. Отд. III. С. 29–30. Ср., впрочем, в недатированном письме Соловьева к Белому: «А “Огненный ангел” опять разонравился. Не могу диавола читать. Кажется Брюсову просто больше не о чем писать. Нина Ивановна <Петровская> исчерпана» (РГБ. Ф. 25. Карт. 26. Ед. хр. 7. Л. 4).

[72] См. примеч. 19.

[73] Пьер (Петр Иванович) д’Альгейм (1862–1922). В «Воспоминаниях» Соловьев писал: «Д’Альгейм был французский писатель, с резко выраженным мистическим уклоном, одновременно занимавшийся индусами, Сведенборгом, Ронсаром и его Плеядой и нашим Мусоргским. Человек этот имел большое влияние на мою жизнь, но это произошло значительно позже, уже в университетские годы» [22, с. 333–334]. 21 марта 1906 (? — год по содержанию) г. Соловьев писал Г.А. Рачинскому: «Петр Иванович Дальгейм привез мне своего “Rama”, чем произвел целый переворот в моей душе» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2903. Л. 14. Имеется в виду книга: Rama, le drame sacré de l’Inde — Le dénoument de l’histoire de Rama. P., 1906). И в том же письме: «Беседа с Петром Ивановичем очень меня укрепила и исполнила надежд» (Л. 15).

[74] Первое издание — М., 1907.

[75] Усадьба Дедово, ныне полностью исчезнувшая. 14 мая 1906 г. Соловьев писал Г.А. Рачинскому: «Проживаем с Борей в Дедове. Занимаем вдвоем мой родовой флигель. Услаждаемся тишиной, работаем. Пишем стихи в романтическом стиле, каждый на свой манер. Завтракаем и обедаем у себя во флигеле» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2903. Л. 19).

[76] Александра Григорьевна Коваленская (урожд. Карелина; 1829–1914) — латифундистка, писательница. Выразительный ее портрет содержится в воспоминаниях Белого: [5, с. 17–21].

[77] Об этом же вспоминал и Белый: «В.Я. мы водили по полю; он, став вдруг шалун, предложил состязание: вперегонки; я показывал свое искусство в прыжках; тотчас он захотел меня в этом побить, перескакивая через куст; но был бит; увидав, как вбегаю я по наклоненному низко над прудом стволу, не держася за ветви, он тотчас испробовал это: с успехом <…>» [6, с. 515].

[78] Ср. в ретроспективной дневниковой записи Брюсова: «Летом полтора месяца мы провели в Швеции. Ехали через Петербург (где видел лишь Вяч. Иванова) на Стокгольм, жили сначала в Стокгольме, потом в Висби на Готланде, потом в Нюнесхэмне, близ Стокгольма. Уехали раньше, чем думали, опасаясь всеобщей забастовки в России...» [7, с. 137]. Вернулись И.М. и В.Я. Брюсовы 22 июля 1906 г.

[79] Мария Викторовна Коваленская (в замуж. Бренева; 1882–1940-е), переводчица; троюродная сестра Блока и предмет его юношеского увлечения. См. о ней: [3].

[80] Дарлекарлия (Далекарлия) — провинция в Швеции. Имеется в виду стихотворение «Стокгольм» («Словно над глубями зеркала…»).

[81] Стихотворение «Noli me tangere, Maria» («Прошел печально день субботний...»).

[82] Из этого же стихотворения. В оригинале вместо «точить» — «струить».

[83] Из стихотворения «Обряд ночи» («Словно в огненном дыме и лица и вещи...»).

[84] «Младшие поэты» (*лат.*) — общепринятый термин, не лишенный, впрочем, некоторой уничижительности.

[85] Речь идет о VIII эклоге Вергилия, где описан обряд приворота, в котором участвует восковая фигурка пациента. Впрочем, ее не прокалывают, а лишь, обвязав нитками, размягчают на огне.

[86] Это дочери Степана (Стефана) Борисовича Любимова (род. ок. 1820 ?; сведения из: https://istra-ltc.ru/temple/nadovrazhino.htm), священника села Надовражино: Авдотья Степановна, Александра Степановна и Екатерина Степановна Любимовы. Белый упоминает их в мемуарах: «<…> около Сережи стоит в эти годы Любимова, Александра Степановна <…> стройная, крепкая, с горьким, поблекнувшим ртом, черноглазая, черноволосая, с белыми зубами, — умница с “вкусами”, она проницала все вздроги душевных изгибов Сережи; ей нес он себя; не боролся с вмешательствами <…>: Александра Степановна понимала и острую строку Валерия Брюсова, и ядовитость двусмыслицы Блока; простая, сердечная женщина эта увиделась нам символистской в противовес своей толстой сестрице Авдотье Степановне — ярой “общественнице” и двум “левым” племянникам; третья сестрица, Екатерина Степановна, трогала ясной, пылающей добротой» [5, с. 81]. Дочь поэта вспоминала: «Надовражное стоит в версте от Дедова; там, в маленьком домике на самой окраине, у церкви и пруда, жили три сестры Любимовы, дочери умершего деревенского священника. К тому времени как я, восьмилетняя, приехала на летние каникулы в Надовражное, в живых оставалась только младшая из сестер Любимовых — Александра Степановна, которую мы с сестрой называли тетей Сашей, а отец по укоренившейся с детства привычке — Зязей. Это она поселилась у семнадцатилетнего Сережи Соловьева по его просьбе после семейной трагедии — одновременной смерти отца и матери; с ней он делился в юности своими радостями и горестями, ей он посылал из Италии открытки с видами городов, которые посещал вместе с юной женой» (*Соловьева Н.С.* Штрихи к портрету отца // Шахматовский вестник. № 2. <1993>. С. 25). Умерла она около 1925 г.

[87] Леонид Петрович Бельский (1855–1916) был, помимо прочего, автором нескольких (по преимуществу детских) стихотворных сборников и первым переводчиком полного текста «Калевалы».

[88] Речь идет о Елене Андреевне Красковой, умершей от кори 4 мая 1893 г. См.: [17, с. 77].

[89] Несколько лет спустя Брюсов посвятит Пентадию отдельную работу: *Брюсов В.* Пентадий. (Страница из истории римской поэзии) // Русская мысль. 1910. № 1. С. 206–214.

[90] Это слово Г.Р. Державин использует несколько раз в «Рассуждении о лирической поэзии или об оде»: «Гимн парением своим несколько ниже Оды», «В прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного рассуждения; оно даже их убегает и в высоком парении своем ищет только живых, чрезвычайных, занимательных представлений», «Но находятся однако оды, которые начинаются тихо и отчасу выше восходят своим парением», «Итак по сему понятию лирическое высокое заключается в быстром парении мыслей, в беспрерывном представлении множества картин и чувств блестящих, громким, высокопарным, цветущим слогом выраженное, который приводит в восторг и удивление» (Сочинения Державина с объяснительными примеч. Я. Грота. СПб.: Имп. Акад. наук, 1872. Т. 7. С. 519, 523, 536, 537).

[91] Из стихотворения «После пира» («Мы с дрожью страсти и печали…»).

[92] Из стихотворения «Гесперидовы сады» («Где-то есть, за темной далью…»).

[93] М.: Скорпион, 1909.

[94] Из стихотворения «Август» («Здравствуй, Август, венчан хмелем…»).

[95] Неточная цитата из стихотворения «Осеннее прощание эльфа» («В небе благость, в небе радость…»).

[96] Южин (Сумбатов-Южин) Александр Иванович (1857–1927) — актер, театральный деятель. С Брюсовым они вместе заседали в дирекции Московского литературно-художественного кружка. Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — высокопоставленный кадет, редактор «Русской мысли», публицист и политик.

[97] «Золотой Рим» (*лат.*). Книга была указана печатающейся («Aurea Roma. Золотой Рим. Очерки литературы и жизни времен Константина Великого и антология римских поэтов IV в. по Р.Х.») в каталоге «Скорпиона» 1910 г. и последующих. Следы ее подготовки сохранились в архиве: РГБ. Ф. 386. Карт. 48. Ед. хр. 11 (планы, наброски предисловия и первых семи глав); Ед. хр. 12 (хронологические таблицы).

[98] *Брюсов В.* Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония // Русская мысль. 1911. № 3. Отд. II. С. 1–48. Известны также отдельные оттиски.

[99] «Алтарь победы» первоначально печатался в «Русской мысли» (1911. № 9, 11–12; 1912. № 1–7, 9–10); в 1913 г. вышел отдельным изданием в составе собрания сочинений, заняв тома XII и XIII. 23 апреля 1912 г. Соловьев писал Брюсову: «За романом Вашим следил всю зиму, хотя сам находился в условиях не лучших, чем Ваш герой, когда он сидел в Медиоланской тюрьме. Но он просидел месяц, а я уже шесть. Мне лично роман Ваш ближе “Огненного ангела”. Но мне кажется, что все чисто политическое больше захватывает, чем мистическое. А когда я читал сцену, где старый сенатор трусит идти в сенат и хочет выпить на дорогу, мне вспоминались лучшие места Флобера. Но примечания сильно расхолаживают» (РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Л. 29). Возобновляя знакомство после долгого перерыва, Соловьев писал Брюсову: «Часто вновь и вновь перечитываю некоторые главы “Алтаря Победы”. <…> Не знаю, интересны ли Вам эти мои отзывы, но в искренности их Вы не станете сомневаться. Давно хотелось сказать Вам несколько слов по поводу “Алтаря Победы”, который так недостаточно оценен большой публикой, а составляет эпоху в истории русской литературы» [9, с. 550]; подписано «Когда-то Ваш знакомый священник Сергий Соловьев»).

[100] 25 января / 7 февраля 1909 г. Брюсов сообщал Н.И. Петровской: «Пишу повесть “Семь смертных грехов” — из “будущей” жизни, о которой говорят, что я в ней специалист» [10, с. 431]. Была окончена и опубликована лишь часть: Семь земных соблазнов. Отрывки из романа Валерия Брюсова // Северные цветы. М.: Скорпион, 1911. Вып. 5. С. 169–220. Подробнее см.: [15].

[101] Незаконченный рассказ «Женщина с бичом» был опубликован посмертно: *Брюсов В.* Неизданная проза. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. С. 157–158.

[102] См. об этом периоде в истории журнала: [1, с. 311–313].

[103] Рецензий на «Детство» в «Весах» не появлялось. О плане пригласить Горького к участию в журнале см.: [1, с. 311]. Еще за полтора года до окончания журнала Брюсов послал Горькому примирительное письмо (см. публ. Ю.А. Красовского и В.Н. Чувакова // [16, с. 658]).

[104] Этого письма мы не знаем.

[105] Речь идет о стихотворении «Сон» («Ты вновь меня ведешь, и в отдаленьи, робко…»). Название «Олень св. Губерта» осталось в рукописи. Об отношении Соловьева к этому стихотворению см.: [2]. В сезон «Общества свободной эстетики» 1910–1911 г. Брюсов читал стихи только 4 ноября 1910 г., причем Соловьев выступал на том же вечере.

[106] «Дворец искусств» — раннесоветский (1918–1921, а формально по 1923) художественно-литературно-жизнестроительный проект; см. о нем: [21]. Позже он был преобразован в Высший литературно-художественный институт, с 1924 г. принявший имя Брюсова. Располагался он в так называемом доме Соллогуба (Поварская, 52).

[107] Соловьев преподавал латинский и греческий языки, а также вел семинарий по творчеству Брюсова и читал курс «Латинский язык в связи с общим языкознанием».

[108] Владимир Иванович Герье (1837–1919) — историк, преподававший всеобщую историю в Московском университет. Брюсов оставил краткую запись о нем: «Умный, но скучный. Сухой старик с резкими глазами. Читает по тетрадке отчетливым голосом. Лекции его умны и богаты содержанием, но их приятнее читать дома. В практических занятиях “семинара” Герье нестерпим. Ибо к студентам относится как к ученикам, которых надо заставлять писать, а сам их писаниями не интересуется» [8, с. 203–204].

[109] Рутилий Намациан Клавдий — поэт конца IV — начала V в. Занятно, что он был косвенным образом причиной размолвки Брюсова с Волошиным: последний, печатно пересказывая их беседу, вложил в уста Брюсова фразу «Рутилий и Авзоний мне ближе всего» [11, т. 6, кн. 1, с. 121]. Брюсов откликнулся гигантским письмом в редакцию: «Я не мог сказать, что “Рутилий и Авзоний — поэты Антонинов”. Я достаточно твердо знаю, что эти два поэта жили вовсе не при Антонинах. Г. Волошин обещает еще статью, посвященную мне. Надеюсь, что он будет говорить в ней о моих стихах и о моей прозе, а не о моем сюртуке и не о моей квартире» (Там же. С. 649). Брюсов переводил фрагмент его поэмы «Возвращение домой». Перевод был опубликован по автографу уже в новейшее время: Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова / сост. С.И. Гиндин. М.: Радуга, 1994. С. 103–105, см. также коммент.: С. 811–812.

[110] О подготовке Брюсовым перевода «Энеиды» было объявлено еще в 1900 г., в его книге стихов «Tertia vigilia»; от этого перевода сохранились отдельные фрагменты. Через много лет Брюсов вновь приступил к переводу, полностью его переделав (о разнице версий см.: [12]). При этом при жизни поэта книга так и не была напечатана. Для подготовки ее к публикации уже в 1920-е годы И.М. Брюсова пригласила Соловьева. Он отвечал ей письмом 4 декабря 1928 г.:

«Многоуважаемая и дорогая Жанна Матвеевна!

Закончить перевод Энеиды, начатый Валерием Яковлевичем, было всегда моим желанием, и я предлагал это сделать Сабашникову. Поговорю на днях с Гросманом <sic!> на эту тему. Вторую часть Энеиды, где действие происходит в Лациуме, я всегда особенно любил. Конечно рискованно состязаться в этом деле с таким знатоком Вергилия и мастером стиха, каким был Брюсов, но кажется уже суждено быть зам-Брюсовым, как Чулкова называют зам-Бердяевым. Относительно 9-го ян-

варя я надеюсь, что удастся что-нибудь небольшое написать и прочесть, хотя у меня еще не выяснилась тема» (РГБ. Ф. 386. Карт. 155. Ед. хр. 1. Л. 3). О ходе работы над текстом он сообщал ей же:

«Дорогая Жанна Матвеевна,

я только могу повторить Ваши слова: перевод Вал.Як. — лес, дебри. Я начал исправлять первую книгу, но потом остановился в раздумье. С одной стороны, перевод в таком виде слишком труден, невозможен для рядового читателя, и мы можем нажить большие неприятности, с другой стороны, ведь эта темнота и трудность — сознательный прием Вал.Як. Он мог бы ответить: “что же, что непонятно? И Баратынский, и Маллармэ — непонятны”. Я пробовал изменить везде Иова на Юпитера. Это не трудно сделать, но надо ли? Ведь Жуковский вместо Зевс писал в “Одиссее” Дий, и это было также смело и непонятно, как Иов, и также взято из основы слова и косвенных падежей. Хуже, чем Венера звучит Керера, вместо столь знакомой Цереры. Но почему исправлять Венера и уничтожать Керера! Одним словом, или переделывать перевод, не оставив камня на камне, или исправлять очень немного, не более одного стиха на страницу. Есть конечно в переводе просто ляпсусы, неожиданные у Вал.Як. Напр. стихи кончаются таким сочетанием, как гора́ вод, но ведь это не прочтешь, говорят гора́ во́д, или го́р лев. Это безударное “лев” опять непроизносимо. “Розовая шея” у Вал.Як. передается через “румяная выя”. Я с этим не согласен; румяный значит “красный”, а красная шея бывает не у Афродиты, а у жирных стариков. Но ведь перевод не мой, а Вал.Яковл., и если я начну переделывать его на свой лад, получится ни то, ни сё. Перевод Брюсова во всяком случае оригинален, страшно интересен, и надо оставить его, как он есть. Единственное, что можно сделать, это постараться восстановить первоначальную редакцию самого Вал.Яковл. Но возможно ли это для всех книг и всех мест? Если мы смешаем две редакции, получится чересполосица. Поговорим об этом на следующей неделе. Я Вам позвоню. Конечно, со сдачей рукописи мы можем смело опоздать до 1 февраля» (письмо от 21 ноября 1930 г. // Там же. Л. 5–5 об.). 7 декабря 1930 г. он писал: «Я не подавал Вам вестей потому, что торопился закончить перевод XI книги. Теперь уже приступаю к XII и могу параллельно просмотреть перевод первых VII книг. Для сокращения времени мы не будем с Вами читать вслух весь текст (это было бы бесконечно!). Просто Вы подчеркните стихи, которые Вам кажутся сомнительны, я со своей стороны сделаю то же самое и наедине их подправлю, а затем предоставлю мои исправления на Ваше усмотрение. Сегодня надеюсь просмотреть до конца I-ую книгу. На этой неделе Вам позвоню. Все больше начинаю ценить перевод Фета, несмотря на его уродливость. У Кв<ашнина>-Сам<арина> много удачных выражений, которые не грех украсть, но у него не чувствуется латинское звучание, и метр, и инструментовка — произвольны» (Там же. Л. 6).

В заметке «К истории перевода В.Я. Брюсова» И.М. Брюсова писала: «Несмотря на огромную работу, проделанную В.Я., может быть, именно благодаря ей и благодаря постоянной ломке своего перевода, а также в силу трудности выполнения поставленной себе задачи, чтобы художественный перевод являлся одновременно и художественным подстрочником, — синтаксис русского языка приобретает иногда в переводе Брюсова свойства латинской речи. Поэтому С.М. Соловьев, редактировавший первоначально перевод В. Брюсова, сделал некоторые изменения, очень, правда, незначительные, но все сводившиеся к тому, чтобы упростить русский язык. При последней сверке перевода пришлось и мне внести несколько поправок того же характера» (*Вергилий*. Энеида / пер. Валерия Брюсова и Сергея Соловьева; ред., вступ. ст. и коммент. Н.Ф. Дератани. М.: Academia, 1933. С. 321). Примечательно, что производственный цикл книги оказался нетипично долог — она была сдана в набор в ноябре 1931 г. и подписана к печати только через год.

[111] Роман напечатан после смерти автора: *Брюсов В.* Неизданная проза. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. С. 11–128.

[112] Раннесоветские сокращения — Главное управление профессионального образования, Московский отдел народного образования, Всероссийский центральный исполнительный комитет.

[113] Из стихотворения «На форуме» («Не как пришлец на римский форум…»); с разночтениями.

[114] Книгу опознать не можем.

[115] Поэт Иван Сергеевич Рукавишников (1877–1930) не только возглавлял «Дворец искусств», но и был постояльцем находящегося при нем общежития.

[116] Правильно: mania contradictionis (*лат.*).

[117] Первые строки стихотворения «З.Н. Гиппиус».

[118] Из стихотворения «Поэту» («Ты должен быть гордым, как знамя…»).

[119] Трагедия. Первая публикация: Русская мысль. 1913. № 9. С. 1–31.

[120] Героини рассказа «Сестры: из судебных загадок» (впервые: *Брюсов В.Я.* Земная ось. Рассказы и драматические сцены. М.: Скорпион, 1907. С. 27–46).

[121] Из стихотворения «Памяти Е.И.П.» («Мы встретились с нею в пустыне…»).

[122] Из стихотворения «Проснувшийся Восток» («Не гул ли сумрачной Цусимы...»), с разночтениями.

[123] Может быть, речь о некрологе, написанном П.С. Коганом: «Гордый, одинокий, исполненный угрюмого величия, отворачивающийся от “скорбной драмы нашего временного бытия”, поставивший себе задачу — “одному любоваться на грезу свою”, указавший в своих творениях, в великолепных стихах, все пути бегства от неотвязчивых запросов отвратительной буржуазной действительности» (Пламя. 1924. № 21. С. 404).

[124] Формулировка «зала веселья» встречается в основном корпусе стихов Брюсова дважды — в стихотворенях «Позор» («Венчальные платья мы сняли…») и «Конь Блед» («Улица была — как буря. Толпы проходили…»). Анадиомена — одно из имен Афродиты.

[125] Брюсов был военным корреспондентом газеты «Русские ведомости» с лета 1914 г. по май 1915 г.

[126] Доклад о «Египетских ночах» Пушкина был прочитан Брюсовым на заседании «Общества свободной эстетики» 27 января 1910 г.

[127] Первые строки стихотворения «Одиночество».

[128] Стихотворение «Крот» («Роет норы крот угрюмый…»).

[129] Стихотворение «Слепой» («Люблю встречать на улице…»).

[130] Из стихотворения «Mon reve familier» («Вновь одинок, как десять лет назад…»).

[131] Из стихотворения «Париж» («И я к тебе пришел, о город многоликий…»).

[132] Из стихотворения «Искушение» («Я иду. Спотыкаясь и падая ниц…»).

[133] Из стихотворения «Кому-то» («Фарман, иль Райт, иль кто б ты ни был!...»).

[134] Уже упоминавшееся выше стихотворение «Призыв» («Приходи путем знакомым…»).

[135] Из стихотворения Белого «Созидатель» («Грустен взор. Сюртук застегнут…»).

Литература

1. *Азадовский К.М.*, *Максимов Д.Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 257–326.

2. *Анчугова Т.В.* От обожания к отрицанию (отклики Сергея Соловьева на поэзию Брюсова) // Брюсовские чтения 1996 года. Ереван: Лингва, 2001. С. 245–258.

3. *Арзамасцев В.П.*, *Мисочник С.М.* Эпизод из жизни поэта // Наше наследие. 1998. № 45. С. 52–53.

4. *Ашукин Н.*, *Щербаков Р.* Брюсов. М.: Молодая гвардия, 2006. 589 с.

5. *Белый А.* Между двух революций / подг. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Худож. лит., 1990. 670 с.

6. *Белый А.* Начало века / подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Худож. лит., 1990. 688 с.

7. *Брюсов В.* Дневники. 1891–1910 / подгот. к печати И.М. Брюсова, примеч. Н.С. Ашукина. М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. 203 с.

8. *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма / сост., вступ. ст. Е.В. Ивановой. М.: ОЛМА-пресс, 2002. 414 с.

9. *Брюсов В.* Из переписки послеоктябрьских лет (1918–1925) / обзор, публ. и коммент. Н.А. Трифонова // Литературное наследство. М.: Наука, 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 534–571.

10. Валерий Брюсов. Нина Петровская. Переписка. 1904–1913 / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова. М.: НЛО, 2004. 776 с.

11. *Волошин М.А.* Собр. соч.: в 13 т. / под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова. М.: Эллис Лак; Азбуковник, 2003–2015.

12. *Гаспаров М.Л.* Брюсов и буквализм (по неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. М.: Сов. писатель, 1971. Вып. 8. С. 90–128.

13. *Лавров А.В.* Русские символисты. Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 632 с.

14. *Лавров А.В.* «С Брюсовым на равной ноге»: Письма М.Ф. Ликиардопуло к В.Я. Брюсову // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 48–107. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-48-107

15. *Литвин Э.С.* Неоконченный утопический роман В.Я. Брюсова «Семь земных соблазнов» // Брюсовские чтения 1973 года. Ереван: Советакан грох, 1976. С. 116–140.

16. Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. 854 с.

17. *Молодяков В.* Валерий Брюсов. Биография. СПб.: Вита Нова, 2010. 672 с.

18. Переписка Блока с С.М. Соловьевым (1896–1915) / вступ. ст., публ. и коммент. Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. М.: Наука, 1980. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 308–407.

19. Письма С.М. Соловьева к Н.А. Врангель-Левицкой и ее воспоминания / публ. Н.Г. Прозоровой, Н.В. Левицкой // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 26. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/26/soloviev26.shtml (дата обращения: 20.07.2024).

20. *Соболев А.Л.* А.Я. Брюсов и В.Ф. Ходасевич. Переписка // Russian literature. 2016. Vol. 83–84. P. 259–307.

21. *Соболев А.Л.* К истории московского «Дворца искусств» // Рема. Rhema. 2020. № 4. С. 135–162. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-135-162

22. *Соловьев С.* Воспоминания. М.: НЛО, 2003. 485 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Valery Bryusov in S.M. Soloviev's Memoirs

© 2025. Alexander L. Sobolev
Independent Researcher,
Moscow, Russia

Abstract: For the first time, the article presents a memoir essay about V.Ya. Bryusov, written shortly after the poet's death by his friend, the symbolist of the younger generation S.M. Solovyov. Their literary and human relations were not simple, which is directly reflected in the essay. In his memoir, Solovyov stops at the mid-1900s, the time of the closest communication between the two poets and Bryusov's acquisition of wide literary recognition. Telling a number of interesting life stories, the memoirist at the same time tries to show the formation of Bryusov as the head of a new school of Russian poetry and literature, assigning him approximately the same role that A.S. Pushkin had to play a century earlier. Remembering Bryusov in the hustle and bustle of editorial affairs at the journal *Libra*, the publishing house "Scorpio," in literary and personal skirmishes and polemics, in the family circle and in tense love collisions, Solovyov does not forget the main thing — that the hero of his essay was, first of all, a poet. The memoirs are published entirely according to the author's manuscript of S.M. Solovyov, the publication is accompanied by an academic commentary.

Keywords: Valery Bryusov, Sergei Solovyov, memoirs, Russian literature of the early 20th century, symbolism, periodicals, biography of the writer, literary life, archival documents.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, Independent Researcher, Moscow, Russia.

E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: Sobolev, A.L. "Valery Bryusov in S.M. Soloviev's Memoirs." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 51–94. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-51-94

References

1. Azadovskii, K.M., and D.E. Maksimov. "Briusov i 'Vesy' (K istorii izdaniia)" ["Bryusov and 'Libra' (On the History of the Publication)"]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 257–326. (In Russ.)

2. Anchugova, T.V. "Ot obozhaniia k otritsaniiu (otkliki Sergeia Solov'eva na poeziiu Briusova)" ["From Adoration to Denial (Sergey Solovyov's Responses to Bryusov's Poetry)"]. *Briusovskie chteniia 1996 goda* [*Bryusov Readings, 1996*]. Yerevan, Lingva Publ., 2001, pp. 245–258. (In Russ.)

3. Arzamastsev, V.P., and S.M. Misochnik. "Epizod iz zhizni poeta" ["An Episode from the Life of a Poet"]. *Nashe nasledie*, no. 45, 1998, pp. 52–53. (In Russ.)

4. Ashukin, N., and R. Shcherbakov. *Briusov* [*Bryusov*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 589 p. (In Russ.)

5. Belyi, A. *Mezhdu dvukh revoliutsii* [*Between Two Revolutions*], text prep. and comm. by A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 670 s. (In Russ.)

6. Belyi, A. *Nachalo veka* [*Beginning of the Century*], text prep. and comm. by A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 688 s. (In Russ.)

7. Briusov, V. *Dnevniki. 1891–1910* [*Diaries. 1891–1910*], prep. for publ. by I.M. Briusova, notes by N.S. Ashukin. Moscow, M. i S. Sabashnikovy Publ., 1927. 203 p. (In Russ.)

8. Briusov, V. *Dnevniki. Avtobiograficheskaia proza. Pis'ma* [*Diaries. Autobiographical Prose. Letters*], comp/ and introd. article by E.V. Ivanova. Moscow, OLMA-press Publ., 2002. 414 p. (In Russ.)

9. Briusov, V. "Iz perepiski posleoktiabr'skikh let (1918–1925)" ["From the Correspondence of the Post-October Years (1918–1925)"], review, publ. and comm. by N.A. Trifonov. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 98: Valerii Briusov i ego korrespondenty [Valery Bryusov and His Correspondents], book 2. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 534–571. (In Russ.)

10. *Valerii Briusov. Nina Petrovskaia. Perepiska. 1904–1913* [*Valery Bryusov. Nina Petrovskaya. Correspondence. 1904–1913*], introd. article, text prep. and comm. by N.A. Bogomolov and A.V. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 776 p. (In Russ.)

11. Voloshin, M.A. *Sobranie sochinenii: v 13 t.* [*Collected Works: in 13 vols.*], ed. by V.P. Kupchenko and A.V. Lavrov. Moscow, Ellis Lak Publ., Azbukovnik Publ., 2003–2015. (In Russ.)

12. Gasparov, M.L. "Briusov i bukvalizm (po neizdannym materialam k perevodu 'Eneidy')" ["Bryusov and Literalism (Based on Unpublished Materials for the Translation of the 'Aeneid')"]. *Masterstvo perevoda* [*Mastery of Translation*], issue 8. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1971, pp. 90–128. (In Russ.)

13. Lavrov, A.V. *Russkie simvolisty. Etiudy i razyskaniia* [*Russian Symbolists. Studies and Research*]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2007. 632 p. (In Russ.)

14. Lavrov, A.V. "'S Briusovym na ravnoi noge': Pis'ma M.F. Likiardopulo k V.Ia. Briusovu" ["'As Bryusov's Equal': M.F. Likiardopulo's Letters to V.Ya. Bryusov"]. *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 3 (21), pp. 48–107. https://doi. org/10.22455/2541-8297-2021-21-48-107 (In Russ.)

15. Litvin, E.S. "Neokonchennyi utopicheskii roman V.Ia. Briusova 'Sem' zemnykh soblaznov'." ["Unfinished Utopian Novel by V.Ya. Bryusov 'Seven Earthly Temptations'."] *Briusovskie chteniia 1973 goda* [*Bryusov Readings, 1973*]. Yerevan, Sovetakan grokh Publ., 1976, pp. 116–140. (In Russ.)

16. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 854 p. (In Russ.)

17. Molodiakov ,V. *Valerii Briusov. Biografiia* [*Valery Bryusov. Biography*]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2010. 672 p. (In Russ.)

18. "Perepiska Bloka s S.M. Solov'evym (1896–1915)" ["Correspondence of Blok with S.M. Solovyov (1896–1915)"], introd. article, publ. and comm. by N.V. Kotrelev and A.V. Lavrov. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 92: Aleksandr Blok.

Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok. New Materials and Research], book 1. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 308–407. (In Russ.)

19. “Pis’ma S.M. Solov’eva k N.A. Vrangel’-Levitskoi i ee vospominaniia” [“Letters from S.M. Solovyov to N.A. Wrangel-Levitskaya and Her Memories”], publ. by N.G. Prozorova and N.V. Levitskaia. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 26, 2008. Available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/26/soloviev26.shtml (Accessed 20 July 2024). (In Russ.)

20. Sobolev, A.L. “A.Ia. Briusov i V.F. Khodasevich. Perepiska” [“A.Ya. Bryusov and V.F. Khodasevich. Correspondence”]. *Russian literature*, vol. 83–84, 2016, pp. 259–307. (In Russ.)

21. Sobolev, A.L. “K istorii moskovskogo ‘Dvortsa iskusstv’.” [“Toward the History of the Moscow ‘Palace of Arts’.”] *Rhema*, no. 4, 2020, pp. 135–162. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-135-162 (In Russ.)

22. Solov’ev, S. *Vospominaniia* [*Memories*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 485 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.10.2024
Одобрена после рецензирования: 13.01.2025
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 20.10.2024
Approved after reviewing: 13.01.2025
Date of publication: 25.03.2025

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-95-114
https://elibrary.ru/RULVYO

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Переписка А.В. Амфитеатрова и В.Я. Брюсова (1909–1912)

© 2025, А.С. Александров
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье впервые в полном объеме представлена двусторонняя переписка Валерия Брюсова с журналистом и прозаиком, популярным фельетонистом, автором исторических романов Александром Амфитеатровым (1862–1938), проживавшим в эти годы в эмиграции в Италии. Импульсом к переписке двух писателей и основным содержанием ее первой части стал доклад Брюсова «Испепеленный» на торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 апреля 1909 г. в Москве, которое было приурочено к столетнему юбилею Н.В. Гоголя. Речь Брюсова вызвала бурную полемику в прессе, Амфитеатров выступил в печати в поддержку поэта. Попутно темами эпистолярного диалога стали статьи о Гоголе, появившиеся к юбилею классика. Часть переписки посвящена обсуждению книг Брюсова, в первую очередь его романа «Алтарь Победы», а также сборников «Земная ось» и «Зеркало теней». Переписка содержит интересные, порой неожиданные, оценки писателей-современников. Публикуемые тексты снабжены развернутыми историко-литературными комментариями.

Ключевые слова: А.В. Амфитеатров, В.Я. Брюсов, литературные юбилеи, Н.В. Гоголь, журнал «Весы», «Русская мысль», журналистика.

Информация об авторе: Александр Сергеевич Александров — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8611-6490

E-mail: aspiros.83@mail.ru

Для цитирования: *Александров А.С.* Переписка А.В. Амфитеатрова и В.Я. Брюсова (1909–1912) // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 95–114. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-95-114

Корреспондентов публикуемой ниже переписки нельзя отнести к писателям одного круга и единомышленникам. С одной стороны — В.Я. Брюсов — поэт высокого символизма, редактор и автор элитарных журналов, с другой — А.В. Амфитеатров — скандально известный публицист, вынужденный эмигрант, сотрудник многочисленных массовых периодических изданий, прозаик-позитивист, критически относившийся к поискам модернистов начала XX в. Свою позицию по отношению к представителям поэзии «смутного неуловимого» (термин А.А. Измайлова) Амфитеатров обозначил в первом письме к Брюсову: «я далеко не сторонник “декаданса”», однако именно он инициировал начало эпистолярного диалога.

О причинах, побудивших его обратиться к одному из столпов русского символизма, Амфитеатров вспоминал в 1924 г.:

> В 1909 г. В.Я. Брюсов сильно нашумел своим «Испепеленным»: речью на торжестве открытия московского памятника Гоголю. Речь эта, содержавшая очень остроумную и во многом верную эстетическую оценку Гоголя, имела несчастие быть произнесенною не ко времени и не к месту: пред слушателями, собравшимися не для критики, а для праздничного славословия. Брюсова освистали, печать завопила о «кощунстве», травля дерзновенного поэта-критика продолжалась с добрый месяц. Между тем, ознакомившись с «Испепеленным», я нашел, что травить его решительно не за что, и, напротив, за исключением нескольких, может быть, слишком парадоксальных резкостей, пущенных pour épater les bourgeois, речь Брюсова была самым интересным и дельным словом, сказанным на празднике Гоголя, сложившемся очень неудачно и из рук вон банально. Поэтому я решительно встал за Брюсова печатно (в «Речи») и письмо ему послал, высмеивая нелепость воздвигнутого на него гонения[1].

В этой мемориальной публикации, подготовленной, очевидно, как отклик на смерть Брюсова 9 октября 1924 г., Амфитеатров вспоминал событие 27 апреля 1909 г. в Москве — торжественное заседание Общества любителей российской словесности, приуроченное к столетнему юбилею Гоголя. Здесь Брюсов произнес свою знаменитую речь «Испепеленный»[2], вызвавшую бурные споры, как на самом заседании, так и впоследствии в прессе. Амфитеатров

[1] Четыре письма Валерия Брюсова // За свободу! 1924. 10 нояб. № 302. С. 2. О Гоголевских торжествах подробнее см.: [6; 11].

[2] Первая публ.: Весы. 1909. № 4. С. 98–120.

«подлил масла» в разгоревшийся на страницах массовой периодики огонь, отозвавшись на юбилейные мероприятия статьей «После праздника»[3]. Отклик представляет собой шуточное письмо от лица памятника Гоголю, открытого по случаю 100-летия писателя, обращенное к памятнику Пушкину. Письмо начинается с приветствия, затем плавно перетекает в описание юбилейных торжеств. По поводу речи Брюсова «Гоголь» «Пушкину» сообщил следующее: «Приключения с г. Валерием Брюсовым не берусь тебе объяснить. Ведь это история, понимаешь ли: история сконапель истуар[4]. Явился, вооруженный цитатами с ног до головы в роде Ринальдо Ринальдини[5], и скандальозу наделал ужасного. Говорил такие речи, что признаюсь, у меня не станет духа произнести их. Вся зала сбежалась, председатель плачет, все кричат, никто никого не понимает, — ну, просто, оррер, оррер, оррер! Но каково же после этого декадентское воспитание? Ведь это, просто, раздирает сердце, когда видишь, до чего достигла, наконец, безнравственность»[6]. Выступление Брюсова в изложении Амфитеатрова фактически представляет собой парафраз диалога дамы приятной во всех отношениях и просто приятной дамы из «Мертвых душ»[7], что призвано усилить комический эффект публикации.

Поддержка Брюсова в фельетоне Амфитеатрова выражена не столько в строках, относящихся непосредственно к речи поэта, сколько в последующих абзацах, в которых критик высмеял речь харьковского профессора Д.И. Багалея, выступившего на заседании фактически оппонентом Брюсова[8].

Амфитеатров высоко отозвался о речи Брюсова в письме к Горькому, с которым состоял в 1910-х гг. в переписке: «В его речи гого-

---

[3] *Амфитеатров А.В.* После праздника // Речь. 1909. 10 мая. № 126. С. 3.

[4] ce qu'on appelle l'histoire (*франц.*).

[5] Герой знаменитого романа Х.-А. Вульпиуса (1762–1827) «Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников».

[6] *Амфитеатров А.В.* После праздника. С. 3.

[7] Глава 9; ср.: «Ведь это история, понимаете ли: история, сконапель истоар, — говорила гостья с выражением почти отчаяния и совершенно умоляющим голосом. <…> Вообразите себе только то, что является вооруженный с ног до головы, вроде Ринальда Ринальдина, и требует: "Продайте, говорит, все души, которые умерли". Словом, скандальёзу наделал <Чичиков> ужасного: вся деревня сбежалась, ребенки плачут, все кричат, никто никого не понимает, ну просто оррёр, оррёр, оррёр».

[8] Примечательно, что гоголевские дни и внимание, которое обратил на себя Брюсов своим выступлением, положили начало взаимоотношениям поэта с еще одним известным критиком начала XX в. — А.А. Измайловым. Журналист сочувственно отозвался о речи Брюсова в репортажах для «Русского слова» (1909. 28 апр.) и «Биржевых ведомостей» (1909. 29 апр.). В конце 1909 г., подводя литературные итоги юбилейного года, Измайлов снова отметил выступление Брюсова как нечто исключительное в «загроможденном шаблонным витийством казенных ораторов, не давшем ни одного нового слова» на гоголевском празднике (Новое слово. 1909. № 12. С. 74). Подробнее см.: [1, с. 203−228].

левской сказано много дельного и верного» [9, с. 152]. В мае вышел еще один его отклик в «Одесских новостях»[9], здесь вновь затронута бурная полемика по поводу гоголевского юбилея. Оба фельетона впоследствии были включены в книгу Амфитеатрова «Заметы сердца»: они составили главу «Гоголевы дни» и были сопровождены дополнительными комментариями. В одном из подстрочных примечаний автор отметил:

> Прочитав превосходный этюд г. Валерия Брюсова «Испепеленный», я окончательно убедился, что критик-поэт ни за что ни про что принял в чужом пиру похмелье и сделался жертвою праздничного идолопоклонства и, может быть, общественного предубеждения против литературной школы, которая считает г. Брюсова главой. Во всяком случае, претерпел не по справедливости, а во имя общих мест и «условных лжей»[10].

Шум юбилейных торжеств стих, однако эпистолярный диалог двух современников не прервался и продолжился еще в 1911 и 1912 гг. Темами писем этого периода были новые книги Брюсова, в первую очередь его роман «Алтарь Победы», о временах упадка Римской империи, а также сборники «Земная ось» и «Зеркало теней». Интерес Амфитеатрова к роману Брюсова закономерен, так как он и сам в своем творчестве обращался к истории Древнего Рима, а в 1911–1912 гг. в журнале «Современник» публиковался его многотомный исторический роман «Зверь из бездны», прослеживающий жизненный путь императора Нерона.

Помимо обсуждений художественных произведений переписка содержит интересные и порой неожиданные оценки писателей-современников. Заканчивается эпистолярный диалог письмом, в котором вновь возникает гоголевская тема. Амфитеатров отреагировал на иллюстрации к сборнику рассказов Брюсова «Земная ось», выполненные итальянским художником Альберто Мартини. Публицист отрицательно отнесся к художественным решениям итальянского мастера, в особенности к рисунку, относящемуся к рассказу «В зеркале: Из архива психиатра». Одна из деталей иллюстрации представляет собой отражение лица главной героини в зеркале, с прорисованной верхней частью — выразительными глазами; рот и нос отсутствуют, шея размыта. Такое художественное решение позволило Амфитеа-

[9] *Амфитеатров А.В.* Записная книжка // Одесские новости. 1909. 10 мая. № 7811. С. 2.

[10] *Амфитеатров А.В.* Заметы сердца. М.: Тип. А.А. Поплавского, 1909. С. 22–23.

трову провести аналогии с героем повести Гоголя «Нос» — майором Ковалевым.

Отметим, что к переписке Амфитеатрова и Брюсова неоднократно обращались исследователи. Первым публикатором писем Брюсова был сам адресат корреспонденций. На страницах варшавской газеты «За Свободу!» Амфитеатров привел (с неточностями в прочтении) четыре письма Брюсова к нему с собственными комментариями (часть из них мы приводим в примечаних к письмам)[11].

В 2011 г. Ж. Шерон напечатал три известные ему письма Брюсова (письма № 2, 4, 7), не учитывая упомянутую публикацию самого Амфитеатрова [14, с. 389–395]. Письма Амфитеатрова, сохранившиеся в архиве Брюсова НИОР РГБ никогда не публиковались целиком (отдельные выдержки из них приводились в разных исследованиях, посвященных истории русской литературы); письмо от 15 мая 1909 г. (№ 1) было опубликовано в статье Н.Ю. Грякаловой «XX век открывает Гоголя: (Гоголевские дни 1909 года)» [6]. Полностью двусторонняя переписка Амфитеатрова и Брюсова печатается впервые: письма Амфитеатрова публикуются по автографам, сохранившимся в архиве Брюсова в НИОР РГБ (Ф. 386. Карт. 74. Ед. хр. 31). Письма Брюсова воспроизводятся по автографам, сохранившимся в архиве Амфитеатрова в Блумингтоне (США). Выражаем искреннюю благодарность сотрудниками Manuscripts Department Lilly Library (Indiana University) за предоставленные для публикации документы.

1. А.В. Амфитеатров — В.Я. Брюсову
15 мая 1909. Кави-ди-Лаванья, Италия

Italia. Cavi di Lavagna (via Genova)
1909. V. 15

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Кажется, в отчестве не ошибаюсь? Меня очень интересует Ваша речь о Гоголе[1]. Судя по газетным отчетам, она выделилась из праздничного краснословия попыткою к серьезной критике, за что Вы, кажется, и претерпели гонение. Как Вам известно, я далеко не сторонник «декаданса», одним из творцов которого Вы были. Но, читая изложение реферата Вашего в «Речи»[2], я не встретил в нем ни одного положения, под которым человек искренний и с литературным вкусом не мог бы подписаться хоть обеими руками. Тем любопытнее мне было бы ознакомиться с Вашею речью в подробности. Так как, вероятно, Вы ее напечатаете, то, пожалуйста, не откажите в любез-

[11] *Амфитеатров А.В.* Четыре письма Валерия Брюсова // За свободу! 1924. 10 нояб. № 302. С. 2–3.

ности — послать мне оттиск или книжку журнала, где она появится, налож<ен>ным платежом, по возможности, немедленно по выходе. Исполнением просьбы весьма обяжете. Извиняюсь за беспокойство. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров.

---

[1] Доклад был зачитан на торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 апреля 1909 г. в Большом зале Консерватории. Впервые опубликован: Весы. 1909. № 4. С. 98–120; затем вышел отдельным изданием: *Брюсов В.Я.* Испепеленный: К характеристике Гоголя: Доклад, прочит. на торжеств. заседании О-ва любителей рос. словесности, 27 апр. 1909 г. М.: Скорпион, 1909. 34 с. Оценку речи Брюсова см. в отчете: Гоголевские дни в Москве. Общество любителей российской словесности. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1910. С. 89–90. См. также воспоминания И.Н. Розанова об этом событии: [12, с. 767–768].

[2] Речь идет о статье: *Чужой* [*Эфрос Н.Е.*]. Гоголевские торжества в Москве: Бурное собрание в Консерватории // Речь. 1909. 29 апреля. № 115. С. 3. В заметке приводится пересказ речи Брюсова, а также описана реакция публики на услышанное.

2. В.Я. Брюсов — А.В. Амфитеатрову

12 мая 1909. Москва

Москва. 12/25 мая 1909

Цветной 24.

Многоуважаемый Александр Валентинович!

После скандала 27 апреля было несколько человек, которые «выражали мне свое сочувствие», кто лично, кто телеграммами. Что это делали иные из моих друзей — не удивительно, но два таких «сочувствия» были для меня неожиданностью. Во-первых, слова В.И. Сурикова (художника)[1], с которым я до того времени не был знаком, во-вторых, — Ваши. Вы достаточно знаете, что такие слова стоят много дороже, чем все аплодисменты, которые собрал после меня проф. Багалей (жестоко Вы с ним обошлись в «Речи»!)[2].

Я выслал бы Вам корректурные листы своей статьи, но это ускорило бы для Вас ее получение всего на два дня, — так как через два дня выходит № «Весов», где она будет напечатана[3]. № специально посвящен Гоголю, и кроме моей статьи там помещены статьи о нем Белого, Эллиса и Б. Садовского[4]. Я вышлю Вам первый экземпляр, который только будет сброшюрован. Затем статья моя выйдет отдельным изданием, с маленькими дополнениями (впрочем, незначительными), которые я теперь к ней делаю. Не замедлю доставить Вам и эту брошюру.

У меня есть давний долг перед Вами: благодарность за Ваше заступничество в моем споре с общим нашим приятелем Максими-

лианом А. Волошиным, написавшим обо мне некую vies imaginaire*[5]. Спасибо. А что Вы «не поклонник декаданса», то ведь никакого «декаданса» и нет, да и, полно, был ли он когда-нибудь!

С глубоким уважением

Валерий Брюсов.

P.S. Отчет о Гоголевских днях в «Речи» писал Н.Е. Эфрос[6]. Мой доклад он успел прочесть у меня в рукописи и изложил его довольно верно. Но на самом чтении не присутствовал, и потому рассказ его о «событии», именно о том, как я «путался» и «брел к концу»[7], говоря языком официальным, «не соответствует действительности».

---

[1] Василий Иванович Суриков (1848–1916), художник, автор масштабных исторических полотен, академик и действительный член Императорской Академии художеств. Сочувственный отклик о речи Брюсова был высказан устно при знакомстве, на которое указано в письме; ср. в воспоминаниях В.В. Вересаева, который также сочувственно отнесся к Брюсову: «Я с ним встретился в коридоре Литературно-художественного кружка, — подошел и выразил горячее одобрение за его речь и сочувствие по поводу нелепых на него нападок.

— Единственная яркая, интересная речь, единственно достойные поминки по Гоголе — и этот обывательский вой!

— Недавно подошел ко мне художник Суриков — лично мы с ним не были знакомы — и тоже выразил мне одобрение» (*Вересаев В.* Невыдуманные рассказы. М.: Худож. лит., 1968. С. 440–441).

[2] Дмитрий Иванович Багалей (1857–1932), историк, ректор Императорского Харьковского университета. Фактически выступил оппонентом доклада Брюсова. Амфитеатров иронично отреагировал на его инвективы в стилистике гоголевского «Вия»: «Хорошо еще, что случился тут харьковский профессор Багалей. <...> Шум поднял такой, всех распушил! Всех там этих декадентов, символистов, всех начал откалывать и гвоздить. “Да, вы, Говорит, что! Говорит; да вы, говорит это! Говорит; да, вы, говорит, литературы своей не знаете! да вы, говорит, искусствопродавец! говорит”. Испуганные декаденты бросились. Кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь, но не тут-то было: так и остались там, завязнувши в дверях и окнах. А меня (Гоголя. — *А.А.*) профессор Багалей похвалил: — Не знаешь, — говорит, — чему удивляться: верности или необыкновенной яркости и свежести кисти» (*Амфитеатров А.В.* После праздника // Речь. 1909. 10 мая. № 126. С. 3). Доклад Багалея «Эволюция художественного творчества Н.В. Гоголя» см.: Вестник Европы. 1909. Т. 4. Кн. 7. С. 321–328; Гоголевские дни в Москве. Общество любителей российской словесности. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1910. С. 181–190.

[3] См. примеч. 1 к п. 1.

[4] Выпуск «Весов» (1909. № 4) был посвящен 100-летнему юбилею Гоголя. В номере помимо прочих публикаций вышли статьи А. Белого «Гоголь» (С. 69–83), Эллиса «Человек, который смеется» (С. 84–94), Б. Садовского «О романтизме Гоголя» (С. 95–97).

[5] Речь идет об очерке М. Волошина «Лики творчества. Валерий Брюсов» (Русь. 1907. 29 дек. № 348. С. 3–4; см. фельетон: [4, с. 110−123 и примеч. к нему]. Очерк, в котором речь зашла о личной жизни Брюсова, вызвал бурную полемику в печати, см.: [10, с. 276]. На публикацию откликнулся и Амфитеатров фельетоном «Vies imag-

---

* вымышленные жизни *(франц.)*.

inaire» (Речь. 1908. 20 янв. № 17. С. 3), возмутившийся словам Волошина о том, что «детство Брюсова прошло у дверей публичного дома». Здесь же Амфитеатров дал высокую оценку Брюсову-поэту: «Не знаю, как откровения г. Максимилиана Волошина нравятся самому г. Брюсову, но “вообще” полагаю, что триумфатором из-за этаких похвал человеку почувствовать себя мудрено. Валерий Брюсов — величина, определившаяся и солидная: не молоденький начинающий, не мальчишка, балующийся от нечего делать рифмованным сквернословием и решительно никому не нужным хвастовством» (Там же). Заглавие фельетона «Vies imaginaire» — отсылка к одноименной книге французского символиста Марселя Швоба (1867–1905), вышедшей в пер. Л. Рындиной под ред. С. Кречетова (М.: Гриф, 1909). Ср. комментарий Амфитеатрова к этому письму: «В своей фантастической биграфии Брюсова, написанной в подражание “Vies imaginaires” французского декадента Марселя Швоба, М.А. Волошин уверял, будто Брюсов родился на пороге публичного дома и получил воспитание в оном, и т. д. Мне такое безнужное приятельское кривляньe не понравилось, и я напечатал <...> резкую статью против этой новый формы декадентского “эстетизма” пополам с “амикошонством”» (Четыре письма Валерия Брюсова. С. 2).

[6] См. примеч. 2 к п. 1

[7] Подразумевается пассаж из обзора Эфроса: «Когда затихло, Брюсов попробовал продолжать свое слово. Он приблизился к самой существенной части. Но опять какое-то слово <...> подняло протесты — новый шум. Оратор, комкая, пропуская, кое-как добрел до конца...» (*Чужой* [*Эфрос Н.Е.*]. Гоголевские торжества в Москве: Бурное собрание в консерватории. С. 3).

3. А.В. Амфитеатров — В.Я. Брюсову
4 июня 1909. Кави-ди-Лаванья, Италия

Italia. Cavi di Lavagna
1909.VI. 4

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Очень благодарю Вас за присылку «Весов» с Вашею интересною и вполне основательною речью о Гоголе[1]. Посылаю Вам маленький отрывок, напечатанный мною в «Одесских новостях»[2], как образец непроизвольного совпадения некоторых взглядов. Это было уже написано, когда пришла «Киевская мысль» с телеграммою о скандале, так что строки, Вас касающиеся, — вставка. А всего любопытнее, что, говоря об «украинской ночи», я тоже хотел противопоставить обаятельную простоту пушкинского описания, но оставил — страха ради юбилейска: да не попрекнут, что, мол, Пушкиным Гоголю глаза колешь![3]

Очень любопытную штуку печатает в «Весах» Андрей Белый[4]. Жаль, что познакомился я с нею в отрывке без начала и конца. Такое же злополучное вышло у меня в прошлом году и с «Огненным ангелом» Вашим[5]. Отдалённость и захолустность нашего Кави ди Лаванья — для литературного слежения — лютый ад.

А вот г. Борис Садовской хвалил у вас фразу, что между Гоголем и Салтыковым такое же расстояние, как между Пушкиным и Розен-

геймом[6]. Это уж и нехорошо. Безвкусно и неестественно. Кого-нибудь из двух не изучал человек: либо Салтыкова, либо Розенгейма. Связь салтыковской сатиры с Гоголем, для меня, впрочем, вообще сомнительна. Думаю, что преемство здесь внешнее, а не органическое. Салтыков большая и совершенно еще не исследованная, в большинстве же творчества и не прощупанная, самобытность.

До свидания. Желаю вам всего хорошего. А где теперь Максимилиан Волошин?[7] Я его как-то потерял из вида.

Фельетон, о к<ото>ром Вы пишете (с Балалеем<так!>) пострадал от домашней кадетской цензуры[8], к<ото>рая во многих отношениях столько же ревностна, как и правительственная.

Еще раз — будьте здоровы.
Ваш Ал. Амфитеатров.

---

[1] См. примеч. 1 к п. 1.

[2] В фельетоне «Записная книжка» Амфитеатров отметил следующее: «Г. Валерий Брюсов присутствовал, но, по телеграммам судя, подвергся за что-то великому освистанию. Телеграммы говорят: за то, что основным элементом гения Гоголя определил — способность к преувеличению. Ничего не понимаю. Если и сказал, что же тут преступного? Преувеличение, то есть гипербола, неизбежное и естественное орудие сатиры. Какой же Гоголь был бы сатирик, если бы он не был гиперболистом? От Аристофана до Ювенала, от Петрония до Рабле, от Сервантеса до Свифта, от Вольтера до Гейне, от Фонвизина до Салтыкова — способность к гиперболическому изображению действительности, умение смотреть на жизнь сквозь микроскоп, выдающий увеличением все ее мелкие мерзости, столько же необходимы сатирическому таланту в отрицательной половине его деятельности, сколько и положительный идеал, во имя которого он творит свои разрушения» (*Амфитеатров А.В.* Записная книжка // Одесские новости. 1909. 10 мая. № 7811. С. 2).

[3] Подразумевается фрагмент из доклада Брюсова «Испепеленный», в котором сравнивались описания «украинской ночи» у Пушкина и Гоголя: «У Пушкина ночь “тиха”, у Гоголя она “божественная”; у Пушкина “луна спокойно”, у Гоголя она “посреди неба заслушалась грома соловья”; у Пушкина воздух “дремлет”, у Гоголя он “полон неги и движет океан (непременно, океан!) благоуханий”; у Пушкина звезды “блещут”, у Гоголя “вверху все дивно, все торжественно”; у Пушкина листья тополей “чуть трепещут”, у Гоголя кусты черешен и черемух оказались “девственными чащами” и т. д.» (Весы. 1909. № 4. С. 108).

[4] Подразумевается «повесть в 7 частях» А. Белого «Серебряный голубь», публиковалась в «Весах» в 1909 г. с марта по декабрь; отдельное издание вышло в 1910 г. в издательстве «Скорпион».

[5] «Огненный ангел» (1905–1908), исторический роман Брюсова, публиковался в «Весах» в 1907 и 1908 гг.; отдельное издание вышло в двух томах в издательстве «Скорпион» в 1908 г. В 1909 г. в том же издательстве вышло «исправленное и дополненное примечаниями» второе издание романа в одном томе.

[6] Подразумевается следующий пассаж из статьи Б. Садовского «О романтизме у Гоголя»: «Слепорожденная критика наша с самого начала проглядела подлинную сущность Гоголя, подменив ее “гражданским подвигом”, провозгласив Салтыкова прямым наследником и продолжателем “гоголевских традиций”. Сравнивать Гоголя с Салтыковым – это все равно, что ставить рядом имена Пушкина и Розенгейма» (Весы. 1909. № 4. С. 98). Упомянут Михаил Павлович Розенгейм (1820–1887),

представитель «обличительной» и «гражданской» поэзии, публицист и переводчик; в начале 1860-х гг. он пользовался популярностью и воспринимался всерьез, но был осмеян и еще при жизни забыт.

[7] Максимилиан Александрович Волошин (1877–1932), поэт, литературный критик, переводчик, пейзажист. В 1909–1910 гг. сотрудничал в журналах «Аполлон», «Весы», «Золотое руно». Многие годы сотрудничал вместе с Амфитеатровым в газете «Русь» (1903–1908). О взаимоотношениях Амфитеатрова с М. Волошиным см.: [6, с. 377–387].

[8] См. примеч. 2 к п. 2. Фельетон Амфитеатрова был опубликован в газете «Речь», фактически являвшейся органом Конституционно-демократической партии. Очевидно, Амфитеатров намекает на редакторские сокращения, которым подверглась его статья.

4. В.Я. Брюсов — А.В. Амфитеатрову
10 июня 1909. Москва

10/23 июня 1909

Многоуважаемый Александр Валентинович!

Мне было очень досадно, что Вам достался искалеченный № «Весов». Вот правда поговорки: поспешишь – людей насмешишь. Я велел сброшюровать для вас один экз<емпляр> № не в очередь, его сброшюровали скверно. Получив Ваше письмо я тотчас направил к Вам другой экз<емпляр>, так же как отдельный оттиск своей статьи.

А статья Андрея Белого, действительно, интересная[1]. В этом я с вами согласен вполне, как согласен и с Вашими замечаниями о статье Б. Садовского (NB: в редактировании «Весов» я более не участвую)[2]. Борис Садовской — юноша очень дельный, очень знающий, очень полезный в литературе, но совершенно лишенный творческого начала (в том числе и творчества идей), да кроме того совершенно ослепленный своей враждою к нашим 60-м и 70-м годам: все что в ту эпоху ценилось, он отвергает яростно уже за одно это[3].

Вашу статью в «Одесских новостях» прочел с большим интересом, как всегда читаю Ваши статьи. Говоря в общем, согласен с Вами во всем, но должен был бы кое-что добавить к Вашим мыслям. Так, по-моему, влияние Гоголя как стилиста в современной литературе возрождается. Проза Ф. Сологуба, а особенно А. Белого — явно ведет свое начало от Гоголя, а не от Тургенева[4]. Напротив, влияние Тургенева как стилиста вымирает, да и вообще тургеневского духа в современной литературе нет или веет он — для меня по крайней мере — «за пределами досягаемости» (Ваше счастливое слово, ставшее у нас, в России, поговоркой).

О моей статье продолжают говорить и писать: это внимание к ней с одной стороны несправедливо, с другой — незаслуженно. Гершензон в личной беседе со мной сказал мне: «То, что Вы говорите, верно, но это не ново», — и он прав. Этот взгляд на Гоголя высказывался уже много раз, но у нас не знают прошлого и уверяют, что я так смотрю на Гоголя потому, что я декадент и символист. Одни меня за это хвалят, другие бранят, и все ошибаются.

Вы спрашиваете «где Максимилиан Волошин». Если понять Ваше «где» материально, то он теперь в своем Коктебеле (писать надо, кажется, Феодосия P<oste> R<estante>). Если же «где» понять духовно, то он в «Аполлоне»[5]. Будет с осени такой журнал в Петербурге, имеющий целью отстаивать аполлонизм против дионисизма.

Сердечно уважающий
Валерий Брюсов.

P.S. Опечалило меня то, что и мой «Ангел» дошел до Вас изувеченным. Сейчас печатается его 2-ое издание, и я постараюсь доставить Вам экземпляр безукоризненный[6].

---

[1] Очевидно, Брюсов недопонял Амфитеатрова, который в письме от 4 июня 1909 г. подразумевал не статью А. Белого «Гоголь», а его «повесть в 7-ми частях» «Серебряный голубь» (см. примеч. 4 к п. 3), публиковавшуюся в «Весах».

[2] «Весы», основной орган русского символизма, научно-литературный и критико-библиографический ежемесячный журнал. Издавался книгоиздательством «Скорпион» с января 1904 по декабрь 1909 г. Отход от редактирования журнала — итог отдаления Брюсова от коллег-символистов, наметившийся еще с 1907 г. Конфликт интересов был связан со скептическим отношением «мэтра» к религиозно-мистическим исканиям символистов и критическим отношением к движению в целом. Подробнее см.: [2, с. 257–324]. После ухода Брюсова журнал выходил до конца 1909 г. и затем прекратил свое существование.

[3] Борис Александрович Садовской (1881–1952), поэт, литературный критик, мемуарист; о сотрудничестве с журналом «Весы» оставил воспоминания: [13, с. 7–53]. Крайне негативно высказывался о писателях и критиках демократического направления: Н.А. Некрасове, Н.Г. Чернышевском, В.Г. Белинском, Д.И. Писареве (см.: Весы. 1909. № 9; 1905. № 4, 9–10; 1907, № 6).

[4] Подразумевается следующее суждение Амфитеатрова: «Из картин природы и гипербол в лирических отступлениях Гоголя (“Русь”, “Тройка” и т. д.) родилось впоследствии красивое земноводное от литературы, называемое “стихотворением в прозе”. Тургенев освятил его и упрочил знаменитым своим сборником. В настоящее время “стихотворения в прозе” — излюбленная форма, в которой пробуют силы свои молодые писатели» (*Амфитеатров А.В.* Записная книжка. С. 2).

[5] «Аполлон», иллюстрированный журнал по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы; издавался в 1909–1917 гг. в Петербурге.

[6] См. примеч. 5 к п. 3.

5. А.В. Амфитеатров — В.Я. Брюсову
9 июля 1909. Кави-ди-Лаванья, Италия

Cavi di Lavagna
1909. VII. 9

Многоуважаемый Валерий Яковлевич

Письмо получил, «Испепеленного» получил. Очень благодарю Вас. Намерение Ваше прислать «Огненного ангела» весьма меня утешает, так как я и в отрывках находил его опытом интересным и смелым и очень жалел, что Вам приходится дробить роман по эпизодам, считаясь с условиями места в ежемесячном журнале.

Итак, Вы перестали редактировать «Весы»?[1] Чувствую себя маленьким пророком, потому что несколько месяцев тому назад говорил Горькому и напечатал в одной статье, что в «Весах» 1908 года сказывается, будто платье это Вами сношено, и Вы шьете себе какое-то другое[2]. В 1909 г. я «Весов» не видал, кроме номера, Вами присланного.

Кто же, однако, заменит Вас в «Весах»? Роль редактора в таком журнале представляется мне дьявольски трудною, ибо одним бунтом литературных эксцентричностей не проживешь, прошло это время, а поддерживать бунт как логическую систему и создать на нем академию, как умели Вы, — для этого надо иметь, помимо таланта, чрезвычайно широкое образование, и общее, и специальное. Сей же зверь в русском литературном мире — почти баснословная редкость.

Итак Макс Волошин — Аполлон. Об этом Аполлоне, по крайней мере, нельзя будет сказать того, что ставят в упрек Бельведерскому: будто у него ноги тонки.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров.

Относительно Гоголя буду писать для печати, как только хоть немножко освобожусь от всякой срочной ходьбы по мытарствам, ныне меня терзающей. О влиянии Гоголя на Андрея Белого и Ф. Сологуба стоит подумать. В особенности, о втором. Относительно первого (я его считаю чрезвычайно талантливым человеком) я думаю, — как и о всех, «декадентах», — что его и счастие, и несчастие в том, что он стал печататься безумно рано и в безумно черновом виде. Кто уже в 18, 20 лет был не гоголевед? Это — механическое воздействие. Начните в таком виде печататься, и останется привычка на всю жизнь.

---

[1] См. примеч. 2 к п.4.

[2] Речь идет о фельетоне, посвященном журналу литературы и искусства «Лебедь» (М., 1908–1909, редактор-издатель С.А. Поперек), редакционный совет ко-

торого возглавляли С.Н. Сергеев-Ценский и Д.Н. Крачковский. Амфитеатров от редактора получил первые два номера журнала; во втором номере было опубликовано «Открытое письмо журналу “Весы”» Сергеева-Ценского, с требованием извинений за рецензии Останина (псевдоним Н.И. Петровской), вышедшие в «Весах» (1907. № 11. С. 57–59; 1908. № 2. С. 84–85) по поводу его книг. На «Открытое письмо» был опубликован «Ответ» Брюсова (Весы. 1908. № 11). Амфитеатров подключился к острой полемике и в своем фельетоне пророчествовал: «Чрезмерное обилие переводов, заметное вторжение добровольцев-графоманов и несомненное понижение в уровне редакционного внимания к своему журналу ставят больным “Весам” нерадостное предсказание. Видно, что г. Валерий Брюсов смотрит на свое детище не с большими надеждами и вряд ли не махнув на него рукою» (*Амфитеатров А.В.* Заметы сердца. М.: Тип. А.А. Поплавского, 1909. С. 54).

6. А.В. Амфитеатров — В.Я. Брюсову

1 октября 1911. Феццано, Италия

Fezzano. 1911.X.I

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Прочитал я сейчас в сентябрьской книжке «Русской мысли» первые главы «Алтаря Победы» и не могу удержаться, чтобы не высказать Вам признательности за огромное удовольствие, которое мне доставила Ваша повесть[1]. Не знаю, что вы сделаете из нее дальше, — может быть, пойдет еще лучше, может быть, испортите, — но покуда это как раз тот реально-исторический тип художественного изображения древней культуры, о котором я всегда мечтал и вздыхал, читая романистов и поэтов (и Вас в том числе, извините), подступавших с напрасною музейно-статуарною меркою к сюжетам из античного мира. С совершенной искренностью скажу, что в «Алтаре Победы» у Вас в русской литературе нет предшественников (разумею область изящной словесности), — за поисками таковых пришлось бы возвратиться к пушкинскому отрывку «Цезарь путешествовал»[2] и... да, тем и кончить. Но бедный Мережковский! Что Вы с ним сделали? «Алтарь победы» раздавит не только соседством мордовцевско-слабенького[3] Александра I, но и воспоминанием наивного «Юлиана-отступника»[4]... И охота, право, Вам, с таким хорошим историческим знанием и чутьем, заниматься чем-либо другим в литературе, а тем паче тратить себя на журналистику! Извините эти невольные слова стареющему писателю, совсем нерадостно оглядывающему литературное поле, а потому и искренно влюбляющемуся в каждое сильное и яркое на нем явление. Такая редкость эти последние и такая неожиданность.

Не знаю, понравится ли Ваша вещь так называемой большой публике и полуграмотной русской критике. Нисколько не удивлюсь, если нет. Но я с нетерпением буду ждать продолжения и окончания

«Алтаря Победы», потому что для человека, изучавшего античный мир, разобраться в громадных, общих Вашей повести, достоинствах, которые обещает начало, и в маленьких частных ошибках, которые в нем <так!> есть и, вероятно, в продолжении будут — это — большое художественное наслаждение и собственного знания поверка.

Извините, что написал Вам все это. Может быть, и не следовало бы, но уж очень мне этот Ваш «Алтарь Победы» (при множестве мелких оговорок, начиная с чрезмерного Аммиан Марцеллинства[5]) понравился.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров.

---

[1] «Алтарь Победы. Повесть IV века», исторический роман Брюсова. Публиковался в журнале «Русская мысль» в 1911 и 1912 гг. Отдельное издание вышло в составе Полного собрания сочинений и переводов (тт. XII–XIII. СПб.: Сирин, 1913).

[2] «Цезарь путешествовал» — условное обозначение трех черновых набросков и плана повести о римском вельможе и писателе времен императора Нерона — Петронии, над этим произведением Пушкин работал в начале 1835 г.

[3] Подразумевается Даниил Лукич Мордовцев (1830–1905), автор исторических романов из жизни XVII–XIX вв.

[4] Подразумеваются исторические романы Д.С. Мережковского. «Александр I» — второй роман трилогии «Царство Зверя» (первый — «Павел I», заключительный — «14 декабря»), печатался в «Русской мысли» в 1911 г.; отдельное издание — 1913 г. «Смерть богов. Юлиан Отступник», первый роман в трилогии Мережковского «Христос и Антихрист», публиковался в 1895 г. в журнале «Северный вестник» (под заголовком «Отверженный»).

[5] Аммиан Марцеллин (около 330 – после 395), древнеримский историк, автор труда по истории древнего Рима — «Деяния». Очевидно, указывает на избыточность цитат из труда Марцеллина.

7. В.Я. Брюсов — А.В. Амфитеатрову

7 октября 1911. Москва

7/20 октября 1911

Москва, 1 Мещанская, 32

Многоуважаемый Александр Валентинович!

Мне не надо уверять Вас, как мне было важно и дорого получить Ваше письмо и прочитать Ваш отзыв о моей начатой повести, — Вы это сами хорошо знаете[1]. Ведь вы один из немногих русских, который не только знает древний Рим (доказательство — Ваши книги)[2], но и любит его, и чувствует. «Знатоки» уже указали мне разные мои промахи (правда, больше филологические, напр<имер>, что должно писать reda, а не rheda, vilicus, а не villicus etr.), но если даже часть того, что Вы мне говорите, справедливо, право, я могу гордиться.

Пушкинский отрывок «Кесарь путешествовал» всегда мне казался недосягаемым образцом проникновения в дух античности и воссоздания в русском языке *темпа* латинской речи[3]. Если в моей повести есть хотя бы приближение к этому образу, — и то много. Но конечно, после Вашего письма мне стало еще страшнее обрабатывать дальнейшие главы, ибо — увы! — повесть и *создается* по мере печатания.

Ваши упреки в занятиях журналистикой принимаю лишь наполовину. Выбор беллетристического материала для «Р<усской> мысли» (причем далеко не свободной в виду разного рода «условий» издания журнала, определенного круга читателей и громадного «портфеля», оставшегося в наследие от предыдущих редакций), право, небольшой труд. Кроме того, это дело сводит меня с самыми разнообразными людьми, а мне это не только нужно, но и полезно. Что касается писания критических статей о новых стихах, то я смотрю на это как на свою обязанность. Единственный, кому я мог бы передать это дело — Вяч. Иванов, но он к такой работе и не склонен, и (это не противоречие первой половине фразы) не способен. Русская стихотворная поэзия с каждым годом вновь падает и возвращается к своей убогости 80-х годов; об этом надо говорить и говорить, потому что в кругах молодых поэтов думают именно противоположное[4].

Благодарю Вас особенно и за то, что Вы не забыли нашей краткой переписки. Мне хотелось бы послать Вам свои последние книги. Достаточен ли для этого данный Вами адрес?

Уважающий Вас

Валерий Брюсов.

---

[1] Печатно о романе Брюсова Амфитеатров, по-видимому, не отозвался. Объяснение находим в примечании публициста к первой публикации писем Брюсова к нему: «Об “Алтаре Победы” приходится с грустью сказать, что Брюсов не напрасно боялся дальнейших глав своей повести. Они настолько же разочаровали меня, сколько первые страницы очаровали. Брюсов не справился с задачей, обессилел в начале пути и лучше сделал бы, если бы бросил взятую на плечи ношу на полдороге, чем тянуть ее так вяло, скучно, ненужно к отдаленному концу. Он обнаружил в “Алтаре Победы” довольно обстоятельное изучение эпохи, но не проникновение в нее, на которое позволяла надеяться первая глава. Блестящая классическая эрудиция послужила Брюсову лишь для педантического загромождения своей сцены археологическими декорациями и бутафорией, и вышла через то из “Алтаря Победы”, столь ярко начатого, во истину, зеленая скука. Каюсь, что даже я, при своем специальном интересе к этому произведению, вскоре перестал следить за его движением в книгах “Русской мысли”, утратив всякое любопытство к тому, как автор свою повесть кончит. Полагаю, что в этой неудаче Брюсова, кроме непосильности для него темы, сыграл немалую роль и противохудожественный способ писания от книжки к книжке, не очень-то удобный и для бытового романа с современным сюжетом, а уж вовсе невозможный для создания широкой и сложной

картины, одухотворенной историческим синтезом» (Четыре письма Валерия Брюсова // За свободу! 1924. 10 нояб. № 302. С. 3).

[2] Подразумевается тетралогия Амфитеатрова «Зверь из бездны» – компилятивное историко-беллетристическое сочинение из жизни Рима эпохи Нерона. Печатался в сокращении в журнале «Современник» в 1911–1912 гг. Отдельными томами выходил в составе собрания сочинений, см.: *Амфитеатров А.В.* Зверь из бездны: Историч. соч. в 4-х томах. СПб.: Книгоиздательское т-во "Просвещение", 1911–1914. Т. 5–8. Ч. 1: Династия при смерти (1911); Ч. 2: Золотое пятилетие (1911); Ч. 3: Цезарь–артист (1913); Ч. 4: Погасшие легенды (1914). Известна небольшая заметка Брюсова об этом произведении, опубликованная в «Известиях Московского литературно-художественного кружка» (1914. Вып. 7. С. 48, с подписью: А.).

[3] См. примеч. 2 к п. 6.

[4] Схожие настроения прослеживаются в ряде рецензий Брюсова 1911–1912 гг., см., например: «Новые сборники стихов» (1911), «Будущее русской поэзии» (1911), «Сегодняшний день русской поэзии» (1912) и др. в кн.: [3, (по содерж.)].

8. В.Я. Брюсов — А.В. Амфитеатрову

15 марта 1912. Москва

Москва, 15 марта, 1912 г.

Многоуважаемый Александр Васильевич (так!)

Уже давно, согласно со своим обещанием, я послал Вам свои последние издания. Но, не знаю, по какой непростительной рассеянности вместо Fezzano написал адрес Alassio. Естественно, что посылка, пространствовавши по Италии, вернулась обратно. Посылаю ее теперь вторично, прибавив к книгам мой новый сборник «Зеркало теней»[1].

Посылаю Вам также оттиски 1912 г. своей повести «Алтарь Победы» и, при встрече, поговорю с П.Б. Струве о том, чтобы Вам выслать «Русскую мысль»: мне кажется, Вы имеете на то все права[2].

Стихи Вашего «протеже» еще не получил. Но Вы, вероятно, не хуже моего знаете, какое количество стихов пишется на Руси. Я думаю, в России не менее 40000 поэтов, из них 30000 пишут безграмотно, а 10000 «вполне хорошо», так что приводят в отчаянье редактора: как будто бы не хуже современного Бальмонта, а не печатать же их всех!

Уважающий Вас

Валерий Брюсов.

---

[1] О присланных книгах см. в п. 9. «Зеркало теней» — сборник стихотворений Брюсова 1909–1912 гг. (М.: Скорпион, 1912).

[2] Петр Бернгардович Струве (1870–1944), общественный и политический деятель, публицист, историк, соредактор журнала «Русская мысль» совместно с Брюсовым в 1910-е гг. Подробнее об их взаимоотношениях см. в кн.: [5].

9. А.В. Амфитеатров — В.Я. Брюсову
22 апреля 1912. Италия

1912. IV. 22

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Очень благодарен Вам за присланные Вами книги Ваши. С большим и глубоким впечатлением прочитал «Земную ось»[1] и воскресил в памяти многие стихотворения «Зеркала теней»[2]. А рисунки Мартини меня совершенно не удовлетворяют. В особенности к «Зеркалу»: какая-то майорша Ковалева — иллюстрация к Гоголеву «Носу» в дамской версии, а совсем не к такому жуткому и красивому рассказу, как Ваш[3]. Странно. Некоторые рассказы «Земной оси» я читал раньше и они мне меньше нравились, — иные совсем не нравились, — чем теперь, в совокупности отдельного издания. Цельность книги замечательно выдержана и производит сильное впечатление. Великолепная продуманность и меткость мысли и слова.

Коццани намерен написать большую статью о русском искусстве на Венецианской выставке и просит меня рекомендовать ее Вам для «Русской мысли»[4]. Может быть, Вам в самом деле будет интересно напечатать взгляд на русское художество итальянца-модерниста? Во всяком случае, я посоветовал ему, чтобы написал Вам лично.

Стихи И. Свистова[5] я, к ужасу моему, куда-то ухитрился засунуть так, что второй месяц ищу и не могу найти. Беда мне!

Жду от Вас «Алтаря Победы».

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Амфитеатров.

---

[1] «Земная ось», сборник рассказов Брюсова (М.: Скорпион, 1907). Брюсов, очевидно, прислал 2-е (М., 1910) или 3-е (М.,1911) издание сборника, художественное оформление которых принадлежало итальянскому художнику Альберто Мартини (1876–1954). Брюсов, в отличии от Амфитеатрова, высоко оценил иллюстрации Мартини, выразив в предисловии ко второму изданию «признательность» художнику: «...Я почитаю себя счастливым, что страницы моей прозы дали повод возникнуть этим семи художественным созданиям итальянского мастера» (*Брюсов В.* Земная ось: Рассказы и драматические сцены. М.: Скорпион, 1910. С. VIII). О взаимоотношениях Брюсова и Мартини см.: [15, p. 5–35; 8, с. 203–215].

[2] См. примеч. 1 к п. 8.

[3] Подразумевается рассказ «В зеркале: Из архива психиатра», опубликованный в сборнике «Земная ось». Одна из деталей иллюстрации к рассказу представляет собой отражение лица главной героини в зеркале, с прорисованной верхней частью лица — выразительными глазами; рот и нос отсутствуют, шея размыта. Это художественное решение позволило Амфитеатрову провести аналогии с героем повести Гоголя «Нос» — майором Ковалевым.

[4] Этторе Коццани (1884–1971), итальянский редактор, прозаик и публицист. Его письмо к Брюсову сохранилось в архиве поэта см.: РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 32.

По-видимому, речь идет о Венецианской биеннале 1912 г. Статья Коццани в «Руской мысли» не была опубликована.

[5] Начинающий поэт, дополнительных сведений о котором разыскать не удалось.

Литература

1. *Александрова Э.К.* К истории взаимоотношений А.А. Измайлова и В.Я. Брюсова (По материалам переписки 1909–1917 гг.) // Reosiahag: Journal of Institute for Russian and Altaic Studies / Chungbuk National University. 2017. № 2. С. 203−228.

2. *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 257–324.

3. *Брюсов В.Я.* Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии / сост. Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев. М.: Сов. писатель, 1990. 720 с.

4. *Волошин М.А.* Собр. соч. М.: Эллис Лак, 2007. Т. 6. Кн. 1: Проза 1906–1916. Очерки, статьи, рецензии / сост., подгот. текса А.В. Лавров [и др.]. 879 с.

5. Валерий Брюсов и Петр Струве: Переписка. 1906–1916 / вступ. ст., сост., подгот. текста и комм. А.В. Лаврова. СПб.: Нестор-История, 2021. 616 с.

6. *Грякалова Н.Ю.* XX век открывает Гоголя (Гоголевские дни 1909 года) // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя / под ред. М.Н. Виролайнен и А.А. Карпова. СПб.: Петрополис, 2011. С. 681–696.

7. Переписка А.В. Амфитеатрова и М.А. Волошина / публикация Н. Грякаловой // Минувшее: исторический альманах. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. Вып. 22. С. 377–387.

8. Письма В.Я. Брюсова к Альберто Мартини / публ. М. Морабито // Русская литература. 2015. № 3. С. 203–215.

9. Переписка [М. Горького] с А.В. Амфитеатровым / вступ. ст. Н.И. Дикушиной, публ. и коммент. Ф.М. Иоффе, А.Е. Погосовой, [и др.] // Литературное наследство. М.: Наука, 1988. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. С. 31–473.

10. Переписка [В. Брюсова] с М.А. Волошиным (1903–1917) / вступ. ст., публ. и комм. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова // Литературное наследство. М.: Наука, 1994. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 251–399.

11. *Полонский В.* Взгляд на столетие сто лет спустя, или Гоголь в 1909 году: вековой юбилей писателя по материалам русских газет // Новое литературное обозрение. 2010. № 3 (103). С. 152–163.

12. *Розанов И.Н.* Встречи с Брюсовым / пред. и публ. Е.А. Кречетовой // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 759–772.

13. *Садовской Б.А.* «Весы» (Воспоминания сотрудника) / публ. Р.Л. Щербакова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. Вып. 13. С. 7–53.

14. *Шерон Ж.* Вести в Италию: Письма В.Я. Брюсова к А.В. Амфитеатрову // Laurea Lorae: Сборник памяти Л.Г. Степановой. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 389–395.

15. Un illustratore italiano e un editore moscovita: diciassette lettere inedite di Alberto Martini a Valerij Brjusov / a cura di N.V. Kotrelev // *Brjusov V.* L'asse terrestre. Roma: Voland, 1995. P. 5–35.

Research Article and Publication of Archival Documents

Correspondence Between A.V. Amfiteatrov and V.Ya. Bryusov (1909–1912)

© 2024. Alexander S. Alexandrov
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: For the first time, the article presents in full the correspondence between Valery Bryusov and the journalist and prose writer, popular feuilletonist, and author of historical novels Alexander Amfiteatrov (1862–1938), who lived in exile in Italy during those years. The impetus for the correspondence and its key topic was Bryusov's report "Incinerated" at the ceremonial meeting of the Society of Lovers of Russian Literature on April 27, 1909 in Moscow, which was dedicated to the centenary anniversary of N.V. Gogol. Bryusov's speech caused heated controversy in the press, and Amfiteatrov spoke out in print to support the poet. Along the way, the topics of the epistolary dialogue became articles by contemporaries about Gogol. Part of the correspondence is devoted to a discussion of Bryusov's books, primarily his novel *The Altar of Victory*, as well as the collections *Earth's Axis* and *Mirror of Shadows*. The correspondence contains interesting and sometimes unexpected assessments of contemporary writers. The article provides the published texts with detailed historical and literary comments.

Keywords: A.V. Amfiteatrov, V.Ya. Bryusov, literary anniversary, N.V. Gogol, literary journal *Vesy* (*Scales*), *Russian Thought*, journalism.

Information about the author: Alexander S. Alexandrov, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8611-6490

E-mail: aspiros.83@mail.ru

For citation: Aleksandrov, A.S. "Correspondence Between A.V. Amfiteatrov and V.Ya. Bryusov (1909–1912)." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 95–114. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-95-114

References

1. Aleksandrova, E.K. "K istorii vzaimootnoshenii A.A. Izmailova i V.Ia. Briusova (Po materialam perepiski 1909–1917 gg.)" ["On the History of the Relationship Between A.A. Izmailov and V.Ia. Briusov (Based on Correspondence of 1909–1917)"]. *Reosiahag: Journal of Institute for Russian and Altaic Studies / Chungbuk National University*, no. 2, 2017, pp. 203−228. (In Russ.)

2. Azadovskii, K.M., and D.E. Maksimov. "Briusov i 'Vesy' (K istorii izdaniia)" ["Bryusov and 'Vesy' (On the Publication History)"]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 257–324. (In Russ.)

3. Briusov, V.Ia. *Sredi stikhov: 1894–1924: Manifesty, stat'i, retsenzii* [*Among the Poems: 1894–1924: Manifestos, Articles, Reviews*], comp. N.A. Bogomolov and N.V. Kotrelev. Moscow, Svoetskii pisatel' Publ., 1990. 720 p. (In Russ.)

4. Voloshin, M.A. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 6, book 1: Proza 1906–1916. Ocherki, stat'i, retsenzii [Prose of 1906–1916. Essays, Articles, Reviews], comp. and text prep. by A.V. Lavrov [et al.]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2007. 879 p. (In Russ.)

5. *Valerii Briusov i Petr Struve: Perepiska. 1906–1916* [*Valery Bryusov and Petr Struve: Correspondence. 1906–1916*], introd. article, comp., text prep. and comm. by A.V. Lavrov. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2021. 616 p. (In Russ.)

6. Griakalova, N.Iu. "XX vek otkryvaet Gogolia (Gogolevskie dni 1909 goda)" ["The 20th Century Opens Up Gogol (Gogol's Days of 1909)"]. Virolainen, M.N., and A.A. Karpov, editors. *Fenomen Gogolia: Materialy Iubileinoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 200-letiiu so dnia rozhdeniia N.V. Gogolia* [*The Phenomenon of Gogol: Proceedings of the Jubilee International Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of N.V. Gogol's Birth*]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2011, pp. 681–696. (In Russ.)

7. "Perepiska A.V. Amfiteatrova i M.A. Voloshina" ["Correspondence Between A.V. Amfiteatrov and M.A. Voloshin"], publ. by N. Griakalova. *Minuvshee: istoricheskii al'manakh* [*The Past: Historical Almanac*], issue 22. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1997, pp. 377–387. (In Russ.)

8. "Pis'ma V.Ia. Briusova k Al'berto Martini" ["V.Ya. Bryusov's Letters to Alberto Martini"], publ. by M. Morabito. *Russkaia literature*, no. 3, 2015, pp. 203–215. (In Russ.)

9. "Perepiska [M. Gor'kogo] s A.V. Amfiteatrovym" ["Correspondence [of M. Gorky] with A.V. Amfiteatrov"], introd. article by N.I. Dikushina, publ. and comm. by F.M. Ioffe, A.E. Pogosova, [et al.]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 95: Gor'kii i russkaia zhurnalistika nachala XX veka: Neizdannaia perepiska [Gorky and Russian Journalism at the Beginning of the 20th Century: Unpublished Correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 31–473. (In Russ.)

10. "Perepiska [V. Briusova] s M.A. Voloshinym (1903–1917)" ["Correspondence [of V. Bryusov] with M.A. Voloshin (1903–1917)"], introd. article, publ. and comm. by K.M. Azadovskii and A.V. Lavrov. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 98, book 2: Valerii Briusov i ego korrespondenty [Valery Bryusov and His Correspondents]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 251–399. (In Russ.)

11. Polonskii, V. "Vzgliad na stoletie sto let spustia, ili Gogol' v 1909 godu: vekovoi iubilei pisatelia po materialam russkikh gazet" ["Look at the Century One Hundred Years Later, or Gogol in 1909: The Writer's Centenary Based on Materials from Russian Newspapers"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (103), 2010, pp. 152–163. (In Russ.)

12. Rozanov, I.N. "Vstrechi s Brjusovym" ["Meetings with Bryusov"], publ. by E.A. Krechetova. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 759–772. (In Russ.)

13. Sadovskoi, B.A. "'Vesy' (Vospominaniia sotrudnika)" ["'Vesy' (Memoirs of an Employee)"], publ. by R.L. Shcherbakov. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [*The Past: Historical Almanac*], issue 13. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 7–53. (In Russ.)

14. Sheron, Zh. "Vesti v Italiiu: Pis'ma V.Ia. Briusova k A.V. Amfiteatrovu" ["News to Italy: Letters from V.Ya. Bryusov to A.V. Amfiteatrov"]. *Laurea Lorae: Sbornik pamiati L.G. Stepanovoi* [*Laurea Lorae: Collection in Memory of L.G. Stepanova*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011, pp. 389–395. (In Russ.)

15. "Un illustratore italiano e un editore moscovita: diciassette lettere inedite di Alberto Martini a Valerij Brjusov," a cura di N.V. Kotrelev. Brjusov, V. *L'asse terrestre*. Roma, Voland, 1995, pp. 5–35. (In Italian)

Статья поступила в редакцию: 20.01.2024
Одобрена после рецензирования: 13.06.2024
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 20.01.2024
Approved after reviewing: 13.06.2024
Date of publication: 25.03.2025

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-115-154
https://elibrary.ru/ZQBUCB

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Читая Ваши книги, легче любить людей»: переписка М.В. Карамзиной и И.С. Шмелева (1934–1939)

© 2025, А.М. Любомудров
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Впервые публикуется переписка двух представителей русского зарубежья: поэтессы М.В. Карамзиной (1900–1942) и писателя И.С. Шмелева (1873–1950). Письма посвящены размышлениям об искусстве слова, современной литературе и собственном творчестве. М.В. Карамзина подчеркивает духовно-нравственное воздействие книг И.С. Шмелева, отмечает уникальность фигуры прозаика, пишущего «о самом дорогом и важном», способного поддержать своего читателя в страшную эпоху. Переписку отличает максимальная степень открытости, исповедальный тон. В ней проявляются и черты характера, и душевные состояния корреспондентов, находят отражение их семейные перипетии. Важное место в общении М.В. Карамзиной и И.С. Шмелева занимают вопросы духовной жизни православного христианина. Особой ценностью обладают описания литературной, общественной и церковной жизни русскоязычного населения Эстонии в межвоенный период. Во вступительной статье проанализировано общественно-политическое сознание части «белой» эмиграции, питавшей надежды на обретение своего места в советской России, но обманувшейся в своих ожиданиях. Проводится сопоставление тем, сюжетов и стиля эпистолярного общения М.В. Карамзиной с И.А. Буниным и И.С. Шмелевым. В целом, данный эпистолярный комплекс представляет интерес для специалистов в области русского литературного зарубежья, а также широкого круга читателей. В качестве приложения к переписке дан текст неизвестной рецензии М.В. Карамзиной «Пути Небесные» (1937).

Ключевые слова: Мария Карамзина, Иван Шмелев, русская литература, русское зарубежье, русские в странах Балтии, эпистолярий.

Информация об авторе: Алексей Маркович Любомудров — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4351-6774

E-mail: anketaspb@yandex.ru

Для цитирования: «Читая Ваши книги, легче любить людей»: переписка М.В. Карамзиной и И.С. Шмелева (1934–1939) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.М. Любомудрова // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 115–154. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-115-154

Публикуемый материал — еще одно свидетельство драматической судьбы русской культуры, успешно развивавшейся в странах Балтии в межвоенный период и жестко пресеченной с установлением там советской власти. Так, например, оборвался путь замечательного прозаика, тонкого лирика, автора задушевных новелл В.А. Никифорова-Волгина, арестованного в Нарве и расстрелянного в Кирове. Схожую участь, наряду со многими талантливыми людьми, разделила поэтесса М.В. Карамзина. Спустя год после депортации в Сибирь она погибла в возрасте 42 лет.

Мария Владимировна Карамзина (1900–1942), урожд. Максимова, родилась в Петербурге в семье потомственных купцов. В 1917 г. выехала в Финляндию, где в 1922 г. обвенчалась с И.Д. Гриммом (сыном Д.Д. Гримма, бывшего ректора Императорского Санкт-Петербургского университета). Вскоре семья обосновалась в Праге, а в 1927 г. переехала в Эстонию. Брак распался, и в 1930 г. поэтесса вышла замуж за В.А. Карамзина, дальнего родственника историка Н.М. Карамзина. Они поселились в шахтерском городке Кивиыли (неподалеку от Кохтла-Ярве). После присоединения Эстонии к СССР муж был арестован органами НКВД и летом 1941 г. расстрелян. Карамзину с двумя детьми депортировали в спецпоселение Нарымского округа, где в мае 1942 г. она погибла от голода и болезней[1].

Занятия поэтическим творчеством были серьезными и постоянными. Стихотворения Карамзиной отличались исповедальной интонацией, выверенностью образов, строгой простотой поэтической речи. Большое влияние на поэтессу оказало знакомство с И.А. Буниным: они встретились в Тарту в 1938 г. после нескольких лет переписки [1]. Бунин отмечал «благородство и талантливость» [1, с. 666] ее стихов и дал совет издать их отдельной книгой. В сборник «Ковчег», вышедший в Нарве в 1939-м, Карамзина включила произведения разных периодов жизни. Книга вызвала сочувственный отклик Г.В. Адамовича, П.М. Пильского, В.Ф. Ходасевича.

Имя талантливой поэтессы и переводчицы, к счастью, не кануло в Лету. Сохранению памяти о ней мы обязаны эстонским и финским русскоязычным изданиям, где были опубликованы работы Л.Н. Киселевой, Т.П. Милютиной, В.В. Шмидт [4; 6; 7]. Ценные биографические подробности также содержатся в статье С.Л. Гаврилова [2]. В 2008 г. в Таллине вышел сборник «Ковчег», куда, наравне с поэтическими произведениями Карамзиной, вошли биографические

[1] О ссылке и гибели Карамзиной рассказал свидетель этих событий В.Н. Макшеев [5].

и мемуарные материалы [3]. Помимо републикации писем Бунина там помещены переписка с Ходасевичем, Шмидт, письмо архимандрита Иоанна (Шаховского). По мнению Л.Н. Киселевой, биографа поэтессы, «в письмах М.В. Карамзиной перед нами предстает особый мир, мир напряженной внутренней жизни, полный исканий, сомнений, тревог»; «…общая для многих русских в рассеянии шкала духовных ценностей оказалась в этих письмах выраженной с ясностью и отчетливостью, недоступной многим другим ее “собратьям по судьбам”» [4, с. 40, 38].

Эпистолярное наследие Карамзиной дополняет впервые публикуемая переписка с Иваном Сергеевичем Шмелевым (1873–1950). В ноябре 1934 г. Карамзина прислала ему письмо с выражением благодарности за его творчество, приложив несколько своих стихотворений. На это исполненное душевной теплоты письмо Шмелев откликнулся не менее доброжелательным посланием. Дальнейшую переписку двух корреспондентов отличала повышенная эмоциональность, максимальная степень открытости, исповедальный — местами почти интимный — тон. Так, Карамзина плачет «отрадными слезами» при чтении книг Шмелева, а ее стихи радуют писателя «образностью, музыкой, мудростью сердца», он называет их «пением души». В целом, слова «сердце», «сердечный» становятся лейтмотивом пятилетней переписки. Карамзина: «Плакала, и плачу, и в сердце такое растепление…» или «Посылаю Вам всей душой моей много бережной нежности». Шмелев же растроганно отвечает: «Милые, родные земляки…»

Переписка перерастает во взаимную исповедь: Шмелев горюет о почившей жене и признается в душевном упадке во время пребывания в монастыре на Карпатах, Карамзина делится своим опытом молитвы, покаяния, смирения, рассказывает о семейных перипетиях. Но откровение чувств соединяется у нее со вполне рациональным осмыслением шмелевского таланта, проницательными характеристиками его произведений. Наряду с трогательной заботой о самочувствии, душевном устроении писателя-эмигранта в письмах Карамзиной акцентируется духовно-нравственное и социальное значение его книг:

> …Вы нужны людям, Вы нужны всем нам, силящимся помнить Бога, и любить Его, и знать — вопреки всему, наперекор этой жизни страшной. Вы детям нашим подрастающим нужны! Кто, кроме Вас, скажет им родное, живое, горячее слово и так мастерски-прекрасно его скажет?

Карамзина отмечает уникальность самой фигуры Шмелева в современном литературном процессе: «Из всех наших писателей Вы единственный настоящий родной, спутник наш, знающий насущное, пишущий о самом дорогом и важном».

Особое место в их общении занимают вопросы духовной жизни православного христианина. Для Карамзиной, человека глубоко верующего, очень дорого то, что создаваемая Шмелевым литература является «пособницей в вере». Более того, сама его личность в восприятии поэтессы обретает черты праведника, видится светочем русского мира: «Душу Вашу любят, чуют ее в писаниях Ваших и ищут у нее поддержки в собственных духовных борениях». «Бытописатель русского благочестия» — так определяли магистральную тему творчества Шмелева критики, Карамзина же применяет этот высокий термин к словесному искусству самого творца, обнаруживая в «Богомолье» и «Лете Господнем» *благочестивое мастерство*.

Под впечатлением от первого тома романа «Пути небесные» (ср.: «Каждое слово — прямо в душу…») Карамзина выступила с развернутым отзывом о книге на страницах «Православной Руси». Шмелев поблагодарил автора за мудрое и чуткое проникновение в суть его произведения. Эта рецензия републикуется в качестве приложения к переписке.

Интересно сопоставить темы и стиль эпистолярных отношений, сложившихся у Карамзиной с Буниным и Шмелевым. Первым, к кому она обратилась, был именно Шмелев, переписка с Буниным началась спустя год, но стала более интенсивной и насчитывает около полусотни писем. В ней преобладает дружески-деловой тон, корреспонденты в основном обмениваются мнениями о творчестве друг друга. Карамзина рассуждает о персонажах и сюжетах «Освобождения Толстого», «Митиной любви», «Жизни Арсеньева» и далеко не всегда соглашается с авторскими решениями: «…я слишком смело высказываюсь <…> но я знаю, что вам совершенно не нужны “общие слова”, которые я могла бы написать» [1, с. 681]. Бунин, в свою очередь, делает заметки о стихотворениях поэтессы, советует, кому выслать сборник «Ковчег» для рецензирования, искренне тревожится о судьбе семьи Карамзиной в начале Второй мировой войны. В общении с Буниным, однако, нет такой задушевности, как в переписке со Шмелевым, совершенно отсутствует тема православной веры. Имя автора «Солнца мертвых» ни разу не упоминается в ее посланиях к Бунину, в то время как в письме к Шмелеву от 4 января 1935 г. (№ 3) Карамзина размышляет о решении «темы смерти» в «Жизни Арсе-

ньева» и подчеркивает, что лишь Шмелев способен по-настоящему «обогреть и просветлить» ее.

Представляют интерес и описания литературной, общественной и церковной жизни эстонской глубинки конца 1930-х гг.: деятельность религиозно-нравственного кружка просветительного общества «Русская библиотека в Кивиыли» (где Шмелев стал самым читаемым автором), крестные ходы, встреча чудотворной иконы. Отдельного внимания заслуживают детали жизни Валаамского монастыря, в котором Карамзины побывали за полгода до его эвакуации с острова. В письме от 11 июля 1939 г. (№ 19) можно найти штрихи к портретам известных валаамских подвижников: схимонаха Николая (Толстова), иеромонаха Памвы (Порфирьева), схиигумена Иоанна (Алексеева). Шмелеву, как автору книг о Валаамской обители, эти описания были необычайно любопытны.

Некоторые детали расширяют устоявшиеся представления о самосознании эмиграции. Так, в письме к Шмелеву тринадцатилетний сын Карамзиной Костя выразил желание пойти по стопам отца — стать офицером и сражаться за Родину «с немцами и коммунистами». В надвигающейся смертельной схватке названных сил многие русские оказались между двух огней, что предопределило их трагические судьбы. Накануне присоединения Эстонии к СССР В.А. Карамзин не пожелал эвакуироваться: «Чтобы я, русский дворянин, поехал к этому сумасшедшему Гитлеру, который вот-вот нападет на Россию, — нет, благодарю покорно!» [7, с. 48]. И хотя в одном из писем к Шмелеву поэтесса выражала надежду на «освобождение нашей родины», сейчас она поддержала выбор мужа: «…я хочу, чтобы дети жили в России и были бы русскими» [7, с. 48]. Даже когда Карамзин был арестован, продолжала надеяться на справедливость: «Ведь он ничего не сделал против власти» [7, с. 48]. Но вскоре и сама с детьми отправилась по этапу в Сибирь.

Поразительно признание в письме к Шмелеву (для которого большевизм всегда оставался смертным врагом России) в том, что в семье Карамзиных с интересом слушают советское радио, ощущают душевный подъем, когда звучит песня «Широка страна моя родная…». Обаянию сталинского имперского стиля не могли противостоять даже деятели «белой» эмиграции. «И музыка, и слова очень трогают», — пишет Карамзина. По-видимому, она не могла себе представить, как «ласковая мать» вскоре обойдется с ее семьей. О том, как на родине «вольно дышит человек», она узнала, умирая на лагерных нарах. Таковы трагические повороты русской истории.

М.В. Карамзина. Нарва, 1935. Интернет-портал «Русская Эстония» (russianestonia.eu)
M.V. Karamzina. Narva, 1935. Internet portal "Russian Estonia" (russianestonia.eu)

М.В. Карамзина. 1930-е. НИОР РГБ
M.V. Karamzina. 1930s. Research Institute of the Russian State Library

* * *

Письма И.С. Шмелева к М.В. Карамзиной, как и другие материалы из архива поэтессы, были сохранены ее близкой знакомой В.В. Шмидт. В 1967 г. она передала их литературоведу-текстологу А.К. Бабореко [1, с. 664], который, напечатав письма Бунина, отдал документы в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Публикуем письма Шмелева по хранящимся там оригиналам (ОР РГБ. Ф. 693. К. 1. Ед. хр. 4). Письма М.В. Карамзиной к И.С. Шмелеву публикуются по оригиналам из архивного собрания Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425). Все материалы представляют собой автографы, за исключением письма И.С. Шмелева от 28 апреля 1937 г. (№ 16), являющегося авторизованной машинописью. Тексты печатаются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией (оба корреспондента писали по правилам старой) с сохранением в ряде случаев авторской пунктуации, передающей смысловой оттенок или интонацию. Конъектуры заключены в угловые скобки. Подчеркивание и разрядка текста (передается курсивом) принадлежат авторам писем.

Публикатор приносит благодарность Ольге Николаевне Патоке и Андрею Григорьевичу Власенко за помощь в работе.

1. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

10 ноября 1934 г. Кивиыли

10/XI 1934 г.

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Беру на себя смелость Вам написать для того, чтобы выразить Вам глубокую, горячую благодарность за все, что Вы пишете и что «слагается в сердцах наших»[1], становясь для нас родным достоянием. Недавно, читая «Лето Господне», плакала такими горькими и вместе такими отрадными слезами, и сердце так кипело, что решила написать Вам. Ведь Вам не все равно, ведь Вам, наверно, нужно знать, что Ваша связь с нами со всеми, читающими, разбросанными по разным углам изгнания, крепка и жива, и что многие из нас с надеждой и благодарностью смотрят на Вас издали как на хранителя и выразителя того, что нам более всего дорого.

Вы столько сердца своего, столько себя вкладываете в Ваши писания, что они не только литературные произведения, а родной зов. Я люблю все, что Вы написали, но самое любимое мое — это «Родное», «Росстани», «История любовная» и «Лето Господне». Теперь с горячим вниманием и радостью слежу за «Няней из Москвы», отрывки из которой читаю в «Современных записках» и в разных газетах.

Чтобы Вы знали, что выраженное мною в этом письме не пустые слова, я посылаю Вам несколько моих стихотворений[2]. Они очень откровенны. Простите интимный тон в двух из них, посвященных моему мужу. Вашему сердцу, мне кажется, можно их показать.

Дай Вам Господь сил, здоровья и того благополучия, при котором возможна литературная работа. И да хранит Он Вас за все.

Уважающая Вас

М. Карамзина.

Мой адрес: Марии Владимировне Карамзиной.

Kiviõli. Estonie[3].

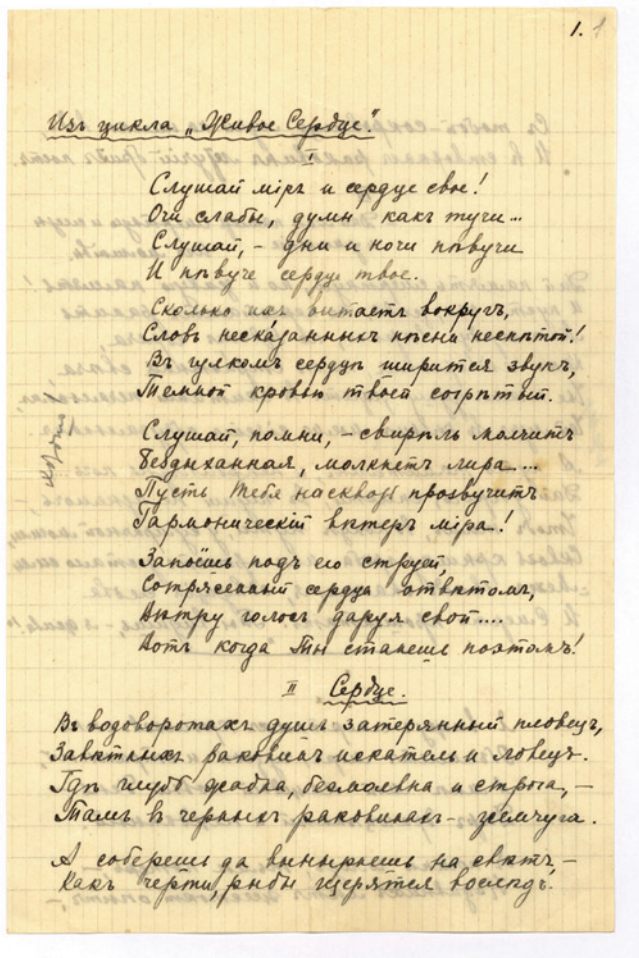
<P.S.> 27/XI. Письмо проблуждало 2 недели и вернулось ко мне: неправильно мне сообщили Ваш адрес из газеты «Сегодня». Посылаю наудачу на адрес «Возрождения». Я хочу, чтобы оно до Вас дошло.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 1–1 об.

[1] Выражение восходит к евангельскому повествованию о том, как Мария, услышав рассказ пастухов о возвещенном ангелами рождении Богомладенца, «сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем» (Лк 2:19).

[2] К письму приложены переписанные от руки стихотворения: три из цикла «Живое сердце»: «Слушай мир и сердце свое!» (отмечено Шмелевым на полях: «Хорошо!»), «Сердце» («В водоворотах душ затерянный пловец…»), «Дай память смертную…»; «Я вижу: смертных крыльев сень…», «Méditation» («Ты существуешь ли, моя душа?»); «Отрывок» («О встрече? — Да… В двенадцатом году…»); пять с общим посвящением «Мужу моему, В.А. Карамзину»: «Среди трудов, среди забот…», «Земли щедрейшей мощь и тук…», «Кладя поклоны и кресты…», «И вот идут, идут года…», «И наш удел — любить, хранить…»; а также «Поэту» («Свирели тонкой не вместить…») (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 1а–4 об.). «Дай память смертную…», «Сердце», «Ты существуешь ли, моя душа?» и «Поэту» републикованы в книге «Ковчег» (2008): [3, с. 9–10, 14, 104–105].

[3] В письмах используются французский («Estonie») и эстонский («Eesti») варианты названия страны.

1.

Изъ цикла „Живое Сердце"

I

Слушай міръ и сердце свое!
Очи слабы, думы какъ тучи…
Слушай, – дни и ночи пробуди
И пробуди сердца твое.

Сколько ихъ витаетъ вокругъ,
Словъ неисчисленныхъ крупинокъ!
Въ шумномъ сердцѣ ширится звукъ,
Темной кровью твоей согрѣтый.

Слушай, полни, – свирѣль молчитъ
Безпредѣльная, молчитъ міра…
Пусть тебя неясно пробудитъ
Гармоническій хоръ міра!

Запойся подъ его струей,
Сотрясающій сердца отвѣтомъ,
Внемли голосу дарья свои….
Хоть когда-нибудь отзовешься поэтомъ!

II Сердце.

Въ водоворотахъ душъ затерянный пловецъ,
Завѣтныхъ раковинъ искатель и ловецъ.
Гдѣ муть, гдѣ дѣдка, безголовка и стерва, –
Тамъ въ черныхъ раковинахъ – жемчуга.

А соберешь да вникнешь на свѣтъ, –
Какъ черти, рѣдки изумрудно блещутъ.

Стихотворения М.В. Карамзиной. Архив Дома русского зарубежья
Poems by M.V. Karamzina. The House of Russian Abroad Archive

2. И.С. Шмелев — М.В. Карамзиной

11 декабря 1934 г. Париж

11.XII.1934

2, Boul<evar>d de la République
Boulogne s<ur>/Seine[1]

Марии Владимировне Карамзиной

Добрый друг-читатель,
Мария Владимировна,

Дошло-таки Ваше письмо, такое теплое. Верно, «мне не все равно» (то есть пишут ли мне читатели), мне дорого знать, что мои книги не в пустоту идут, а оставляют в душе след, что-то дают ей — нужное. Каждый берет *свое*. И я всегда светлею, говорю себе — да-да, — когда получаю отклик. Спасибо за горячее, от души, — слово-чувство. Стихи Ваши не скользнули по моему слуху, а вызвали разнообразные — и хорошие — движения в душе — и в памяти — образностью, музыкой, мудростью сердца — есть и такая мудрость! Да, многое Вы пережили, чтобы *так* писать — петь. Многое Вы знаете. Жизнь и знание — и дарование — дали Вам петь так. По-моему, — я не стихотворец — стихи великолепны, — не бряцанье словами, а пение души — и мастерство! — и пение полновесное, если так можно определить. Особенно мне понравились «Из молитвы»[2] и «Отрывок».

Звенигород, — Господи, да мои «Росстани» — оттуда! Да, деревушка Дютьково, верст<ах> в 3 от монастыря[3]. Лучшего места *не знаю*…

Ну, спасибо, добрая душа, — аукнулись.

Скоро вот «Богомолье» д<олжно> выйти, 12 очерк<ов> — к Троице-Сергию, ребенком, с Горкиным[4]… Печатались в «Рос<сии> и слав<янстве>» за 2 года. Теперь — книга, из моего душевного, как и моя «Неупиваемая Чаша». Ее нет в Вашем перечне, — очевидно, не созвучна Вашей душе. Но ведь всегда одно — близко, другое — не так вбирается. Я-то очень многим из своего недоволен, и рад, что мои *тихие* очерки «Лета» доходят до родного сердца.

Благодарю за теплые строки пожеланий.

Ив. Шмелев.

Приятно было вживе встретить славное наше имя — Карамзин. Несите его гордо.

ОР РГБ. Ф. 693. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 1–1 об.

[1] Указан парижский адрес И.С. Шмелева.

[2] Шмелев имеет в виду стихотворение «Дай память смертную…», к которому предпослан эпиграф «Господи, даждь ми слезы, и память смертную, и умиление» с подписью «Из молитвы» (имеется в виду прошение молитвы свт. Иоанна Златоуста, входящей в состав православного молитвослова).

[3] Эти строки из письма Шмелева позволяют установить топографические прототипы мест, описанных в повести «Росстани» (1913): «деревня Ключевая» — село Дютьково (под Звенигородом), «речка Соловьиха» — река Сторожка, «скит» и «монастырь» — Саввинский (близ пещеры преп. Саввы) и, соответственно, Саввино-Сторожевский.

[4] Михаил Панкратович Горкин — плотник, праведник, персонаж книг Шмелева «Лето Господне» (1927–1944) и «Богомолье» (1931).

3. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

4 января 1935 г. Кивиыли

22/XII <1934 г.> – 4/I 1935 г.

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Сердечное Вам спасибо за Ваше доброе письмо, которое доставило мне большую радость. Поздравляю Вас с Праздником Рождества Христова и от души желаю Вам здоровья, сил и всяческой помощи Божией в новом году. Жутки стали теперь отмеченные дни — даты, юбилеи, — а все же нельзя переставать верить в то, что каждый ушедший год приближает сроки освобождения нашей родины.

У нас в Эстонии праздники официально уже прошли: все празднуется по западной пасхалии[1]. В этом году всем православным приходам, и староверам также, был через полицию передан приказ служить по новому стилю. До сих пор кое-кто еще придерживался старого. Православные покорились, староверы не служили, послали делегацию к митрополиту и получили разрешение на службы по старому стилю до 1 сентября, то есть до наступления церковного нового года.

Дома у нас елочка стоит с нового Рождества и простоит и старое. Что сказал бы обо всем теперешнем Горкин? Я, кстати, совершенно уверена, что это был взаправду живой человек, близкий к Вам в детстве. Его так и звали — Горкин?

Почему Вы почти ничего не пишете о матери, о материнском, Вы рано потеряли мать? «Богомолье» я в отрывках читала и очень хочу попросить целиком, оно тоже очень родное. «Неупиваемую Чашу» читала давно, когда была моложе, поверхностнее. Надо самой много пережить сердечного, чтобы отзываться сердцем. Мне очень хочется ее теперь перечесть, не знаю только, можно ли ее здесь получить.

Стоя у всенощной накануне Рождества, я думала о Вас, Иван Сергеевич, и мне пришла в голову одна мысль, которую — не знаю — сумею ли хорошо выразить. Вспомнилось мне описание Ваше той всенощной, которую пели Кедровы[2], это Ваше «предстояние» душою перед Богом. В Ваших писаниях Вы так убедительно обнаруживаете священное, доброе, теплое, светлое в жизни. Ваши книги трогают, бодрят, просветляют, обнадеживают; читая их, легче любить людей и стараться быть лучше. До сих пор, насколько я знаю, Вы не касались темы смерти. Умирание в «Солнце мертвых» еще не смерть. И вот у меня появилось желание, надежда, что когда-нибудь Вы обогреете и просветлите тему смерти. Вы один это можете, так как сердце Ваше горячо, и вера Ваша полна любви.

Ужасен бунинский запах тления и лиловая гробовая крышка[3]. Бунин только чуть-чуть согревается на последних страницах «Жизни Арсеньева» у гроба вел<икого> кн<язя> Ник<олая> Ник<олаеви>ча, потому что он сам любил там и плакал, и там дело не в «крышке», а в его чувстве. И хотя эти страницы так «выпадают» из общего тона произведения, они очень дороги, и сами по себе, и как наглядное доказательство возможности преодолеть страх любовью… Но этого мало.

Многим людям нужна теперь помощь в вере. Вы много помогаете. Как в Средние века служанкой теологии была философия, так в наше труднейшее время литература есть, то есть должна быть, пособницей в вере. Я плохо выражаюсь, Иван Сергеевич, но ведь Вы меня понимаете? Кроме Вас нет среди писателей никого. Вы не сердитесь на все, что я здесь написала?

Я сегодня дочитала I том трилогии Вл<адимира> Крымова «За миллионами»[4]. Очень сильно местами, но как мрачно, разрушительно, безотрадно. Вы читали? Все про мерзавцев. Любви ни капли, и Бог отсутствует.

Муж мой хотел сам Вам написать и Вас приветствовать.

Желаю Вам почувствовать Рождество. Какая обстановка Вас окружает? Здесь у нас на заводе много русских служит, а живем мы в избушке под соломенной крышей, теперь сильно занесенной снегами. Но при этом у нас есть и электричество, и радио.

Простите, что так длинно написала.

Дай Вам Бог всего хорошего!

Уважающая Вас

М. Карамзина.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 9–10 об.

[1] Введение нового календарного стиля в Эстонской апостольской православной церкви проводилось не только правящим митрополитом Александром (Паулусом), но и полицейскими органами. В 1934 г. обязательность григорианского календаря, несмотря на протесты верующих, была закреплена принятием государственного закона и постановлением министра внутренних дел Эстонии.

[2] Имеется в виду рассказ Шмелева «Христова всенощная» («Возрождение», 20 февр. 1927), где описана служба в Общежитии русских мальчиков в Шавиле 29 января 1927 г. В качестве хора выступил квартет под управлением певца и композитора Н.Н. Кедрова-старшего (1871–1940).

[3] Имеются в виду впечатления героя от смерти Писарева в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (1933).

[4] В.П. Крымов (1878–1968) — русский прозаик и предприниматель, издатель. С 1920 г. жил в Берлине, в 1933-м переехал во Францию. Трилогия «За миллионами» (1933) отразила быт Петербурга, провинции и эмиграции накануне Первой мировой войны и в межвоенный период.

4. В.А. Карамзин — И.С. Шмелеву

4 января 1935 г. Кивиыли

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Прошу Вас принять мои сердечные пожелания сил и здоровья в наступившем новом году, на радость всем нам, почитателем Вашего глубокого, русского творчества. В коротком письме мне трудно указать Вам, какое именно из Ваших произведений дало почувствовать внутреннюю близость к Вам, — она росла все время, по мере чтения. Помню, что меня охватило чувство глубокой благодарности по прочтении Вашей статьи в «России и славянстве» по случаю дня св. Татианы, дня Московского университета[1]. Целый номер этой газеты был посвящен этому традиционному празднику, и, только читая Вашу статью, все внутри твердило: «так, так — да, если хочешь быть честным до конца к прошлому, — то только так». Такие же мотивы, попадающиеся и в других местах Ваших произведений, вызывают всегда все то же чувство благодарности автору за правду, за напоминание о прошлой лжи и клевете, за призыв к покаянию. А ведь для очищения только и нужно покаяние.

Спасибо Вам за пробуждение русской совести.

Дай Бог Вам сил и здоровья.

Сердечно Вам преданный

В. Карамзин[2].

4/I – 1935 г.

Кивиыли. Эстония.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 6–6 об.

[1] Имеется в виду статья Шмелева «Мученица Татьяна» («Россия и славянство», 25 янв. 1930).

[2] В.А. Карамзин (1885–1941) происходил из потомственных дворян Самарской губернии. Участник Первой мировой и Гражданской (в рядах Северо-Западной армии) войн. В начале 1920-х гг. жил в Таллине, с 1925-го — в Нарве, где работал на Кренгольмской мануфактуре. Член правления Союза русских увечных воинов в Эстонии. Позднее проживал в Тарту, откуда переселился в Кивиыли. Руководитель религиозно-нравственного кружка просветительного общества «Русская библиотека в Кивиыли». Арестован органами НКВД 21 марта 1941 г. и 28 июня того же года расстрелян.

5. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

13 мая 1935 г. Кивиыли

13/V 1935 г.

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Недавно в газете «Православная Русь»[1] мы с мужем прочли Ваше описание перенесенной Вами в прошлом году болезни и ее чудесного исцеления[2]. Мы глубоко почитаем преп. Серафима Саровского и радуемся еще новому доказательству Его молитвенного заступничества. Особенно же радостно для нас то, что Милость Божия проявилась по отношению к человеку, который так нужен и дорог русским боголюбивым душам. Ваше описание доходит до самого сердца.

Так как я немного рисую, мне очень захотелось послать Вам икону св. Серафима моей работы. Мой муж обклеил ее. Она освящена в нашей церкви вчера, 12 мая, за литургией, во время которой мы подавали <записку> о Вашем здравии.

Дай Бог Вам радости, сил и ощущения постоянной близости и заступничества пр<еп>. Серафима.

Искренно преданные Вам

М. и В. Карамзины.

P.S. В Вашем описании я нашла имя В.Ф. Малинина[3], которого хорошо помню по Праге. Он меня тоже знает, но под фамилией по первому браку — я была тогда замужем за Ив<аном> Дав<идовичем> Гримм<ом>, сыном ректора Петроградского университета, проф<ессора> Д.Д. Гримма[4]. Я очень хотела бы знать о дочери В<ладимира> Ф<едоровича>, Ольге Владимировне[5], которая была так тяжело больна. Как теперь ее здоровье — мы ее очень любим.

М.К.

Мария Владимировна Карамзина.

Kiviõli. Estonie.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 7–7 об.

[1] «Православная Русь» (в 1928–1934 гг. — «Православная Карпатская Русь») — церковно-общественное издание типографского братства преп. Иова Почаевского, действовавшее сперва в Ладомировой (Чехословакия), а затем в Джорданвилле (США).

[2] Имеется в виду очерк Шмелева «Милость преп. Серафима» (Православная Русь. 1935. № 1, 2, 3).

[3] В.Ф. Малинин (1873–1943) — инженер-механик, общественный деятель. Во время Гражданской войны состоял в Русском совете генерала П.Н. Врангеля. В эмиграции жил во Франции. Участвовал в работе русских политических, общественных и военных объединений. В 1930-е гг. в Париже вел собрания Земгора.

[4] Д.Д. Гримм (1864–1941) — правовед, профессор, ректор Санкт-Петербургского университета (1910–1911). Комиссар Временного правительства. С 1920 г. проживал в Хельсинки, Париже, Берлине, Праге. Член Русского национального комитета (1921–1940). В 1927–1934 гг. был профессором Тартуского университета. В 1940-м переехал к сыну Ивану в Ригу.

И.Д. Гримм (1891–1971) — юрист. Сын (от первого брака) В.И. Дитятиной, ставшей женой Д.Д. Гримма, который и усыновил его. Эмигрировал в 1920 г., преподавал в Карловом университете в Праге. В 1922-м женился на М.В. Максимовой (во втором браке — Карамзиной), у них родился сын Константин. В 1927 г. семья переехала в Эстонию. Брак распался в конце 1920-х гг. Возглавлял канцелярию Патриаршего экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского), а летом 1944-го эвакуировался в Германию. В начале 1950-х гг. переселился в Австралию.

[5] О.В. Малинина (1903–1959) — дочь В.Ф. Малинина и Л.Н. Лазаревой. Проживала во Франции.

6. И.С. Шмелев — М.В. Карамзиной

31 мая 1935 г. Париж

31.V.35

Многоуважаемая Мария Владимировна,

меня глубоко тронул Ваш, вернее — Ваши (как и Вашего мужа) сердечные приветы. Ваш дар — образок преп. Серафима Вашей работы радостно принят сердцем и теперь освещает нас. Горячо благодарю Вас, милых друзей-читателей. Это — высшее, что может объять сердце, — светлое благословение, от светлых душ исходящее, — на укрепление.

Сам сделаю киотик. Милые, родные земляки, — спасибо! Благодарю и Вашего славного мужа — за его единодушие с Вами — ко мне и за его труды. Воистину, Милость Божия помогла одолеть болезнь, вот уже год жизни, как я не испытываю болей, и пишу, и чувствую силы — писать, и светлее мне — грезится лучшее, которое *вдруг* осветит всех нас. Да, никто ведь не ждет, а — *осветит*!

Все возможно, все чудесно в нашем маленьком перво-мире, прихожей Мира Великого… — которую мы так лакейски-скотски затопили и кровью, и грязью. И все же — даже и в этой «прихожей» будем осветлены и очищены — для *иного*.

Нет, я ничего не знаю о дочери В.Ф. Малинина, увижу его — спрошу.

Сердечно Ваш

Ив. Шмелев.

Привет, друзья!

ОР РГБ. Ф. 693. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 2–2 об. Почтовая карточка. Адрес отправителя: Iv<an> Chmélov, 2, B<oulevar>d de la République, Boulogne S<ur> Seine. Адрес получателя: Madame M<aria> Karamzina. Kiviõli. Estonie.

7. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

22 февраля 1936 г. Кивиыли

Kiviõli, 22/II 1936 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Сергеевич!

Пишу Вам под свежим впечатлением <от> Вашего чудесного «Богомолья», которое мы с мужем прежде только отчасти знали, в отрывках, а теперь прочли целиком. Нам хочется поблагодарить Вас за радость, доставленную Вами этой книгой. Чтение ее и умиляет, и просветляет, и бодрит, и кажется, что сам участвовал в этом паломничестве. Она затрагивает самые заветные струны в сердце, которое отзывается на каждое слово, как на родной зов. Сколько в ней доброты, мудрости, ласки. Горкин Ваш стал у нас совсем своим, мы про него говорили, как про живого. Отца Вашего полюбили, хоть он всюду только мелькает с налету. «Богомолье» и «Лето Господне» — что-то особенное, ни с чем не сравнимое: такое тончайшее и такое благочестивое в них мастерство. Как только будет возможность, постараемся приобрести их — (пока что читали библиотечные) — чтобы мальчики наши[1], подрастая, могли их читать, — их воспитательное значение огромно, и понятны, доходчивы они поразительно.

У нас тут существует религиозной кружок, состоящий, главным образом, из совсем простых людей — рабочих, их жен, их молодежи. Собираемся раза два в неделю, читаем, беседуем. Получаем для кружка газету «Православная Русь», которую каждый раз прочитываем вслух. Есть у нас и пожилые, хорошо помнящие Россию, сами бывавшие по святым местам, и здесь ежегодно на Успение пешком ходящие в Пюхтицкий монастырь к престольному празднику, к Чу-

дотворной Иконе — от нас килом<етров> 60. Есть и молодые, жадно впитывающие в себя это русское, прежнее. Так вот и им всем мы читали вслух «Богомолье», и не могу выразить Вам, как оно им по душе пришлось. Надо было видеть их напряженно-внимательные лица, слышать их вздохи, а часто и радостный смех, точно встречали они кого-то очень знакомого. Горкина сразу приняли и полюбили, особенно некоторые старухи, — у нас есть две-три «авторитетные», так они несколько раз прерывали чтение возгласами: «уж этот все знает, — правильный».

Также и то, что Вы пишете в «Православной Руси», принимается с радостью и пониманием[2]. За то, что участвуете в этой газете, — горячая Вам благодарность, дорогой Иван Сергеевич. Из всех наших писателей Вы единственный настоящий родной, спутник наш, знающий насущное, пишущий о самом дорогом и важном.

Оттого так и пишется к Вам — ведь вот мы никогда Вас не видели, звука голоса Вашего не слышали, а любим Вас как родного.

Так хотелось бы знать, каково теперь Ваше здоровье и самочувствие. От души желаем Вам сил и бодрости. Шлем Вам наш самый теплый привет.

Сердечно Вам преданные

М. и В. Карамзины.

Адрес: Estonie. Kiviõli. V.A. Karamzin.

(Мария Владимир<овна> и Василий Александр<ович>)

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 12–12 об.

[1] Дети Карамзиных — сыновья Александр (род. 1930) и Михаил (род. 1932 или 1933).

[2] В газете «Православная Русь» Шмелев опубликовал в 1935–1937 гг. главы из романа «Лето Господне», рассказы «Милость преп. Серафима», «У старца Варнавы», очерк «Старый Валаам», обращение «К православным русским людям».

8. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

8 сентября 1936 г. Кивиыли

Kiviõli, 8/IX 1936 г.

Глубокочтимый и дорогой Иван Сергеевич!

Муж и я сердечно приветствуем Вас в краях, столь близких к нашему краю[1]. К большому нашему сожалению узнали о Вашем посещении Печор слишком поздно, тогда, когда Вы уже наверное покинули пределы Эстонии. Горячо надеемся, что душе Вашей от-

М.В. Карамзина с сыновьями Александром, Михаилом (Карамзиными) и Константином (Гриммом — справа). 1930-е. Интернет-портал «Русская Эстония» (russianestonia.eu)
M.V. Karamzina with her sons Alexander, Mikhail (Karamzins) and Konstantin (Grimm on the right). 1930s. Internet portal "Russian Estonia" (russianestonia.eu)

радно пребывание здесь, где так многое напоминает Россию. Одна природа чего стоит — северная осень!

Хотелось бы знать, как здоровье Ваше. Хотелось бы выразить Вам, дорогой Иван Сергеевич, что весть о горестной потере[2] Вашей была принята нами, как весть о несчастии с родным, близким человеком. Упокой, Господи, рабу Твою Ольгу. А Вам — да поможет Господь!

Писала Вам зимой во Францию о том, как полюбили мы Ваше «Богомолье», как читали его вслух в нашем религиозном кружке среди совсем простых людей, и как поразительно доходило до них каждое слово. Не знаю, получили ли Вы это письмо. С радостью читали Ваш «Старый Валаам» в «Православной Руси», ждем его продолжения. Завидую тем людям, которые в настоящее время имеют радость видеть Вас, беседовать с Вами, заботиться о Вас.

Софья Терентьевна Климова[3] не есть ли та самая Соня Теодорович, которая очень недолго, кажется, в 1917 г., училась в Петербурге в гимназии Шаффе[4] в одном классе со мною? Может быть, она помнит Мусю Максимову? Она была у нас дома на Каменноостровском, 1–3, и я, помнится, тоже была у них. Если она меня помнит, передайте ей мой сердечный привет.

Дорогой Иван Сергеевич, примите наши самые теплые чувства, самые искренние пожелания здоровья, сил, духовной и творческой работы. Не считайте наши письма назойливостью, это просто выражение нашей сердечной благодарности, — благодарности и любви, которые Вы сами породили тем, что Вы написали.

Искренно Ваши

Карамзины.

Kiviõli, 44. Eesti.

Мария Владимировна Карамзина.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 14–14 об.

[1] В августе–сентябре 1936 г. Шмелев по приглашению рижского Русского академического общества приезжал в Латвию, где останавливался в пансионе Inčukalns семьи антиквара Г.Е. Климова. Прозаик также посетил Эстонию — Псково-Печерский монастырь и Старый Изборск.

[2] Жена писателя О.А. Шмелева скончалась 22 июня 1936 г.

[3] С.Т. Климова (урожд. Теодорович, 1899–1991) родилась в Варшаве в семье настоятеля варшавской церкви во имя св. Марии Магдалины протопресвитера Т. Теодоровича, после начала Первой мировой войны вместе с отцом переехала в Петроград, в 1917 г. вышла замуж за морского офицера Г.Е. Климова. В 1918-м с мужем покинула Петроград, после окончания Гражданской войны поселилась в Риге, устроила летний пансион в дачном месте близ латвийской столицы (куда приезжал отдыхать И.А. Ильин, а летом 1936 г. по его рекомендации Шмелев), после окончания Второй мировой войны жила в Германии, в 1951-м с мужем переехала в Канаду (И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 723).

[4] Женская гимназия Э.П. Шаффе размещалась в здании по адресу 5-я линия Васильевского острова, 16.

9. И.С. Шмелев — М.В. Карамзиной

19 сентября 1936 г. Рига

19.9.36
ulkv<eža> Brieža ielō, 4,
dz<īvoklis> 2.
bei Klimovs (Ив<ан> Ш<мелев>в)

Дорогая Мария Владимировна,

Благодарю Вас, добрые друзья, за сочувствие Ваше, за ласковость. Мне трудно писать, простите за мое молчание на Ваше зимнее письмо: я был занят работой, сборами в путь (как мы с О<льгой> А<лександровной> мечтали ехать, отдохнуть!)… и вот, задавило, убило горе. Не понимаю, как я смог собраться, поехать, — довершить задуманное вместе, вспомнить обещанное. Мне тяжело, очень, — на

людях, при всей любви их и заботе. Я живу у милых Климовых, моих верн<ых> читат<елей>, — не знал их раньше.

Да, Софья Терентьевна Кл<имо>ва, — да, С<оня> Теодорович. Да, она Вас вспомнила, очень. Передал ей Ваш привет. Она, каж<ется>, хочет Вам писать. Радостно вспоминала.

Был в Печорах, везде, много. Истомлен. Болел. Буду читать публ<ично> 29-го. 3-го уеду в Берлин (вечер литер<атурный>) — и — Париж — к 12–13 X.

Спасибо за светлые чувства Ваши и милого мужа Вашего. Поцелуйте его от меня. А Вам целую руку.

Не рассчитал, как трудно мне будет без могилки. Очень давит, не вижу жизни и не увижу.

Ваш

Ив. Шмелев.

Сколько, слава Богу, здесь у меня друзей-читателей!

Адр<ес> парижский — тот же — и до конца.

Как бы радовалась дорогая моя Оля! И как я теперь мучаюсь. Простите. Да Вы и так знаете, почувствовали.

ОР РГБ. Ф. 693. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 3.

10. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

22 сентября 1936 г. Кивиыли

22/IX.1936

Милый, дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо самое сердечное за Ваше дорогое письмо, глубоко приняла его, трудно писать в ответ, а не написать еще труднее. Была бы близко, может быть сумела бы выразить то, что просится, — и не так словами, как тишиной около Вас, редкими и тихими — робкими — вопросами, только чтобы не сделать Вам больно, — больнее, чем есть. Посылаю Вам всей душой моей много бережной нежности. Молюсь о том, чтобы Господь снял с Вашей души томление и часть тоски, чтоб послал Он Вам сил физических и укрепил радость творческих сил. Вы пишите: «болел», а сегодня в газете есть о том, что Вы хворали гриппом. Берегите себя!

Как, должно быть, трудно Вам выступать на этих вечерах, то есть принудить себя выступить, и какую отраду Вы наверно ощущаете во время и после чтения. Ведь если не все, то очень многие, слушая Вас, не только слушают, но и живут сердцем, самым дорогим его нутром, — и вечера Вашего чтения, конечно, не только литературные

вечера. То, что Вы читаете, — не проповедь о родном и священном, а обнаружение его. Контакт, наверно, получается очень крепкий и хороший. Чем дольше живешь, тем сильнее чувствуешь, как нужно бывает людям, чтобы их, среди житейского, затрагивали за «самое главное» и давали ему выявиться и обнаружить себя. И какая радость бывает ощущать, когда за тебя, не твоими, а самыми лучшими, самыми верными словами, — так, как ты никогда не сумел бы сказать, — выговаривается твое дорогое и заветное.

Дайте нам еще много такой радости! Земными путями «нянины» скитаний по миру, большой дорогой «богомолья» ведите к «путям небесным». — Знаю их только по отрывкам из «Возрождения», хочется знать целиком.

Родной наш, храни Вас Бог в дороге и в Париже! Время такое смутное… Есть ли там близкие Вам люди, которые будут хорошо беречь Вас и заботиться о Вас? Трудно загадывать вперед, но, если все будет благополучно в будущем году, надо бы Вам опять собраться в эти близкие к России места. И в Эстонии поехать не в Печоры, где туристы и туземцы, и шум, — а на Святую Гору, в тихий Пюхтицкий монастырь, где можно отдохнуть, много молиться и мало видеть людей.

Не теперь, не сразу, а когда-нибудь, дорогой Иван Сергеевич, — хоть немножко-то, что можно, — напишите нам об Ольге Александровне! Нет ли у Вас ее карточки, которую, если нельзя оставить, я Вам верну? Так хочется знать о ней, чтя ее память и любя Вас. Муж шлет Вам самый свой горячий сердечный привет. Он не пишет сам, потому что эти дни очень занят. Нас недавно перевели на новую квартиру — домик и сад — и от старого сада он пересаживает цветы, кусты и даже деревья. Помещичья душа вся тут. Ночь на заводе сегодня работал, не спал, и вот копает все время. И я помогаю. Еще раз — храни Вас Господь!

Ваша

М. Карамзина.

Очень приятно мне, что нашла Соф<ью> Тер<ентьевну>. Буду очень рада, если она напишет, и сама ей буду писать. Адрес наш — по-прежнему Kiviõli, 44.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 16–16 об.

11. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

25 октября 1936 г. Кивиыли

25 окт. 1936 г.

Милый, дорогой Иван Сергеевич!

Очень часто думаю о Вас, мыслями и сердцем следила за Вашим путем назад в Европу, а теперь, зная, что Вы вернулись в Париж, несколько дней порывалась писать Вам, потому что чувствую, как Вам там должно быть трудно, — даже во сне Вас видела — и все останавливала себя, боясь показаться Вам навязчивой. А сегодня получила длинное письмо от Сони К<лимовой>, где она много пишет о Вас, и вот не могу уже больше удержаться.

Родной наш Иван Сергеевич, позвольте иногда писать Вам, не считайте, что надо всегда отвечать, — это только, когда Вам захочется, когда будет время, позвольте письмами выражать Вам иногда нашу преданность, мысли о Вас, раз уж мы не можем быть около, не можем любовь к Вам претворить в постоянную заботу и ласку. Знаю, что несмотря на все горячее желание наше, письма и чувства наши могут очень мало принести Вам — просто крохи какие-то в лучшем случае, — но, может быть, и эти крохи, присоединенные к чувствам и письмам других, любящих Вас людей, — преданных Вам, душевно зависящих от Вас, одаряемых Вами, — будут Вам хоть немножко нужны.

Соня пишет, что она до сих пор еще не пережила внутренне всего, заложенного Вами. Как я рада, что Бог опять свел меня с нею, она мне очень близка. Она пишет, что рижская молодежь глубоко полюбила Вас, что Ваш приезд и пребывание в Риге имели большое и важное значение. Еще она рассказывает, как они, Климовы, познакомились с Вами через Ив<ана> Ал<ександровича> Ильина, и спрашивает меня, читала ли я его писания. Я не только их читала, — и почти всегда с восхищением, — но и самого И<вана> А<лександровича> лично знаю, хоть не часто его удавалось видеть. В его приезды в Прагу он всегда бывал в семье моего beau-père'a[1], профессора Гримма, и мы присутствовали на его докладах. Муж мой помнит его еще по Московской 5-й гимназии[2], где И<ван> А<лександрович> был «старшим учеником» в классе мужа. Несмотря на мое восхищение тем, что И<ван> А<лександрович> пишет и говорит, я испытывала по отношению к нему как бы опаску, хотя может быть и напрасно. Мне кажется, что он мало кого любит. Людей вообще — не любит и беспощадно бывает насмешлив. Но после того, как я поняла из Сониного письма, что Ив<ан> Ал<ександрович> любит Вас и Ваше творчество, то есть не холоден к нему, а душой его принимает и даже

указывает другим, как надо его любить и понимать, я сразу стала доверчиво, — как мне того всегда хотелось, — относиться к Ивану Ал<ексанрови>чу.

Дорогой Иван Сергеевич, Ваше творчество — пробный камень. Люди, любящие Шмелева, отзывающиеся на него сердцем, — свои, близкие люди, для которых высшие ценности — одни, общие. Не умею я писать, не могу выразить того, что хочется мне сказать, и столько толпится в душе, и так боюсь надоесть Вам своими рассуждениями, но все сводится к одному, — к мольбе, чтобы Господь послал Вам сил, укрепил Вас в пору страшного испытания, Вам ниспосланного, и Вы могли бы вновь приступить к работе. Родной наш, берегите себя, свое здоровье, сердце свое! Простите, что пишу так, но Вы нужны людям, Вы нужны всем нам, силящимся помнить Бога, и любить Его, и знать — вопреки всему, наперекор этой жизни страшной. Вы детям нашим подрастающим нужны! Кто, кроме Вас, скажет им родное, живое, горячее слово и так мастерски-прекрасно его скажет? Не хочу писать об этом сегодня — но ведь <скажут его> не те, которые повторяют устарелую пошлую поговорку о том, что «les bons sentiments font de la mauvaise littérature»[3]; — это в последнем томе «Современных записок», очень интересном, очень полном, но вызывающем такой безусловный нравственный протест многим, что там напечатано!

Как мы мечтаем с мужем, что будущим летом Вы опять приедете в Прибалтику, и может быть и нам, хоть ненадолго, дадите радость видеть Вас. У нас можно хорошо, то есть тихо и в очень русской обстановке пожить. Заботиться о Вас будем изо всех сил. Мой старший сын Костя знает и любит Ваше «Лето Господне» и «Богомолье», он очень нежный и очень русская душа, а малыши Саша и Миша просто очень веселые и ласковые, я их называю «мои грелки». Они приветливые ко всем, доверчивые, жадные до сердечных впечатлений и очень будут Вас любить. Обо мне и муже и говорить не стоит. Не разрушайте нашей мечты, — а может быть и даст Господь эту радость. Наше Kiviõli — это сильно растущий поселок вокруг большого сланцеперегонного завода; — маленькая пробная печь по плану русского инженера была построена в 1921 г. Тогда же на пустом болоте началось добывание сланца. Большинство рабочих и служащих были русские эмигранты. Теперь это одно из главных предприятий Эстонии, капитал германский, но русских много, своя церковь, библиотека, и в жизни много уютного и патриархального, наряду с довольно большой культурностью — бытовой. Природа,

несмотря на близость завода, приятная, спокойная, — так все — березки, перелески, зелени много.

Вот в субботу 31-го окт<ября> ждем сюда чудотворную Пюхтицкую икону Успения Б<ожией> М<атери>. На станции будет встречать Ее крестный ход, понесем в храм, а потом Она два дня будет обходить наши жилища. Посещает Она нас ежегодно осенью[4]. На молебне у нас впишу Ваше имя, — а так, сама, тоже поминаю Вас ежевечерне.

Очень хочется нам иметь Вашу фотографию (я писала об этом Соне) с Вашей надписью. Если у Вас есть лишние, — пришлите когда-нибудь! Если лишней нет, то Соня обещает заказать и мне пришлет, а я перешлю Вам с просьбой надписать.

Да хранит и да утешает Вас Господь! Простите, если что не так написала. Шлем Вам оба наш горячий душевный привет.

Любящие Вас

Карамзины.

<P.S.> Хороший ли муж у Сони — этот вопрос меня немножко беспокоит, хотя мне кажется, что хороший, но она все же не очень счастлива… Это чувствуется в письмах[5].

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 18–19 об.

[1] Свекор (*франц.*).

[2] В 5-ой Московской гимназии Ильин обучался с 1893-го по 1898 г. (1–5 классы).

[3] «Из хороших чувств рождается плохая литература» — афоризм французского писателя А. Жида (1869–1951).

[4] Крестный ход с чудотворным образом Божией Матери из Пюхтицкого монастыря был приурочен к празднику Успения Пресвятой Богородицы и длился несколько недель, проходя по селам и деревням Принаровья. В 1940 г. запрещен советской властью, возобновлен лишь в 1999-м.

[5] Имеется в виду Г.Е. Климов (1895–1967), морской офицер, после Гражданской войны жил в Риге, где занимался коммерцией, обустроил летний пансион. Будучи старостой Русского академического общества, организовал поездку Шмелева в Латвию. В 1951 г. вместе с женой переехал в Канаду.

12. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

2 января 1937 г. Кивиыли

2/I 37 г.

Сердечно всей семьей поздравляем Вас с Праздником Рождества Христова, глубокоуважаемый и дорогой Иван Сергеевич. Шлем новогодние пожелания, которые все труднее становится формулировать людям, чьи годы и душевный опыт накапливаются на чужбине, чье

стремление к радости и покою становится и все неутолимее, — и все смиреннее. Скажем так: Милости Божией желаем Вам в лучшем и наиболее для Вас насущном Ее проявлении. А в это входит и пожелание здоровья и сил, — и творческой радости от плодотворной работы, и душевного мира, и обретения Родины наконец… Да хранит Вас Господь, и да утешит Он Вас.

Соня порадовала известием, что Вы возобновили работу, что вышли «Пути небесные». Я с радостью прочла Ваш в ноябре написанный рассказ «Виноград» в «Ил<люстрированной> России»[1].

Мы тут Рождество уже отпраздновали по новому стилю, но в столовой все еще стоит разукрашенная елка. Встречали Новый год дома, одни, только один близкий друг нашей семьи, одинокий хороший человек, крестный моего младшего сына, присутствовал. До встречи были в нашей церкви — за торжественной всенощной с миропомазанием и новогодним молебном. Когда подошло время к 12-ти, встали из-за стола, перекрестились, подняли рюмки и в радио в ту же минуту грянула из Петербурга песня о родине: «Широка страна моя родная»[2] — знаете ли Вы ее? Она недавно у них сочинена и теперь поется там вроде гимна. И музыка, и слова очень трогают, — несмотря ни на что, помимо и сверх всего. Ширь большая в напеве, горячее чувство и что-то ключом бьющее новое, ничего общего с коммунистическими настроениями не имеющее. «Как невесту, родину мы любим, бережем, как ласковую мать». Мы с мужем не обольщаемся, как многие теперь, переменами в советской «генеральной линии», но кое-что не может не озадачивать и не радовать. Не могу Вам передать, как волнует, например, чтение оттуда по радио «Тараса Бульбы». Недавно хороший артист читал без пропусков речь Тараса к казакам перед боем, расправу с Андрием, сцену казни Остапа. Такие слова, такие чувства оттуда, — лучшей пропаганды всего родного, нашего быть не может. Какая сила у Гоголя! И год, два тому назад они бы не стали читать этого.

Посылаю Вам, дорогой Иван Сергеевич, Вашу фотографию, присланную мне Соней, с горячей просьбой сделать на ней надпись. Прилагаю письмо старшего сына Кости, который по своему почину пожелал Вам написать. Прочтите его каракули. Муж и я шлем Вам самый теплый привет.

Преданные Вам и любящие

Карамзины.

Не знаете ли Вы, как без моего ведома попало в «Ил<люстрированную> Россию» мое стихотворение «Ко дню матери»? Оно в том же номере, где Ваш «Виноград». Кто его поместил? Я когда-то

послала его Олегу Пантюхову по его просьбе, но о том, что его будут печатать, да еще за полной подписью, совсем не знала[3]. Ну, это не важно.

Адрес тот же: Estonie. Kiviõli, 44–2. Мар<ия> Влад<имировна> Карамз<ина>.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 21–21 об.

[1] «Виноград: Из крымских рассказов» («Иллюстрированная Россия», 1936, 12 дек. (№ 51), с. 1–4).

[2] «Песня о Родине» («Широка страна моя родная…») написана В.И. Лебедевым-Кумачом и И.О. Дунаевским для кинофильма «Цирк» (1936).

[3] Стихотворение М.В. Карамзиной «Ко дню матери», опубликованное в 51-м номере «Иллюстрированной России» за 1936 г., включено в подборку материалов, посвященных Национальной организации русских скаутов. В редакционной заметке сообщалось: «День Матери — традиционный праздник русских скаутов — празднуется ежегодно около 1 декабря во всех отделах русских скаутов заграницей. В России этот день посвящался матерям скаутов, а после гражданской войны русские скауты в эмиграции в этот день особенно ярко выражают горячую любовь к своей далекой общей матери — Матери-России» («Иллюстрированная Россия», 1936, 12 дек. (№ 51), с. 21). Стихотворение, очевидно, передал в редакцию журнала О.И. Пантюхов (1882–1973) — основатель движения скаутов-разведчиков в России и первого отряда Национальной организации русских скаутов в Париже, участник Гражданской войны в рядах Белой армии.

13. К.В. Карамзин — И.С. Шмелеву

2 января 1937 г. Кивиыли

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Сердечно поздравляю Вас с праздником и желаю Вам всего хорошего в новом году. Я прочел Ваши рассказы «Лето Господне», «Богомолье», «Старый Валаам» и сборник мелких рассказов «Как мы летали», «Сахарная»[1] и т. д.

Я очень люблю и чувствую все до сих пор прочитанные мною Ваши рассказы. Особенно мне понравилось «Лето Господне».

Мне тринадцать лет[2]. Я живу в городе Tartu в Эстонии, учусь в тартуской городской русской средней школе. Я в третьем классе. Я очень люблю спорт. Я хочу быть офицером и воевать с немцами и коммунистами за Веру, Царя и Отечество, как папа[3]. Я довольно ленив, поэтому я иду в школе средне. Особенно я не люблю эстонского языка.

Уважающий Вас, Костя.

2 января 1937 года

Kiviõli, Eesti.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 22.

[1] Имеется в виду рассказ «Сахарное яичко» («Родная земля», 25 апр. 1925). В последующих изданиях («Руль», 5 мая 1929 и сб. «Въезд в Париж», Белград, 1929 — с посвящением К.Д. Бальмонту) название изменено на «Яичко».

[2] К.И. Гримм, сын Карамзиной от первого брака, родился в 1923 г.

[3] Его отец, И.Д. Гримм, был участником Первой мировой войны, награжден орденами Св. Станислава IV ст. и Св. Анны III ст. Во время Гражданской войны в чине штабс-капитана воевал в рядах Белой армии на юге России. Таким образом, по выражению сына, сражался «с немцами и коммунистами».

14. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

1 марта 1937 г. Кивиыли

4-я неделя поста.
Понедельник, 1/III 37.

Милый, дорогой Иван Сергеевич!

Прочла и перечла, и снова читаю «Пути небесные»[1]. Каждое слово — прямо в душу, и на каждой странице — новое открывается. Не новое — чужое, но вновь и вновь узнаваемое родное, заветное. Нет у меня слов выразить Вам все. Плакала, и плачу, и в сердце такое растепление, как от редко ниспосылаемой благодатной молитвы. Поистине, великопостное чтение, хоть и обжигает местами. Все свое, по фабуле иное, но по внутреннему смыслу родственное, подымается в душе, вновь на поверку предстает. Какая власть у Вас, какая прозорливость! Если бы мы увиделись, я сказала бы Вам многое, все, что сейчас кипит и толпится у меня в душе, а писать вдаль трудно о таком, хотя знаю, что Вы все поняли бы опытным сердцем. Как замечательно, что весь рассказ ведется через уста их обоих, просветившихся, что на всех событиях, сообщаемых бегло, без нажимов, лежит отблеск сердечной умудренности и смирения. Такой второй книги нет на свете, она совсем особенная. Люди в «Богомолье», «Лете Господнем», «Истории любовной» — совсем живые, но там они и вправду с живых писаны. А эти трое? Были они на самом деле, или это создание Ваше? Они настолько живут, настолько реальны, что за них молиться хочется. Любовь Дариньки к Вагаеву — как это тонко, до мельчайшей черточки верно. И сам он. И его уход от нее и письма его. Ах, эта борьба — не с захватчиком, не с разбойником, не с татем в нощи, но с милым, чисто-любящим, — как она трудна. И завет старца Варнавы «везти возок» и «побеждать».

А у меня: на 29-м году встреча с 42-летним моим теперешним мужем, уже много лет жившим, после яркой молодости, после войны, русской катастрофы — аскетически-духовной жизнью с оглядкой на монастырь. Он открывает мне пути в тот мир, который знал опытно, который знаете Вы. И тут рушится мой первый брак, и я иду через грех развода, через горе близких и сына — в этот новый мир. При этом все участники связаны любовью, все хотят жертвовать собою, но так выходит… И вот теперь 8-й год мы обвенчаны, и у нас два сына. И если верить в то, что соединение наше было предназначено, — ведь всею жизнью надо его искупить, оправдать. А мы верим. Но мы немощны, и нет «больших монастырей»… И надо «везти возок».

По милости Божией зовы бывают. И Ваши книги всегда зов, а эти дивные «Пути небесные» особенно. Спасибо, родной наш! Простите, что пишу о себе, но Вы чувствуете по этому, как дорога мне Ваша книга.

В 1915 году я бывала в Прилуцком монастыре. Мы ездили по Сухоне и Северной Двине до Архангельска и обратно мимо Тотьмы и Великого Устюга, потом гостили под Вологдой в имении наших друзей Брянчаниновых. (Влад<имир> Ник<олаевич> Брянчанинов — внучатый племянник епископа Игнатия[2]). Из Вологды ездили в монастырь, — там похоронен поэт Батюшков. А два раза ходили гулять к нему со стороны полей и речки, где она подходит почти к самим стенам, но там перехода нет. Сидели на бережку, смотрели на стены, на башни с их удивительной раскраской, — как разноцветное мороженое: фисташковое, сливочное, малиновое. Мне тогда было 15 лет. Это с мамой и братьями было.

Недавно ездила в Юрьев на Пушкинскую лекцию И.А. Ильина[3], которая взбудоражила очень; слушала с восторгом. А свиданье с ним после 11 лет разлуки очень взволновало. Говорили много, но все-таки мне мало показалось.

Большую отраду приносят письма Сони <Климовой> из Риги, они очень близки. Она собирается после лета к нам. Жду Вашей фотографии — очень! — если трудно Вам мне писать, — перешлите ее через Соню. От мужа и от меня горячий привет Вам. Господь да хранит Вас.

Душою преданная и любящая

М. Карамзина.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 23–23 об.

[1] Имеется в виду первый том романа, печатавшийся в «Возрождении» в 1935–1936 гг. и вышедший отдельным изданием в 1937 г. Второй том опубликован в 1948 г.

[2] В.Н. Брянчанинов (1875–1963) — государственный деятель, унаследовал родовое имение Брянчаниновых в селе Покровском Вологодской области, став последним владельцем усадьбы. В 1920-м эмигрировал в Болгарию, жил в Чехословакии, с 1950 г. — во Франции. В 2006-м его останки перенесены в родовую усыпальницу в Покровском.

[3] С торжественной речью «Пророческое призвание Пушкина» Ильин выступал 9 февраля 1937 г. в Риге, 12-го в Ревеле (Таллине) и 14-го в Юрьеве (Тарту), произвел сильное впечатление на присутствовавших.

15. И.С. Шмелев — М.В. Карамзиной

14 марта 1937 г. Париж

14 марта 1937
Boulogne / Seine

Сердечно благодарю Вас, милая Мария Владимировна, за чудесные Ваши письма, за доброту к писателю. Рад, что «Пути небесные» дошли до сердца. Зерно их — сама жизнь, я это «зерно» *видел*, и оно явилось закваской романа, далеко не законченного. Буду ли продолжать… — не знаю. Жизнь рассекла меня, я в осколках, трудно душу собрать. Простите краткость, у меня нет часа на письма, я один — на все, не соображусь. Без Ангела-хранителя моего. Ну, да Вы поймете.

Поцелуйте Вашего мальчика за его милое письмецо. Привет Вашему мужу. Я рад Вашим откликам всегда, но не судите меня, если не всегда смогу ответить. У меня на столе кипа писем. А тут еще надо было говорить и писать в пушк<инские> дни. И болел долго, сам за собой ходил, в сиротстве моем. Надо принимать испытания — принимаю, и не хочу облегчения. Горько и нестерпимо подчас, но мой мальчик[1], наш мальчик что́ принял! — и что́ мои испытания! И моя хранительница, усопшая моя Ольга светлая, сколько приняла, всю жизнь отдала сыну и мне. Особенно тяжело, что порой *все* шатается во мне, рушится. При таком — как же трудно писать! — в огне таком.

А *надо* завершать взятое (или — указанное?), чтобы не вносить соблазна в души. Надо платить за *что-то*, от чего не в твоей воле отказаться. Сказать правду — никогда не старался и не стремился стать писателем, — *так* вышло. А лучше бы не становиться, легче. Теперь не отмахнешься.

Будьте здоровы и берегите счастливые дни, — так они быстры, так случайны.

Душевно Ваш

Ив. Шмелев.

Прилагаю присл<анную> Вами карточку мою.

ОР РГБ. Ф. 693. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 4–4 об.

[1] Сын писателя С.И. Шмелев (1896–1921) был расстрелян большевиками в Крыму в январе 1921 г.

16. И.С. Шмелев — М.В. Карамзиной

28 апреля 1937 г. Париж

28.IV.1937
Булонь, Сен

Дорогая Мария Владимировна.

С великим усилием вырываюсь из тисков хлопот и работ, — простите за отрывистость письма. Но не могу не сказать Вам душевного признания — за Ваши мудрые слова о «П<утях> неб<есных>» — только что читал в «Прав<ославной> Руси»[1]. Дай Бог, чтобы читающие принимали *так*, как Вы, добрая-чуткая душа, *вняли*. Только бы на пользу. А Вы — близко определили *суть*. Но мне-то трудно и стеснительно говорить о своем. Спасибо. Вы и о Пушкине прекрасно сказали. Незаурядный Вы читатель, большая в Вас духовная культура. Чувствуется, ясно сказывается. Вкладывайте детям — *свое*. Только *так* и можно поддержать замирающую — временно! — в людях *жизнь* полноценную, вернуть их к приятию мира Господня, — не *землю* только.

Я очень занят. Приходится ехать в Прагу, говорить в «День русской культуры» — о культуре и о Пушкине. Это будет 13 мая, а 14 — читаю там же *свое*, из «Лета Господня», «Богомолья», «Няни» и — «Веселый ветер» — «Верба»[2]. Затем — недели на две в обитель пр<е>п. Иова, на Пряш<евскую> Русь, иноки зовут погостить.

«Старый Валаам» — закончен, остальные 7 глав. *Как* мне это удалось — не сознаю. Много пришлось и еще написать… Написал мал<енький> рассказ «Свет вечный», для пасх<ального> «Возр<ождения>» — дарок мой другу — И.А. Ильину. Еще написал «Кровавый грех» — в «Илл<юстрированную> Рос<сию>», тоже просили для Пасхи[3]. Но оба рассказа *трудные*, — так вышло.

Христос Воскресе! — говорю Вам, Вашему мужу, детям. Будьте здоровы, будьте радостны, будьте в крепкой надежде, что — *все будет*. Россия наша — *жива*, и — *будет*! Воскреснет! — Воистину Воскресе Христос!

Ваш
Ив. Шмелев.

ОР РГБ. Ф. 693. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 5. Авторизованная машинопись.

[1] *Карамзина М.В.* Пути небесные // Православная Русь. 1937. № 7. 8 (21) апр. С. 3–4. (См. Приложение.)

[2] Имеется в виду рассказ «Весенний ветер» («Возрождение», 24 апр. 1927), под названием «Веселый ветер: Верба» опубликован в сборнике «Родное: Про нашу Россию» (Белград, 1931).

[3] «Свет вечный: Рассказ землемера» опубликован 1 мая 1937 г. в «Возрождении» с посвящением Ильину, «Кровавый грех: Рассказ сестры милосердия» — в тот же день того же года в «Иллюстрированной России».

Письмо 17. НИОР РГБ
Letter 17. Research Institute of the Russian State Library

17. И.С. Шмелев — М.В. Карамзиной

24 февраля 1939 г. Париж

24.II.39

Дорогая Мария… Владимировна?

Простите, забыл Ваше отчество, а письма, если хранятся, засунуты в пачки при перевозке. О себе писать — долго и скучно. После долгих странствий — вернулся во Фр<анцию>, много болел, мало писал. Только теперь, чуть оправившись (упад<ок> серд<ечной> деят<ельности>), вхожу в работу, — надо еще кое-что закончить.

Устроился опять на соб<ственной> кв<артире> — не могу быть не у себя. Может быть, приступлю и к заключ<ительной> книге «Пути неб<есные>». М<ожет> б<ыть>… — если достанет дней и сил.

Пришлите В<ашу> книгу стихов, — заранее уверен, что есть у вас «зерна» истинные, есть, что сказать, ибо живая у Вас душа. Большинство соврем<енных> поэтов, вернее — счит<ающих> себя поэтами, — пустоцвет, пустодушие или — потуги. Помните — Пушкин: «…наперед узнайте, чем душа у вас исполнена… прямым ли вдохновеньем — иль необузданным одним поползновеньем!»[1]

С мая по конец июня был в обители на Пряш<евской> Руси, — лежал с головокруж<ением> два мес<яца>, последствие гриппа, едва выбрался и потому *света* там не обрел[2].

Желаю Вам здоровья. Привет Вам с мужем.

Ваш

Ив. Шмелев.

ОР РГБ. Ф. 693. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 6–6 об. Почтовая карточка.

1 Из стихотворения А.С. Пушкина «Французских рифмачей суровый судия…» (1833). В оригинале: «…иль *необдуманным* одним поползновеньем».

2 В отличие от первого посещения монастыря преп. Иова Почаевского в 1937 г., во время второго визита в мае-июне 1938-го Шмелев находился в крайне угнетенном физическом и психическом состоянии, в чем признавался в письмах к Ильину: «Я думал — мозговой развал. Монахи меня приуготовляли… лечения не было. <…> Как же я рвался с Карпат! Боялся там сгинуть <…> Из жизни в Обители не вынес радости-утешения» (*Ильин И.А.* Собр. соч.: Переписка двух Иванов. М.: Русская книга, 2000. Т. 2: 1935–1946. С. 230, 232).

18. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

2 марта 1939 г. <Кивиыли>

2/III 1939 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Муж и я были так рады получить Вашу открытку, но с грустью узнали о том, что Вы болели так долго и трудно. От всей души желаем Вам сил, и полного выздоровления, и возможности работать. Какая была бы радость, если бы Вы закончили «Пути небесные»! Да пошлет Господь и душе Вашей отдых и мир. Простите, что так пишу, но чувствую, как Вы измучились. Доходит ли до Вас, и отрадно ли Вам, что столько есть на свете людей, которые любят Вас и смотрят на Вас ведь не только как на писателя, доставляющего наслаждение эстетическое, умное развлечение, пробуждающего приятные воспоминания, добрые чувства, но и как бы с тайной надеждой? Душу

Вашу любят, чуют ее в писаниях Ваших и ищут у нее поддержки в собственных духовных борениях. Это так есть, и ничего тут не изменишь. Вы сами мне когда-то писали, что ответственности писательской не стряхнешь. Здесь не то что ответственность, а как-то связаны Вы с этими душами, и им, как за родного и близкого, горестно, когда Вам плохо.

Мы часто, и всегда с любовью, думали и говорили о Вас за эти полтора года, что не имели от Вас никаких вестей. Сколько раз перечитывали Ваши книги и то, что печаталось изредка в газетах. Дети нет-нет и требуют чтения вслух «Богомолья» и «Лета Господня». На Рождество читали.

Собирались летом на Валаам. Не пришлось из-за болезни. Вот Вы мне пожелали в письме здоровья, точно почувствовали, что я сильно хворала. До сих пор еще не в полном порядке. Весь январь пролежала в Юрьеве в клинике. Было воспаление почечных лоханок, камень. Теперь надо беречься, состояние полуинвалидное, а я всю жизнь была здорова и очень этим бравировала. Верно, для смирения теперь послано.

Василий Александрович <Карамзин>, слава Богу, здоров, бодр, работает. Дети за осень и зиму много болели неизбежными болезнями: только закончился карантин ветряной оспы. Весной приезжал в Эстонию И.А. Бунин. Я виделась с ним, четыре дня провела в общении с ним[1]. Он и настоял на издании моих стихов, просмотрел рукопись, приготовленную для печати (я посылала ему), вообще проявляет много трогательного внимания и заботы. Сегодня вместе с этим письмом отправляю Вам «Ковчег». Виделась весною также с арх<имандритом> Иоанном Шах<овским>, говорили о Вас. На днях получили от него чудное письмо[2].

Вот хочу Вас спросить, не знаете ли Вы нового, швейцарского, адреса И.А. Ильина? Он, бедный, принужден был переменить местожительство,

оттого что не покривил душой[3]. Если Вы знаете адрес, дорогой Иван Сергеевич, напишите его мне.

С Соней Климовой переписываюсь, ей очень нелегко. Где теперь Ваш Ивушка[4], что он делает, какой он? Кто с Вами, или вернее, кто делает для Вас все эти мелкие хозяйственные дела, без которых нельзя обойтись? Лечитесь ли Вы регулярно и как надо? Берегите себя, так тяжело хворать в теперешних условиях, так это неудобно.

Муж и я сердечно Вас приветствуем.

Да хранит Вас Господь!

Любящие Вас

Карамзины.

<P.S.> Да, мое отчество Владимировна — Вы не ошиблись.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 25–25 об.

[1] В мае 1938 г. Бунин, совершавший поездку по Прибалтике, посетил Тарту, где состоялось личное знакомство с Карамзиной. Переписка между ними велась ранее, Бунин оценил присланные ему стихи и посоветовал выпустить сборник, получивший название «Ковчег» [1, с. 675].

[2] Письмо архимандрита Иоанна (Шаховского; 1902–1989), впоследствии архиепископа Сан-Францисского и Западно-Американского, от 30 июня 1939 г. см.: [3, с. 111].

[3] После отказа Ильина сотрудничать с немецкими властями и следовать партийной программе преподавания ему было объявлено о запрете на публичные выступления. 9 июля 1938 г. Ильины переехали в Швейцарию. 10 октября он писал Шмелеву: «…я покинул страну моего прежнего пребывания *совсем* <…> Больше не вернусь. Там такой нажим на русских честных патриотов! Там терпят только *предателей* и *своих агентов*» (*Ильин И.А.* Собр. соч.: Переписка двух Иванов. Т. 2: 1935–1946. С. 236).

[4] Ивистион (Ив) Жантийом (Yves Gentilhomme; 1920–2016) — сын племянницы жены Шмелева Ю.А. Кутыриной от первого брака, воспитывался в семье писателя, автор книг воспоминаний «Мой дядя Ваня» (М., 2001) и «Мой крестный» (М., 2011).

19. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

11 июля 1939 г. Валаам

11/VII 1939 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Пишу Вам с Валаама, из гостиницы, — простите за карандаш, чернил нету, а написать Вам очень хочется — именно отсюда. Муж и я посылаем Вам иконку св<ятых> Сергия и Германа, освященную на их мощах. Приехали мы сюда вдвоем, без детей, с экскурсией в 50 человек, пробудем всего неделю без одного дня. Сегодня четвертый день нашего пребывания.

Часто и с любовью думаю о Вас здесь. Нас возят по скитам, жасмин цветет, пышно и благоуханно, вчера начался сенокос, кое-где еще доцветает странная, жидкая, душистая, почти розовая сирень. Были сегодня в Коневском скиту, пока ждали остальных, — любовались кельей игумена Дамаскина, кормили хлебом с мостика рыбок,

видели четырех гагар на озере вдали. Благословлялись у скитского старца схимонаха Николая[1], — как восковой, лик светится, стар очень, смирен, потом в Воскресенском скиту служили пасхальную заутреню, пели всем народом «Христос воскресе».

За три дня много где побывали. Вчера вечером ходили в ближнюю пустыньку, на кладбище, где похоронены игумены, в часовню св. Сергия. Был чудный золотисто-зеленый вечер после дождя, отдыхали у креста в лесу, где похоронен нарушивший послушание монах. Водил нас легкий летучий старичок, о<тец> Памва[2], откуда только силы у него. Взмахивает широкими рукавами, всех за собой увлекает, шутит легко, радостно, а глаза внимательные, голубые, глубокие. Завтра исповедь. Я боялась, едучи сюда, что святость здесь так высока для нас грешных, мирских, что если прикоснуться к ней, то страшно будет вернуться в обыденную жизнь. И вот с радостью, с благоговением чувствую: святость эта, приближаясь, дает мир, покой, снимает тревогу, вопросы, все — не нужно. Только тепло, тихо в сердце.

Вчера беседовали с прозорливым схиигуменом Иоанном[3], у которого завтра, Бог даст, будем исповедоваться. У него послушание: он отвечает на письма, руководит издали. Беседа с ним была особенно умиротворяющая. Никаких особых слов, — а гнет собственный, привезенный и ошеломление от множества впечатлений — благодатных, но хлынувших в неустроенную душу и произведших вначале смятение, — как рукой сняло. Пишу Вам это откровенно, как сердцем мною пережитое, — Вы поймете.

Удивительные службы. Тоже — стремительность, полет — в жестах, движениях, чтениях, даже хор поет стремительно. Меня поразило, что слова как бы в пренебрежении, их переросли духом, они только так, условные знаки. Очевидно, насущно то, что за словами. Это необыкновенно убедительно.

Муж мой также участвует во всем с большой радостью. Его тоже радует крепость и уклад здешнего быта. Сегодня утром до ранней обедни, в 5 часов, отправился на конюшню, смотрел лошадей, ему сделали выводку. Он снимал особенно ему приглянувшихся. Делать нечего — помещик и кавалерист!

Встретились мы тут и с парижскими: о<тцом> архимандритом Никоном[4] с rue Daru и с о<тцом> Мефодием Кульманом[5]. О<тец> Мефодий просил приветствовать Вас.

В гостинице живем на третьем этаже, его при Вас, пожалуй, не было. А все остальное, верно, почти такое же, как в «Старом Валааме». Только России той нет… И без возрождения в ней духа

валаамского, без благодати Божией — вряд ли возможно спасение. Не Солоневичам[6] ее спасать!

Благодарю Вас сердечно за Ваше письмо в ответ на посылку «Ковчега», за критику и ободрение. Для меня «Ковчег» порядком устарел. Дал бы Бог сил писать о «насущном»!

Шлем Вам наш теплый душевный привет. Да хранит Вас Господь и да поможет Вам!

Ваша

М. Карамзина.

Адрес прежний: Марии Владимировне Карамзиной.

Mme M. Karamzine.

Kiviõli 43–2.[7]

Estonie.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 27–28 об.

[1] Схимонах Николай (Толстов; 1864–1947) в 1895 г. поступил в Валаамский монастырь, в 1906-м пострижен в монашество, в 1925-м принял схиму. Последние годы жизни на Валааме подвизался в Коневском скиту, проходя пустынное и уединенное житие (*Иоанн* [*Алексеев И.А.*] Письма о духовной жизни. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. С. 691). Отличался смирением, гостеприимством, почитал каждого приходящего к нему человека. Воспоминания о посещении Коневского скита и о встрече с отцом Николаем Б.К. Зайцев включил в книгу «Валаам» (1936).

[2] Иеромонах Памва (Порфирьев; 1877–1965) в 1895 г. поступил в монастырь, в 1907-м пострижен в монашество, в 1914-м рукоположен в иеромонаха. Был старшим келейником игумена Павлина, нес послушания при архиерейском доме в Выборге и на подворье в Москве, пел на клиросе. В 1930-х гг. встречал паломнические группы, водил экскурсии по монастырю и скитам. В 1937-м был духовником Пюхтицкого монастыря в Эстонии (*Иоанн* [*Алексеев И.А.*] Письма о духовной жизни. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. С. 693).

[3] Схиигумен Иоанн (Алексеев; 1873–1958) в 1901 г. поступил в Валаамский монастырь, в 1910-м пострижен в монашество, в 1933-м облачен в схиму. Проходил послушание духовника и исполнял чреду священнослужения (*Иоанн* [*Алексеев И.А.*] Письма о духовной жизни. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. С. 682). Вел обширную переписку. В 1940 г. вместе с братией эвакуировался в Финляндию, где подвизался в Ново-Валаамском монастыре, был духовником и старцем.

[4] Архимандрит Никон (Греве; 1895–1983), впоследствии архиепископ Бруклинский и Манхэттенский (1965–1979), служил в Александро-Невском кафедральном соборе на улице Дарю в Париже.

[5] Иеромонах Мефодий (Кульман; 1902–1974), впоследствии епископ Кампанский, был в течение 42 лет настоятелем храма Христа Спасителя в Аньер-сюр-Сен, а также духовником Шмелева.

[6] И.Л. Солоневич (1891–1953) — публицист, общественный деятель. Автор получившей широкую известность в предвоенные годы книги «Россия в концлагере» (1936). Сторонник построения независимой монархии. В 1930-е гг. обличал русские организации и партии, как прогерманские, так и антигерманские. Предупреждал, что немецкие попытки покорения России обречены на провал, и что победа над большевизмом достижима только в сотрудничестве с антисоветскими силами и русским народом. Недоверие Карамзиной к «солоневичам» могло быть порожде-

но бытовавшими в эмигрантской среде слухами о связях братьев И.Л. и Б.Л. Солоневичей с НКВД (вследствие компрометации их деятельности со стороны советских спецслужб).

[7] Видимо, описка: в остальных письмах номер дома указан как «44».

ПРИЛОЖЕНИЕ

М.В. Карамзина
Пути Небесные[2]

В критико-биографическом очерке, коим открывается полное собрание сочинений Достоевского в изд<ании> «Нивы» в 1893 г., В.В. Розанов писал:

«Что нужно нам от писателя? Зачем, отрываясь от насущных дел, забот, иногда обязанностей, читатель берет книгу и уединяется с нею, уединяется — в себя, но зачем-то в сообществе с человеком, давно умершим или далеким, которого он не знает и, однако, в эти минуты уединения предпочитает всем, кого знает? Какой смысл в книге, в чтении? Наслаждение ли? Но в непосредственных созерцаниях, в реальных ощущениях действительности оно может быть всегда ярче. Красота ли? Но разве для нее уединяется человек? Он уединяется, чтобы, на минуту оторвавшись от частностей, от подробностей своей жизни, своих тревог, обнять их в целом, понять эту жизнь в ее полном значении. Что скажет, что может сказать он мне *обо мне* самом и обо всем, что так тяготит меня и смущает в жизни — вот вопрос, который определяет выбор нами того, кого мы зовем с собою в уединение, или книги, которую избираем.

“Помоги мне разобраться в моей жизни, освети, научи” — вот самая серьезная мысль, на которой может истинно скрепиться их общение. Вне этого, вне отношения писателя к нашим индивидуальным тревогам, заботам, опасениям празден смысл самого чтения, незначаще появление книги, мишурно все, что в необъятных размерах мы называем литературой…»[3]

---

[2] Публикуется по изданию: Православная Русь. 1937. № 7. 8 (21) апр. С. 3–4. В заголовке и в тексте статьи используются названия произведений И. Шмелева без кавычек, в нарицательном значении.

[3] Цитируется (с некоторыми неточностями) «Ф.М. Достоевский: Критико-биографический очерк» (1893) В.В. Розанова, впервые опубликованный в качестве предисловия к первой части первого тома Полного собрания сочинений Достоевского в 12 т. (СПб., 1894. С. V–VI). В оригинале: «Что нужно *ей* (толпе. — *А.Л.*) от писателя?»; «…в ее *общем* значении»; «…книги, *какую* избираем»; «…вот самая серьезная мысль, *с какою может читатель обратиться к писателю; думаем даже, что это есть единственная серьезная мысль,* на которой может истинно скрепиться их общение».

— Помоги мне разобраться в моей жизни, освети, научи, — говорим мы, беря книги Ивана Сергеевича Шмелева. — Ты обладаешь даром художественного слова, и духовный опыт твой обширен и глубок. Ты был чуток, горяч, человеколюбив и честен в те далекие счастливые времена, когда жизнь нашей родины текла широким и могучим потоком, на радость одним, на злобное удивление и зависть другим. Ты был скорбен и прям в «суровые дни», наступившие для нее с военной грозой. Душу твою палило апокалиптическим зноем Солнце Мертвых на бесплодных камнях у древнего моря. О том, что познала тогда твоя душа, мы можем только скорбно догадываться и благоговейно молчать, оттого что мы знаем, *кого* у тебя тогда отняли, оттого что многие из нас до самой смерти не забудут своих, таких же невознаградимых утрат.

С тех пор прошло много лет, и в эти трудные годы мы постоянно знаем, что судьба твоя, ежедневная жизнь твоя — тот самый тяжкий крест, который суждено нести многим изгнанникам на чужбине, что ты несешь его, что тебя посещают всякие скорби и что под бременем креста, сквозь муку скорбей, ты силен духом Света, благодатной помощью Божьей. Ты увидел радостно, и ласково нам рассказал о том, что в шумной суете, в спешке земного года явлен нам круг Лета Господня. Ты напомнил нам о цветущей, благоуханной, родной дороге давнего Богомолья, по мягким колеям которой стар и млад текли в радушную, как розовая свеча, сиявшую среди пышных лесов Святую Лавру, — тогда, когда было на то Господне благоволение, когда еще не пролилась на нас чаша гнева Его, и не судил Он нам иных, суровых путей. Ты привел в нашу сумбурную, беспамятную, часто недобрую жизнь русскую, верную, простодушную и мудрую старушку-няню, а она, болея о Катичке своей, поведала нам о нас самих, прежних и нынешних, и попеняла нам, и пристыдила и растревожила, и умилила нас, и напомнила нам об очень важном, о самом главном…[4]

И вот теперь земными путями Богомолья и няниных скитаний по свету довел ты нас до Путей Небесных.

К этой изумительной книге, к одной среди немногих в мире, особенно применимо это: «помоги мне разобраться в моей жизни, освети, научи», — эта «единственная», по мнению Розанова серьезная мысль, с которой читатель может обратиться к писателю. Правда, необходимо оговориться: эта «серьезная мысль» читателя должна быть действительно серьезной. Более того: чтобы эту книгу

[4] Автор имеет в виду книги И.С. Шмелева «Лето Господне» (1927–1944), «Богомолье» (1931), «Няня из Москвы» (1936).

прочесть, душа читателя должна быть собственным духовным опытом хоть отчасти *подготовлена* для восприятия тех даров, которые прикровенно и явно в этой книге рассыпаны.

Надо *опытно* знать тайну духовной жизни, чтобы расслышать и понять за увлекательно интересной фабулой, за калейдоскопом по-шмелевски ярких картин московской жизни 70-х годов тот единственный зов, тот язык, который не похож ни на какой другой язык общий, как для великого светоча Православия, какого-нибудь Святителя, или Оптинского старца, так и для светлого Горкина из «Богомолья», так и для всякого, смиренного, кающегося, жаждущего Божьей правды. Этот язык души знают, может быть, многие, но говорят на нем устами редко. Говорят на нем и устами тогда, когда душа потрясена и пронзена светлой любовью, и тогда, когда близок последний час, и всегда, когда шепчут теплую молитву. В этой книге, как в жизни, надо уметь угадать высокий тайный смысл видимых событий, часто, казалось бы, мелких, часто низких и даже опасных. Но тут же должно установить: мудрость автора такова, что ни разу, ни на секунду, он не ошибется, не затуманит совести читателя, не позволит

назвать темного светлым. Высокое мастерство в самом построении романа. Рассказ о бурных событиях ведется участниками уже как бы из другого мира, из «уюта» около «больших монастырей». Под взглядом, очищенным и просветленным, оживает прошедшая жизнь, и ее темные, непонятные, земные пути — разгаданы и недаром нарекаются путями Небесными.

Немало душ, припавших к этой повести, найдут в ней ответы себе. Дело не в том, что внешняя история каждого из действующих в ней лиц может быть непохожа на внешнюю историю отдельного читателя. Мало ли какими извилинами ведут нас земные пути! Но *раскрыть* душе ее путь, но помочь ей назвать этот путь *небесным*, т. е. данным ей по воле Божией, но подкрепить ее, растеплить, повлечь ее молиться, напомнить ей о сопутствующей ей Божьей Любви — вот что может дать эта особенная книга, этот дар нам нашего любимого писателя. Глубокая ему за это, несказанная, душевная благодарность.

Литература

1. *Бунин И.А.* Письма к М.В. Карамзиной (1937–1940) // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 1. С. 663–687.

2. *Гаврилов С.* Мария Владимировна Карамзина // Интернет-проект «Русская Эстония». URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Гаврилов_С._Мария_Владимировна_Карамзина (дата обращения: 01.12.2024).

3. *Карамзина М.* Ковчег: (Стихотворения. Судьба. Памятные встречи. Письма И.А. Бунина к М.В. Карамзиной). Таллин: Vene Entsüklopeedia, 2008. 222 с.

4. *Киселева Л.Н.* Письма М.В. Карамзиной к В.В. Шмидт // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III: Проблемы русской литературы и культуры. Helsinki: [Б. и.], 1992. С. 37–57.

5. *Макшеев В.* И крепка наша горькая связь // Нева. 2013. № 2. С. 201–228.

6. *Милютина Т.* Люди моей жизни. Тарту: Крипта, 1997. 415 с.

7. *Шмидт В.* Мария Владимировна Карамзина // Радуга = Vikerkaar. 1989. № 8. С. 44–45, 48–49.

Research Article and Publication of Archival Documents

“It’s Much Easier to Love People by Reading Your Books”: The Correspondence of Maria Karamzina and Ivan Shmelyov (1934–1939)

© 2025. Alexey M. Lyubomudrov

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract: The article presents hitherto unpublished correspondence between the poet Maria Karamzina (1900–1942) and the writer Ivan Shmelyov (1873–1950), as two members of the Russian Diaspora. The letters are devoted to thoughts on the word art, modern literature, and their own work. Maria Karamzina emphasizes the spiritual and moral impact of Ivan Shmelyov’s books, notes the uniqueness of the prose writer figure, writing “about the most precious and important,” who is able to support his readers in a ghastly era. The correspondence is characterized by the maximum possible level of openness and almost a confessional tone. It shows both the character traits and mental states of the two writers, and reflects their family vicissitudes. The issues of the living of an Orthodox Christian occupy an important place in the dialogue of Maria Karamzina and Ivan Shmelyov. Descriptions of the literary, social, and ecclesiastical life of the Russian-speaking population in Estonia in the interwar period are of particular value. The introductory article analyzes the socio-political consciousness of a part of White Russian emigrants, who had hoped for a rightful place in Soviet Russia, but were deceived in their expectations. The article also provides a comparison of the topics, plots, and style of the epistolary communication of Maria Karamzina with Ivan Bunin and Ivan Shmelyov. Overall, this letter collection is of interest to experts in the field of the Russian Diaspora literature, as well as a wide range of readers. The appendix presents an unknown Maria Karamzina’s article “The Heavenly Ways” (1937).

Keywords: Maria Karamzina, Ivan Shmelyov, Russian literature, Russian Diaspora, Russians in the Baltic states, epistolary.

Information about the author: Alexey M. Lyubomudrov, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4351-6774
E-mail: anketaspb@yandex.ru

For citation: "'It's Much Easier to Love People by Reading Your Books': The Correspondence of Maria Karamzina and Ivan Shmelyov (1934–1939)," introd. article, text prep., and notes by A.M. Lyubomudrov. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 115–154. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-115-154

References

1. Bunin, I.A. "Pis'ma k M.V. Karamzinoi (1937–1940)" ["Letters to Maria Karamzina (1937–1940)"]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 84, book 1. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 663–687. (In Russ.)

2. Gavrilov, S. "Mariia Vladimirovna Karamzina" ["Maria Vladimirovna Karamzina"]. *Russkaia Estoniia*. Available at: http://russianestonia.eu/index.php?title=-Гаврилов_С._Мария_Владимировна_Карамзина (Accessed 1 December 2024). (In Russ.)

3. Karamzina, M. *Kovcheg*: (*Stikhotvoreniia. Sud'ba. Pamiatnye vstrechi. Pis'ma I.A. Bunina k M.V. Karamzinoi*) [*The Reliquary*: (*Poems. Destiny. Memorable Meetings. Ivan Bunin's Letters to Maria Karamzina*)]. Tallinn, Vene Entsüklopeedia Publ., 2008. 222 p. (In Russ.)

4. Kiseleva, L.N. "Pis'ma M.V. Karamzinoi k V.V. Shmidt" ["Maria Karamzina's Letters to Vera Schmidt"]. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III*: *Problemy russkoi literatury i kul'tury* [*Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III*: *Problems of Russian Literature and Culture*]. Helsinki, [S. n.], 1992, pp. 37–57. (In Russ.)

5. Maksheev, V. "I krepka nasha gor'kaia sviaz'" ["And Our Painful Bond Is Strong"]. *Neva*, no. 2, 2013, pp. 201–228. (In Russ.)

6. Miliutina, T. *Liudi moei zhizni* [*The People of My Life*]. Tartu, Kripta Publ., 1997. 415 p. (In Russ.)

7. Shmidt, V. "Mariia Vladimirovna Karamzina" ["Maria Karamzina"]. *Vikerkaar*, no. 8, 1989, pp. 44–45, 48–49. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.02.2024
Одобрена после рецензирования: 10.06.2024
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 04.02.2024
Approved after reviewing: 10.06.2024
Date of publication: 25.03.2025

БИОГРАФИКА

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-155-175
https://elibrary.ru/ZAHWHE

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Булгаринские службы

© 2025, А.И. Рейтблат
Новое литературное обозрение,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена истории службы Ф.В. Булгарина в Российской империи. Вступив в военную службу корнетом в Уланский полк в 1806 г., через пять лет он уехал во Францию и записался в войска Наполеона, воевал против России, был взят в плен, но попал под амнистию, объявленную Александром I. В новое царствование Булгарин неформально «служил» III отделению, но искал способ формализоваться в служебной иерархии, что ему удалось в 1826 г.: как уже известный литератор он был причислен к Министерству народного просвещения, но фактически не служил и в 1831 г. был отправлен в отставку. Новое подходящее место нашлось не скоро — с 1843 по 1857 г. Булгарин служил в Управлении государственного коннозаводства, вполне оправдывая свою «прописку» — в многочисленных статьях он истово рекламировал развитие российского коневодства. Вышел в отставку в генеральском чине действительного статского советника. Случай Булгарина рассматривается как пример социальной адаптации писателя в XIX в. — полностью отдаваясь литературному труду, многие авторы стремились найти себе удобную служебную «нишу», которая давала бы им достойное место в глазах общества и государства, не говоря уже о возможном жалованье.

Ключевые слова: Ф.В. Булгарин, биография, военная и государственная служба, социология литературы, общественная репутация писателя, формулярный список.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат — кандидат педагогических наук, редактор журнала «Новое литературное обозрение», Тверской бульвар, д. 13, 123104 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4957-7401

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

Для цитирования: *Рейтблат А.И.* Булгаринские службы // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 155–175. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-155-175

В России первой половины XIX в. дворянин должен был служить стране и императору, а занятия литературой и журналистикой в качестве таковой службы не рассматривались. В условиях, где государство контролировало почти все сферы социальной жизни и в дворянской среде очень многое определяла «лестница чинов», статус литераторов был заведомо невысоким. Поэтому дворяне, у которых не было больших поместий и которые хотели заниматься литературой, стремились найти службу, позволяющую совместить эти занятия. Служба в подобных «нишах» обеспечивала временем и возможностями для занятий литературой и в то же время снабжала средствами к жизни, а также, что было чрезвычайно важно, продвигала в чинах, давая в итоге сравнительно высокий статус в обществе[1].

Интересный пример подобного поиска «ниши» дает биография Ф.В. Булгарина (1789–1859). Он начал служить в 1806 г., окончив кадетский корпус и поступив корнетом в престижный Уланский его императорского высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича полк. Булгарин воевал с французами (получил орден), потом со шведами, но сатирой на шефа полка, великого князя Константина Павловича, он сломал себе карьеру. Официальный ход делу не дали, чтобы не компрометировать великого князя, но Булгарина посадили в Кронштадтскую крепость на несколько месяцев, а потом перевели в армейский полк. Он понял, что в армии ему ничего не светит и, поскольку Наполеон обещал полякам восстановить их государство, отправился во Францию, где поступил на службу в наполеоновскую армию. Булгарин воевал в Испании, участвовал в походе на Россию, после отступления Наполеона был взят в плен в 1814 г. в Германии. Но 30 августа 1814 г. был издан всемилостивейший манифест, в котором говорилось о прощении всех, кто был связан с врагом или служил у неприятеля[2].

Булгарин приехал в Петербург и, с одной стороны, в качестве доверенного лица своего двоюродного дяди участвовал в судебном процессе, который шел в Сенате, а с другой — стал литератором, писателем и журналистом. С 1825 г. он вместе с Н.И. Гречем издавал единственную в России частную газету, которая имела право печатать политические известия. Однако социальный статус его был сомнителен, ни высокопоставленных родственников, ни связей

[1] Подробнее см.: [5].

[2] Полное собрание законов Российской империи. [1-е изд.]. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 32. С. 909–910. № 25.671.

в Петербурге у него не было. В этой ситуации Булгарин в 1826 г. стал консультантом III отделения (поскольку обладал обширной информаций: как журналист — о литераторах и журналистах и как поляк — о жителях Царства Польского и уроженцах бывших польских регионов, захваченных Россией) и предпринял попытку с помощью III отделения изменить свой статус, получив чин и место в государственном учреждении (пусть номинальное).

По его просьбе А.Х. Бенкендорф 28 октября 1826 г. написал министру народного просвещения А.С. Шишкову:

> Милостивый государь Александр Семенович!
>
> Государь Император, осведомясь, что бывший французской службы капитан Булгарин, обративший на себя похвальными литературными трудами всемилостивейшее Его Величества внимание, желает поступить на службу и посвятить способности свои занятиям общеполезным, Высочайше соизволяет на переименование Булгарина в 8-й класс и на причисление его в Министерство народного просвещения. Почему Его Императорскому Величеству благоугодно было мне поручить отнестись к Вашему Высокопревосходительству, дабы, в случае поступления к Вам по сему предмету просьбы от г. Булгарина, Вы тотчас изволили бы попросить на то Высочайшее Его Величества повеление.
>
> Уведомляя о сей Монаршей воле Вас, милостивый государь, честь имею быть с совершенным почтением и преданностию
>
> Вашего Высокопревосходительства
> покорнейший слуга
> А. Бенкендорф.
>
> 28 октября 1826[3]

Через два дня Булгарин подал Шишкову соответствующее прошение, а 21 ноября, когда был доклад Шишкова императору, он сообщил о прошении Булгарина и поинтересовался, какую должность и какое жалование дать ему. Но Николай I не ответил и проект указа оставил у себя, возможно, чтобы проконсультироваться с Бенкендорфом. На следующий день последовал указ Правительствующему Сенату, о котором Булгарин сообщил в своей газете 27 ноября (№ 142 за 1826 г.) в рубрике «Внутренние известия», которой открывался номер:

[3] РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 543. Л. 46 (далее ссылки на листы этого дела даются в скобках в тексте).

В благоговении к беспредельной благости Всемилостивейшего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, великодушного покровителя не только отличных, блистательных подвигов, но и слабых трудов, внушаемых усердием к общей пользе, поспешаю сообщить моим читателям о Всемилостивейшей награде, которой я удостоился свыше моих заслуг и ожиданий. Сего ноября 22 дня дан Правительствующему Сенату Высочайший Указ следующего содержания:

«Обращая внимание на похвальные литературные труды бывшего французской службы капитана Фаддея Булгарина, Всемилостивейше повелеваем переименовать его в 8-й класс и причислить на службу по Министерству народного просвещения».

На подлинном подписано собственною
Его Императорского Величества рукою тако: НИКОЛАЙ

Взысканный, оживленный Монаршею милостию, потщусь я усугубить усердные и ревностные труды свои для оправдания сего лестного, неоцененного внимания Всемилостивейшего ГОСУДАРЯ.

Ф. Булгарин

В министерстве Булгарина записали чиновником по особым поручениям, однако никаких поручений ему не давали, и жалования он не получал. Но задачу свою Булгарин решил, поскольку ему было важно числиться на государственной службе.

Тем не менее, он должен был соблюдать формальности, в частности, оформлять отпуск. 26 апреля следующего года он попросил дать отпуск в Курляндскую, Эстляндскую и Лифляндскую губернии на три с половиной месяца и такой отпуск получил. В 1828 г. он трижды брал отпуска в Эстляндскую и Лифляндскую губернии, что было связано с покупкой в апреле 1828 г. имения Карлово под Дерптом. В 1829 г. Булгарин вновь уехал в Лифляндию и Эстляндию на четыре месяца.

Аналогичный отпуск он получил в 1830 г., написав следующее прошение:

Его превосходительству
Господину директору Департамента народного просвещения
статскому советнику и кавалеру Дмитрию Ивановичу Языкову[4]
от 8-го класса Булгарина

[4] Д.И. Языков (1773–1845) — историк, переводчик, действительный член и непременный секретарь (с 1835 г.) Российской академии. Печатал свои статьи и переводы в «Северном архиве» Булгарина в 1823–1824 гг.

Прошение

Имея надобность отлучиться в Лифляндскую, Эстляндскую, Курляндскую и Виленскую губернии для устройства домашних дел и поправления здоровья, прошу уволить меня в отпуск на четыре месяца и выдать свидетельство для проезда и прожительства в оных губерниях

8 класса Булгарин.

26 апреля 1830
СПетербург (л. 1).

С разрешения министра Булгарин получил отпуск на 4 месяца с 26 апреля 1830 г., вернулся он 7 сентября 1830 г.

Аналогичное прошение он подал 4 марта 1831 г. и опять получил отпуск.

22 апреля 1831 г. Д.И. Языков послал Булгарину копию его послужного списка и попросил вписать ряд сведений: об имении, происхождении, возрасте и т. д. 13 мая Булгарин прислал следующий текст:

[Формулярный список Булгарина, заполненный им самим]

Чин, имя, отчество, фамилия, должность, им отправляемая, и сколько от роду лет?

Причисленный к Министерству народного просвещения 8 класса Фаддей Венедиктович Булгарин.

Из какого звания происходит?

[Не указано]

Есть ли за ним, за родителями его или, когда женат, за женою недвижимое имение?

Родовое: Было, но несчастным обстоятельством в 1796 году утрачено[5].

Благоприобретенное: В Лифляндии, в Дерптском уезде 6 гаков, в Могилевской губернии 50 крестьянских дворов, что составляет около 150 душ муж[ского] пола.

У жены: не имеется.

Когда в службу вступил и в оной какими чинами, в каких должностях и где проходил: В российскую службу вступил в 1806-м году октября 11 дня, из дворян Гродненской губернии, Волковысского

[5] В своих «Воспоминаниях» Булгарин описывал обстоятельства утраты имения и датировал это весной 1797 г., см.: [2, т. 1, с. 81–90].

повета, корнетом, в Уланский Его Величества Цесаревича полк. Находясь в сем полку, был в компании противу французов, в Пруссии, в 1807 году. Находился в действительных сражениях под Гутштадтом, 24 мая; под Гейльсбергом, при переходе через реку Пассаргу и под Фридландом 1 и 2 июня. Награжден за храбрость орденом св. Анны 3-й степени, переименованной впоследствии в 4 степень. — В 1808 году находился в компании при завоевании Финляндии и был в действительных сражениях при Сант-Михеле, Варкгаузе, Куопио, Нидергерми, Гамм-Карлеби, Ню-Карлеби, Лиминго и в малых сшибках, в продолжение сей войны происходивших; в 1810 году по неспособности к кавалерийской службе переведен в Кронштадтский гарнизонный полк; в 1811 году переведен прапорщиком же в Ямбургский драгунский полк и произведен в подпоручики. Из сего полка в сем же году уволен от службы без повышения чина. В 1811 году определился подпоручиком во французскую службу, в Арагонскую армию, под начальством маршала Сюшета[6]; находился в сражениях при Торрагоне, Квинтанилле, Альбуэро, Сагунте, Виттории, и во Франции при Байоне и Поатье. Произведен в поручики, капитаны и награжден орденом Почетного легиона бывшим испанским королем Иосифом, братом императора Наполеона[7]. Уволен от службы в 1814 году, в декабре.

[Далее запись другим почерком, сделанная в канцелярии Министерства народного просвещения:]

По Высочайшему повелению причислен к Министерству народного просвещения с переименованием из капитанов французской службы в 8 класс 22 ноября 1826.

В штрафах и под судом: Не бывал.

[Далее запись, сделанная в канцелярии Министерства народного просвещения:]

Отпуска: С 9 по 30 апреля 1828 на 28 дней. С 3 июня по 27 августа 1828 на два месяца. С 20 апреля по 8 сентября 1829 на 4 месяца (о причине просрочки представил свидетельство врача), с 4 марта 1830 на 4 месяца (о причине просрочки представил свидетельство врача), с 4 марта 1831 на 4 месяца.

---

[6] Луи-Габриэль Сюше (1770–1826) — французский военачальник, маршал Империи (1811).

[7] Жозеф Бонапарт (1768–1844) — король Испании (1808–1813), старший брат Наполеона.

Не был ли в отставке с награждением чина или без оного и когда: Был без награждения чином.

Женат ли, имеет ли детей, кого именно, каких лет и где они находятся: Женат на гражданке вольного города Любека Елене Ивановой Иде[8], детей не имеет.

В сопроводительном письме к списку Булгарин писал:

Милостивый государь
Дмитрий Иванович!

Прошу извинить меня, что не прислал формулярного списка с первою почтою. Причина тому жестокая геморроидальная болезнь, которая удерживала меня несколько дней в постели.

Все, показанное мною в формулярном списке, верно, но, простите, что чисел не помню, а бумаг моих всех не имею при себе. Впрочем, я не в претензии ни за что, если и не впишете моих походов, потому что нет чисел. Товарищи мои, генералы и генерал-адъютанты живы и знают, где я был. Также дела и походы во время служения моего во французской армии оставьте без внимания — не буду в претензии. Я написал, что помню, делайте, что хотите!

Не знаю, отдал ли вам Заикин[9] экземпляр нового моего романа, Петр Выжигин[10]? Я велел, а если не отдал, то благоволите послать к нему в лавку. Мне будет весьма приятно, если Вы удостоите труд мой своим вниманием.

При сем свидетельствую Вашему превосходительству глубочайшее мое почтение и честь имею пребыть с беспредельною преданностью и высоким уважением

Вашего превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин.

Мая 13 дня 1831
Дерпт (л. 10)

После получения заполненного Булгариным формулярного списка из Министерства народного просвещения был послан запрос

[8] Елена Ивановна Булгарина (урожд. Иде; 1808–1889) — жена Булгарина с 1825 г.

[9] Иван Иванович Заикин — петербургский книготорговец и издатель.

[10] См.: *Булгарин Ф.В.* Петр Иванович Выжигин: нравоописательный-исторический роман XIX века: в 4 ч. СПб.: Иждивением книгопродавца И. Заикина, 1831.

в Инспекторский департамент Главного штаба, откуда была прислана копия его формулярного списка о службе в армии.

Копия с формулярного списка о службе Ямбургского полка подпоручика Булгарина, который высочайшим приказом 1811 года майя 10 дня, по худой аттестации в кондуитных списках, отставлен от службы

8

Чин, имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия: Подпоручик Фадей Венедиктов сын Булгарин.

Сколько от роду лет: 25.

Из какого состояния: Из дворян, за отцом его состоит крестьян в Минской губернии мужеска пола 150 душ.

В службу вступил и в оной какими чинами проходил и когда: В 1-м кадетском корпусе на воспитании кадетом 1798 ноября 13,

корнетом 1806 октября 11,

подпоручиком 1810 ноября 8.

В течение службы в которых именно полках и баталионах по переводам и произвождениям находился: С определением в Уланский Его Императорского Высочества Государя Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича.

Из коего по неспособности к кавалерийской службе переведен в Кронштадтский гарнизонный полк 1809 февраля 25.

Из оного по высочайшему приказу в сей полк 1810 августа 23.

Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был: 1807 март с 9 июня по 13 число в Заграничной армии в Пруссии против французских войск, майя 24 и 25-го числа при взятии города Гутштадта и при прогнании неприятеля до реки Пасарги. 29 и 30-го числа при городе Гельзберге, июня 1-го при прогнании неприятеля из города Фридланда, а 2-го в действительном с французами сражении, за что и награжден орденом св. Анны 3-го класса, [1]808 маия с 22, [1]809-го генваря по 2-го и 3-го при кирке Кораль и при преследовании неприятеля до города Куопио. 14 и 19-го при городе Куопио при делании непрятельских десантов в сражении. Августа 20-го при кирке Коуртане. В действительном сражении 27-го между Лапою и Ковгало Анадер Перш. Сентября 1-го при атаке неприятельских постов и при прогнании близ города Никарлеби в действительных сражениях, а потом при прикрытии ретирады[11] всего отряда. Сентября 3-го при городе Никарлеби, а 9-го

[11] Отступление (*устар.*).

в обходах чрез Калаиоки и Химанго, при атаке и сбитии неприятельских постов, и преследовании оных до Крайпаса, 13-го в обходах Галема и до кирки Кельвии в Паралакс, а потом в авангарде при преследовании неприятеля за город Брагештадт находился.

Российской грамоте читать и писать и какие другие науки знает ли: российскому, немецкому и французскому языкам, арифметике, геометрии, тригонометрии — конических сечениях, высшим вычислениям, артиллерии, фортфикации, механике, истории и рисовать знает.

В домовых отпусках бывал ли, когда именно, на какое время, и явился ли в срок: Не бывал.

В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда: Не бывал.

Холост или женат, и имеет ли детей: Холост.

В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке: В комплекте при полку.

К повышению достоин или чем именно не аттестуется: Достоин.

Подписал: подполковник и кавалер Столыпин[12] (л. 15–18).

4 июня 1831 г. Булгарин прислал прошение продлить отпуск еще на четыре месяца из-за болезни. Но министр не имел права давать отпуск сроком более четырех месяцев. Поэтому он обратился в Комитет министров, чтобы исходатайствовать у императора разрешение на продление отпуска. Комитет министров ответил, что в 1828 г. в аналогичном случае император наложил резолюцию «Более 4 месяцев отпуски не даются; если желает такового еще, то может быть уволен от службы», поэтому и Булгарину не следовало бы продлевать отпуск, но «приемля в уважение, что он не получает жалованья и что к удовлетворению просьбы его о сем министр народного просвещения не встречает препятствия, [комитет] полагал представить о сем на Высочайшее Его Императорского Величества благоусмотрение.

На сие положение Комитета последовало собственноручное Его Величества повеление: “Нет причины отступать от правил; если хочет, может просить отставки”» (Выписка из протоколов Комитета министров от 18 августа 1831 г. Л. 81об.–82). На выписке сбоку запись: «Высочайше повелено объявить г. Булгарину, предписав, чтобы он или немедленно явился по должности, или прислал про-

[12] Николай Алексеевич Столыпин (1781–1830) — командир Ямбургского драгунского полка (1810–1815), полковник (1813), генерал-майор (1818), генерал-лейтенант (1829).

шение об отставке» (л. 82). 22 августа было послано письмо об этом Булгарину.

Булгарин вынужден был подать в отставку, но решил получить при этом следующий чин. Такое обычно делалось, если чиновник хорошо служил и не совершил никаких проступков.

Булгарин послал следующее прошение:

Всепресветлейший, Державнейший,
Великий Государь император
Николай Павлович Самодержец
Всероссийский, Государь Всемилостивейший!

Просит служащий в Министерстве народного просвещения
8-го класса Фаддей Венедиктов сын Булгарин,
о нижеследующем:

Ваше Императорское Величество по беспримерной благости Своей благоволили обратить Высочайшее внимание на посильные литературные труды мои и Указом от 22 ноября 1826-го года Всемилостивейше соизволили наградить меня чином 8-го класса с причислением на службу по Министерству народного просвещения.

В чувствах верноподданнической преданности и благодарности я всегда готов жертвовать собою для пользы и выгод Престола и Священной особы Вашего Императорского Величества, но расстроенное мое здоровье и крайняя необходимость привесть в порядок домашние дела лишают меня возможности находиться безотлучно на службе, а потому всеподданнейше прошу:

Дабы Высочайшим Вашим императорским Указом повелено было сие мое прошение по Министерству народного просвещения принять и меня по расстроенному здоровью от службы уволить, Всемилостивейше наградив следующим чином.

Всемилостивейший государь! Прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить. К поданию надлежит в Министерство народного просвещения августа 29 дня 1831 года. Сие прошение писал и к оному руку приложил сам проситель 8-го класса Фаддей Венедиктов сын Булгарин (л. 26).

Булгарин отправил в этот день письма также Д.И. Языкову и министру народного просвещения К.А. Ливену[13].

[13] Светлейший князь (с 1826, ранее барон, с 1799 граф) Карл Андреевич фон Ливен (Карл Христофор; 1766–1844) — генерал-лейтенант (1799), попечитель Дерптского

Ливену он писал:

Светлейший князь
милостивый государь
Карл Андреевич!

Я имел честь получить от Вашей Светлости объявление Высочайшей воли на счет моего отпуска и, лишенный всякой возможности, по расстроенному здоровью и домашним обстоятельствам, явиться немедленно в Спетербург на службу, решился просить Всемилостивейшего увольнения меня от оной.

Я живу в городе, где имя Вашей Светлости благословляется всеми[14], а потому и льщу себя надеждою, что Вы не захотите отвергнуть литератора, прибегающего к Вам с покорнейшею просьбою о предоставлении меня к награде следующим чином при отставке.

В именном указе от 22 ноября 1831 года Великодушному и правосудному монарху благоугодно было упомянуть, что он награждает меня чином и принимает в службу за мои литературные труды, которые Государь Император, по благости своей, соизволил назвать похвальными. Чувствую в полной мере, что сим несказанным счастием обязан я не слабому моему дарованию, но великодушию Монарха, ободряющего и животворящего всех благонамеренных людей своею милостью. Впоследствии, продолжая трудиться на том же поприще, на котором я удостоился внимания Государя, я снова имел счастье обратить на себя, несколько раз, милостивое Его воззрение и получить в награждение перстни[15], при лестных отзывах, а посему и думаю, что я в своем круге деятельности не был вовсе бесполезен, — не заслуживаю лишиться награды, которую другие чиновники получают при отставке, и осмеливаюсь подвергнуть участь мою правосудию и беспристрастию Вашей светлости.

Я даже не сомневаюсь, что покровитель наук и ученых, утвердитель славы и благоденствия Дерптского университета, не отринет просьбы, основанной на справедливости, итак, в полной надежде на милостивое содействие Вашей Светлости, честь имею пребыть с глубочайшим Высокопочитанием и совершенною преданностью

учебного округа (1817–1828), член Государственного совета (1826), генерал от инфантерии (1827), министр народного просвещения (1828–1833).

[14] При Ливене в Дерптском учебном округе были открыты педагогическо-филологическая и богословская семинарии, а также медицинский институт; на кафедры университета приглашены крупные ученые, увеличилось число студентов.

[15] По представлениям А.Х. Бенкендорфа Булгарин в 1827 г. поднес императору первые два тома своих «Сочинений», а в 1831 г. роман «Петр Иванович Выжигин», за что каждый раз был награжден бриллиантовым перстнем; см.: [3, с. 210, 426].

Вашей Светлости
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин.

Дерпт
29 августа 1831 (л. 25)

Письмо Языкову было менее официальным:

Милостивый государь
Димитрий Иванович!

Получив от его светлости министра официальное сведение о положении Комитета министров и Высочайшей воле на счет моего отпуска и не будучи в состоянии, по расстроенному здоровью, явиться на службу, я решился подать просьбу об отставке и послал ее с нынешнею почтою г-ну министру. Испытав в продолжение многих лет Ваше благосклонное ко мне расположение, я, при сем случае, осмеливаюсь просить всепокорнейшее Вашего превосходительства исходатайствовать у г-на министра, чтоб меня при отставке наградили чином. В настоящем моем чине я состою с 22 ноября 1826 года. Мне бы чрезвычайно хотелось, чтоб при отставке мне дали не классный чин, но обыкновенный гражданский, т. е. надворного советника[16]. Это совершенно зависит от представления, сколько мне известно из примеров. Хотя я не оказал никаких заслуг министерству, но, как Государю Императору благоугодно было сказать в именном указе от 22 ноября 1826 года, что он дает мне чин за похвальные литературные труды, и как продолжая трудиться на сем поприще, я имел счастие получить впоследствии изъявление высочайшего благоволениями и награжден был несколькими перстнями, то и полагаю, что я не пренебрег того, за что был взыскан и награжден Монархом, а следовательно и не должно было бы лишать меня награды чином при отставке. Полагаясь во всем на правосудие Вашего Превосходительства, я уверен, что вы как начальник защитите подчиненного и как отличный литератор поможете литератору, слабому дарованьем, но сильному в стремлении к общей пользе и в любви к благородным мужам, украшающим бедную нашу словесность.

Не престаю благодарить бога, что он спас Вас от губительной холеры, еще не появившейся в нашем городе, но со всех сторон угрожающей ему, после снятии застав и кордонов. За сим свидетельствую

[16] Разница между классом и чином чиновника состояла в том, что класс обозначал иерархическую ступень, а чин — конкретное звание, соответствующее этой ступени.

Вам глубочайшее высокопочитание и совершенную преданность, с коими честь имею быть

Вашего Превосходительства
милостивого государя
покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин.

Дерпт 29 августа
1831 (л. 24)

9 сентября Ливен наложил резолюцию, что следует уволить Булгарина и представить в Сенат о награждении его следующим чином. Однако в представлении в Сенат (от 12 сентября) он писал: «[Булгарин] по Высочайшей воле, во уважение литературных его трудов, был только причислен ко вверенному мне министерству и, занимаясь исключительно сими трудами, не имел никакой должности по министерству, а потому я и не могу судить, способен ли он или нет к статской службе» (л. 28 об.). Поскольку Ливен не аттестовал Булгарина, Сенат постановил не давать ему следующий чин.

Булгарин апеллировал к III отделению, и А.Х. Бенкендорф написал по этому поводу К.А. Ливену (замечу в скобках, что они были родственниками: сестра Бенкендорфа Дарья была замужем за братом Ливена Христофором):

Милостивый государь,
Князь Карл Андреевич

До сведения моего дошло, что чиновник 8-го класса Булгарин, причисленный к Департаменту Министерства народного просвещения, выходит в отставку и что Правительствующий Сенат отказывает ему в награждении чином, за выслугу лет, по той причине, что он в формулярном списке не аттестован начальством в способности к гражданской службе. Принимая в уважение, что г. Булгарин определен был на службу по представлению моему Государю Императору, о способностях его и трудах на пользу общую, что в течение того времени, в которое он считался на службе, был употребляем по моему усмотрению по письменной части на пользу службы Его Императорского Величества и что все поручения он исполнял с отличным усердием, я поставляю обязанностью моею засвидетельствовать пред Вашею Светлостью о способности г-на Булгарина и ревности его к пользе Государственной службы и при том просить Вас, милостивый государь, о сделании надлежащего распоряжения,

чтобы Сенат при увольнении его не нашел никакого препятствия к награждению его чином за выслугу узаконенных лет.

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть,

Вашей Светлости

покорнейший слуга

А. Бенкендорф.

15 декабря 1831 (л. 36)

После письма Бенкендорфа Ливен возобновил свою просьбу в Сенате.

29 января 1832 г. Бенкендорф вновь писал Ливену, указывая, что в формулярном списке должно аттестовать начальство, поэтому просил вписать характеристику (л. 39), и Ливен исполнил его просьбу. Однако и это не помогло. Сенат 12 мая все равно отказал в награждении чином, поскольку в 1811 г. Булгарин был исключен из военной службы из-за плохой аттестации в кондуитном списке. Мнение это император утвердил (л. 43).

После этого Булгарин долго нигде не служил. Нужно учесть, что после Польского восстания 1830–1831 гг. к полякам было настороженное отношение. Возможно, из-за этого Булгарин уехал в свое имение Карлово под Дерптом и сотрудничал в «Северной пчеле» «дистанционно». Из Карлова до 1837 г. он лишь ненадолго наезжал в Петербург.

Но в 1843 г. было создано Управление государственного коннозаводства (во главе его был Комитет государственного коннозаводства), целью которого было улучшить поголовье лошадей страны, а в рамках его в том же году учреждена Специальная комиссия коннозаводства. Комиссия должна была подготовить статьи по воспитанию и содержанию лошадей, лечебник и учебный курс по коннозаводству и ветеринарии для школ при конных заводах, собрать статистические сведения о коннозаводстве в стране, приобретать и читать зарубежные книги по данной тематике. Помимо постоянных членов в комиссии были и члены-корреспонденты. В инструкции специальной комиссии коннозаводства говорилось, что «выбор членов-корреспондентов делается двояким образом: a) вследствие просьбы лиц избираемых и b) по приобретенной ими известности в деле коннозаводства или ветеринарии». В первом случае кандидат должен был написать сочинение на эту тему и, по одобрении сочинения, избираться. Во втором случае это должны были быть лица, известные или по отличным конским заведениям, или по сочинениям на эту тему. По инструкции члены-корреспонденты должны были

раз в два месяца представлять в комиссию какое-либо сочинение на эту тему[17].

В ноябре 1844 г. Булгарину удалось поступить на службу в Специальную комиссию коннозаводства членом-корреспондентом (вновь без жалования), где он прослужил по 1857 г. Устроил его туда И.Т. Калашников, тоже писатель, который с 1843 г. занимал должность директора канцелярии председателя Комитета государственного коннозаводства.

Все обязанности Булгарина заключались в пиаре комиссии и вообще конного дела в России. В своей фельетонной рубрике «Журнальная всякая всячина» в газете «Северная пчела» он писал: «Одна из самых важных отраслей государственного хозяйства, бесспорно, коннозаводство, и все, желающие России блага, истинно порадовались учреждению Управления государственного коннозаводства, из отчетов которого легко усмотреть, каких польз можно от него ожидать в будущем, когда, в короткое время, совершены уже коренные улучшения и приняты самые мудрые меры к постепенному, но быстрому усовершенствованию всех его частей, не только в казенном ведомств, но и в частных заводах» (1845. № 272). В таком же панегирическом ключе он освещал в этой рубрике деятельность Управления государственного коннозаводства и позднее (1846. № 254; 1854. № 170; 1856. № 23), доказывал пользу зимних лошадиных скачек (1846. № 16) и утверждал, что лошадиные скачки — «наш русский настоящий спорт (sport)» (1852. № 279), время от времени писал о конкретных скачках (1848. № 220; 1852. № 22; 1853. № 58). Далее, он рецензировал книги о коннозаводстве: «Наставление о случке, воспитании и содержании лошадей» (1845. № 27), «Статистическое обозрение коннозаводства в России» (1847. № 248), «Известия из внутренних губерний России, преимущественно для любителей лошадей» Ф.С. Унтербергера (1854. № 114), «Рысистые заводы в России» Н.В. Граевского (1854. № 170); защищал от критики издаваемый управлением «Журнал коннозаводства и охоты» (1852. № 16).

Кроме того, Булгарин печатал в «Северной пчеле» материалы, поступающие из комиссии[18], статьи Н. Граевского, А. Анненского

[17] См.: РГИА. Ф. 412. Оп. 3. Д. 70 (Об обязанностях Специальной комиссии коннозаводства, возложенных на нее инструкциею председателя Комитета государственного коннозаводства).

[18] См., например: Извлечения из отчета по Управлению государственного коннозаводства за 1846 год // СП. 1847. № 106–109. Характерны следующие ироничные слова Булгарина в письме от 29 июня 1851 г. секретарю редакции «Северной пчелы» П.С. Усову: «Прилагаю официальное отношение [управляющего придворной конюшенной частью] генерала барона Мейендорфа и прошу исполнять его требования, помня, что я *служу*

и других авторов о скачках и испытаниях лошадей[19], рекламу «Журнала коннозаводства и охоты» (1850. № 290).

Приходилось ему заниматься рекламой управления и за рубежом. С этим связан следующий колоритный эпизод. В 1845 г. Булгарину поручили написать статью о деятельности управления и опубликовать во французской прессе. Статью Булгарин написал, послал Н.И. Гречу, находившемуся тогда в Париже, и попросил устроить публикацию. 28 апреля 1845 г. Греч отвечал ему: «Получив письмо твое с лошадиною статьею, я тотчас отправился к Мериме[20] и рассудил с ним о ней. Ее нельзя иначе напечатать, как заплатив наличными деньгами, да и тут надобно хлопотать и биться. Постараюсь сделать это как можно скорее» [4, с. 420].

5 мая он писал сыну Алексею, являвшемуся секретарем редакции «Северной пчелы»: «Не знаю, что делать с лошадиною статьею, присланною Булгариным. Мериме poule mouillée[21] и боится издержек, а признаться не хочет. Я обратился к одному комиссионеру. Он был a bureau du “Journal des Débats”[22], узнал, что Дюфур уже хлопочет о том, и объявил, что за напечатание ее требуется 250 фр[анков]. Это, во-первых, дорого; во-вторых, у меня нет наличных. Итак, я обращусь к бывшему твоему учителю Жерару: он работает в “Дебатах”. Если бы у нас знали, как здесь трудно делать дела без денег! Узнай, согласны ли дать 250 фр. и заплатят ли их. Обещать наши большие охотники» [4, с. 420].

Булгарину пришлось объясняться с начальством, попутно запрашивая данные для своей книги «Воспоминания», над которой тогда работал[23]:

Милостивый государь
Иван Тимофеевич!

Прежде я только просил, а теперь уже умоляю Ваше Превосходительство о приказании сообщить мне, как возможно скорее, копию с моего аттестата или формуляра! Я нахожусь в крайнем затруднении — ибо при моей работе мне нужны *числа* сражений, в которых я находился.

отставным жеребцом по этой части»: [1, с. 239].

[19] См., например: 1850. № 39, 50, 155, 163; 1851. № 19; 1852. № 145, 151, 152, 157, 163; 1853. № 44.

[20] Анри Мериме (1807–1870) — французский писатель и журналист.

[21] Мокрая курица (*франц.*).

[22] В конторе «Жорналь де деба» (*франц.*).

[23] См.: *Булгарин Ф.В.* Воспоминания Фаддея Булгарина: отрывки из виденного, слышенного и испытанного в жизни: в 6 ч. СПб.: Изд. М. Д. Ольхина, 1846–1849.

При сем честь имею препроводить *Записку Алексея Греча*, объясняющую дело. On fait ce qu'on peut, et non pas ce qu'on veut[24]. Я не могу воевать с Парижем, когда Николай Иванович Греч не мог ничего сделать на месте! Добрая моя воля тут — я делал что мог, как мог и как умел!

С истинным высокопочитанием и душевною преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства
покорным слугою
Ф. Булгарин.

13 октября 1845
Спбург
На Невском проспекте
в доме Меняева
№ 93[25]

Но он не знал, что проблема уже решена, поскольку еще не получил письмо Греча от 7 октября из Парижа, который писал:

Твоя статья о конских заводах напечатана в «J[ournal] des Débats» 22 июня[26]. Я обратился сперва к некоему Тардифу[27], уроженцу петербургскому, и он, справясь, запросил 250 фр., но тянул, тянул и ничего не сделал. Потом помог мне некто Жерар, бывший в 1830 в Петербурге и учивший Алешу[28]. Статью напечатали, но не совершенно так, как она была написана; я по сей причине отделался, дав только 100 фр. за обед у frères provençaux[29]. След[ственно], твоих 150 фр. за мною, и ты можешь их получить у Алеши. Нельзя вообразить, как трудно здесь напечатать что-либо не против России. <…> Легитимистские журналы не благоволят к нам за Папу, и так, при

[24] Мы делаем то, что можем, а не то, что хотим (*франц.*). На эту пословицу была написана «комедия-proverbe» (1785) французского актера и драматурга Дорвиньи (Л.-Ф. Аршамбо; 1742–1812).

[25] ИРЛИ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

[26] Имеется в виду небольшая заметка без названия и подписи на второй странице упомянутого номера, в которой шла речь о мерах правительства по улучшению породы лошадей, в том числе о конских заводах и организации скачек.

[27] По-видимому, речь идет о литераторе (в т.ч. переводчик Пушкина на французский) Ахилле Тардифе де Мелло, авторе книги «Histoire intellectuelle de l'Empire de Russie» (Paris, 1854), посвященной русской литературе.

[28] Алексей Николаевич Греч (1814–1850) — журналист, сын Н.И. Греча, в конце 1830-х и в 1840-х выполнявший функции секретаря редакции «Северной пчелы».

[29] Прованские братья (*франц.*), имеется в виду ресторан «Les Frères Provençaux», открытый в 1786 г. в Пале-Рояле.

всей свободе печатания, нельзя печатать чего хочешь, разве за большие деньги[30].

Так успешно для Булгарина закончилось исполнение этого поручения.

Руководство Управления государственного коннозаводства ценило его деятельность. За «постоянное и усердное участие в распространении полезных сведений об отечественном коннозаводстве» в феврале 1846 г. председатель Комитета государственного коннозаводства (то есть Калашников) объявил Булгарину благодарность, и в том же месяце он был произведен в надворные советники. Дальше он успешно рос в чинах: в мае 1848 г. «во внимание к отличному усердию и особым трудам всемилостивейшее пожалован в коллежские советники». В апреле 1850 г. «в награду отлично усердной и ревностной службы всемилостивейшее пожалован, согласно удостоению Комитета гг. министров, подарком по чину»[31].

Однако в 1850 г. в Управлении государственного коннозаводства шли структурные преобразования. Обеспокоенный Булгарин написал Калашникову:

Милостивый Государь
Иван Тимофеевич!

Прочитав в газетах об уничтожении Департамента коннозаводства и канцелярии главноуправляющего, об отставке одних и перемещении других чиновников, я усомнился на свой собственный счет и наконец решился писать к Вашему превосходительству и утруждать моею покорнейшею просьбою о извещении меня насчет настоящего моего положения. Вам угодно было определить меня к месту, Вы старались о моем производстве, словом, все сделали **Вы**; итак, довершите сделанное добро и благоволите известить: выгнан ли я с прочими или оставлен; к какому отделению принадлежу и кто мой непосредственный начальник. Если вздумают выгнать меня, то прошу Ваше превосходительство исходатайствовать, где следует, чтоб подождали моего возвращения в Петербург. Там я найду, где прислониться до отставки. Я не забуду никогда ваших ласк и всего, что Вы для меня сделали.

С истинным и высоким уважением и душевною преданностью честь имею быть

Вашего превосходительства

[30] [4, с. 422]. Исправлена опечатка (в книге: «22 июля»).

[31] Формулярный список Булгарина 1857 г. (РГИА. Ф. 412. Оп. 8. Д. 7).

Покорнейшим слугою
Фаддей Булгарин.

24 июня 1850
Мыза Карлово, возле Дерпта

Адрес:
Ф.В. Булгарину, в Дерпт[32].

Однако тревога Булгарина была напрасна, он был определен корреспондентом в Комитет государственного коннозаводства.

В мае 1852 г. он получил чин статского советника, а при уходе со службы в июне 1857 г. был награжден чином действительного статского советника.

Так (незадолго до смерти в 1859 г.) кончилась его вторая служба, более успешная, чем первая. Если в Министерство народного просвещения он попал «со стороны» и никакой пользы ему не приносил, и в результате министры явно ему не благоволили, то в Управлении государственного коннозаводства ему покровительствовал Калашников, а польза от его деятельности была вполне ощутима хотя бы потому, что император регулярно читал «Северную пчелу».

Таким образом, Булгарин успешно решил свою задачу «вписаться» в государственные структуры и повысить свой социальный статус.

Литература

1. «Благо разрешился письмом...»: переписка Ф.В. Булгарина / сост. А.И. Рейтблат; подгот. текста и коммент. Н.Н. Акимовой и А.И. Рейтблата. М.: НЛО, 2025. 816 с.

2. *Булгарин Ф.* Воспоминания. Мемуарные очерки: в 2 т. / публ. и коммент. Н.Н. Акимовой, А.И. Рейтблата, А.И. Федуты. М.: НЛО, 2021.

3. Видок Фиглярин: письма и записки Ф.В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: НЛО, 1998. 704 с.

4. Переписка Н.И. Греча и Ф.В. Булгарина // *Рейтблат А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М.: НЛО, 2016. С. 327–484.

5. *Рейтблат А.И.* К проблеме профессионализации русских литераторов: литературные «ниши» в первой половине XIX века // *Рейтблат А.И.* Классика, скандал, Булгарин…: статьи и материалы по социологии и истории русской литературы. М.: НЛО, 2020. С. 97–113.

---

[32] ИРЛИ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

Research Article and Publication of Archival Documents

Bulgarin's Services

© 2025. Abram I. Reitblat
New Literary Review,
Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to the history of F.V. Bulgarin's service in the Russian Empire. Having entered military service as a cornet in the Uhlan Regiment in 1806, five years later he left for France and enlisted in Napoleon's troops, fought against Russia, was captured, but fell under the amnesty declared by Alexander I. During the new reign, Bulgarin informally "served" the Third Section, but was looking for a way to formalize himself in the service hierarchy, which he succeeded in 1826: as an already well-known writer, he was assigned to the Ministry of Public Education, but in fact he did not serve and was dismissed in 1831. A new suitable place was not found soon: from 1843 to 1857 Bulgarin served in the Administration of State Horse Breeding, fully justifying his "registration." In numerous articles he fervently advertised the development of Russian horse breeding. He retired with the general rank of actual state councilor. The article considers Bulgarin's case as an example of the social adaptation of a writer in the 19th century: completely devoting themselves to literary work, many authors sought to find a convenient service "niche" that would give them a worthy place in the eyes of society and the state, not to mention a possible salary.

Keywords: F.V. Bulgarin, biography, military and state service, sociology of literature, public reputation of the writer, service list.

Information about the author: Abram I. Reitblat, PhD in Pedagogy, "New Literary Review" Publishing House, Tverskoy Blvd., 13, 123104 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4957-7401
E-mail: reitblat@nlobooks.ru

For citation: Reitblat, A.I. "Bulgarin's Services." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 155–175. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-155-175

References

1. *"Blago razreshilsia pis'mom...": perepiska F.V. Bulgarina* [*"Blessedly Resolved by Letter...": Correspondence of F.V. Bulgarin*], comp. by A.I. Reitblat, text prep. and comm. by N.N. Akimova and A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 816 p. (In Russ.)

2. Bulgarin, F. *Vospominaniia. Memuarnye ocherki: v 2 t.* [*Memories. Memoir Essays: in 2 vols.*], publ. and comm. by N.N. Akimova, A.I. Reitblat, A.I. Feduta. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. (In Russ.)

3. *Vidok Figliarin: pis'ma i zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie* [*Vidok Figlyarin: Letters and Notes of F.V. Bulgarin to the 3rd Section*], publ., comp., foreword and comm. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 704 p. (In Russ.)

4. "Perepiska N.I. Grecha i F.V. Bulgarina" ["Correspondence of N.I. Grech and F.V. Bulgarin"]. Reitblat, A.I. *Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist,*

konsul'tant sekretnoi politsii: stat'i i materialy [*Faddey Venediktovich Bulgarin: Ideologist, Journalist, Consultant of the Secret Police: Articles and Materials*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, pp. 327–484. (In Russ.)

5. Reitblat, A.I. "K probleme professionalizatsii russkikh literatorov: literaturnye ʻnishi' v pervoi polovine XIX veka" ["On the Issue of Professionalization of Russian Writers: Literary ʻNiches' in the 1st Half of the 19th Century"]. Reitblat, A.I. *Klassika, skandal, Bulgarin…: stat'i i materialy po sotsiologii i istorii russkoi literatury* [*Classics, Scandal, Bulgarin…: Articles and Materials on the Sociology and History of Russian Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, pp. 97–113. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.11.2024
Одобрена после рецензирования: 18.02.2025
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 10.11.2024
Approved after reviewing: 18.02.2025
Date of publication: 25.03.2025

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-176-197
https://elibrary.ru/YSTJOA

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Романтик текстологии» Константин Иванович Халабаев

© 2025, П.А. Дружинин
Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена реконструкции биографии Константина Ивановича Халабаева (1885–1941) — основателя советской текстологии как академической науки. Ученый не оставил ни одной научной статьи или монографии, о нем нет ни одной биографической заметки, неизвестны были даже годы жизни текстолога. Воспитанник Коллегии Павла Галагана в Киеве, выпускник романо-германского отделения Петербургского университета, после 1917 г., когда наследие классиков русской литературы перешло государству, Халабаев возглавил в Наркомпросе работу по текстологической подготовке новых изданий русских писателей. Благодаря сотрудничеству с Борисом Томашевским и Борисом Эйхенбаумом ему удалось осуществить на беспрецедентном для того времени научном уровне множество изданий русских классиков, включая собрания сочинений Достоевского, Лермонтова, Пушкина, Тургенева, Толстого. В статье впервые публикуется ряд архивных материалов о жизни и деятельности К.И. Халабаева, позволяющих осознать значение этого ученого в истории отечественной филологической науки.

Ключевые слова: научная биография, история филологической науки, текстология, издания классиков, Константин Халабаев, Борис Томашевский, Борис Эйхенбаум.

Информация об авторе: Петр Александрович Дружинин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, ул. Волхонка, д. 18/2, 119019 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3097-3375

E-mail: petr@druzhinin.ru

Для цитирования: *Дружинин П.А.* «Романтик текстологии» Константин Иванович Халабаев // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 176–197. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-176-197

Разговор об академической текстологии XX в., если так можно широко определить петербургскую школу, да и в целом об отечественной текстологии, невозможен без упоминания К.И. Халабаева. Его имя запечатлено на многочисленных собраниях сочинений классиков русской литературы, подготовленных Халабаевым совместно с Б.В. Томашевским и Б.М. Эйхенбаумом.

Однако в действительности дело обстоит несколько иначе. Практически во всех случаях, когда речь заходит о текстологии русских классических писателей, имя К.И. Халабаева если и упоминается, то вскользь, как бы «довеском». Характерен пример с текстами Ф.М. Достоевского, который мы приведем со слов одного из одаренных представителей именно петербургской текстологической школы, и просим прощения за излишне длинную цитату:

> Серьезная текстологическая работа по Достоевскому начинается <…> с другого издания: это «Полное собрание художественных произведений» Достоевского, выпущенное в 1926–1930 гг. Б.В. Томашевским и К.И. Халабаевым. В соответствии с концепцией Томашевского (она была дана в развернутом виде в его книге 1928 г. и с огромным энтузиазмом воспринята советскими текстологами 1930-х гг.), в издании 1926–1930 гг. к каждому тексту прилагался список исправлений настолько огромный, что ни одно другое издание Достоевского и доныне не может сравниться с ним. Это воистину революционное издание, причем не только в области достоевсковедения; новации Томашевского оказали вдохновляющее воздействие на работу издателей и других русских классиков.
>
> В чем было новаторство Томашевского применительно к текстам Достоевского? Томашевский выработал некий систематический подход в разборе тех ошибок и опечаток, которые допускались при подготовке изданий наборщиками и корректорами. В рубрику опечаток и ошибок, подлежащих исправлению, стремительно переместилось под его рукой огромное количество тех расхождений в текстах печатных источников, которые в других изданиях отнесли бы к вариантам. Благодаря этому списки исправлений стали длиннее, но, соответственно, списки вариантов — короче. В чем слабость этой системы? Дело в том, что работа автора, хотя бы над корректурой, зачастую носит «мелкий» характер и совпадает — по видимости — якобы с недосмотром наборщика и корректора... Кроме того, отбор ошибок в работе наборщиков и корректоров при нацеливании на их умножение в соответствии с известными принципами не может обойтись без оценки качественной стороны различий текста, а это

> уже напоминает о вкусовщине по принципу «лучше-хуже» (на самом-то деле, можно найти еще больше «ошибок», если следовать этой методике до конца!). Из этого исходили критики текстологической системы Томашевского, обрушившиеся на него в 1950-х гг. В итоге академические издания от нее дистанцировались, выбрав очень жесткий подход к формированию списков исправлений к текстам: там, где можно предположить хотя бы тень авторского участия, оставляем — «как в тексте последнего прижизненного издания» [2, с. 432–433].

Или же, в другой работе, при описании теоретических основ новейшей петрозаводской текстологической школы:

> Поскольку мы убедились в том, что «Канонические тексты», вопреки программным заявлениям, далеко не во всем следуют положениям Томашевского, нам нужна работа, которая могла бы объявить суть методики этой текстологической школы. Чем она руководствуется, соглашаясь с оценкой Томашевского, видящего в том или ином выражении «опечатку», или не соглашаясь с ним? <…> Почему она разошлась с Томашевским в оценке целой трети (сотни!) разночтений по тексту «Униженных и оскорбленных»? У Томашевского была система, основанная на четкой теории опечаток набора и корректорских погрешностей. Он правил их систематично! [3, с. 103]

Цитаты эти призваны продемонстрировать то, как на наших глазах коллективная работа двух выдающихся текстологов XX века — Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева — превращается в работу одного Б.В. Томашевского и касается уже только его: вот «концепция Томашевского», вот его «новаторство», вот его «система, основанная на четкой теории»...

Но эта картина не нова, она сложилась уже в середине XX в. и характерна не только для круга исследователей Ф.М. Достоевского, но и для всей отечественной филологической науки. Скажем, еще в 1962 г. А.Л. Гришунин, который значительно обострил сглаживаемое В.С. Нечаевой противостояние текстологов Москвы и Ленинграда, в обзоре «Очерк истории текстологии новой русской литературы» вводит понятие «Томашевский и его школа» и апеллирует в основном только к Б.В. Томашевскому как теоретику текстологии [6, с. 102].

Даже если допустить, что умаление роли К.И. Халабаева будто бы происходит из-за того, что в алфавитном порядке перечисления фамилий он стоит на втором месте после Б.В. Томашевского, то уж не менее значима текстологическая работа, которая была произведена К.И. Халабаевым совместно с Б.М. Эйхенбаумом, причем на титульных листах изданий сочинений М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и др. обычно указывается «подготовка текста К. Халабаева и Б. Эйхенбаума». Но и в данном случае мы часто наблюдаем, как историками текстологии эти две фамилии приводятся в обратной последовательности, причем даже в работах таких выдающихся ученых XX в. как Д.С. Лихачев [11, с. 484] или С.А. Рейсер [14, с. 30]. Не менее показательна цитата из Ю.М. Лотмана, которая отражает положение дел в целом, переросшее уже в традицию:

> Послереволюционные годы дали ряд новых импульсов изучению Пушкина: открытие государственных архивов, сделавшее доступным значительное число новых документов, создание таких направлений истории общественной мысли, как «декабристоведение», переворот в деле издания классиков, начатый Томашевским, Эйхенбаумом и Халабаевым (все «венгеровцы»), работы формальной школы, достижения лингвистики, поднимающие гуманитарные науки на новый уровень, — все это вместе привело к неслыханному расцвету пушкиноведения [12, с. 136].

Истинная причина такого принижения роли К.И. Халабаева в истории филологической науки состоит не в предвзятости или сознательном уведе́нии его в тень великих современников, а в том, что биография Халабаева остается практически неизвестной: мы можем встретить его фамилию разве что вскользь при упоминаниях о деятельности Ленинградского отделения Госиздата или о его совместных работах с Томашевским и Эйхенбаумом. Биографические сведения о нем в историко-литературных публикациях с самого начала чрезвычайно скупы: в 1914 г., когда печатался список семинара С.А. Венгерова, в нем было указано лишь «Халабаев, в пушк. сем. 1908»[1]. Да и впоследствии информации также не прибавляется, и даже годы его жизни указываются крайне редко. Впервые их установил Александр Ильич Черно (1909–1990), экскурсовод Ленинградского городского экскурсионного бюро и сотрудник Музея

[1] Список участников Пушкинского Семинария при С.-Петербургском университете (1908–1913) // Пушкинист: Историко-литературный сборник / под ред. С.А. Венгерова. СПб.: Тип. А.Ф. Дресслера, 1914. С. 239.

городской скульптуры, и привел их в именном указатель к книге «Литературные памятные места Ленинграда» (1959), выдержавшей три издания[2], но и они оказались не совсем точны — «1886–1941». Так что ничуть не удивительно, что в описи отдела рукописей РГБ при аннотации прошения К.И. Халабаева 1918 г. о допуске к рукописям Лермонтова он указан как «Халабаева, Капитолина Ивановна, работник Наркомпроса»[3].

Да, он не был критиком-литературоведом, не был автором статей или книг, никогда не преподавал. Он навсегда остался сугубым практиком текстологии, деятельным участником движения петербургских текстологов 1920-х гг. — «периода накопления текстологических наблюдений и самой первоначальной их систематизации» [4, с. 105–106], благодаря усилиям и творческому энтузиазму которого были заложены основы этой науки. Изложим те немногие сведения, которые нам удалось собрать об ученом.

Константин Иванович Халабаев родился в местечке Почеп Мглинского уезда Черниговской губернии 13 ноября 1885 г. в семье мещан. Вскоре семья переехала в Царицын, где Константин обучался в Царицынской гимназии, а по достижении 14-летнего возраста поступил в Коллегию Павла Галагана в Киеве — частное и дорогое учебное заведение с полным пансионом, учебный курс которого соответствовал курсу четырех высших классов гимназий, что давало наравне с выпускниками гимназий право поступления в университеты. Учениками Коллегии были или стипендиаты, или же своекоштные воспитанники: в тот момент, когда к Коллегию поступил К.И. Халабаев, год обучения стоил 750 рублей[4], что было для его семьи недоступно. Однако, учитывая способности мальчика, Константину была дана стипендия; как указано в справке Коллегии, «он, Холобаев, в течение своего 4-х летнего обучения в Коллегии (с 1901 по 1905 год) состоял стипендиатом имени Павла Галагана и пользовался этим правом вследствие материальной несостоятельности своих родителей»[5]. В 1901/1902 учебном году в Коллегии училось 64 мальчика, из них в первом классе, куда был зачислен Халабаев, 14 воспитанников[6].

---

[2] Литературные памятные места Ленинграда: Очерки / под общ. ред. А.М. Докусова. Л.: Лениздат, 1959. С. 540; То же. 2-е изд., доп. Л.: Лениздат, 1968. С. 667; То же. 3-е изд., испр. и доп. Л.: Лениздат, 1976. С. 541.

[3] НИОР РГБ. Ф. 848. Карт. 1. Ед. хр. 22, то же повторено в листе «Содержание дела».

[4] Ежегодник Коллегии Павла Галагана: Год 7: с 1-го октября 1901 года по 1-е октября 1902 года / под ред. А.И. Степовича. Киев: Тип. Н.И. Чоколова, 1902. С. 74.

[5] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 43538. Л. 36.

[6] Ежегодник Коллегии Павла Галагана: Год 7. С. 8.

Если задуматься о том, почему К.И. Халабаев избрал филологию своей будущей специальностью, следует указать на Ивана Фроловича Кожина, который поступил на службу в Коллегию в январе 1901 г. по окончании Университета Св. Владимира. По-видимому, именно энергия этого молодого преподавателя русской словесности, а одновременно и классного воспитателя, явилась тому причиной.

К.И. Халабаев окончил курс Коллегии в 1905 г. и был одним из четырнадцати воспитанников 31-го выпуска[7]. Аттестат зрелости, данный ему в Киеве 27 мая 1905 г., гласит:

> Дан сей Холобаеву Константину, православного вероисповедания, сыну мещанина, родившемуся 13 ноября 1885 года в м. Почепе Мглинского уезда, Черниговской губернии, обучавшемуся в Царицынской гимназии 4 года и в Коллегии Павла Галагана 4 года и пробывшему один год в IV классе Коллегии, в том, во-первых, что на основании наблюдений за все время обучения его в Коллегии Павла Галагана поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ полная, прилежание отличное и любознательность, большой интерес к филологическим наукам вообще и в частности к литературе, и, во-вторых, он обнаружил следующие познания...[8]

По всем предметам (Закон Божий, русский язык и словесность, логика, латинский язык, греческий язык, математика, физика и космография, история, география, немецкий язык, французский язык) он показал отличные успехи, в том числе и на испытаниях[9].

Поступив в том же 1905 г. на историко-филологический факультет Петербургского университета[10], он с самого начала обучался на романо-германском отделении[11], а по окончании университета был оставлен для приготовления к профессорскому званию[12]. Хотя в метрике, в документах коллегии и университета он указывается как «*Холобаев*», сам Константин Иванович и в университете (о чем

---

[7] Ежегодник Коллегии Павла Галагана: Год 10: с 1-го октября 1904 года по 1-е октября 1905 года. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1905. С. 21.

[8] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 43538. Л. 4.

[9] Там же. Л. 4 об.

[10] Общий список студентов, сторонних слушателей и вольнослушательниц Императорского С.-Петербургского университета, 1910–11. [СПб.: Тип. Т-ва «Наш Век», 1911]. С. 291.

[11] Ежегодник Коллегии Павла Галагана: Год 11: с 1-го октября 1905 года по 1-е октября 1906 года. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1907. С. 40 (2-й пагинации).

[12] Ежегодник Коллегии Павла Галагана: Год 16-й: с 1-го октября 1910 года по 1-е октября 1911 года. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1912. С. 108 (2-й пагинации).

К.И. Халабаев. Студенческое фото, 1905 (ЦГИА СПб.)
K.I. Khalabaev. Student photo, 1905 (Central State Historical Archives of St. Petersburg)

свидетельствует в т.ч. и список пушкинского семинара), и после 1917 г. писал себя только «*Халабаев*».

В свидетельстве о приписке к призывному участку (1905) мы видим и внешнее описание К.И. Халабаева, которое дополняет публикуемый нами фотопортрет того же времени: «рост — средний, волосы — темнорусые, брови — тоже, глаза — светлосерые, нос, рот — умеренные, подбородок — круглый, особых примет нет»[13].

Обратим внимание на те семинарии, которые посещал К.И. Халабаев в 1910–1911 годах: «Поэма о Сиде» (Д.К. Петров), «Сравнительное изучение средневековой лирики» (В.Ф. Шишмарев), просеминарии «Старофранцузский язык» (Д.К. Петров) и «Эддическая поэзия» (К.Ф. Тиандер)[14].Вскоре по окончании университета К.И. Халабаев устроился преподавателем в Риге (в мае 1912 года попечитель Рижского учебного округа запрашивал университет о выпускнике)[15].

Нам неизвестно, что стало причиной обращения К.И. Халабаева к текстологии, однако совершенно определенно, что связано это с национализацией авторских прав на сочинения классиков русской литературы. Уже 24 января 1918 г. в Комиссии Наркомпроса по изданию русских классиков, располагавшейся в здании б. Зимнего дворца, состоялось обсуждение вопросов новой орфографии, типа предполагаемых изданий, которые должны удовлетворить взыскательному литературному вкусу рабочих и крестьян. В этот

[13] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 43538. Л. 34.
[14] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 43538. Л. 20 об.–21.
[15] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 43538. Л. 50.

день комиссия работала в составе: А. Луначарский (председатель), К.И. Халабаев (секретарь), присутствовали А.Н. Бенуа, А.А. Блок, П.И. Лебедев-Полянский, Н.Н. Пунин и др. [10, с. 95].

Позднее, в 1934 г., Б.В. Томашевский, который в ноябре 1918 г. перебрался в Москву[16], но к 1923 г. вернулся в Петроград и был привлечен к текстологическим работам, упомянул о том, какую роль играл К.И. Халабаев в издании пушкинских текстов: «Пушкин подпал под действие закона о монополии, по которому на пять лет, по 31 декабря 1922 г., издание сочинений классиков было объявлено исключительным государственным правом (по истечении указанного срока монополия была продлена). Осуществлять эту монополию должен был Наркомпрос в лице названного Издательского отдела. За это дело принялись одновременно в Москве и в Петербурге. В Москве во главе изданий Пушкина стал В. Брюсов, в Петрограде — коллектив, возглавляемый К. Халабаевым; с ним работали по изданию Пушкина А. Слонимский и С. Бонди. С 1923 по 1929 г. в пушкинских изданиях отдела ближайшее участие принимал я, редактируя эти издания совместно с К. Халабаевым» [15, с. 1060].

Если воспринимать сотрудничество с Б.В. Томашевским как несомненную удачу для К.И. Халабаева, то не меньшей его удачей стало привлечение к текстологической работе своего приятеля по университету — Б.М. Эйхенбаума. Они сдружились еще в университете (весной 1911 г. Халабаев даже пользовался читательской карточкой Эйхенбаума чтобы брать книги на дом)[17]. Последний же вспоминал на закате дней:

> Редакционную работу по подготовке новых изданий русских классиков возглавил тогда Константин Иванович Халабаев — молодой филолог, воспитанник Петербургского университета, человек больших знаний и редкой работоспособности. Проникнутый идеями социальной революции и строительства новой культуры, он быстро сумел не только организовать и наладить работу над текстами классиков, но и придать ей строго научный и систематический характер. Такую работу нельзя было делать в одиночку – надо было собрать небольшой рабочий коллектив. Весной 1918 года Халабаев обратился ко мне (мы были товарищами по университету) с предложением

[16] ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 3. Д. 6688. Л. 59. Прошение Директору Петроградского политехнического института от 4 ноября 1918 года: «Вследствие выхода моего из Института во время войны, и невозможности ныне возобновить занятия, прошу окончательно считать меня выбывшим их числа студентов Института и выслать документы мои по адресу: Москва, Яузский бульв. 13 кв. 30».

[17] РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 623. Л. 1–2.

принять участие в проверке текстов. На очереди было издание сочинений Лермонтова в одном томе (готовый набор оказался в бывшей типографии А.Ф. Маркса, издателя «Нивы»), «Записки охотника» Тургенева и книжки «Народной библиотеки» (Гоголь, Тургенев, Л. Толстой). В работе над другими текстами Халабаеву помогали А.Л. Слонимский, С.М. Бонди [20, с. 6].

Б.М. Эйхенбаум. Студенческое фото, 1907 (ЦГИА СПб.)
Б.В. Томашевский. Студенческое фото, 1912 (ЦГИА СПб.)

B.M. Eikhenbaum. Student photo, 1907
(Central State Historical Archives of St. Petersburg)
B.V. Tomashevsky. Student photo, 1912
(Central State Historical Archives of St. Petersburg)

С лета 1918 г. Б.М. Эйхенбаум постоянно ходил в присутствие в Наркомпрос (Литературно-художественный отдел тогда располагался в здании б. Министерства просвещения у Чернышева моста в комнате № 128[18]), где занимался сверкой текстов, в том числе и вместе с К.И. Халабаевым [17, с. 15–22], а 4 ноября 1918 г. Халабаев обратился к директору Московского Публичного и Румянцевского музеев с прошением о допуске к рукописям, представляясь «ответственным работником Литературно-издательского отдела

[18] См.: Каталог изданий № 1 Литературно-издательского отдела Народного Комиссариата по Просвещению. [М.: Вторая гос. тип.], 1918. С. 12.

Народного комиссариата по просвещению»[19] (за месяц до него такое же прошение подал Эйхенбаум, тоже в качестве представителя Наркомпроса[20]). Тогда же, осенью 1918 г., Халабаев и Эйхенбаум вместе изучали в Москве рукописи Лермонтова, эвакуированные из Петрограда вместе с наиболее ценными материалами Академии наук [8, с. 48].

Поначалу деятельность К.И. Халабаева и возглавляемого им коллектива касалась редакции отдельных произведений: «Серьезная текстологическая работа велась в издательстве над серией “Народная библиотека”, в частности, над произведениями А.С. Пушкина. Она легла в основу издания его сочинений уже в Госиздате. Выпуском серии “Народных библиотек” руководил К.И. Халабаев, а подготовку рукописей осуществляли С.М. Бонди, А.Л. Слонимский, Б.М. Эйхенбаум и другие видные литературоведы» [1, с. 330].

П.И. Лебедев-Полянский, возглавлявший Литературно-издательский отдел Наркомпроса, так в 1918 г. формулировал цели работы подотдела по изданию художественной литературы: «Поставив девизом своей деятельности осуществление мечты Некрасова о том, что “мужик Белинского и Гоголя с базара понесет”, Отдел приступил к изданию “Народной библиотеки”»[21]. Но одновременно с небольшими изданиями осенью 1918 г. были провозглашены и более масштабные цели, реализация которых была возложена на подотдел художественной литературы: «Отдел поставил себе еще новую задачу — одновременно с теми памятниками, которые правительство пролетарской революции ставит на площадях великим деятелям социализма и революции, создать им памятники литературные. Проект такого издания находится в стадии разработки, как по отношению к этой серии, как и по отношению ко всем изданиям, Отдел руководится целью дать народу материал, в котором общедоступность совмещалась бы с высокими научными и художественными достоинствами книги»[22].

Несомненный интерес для описания деятельности К.И. Халабаева представляет каталог Петербургского отделения Литературно-издательского отдела Наркомпроса 1919 г., который включает и записку о текстологической работе:

---

[19] НИОР РГБ. Ф. 848. Карт. 1. Ед. хр. 22. Л. 16.

[20] Там же. Л. 21.

[21] [*Лебедев-Полянский П.И.*] Отчет о деятельности Литературно-издательского отдела Народного комиссариата по просвещению / К годовщине Октябрьской революции, 7/XI 1917–7/XI 1918. М.: Вторая гос. тип., 1918. С. 9.

[22] Там же. С. 10.

> В мае 1918 года Петербургское отделение Литературно-издательского отдела Народного комиссариата по Просвещению закончило организационную работу и приступило к осуществлению своих задач. В течение года (май 1918 – май 1919), несмотря на всякие затруднения, Отделу удалось выполнить главную часть намеченного плана по изданию русских классиков. Острая необходимость немедленно удовлетворить спрос на сочинения русских писателей заставила Отдел в первую очередь приступить к выпуску стереотипных изданий по сохранившимся у частных издательств матрицам <...> В то же время редакционной частью Отдела производилась проверка по первоисточникам текстов Герцена, Гоголя, Гончарова (для собр. соч. «Обломов» и «Фрегат Паллада»), Грибоедова, Григоровича, Достоевского, Златовратского, Крылова, Лермонтова, Островского, Пушкина, Сурикова, Л. Толстого, Тургенева. В результате этой работы Петербургское Отделение Лит.-изд. Отд., во-первых, приступило к печатанию собраний сочинений Лермонтова, Островского и Л. Толстого, а во-вторых — издает ряд сборников и отдельных книжек «Народной Библиотеки»[23].

Относительно последней мы читаем следующее: «В основу издания “Народной Библиотеки” положены следующие принципы: 1) решительный отказ от поверхностно-пренебрежительного отношения к такого рода изданиям; 2) строгая проверка текстов, с указанием каждый раз их источников; 3) стремление к тому, чтобы внешний вид этих изданий не имел характера минутной дешевой книжки. Поэтому тексты всех изданий “Народной Библиотеки” заново проредактированы по первоисточникам, которые и указаны на каждой книжке»[24].

В пространном проспекте к ненаписанной книге «Очерки советской текстологии» (1952) Б.М. Эйхенбаум пишет, что указанные комментарии были составлены «нами» — «редактором отдела К.И. Халабаевым в сотрудничестве со мною», и сопровождает это следующим пояснением: «Наша совместная текстологическая работа продолжалась без перерыва около 20 лет, за это время нами были заново проверены и изданы сочинения Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Л. Толстого и несколько томов собрания сочинений Салтыкова-Щедрина. Кроме меня в текстологической работе Гос. Издательства принимал постоянное участие (также совместно с К.И. Халабаевым) Б.В. Томашевский»[25].

---

[23] Каталог Литературно-издательского отдела. Петербургское отделение. 1919. № 1, июль. Пб.: Народный комиссариат по Просвещению, 1919. С. 2.

[24] Там же. С. 9.

[25] РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 19–20. Хотя посмертно этот проспект был

Современники отмечают интересную привычку, которая долгие годы составляла часть научного метода: «Чтобы исключить влияние посторонних факторов, Б.М. Эйхенбаум и К.И. Халабаев некоторое время практиковали сверку текстов по телефону» [14, с. 30]. В подробностях о ней пишет П.Н. Берков, описывая работу над текстом двумя текстологами, так называемую «читку с подчиткой»: «Б.М. Эйхенбаум рассказывал мне, что вся его совместная текстологическая работа с К.И. Халабаевым была именно таким “чтением с подчиткой”. Оба текстолога внесли интересные методические изменения в обычную практику; они читали по телефону, чтобы не отвлекаться ничем посторонним, даже выражением лица партнера по работе; после вынужденных остановок обязательно начинали читать с абзаца, а не с того места на котором остановились; если представлялась возможность, читали материал дважды, меняясь ролями, т. е. каждый из них по очереди был и “чтецом” и “подчитчиком”» [5, с. 73].

Б.М. Эйхенбаум настолько ценил К.И. Халабаева-текстолога, что когда в 1924 г. готовилась его книга «Лермонтов», над текстами которого они вместе с Халабаевым активно работали с 1918 г. (подробности текстологических работ 1923–1925 гг. отражены и в дневнике Эйхенбаума[26]), то решил отметить своего товарища. И книга эта открывалась отдельным листом, в центре которого было напечатано: «Посвящаю Константину Ивановичу Халабаеву в память совместной работы над текстом Лермонтова»[27]. Однако руководитель Петроградского отдела Государственного издательства И.И. Ионов своим постановлением изъял из набора посвящение и предисловие, и в печати они не появились[28].

Невероятной работоспособность Халабаева отмечена в дарительной надписи Эйхенбаума на книге «Мелодика русского лирического стиха», датированной 2 марта 1922 г.:

Какие б сроки ни настали —
Мамаев иль Екатерин —
Я не волнуюсь: тверже стали
Вы — Халабаев Константин[29].

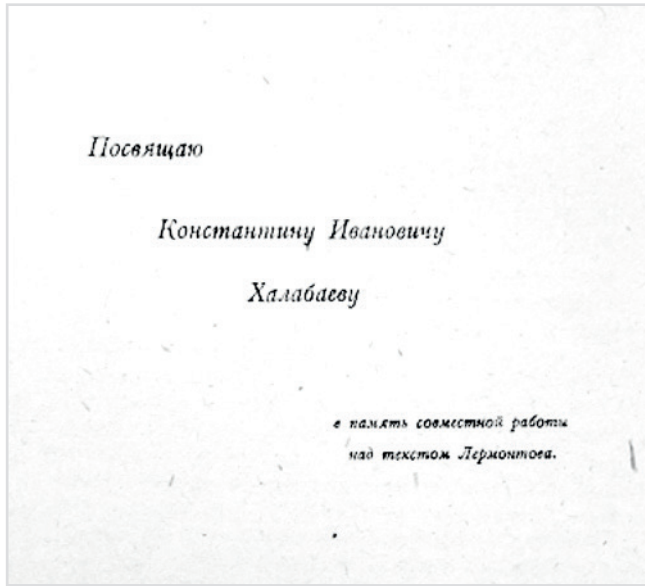
опубликован, однако по другому варианту рукописи, и цитированные строки в публикацию не попали, см.: [19].

[26] РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 9 и далее; Ед. хр. 245. Л. 62 и далее.

[27] РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 3. Посвящение было восстановлено при переиздании книги, см.: [18, с. 140, 469].

[28] РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 1.

[29] РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 244. Л. 63 об.

Посвящаю

Константину Ивановичу

Халабаеву

в память совместной работы

над текстом Лермонтова.

Корректурный лист посвящения в книге Б.М. Эйхенбаума «Лермонтов», 1921 (РГАЛИ)
Proof sheet of dedication in the book "Lermontov" by B.M. Eikhenbaum, 1921 (RSALA)

Занятие текстологией не воспринималось окружением Б.М. Эйхенбаума как нечто серьезное: В.Б. Шкловский, друг Эйхенбаума, считал, что есть более интересные филологические или литературные занятия, на которые и стоит тратить свой талант. Ольга Борисовна Эйхенбаум вспоминала: «К.И. Халабаева папа защищал от Шкловского, который ругал его за то, что он отнимает много времени <…>. Папа отвечал: "Не трогай Халабаева — он делает прекрасно свое дело, мы с ним делаем большое дело. Это, конечно не слава и даже не деньги, но это работа, которую я люблю <…>". Я помню, как папа садился у телефона и они с Халабаевым считывали какой-то текст. Вместо того, чтобы говорить "точка" или "точка с запятой", они говорили "а", "а, б" и т. п. Папа читал по своим материалам, а Халабаев по своим. Чтобы не ездить каждый день в Дом книги, где помещалось издательство, они часа по три говорили по телефону» (цит. по: [7, т. 2, с. 516]).

Сам же Эйхенбаум писал 3 мая 1928 года Шкловскому следующее:

> Витенька, дорогой историк литературы! Мне хочется очень много тебе написать, но я весь — в трудной работе окончательной отделки того, что написано, а потом надо писать дальше. Уже все

кажется нехорошо – взял бы и написал заново, а главное — покопался бы еще в материалах, но некогда: договор и деньги! Вот тебе и объяснение — что такое «литературный быт». Хорошо еще, что у меня есть «вторая профессия» — Халабаев, дай бог ему здоровья! [9, с. 308]

Подробности он излагает В.М. Жирмунскому в письме от 5 августа 1928 г.:

Зарабатываю я все лето и до сих пор литературным трудом – сотрудничаю в издании русских классиков при Комиссариате <народного просвещения>. Рад хоть тому, что работа по специальности <…> В моей работе есть много полезного для меня и интересного. Сейчас идет подготовка однотомного Лермонтова (для школы), причем делается заново проверка текста, т. к. академическое издание оказалось небрежным и прямо недобросовестным. Пока мы имеем дело со старопечатными текстами, а надеемся обратиться и к рукописям — есть сомнительные места, которые можно разрешить только по рукописям <…>

В Комиссариате я имею дело только с одним человеком – моим товарищем по Унив<ерсит>ету, занимавшимся одно время на романо-герм<анском> отделении: Халабаев. Не помнишь ли его? Он состоит секретарем издательского отдела — он же и привлек меня к этой работе. Политики в этом деле нет никакой, т. ч. я ничем и ни с чем не связан. Для некоторых изданий пишу предисловия — написал к «Запискам охотника», к сборнику народных рассказов Толстого и др. Сейчас готовлю вступительную статью о Толстом для полного собрания художественных произведений. Такого же рода работу делает там А.Л. Слонимский — он сотрудничает сейчас по изданию однотомника Пушкина. Как у нас плохо с текстами! Представь себе, что академическое издание Лермонтова настолько недобросовестно, что пользоваться им в научной работе нельзя. Не говоря о совершенно произвольной и часто нелепой или искажающей пунктуации — масса ошибок в словах, полное непонимание стиха и т. д. [13, с. 305].

И.Л. Андроников, ученик Эйхенбаума (несмотря на трудные обстоятельства эпохи, влиявшие на поступки Андроникова[30], Борис Михайлович до конца своих дней тепло относился к нему),

[30] См., например: *Семёнов А.В.* Право на донос: Искусство давать показания и искусство предавать давно стали классическими // Псковская губерния. Псков, 2017. № 2 (284), 18 января. С. 14–15.

впоследствии красочно описал происходившее в течение полутора десятилетий в здании Дома книги, где располагалось и Ленинградское отделение Госиздата: «Шар остался. Имя Зингер исчезло. Но высоко вознеслось имя советской литературы. Тут, в этом доме, ее исток и начало. С 1918 г. здесь помещается целый концерн редакций. Отсюда пошли первые издания для народа. Здесь возникла советская текстология — очищались от искажений царской цензуры сочинения классиков. Долго и благодарно будут вспоминаться ученые имена: Томашевский, Халабаев, Эйхенбаум»[31].

К.И. Халабаев и Б.М. Эйхенбаум были связаны и работой по редактированию теоретических научных сочинений: в конце 1926 г. они приступили к подготовке к печати «Исторической поэтики» А.Н. Веселовского[32] (задуманное издание тогда не было осуществлено; но, возможно, именно благодаря этому дело было довершено в 1940-м г. В.М. Жирмунским). Ранее же, 8 июля 1924 г., Эйхенбаум записал в дневнике: «От Халабаева получил для редактирования “Поэтику” Томашевского. Странное основное разделение: стилистика, сравнительная метрика и тематика. Фабула — схема. Сюжет — конструкция. Мотивы связанные и свободные»[33]. (Книга была напечатана в 1925 г. под названием «Теория литературы (Поэтика)» и впоследствии неоднократно переиздавалась).

Отношение Б.М. Эйхенбаума к К.И. Халабаеву оставалось в высшей степени уважительным и теплым до конца. Уже когда Константина Ивановича не было в живых, в 1958 г., в конспекте речи по случаю 25-летия «Библиотеки поэта» Борис Михайлович назвал его «романтиком текстологии» [18, с. 470].

Впрочем, эта романтика не всегда ценилась современниками. Интересен отзыв, присланный в Ленинградское отделение Госиздата читателем из Свердловска А. Чернавиным после изучения Полного собрания сочинений М.Ю. Лермонтова (1928), подготовленного К.И. Халабаевым и Б.М. Эйхенбаумом:

> Эту книгу я купил своей двенадцатилетней дочери, учащейся V группы II ступени, в подарок. Просматривая книгу, я случайно наткнулся на юнкерские поэмы Лермонтова — Гошпиталь, Петергофский праздник, Уланша.

---

[31] *Андроников И.* А теперь об этом. М.: Сов. писатель, 1981. С. 279.

[32] Издания по истории и теории литературы / Литературная хроника // Печать и революция. 1927. Кн. 1, январь–февраль. С. 230.

[33] РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 245. Л. 53.

Редакторы, гр. Халабаев и Эйхенбаум, очевидно из скромности, не просят читателей прислать отзыв об этом издании <...> А напрасно... Конечно, прислать отзыв об издании дети 12 лет едва ли смогут, а между тем им большею частью попадают издания Лермонтова, Пушкина и других русских авторов. Если б они могли прислать отзыв, то он едва ли был приятен названным редакторам этой юнкерской похабщины и литературной неряшливости, чтоб не сказать большего.

Зачем нужно было помещать в полное собрание сочинений Лермонтова его юнкерскую, с позволения сказать, поэзию. Кому нужен такой реализм. Делу воспитания советской молодежи? — Сомневаюсь. А если не делу воспитания молодежи — развития чувства красоты, если не делу распространения лучших литературных образцов, то следовательно этот реализм совсем не нужен.

С тяжелым чувством, чувством какой-то гадливости, я прочитал эти юнкерские упражнения Лермонтова и кроме возмущения ничего иного не могу передать по адресу редакции, пропустившей эту пакость к напечатанию.

Лермонтов не сдан в архив, с другой стороны, Лермонтов не современный поэт или мыслитель, отзывающийся на все сейчас нам близкое, перечитываемое — поэтому издание его всего — не нужно. <...>

Нужно пожелать, чтоб таких изданий больше не было, да пожалуй и таких редакций, как К° Халабаев и Эйхенбаум, не понявших задачи редактирования классиков[34].

Перечислим основные текстологические работы К.И. Халабаева в области русской литературы, по которым можно увидеть вклад этого выдающегося текстолога в филологическую науку.

Н.В. Гоголь: Сочинения в 3-х томах (редакция К.И. Халабаева и Б.М. Эйхенбаума), 1927 (<2-е изд.> 1928).

Н.В. Гоголь: Сочинения <в одном томе> (редакция К.И. Халабаева и Б.М. Эйхенбаума), 1928 (2-е изд. 1928, 3-е изд. 1929, 4-е изд. 1930).

И.А. Гончаров: Сочинения <в 4-х томах> (редакция Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева), 1928–1931.

А.С. Грибоедов: Горе от ума (редакция К.И. Халабаева и Б.М. Эйхенбаума), 1923.

[34] РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 754. Л. 1–1 об.

Ф.М. Достоевский: Полное собрание художественных произведений <в 13-ти томах> (редакция Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева), 1926–1930.

А.В. Кольцов: Стихотворения (редакция Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева), 1927.

М.Ю. Лермонтов: Полное собрание сочинений <в одном томе> (редакция К.И. Халабаева и Б.М. Эйхенбаума), 1926 (2-е изд. 1928, 3-е изд. 1929, 4-е изд. 1930, 5-е изд. 1931, 6-е изд. как «Сочинения», 1934).

А.Н. Островский: Сочинения, т. 11, дополн. (редакция Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева), 1926.

А.Ф. Писемский: Избранные произведения <в одном томе> (редакция Б.М. Эйхенбаума и К.И. Халабаева), 1932.

А.С. Пушкин: Сочинения <в одном томе> (редакция Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева), 1924 (2-е изд. 1925, 3-е изд. 1928, 4-е изд. 1928, 5-е изд. 1929, 6-е изд. 1930, 5-е <!> изд. 1933).

А.С. Пушкин: Стихотворения в 2-х частях (редакция Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева), 1924.

М.Е. Салтыков-Щедрин: Сочинения в 6-ти томах (редакция К.И. Халабаева и Б.М. Эйхенбаума), 1926–1928.

Л.Н. Толстой: Полное собрание художественных произведений Л.Н. Толстого в 15-ти томах (редакция К.И. Халабаева и Б.М. Эйхенбаума), 1928–1930 (частично осуществлены 2-е изд., 1928–1930, 3-е изд., 1929–1930).

И.С. Тургенев: Сочинения в 6-ти томах (редакция К.И. Халабаева и Б.М. Эйхенбаума), 1929–1930.

И.С. Тургенев: Сочинения в 12-ти томах (редакция К.И. Халабаева и Б.М. Эйхенбаума), 1928–1934.

Н.Г. Чернышевский: Что делать? (редакция К.И. Халабаева и Б.М. Эйхенбаума), 1930.

А.П. Чехов: Избранные сочинения <в одном томе> (редакция Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева), 1931.

Полное собрание сочинений *Козьмы Пруткова* (редакция Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева), 1927.

Исключительная работоспособность и текстологическая квалификация К.И. Халабаева были замечены и той инстанцией, в ведении которой находилось издание главного классика Страны Советов — В.И. Ленина. Халабаев был привлечен к изданию его сочинений и стал членом так называемой технической редакции, то есть собственно текстологической: при его деятельном участии

издавались выходившие по подписке второе и третье издания Сочинений Ленина[35]; параллельно он участвовал в редактировании «Ленинских сборников», к 1931 г. уже принимая на себя значительную часть редакционной работы по ним[36]. Впрочем, опять же по причине неразработанности биографии Халабаева, в литературе вопроса он именуется «крупным специалистом-полиграфистом» [16, с. 121].

Поскольку К.И. Халабаев, работая в Госиздате, нес огромную нагрузку, он еще в 1920-е гг. получил жилплощадь непосредственно в здании Дома книги. Когда же в 1931 г. над Халабаевым нависла угроза выселения, он обратился в Институт Ленина с просьбой закрепить за ним эту площадь, однако И.П. Товстуха, который в тот момент занимал (кроме должности первого помощника И.В. Сталина) и место замдиректора Института Ленина, отказался ходатайствовать за текстолога, высказав соображение, что Халабаев «и в другой жить будет»[37]; впрочем, он так и остался проживать в квартире 12 по улице 25 Октября, 28, то есть в Доме Зингера. Семьи ученый не имел и в конце жизни оказался в полном одиночестве.

Последние дни ученого были безрадостны. Во второй половине 1930-х он отходит от дел; имеются сведения, что он «в конце 30-х лишился рассудка, начал отказываться от пищи. Умер в начале войны в одной из психиатрических больниц Ленинграда» [17, с. 26, примеч. 46]. И хотя скончался он действительно от недоедания, но не по своей воле, и даже не по причине душевного заболевания: он погиб от голода в первую, самую страшную блокадную зиму[38]. По-видимому, тело нашли при одном из обходов в декабре 1941 г. в его комнате в Доме Зингера.

Литература

1. *Баренбаум И.Е.* Книжный Петербург. Три века истории. Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб.: Культ-Информ Пресс, 2003. 440 с.

2. *Березкина С.В.* Ответ критику <Отклик на: *Викторович В.А.* Академический Достоевский: Проблемы и перспективы. Вопросы литературы. 2015. № 5> //

[35] Лениниана / под общ. ред. Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, М.А. Савельева. М.; Л.: Госиздат, 1929. т. IV. С. 3–12; Лениниана / под общ. ред. М.А. Савельева. М.; Л.: Госиздат, 1930. Т. V. С. 3–14.

[36] См. Письмо М.Т. Бобриковой к Н.И. Крутиковой от 8 января 1931. РГАСПИ. Ф. 146 (Н.А. Подвойский). Оп. 1. Д. 226. Л. 14.

[37] См. Письмо П.Т. Нудного к Н.А. Подвойской от 31 мая 1931. РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 226. Л. 16–16 об.

[38] Санкт-Петербург: книга памяти. Блокада, 1941–1944 / председ. редколл. А.Н. Ржаненков. СПб.: Союз Дизайн, 2006. Т. 32: Т–Ф. С. 656.

Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2016. Сб. 21. С. 431–440.

3. *Березкина С.* «Униженные и оскорбленные» Достоевского: три текста, три издания // Русская литература. 2011. № 3. С. 97–109.

4. *Берков П.Н.* Издания русских поэтов XVIII века: История и текстологические проблемы // Издание классической литературы: Из опыта «Библиотеки поэта» / сост. К.К. Бухмейер. М.: Искусство, 1963. С. 59–136.

5. *Берков П.Н.* Корректура и текстология // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1962. Т. 21. Вып. 1. С. 70–74.

6. *Гришунин А.Л.* Очерк истории текстологии новой русской литературы // Основы текстологии / под ред. В.С. Нечаевой. М.: АН СССР, 1962. С. 11–134.

7. *Дружинин П.А.* Идеология и филология: Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование: в 2 т. М.: НЛО, 2012.

8. *Иванова Т.Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома в 1917–1922 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 5–52.

9. *Кертис Дж.* Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература / пер. с англ. Д. Баскина. СПб.: Академический проект, 2004. 352 с.

10. Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография / отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. 766 с.

11. *Лихачев Д.С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Наука, 1983. 645 с.

12. *Лотман Ю.М.* Воспитание души. СПб.: Искусство-СПб., 2005. 620 с.

13. Переписка Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского / публ. Н.А. Жирмунской и О.Б. Эйхенбаум; вступ. ст. Е.А. Тоддеса // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988. С. 256–329.

14. *Рейсер С.А.* Основы текстологии. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1978. 172 с.

15. *Томашевский Б.В.* Издания стихотворных текстов <Пушкина> // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16/18: <А.С. Пушкин>. С. 1055–1112.

16. *Шомракова И.А.* Источниковедческая литература по общественным наукам в Госиздате: (Основные направления, формирование типов изданий) // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 1981. Сб. 42. С. 115–128.

17. *Эйхенбаум Б.М.* Дневник 1917–1918 гг. / публ. О.Б. Эйхенбаум; примеч. В.В. Нехотина // DeVisu. 1993. № 1 (2). С. 11–27.

18. *Эйхенбаум Б.М.* О литературе: Работы разных лет / сост. О.Б. Эйхенбаум, Е.А. Тоддес. М.: Сов. писатель, 1987. 542 с.

19. *Эйхенбаум Б.М.* Основы текстологии / [подгот. к печати А.Э. Мильчина] // Редактор и книга: сб. ст. М.: Искусство, 1962. Вып. 3 / сост. А.Э. Мильчин. С. 41–86.

20. *Эйхенбаум Б.М.* Текстологические работы Б.В. Томашевского // Томашевский Б.В. Писатель и книга: очерки текстологии. 2-е изд. М.: Искусство, 1959. С. 5–22.

Research Article and Publication of Archival Documents

“The Romantic of Textual Criticism” Konstantin Ivanovich Khalabaev

© 2025. Petr A. Druzhinin
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to the reconstruction of the biography of Konstantin Ivanovich Khalabaev (1885–1941), the founder of Soviet textology as an academic science. The scholar did not leave a single scientific article or monograph, there is not a single biographical note about him, and even the years of the textologist’s life were unknown. A student of the Pavel Galagan College in Kyiv, a graduate of the Romano-Germanic Department of St. Petersburg University, after 1917, when the legacy of the classics of Russian literature passed to the state, Khalabaev headed the work on the textological preparation of new editions of Russian writers in the People’s Commissariat of Education. Thanks to his collaboration with Boris Tomashevsky and Boris Eichenbaum, he managed to publish many editions of Russian classics at an unprecedented scientific level for that time, including collected works by Dostoevsky, Lermontov, Pushkin, Turgenev, and Tolstoy. The article presents hitherto unknown archival materials about the life and work of Khalabaev, which allow us to understand the significance of this scholar in the history of Russian philological science.

Keywords: scientific biography, history of philological science, textual criticism, editions of classics, Konstantin Khalabaev, Boris Tomashevsky, Boris Eichenbaum.

Information about the author: Petr A. Druzhinin, PhD in History, Senior Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3097-3375

E-mail: petr@druzhinin.ru

For citation: Druzhinin, P.A. “‘The Romantic of Textual Criticism’ Konstantin Ivanovich Khalabayev.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 176–197. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-176-197

References

1. Barenbaum, I.E. *Knizhnyi Peterburg. Tri veka istorii. Ocherki izdatel’skogo dela i knizhnoi torgovli* [*Petersburg Books. Three Centuries of History. Essays on Publishing and Book Trade*]. St. Petersburg, Kul’t-Inform Press, 2003. 440 p. (In Russ.)

2. Berezkina, S.V. “Otvet kritiku <Otklik na: Viktorovich V.A. Akademicheskii Dostoevskii: Problemy i perspektivy. Voprosy literatury. 2015. № 5>” [“Reply to the

Critic <Response to: Viktorovich V.A. Academic Dostoevsky: Problems and Prospects. Questions of Literature. 2015. No. 5>"]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], coll. 2 1. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, pp. 431–440. (In Russ.)

3. Berezkina, S. "'Unizhennye i oskorblennye' Dostoevskogo: tri teksta, tri izdaniia" ["'Humiliated and Insulted' by Dostoevsky: Three Texts, Three Editions"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2011, pp. 97–109. (In Russ.)

4. Berkov, P.N. "Izdaniia russkikh poetov XVIII veka: Istoriia i tekstologicheskie problem" ["Publications of Russian Poets of the 18th Century: History and Textual Problems"]. *Izdanie klassicheskoi literatury: Iz opyta "Biblioteki poeta"* [*Publication of Classical Literature: From the Experience of the "Poet's Library"*], comp. K.K. Bukhmeier. Moscow, Iskusstvo Publ., 1963, pp. 59–136. (In Russ.)

5. Berkov, P.N. "Korrektura i tekstologiia" ["Proofreading and Textual Criticism"]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*, vol. 21, issue 1, 1962, pp. 70–74. (In Russ.)

6. Grishunin, A.L. "Ocherk istorii tekstologii novoi russkoi literatury" ["Essay on the History of Textual Criticism of Modern Russian Literature"]. Nechaeva, V.S., editor. *Osnovy tekstologii* [*Fundamentals of Textual Criticism*]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1962, pp. 11–134. (In Russ.)

7. Druzhinin, P.A. *Ideologiia i filologiia: Leningrad, 1940-e gody. Dokumental'noe issledovanie: v 2 t.* [*Ideology and Philology: Leningrad, 1940s. Documentary Research: in 2 vols.*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. (In Russ.)

8. Ivanova, T.G. "Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma v 1917–1922 gg." ["Manuscript Department of the Pushkin House in 1917–1922"]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 god* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2001*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, pp. 5–52. (In Russ.)

9. Kertis, Dzh. *Boris Eikhenbaum: ego sem'ia, strana i russkaia literatura* [*Boris Eichenbaum: His Family, Country and Russian Literature*], trans. from Eng. by D. Baskin. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 352 p. (In Russ.)

10. Galushkin, A.Iu., editor. *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia* [*Literary Life of Russia in the 1920s: Events. Reviews of Contemporaries. Bibliography*], vol. 1, part 1: Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg. [Moscow and Petrograd. 1917–1920]. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 766 p. (In Russ.)

11. Likhachev, D.S. *Tekstologiia: Na materiale russkoi literatury X–XVII vekov* [*Textual Criticism: Based on Russian Literature of the 10th–17th Centuries*]. 2nd ed., rev. and enl. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 645 p. (In Russ.)

12. Lotman, Iu.M. *Vospitanie dushi* [*Education of the Soul*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2005. 620 p. (In Russ.)

13. "Perepiska B.M. Eikhenbauma i V.M. Zhirmunskogo" ["Correspondence Between B.M. Eichenbaum and V.M. Zhirmunsky"], publ. by N.A. Zhirmunskaia and O.B. Eikhenbaum, introd. article by E.A. Toddes. *Tynianovskii sbornik: Tret'i Tynianovskie chteniia* [*Tynyanov Collection: Third Tynyanov Readings*]. Riga, Zinatne Publ., 1988, pp. 256–329. (In Russ.)

14. Reiser, S.A. *Osnovy tekstologii* [*Fundamentals of Textual Criticism*]. 2nd ed. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1978. 172 p. (In Russ.)

15. Tomashevskii, B.V. “Izdaniia stikhotvornykh tekstov <Pushkina>” [“Publications of Poetic Texts <by Pushkin>”]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 16/18: <A.S. Pushkin> [<A.S. Pushkin>]. Moscow, Zhurnal’no-gazetnoe ob”edinenie Publ., 1934, pp. 1055–1112. (In Russ.)

16. Shomrakova, I.A. “Istochnikovedcheskaia literatura po obshchestvennym naukam v Gosizdate: (Osnovnye napravleniia, formirovanie tipov izdanii)” [“Source Study Literature on Social Sciences in the State Publishing House: (Main Directions, Formation of Publication Types)”]. *Kniga: Issledovaniia i materialy* [*Book: Research and Materials*], coll. 42. Moscow, Kniga Publ., 1981, pp. 115–128. (In Russ.)

17. Eikhenbaum, B.M. “Dnevnik 1917–1918 gg.” [“Diary of 1917–1918”], publ. by O.B. Eikhenbaum, notes by V.V. Nekhotin. *DeVîsu*, no. 1 (2), 1993, pp. 11–27. (In Russ.)

18. Eikhenbaum, B.M. *O literature: Raboty raznykh let* [*On Literature: Works of Different Years*], comp. by O.B. Eikhenbaum, E.A. Toddes. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1987. 542 p. (In Russ.)

19. Eikhenbaum, B.M. “Osnovy tekstologii” [“Fundamentals of Textual Criticism”], prep. by A.E. Mil’chin. *Redaktor i kniga: sbornik stateti* [*Editor and Book: Collection of Articles*], issue 3, comp. A.E. Mil’chin. Moscow, Iskusstvo Publ., 1962, pp. 41–86. (In Russ.)

20. Eikhenbaum, B.M. “Tekstologicheskie raboty B.V. Tomashevskogo” [“Textual Works of B.V. Tomashevsky”]. Tomashevskii, B.V. *Pisatel’ i kniga: ocherki tekstologii* [*Writer and Book: Essays on Textual Criticism*]. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1959, pp. 5–22. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.12.2024
Одобрена после рецензирования: 20.12.2024
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 04.12.2024
Approved after reviewing: 20.12.2024
Date of publication: 25.03.2025

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И КОММЕНТАРИЯ

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0; 801.73
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-198-208
https://elibrary.ru/YSFZIM

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Охота на ангела (об одном «загадочном» образе у И.Ф. Анненского)

© 2025, И.Б. Делекторская
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: В статье с опорой на неопубликованные ранее в полном объеме записные книжки И.Ф. Анненского времени его поездки в Италию (1890) рассматривается вопрос о происхождении ключевого образа (серафима с виолончелью) в стихотворении Анненского «Тоска возврата». В комментаторской традиции выдвигался целый ряд предположений, о работе кого из старых итальянских мастеров может идти речь в стихотворном экфрасисе русского поэта. Упомянутый в «Тоске возврата» Боттичелли задал хронологический вектор поиска среди его современников, однако найти подходящее изображение, вдохновившее Анненского, не удавалось. Между тем в его записной книжке зафиксировано впечатление от картины итальянского художника начала XVII в. Доменикино (Доменико Дзампьери) «Мученичество святой Агнессы» в Пинакотеке Болоньи: «Ангелы-музыканты красивы, но не вдохновенны. Арфа, флейта, виолончель» (РГАЛИ). Вероятно, это же полотно припомнилось Анненскому в стихотворении в прозе «Сентиментальное воспоминание» (1908), где вновь появляется серафим с «небесной виолончелью».

Ключевые слова: И.Ф. Анненский, лирика, поэтика, квазиэкфрасис, интертекстуальные связи, «Тоска возврата», Италия, записные книжки, Боттичелли, Доменикино.

Информация об авторе: Иоанна Борисовна Делекторская — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-2467-4886

E-mail: i_delektorskaia@mail.ru

Для цитирования: *Делекторская И.Б.* Охота на ангела (об одном «загадочном» образе у И.Ф. Анненского) // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 198–208. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-198-208

Стихотворение И.Ф. Анненского «Тоска возврата», о котором пойдет речь, не раз становилось объектом филологического исследования. При этом загадка ключевого для данного текста образа до сих пор остается неразгаданной.

Написанное в духе С. Малларме (см. об этом: [3; 5]) и первоначально в черновой редакции имевшее французское название «Nostalgie», замененное затем на русское — «Ностальгия» [1, с. 567], стихотворение было впервые опубликовано под своим каноническим заглавием в 1904 г. в сборнике Анненского «Тихие песни». Приведем его полностью:

Уже лазурь златить устала
Цветные вырезки стекла,
Уж буря светлая хорала
Под темным сводом замерла;

Немые тени вереницей
Идут чрез северный портал,
Но ангел Ночи бледнолицый
Еще кафизмы не читал...

В луче прощальном, запыленном
Своим грехом неотмоленным
Томится День пережитой,

Как Серафим у Боттичелли,
Рассыпав локон золотой...
На гриф умолкшей виолончели [1, с. 76–77].

В основе текста лежат ностальгические воспоминания автора об Италии и впечатления, полученные им во время итальянского путешествия, имевшего место в начале июня — конце июля 1890 г. За это время Анненский успел посетить Венецию, Падую, Болонью, Флоренцию, Перуджу, Ассизи, Рим, Пизу, Геную, Турин, Милан, Неаполь и Сорренто [6, с. 25], то есть объехал большую часть страны. На итальянское происхождение «Тоски возврата» указывает боттичеллевский серафим в последней строфе. Именно этот образ и стал для исследователей камнем преткновения.

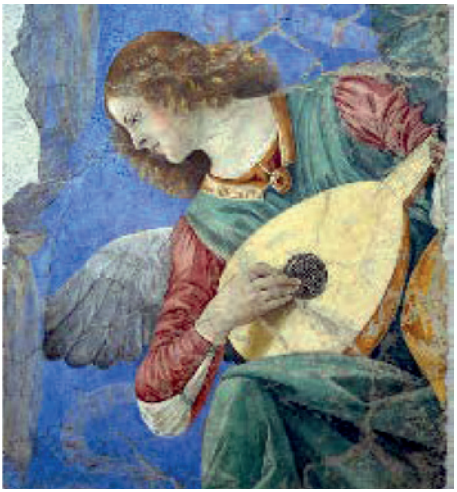
Дело в том, что представители небесных ангельских сил в произведениях Сандро Боттичелли не играют на музыкальных инструментах, а только (и лишь изредка) поют. И никаких серафимов

с виолончелями мы у Боттичелли не встретим еще и по той причине, что появление первых виолончелей музыковеды расплывчато относят к началу XVI в. Напомним: родившийся в 1445 г. Боттичелли умер в 1510 г. Не исключено, что к моменту его смерти такого инструмента могло просто не существовать. Из всего этого следует, как справедливо было отмечено А.В. Подворной [7], что мы имеем дело с квазиэкфрасисом. Неслучайно и сам Анненский подчеркивает нетривиальность рассматриваемого нами образа, ставя многоточие в конце предпоследней строки стихотворения, перед словами «на гриф умолкшей виолончели», и делая ритмическую перебивку в последней строке.

Возникает естественный вопрос: какое изображение могло вдохновить поэта на подобный художественный ход? Ответ кажется вполне логичным искать среди произведений итальянских мастеров XV – первой половины XVI в., что исследователи и делают, рассматривая как возможных претендентов на роль вдохновителя ангелов, играющих на разных относительно крупных струнных музыкальных инструментах. При этом за аксиому принимается предположение, что Анненский мог назвать виолончелью любой из них.

Ил. 1. Россо Фьорентино. Херувим, играющий на лютне (ок. 1520)
Il. 1. Rosso Fiorentino. A Cherub Playing the Lute (c. 1520)

Ил. 2. Мелоццо да Форли. Фреска церкви Santi Apostoli. Фрагмерт (Рим. 1480)
Il. 2. Melozzo da Forlii. Fresco of the Church of Santi Apostoli. A fragment (Rome. 1480)

Ил. 3. Ф. Боттичини. Ангелы, играющие на музыкальных инструментах. Фрагмент (1475–1497)
F. Botticini. Angels Playing Musical Instruments. A fragment (1475–1497)

Ил. 4. Д. Беллини. Фреска церкви San Zaccaria. Фрагмент (Венеция.1505)
Il. 4. D. Bellini. Fresco of the Church of San Zaccaria. A fragment (Venice. 1505)

Так, А.В. Марков в этюде «Как серафим у Боттичини» упоминает музицирующих ангелов работы Россо Фьорентино (1494–1540; *ил. 1*) и Мелоццо да Форли (1438–1494; *ил. 2*), замечая при этом, правда, что Фьорентино можно было спутать с Боттичелли только по пребыванию произведений обоих художников во флорентийской галерее Уффици, «если смотреть альбом Уффици с репродукциями низкого качества», а у ангела на фреске Мелоццо да Форли «его инструмент никто не назовет сейчас “виолончелью”» [5, с. 126]. Далее выдвигается предположение, что Анненский ошибся, спутав Сандро Боттичелли с Франческо Боттичини (1446–1498), и «списал» своего серафима с одного из боттичиниевских «Ангелов, играющих на музыкальных инструментах» (*ил. 3*).

Уже упомянутая нами А.В. Подворная [7] предлагает на роль прототипа серафима из стихотворения Анненского двух претен-

дентов: все того же маленького крылатого музыканта работы Россо Фьорентино (*ил. 1*) и ангела с фрески Джованни Беллини из венецианской церкви San Zaccaria (*ил. 4*).

Еще одна исследовательница — М.П. Гребнева [2] выдвигает неожиданную версию. Отказываясь от привязки к каким-либо музыкальным инструментам, но возвращаясь к Боттичелли с его знаменитой «Мадонной Маньификат» (*ил. 5*), она указывает на одного из ангелов (первого слева), изображенных на этой картине.

Ил. 5. С. Боттичелли. La Madonna del Magnificat (1483)
Il. 5. S. Botticelli. La Madonna del Magnificat (1483)

В итоге у нас есть пять изображений, ни на одном из которых нет, собственно, искомого, то есть ангелического существа с виолончелью. И, вероятно, можно было бы закрыть на этом тему, признав, что Анненский назвал виолончелью нечто, лишь отдаленно ее напоминающее, или вовсе нафантазировал своего небесного виолончелиста, если бы подходящий ангел не отыскался неожиданно в одной из пяти привезенных Анненским из итальянского вояжа и хранящихся сейчас в РГАЛИ записных книжек. В полном объеме они никогда не публиковались. Небольшие фрагменты вошли в составленную

сыном Анненского В.И. Кривичем документальную подборку[1], перепечатанную затем в своде биографических материалов, посвященных поэту [4]. Полноценной же публикации, повторимся, на сегодняшний день не существует.

Необходимо отметить, что в обычной жизни Анненский дневников не вел. Уникальность его итальянских записных книжек как эгодокумента состоит в том, что они дают возможность представить, каким поэт был наедине с собой, но это тема для отдельного большого и серьезного разговора.

Упоминание о записных книжках мы встречаем в одном из писем Анненского из Италии, адресованных его оставшейся в России супруге: «Теперь я уже мало обращаю внимание на <…> обстановку[2] и прямо иду к картине, которая меня интересует. Здесь — каталог из кармана, записная книжка с карандашом из другого, и сидишь иногда целый час» [6, с. 36].

Судя по всему, записные книжки не залеживались в кармане у Анненского. Страницы пяти этих маленьких тетрадок в черных обложках наполнены описаниями (подробными, оригинальными, а порой и весьма ироничными) огромного количества произведений искусства и размышлениями по их поводу.

Так, например, оказавшись в Венеции, Анненский записывает: «Богатство красок у Тициана — чем его объяснить? Морем и небом? Едва ли. Это свойство торгового народа, издавна знакомого с Востоком, любящего блеск и роскошь»[3]. Приехав в Падую, он с упоением рассматривает фрески Джотто, но не упускает при этом возможности отметить в «Поклонении волхвов» «плохо написанных верблюдов». Еще одно «Поклонение волхвов», на сей раз работы Сандро Боттичелли, становится объектом его особого внимания во Флоренции, и в записной книжке появляется живое и яркое словесное изображение живописного полотна: «Стран<ники> в группе. Сверху убог<ий> навес. Очень хорошая поза Иосифа сзади, опирающегося на камень. Христос капелюсенький. Мария блондинка. Перед ним впереди Cosimo Medici[4] — в полотенце берет ножку. Группа полна движения. Один обнял другого, другой наклонился, чтобы лучше видеть. Лошадь просовывает морду. Двое на коленях спорят об

[1] *Кривич В.И.* Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам // Литературная мысль. Л.: Мысль, 1925. Вып. 3. С. 208–255.

[2] Имеется в виду повседневная конфессиональная жизнь в храмах и туристическая жизнь в картинных галереях.

[3] РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 263.

[4] Имеется в виду основатель флорентийской династии Медичи, банкир и политик Козимо Медичи Старый (Cosimo di Giovanni de’ Medici, Cosimo il vecchio; 1389–1464).

очереди. Другой издали показывает знаки обожания. Птица уселась на стене. По стене проросло какое-то растение». Не осталась без пристального разгляда и наиболее знаменитая работа Боттичелли: «Рожд<ение> Венеры на раковине. Море какими-то барашками. Венера золотовол<осая> (всю укутали), покат<ые> плечи, нежн<ая> белизна»[5].

Записи Анненского свидетельствуют о том, что, находясь во Флоренции, он провел в галерее Уффици, вглядываясь в шедевры старых мастеров, так много времени, что вряд ли мог бы спутать Боттичелли с Россо Фьорентино, а также о том, что разница между Боттичелли и Боттичини была ему хорошо известна.

В том месте, где Анненский фиксирует свои впечатления от визита в Пинакотеку Болоньи, имеется описание картины представителя болонской школы живописи Доменикино (Доменико Дзампьери; 1581–1641) «Мученичество святой Агнессы» (*ил. 6*), созданной через сто с лишним лет после смерти Боттичелли (работа датируется 1619–1621 гг.). Анненский отмечает: «Ангелы-музыканты красивы, но не вдохновенны. Арфа, флейта, виолончель»[6].

Этот небожитель с неожиданно современным, да к тому же обладающим печальным тембром музыкальным инструментом в руках, несмотря на отмеченный недостаток («красивы, но не вдохновенны»), видимо, запал в душу Анненскому, поскольку встречаем его мы не только в «Тоске возврата», но и во второй раз — в стихотворении в прозе «Сентиментальное воспоминание» (1908), где говорится о серафиме с «меловым» лицом и присутствует та же, что и на полотне Доменикино, правда, без надрывно драматического пафоса, слоистая пространственная композиция: «Все это сложно, господа. И ей-богу же, я не знаю — если точно когда-нибудь раскрывается над нами лазурь и серафим, оторвав смычок от своей небесной виолончели, прислушивается с беглой улыбкой воспоминания на меловом лице к звукам нашей музыки — что, собственно, в эти минуты он слушает: что ему дорого и близко? — хорал ли Баха в Миланском соборе или Valse des roses, как играет его двухлетний ребенок, безжалостно вертя ручку своего многострадального органчика в обратную сторону» [1, с. 217].

Что же касается серафима из «Тоски возврата», то рискнем предположить, что имя Боттичелли появилось в этом тексте по двум причинам. Во-первых, ради рифмы к «виолончели», а во-вторых, —

[5] РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 266.

[6] РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 263.

Илл. 6. Доменикино. Мученичество святой Агнессы (1619–1621) (Фрагмент)
Fig. 6. Domenichino. The Martyrdom of Saint Agnes (1619–1621) (A Fragment)

чтобы «боттичелиевская» голова компенсировала отсутствие «вдохновенности» у ангела-виолончелиста работы Доменикино.

Немаловажная деталь: «немые тени» у Анненского во второй строфе неслучайно идут именно «чрез северный портал», то есть выходят из церкви не через главный вход, которым традиционно служит западный портал, хотя ритмика строки и позволяет использовать в ней слово «западный». Тени двигаются на север, поскольку вызывающий тоску возврат — это не только возврат из дня в ночь и метафорический возврат из жизни в смерть, но и возврат из южной, теплой, сияющей красками Италии в северную, холодную и темную по сравнению с Италией Россию. В таком контексте «локон золотой», являющий собой эмблему творчества Боттичелли, одновременно отсылает нас к пушкинскому «Город пышный, город бедный…», где

под сводом «небес зелено-бледным», на фоне «холода и гранита» ходит «маленькая ножка» ангелоподобной Анны Олениной и вьется ее «локон золотой».

Таким образом, загадочный серафим Анненского на поверку оказывается своего рода гомункулом, составленным из разнородных деталей, позаимствованных у Доменикино, Боттичелли и Пушкина, но сконструированным настолько точно и тонко, что вызывает искреннее восхищение талантом его создателя.

Литература

1. *Анненский И.Ф.* Стихотворения и трагедии / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Федорова. Л.: Сов. писатель, 1990. 640 с.

2. *Гребнева М.П.* Флорентийские ассоциации Иннокентия Анненского. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/florentiyskie-assotsiatsii-innokentiya-annenskogo.pdf (дата обращения: 29.04.2024).

3. *Дубровкин Р.М.* Стефан Малларме и Россия. Берн: Peter Lang, 1998. 565 с.

4. *Кривич В.И.* Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам // Иннокентий Анненский глазами современников. СПб.: Росток, 2011. С. 41–84.

5. *Марков А.В.* Как серафим у Боттичини // *Марков А.В.* Пальмы Сиона: 42 этюда об экфрасисе в поэзии. [Б. м.]: Издательские решения, 2016. С. 125–127.

6. Письма И.Ф. Анненского из Италии / публ. М.Г. Эдельман // Встречи с прошлым: сб. материалов. М.: Русская книга, 1996. Вып. 8. С. 21–47.

7. *Подворная А.В.* «Как серафим у Боттичелли» (Квазиэкфрасис в стихотворении И. Анненского «Тоска возврата») // Встречи и диалоги в смысловом поле культуры: материалы научной междисциплинарной конференции. Омск: ОмПГУ, 2016. С. 191–200.

Research Article

Hunting for an Angel (About a “Mysterious” Image in the Poem by Innokenty Annensky)

© 2025. Ioanna B. Delektorskaya
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: Based on hitherto unpublished notebooks of I.F. Annensky from the time of his trip to Italy (1890), the article examines the origin of the crucial image (a seraphim with a cello) in Annensky’s poem “Yearning of Return.” The commentary tradition has put forward a number of assumptions about the work of which of the old Italian masters could be discussed in the poetic ekphrasis of the Russian poet. Botticelli, mentioned in “Yearning of Return,” set the chronological vector of the search among his contemporaries, but it was not possible to find a suitable image that

inspired Annensky. Meanwhile, his notebook records the impressions of the painting by the Italian artist of the early 17th century Domenichino (Domenico Zampieri) "The Martyrdom of Saint Agnes" in the Pinacoteca di Bologna: "The angel-musicians are beautiful, but not inspired. Harp, flute, cello" (RGALI). Probably, this same painting was recalled by Annensky in the poem in prose "Sentimental Memory" (1908), where the seraph with the "heavenly cello" appears again.

Keywords: I.F. Annensky, lyrics, poetics, quasi-ekphrasis, intertextual connections, "Yearning of Return," Italy, notebooks, Botticelli, Domenichino.

Information about the author: Ioanna B. Delektorskaya, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia., Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-2467-4886

E-mail: i_delektorskaia@mail.ru

For citation: Delektorskaya, I.B. "Hunting for an Angel (About a 'Mysterious' Image in the Poem by Innokenty Annensky)." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 198–208. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-198-208

References

1. Annenskii, I.F. *Stikhotvoreniia i tragedii* [*Poetry and Tragedy*], introd. article, text prep. and notes by A.V. Fedorov. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 640 p. (In Russ.)

2. Grebneva, M.P. *Florentiiskie assotsiatsii Innokentiia Annenskogo* [*Florentine Associations of Innikenty Annensky*]. Available at: file:///C:/Users/User/Downloads/florentiyskie-assotsiatsii-innokentiya-annenskogo.pdf (Accessed 29 April 2024). (In Russ.)

3. Dubrovkin, R.M. *Stefan Mallarme i Rossiia* [*Stephane Mallarmé and Russia*]. Bern, Peter Lang Publ., 1998. 565 p. (In Russ.)

4. Krivich, V.I. "Innokentii Annenskii po semeinym vospominaniiam i rukopisnym materialam" ["Innokenty Annensky Through Family Memories and Manuscripts"]. *Innokentii Annenskii glazami sovremennikov* [*Innokenty Annensky Through the Eyes of Contemporaries*]. St. Petersburg, Rostok Publ., pp. 41–84. (In Russ.)

5. Markov, A.V. "Kak serafim u Bottichini" ["Like Botticini's Seraph"]. Markov, A.V. *Pal'my Siona: 42 etiuda ob ekfrasise v poezii* [*Palms of Zion: 42 Studies on Ekphrasis in Poetry*]. [S. l.], Izdatel'skie resheniia Publ., 2016, pp. 125–127. (In Rus.)

6. *Pis'ma I.F. Annenskogo iz Italii* [*Letters by I.F. Annensky from Italy*], publ. by M.G. Edel'man. *Vstrechi s proshlym: sbornik materialov* [*Meetings with the Past: Collection of Articles*]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1996, pp. 24–47. (In Russ.)

7. Podvornaia, A.V. "'Kak serafim u Bottichelli' (Kvaziekfrasis v stikhotvorenii I. Annenskogo 'Toska vozvrata')" ["'Like Botticelli's Seraphim' (Quasi-Ecphrasis in I. Annensky's Poem 'The Longing of Return')"]. *Vstrechi i dialogi v smyslovom pole kul'tury: materialy nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii* [*Meetings and Dialogues in the Semantic Field of Culture: Proceedings of the Scientific Interdisciplinary Conference*]. Omsk, Omsk State Pedagogical University Publ., pp. 191–200. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.08.2024
Одобрена после рецензирования: 10.11.2024
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 05.18.2024
Approved after reviewing: 10.11.2024
Date of publication: 25.03.2025

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0; 801.73
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-209-222
https://elibrary.ru/YQRYWM

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Страница поэтического диалога С.А. Есенина и Н.А. Клюева: О датировке стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся…»

© 2025, С.А. Серегина, С.И. Субботин
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-01038 «Н.А. Клюев и С.А. Есенин в диалоге с классиками и современниками: традиции и новаторство»).

Аннотация: В статье последовательно рассмотрены этапы творческой истории стихотворения С.А. Есенина «Край любимый! Сердцу снятся…». Впервые воспроизведено факсимиле автографа первого варианта произведения (из альбома литератора И.В. Репина), в котором выявлены не учтенные в Полном собрании сочинений С.А. Есенина (1995–2001) разночтения. Выдвигается гипотеза о передатировке стихотворения с 1914 г. на 1915 г. Основанием для гипотезы становится, прежде всего, дата записи стихотворения Есениным в альбом Репина 1 октября 1915 г., а также факт первой прижизненной публикации в декабре 1915 г. (газета «Биржевые ведомости»). Посредством метода сравнительного анализа ныне известных вариантов текста есенинского стихотворения с произведениями Н.А. Клюева весны–лета 1915 г. выявлены конкретные текстуальные переклички, на основании которых сделан вывод о том, что эти произведения послужили источниками стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся…». Утверждается, что окончательная редакция первых двух строк текста возникла у Есенина в 1920 г. в результате стремления освободиться от «религиозной символики» в своем творчестве, появившейся у поэта в 1910-е гг. в том числе под влиянием Клюева.

Ключевые слова: С.А. Есенин, Н.А. Клюев, стихотворение, образ, датировка.

Информация об авторах: Светлана Андреевна Серегина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1695-5464

E-mail: serjogina@mail.ru

Субботин Сергей Иванович — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7865-9724

E-mail: serg_subbotin@mail.ru

Для цитирования: *Серегина С.А., Субботин С.И.* Страница поэтического диалога С.А. Есенина и Н.А. Клюева: О датировке стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся…» // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 209–222. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-209-222

Датировка произведения является важнейшим фактом, который лежит в основании реконструкции литературного процесса эпохи. Частный случай такой реконструкции касается выявления и анализа творческих связей писателей. Однако возможна и обратная ситуация. В отдельных случаях яркая манифестация диалога в биографии и творчестве двух авторов может подвигать к пересмотру датировки произведения: несомненно, только в том случае, если для подобного пересмотра есть текстологические основания.

Влияние Н.А. Клюева на С.А. Есенина можно назвать литературным фактом, который осознавал сам Есенин, называя «песенного брата» своим «учителем» [10, с. 275] и поэтом, научившим его лиричности [3, т. 7 (1), с. 19]. Даже после распада их творческого союза Есенин признавался Клюеву: «А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь» [3, т. 6, с. 129]. Подобные признания не остались без внимания исследователей, плодотворно писавших о содержании «скрытого диалога» двух поэтов и его подтекстах[1]. Это направление в есениноведении коснулось и вопросов датировки. Так, удалось уточнить датировки стихотворений «О муза, друг мой гибкий…»[2] и «Под красным вязом крыльцо и двор…»[3]. Подобное уточнение неизменно сопряжено с конкретными источниковедческими разысканиями и выявлением непосредственных текстуальных перекличек. Фиксация такого рода перекличек (ранее ускользавших от внимания исследователей) оказывается возможной, когда сравнительному анализу подвергаются не только окончательные редакции произведений, но и их более ранние варианты.

«Край любимый! Сердцу снятся…» — хрестоматийное стихотворение, отмеченное зрелым поэтическим мастерством Есенина:

[1] См., напр.: [5; 9; 11; 12; 14].

[2] См. об этом: [14, с. 111–114].

[3] См. об этом: [11].

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

По меже на переметке
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы, кроткие монашки.

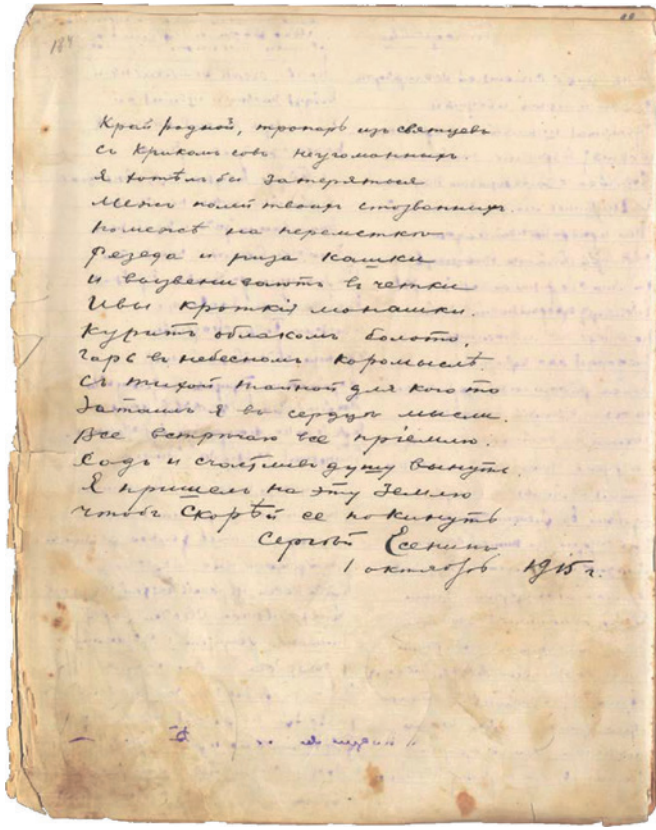
Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть [3, т. 1, с. 39].

Яркая художественная выразительность, раскованная свобода поэтического языка, зримые метафорические образы, сменяющие друг друга в живописных зарисовках «любимого» края, наконец, характерная для Есенина впечатляющая и запоминающаяся *странность* стихотворной фразы («Курит облаком болото, // Гарь в небесном коромысле»), — все это заставляет вспомнить слова, сказанные поэтом о его творческом методе в «Автобиографии» (<1923>): «Крайне индивидуален» [3, т. 7 (1), с. 12]. Впрочем, индивидуальность формы и содержания художественного произведения не отменяют его укорененности в предшествующей и сопутствующей ему литературной традиции. Реконструкция истории текста этого стихотворения на конкретном примере позволяет понять центральную линию поэтического диалога Клюева и Есенина: яркое сближение и последовавшее за ним стремление Есенина освободиться от поэтических примет клюевского влияния в своих произведениях.

Творческий диалог Есенина с Клюевым полнее ощущается при обращении к вариантам текста стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся…», нежели к его окончательной редакции, — несмотря на то, что эта вариативность преимущественно касается только первых двух строк.

В Полном собрании сочинении С.А. Есенина (1995–2001) произведение датировано 1914 г. по авторской помете в наборном экземпляре Собрания стихотворений, над которым Есенин работал во второй половине 1925 г.[4]

Край любимый, тропарь мой свети
Я с тобой как с святыней знакомый.
Я хотел бы затерянной
Между полей твоих отроковицей
Помолиться на перелеске
Резеда и ряса кашки
И сплетенные в четки
Ивы кроткий монашки.
Курится облаками болото,
Гарь в небесном кадиле
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.
Все встречаю все приемлю.
Сердце счастьем душу вынуть
И пришел на эту землю
Чтобы скорбь ее покинуть

Сергей Есенин
1 октября 1915 г.

Автограф первого варианта стихотворения
«Край любимый! Сердцу снятся…»
Государственный музей-заповедник С.А. Есенина
ОНФ 9623. Ф. 1. Ед. хр. 69. Л. 91
Autograph of the first version of the poem "Beloved Land! My Heart Dreams of..."
The S.A. Yesenin State Museum-Reserve
ONF 9623, coll. 1, unit 69, p. 91.

Беловой автограф произведения (самый ранний из известных по времени) относится к октябрю 1915 г.: это запись в альбом москов-

[4] На заключительном этапе все датировки в наборном экземпляре были вычеркнуты. См. об этом: [7, с. 404–417; 13].

ского литератора И.В. Репина, сделанная 1 октября[5]. Данный источник текста, ныне хранящийся в Государственном музее-заповеднике С.А. Есенина, является его первым вариантом[6].

При подготовке Полного собрания сочинений С.А. Есенина этот вариант был учтен частично, т. к. в 1990-х гг. местонахождение автографа было неизвестно[7]. А.А. Козловский, составитель первого тома собрания, дал сведения об автографе по неточному описанию И.В. Евдокимова, которое он как редактор сделал для четвертого тома Собрания стихотворений Есенина, подготовленного в Госиздате в 1926–1927 гг.[8] Т. о., следуя этому описанию, А.А. Козловский учел разночтения между этим вариантом и окончательной редакцией не полностью. Так, в разделе «Варианты» первого тома Полного собрания сочинений С.А. Есенина даны первые строки альбомного автографа:

Край родной, тропарь из святцев
С криком сов неугомонных [3, т. 1, с. 315].

Однако отсутствует разночтение, упущенное Евдокимовым. Четвертая строка — «В зеленях твоих стозвонных» — имеет иной вид: «Меж полей твоих стозвонных». Эти варианты первой, второй и четвертой строк наличествуют только в этом источнике текста. Еще одной его особенностью является отсутствие разбивки на четверостишия[9]. Рукопись с подписью «Сергей Есенин» датирована автором: «1 октября 1915 г.», — что, очевидно, является датой записи текста в альбом Репина.

В дневнике Б.А. Лазаревского (ИРЛИ) в составе записи от 21 октября 1915 г. сохранился есенинский автограф последней строфы с его подписью[10]: фрагментарный характер автографа не позволяет отнести его к какому-либо из ныне известных вариантов.

---

[5] См. о ней: [3, т. 7 (2), с. 51; 8, т. 1, с. 263; 15, с. 433].

[6] Печатное воспроизведение текста есенинского автографа предварено автором материала (В.С. Титовой) ошибочной датировкой: «28.06.1916» [15, с. 433].

[7] См. об этом в комментарии А.А. Козловского: «По свидетельству И.В. Евдокимова, имелся еще один автограф, принадлежавший И.В. Репину <…>, был ли он датирован — не указано; местонахождение автографа в настоящее время неизвестно» [7, с. 459].

[8] См.: [4, с. 327].

[9] Седьмая строка стихотворения имеет разночтение с более поздними вариантами: это глагольное образование «вызвенивают» (вместо последовавшего, начиная с «Радуницы», глагола «вызванивают»). В таком же виде строка вошла в состав первой публикации произведения в «Биржевых ведомостях» (о ней см. ниже). Однако считать это разночтение «вариантом» представляется затруднительным, т. к. «вызвенивать» является грамматически неточной формой глагола «вызванивать».

[10] ИРЛИ. Ф. 145. № 10. Л. 30. Упоминание автографа (без архивного шифра): [7, с. 459].

Следующий этап творческой истории произведения — публикация под заглавием «Край родной» 25 декабря 1915 г. в рождественском выпуске «Биржевых ведомостей» (№ 15290). Здесь первые две строки имеют другую редакцию, что позволяет определить этот текст в целом как второй вариант стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся…»:

Край родной! Поля, как святцы,
Рощи в венчиках иконных…[3, т. 1, с. 315].

Этот вариант отражен в автографе (ГМИРЛИ), принадлежавшем, по свидетельству С.А. Толстой-Есениной, М.П. Мурашеву и на этом основании отнесенном ею к 1916 г.[11], а также в публикациях стихотворения в 1916–1918 гг.: в сборниках «Радуница» и «Весенний салон поэтов»[12]. В книге «Телец», подготовленной Есениным для Госиздата в 1919 г.[13], также сохранен вариант опубликованного поэтического зачина[14].

Потерпев неудачу с изданием «Тельца», Есенин в 1920 г. начинает работу над подготовкой книги «Руссеянь» (также не выходила). Сохранившийся оригинал-макет книги (ИМЛИ РАН) содержит авторскую правку, слои которой раскрывают окончательный этап работы Есенина над началом стихотворения:

I Край родной! Поля, как святцы,
Рощи в венчиках иконных.

II Край родной! Туман, как ряса,
Лунный лебедь в водах лонных.

III Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в нивах лонных.

[11] См. об этом: [7, с. 459].

[12] См. раздел «Варианты» в Полном собрании сочинений С.А. Есенина: [3, т. 1, с. 315].

[13] Книга поступила в Госиздат до 24 ноября 1919 г. и дошла до стадии верстки. Однако печать сборника была приостановлена: «Возможно, Есенин, узнав о последовавшей приостановке печатания сборника в Госиздате, пытался издать “Телец” в книгоиздательстве “Имажинисты” <…>. Спустя несколько месяцев Есенин делает еще одну попытку выпустить “Телец” под маркой собственного издательства “Злак”. Однако оба эти издания не состоялись» // [3, т. 7 (3), с. 83]. В 2020 г. издание «Тельца» по сохранившейся верстке было осуществлено Государственным музеем-заповедником С.А. Есенина.

[14] См. цифровую копию верстки на сайте Рязанской областной универсальной научной библиотеки имени Горького: URL: https://info.rounb.ru/elbibl/bibl7/6618.pdf (дата обращения: 23.11.2024).

IV *как в тексте* [3, т. 1, с. 315].

В черновике к Автобиографии 1925 г. Есенин писал: «Не будь революции, я, может быть, так бы и засох на религиозной символике [или] развернулся талантом не в ту [и ненужную] сторону» [3, т. 7 (1), с. 356]. Слои финальной правки стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся…» раскрывают не только само стремление Есенина освободиться в 1920 г. от «религиозной символики», но и то, что это давалось ему не просто. Отказавшись вначале от образа рощ в «венчиках иконных», поэт приходит к типологически близкому метафорическому сравнению тумана с «рясой» и лишь затем возникают хрестоматийные строки, которые зачастую трактуются как образец поэтического мастерства «раннего» Есенина.

Есенин работал над «Руссеянью» в апреле–июне 1920 г. [8, т. 2, с. 354–355]. В июне же он пишет А.В. Ширяевцу: «Потом брось ты петь эту стилизационную клюевскую Русь с ее несуществующим Китежем и глупыми старухами, не такие мы, как это все выходит у тебя в стихах. Жизнь, настоящая жизнь нашей Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества. Все это, брат, было, вошло в гроб, так что же нюхать эти гнилые колодовые останки?» [3, т. 6, с. 113]. Финальный вопрос, заданный А.В. Ширяевцу, содержит аллюзию на строки клюевского стихотворения «Есть в Ленине керженский дух...» (1918): «Там нищий колодовый гроб // С останками Руси великой» [6, с. 378]. Свое желание отмежеваться от «несуществующего Китежа» и «стилизационной клюевской Руси» Есенин оформил в виде поэтического манифеста уже в 1918 г. — в стихотворении «Теперь любовь моя не та…», упрекнув «песенного брата» в несостоятельности его жизнетворческих притязаний. В стихотворении «На Кавказе» (1924) Есенин иронически назовет Клюева «ладожским дьячком»: это наименование призвано будет явственно обозначить отношение поэта не только к старшему товарищу, но и к той «религиозной символике», которой сам Есенин отдал дань в 1910-е гг. в т. ч. благодаря Клюеву. Правка начала стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся…», осуществленная Есениным при подготовке «Руссеяни» в 1920 г., органично вписывается в эту линию освобождения от «религиозной символики» и клюевского влияния, которую Есенин проводил в послереволюционные годы.

Клюевское присутствие в творческой истории стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся…» отмечено, прежде всего, на формальном уровне. В «Биржевых ведомостях» есенинское

произведение было напечатано на одной странице со стихотворением Клюева «Сегодня в лесу именины…» (<1914>)[15] — также не лишенным «религиозной символики» в пейзажной зарисовке «родного края»:

Сегодня в лесу именины,
На просеке пряничный дух,
В багряных шугаях осины
Умильней причастниц-старух.

Пышней кулича муравейник…[6, с. 212].

В день публикации стихотворения Есенин и Клюев вместе посетили А.А. Ахматову и Н.С. Гумилева у них дома в Царском Селе [8, т. 1, с. 303]. Ахматова вспоминала слова Клюева о рождественской выпуске «Биржевых ведомостей»: «<…> Мой Сереженька со всеми знатными пропечатан, да и я удостоился» [1, с. 156]. Напечатать произведения двух поэтов на одной странице, очевидно, было редакторским решением. Однако оно могло быть продиктовано тем обстоятельством, что Клюев к концу 1915 г. уже воспринимался современниками, говоря словами Ахматовой, «“вечным спутником”» Есенина [1, с. 156]. Первое совместное появление произведений поэтов в столичной печати производит впечатление программной публикации, которая должна была знаменовать собой восхождение на литературный Олимп нового творческого союза.

Поэты познакомились лично в начале октября 1915 г. и у них, по воспоминаниям самого Есенина, «завязалась <…> большая дружба» [3, т. 7 (1), с. 19]. Этой завязи предшествовала полугодовая переписка и обмен мнениями о произведениях друг друга.

Из эпистолярного диалога (который сохранился не полностью) или непосредственно по журнальным публикациям Есенин мог познакомиться с клюевскими произведениями 1915 г., полновесный отзвук которых слышится в ранних вариантах стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся…».

Речь, прежде всего, идет о стихотворении «Лесные сумерки — монах…», вышедшем в майском номере журнала «Северные записки» (№ 4)[16]. Журнал входил в круг чтения поэта: в сдвоенном

[15] См.: Биржевые ведомости. 1915. № 15290. (Утр. вып.). С. 5. Стихотворение Клюева опубликовано под заголовком «Сегодня в лесу».

[16] См. также об этом кратко здесь: [12, с. 249–250].

июльско-августовском номере появится его поэма «Русь», а сам Есенин весною 1915 г. часто бывает в редакции журнала[17].

Есенинское сравнение «края родного» с «тропарем из святцев», которое возникает в альбомном автографе, прямо соотносится с метафорическим образом из произведения Клюева:

Лесные сумерки — монах
За узорочным Часословом,
Горят заставки на листах
Сурьмою в золоте багровом

И богомольно старцы-пни
Внимают звукам часословным...
Заря, задув свои огни,
Тускнеет венчиком иконным [6, с. 258].

Клюевский Часослов отзывается в есенинском Месяцеслове, который Есенин называет по народной традиции «святцы»: оба поэта используют метафорическое сравнение природы с богослужебной книгой. Начальные строки стихотворений Клюева и Есенина схожи синтаксисом безглагольного именного предложения: «Лесные сумерки — монах» и «Край родной, тропарь из святцев». Есенинский образ ив — «кротких монашек» явственно перекликается с заглавным образом клюевского стихотворения. Наконец, самое существенное. Именно из восьмой строки клюевского стихотворения Есенин прямо позаимствовал образ «венчика иконного», который возникает во втором варианте его стихотворения: «Рощи в венчиках иконных».

Еще одно значительное текстуальное совпадение выявляется при сравнении первого варианта есенинского произведения с «Мирской думой» Клюева, впервые напечатанной 5 июля 1915 г. в журнале «Огонек» (№ 27). Напомним, что через три недели, 26 июля, в этом же журнале (№ 30) под заглавием «Рекруты» будет опубликовано стихотворение Есенина «По селу тропинкой кривенькой…». Т. о. «Огонек» также был в орбите внимания Есенина.

В «Мирской думе» вновь возникает сравнение природы с богослужебной книгой. Однако на этот раз «тропарь» упомянут прямо:

И тропарь зеленый кто учует,
Тот на тварь обуха не поднимет… [6, с. 265]

[17] См. об этом: [8, т. 1., с. 225].

Этот непосредственный исток есенинского сравнительного образа («край родной, тропарь из святцев») в лирике Клюева 1915 г. кажется тем более несомненным, что еще одно его присутствие можно усмотреть в стихотворении «Рыжее жнивье — как книга…», также впервые увидевшем свет в июльском «Огоньке» (№ 28). Здесь вновь (в третий раз за первую половину 1915 г.) Клюев обращается к метафоре *природа — священная книга*:

Рыжее жнивье — как книга,
Борозды — древняя вязь,
Мыслит начётчица-рига,
Светлым реченьям дивясь [6, с. 260].

Для наглядности можно представить в виде таблицы описанную выше систему текстуальных совпадений между вариантами стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся…» осени–зимы 1915 г. и лирикой Клюева весны–лета 1915 г.

1 вариант (окт. 1915 г.)	Лесные сумерки — *монах*
Край родной, *тропарь* из *святцев*	За узорочным *Часословом*
С криком сов неугомонных	Горят заставки на листах
Я хотел бы затеряться	Сурьмою в золоте багровом
Меж полей твоих стозвонных.	
По меже на перелеске	И богомольно старцы-пни
Резеда и риза кашки	Внимают звукам часословным.
И вызванивают в четки	Заря, задув свои огни,
Ивы кроткие *монашки.*	Тускнеет *венчиком иконным*.
	***
2 вариант (дек. 1915)	И *тропарь* зеленый кто учует…
Край родной, *тропарь* из *святцев*	***
Рощи в *венчиках иконных*…	Рыжее жнивье — как *книга*

Автограф в альбоме И.В.Репина датирован 1 октября 1915 г., тогда как уже 21 октября Клюев и Есенин совместно выступают в редакции «Ежемесячного журнала», где Есенин читает свое стихотворение[18]. Включение этого произведения в программу выступления, несомненно, было согласовано с Клюевым. Такому же согласованию, судя по всему, был подвергнут выбор Есениным стихотворения для

[18] Отмечено А.А. Козловским: [7, с. 459].

рождественского выпуска «Биржевых ведомостей». Перерабатывая для этой газетной публикации начало стихотворения, Есенин отказывается от образа «тропаря», однако вводит сравнение «поля, как святцы», близкое содержательно и типологически клюевскому сравнению в заглавной строке стихотворения «Рыжее жнивье — как книга…». Здесь же появляются «венчики иконные» — прямое заимствование из восьмой строки стихотворения «Лесные сумерки — монах…». И лишь в 1920 г. Есенин отказывается от «следов» того клюевского постоянного «присутствия», которое он сам ощущал и о котором писал Клюеву в декабре 1921 г.

Образная, лексическая близость есенинского стихотворения к произведениям Клюева, конкретные текстуальные совпадения, — все это утверждает в мысли, что именно клюевские произведения 1915 г. стали непосредственным источником стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся…». Датированный автограф 1915 г. и первая публикация этого же года образуют дополнительное фактическое основание для возможного пересмотра датировки произведения в пользу 1915 г. Стоит здесь напомнить, что многие есенинские датировки своих стихов, выполненные в 1925 г., ранее неоднократно подвергались сомнению (см. об этом, например: [13, с. 58, 60–61]).

Литература

1. *Ахматова А.А.* Сергей Есенин // Наш современник. 1990. № 10. С. 156–160.

2. *Бельская Л.Л.* Песенное слово: Поэтическое мастерство С. Есенина. М.: Просвещение, 1990. 144 с.

3. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995–2001.

4. *Есенин С.А.* Собр. стихотворений: в 4 т. / сост. и предисл. И.В. Евдокимова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. Т. 4. 502 с.

5. *Киселева Л.А.* Есенин и Клюев: скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) // Николай Клюев. Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С. 183–198.

6. *Клюев Н.А.* Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы / предисл. Н.Н. Скатова; вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.

7. *Козловский А.А.* Комментарии // *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1. С. 385–664.

8. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. М.: ИМЛИ РАН, 2003–2018.

9. *Михайлов А.И.* Пути развития новокрестьянской поэзии. Л.: Наука, 1990. 277 с.

10. С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2-х т. / вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. 511 с.

11. *Серегина С.А.* Диптих С.А. Есенина о звуке «Под красным вязом крыльцо и двор…» и «Твой глас незримый, как дым в избе…»: контекст, поэтика, датировка // Studia Litterarum. 2023. № 1. С. 302–323. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-302-323

12. *Серегина С.А.* Николай Клюев и Сергей Есенин: диалог с эпохой / науч. ред. С.И. Субботин. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 816 с.

13. *Субботин С.И.* Авторские датировки в «Собрании стихотворений» Сергея Есенина (1926): Невостребованные документальные материалы // De visu. 1993. № 11. С. 58–61.

14. *Субботин С.И.* Есенин и Клюев: К истории творческих взаимоотношений // О, Русь, взмахни крылами. Есенинский сборник. М.: Наследие, 1994. Вып. 1. С. 104–120.

15. *Титова В.С.* Альбом И.В. Репина в фондовом собрании Государственного музея-заповедника С.А. Есенина // Сергей Есенин и русская история: сб. трудов по мат-лам Междунар. науч. конференции, посв. 117-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина и Году российской истории. М.; Константиново; Рязань: [ИМЛИ РАН], 2013. С. 427–451. (Серия «Есенин в XXI веке». Вып. 1)

Research Article

A Page of the Poetic Dialogue Between S.A. Yesenin and N.A. Klyuev: About the Dating of the Poem “Beloved Land! My Heart Dreams of...”.

© 2025. Svetlana A. Seregina, Sergey I. Subbotin
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-28-01038 “N.A. Klyuev and S.A. Yesenin in Dialogue with Classics and Contemporaries: Traditions and Innovations.”

Abstract: The article consistently examines the stages of the creative history of S.A. Yesenin’s poem “Beloved Land! My Heart Dreams of...”. For the first time, we reproduce a facsimile of the autograph of the first version of the work (from the album of the writer I.V. Repin), revealing discrepancies not taken into account in the Complete Works of S.A. Yesenin (1995–2001). The article puts forward a hypothesis about the dating of the poem from 1914 to 1915. The basis for the hypothesis is, first of all, the date with which the poet signed his poem in Repin’s album — October 1, 1915, as well as the fact of the first lifetime publication in December 1915 (*Birzhevye Vedomosti* newspaper). Using the method of comparative analysis of the currently known versions of the text of Yesenin’s poem with the works of N.A. Klyuev in the spring and summer of 1915, the article identifies specific textual comparisons, and concludes that these works served as sources of the poem “Beloved Land! My Heart Dreams of...”. The article argues that Yesenin elaborated the final version of the first

two lines of the text in 1920 as a result of his desire to free himself from “religious symbols” in his work, which appeared in the 1910s, partly under the influence of Klyuev.

Keywords: S.A. Yesenin, N.A. Klyuev, poem, image, dating.

Information about the authors: Svetlana A. Seregina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1695-5464

E-mail: serjogina@mail.ru

Sergey I. Subbotin, PhD in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7865-9724

E-mail: serg_subbotin@mail.ru

For citation: Seregina, S.A., and S.I. Subbotin. “A Page of the Poetic Dialogue Between S.A. Yesenin and N.A. Klyuev: About the Dating of the Poem ‘Beloved Land! My Heart Dreams of...’.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 209–222. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-209-222

References

1. Akhmatova, A.A. “Sergei Esenin” [“Sergey Esenin”]. *Nash sovremennik*, no. 10, 1990, pp. 156–160. (In Russ.)

2. Bel’skaia, L.L. *Pesennoe slovo: poeticheskoye masterstvo S. Esenina* [*The Song Word. Poetic Mastery of S. Esenin*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990. 144 p. (In Russ.)

3. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [*Collected Works: in 7 vols. (9 books)*], ed. by Iu.L. Prokushev. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995–2001.

4. Esenin, S.A. *Sobranie stikhotvorenii: v 4 t.* [*Collected Poems: in 4 vols.*], vol. 4, introd. article and comp. by I.V. Evdokimov. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel’stvo Publ., 1927. 502 p. (In Russ.)

5. Kiseleva, L.A. “Esenin i Kliuev: skrytyi dialiog (popytka chastichnoi rekonstruktsii)” [“Esenin and Klyuev: Hidden Dialogue (An Attempt of Partial Reconstruction)”]. *Nikolai Kliuev. Issledovaniia i materialy* [*Nikolai Klyuev: Research and Materials*]. Moscow, Nasledie Publ., 1997, pp. 183–198. (In Russ.)

6. Kliuev, N.A. *Serdtse Edinoroga: Stikhotvareniia i poemy* [*The Unicorn’s Heart: Lyrics and Poems*], introd. articles by N.N. Skatov and A.I. Mikhailov, comp. and notes by V.P. Garnin. St. Petersburg, Russian Christian Institute for Humanities Publ.,1999. 1072 p. (In Russ.)

7. Kozlovskii, A.A. “Kommentarii” [“Comments”]. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [*Complete Works: in 7 vols. (9 books)*], vol. 1. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995, pp. 385–664. (In Russ.)

8. *Letopis’ zhizni i tvorchestva S.A. Esenina: v 5 t.* [*Chronicle of the Life and Work of S.A. Yesenin: in 5 vols.*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2003–2018. (In Russ.)

9. Mikhailov, A.I. *Puti razvitiia novokrest’ianskoi poezii* [*Ways of Developing Novokrestyan Poetry*]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 277 p. (In Russ.)

10. *S.A. Esenin v vospominaniiakh sovremennokov: v 2 t.* [*S.A. Esenin in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols.*], vol. 1, introd. article, comp. and notes by A.A. Kozlovskii. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986. 511 p. (In Russ.)

11. Seregina, S.A. “Diptikh S.A. Esenina o zvuke ‘Pod krasnym viazom kryl’tso i dvor’ i ‘Tvoi glas nezrimyi, kak dym v izbe…’: kontekst, poetika, datirovka” [“S.A. Yesenin’s Diptich About the Sound: ‘Under the Red Elm, the Porch and the Yard...’ and ‘Your Voice Is Invisible, Like Smoke in a Hut...’: Context, Poetics, Dating”]. *Studia Litterarum*, no. 1, 2023, pp. 302–323. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-302-323 (In Russ.)

12. Seregina, S.A. *Nikolai Kl’uev i Sergei Esenin: dialog s epokhoi* [*Nikolay Klyuev and Sergey Yesenin: Dialogue with the Epoch*], acad. ed. by S.I. Subbotin. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 816 p. (In Russ.)

13. Subbotin, S.I. “Avtorskie datirovki v ‘Sobranii stikhotvorenii’ Sergeia Esenina (1926): Nevostrebovannye dokumental’nye materialy” [“The Author’s Dates in the ‘Collected Poems’ by Sergey Esenin (1926): Unclaimed Documentary Materials”]. *De visu*, no. 11, 1993, pp. 58–61. (In Russ.)

14. Subbotin, S.I. “Esenin i Kliuev: k istorii tvorcheskikh vzaimootnoshenii” [“Esenin and Klyuev: Towards the History of Creative Relationships”]. *O, Rus’, vzmakhni krylami. Eseninskii sbornik* [*Oh, Rus, Flap Your Wings. The Yesenin Collection*]. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 104–120. (In Russ.)

15. Titova, V.S. “Al’bom I.V. Repina v fondovom sobranii Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika S.A. Esenina” [“I.V. Repin’s Album in the Stock Collection of the S.A. Yesenin State Museum-Reserve”]. *Sergei Esenin i russkaia istoriia: sbornik trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 117-i godovshchine so dnia rozhdeniia S.A. Esenina i Godu rossiiskoi istorii* [*Sergey Yesenin and Russian History: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 117th Anniversary of S.A. Yesenin’s Birth and the Year of Russian History*]. Moscow, Konstantinovo, Ryazan, [IWL RAS Publ.], 2013, pp. 427–451. (Series “Esenin v XXI veke,” issue 1)

Статья поступила в редакцию:10.01.2025
Одобрена после рецензирования: 20.01.2025
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 10.01.2025
Approved after reviewing: 20.01.2025
Date of publication: 25.03.2025

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-223-245
https://elibrary.ru/XOAALA

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Откуда 13-е? (загадки датировки выступлений Блока с речью «О назначении поэта»)

© 2025, С.В. Федотова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о точной хронологии трех выступлений А. Блока со знаменитой речью «О назначении поэта» в феврале 1921 г. Показывается, что в научной литературе до сих пор существует разноречивая датировка этих событий (10, 11, 13, 14, 16, 21, 26 февраля), а также разнится их количество (3 или 4). На основе сопоставительного анализа различных сведений (в посмертных собраниях сочинений Блока, в дневниках, письмах, мемуарах современников) устанавливаются точные даты произнесения речи, а также выявляются три наиболее вероятных источника, спровоцировавших искажение фактов в дальнейших научных исследованиях. Согласно выдвигаемой гипотезе, к ним относятся дневниковая запись К.И. Чуковского, официальный отчет о Пушкинских днях в журнале «Вестник литературы» и заметка В.Ф. Ходасевича «К истории “Дней русской культуры”».

Ключевые слова: Блок, речь «О назначении поэта», Пушкинские дни, журнальный отчет, мемуары, дневники, Чуковский, Ходасевич, хронология.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9991-4966

E-mail: lucia-th@yandex.ru

Для цитирования: *Федотова С.В.* Откуда 13-е? (загадки датировки выступлений А. Блока с речью «О назначении поэта») // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 223–245. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-223-245

Проблема точной датировки создания произведений и фактов творческой биографии писателя нередко является предметом бурных дискуссий среди профессионалов, затрагивая различные стороны

текстологического, биографического и историко-культурного контекста[1]. Но в теоретических, проблемно-тематических, компаративистских или любых других по задачам исследованиях датировка событий обычно присутствует в виде проходных замечаний или общепризнанных положений, не требующих доказательств. Парадокс заключается, однако, в том, что в различных работах подобные констатации далеко не всегда согласуются между собой. В результате складывается противоречивая и запутанная ситуация: одни и те же факты датируются по-разному, но на каких основаниях дается та или иная датировка, по умолчанию не обсуждается. На очередном этапе научной рефлексии, добросовестно учитывающей предшествующие версии, это может привести к вольному или невольному искажению картины, а в худшем случае даже к гипостазированию мнимых событий, к «преумножению сущностей» в духе *поручика Киже*.

Именно так, на наш взгляд, обстоит дело со знаменитой речью Александра Блока «О назначении поэта», законченной 11 февраля (29 января) 1921 г.[2] и впервые прочитанной в тот же день на торжественном собрании в Доме литераторов. Мероприятие широко освещалось в печати и отразилось в воспоминаниях многих его участников[3]. Сохранились именные пригласительные билеты[4] и протоколы двух собраний. В первом из них зафиксированы решения предварительного совещания представителей литературных и культурно-просветительных организаций, состоявшееся 9 февраля 1921 г. для обсуждения вопросов об устройстве 11 февраля 1921 г. в Доме Литераторов торжественного собрания, посвященного памяти Пушкина. А именно, был утвержден день проведения мероприятия — 11 февраля; избраны председатель собрания (Н.А. Котляревский),

[1] См., например, показательную статью А.Л. Гришунина «Проблемы датировки произведений Пушкина» [8].

[2] Это авторская дата, стоящая в черновом автографе (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 305); при подготовке рукописи к печати в авторизованной копии, сделанной рукой матери, А.А. Кублицкой-Пиоттух, Блок переставил местами числа по новому и старому стилю: «29 января (11 февраля) 1921 г.» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 89).

[3] Мероприятие освещалось в печати [13, с. 26–27]; о нем оставили воспоминания Е.П. Казанович [23, с. 171–172]; Э. Голлербах [7, с. 292–293]; В.Ф. Ходасевич [26, т. 4, с. 82–84], А.И. Оношкович-Яцына [19, с. 400–403], Б.О. Харитон (Сегодня. 1926. № 173, 7 авг.) и др.

[4] В архиве Блока отложилось типовое приглашение с вписанным от руки именем адресата: «Пригласительный билет на Торжественное Собрание, устраиваемое в Доме Литераторов при Наркомпросе петербургскими литературными учреждениями и организациями в 84-ю годовщину смерти А.С. Пушкина — 11 февраля (29 января по ст. ст.) 1921 года, и посвященного вопросу об организации ежегодного всероссийского чествования памяти поэта. Произнесут речи: А.А. Блок, почетный академик А.Ф. Кони, М.А. Кузмин (стихи), Ф.К. Сологуб» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 3). Такие же билеты получили многие, в частности, Н.А. Котляревский [23, с. 169], Кузмин [11, с. 404], Чуковский [31, с. 361], П. Витязев (Ф.И. Седенко) (РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 3. Ед. хр. 4) и др.

члены президиума (А.Ф. Кони, представитель Отдела народного образования Михаил Федорович Кристи[5], А.А. Ахматова, А.А. Блок, Н.С. Гумилев, М.А. Кузмин, Б.Л. Модзалевский, И.И. Садофьев, Ф.К. Сологуб[6], В.Ф. Ходасевич и П.А. Щеголев); секретари (П.К. Губер и Б.И. Харитон) (ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 107). Второй документ — протокол самого торжественного заседания 11 февраля, однако, строго говоря, он не дает полного представления о реальном положении вещей. В нем воспроизведены выступления официальных лиц: К.А. Федина от Госиздата, И.С. Книжника от Петроградского Пролеткульта, А.Л. Волынского от издательства «Всемирная литература», А.Г. Фомина от Института книговедения, А.Е. Кауфмана от Общества взаимопомощи литераторов и ученых, М.П. Кристи от Отдела народного образования Петросовета. Сюда же приложены речи А.Ф. Кони и Н.А. Котляревского (ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 108), но речи Блока, как и стихотворения Кузмина, здесь нет[7].

Тем не менее из воспоминаний участников закрытого заседание в Доме литераторов совершенно отчетливо следует, что оно состояло из трех отделений. В первом прозвучали перечисленные в протоколе выступления официальных представителей литературных организаций Петрограда. Итогом этой части стало принятие Декларации о ежегодном чествовании Пушкина в день его смерти на всероссийском празднике памяти поэта. Во втором отделении — вступительное слово А. Кони, заключительное слово Н.А. Котляревского, стихотворение М.А. Кузмина «Пушкин» и речь Блока «О назначении поэта». После перерыва в третьем — был концерт (романсы и сцена «Письмо Татьяны» в исполнении М.И. Бриан). Речи Блока, Кони, стихотворение Кузмина и заключительное слово Котляревского впервые были опубликованы в журнале «Вестник литературы» (1921. № 3 (27)) в отделе «Летопись Дома литераторов».

Затем Блок дважды повторил выступление, о чем сообщал в письме к Н.А. Нолле-Коган от 2 марта 1921 г.: «Я трижды читал речь о Пушкине для Дома Литераторов — будет в их Пушкинском сборнике и, может быть, в “Вестнике литературы”» [14, т. 2, с. 350]. В хронологическом указателе произведений «Список моих работ» за 1921 г. он также отметил: «О назначении поэта. Речь, произнес<енная> на торж<ественном> засед<ании> в 84-ую годовщ<ину> Пушкина,

[5] Должность напечатана, для ФИО оставлено место, позднее заполненное карандашом.

[6] Вставка чернилами.

[7] Текст речи Блока, очевидно, был возвращен его наследникам, см. примеч. 2.

дважды повторенная (там и в университ<ете> — химич<еский> дворец. Февраль. Бел<овая>, печ<атная> из журн<ала>» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 373. Л. 21, 46).

Неуказанные даты повторного прочтения породили в дальнейшем их различные варианты. Но и первая, самая, казалось бы, бесспорная дата также попала под сомнение, о чем свидетельствуют разноречивые комментарии к статье «О назначении поэта» в посмертных собраниях сочинений Блока. Так, в кратком примечании к тексту в берлинском собрании сочинений (1923) день произнесения речи не указывается, дается лишь ссылка на ее первую публикацию в журнале «Вестник литературы», что подразумевает 11 февраля [2, с. 347]. В восьмом томе собрания сочинений в 12 т., вышедшем в «Издательстве писателей в Ленинграде» (1932–1936), сообщается: «…речь, читанная 10 февраля (29 января) на торжественном собрании в день 84-й годовщины смерти Пушкина в Доме литераторов (Петербург) и повторенная дважды — там же и в Петербургском университете» [3, с. 271][8]. В шестом томе собрания сочинений в 8 т. (1962) утверждается, что речь «была прочитана Блоком 13 февраля 1921 г. на вечере в Доме литераторов, посвященном 84-й годовщине со дня смерти Пушкина; чтение было повторено там же (26 февраля) и в Петроградском университете» [4, с. 515]. Эта же информация (с отсутствующей датой третьего выступления) воспроизводится в четвертом томе собрания сочинений в 6 т., вышедшем в 1982 г., с отсылкой к предыдущему изданию [5, с. 458].

Картина станет еще более зыбкой, если присоединить к ней примеры из научной литературы последних десятилетий. В содержательной статье З.Г. Минц «Блок и Пушкин» (впервые 1973 г.) попутно отмечено, что «Речь» была прочитана «Блоком трижды — 11, 13 и 16 февраля 1921 г.» [16, с. 255]. Эти же даты фигурируют в более поздних работах А.Е. Парниса [20, с. 159–160] и Е.В. Ивановой [9, с. 126]. В статье Н.В. Лощинской «Александр Блок и Пушкинский Дом» указаны 11, 13 и 26 февраля [23, с. 24]. А в публикации А. Устинова и В. Сажина — 11, 21 и 26 февраля [25, с. 95]. Возможно, встречаются и другие, не учтенные нами варианты, но и выявленных более чем достаточно: для трех выступлений Блока мы имеем как минимум семь вероятных дат: 10, 11, 13, 14, 16, 21, 26 февраля. Но и это еще не все. В фундаментальном коллективном труде «Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография» (под ред. А.Ю. Галушкина) выступление Блока

[8] Этот том, как и все остальные, вышел уже под ред. В.Н. Орлова, первые семь томов — под. ред. Иванова-Разумника при участии Д.М. Пинеса.

с пушкинской речью документируется уже четыре раза — 11, 13, 14, 26 февраля [13, с. 26–27, 29, 30, 35]. Наконец, такие авторитетные ученые, как Н.А. Богомолов и Дж. Малмстад, также допускали, что Блок мог выступить четырежды: «По поводу восемьдесят четвертой годовщины со дня смерти Пушкина в Доме литераторов 11 февраля 1921 года состоялось торжественное собрание (повторенное 13, 14 и 26 февраля), запечатленное во многих мемуарах, наиболее, как представляется, верно и точно — в воспоминаниях В.Ф. Ходасевича “Гумилев и Блок”» [6, с. 403]. К описаниям событий в версии Ходасевича мы еще не раз вернемся, а пока еще раз очертим наше проблемное поле.

До сих пор остается неясным, сколько раз Блок выступал с речью о «Назначении поэта» — три или четыре. В какие именно дни из вышеперечисленных это происходило? Что могло повлиять на неустойчивость датировки даже первого публичного прочтения, которое произвело на большинство очевидцев потрясающее впечатление и при этом подтверждается многими свидетельствами? На эти и другие вопросы мы попытаемся ответить, оставляя в стороне все содержательные аспекты блоковского выступления.

* * *

Для упрощения задачи начнем с известного приема исключения лишнего. Из семи обозначенных дат на удаление из списка претендуют прежде всего три — 10, 16 и 21 февраля. В первом случае очевидна ошибка датировки, связанная с календарной реформой, проведенной зимой 1918 г., когда после 31 января последовало сразу 14 февраля, т. е. для правильного времяисчисления необходимо было прибавлять к каждому соответствующему сроку 13 дней. В связи с этим день поминок по Пушкину ошибочно был назначен на 11 февраля (29 января по ст. ст.) 1921 г. Погрешность заключалась в том, что пересчет времени, учитывающий расхождение между юлианским и григорианским календарями, различается по отдельным столетиям: к примеру, в XVIII в. эта разница составляла 11 суток, в XIX в. — 12, а в XX–XXI вв. — 13 [10, с. 308–309]. В силу этого день рождения Пушкина (26 мая 1799 г.) выпадает по новому стилю на 6 июня (плюс 11 суток), а день смерти — на 10 февраля (плюс 12 дней). Сейчас это общеизвестно, но в послереволюционные годы существовала изрядная путаница. Тем не менее вряд ли можно признать удачным решение «исправить» дату выступления Блока на торжественном собрании в Доме литераторов на 10 февраля, как это было сделано в 12-титомном собрании сочинений. Фактически

мероприятие состоялось 11 февраля 1921 г., никак не раньше[9]. Что касается ничем не мотивированных дат 16 и 21 февраля, то по поводу первой из них, встречающейся как минимум у трех авторитетных исследователей, можно предположить, что в статью З.Г. Минц вкралась опечатка (вместо 26-го — 16-е), которая, по-видимому, была воспроизведена в последующих работах. О второй, имеющей эксклюзивный характер, не беремся даже гадать.

В дневнике М. Кузмина, трижды выступавшего вместе с Блоком, отмечены следующие даты: «11 (пятница)», «15 (понед.)» (ошибочно — в понедельник было 14-е) и 26-е [11, с. 444–445, 448]. В мемуарах Ходасевича указаны и подробно описаны два Пушкинских вечера: 11 и 26 февраля:

> Первый вечер состоялся 11 февраля 1921 года. Предстояли речи А.Ф. Кони, Н.А. Котляревского, Блока и моя. Кузмин должен был читать стихи. Я был болен, не успел подготовить речь к сроку и отказался выступить, но пошел на вечер. <…> Вечер был повторен три раза. Я наконец написал свою речь («Колеблемый треножник») и читал ее. «За кулисами», в ожидании своей очереди, мы с Блоком беседовали. В сущности, только в те вечера мы с ним говорили более или менее наедине. В последний раз (это было в здании Университета) так вышло, что в какой-то пустынной комнате, за холодным клеенчатым столом, просидели мы часа полтора. <…> В тот вечер, 26 февраля, он был печальнее, чем когда-либо [27, т. 4, с. 83, 85].

Выражение «вечер был повторен три раза» довольно неоднозначно. Его можно понять и как «всего три раза», и как (суммарно) четыре, включая торжественное заседание. В отличие от цитируемых воспоминаний, впервые появившихся спустя пять лет после описанных событий (День. 1926. 1, 7 авг.), в письме к В.Г. Лидину от 28 февраля 1921 г. Ходасевич излагал события более подробно, но по-прежнему не называл дату Пушкинского вечера, на котором он впервые выступил со своим докладом:

> Дом Литераторов задумал вести агитацию за превращение дня смерти Пушкина в день национального празднования. Составили комиссию. 11 февр<аля> (надо бы 10-го) было торжественное заседание с представителями ученых и литер<атурных> организаций, а также правительства. Потом был Пушкинский вечер. Говорили:

[9] Подобную «корректировку» событий предпринял К. Мочульский в книге «Александр Блок»: приводя воспоминания Э. Голлербаха о торжественном заседании в Доме литераторов, он исправил в исходной цитате 11 февраля на 10-е [17, с. 434–435].

> Блок, я и Эйхенбаум (уныло). Кузмин прочитал стихи. <…> 26-го повторяли вечер в Университете, завтра — опять в «Д<оме> Л<итераторов>». Мне это наскучило, хоть я и заработал около ста тысяч [21, с. 422–423].

В примечании к публикации сказано: «На торжественном Пушкинском вечере 11 февраля 1921 Ходасевич не присутствовал: был болен. Впервые прочел свою речь 14 февраля в Доме литераторов» [21, с. 424]. Здесь есть только одна неточность: Ходасевич, как мы знаем, был на торжественном собрании, однако не выступал. Отметим попутно, что сообщение о «завтрашнем» выступлении, т. е. о вечере 1 марта, по-видимому, не соответствует действительности: заключительный Пушкинский вечер планировался на 5 марта (см. ниже).

Первые две даты весомо подтверждаются письмами матери Блока, А.А. Кублицкой-Пиоттух. 16 февраля 1921 г. она сообщает М.П. Ивановой:

> Как мне было приятно Ваше письмо! И, знаете, Вы писали его в день смерти Пушкина — 29 января по ст<арому> стилю! В этот день за Сашей прислали санки и лошадь из Дома литераторов, где с нынешнего года положено справлять ежегодные поминки в этот день, и Саша поехал прочесть там свою речь о Пушкине. А в понедельник было повторение для публики, и Саша взял меня с собой опять-таки на санях, конечно. Не скажу, чтобы хорошее было торжество <…> но Сашина речь хороша <…> [14, кн. 3, с. 519].

Впечатления от второго вечера Александра Андреевна подробно описала в письме к сестре, М.А. Бекетовой, от 3 февраля (по ст. ст.):

> Была я на повторении Пушкинского торжества. Происходило это на Бассейной, в Доме Литераторов. <…> впечатление у меня осталось тяжелое. Торжества не вышло. Сашина речь хороша. И недурная — Ходасевича. Но Эйхенбаум наплел вздора и, по-моему, развенчал Пушкина. <…> Закрытое первое заседание (по словам Саши) было торжественнее. И Сашина речь там имела огромный успех. Здесь же публика ужасная, и густая атмосфера кадетства [1, с. 161].

На этом же вечере, 14 февраля, присутствовала М. Шагинян, оценившая выступление Ходасевича намного выше, чем Блока, и записавшая в дневнике, что поэт «повторил ту свою речь, с которой

он выступил на торжественном заседании» [32, с. 503]. Добавим к этому, что при републикации материалов Пушкинских торжеств в сборнике «Пушкин. Достоевский» (Пг.: Издание Дома Литераторов, 1921) в предисловии указываются те же самые дни проведения Пушкинского вечера — 11 и 14 февраля [22, с. 3–4].

Таким образом, хронология выступлений Блока с речью «О назначении поэта» включает три несомненные даты — 11, 14 и 26 февраля. Откуда же в научных работах появилось лишнее число (13-е)? Почему оно оказалось настолько правдоподобным, что попало наравне с реальными фактами в хронику литературного процесса Москвы и Петрограда послереволюционного времени? Почему, в конце концов, с ним иногда прямо связывают первое, апофеозное, прочтение речи Блоком?[10]

* * *

Для ответа на эти вопросы обратимся прежде всего к тематическому сайту «Пушкинские дни» (https://pushkindays.tilda.ws/memories). Здесь на основе воспоминаний, дневников и писем современников выстроена репрезентативная хронологическая канва событий, включающая уже известные нам три даты: 11 февраля 1921 г. — «Первый вечер», включая торжественное собрание памяти Пушкина в Доме литераторов; 14 февраля — «Второй вечер», там же; 26-го — «Третий вечер», в Университете на Васильевском острове. Избыточным, стало быть, признается все то же 13-е, с чем нельзя не согласиться. Обращают на себя внимание лишь два момента. Во-первых, все закавыченные названия не вполне точно отражают официальную программу Пушкинских торжеств, о чем речь пойдет ниже. Во-вторых, в двух публикуемых на сайте материалах, относящихся непосредственно к описанию торжественного заседания, все-таки фигурирует 13-ое — в дневнике К.И. Чуковского и в поздних воспоминаниях И.В. Одоевцевой. Во втором случае разработчики проекта резонно вносят уточняющую поправку[11], а в первом, как ни странно, — нет, и никаких разъяснений по этому поводу не дают.

[10] Помимо двух собраний сочинений, указанных выше, ср. также аналогичное утверждение Д.М. Магомедовой: «Блока не стало через пять месяцев после произнесения этой речи в Доме литераторов (13 февраля 1921 г.) по случаю 84-й годовщины со дня смерти Пушкина» [15, с. 59]; такая же датировка дается в примечании к словам А.М. Ремизова, обращенным к Блоку: «Февральские поминки Пушкина — это ваш апофеоз» [14, кн. 2, с. 134; 141].

[11] Приводим цитату Одоевцевой с указанной поправкой (в квадратных скобках): «И ничто не помешало его <Гумилева>триумфальному появлению во фраке 13 февраля [на самом деле 11] 1921 года на “Торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина”» [18, с. 431].

На этой записи Чуковского стоит остановиться подробнее:

> Только что в 1 час ночи вернулся с Пушкинского празднества в Доме Литераторов. Собрание историческое. Стол — за столом Кузмин, Ахматова, Ходасевич, Кристи, Кони, Александр Блок, Котляревский, Щеголев и Илья Садофьев (из Пролеткульта). Должен был быть Кузьмин из Наробраза, но его не было. Жаль, за столом не сидел Ал. Ремизов. Пригласили и меня, но я отказался. Впрочем, меня пригласили в задний ряд, где сидели: Волынский, Губер, Волковыский и др. Речь Кони (в котором я почему-то разочаровался) — внутренне равнодушна и внешня. За дешевыми ораторскими фразами чувствовалась пустота. Стишки М. Кузмина, прошепелявенные не без ужимки, — стихи на случай — очень обыкновенные. После Кузмина — Блок. Он в белой фуфайке и в пиджаке. Сидел за столом неподвижно. (Еще до начала спрашивал: — Будет ли Ионов? И вообще из официальных кругов?) Пошел к кафедре, развернул бумагу и матовым голосом стал читать о том, что Бенкендорф не душил вдохновенья поэта, как душат его теперешние чиновники, что Пушкин мог творить, а нам (поэтам) теперь — смерть. Сказано это было так прикровенно, что некоторые не поняли. Садофьев, напр., аплодировал. Но большинство поняло и аплодировало долго. После в артистической — трясущая головой Марья Валентиновна Ватсон, фанатичка антибольшевизма, долго благодарила его, утверждая, что он «загладил» свои «Двенадцать». Кристи сказал: «Вот не думал, что Блок, написавший “Двенадцать”, сделает такой выпад». Волынский говорил: «Это глубокая вещь» [30, т. 11, с. 320].

Упоминание в составе президиума М.П. Кристи, уполномоченного Наркомпроса и заведующего высшими учебными заведениями Петрограда, однозначно идентифицирует описываемый вечер с торжественным собранием 11 февраля, на которое были приглашены официальные лица. На повторных Пушкинских вечерах их не было. Ходасевич, давая характеристику «вдохновенному слову» Блока о Пушкине, особо отметил, что поэт во время произнесения речи «иногда поворачивал голову в сторону Кристи и отчеканивал: “Чиновники суть наша чернь, чернь вчерашнего и сегодняшнего дня... Пускай же остерегутся от худшей клички те чиновники, которые собираются направлять поэзию по каким-то собственным руслам, посягая на ее тайную свободу и препятствуя ей выполнять ее таинственное назначение...” Бедный Кристи приметно страдал, ерзая на своем стуле. Мне передавали, что перед уходом, надевая пальто в передней, он сказал громко:

— Не ожидал я от Блока такой бестактности» [27, т. 4, с. 84].

По мнению О.А. Лекманова, также обратившего внимание на этот инцидент, «презрительный жест Блока был спровоцирован сиюминутной ситуацией, имевшей не такое уж прямое отношение к тексту его речи. Нимало не годившийся на роль нового Бенкендорфа М. Кристи, что называется, подвернулся поэту под руку и случайно поспособствовал многократному усилению обличительного эффекта блоковского монолога о Пушкине» [12, с. 146]. В целом с этим можно согласиться, но с одним уточнением. Блок не случайно спрашивал перед началом собрания, будет ли Ионов. О затяжном конфликте поэта с руководителем Петроградского Отделения Государственного издательства, обострение которого пришлось на январь и февраль 1921 г., хорошо известно. Дело было не только в том, что И.И. Ионов грозился рассыпать набор третьего тома стихотворений Блока, если тот откажется печатать его под маркой Госиздата, а выпустит его в частном издательстве С.М. Алянского «Алконост». На тот момент резко обострилась проблема существования частных издательств как таковых, в связи с чем 2 февраля в дневнике Блока появились две черновые записи — «Закрытие всех частных издательств…» и «Издательство “Алконост”»[12]. Непосредственно после этих заметок следуют дневниковые размышления Блока о Пушкине, легшие в основу его речи «О назначении поэта». Значит, протест против политики Госиздата и трагический пафос речи Блока, обличение чиновничьей черни, смеющей отнимать у поэта свободу, глубоко взаимосвязаны. Согласно подписным листам торжественного собрания памяти Пушкина 11 февраля, Ионов был среди публики[13]. Если Блок об этом знал (не зря же он интересовался этим вопросом), то его презрение имело конкретного адресата, субститутом которого действительно оказался подвернувшийся под руку Кристи, «человек пожилой, мягкий, благожелательный» [27, т. 4, с. 83]. Голлербах вспоминал, что после выступления, когда ему устроили овации, Блок «смотрел куда-то в глубину зала пристально, холодно, не кланяясь, ничем не отвечая на шумные знаки одобрения» [7, с. 293].

Все приведенные доводы говорят в пользу того, что Чуковский назвал «собранием историческим» именно торжественное заседание в Доме литераторов; его подпись, кстати, значится в списках. Почему же он датировал свою запись 13 февраля, внеся тем самым

[12] См. подробнее работу М.Л. Спивак с новой атрибуцией текстов и исчерпывающей литературой по теме: [24].

[13] См. расшифровки подписей на сайте «Пушкинские дни», где под номером 35 стоит Ионов (Бернштейн) Илья Ионович: URL: https://pushkindays.tilda.ws/participants (дата обращения: 01.12.2024).

существенную путаницу в хронологию блоковских выступлений? Что это именно так, прослеживается очень хорошо. Впервые приводя этот текст в подборке материалов «Блок в архиве Чуковского», Е.Ц. Чуковская прокомментировала его следующим образом: «Чуковский описывает второе выступление Блока в Доме литераторов. Первый раз Блок выступил там же с этой же речью 11 февраля» [14, кн. 2, с. 267]. При повторных публикациях это примечание было снято, вероятно, как сомнительное, осталась только ссылка на сам текст в составе шестого тома собрания сочинений под ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова и К.И. Чуковского [29, с. 490; 30, т. 11, с. 543]. Но в указанном издании заявляется, как мы знаем, что Блок впервые прочитал Пушкинскую речь 13 февраля. Круг замкнулся, но логические неувязки, разумеется, остались неразрешенными. Тонкость ситуации заключается в том, что послереволюционный дневник Чуковского — особенно в той его части, которая посвящена Блоку, — заслуженно считается ценным и авторитетным источником. Что же произошло на это раз? Ведь очевидно, что приведенная выше запись Чуковского датирована неверно и, надо думать, без всякого злого умысла. Попробуем разобраться.

Чуковский записывает в 1 час ночи, т. е. это уже следующее число после описываемых событий. Если запись делалась под впечатлением от торжественного заседания 11 февраля, то по логике вещей она должна датироваться 12-м; если же по следам Пушкинского вечера 13 февраля — 14-м. Ни того, ни другого не произошло. Не значит ли это, что в момент записи Чуковский находился в возбужденном состоянии, когда легко ошибиться? На такую версию наталкивает сам интересующий нас текст. Процитированный выше фрагмент — это только первая его часть. Вторая же, менее детальная, но несравненно более эмоциональная, относится уже к другой истории:

> Потом заседание «Всероссийского Союза Писателей» — о моем письме по поводу Уэльса. Спасибо всем. Каждый сочувствовал мне и хотел меня защитить. Очень горячо говорил Шкловский, Губер, Гумилев. Я и не ожидал, что люди вообще могут так горячо отозваться на чужую обиду. Губер живо составил текст постановления, и я ушел с заседания в восторге. От восторга я пошел проводить Мишу Слонимского, Шкловского, Оцупа — вернулся домой и почти не спал [30, т. 11, с. 320–321].

«Потом» — это сразу же после Пушкинского вечера. В дневнике А.И. Оношкович-Яцыны его описание заканчивается фразой: после

концерта «все остаются на заседание по поводу того, что в заграничной печати Чуковского обозвали “большевицким агентом”» [19, с. 403]. Более подробно этот эпизод представлен в воспоминаниях Голлербаха:

> После концертного отделения, когда публика начала расходиться по домам, в гобеленовой комнате Дома Литераторов состоялось, по инициативе Чуковского, экстренное собрание союза писателей. Рассказываю об этом опять-таки потому, что мне вспоминалось тогдашнее настроение Блока. <…> Собрание выслушало длинную и обстоятельную жалобу К.И. Чуковского на Герберта Уэльса, смертельно обидевшего бедного К.И. каким-то не очень почтительным отзывом. Чуковский убедительно раскрыл перед нами чудовищное злодейство Уэльса. Припоминаю, что все это дело не стоило выеденного яйца, но не даром же Чуковскому отпущено столько остроумия и красноречия: он произвел «потрясающее впечатление». Начался настоящий диспут. Один только Блок сидел молча, раскрыв перед собою тетрадь, по которой читал речь. Вся его поза, понурая и скучающая, как бы говорила: «как все это не нужно, не важно и просто глупо»! Наметили какую-то резолюцию в защиту смертельно обиженного Чуковского. «А.А., как ваше мнение»? обратился кто-то к Блоку. «Да, да», отозвался он машинально. — «Может быть, вам угодно высказать свое мнение. Хотелось бы обсудить всесторонне». «Не знаю, право, вот, может, быть, Николай Степанович выскажется». Николай Степанович высказался подробно и вразумительно, а Блок так и не сообщил своего мнения [7, с. 293–294].

Суть разбираемой «обстоятельной жалобы» была связана с высказыванием Г. Уэллса в книге «Россия во мгле», написанной по следам посещения России в 1920 г., в ходе которого он вместе с Чуковским побывал в Тенишевском училище и был поражен тем, что учащиеся знали не только его имя, но и все его произведения. В другой школе, куда засомневавшийся писатель отправился вне программы, картина оказалась прямо противоположной. Из этого он сделал вывод: «…мой литературный друг, критик г. Чуковский, горячо желая показать мне, как меня любят в России, подготовил эту невинную инсценировку, слегка позабыв о всей серьезности моей миссии». Обиду Чуковский запомнил на всю жизнь; приведенная фраза цитируется по его поздней статье «Фантасмагория Герберта Уэллса» (1964) [30, т. 4, с. 574–577]. Из самого же письма, обсуждавшегося на экстренном заседании правления Всероссийского профессионального союза писателей и опубликованного вскоре под

названием «Свобода клеветы», понятно, что́ именно «произвело “потрясающее впечатление”» на участников диспута. Уэллс не подозревал, доказывал «обиженный», что на основе его «благодушного рассказа» в русских заграничных газетах начнется травля Чуковского как «большевистского агента». «Оказывается, по русским газетам, издающимся в Париже, Берлине и Праге, давно уже гуляет эта ложь. Клеветники, недосягаемые ни для суда, ни для пощечины, изображают меня *агентом* правительства. Остановить их клевету я бессилен. Они за границей, а я в Петербурге. <…> Единственная моя надежда — на Всеросс. Союз писателей. Мне кажется, что Всеросс. Союз <…> найдет возможным защитить своего члена от наших заграничных друзей, которые свободу печати понимают как свободу клеветы» (Вестник литературы. 1921. № 2. С. 16). После статьи напечатано постановление правления, выражающее «свое сочувствие К.И. Чуковскому, грубо, незаслуженно оскорбленному», и расценивающее это оскорбление как жест против «той группы русских писателей, которые остались в России и продолжают заниматься литературным трудом».

В апреле 1921 г. краткое оповещение об «обиде» Чуковского и постановление правления в его поддержку должны были появиться в первом номере «Литературной газеты», которая так и не вышла [25, с. 108]. Зато в ее уцелевшем корректурном экземпляре в разделе «Хроника в России», куда планировались эти сведения, имелись важные для нашей темы данные, подготовленные скорее всего самим Чуковским; вместе с А.Л. Волынским он был редактором газеты (см. запись в дневнике от 25 мая 1921 г. о том, что ему пришлось одному держать корректуру номера [30, т. 11, с. 341–342]). Во-первых, здесь сообщалось, что литературная коллегия готовит к выпуску «Пушкинский сборник», в «который войдут материалы, прочитанные на объединенном собрании представителей литературных организаций и культурно-просветительных учреждений в “Доме Литераторов”, в день смерти А.С. Пушкина 11-го февраля 1921 года». А во-вторых, после освещения инцидента с Уэллсом черным по белому было напечатано: «11 февраля 1921 г. Правление Всероссийского Союза Писателей посвятило этому вопросу экстренное заседание и постановило… etc.» [30, т. 11, с. 341–342]. Таким образом, не остается ни малейшего сомнения в том, что два мероприятия состоялись в один день. Соответственно дневниковая запись Чуковского, где две разные истории, несоизмеримость которых иронически подчеркнул Голлербах, парадоксально сополагаются, не отделяясь даже абзацным отступом, должна датироваться не позднее 12 февраля.

Вывод напрашивается сам собой. Вероятнее всего, Чуковский в 1 ч. ночи, восторженно-взбудораженный экстренным заседанием правления, случайно написал «13». Он просто ошибся. Но репутация признанного летописца эпохи, особенно последних лет жизни Блока, не допускает самой возможности подобной описки. В силу этой презумпции его датировка «события исторического» сыграла свою роль в дальнейшем искажении хронологии произнесения блоковской речи.

Итак, один ответ на вопрос, откуда 13-е, мы нашли, но он не единственный.

* * *

Обратимся к уже упоминавшемуся коллективному труду «Литературная жизнь России 1920-х годов», наиболее подробно документирующему хронику событий с опорой на почти все известные на момент создания книги источники. Напомним, что в этом издании обозначены не три, а четыре выступления Блока с речью о Пушкине — 11, 13, 14, 26 февраля. На основании всего вышеизложенного особое внимание вызывает, само собой, вторая из перечисленных дат. Приведем эту позицию полностью, выделив курсивом — для наглядности — сомнительные моменты:

> Февр., 13; Петроград
>
> Пушкинский вечер в Доме литераторов. В президиуме — *М. Кузмин, А. Ахматова, В. Ходасевич, М. Кристи, А. Кони, Н. Котляревский, П. Щеголев, И. Садофьев, А. Волынский, П. Губер, Н. Волковыский и К. Чуковский.*
>
> Выступают Б. Харитон (вступ. слово), А. Блок («О назначении поэта», текст: ВЛ. № 3), М. Кузмин (стих. «Пушкин»), В. Ходасевич («Колеблемый треножник», текст: ВЛ. № 4/5, *с ошиб. датой*) и Б. Эйхенбаум («Поэтические приемы Пушкина»). Тексты некоторых выступлений см. также: Пушкин. Достоевский. Пб., 1921.
>
> Из дневника К. Чуковского (о выступлении А. Блока): «Сказано это было так прикровенно, что некоторые не поняли. Садофьев, напр., аплодировал. Но большинство поняло и аплодировало долго» (Чуковский К.–1. С. 158). *Ср.: Телетова Н.К., 1993. С. 402–403 (дневник А. Оношкович-Яцыны*).
>
> *ВЛ. № 3. С. 18 (с ошиб. датой)*; Чуковский К.–1. С. 158; Блок А.–6. С. 515; *Ходасевич В.–4. С. 427; ЛН–92 (3). С. 519* [13, с. 29].

Как видим, перечисление членов президиума почти полностью совпадает с записью Чуковского от 13 февраля, за двумя обескура-

живающими исключениями: здесь нет Блока, зато есть Чуковский (вопреки замечанию последнего о том, что его пригласили в задний ряд, но он отказался). Наличие в списке Кристи, официального представителя Наркомпроса, как уже говорилось, — это своего рода маркер закрытого торжественного собрания 11 февраля. Но самое главное — на Пушкинских вечерах для широкой публики вообще не было президиума, все выступающие выходили на сцену в соответствии с программой; ср. слова Ходасевича о том, что на всех повторных вечерах «“за кулисами”, в ожидании своей очереди», они с Блоком беседовали (см. выше).

Второй абзац этого текста скомпилирован из отчета «Пушкинские дни в Доме Литераторов» и библиографических источников. Обращает на себя внимание помета «с ошибочной датой», повторенная дважды. В первом случае составители сочли ошибочным указание редакторов при первой публикации «Колеблемого треножника» Ходасевича: «Речь на Пушкинском вечере в Доме литераторов 14 февраля 1921 г.» (Вестник литературы. № 4–5 (28–29). С. 18). Но это была как раз верная информация.

А вот по меньшей мере необоснованным приемом оказывается, к сожалению, привлечение четырех из шести названных источников, в которых нет упоминания 13 февраля, а в первых двух случаях совершенно явно речь идет о других числах: в дневнике Оношкович-Яцыны описывается вечер 11 февраля (пятница); в письмах матери Блока (*ЛН–92 (3). С. 519*) — пятница (11-е) и понедельник (14-е). Ссылка на собрание сочинений Ходасевича также нерелевантна, т. к. на указанной странице в недатированном письме к В.Г. Лидину сказано лишь следующее: «Недели 2 тому назад читал в “Доме Литераторов” лекцию о смысле и задачах пушкинизма»; а письмо от 28 февраля 1921 г., которое мы цитировали выше и которое четко обозначает только две даты — 11 и 26 февраля, в первом случае совпадая с описанием торжественного заседания с другими участниками (в том числе с Чуковским), в этом издании не приводится. Отдельного разговора заслуживает источник «*ВЛ. № 3. С. 18 (с ошиб. датой)*», который отсылает к отчету «Пушкинские дни в Доме Литераторов» в журнале «Вестник литературы», где была обнародована такая информация:

> В феврале в Доме литераторов (на Бассейной) состоялись: **9-го** — сообщение П. Е. Щеголева «Дуэль Пушкина»; **11-го** — Торжественное Собрание; **13-го** — 1-ый Пушкинский вечер (Б.И. Харитон — Вступительное слово, А.А. Блок — О назначении

поэта; М. Кузмин — стих. «Пушкин»; В.Ф. Ходасевич — «Колеблемый треножник»; Б.М. Эйхенбаум — «Поэтические приемы Пушкина»; **14-го** — камерный концерт «Пушкин и музыка» (вступ. слово Е.М. Браудо, романсы и сцена «Письмо Татьяны» в исполнении М.И. Бриан и М.А. Бихтера (рояль)). На Васильевском острове: **26-го** — Пушкинский вечер (Н.М. Волковыский — вступительное слово, А.А. Блок, М.А. Кузмин, В.Ф. Ходасевич, Б.М. Эйхенбаум и Ф.К. Сологуб «Смерть Пушкина и русская интеллигенция».

На воскресенье 5-го марта был назначен 2-й Пушкинский вечер, с участием Сологуба (с тем же докладом), Н.С. Гумилева («Современность в поэзии Пушкина»), Н.О. Лернера («Один из забытых рассказов Пушкина»), И.К. Губера («Пушкин и русская культура»), но «вечер этот был отложен вследствие запрещения зрелищ и собраний во время осадного положения».

Во второй части отчета дается краткое описание торжественного собрания представителей литературных организаций в день смерти Пушкина (11 февраля): названы 24 организации; общее количество участников — «250 деятелей литературы, науки и искусства»; уже известный нам состав президиума (с добавлением Б.Л. Модзалевского и Ф. Сологуба, о которых, заметим, не упомянул ни один мемуарист). Заканчивается заметка сообщением, что «после Торжественного Собрания артистка М.И. Бриан исполняла сцену письма из оперы “Евгений Онегин”». Показательно, что здесь ни слова не сказано о блоковской речи (как и о стихотворении Кузмина), а в первой части отчета — они привязаны к 1-му Пушкинскому вечеру (13 февраля).

Не вполне понятно, какую из названных дат современные исследователи посчитали ошибочной, поскольку в хронике присутствуют все указанные дни (включая «предварительное» собрание 9 февраля, правда, без указания на сообщение Щеголева) [13, с. 25]). Но исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что, столкнувшись с загадочным 13 февраля, составители, пытаясь обобщить разноречивые факты и не сумев свести концы с концами, вынуждены были гипостазировать мнимую дату, опираясь на официальный отчет в «Вестнике литературы», дневник Чуковского и комментарий в шестом томе «орловского» собрания сочинений Блока, где это мифическое число имеет значительный вес. Между тем названный отчет противоречит не только подавляющему большинству воспоминаний очевидцев, но и другим печатным источникам, в частности, обзору «Дом литераторов», опубликованному в журнале «Дом искусства»

(1921. № 2. С. 121), где указаны две даты Пушкинских вечеров — 11-е и 14-е. В «Литературной жизни России 1920-х годов» ссылка на этот источник правомерно приводится в описании события 14 февраля, однако представлено оно, довольно неожиданно, как «Пушкинский вечер в Доме искусств» [13, с. 30], что, разумеется, неверно. Кроме того, оно оказывается третьим по общему счету в хронике Пушкинских дней, вопреки тому, что в обзоре указаны только две даты.

В чем же дело? На наш взгляд, опубликованный в «Вестнике литературы» отчет, информирующий о пяти мероприятиях, представляет собой не фактическую, а изначально запланированную программу «Пушкинских поминок», в которую входили торжественное заседание в Доме литераторов, два Пушкинских вечера (их повторение предполагалось там же и в Университете, с разным составом участников) и камерный концерт[14]. В реальности же, как мы знаем, торжественное собрание 11 февраля, помимо официальной части, включало и выступление Кони, Котляревского, Блока и Кузмина, а также концертное отделение. О сцене «Письмо Татьяны» в исполнении М.И. Бриан вспоминали многие участники объединенного заседания литераторов, посвященного 84-й годовщине смерти Пушкина. Согласно рассмотренной дневниковой записи Чуковского, певицу он назвал «акушоркой», а Блок в ответ оживленно согласился: «да, да, акушорка, верно! — и даже благодарно посмотрел» на автора остроты [30, т. 11, с. 320]. 14 февраля прошел 1-й Пушкинский вечер, который открыл вступительным словом Харитон, Ходасевич и Эйхенбаум впервые прочитали свои доклады, а Блок и Кузмин повторили свои выступления. Состоялся ли отдельно концерт «Пушкин и музыка», трудно сказать, но совершенно точно, что это было не в понедельник, 14-го. Бесспорным является 26 февраля, поскольку оно подкрепляется уникальными воспоминаниями Ходасевича о разговоре с Блоком «за кулисами» сначала о Пушкине, а затем о символизме.

Предположение о том, что в журнальном обзоре была опубликована программа Пушкинских дней de jure, а не de facto, подтверждается, кстати говоря, заметкой Ходасевича «К истории “Дней русской культуры”» (прил. к газ.: Возрождение, 1927. № 736 (8 июня)), где

[14] См., например, сообщение о запланированном, но так и не состоявшемся выступлении Ф. Сологуба: «В программе вечера и на афише, наряду с выступавшими, значилось выступление Сологуба (тема не названа). В той же афише на 14 февраля была объявлена его речь “Смерть Пушкина и русская интеллигенция” (текст не известен). Сологубу не довелось присутствовать на собрании, в начале февраля он и Чеботаревская находились в Москве в ожидании выдачи долгожданных загранпаспортов. 10 февраля они получили телеграмму, что во время их отъезда квартира была ограблена, и поспешили вернуться в Петроград» [26, с. 98].

освещается замысел проведения ежегодного всероссийского чествования памяти Пушкина, инициированный членами петербургского Дома литераторов в конце 1920 г. «Был составлен организационный комитет, — пишет Ходасевич, — в который вошли, между прочим, А.А. Ахматова. А.А. Блок, Н.С. Гумилев, Н.А. Котляревский, М.А. Кузмин, П.Е. Щеголев и пишущий эти строки. От Дома литераторов в комитете приняли участие Н.М. Волковыский, В.Я. Ирецкий и Б.О. Харитон, в особенности потрудившиеся для организации чествования. (Осенью 1922 г. все трое были высланы советским правительством за границу, а Дом литераторов закрыт)». Как член оргкомитета Ходасевич, надо думать, принимал участие в разработке программы или по крайней мере был осведомлен о ней. Только его сопричастностью к организации Пушкинских дней можно объяснить тот факт, что он описывает празднества в феврале 1921 г. практически в том же порядке, что и в официальном отчете в «Вестнике литературы», но давая другую нумерацию вечеров. Так, он указывает 11 февраля как день проведения торжественного заседания, «на котором с речами выступили А.Ф. Кони, Н.А. Котляревский и А.А. Блок. М.А. Кузмин прочитал свои стихи». 13 февраля — «второй пушкинский вечер, с речами А.А. Блока. В.Ф. Ходасевича и Б.М. Эйхенбаума». 14 февраля — «третий вечер, с докладом на тему “Пушкин и музыка” и рядом музыкальных номеров. Четвертый вечер, в виду наплыва публики, состоялся в одной из аудиторий Санкт-Петербургского университета. Участвовали: А.А. Блок, М.А. Кузмин, Ф.К. Сологуб, В.Ф. Ходасевич и Б.М. Эйхенбаум». Комментаторы «Колеблемого треножника» в собрания сочинений Ходасевича уже установили, что в заметке «К истории “Дней русской культуры”» хроника пушкинских дней 1921 г. не точна: Ходасевич впервые выступил 14-го, «ошибочно датируя здесь свою речь 13 февраля» [27, т. 2, с. 476][15], как и неназванный автор обзорной статьи «Пушкинские дни в Доме Литераторов», добавим к этому мы.

Итак, выяснив точные даты выступления Блока с речью «О назначении поэта» — 11, 14 и 26 февраля 1921 г., мы обнаружили три наиболее вероятных источника, спровоцировавших дальнейшее искажение фактов в литературоведческих исследованиях. Это дневниковая запись Чуковского, отчет о Пушкинских днях в журнале

[15] В фонде Дома литераторов сохранилась авторизованная наборная машинопись речи «Колеблемый треножник», предназначенная для публикации в «Вестнике литературы», с авторской правкой и вписанным рукой Ходасевича подзаголовком со знаком примечания (звездочкой): «(Речь на вечере, посвященном памяти Пушкина, в Петербурге, в Доме литераторов, 14 февраля 1921 г.)» (ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 112); копия текста отложилась в архиве И.И. Ивича-Бернштейна [28, с. 407].

«Вестник литературы» и поздняя заметка Ходасевича — источники, пользующиеся почти непоколебимым доверием современных исследователей. Между тем — при ответе на заглавный вопрос: откуда 13-е в хронологии выступлений Блока с речью о Пушкине — оказывается, что в них-то все и дело. В дальнейшем фантомная, мифическая (в худшем смысле этого слова) дата проникла в научные работы и даже заняла в некоторых из них привилегированное положение. *Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал*.

Литература

1. *Бекетова М.А*. Александр Блок и его мать. Воспоминания и заметки. Л.; М.: Петроград, 1925. 183 с.

2. *Блок А*. Собр. соч.: в 9 т. Берлин: Алконост, 1923. Т. 7. 346 с.

3. *Блок А.А*. Собр. соч.: в 12 т. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1936. Т. 8. 273 с.

4. *Блок А.А*. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова и К.И. Чуковского. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 6. 557 с.

5. *Блок А*. Собр. соч.: в 6 т. / сост. Вл. Орлова; примеч. Б.В. Аверина. Л.: Худож. лит., 1982. Т. 4. 464 с.

6. *Богомолов Н., Малмстад Дж*. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. СПб.: Вита Нова, 2007. 560 с.

7. *Голлербах Э*. Образ Блока. Воспоминания, впечатления, наброски // Возрождение: литературно-художественный и научно-популярный альманах. М.: Время, 1923. Т. 2. С. 287–296.

8. *Гришунин А.Л*. Проблемы датировки произведений Пушкина // Московский пушкинист. М.: Наследие, 1996. Вып. III. С. 269–290.

9. *Иванова Е.В*. Пушкинская речь Блока: к Пушкину через Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2000. Т. 15. С. 123–131.

10. *Климишин И.А*. Календарь и хронология. М.: Наука, 1990. 480 с.

11. *Кузмин М*. Дневник 1921 года / публ. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. Вып. 12. С. 423–494.

12. *Лекманов О.*[16] Пушкинская речь Блока: контекст и подтексты // *Лекманов О.* Самое главное: О русской литературе XX века. М.: Rosebud Publishing, 2017. С. 142–157.

13. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М: ИМЛИ РАН, 2006. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922 гг. 704 с.

14. Литературное наследство. М.: Наука, 1980–1993. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования: в 5 кн.

[16] Лекманов Олег Андершанович, 11.01.1967 г. р., на основании статьи 7 Федерального закона от 14.07.2022 №255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным контролем» 25 октября 2024 года включен в Реестр иностранных агентов в России.

15. *Магомедова Д.М.* Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: Мартин, 1997. 224 с.

16. *Минц З.Г.* Блок и Пушкин // *Минц З.Г.* Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 145–260.

17. *Мочульский К.* Александр Блок. Париж: YMCA-Press, 1948. 443 с.

18. *Одоевцева И.В.* Избранное. Стихотворения. На берегах Невы. На берегах Сены. М.: Согласие, 1998. 960 с.

19. *Оношкович-Яцына А.И.* Дневник 1919–1927 / публ. Н.К. Телетовой // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. Вып. 13. С. 355–456.

20. *Парнис А.* «Зачем так опрометчиво я взял твою тетрадь?..» Блок, Маяковский и другие в парижском альбоме. Очерк первый // Опыты: журнал эссеистики, публикаций, хроники. 1994. № 1. С. 149–176.

21. Письма В.Ф. Ходасевича к В.Г. Лидину (1917–1924) / публ. И. Андреевой // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. Вып. 14. С. 414–438.

22. Пушкин. Достоевский. Пг.: Изд. Дома Литераторов, 1921. 149 с.

23. Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л.: Наука, 1982. 320 с.

24. *Спивак М.Л.* Записи А.А. Блока 1921 года об «Алконосте» и «закрытии всех частных издательств»: причуды текстологии, контекст, прагматика // Русская литература. 2022. № 2. С. 197–216. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-197-216.

25. *Устинов А., Сажин В.* Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года // Литературное обозрение. 1991. № 2. С. 95–112.

26. Ф.К. Сологуб в дневнике Е.П. Казанович / подгот. текста А.В. Вострикова; вступ. ст. и коммент. М.М. Павловой при участии А.В. Вострикова // Русская литература. 2023. № 4. С. 90–110.

27. *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996–1997.

28. *Ходасевич В.* Пушкин и поэты его времени: в 3 т. / под ред. Р. Хьюза. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1999. Т. 1: Статьи, рецензии, заметки 1913–1924 гг. 492 p.

29. *Чуковский К.И.* Дневник (1901–1929). М.: Сов. писатель, 1991. 544 с.

30. *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012–2013.

31. Чукоккала: рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь, 2006. 584 с.

32. *Шагинян М.* Человек и время: История человеческого становления. М.: Сов. писатель, 1982. 560 с.

Research Article

Where Is the 13th One from? (Riddles About the Date of A. Blok's Speech "On the Destiny of a Poet")

© 2025. Svetlana V. Fedotova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The article deals with the question of the exact chronology of Alexander Blok's three famous speeches, "On the Destiny of a Poet," in February 1921. In the memoirs of contemporaries and in the scientific literature there the dating of these events is still controversial (10, 11, 13, 14, 16, or 26 February), as well as their number (3 or 4). On the basis of comparative analysis of various testimonies (in posthumous collections of Blok's works, in diaries, letters, memoirs of contemporaries), the article establishes the exact dates of the speech, and identifies three most likely sources that provoked the distortion of facts in further scientific research. According to the hypothesis put forward, they include the diary entry by K.I. Chukovsky, the official report on the Pushkin Days in the journal *Vestnik Literatury*, and V.F. Khodasevich's article "To the History of 'The Days of Russian Culture'."

Keywords: Blok, speech "On the Destiny of a Poet," the Pushkin Days, journal report, memoirs, diaries, Chukovsky, Khodasevich, chronology.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9991-4966

E-mail: lucia-th@yandex.ru

For citation: Fedotova, S.V. "Where Is the 13th One from? (Riddles About the Date of A. Blok's Speech 'On the Destiny of a Poet')." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 223–245. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-223-245

References

1. Beketova, M.A. *Aleksandr Blok i ego mat'. Vospominaniia i zametki* [*Alexander Blok and His Mother. Memories and Notes*]. Leningrad, Moscow, Petrograd Publ., 1925. 183 p. (In Russ.)

2. Blok, A. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [*Collected Works: in 9 vols.*], vol. 7. Berlin, Alkonost Publ., 1923. 346 p. (In Russ.)

3. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 12 t.* [*Collected Works: in 12 vols.*], vol. 8. Leningrad, Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade Publ., 1936. 273 p. (In Russ.)

4. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [*Collected Works: in 8 vols.*], vol. 6, ed. by V.N. Orlov, A.A. Surkov and K.I. Chukovsky. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1962. 557 p. (In Russ.)

5. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [*Collected Works: in 6 vols.*], vol. 4, comp. by Vl. Orlov, notes by B.V. Averin. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982. 464 p. (In Russ.)

6. Bogomolov, N., and Dzh. Malmstad. *Mikhail Kuzmin: Iskusstvo, zhizn', epokha* [*Mikhail Kuzmin: Art, Life, Epoch*]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2007. 560 p. (In Russ.)

7. Gollerbakh, E. "Obraz Bloka. Vospominaniia, vpechatleniia, nabroski" ["Blok's Image. Memories, Impressions, Sketches"]. *Vozrozhdenie: literaturno-khudozhestvennyi i naucho-populiarnyi al'manakh* [*Revival. Literary-Artistic and Popular Science Almanac*], vol. 2. Moscow, Vremia Publ., 1923, pp. 287–296. (In Russ.)

8. Grishunin, A.L. "Problemy datirovki proizvedenii Pushkina" ["Problems of Dating Pushkin's Works"]. *Moskovskii Pushkinist* [*The Moscow Pushkinist*], issue 3. Moscow, Nasledie Publ., 1996, pp. 269–290. (In Russ.)

9. Ivanova, E.V. "Pushkinskaia rech' Bloka: k Pushkinu cherez Dostoevskogo" ["Blok's Pushkin Speech: Toward Pushkin Through Dostoevsky"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Studies*], vol. 15. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 123–131. (In Russ.)

10. Klimishin, I.A. *Kalendar' i khronologiia* [*Calendar and Chronology*]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 480 p. (In Russ.)

11. Kuzmin, M. "Dnevnik 1921 goda" ["Diary of 1921"], publ. by N.A. Bogomolov and S.V. Shumikhin. *Minuvshee: istoricheskii al'manakh* [*The Past: A Historical Almanac*], issue 12. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 423–494. (In Russ.)

12. Lekmanov, O. "Pushkinskaia rech' Bloka: kontekst i podteksty" ["Blok's Pushkin Speech: Context and Subtexts"]. Lekmanov, O. *Samoe glavnoe: O russkoi literature XX veka* [*The Most Important Things: On Russian Literature of the 20th Century*]. Moscow, Rosebud Publ., 2017, pp. 142–157. (In Russ.)

13. *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografia* [*Literary Life in Russia in the 1920s. Events. Reviews from Contemporaries. Bibliography*], vol. 1, part 2: Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg. [Moscow and Petrograd. 1917–1920]. Moscow, IWL RAS Publ., 2006. 704 p. (In Russ.)

14. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: v 5 kn. [Alexander Blok. New Materials and Studies: in 5 books]. Moscow, Nauka Publ., 1980–1993. (In Russ.)

15. Magomedova, D.M. *Avtobiograficheskii mif v tvorchestve A. Bloka* [*Autobiographical Myth in A. Blok's Creative Work*]. Moscow, Martin Publ., 1997. 224 p. (In Russ.)

16. Mints, Z.G. "Blok i Pushkin" ["Blok and Pushkin"]. Mints, Z.G. *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [*Alexander Blok and Russian Writers*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2000, pp. 145–260. (In Russ.)

17. Mochul'skii, K. *Aleksandr Blok* [*Aleksander Blok*]. Paris, YMCA-Press Publ., 1948. 443 p. (In Russ.)

18. Odoevtseva, I.V. *Izbrannoe. Stikhotvoreniia. Na beregakh Nevy. Na beregakh Seny* [*Selected. Poems. On the Banks of the Neva. On the Banks of the Seine*]. Moscow, Soglasie Publ., 1998. 960 p. (In Russ.)

19. Onoshkovich-Iatsyna, A.I. "Dnevnik 1919–1927" ["Diary. 1919–1927"], publ. by N.K. Teletova. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [*The Past: A Historical Almanac*], issue 13. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 355–456. (In Russ.)

20. Parnis, A. "'Zachem tak oprometchivo ia vzial tvoiu tetrad'?..' Blok, Maiakovskii i drugie v parizhskom al'bome. Ocherk pervyi" ["'Why Did I Take Your

Notebook so Recklessly?..' Blok, Mayakovsky and Others in a Parisian Album. Essay One"]. *Opyty. Zhurnal esseistiki, publikatsii, khroniki*, no. 1, 1994, pp. 149–176. (In Russ.)

21. "Pis'ma V.F. Khodasevicha k V.G. Lidinu (1917–1924)" ["V.F. Khodasevych's Letters to V.G. Lydyn (1917–1924)"], publ. by I. Andreeva. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [*The Past: A Historical Almanac*], issue 14. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 414–438. (In Russ.)

22. *Pushkin. Dostoevskii* [*Pushkin. Dostoevsky*]. Petrograd, Izdanie Doma Literatorov Publ., 1921. 149 p. (In Russ.)

23. *Pushkinskii Dom: Stat'i. Dokumenty. Bibliografiia* [*Pushkin House: Articles. Documents. Bibliography*]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 320 p. (In Russ.)

24. Spivak, M.L. "Zapisi A.A. Bloka 1921 goda ob 'Alkonoste' i 'zakrytii vsekh chastnykh izdatel'stv': prichudy tekstologii, kontekst, pragmatika" ["A.A. Blok's 1921 Writings About 'Alkonost' and the 'Closure of All Private Publishing Houses': Quirks of Textuality, Context, Pragmatics"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2022, pp. 197–216. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-197-216. (In Russ.)

25. Ustinov, A., and V. Sazhin. "Ozhog. K istorii nevyshedshei Literaturnoi gazety' 1921 goda" ["Burn. To the History of the Unreleased 'Literaturnaya Gazeta' in 1921"]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 2, 1991, pp. 95–112. (In Russ.)

26. "F.K. Sologub v dnevnike E.P. Kazanovich" ["F.K. Sologub in the Diary of E.P. Kazanovich"], text prep. by A.V. Vostrikov, introd. article and comm. by M.M. Pavlova with the participation of A.V. Vostrikov. *Russkaia literatura*, no. 4, 2023, pp. 90–110. (In Russ.)

27. Khodasevich, V.F. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [*Collected Works: in 4 vols.*]. Moscow, Soglasie Publ., 1996–1997. (In Russ.)

28. Khodasevich, V. *Pushkin i poety ego vremeni: v 3 t.* [*Pushkin and the Poets of His Time: in 3 vols.*], ed. by R. Hughes, vol. 1: Stat'i, retsenzii, zametki 1913–1924 gg. [Articles, Reviews, Notes of 1913–1924]. Oakland, Berkeley Slavic Specialties Publ., 1999. 492 p. (In Russ.)

29. Chukovskii, K.I. *Dnevnik (1901–1929)* [*The Diary (1901–1929)*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 544 p. (In Russ.)

30. Chukovskii, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Collected Works: in 15 vols.*]. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2012–2013. (In Russ.)

31. *Chukokkala: rukopisnyi al'manakh Korneia Chukovskogo* [*Chukokkala: Kornei Chukovsky's Manuscript Almanac*]. Moscow, Russkii put' Publ., 2006. 584 p. (In Russ.)

32. Shaginian, M. *Chelovek i vremia: Istoriia chelovecheskogo stanovleniia* [*Man and Time: A History of Human Formation*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 560 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.11.2024
Одобрена после рецензирования: 20.12.2024
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 04.11.2024
Approved after reviewing: 20.12.2024
Date of publication: 25.03.2025

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И РЕЦЕПЦИЯ

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0, 802.091
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-246-267
https://elibrary.ru/WVHSTS

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Воспитательная функция критики: Сергей Динамов и Синклер Льюис

© 2025, О.Ю. Панова, С.И. Панов
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393, «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (https://rscf.ru/project/23-18-00393/).

Аннотация: В статье рассматривается рецепция творчества американского писателя-нобелиата Синклера Льюиса в советской литературной критике 1920–1930-х гг. Основное внимание уделено трактовке его произведений видным американистом и партийным функционером, редактором журнала «Интернациональная литература» Сергеем Динамовым. Главная тема исследования — история публикации и редакторской обработки перевода политического романа Льюиса «У нас это невозможно» (*It Can't Happen Here*, 1935), вышедшего с предисловием Динамова. Критик не только стремился дать советскому читателю «верную» и «актуальную» интерпретацию романа, но и пытался (безуспешно) воздействовать на американского автора, убеждая Льюиса пересмотреть трактовку образов коммунистов в его произведении. В статье использованы архивные материалы: переписка Динамова с Льюисом, отзывы советских читателей 1930-х гг. на произведения американского писателя, стенограмма лекции Динамова 1936 г. в Институте красной профессуры с характеристикой творчества Льюиса.

Ключевые слова: Синклер Льюис, Сергей Динамов, советская литературная критика, литература США, ангажированность культуры, политический роман, литературные контакты XX в.

Информация об авторах:

Ольга Юрьевна Панова — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Поварская ул., д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2520-120X
E-mail: olgapanova65@mail.ru
Сергей Игоревич Панов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7240-7219
E-mail: sergeipanov@mail.ru
Для цитирования: *Панова О.Ю., Панов С.И.* Воспитательная функция критики: Сергей Динамов и Синклер Льюис // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 246–267. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-246-267

Советская критика, особенно первых пореволюционных десятилетий, как инструмент влияния и контроля над умами должна была воспитывать и читателя, и писателя, формировать их взгляды и установки, разоблачать и громить врагов, вербовать и поощрять сторонников. В Советском Союзе 1920–1930-х гг. все литературные критики так или иначе выполняли эту миссию — с большей или меньшей готовностью, по убеждению или по принуждению. Совмещение в одном лице литературного работника — критика, редактора, преподавателя, и литературного функционера, как это было в случае Сергея Сергеевича Динамова (наст. фамилия Оглодков; 1901–1939; репрессирован), порождало агента литературной политики, соединявшего административно-номенклатурную власть и культурный авторитет. Говоря в терминах П. Бурдьё, такой агент стремится к накоплению всех видов капитала (экономического и символического, социального и культурного) за счет уменьшения (в пределе — уничтожения) автономии поля литературы. Сергей Динамов был выходцем из рабочей семьи, которому, как он часто повторял, советская власть дала все:

> Когда я был мясником — я работал с 6 часов утра до 7 часов <вечера> за 6 рублей в месяц; когда я был текстильщиком, я получал за 10 ½ <-часовой> рабочий день 15 рублей в месяц, причем 2 недели из четырех я работал в ночной смене. Я не знаю ничего кошмарнее ночной смены для мальчика 14 лет, когда днем из-за шума в квартире спать почти нельзя. Мне очень жалко его, этого мальчика Сергея, и я готов умереть в борьбе за то, чтобы мои дети и дети моих детей никогда не узнали бы ужаса ночной смены на фабрике в 10 ½ часов![1]

[1] С. Динамов — Т. Драйзеру. 10 октября 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 832. Л. 203–204.

Для Динамова слияние поля литературы с полем власти было оправданным и полностью отвечавшим его убеждениям. В 1919 г. он вступил в РКП(б), служил в Красной армии, учился на литфаке Института красной профессуры (с 1931 г. стал его замдиректора, позже — директором), в аспирантуре РАНИОН (неоконченная работа о Шекспире). Вступил в РАПП, работал в Коммунистической академии, год возглавлял кафедру в МГУ, в 1932–1936 гг. сотрудник Агитпропа ЦК ВКП(б). С 1923 г. в печати стали появляться рецензии и статьи молодого критика (он пробовал себя также как прозаик и поэт), в 1930–1933 гг. (с перерывом) Динамов был ответственным редактором «Литературной газеты», одновременно возглавил англо-американскую комиссию Международного объединения революционных писателей (МОРП), а с 1933 г. стал главным редактором органа МОРП — журнала «Интернациональная литература». Совмещение позиций критика и функционера давало возможность завязывать и поддерживать личные контакты с зарубежными литераторами, и Динамов переписывался со многими американскими авторами, о которых он писал статьи и рецензии и которых публиковал в подведомственном ему журнале; некоторых из них — тех, что приезжали в СССР — он знал лично.

Первые его публикации о Синклере Льюисе появились в середине 1920-х в еженедельнике «Книгоноша»[2]. Личное знакомство Динамова с будущим нобелевским лауреатом состоялось в начале декабря 1927 г., когда Льюис на неделю приехал в Советский Союз к своей невесте, известной журналистке Дороти Томпсон, которая к тому моменту уже месяц находилась в Москве, будучи аккредитована на празднования десятилетия Октябрьской революции. Во время этого краткого пребывания, как явствовало из отчетов гида-переводчика, Льюис не слишком интересовался экскурсиями, да и советским экспериментом в целом, воспринимал все окружающее с присущей ему иронией, всерьез был озабочен только одним — вопросом об авторских правах в СССР, и даже попытался организовать в гостинице «конференцию» для обсуждения этой проблемы с участием писателей (в том числе Драйзера), издателей и редакторов (в том числе Динамова)[3]. Динамов впоследствии не раз возвращался к своему разговору с Льюисом о перспективах революции в США:

[2] *Динамов С.* С. Льюис. «Бэббит». [Рец.] // Книгоноша. 1924. № 16. С. 10; *Динамов С.* С. Льюис. «Главная улица». [Рец.] // Книгоноша. 1924. № 38. С. 11; *Динамов С.* С. Льюис. «На вольном воздухе». «Полет сокола». [Рец.] // Книгоноша. 1925. № 8. С. 18; *Динамов С.* Три американских писателя: Синклер Льюис, Шервуд Андерсон, Джозеф Гержхеймер // Книгоноша. 1926. № 44–45. С. 14–17.

[3] См. об этом подробнее: [6].

> Я вспоминаю беседу с американским писателем Синклером Льюисом в 1927 г. Перебирая страницы рукописи своего романа «Эльмер Гантри», он говорил о том, что в Америке нет революционного пролетариата, нет революционной литературы, что ему негде взять образцы новых людей.
>
> Ищущий находит[4].

С Льюисом у Динамова не возникло такого взаимопонимания, симпатии и дружбы, как с Драйзером. Ироническое и отстраненное отношение Льюиса к тем «красным» ценностям, которые составляли credo Динамова, его «эгоистическая» сосредоточенность на личных делах вполне согласовались с той оценкой, которую Динамов давал Льюису в своих статьях 1920-х гг.: писатель мелкобуржуазный, представитель «людей двадцатых годов», нового, протестного литературного течения в Америке, вызванного послевоенным кризисом, которое «на своем гребне подняло группу радикальной американской интеллигенции». Льюис силен своей критикой буржуазного общества, сарказмом, отрицанием: «В послевоенной атмосфере, насыщенной электричеством возмущения, вспыхнул ярким пламенем его талант, и появились “Главная улица”, “Бэббит” и “Арроусмит”»[5]. Но в силу классовой ограниченности у него нет и не может быть созидательной, позитивной программы:

> Что же Льюис противопоставляет своему отрицанию? Ничего. Или очень мало – намеки. Он ищет положительных героев, но не может найти их, ибо обращается исключительно к среднему классу. А не оттуда выходят борцы за новый строй. И в этом трагедия Льюиса как писателя. <…> Идеалы среднего класса — это реакционные идеалы, ибо мелкая буржуазия хочет назад повернуть колесо истории, остановить поступательное движение капитализма. Только примыкая к пролетариату, она может бороться с капитализмом. Герои Льюиса в лучшем случае симпатизируют пролетариату, но не переходят на его революционные классовые позиции. Льюис не дал ни одного положительного законченного типа[6].

То же самое, почти теми же словами пишет Динамов и в 1928 г., уже после личного знакомства с писателем: «Отрицая буржуазную культуру, Льюис ни в чем и нигде ничего не противопоставлял ей. Он

[4] *Динамов С.* Писатель и революция // Известия. 1935. 8 нояб.

[5] *Динамов С.* Три американских писателя. С. 15.

[6] Там же.

и не мог ничего противопоставить, ибо не вышел сам из этой среды, ибо он в своем творчестве обращается только к буржуазным кругам» и т. д.[7]. Но хотя критически настроенные герои льюисовских романов были лишь «пассивными мятежниками» и мелкобуржуазными интеллигентами, Динамов в конце 1920-х не исключал вероятность того, что Льюис, вслед за Драйзером, решится «идти к нам» и сможет стать революционным писателем:

> Льюис очень интересуется бытом русского пролетариата, стремясь доказать, что рабочий может быть полновластным хозяином жизни. Не есть ли этот интерес предугадывание того нового героя, на которого может опереться писатель в своем отрицании? Возможно[8].

Однако эти надежды все не сбывались. Динамова неприятно поразила ссора Томпсон и Льюиса с Драйзером[9]. В этой ссоре, истоки которой лежали в пребывании троих американцев в Москве, Динамов был на стороне «большого друга СССР» и своего личного друга Драйзера. Но главное — в отличие от Драйзера, Льюис не менялся к лучшему и по-прежнему упорствовал в своих заблуждениях, делая ставку то на критически настроенную интеллигенцию («Эрроусмит»), то на передовых предпринимателей («Додсворт»), то на буржуазных реформаторов («Энн Викерс»), но никак не на революционный пролетариат — и это несмотря на начавшуюся Великую депрессию, заставившую заметно полеветь многих американцев, прежде не питавших особых симпатий к марксизму, коммунизму и происходящему в России.

В начале 1930-х гг. Динамов практически не пишет о Льюисе, что отражает общее снижение внимания к нему советской критики. Резкий подъем интереса к писателю в СССР приходится на 1936 г.[10], и хотя почти все публикации этого года представляли собой либо

---

[7] *Динамов С.* Синклер Льюис // Печать и революция. 1928. № 1. С. 122. Такая же оценка давалась Льюису и другими советскими критиками; см., напр.: *Адонц Г.Г.* Синклер Льюис // Жизнь искусства. 1924. № 18. С. 13–14; *Эйшискина Н.* Из американской литературы. О новом романе Синклера Льюиса «Додсворт» // Новый мир. 1929. № 8–9. С. 299–301; *Левидов М.* Синклер Льюис и Джон Бэббит // Литературная газета. 1933. 29 нояб.

[8] *Динамов С.* Синклер Льюис. С. 122.

[9] Скандал разразился в конце 1928 – начале 1929 г., когда Томпсон подала на Драйзера в суд в связи с заимствованиями из ее книги «Новая Россия» (опубл. 7.9.1928), якобы обнаруженными в травелоге «Драйзер смотрит на Россию» (опубл. 10.11.1928). В марте 1931 г. на банкете литераторов в Метрополитен-клубе Льюис публично обвинил Драйзера в плагиате. В ответ Драйзер дважды дал Льюису пощечину. Возможно, скандал с плагиатом и судебное разбирательство стоили Драйзеру Нобелевской премии, которую получил в 1930 г. муж Д. Томпсон Синклер Льюис, став первым американским писателем-нобелиатом. Подробнее см.: [4].

[10] См.: [5, с. 163–165].

обзорные статьи о творчестве Льюиса, либо были посвящены его книгам прошлых лет, совершенно очевидно, что этот всплеск внимания был связан с выходом нового романа «У нас это невозможно» (*It Can't Happen Here*, 1935), в котором Льюис в преддверии президентских выборов 1936 г. смоделировал возможность прихода к власти в США фашистов во главе с кандидатом-националистом и популистом Берзелиусом Уиндрипом (его прототип — соперник Ф.Д. Рузвельта сенатор Хьюи Лонг, был застрелен осенью 1935 г.).

Пресса, в том числе газета «Правда», подогрела интерес в СССР к книгам Льюиса, о чем свидетельствуют отзывы советских читателей, поступившие в Издательство художественной литературы в 1936–1937 гг. Все они исключительно хвалебные, разве что, вслед за критиками, читатели могут посетовать на недостаток «революционности» у писателя, не понимающего исторической роли пролетариата:

> Прочитав роман Синклера Льюиса «Энн Викерс», хочется выразить пожелание, чтобы больше было таких книг. <…> Нужно отметить, что Энн Викерс, очевидно, с любовью относится к Советской стране. Это видно из того, что она почувствовала боль в душе, когда ее муж Россель попросил с иронией рассказать что-либо о Советской России. Это же видно и в других местах. <…> Я неудовлетворен развязкой данного романа. Почему-то хочется, чтобы Энн Викерс в своей деятельности стала подлинной революционеркой. Советую читать эту книгу всей советской молодежи <…>[11]

Настоящий панегирик Льюису прислал В. Ларин, конструктор московского завода:

> За неимением времени буду очень краток. Роман «Энн Викерс» Льюиса — прелесть. Прочитав 4 романа этого автора, я их ставлю по художественному достоинству в следующем порядке: 1. Эльмер Гантри. 2. Главная улица. 3. Эрроусмит. 4. Энн Викерс.
>
> «Эльмер Гантри» — не сравним ни с чем, мною читанным, от Шекспира до Толстого. Это — гениальное произведение, я читал его два раза подряд, а некоторые места — десятки раз. Это изумительная по социальной значимости и художественному достоинству вещь. По социальной же значимости места меняются: 1. Энн Викерс. 2. Эльмер Гантри. 3. Эрроусмит. 4. Главная улица.

[11] Отзыв от 19.01.1937 студента Томского индустриального института А. Яковчика, 1912 г.р. // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 596. Л. 4–5.

> Льюис умеет тему растворить в людях, событиях, то есть сделать возможное лишь гению. Это, конечно, относится к каждому его произведению в разной степени, учитывая мою классификацию.

Позволив себе только одно критическое замечание в адрес «этого самого лучшего, талантливого писателя современности»: «автор — буржуазный реформатор, поэтому стремления изображаемых им женщин не очень далеки, устойчивы», — горячий поклонник Льюиса обращается с просьбой скорее выпустить его новый роман:

> Я поражен, что <появился> такой социальной и художественной силы роман (с наслаждением прочел о нем в «Правде» в марте-апреле 1936 г.). Это же шедевр, когда же его переведут на русский язык? Я прошу это сделать скорее. <…> Написать в капиталистическом государстве такие социально значительные, обличающие (и это в условиях ку-клукс-клана, Херста, террора, бандитизма), столь обличительные романы… <…> Больше читайте этого прекрасного писателя! Скорее переводите «В САСШ этого не случится»! <…> Прошу ответить о возможности и сроках реализации моих просьб…[12]

Автор отзыва, датированного 9 февраля 1937 г., наверняка остался доволен работой советского книгоиздания: его просьба о переводе нового романа была исполнена стремительно.

Антифашистский роман Льюиса для советской литературно-пропагандистской машины был как нельзя более кстати — он появился в год Парижского конгресса в защиту культуры (организованного при активном «закулисном» содействии Советского Союза), в период консолидации народных фронтов (движение, которое СССР рассчитывал возглавить) и решительного изменения советской литературной политики. На смену классовому принципу поддержки по всему миру пролетарских и революционных писателей приходит программа создания широкого антифашистского литературного фронта с участием литераторов демократических и леволиберальных взглядов; ставится задача привлечь «попутчиков», в первую очередь крупных, всемирно известных авторов. Советская критика разрабатывает концепты «народности» и «классики», а ЦК ВКП(б) и Коминтерн упраздняют МОРП и ставят задачу создания крупных национальных писательских союзов, которые бы объединили левых и центристов на антифашистской платформе под негласным ли-

[12] Там же. Л. 7–8.

дерством коммунистов. Именно такую цель преследовали роспуск в США Клубов Джона Рида (национальной секции МОРП) и создание общенациональной Лиги американских писателей, учредительный конгресс которой прошел в апреле 1935 г.

Позиция Льюиса провоцировала амбивалентное отношение к нему в СССР. Он упорно дистанцировался от левого движения, не стал присоединяться к писательской Лиге США, о чем с разочарованием упоминает Динамов в своей статье о конгрессе американских литераторов[13]. Изображение в его новом романе коммунистов, мягко говоря, вызывало вопросы, что сразу же отметили советские рецензенты американского издания романа.

> Не раз и не два он ставит себе вопрос, не являются ли коммунисты той единственной силой, которая может заменить фашизм. Но согласиться с этим он никак не может. Герой Льюиса продолжает цепляться за исторические традиции американской демократии так же, как явно цепляется за них и сам автор. <…> Когда же он, наконец, встречает коммунистических лидеров, то приходит к выводу, что они — узкие сектанты. <...> При всем том любопытно, что, изображая коммунистов сектантами и отпуская по их адресу устами своего героя всяческие шуточки, Льюис, вместе с тем, нигде не изображает их в плохом свете. Наоборот, он изображает их мужественными, честными и симпатичными людьми. Однако примириться с тем, что заменить фашизм может лишь «просто другая диктатура», он никак допустить не может <…>[14].

Но при всем том роман «У нас это невозможно» появился, словно по заказу, — в самый нужный момент, на самую нужную тему:

> …крупнейший писатель Америки решительно бросил на чашу весов свое имя, все свое влияние, весь свой вес против фашистской опасности, в которой видит угрозу для культуры. Это сделал писатель, произведения которого замолчать нельзя, о романах которого пишут на первых страницах газет[15].

Льюис был тем крупным современным классиком, первым американским писателем-нобелиатом, которого обязательно надо было

---

[13] *Динамов С.* Писатель и революция.

[14] *Ромм В.* Роман Синклера Льюиса о фашизме в Америке // Известия. 1935. 26 нояб.

[15] Там же. См. также: *Сац И.* Синклер Льюис о судьбах человечества («У нас это невозможно») // Литературный критик. 1936. № 11. С. 158–169.

постараться привлечь к сотрудничеству в качестве попутчика. Эту попытку и предпринял Сергей Динамов, одновременно занимавшийся подготовкой публикации романа, который в начале 1937 г. вышел во вверенном ему журнале и практически одновременно — отдельным изданием[16]. Обе публикации сопровождались статьей Динамова[17].

Готовя роман к публикации, Динамов решал две задачи — встроить его в русло советской литературной политики и постараться сделать из его автора максимально лояльного попутчика. Для достижения первой задачи требовалось подвергнуть текст Льюиса цензуре и соответствующей критической интерпретации. Русский перевод романа был издан менее чем через полтора года после выхода американского издания — довольно оперативно, хотя в СССР актуальные книги «на злобу дня» нередко издавали и быстрей. Судя по всему, изрядное время занял процесс цензурирования и согласования — перевод вышел с купюрами. Гораздо позже, в первой половине 1960-х, на излете «оттепели», когда готовилось переиздание романа в составе собрания сочинений Льюиса, встал вопрос о восстановлении полного текста. Журналист с большим опытом редакционно-партийной работы А.Ю. Кривицкий (открывший стране 28 панфиловцев), автор послесловия, писал:

> Камнем преткновения… явились купюры, которые были сделаны в романе при переводе его на русский язык. Как быть с ними? Удобно ли сейчас воспроизводить полностью первое русское издание или следует восстановить сокращения? Приходилось слышать, что из этого тупика невозможно выбраться, так как изъятые из романа места носят резко антикоммунистический и антисоветский характер…
>
> Всего в русском издании, по сравнению с оригиналом… было сокращено 47 страниц машинописного текста. Но дело в том, что значительная часть опущенного материала не содержит в себе ничего ни антисоветского, ни антикоммунистического. Чем диктовались эти сокращения, можно только догадываться. Доля этих купюр, несомненно, вызвана соображениями временными, теми, что диктовались обстановкой культа личности Сталина, другие, возможно, показались «скучной материей» — трудно сказать [3, с. 501].

---

[16] *Льюис С.* У нас это невозможно / пер. З.С. Выгодской // Интернациональная литература. 1937. № 2. С. 29–127; № 3. С. 44–127. (Далее: ИЛ.) Отд. изд.: *Льюис С.* У нас это невозможно / пер. З.С. Выгодской; предисл. С.С. Динамова. М.: Жургаз, 1937 (предисл. вошло в: [1, с. 396–417]).

[17] *Динамов С.* Новый роман Синклера Льюиса // ИЛ. 1937. № 2. С. 180–187.

Сокращения действительно в основном сводились к двум типам. Во-первых, убирались фрагменты, которые расценивались как «длинноты», например, описание городка Форт Бьюла, в котором разворачивается действие (начало II главы), или детали биографии главного героя Дормаса Джессепа (начало III главы). Основной объем пришелся как раз на такие сокращения. Во-вторых, вычеркивалось идеологически неприемлемое, в основном касавшееся компартии, коммунистов, Советского Союза, марксизма и т. п. — и эти купюры были «точечные», обычно сводившиеся к одному-двум предложениям, словосочетаниям, даже отдельным словам, редко — к абзацу. Но именно они отвечали задаче встроить роман Льюиса в русло советской литературной политики и «правильно» представить его советскому читателю. Так, например, во второй реплике диалога

> — Иногда мне хочется стать коммунистом! <…> — воскликнул Джулиан Фок.
>
> — Замечательная идея! Из огня Уиндрипа и Гитлера, да в полымя «Дейли уоркер», Сталина и автоматов! И еще пятилеток — полагаю, мне бы сообщили, что по решению комиссара каждая из моих кобыл теперь должна приносить по шесть жеребят в год! — фыркнул Бак Титус[18] —

было сокращено все сказанное персонажем про СССР: «— Замечательная идея! Из огня Уиндрипа и Гитлера, да в полымя нью-йоркского “Дейли уоркер”! — сердито проворчал Бак Тайтэс»[19].

В VI главе обнаруживается нечастый пример сокращения целого абзаца — на этот раз описания американских коммунистов:

> Однажды, во время автомобильной прогулки с Эммой, он остановился возле летнего лагеря коммунистов. В большинстве своем это были евреи из городских колледжей, аккуратные дантисты из Бронкса, в очках и чисто выбритые, но с фатоватыми маленькими усиками. Они горячо приветствовали новоанглийских сельских жителей и стали объяснять им марксистское евангелие (толкуя которое, они, однако же, яростно спорили друг с другом). В некрашеной столовой, поедая макароны с сыром, они мечтали о московском черном хлебе. Позже Дормас усмехнулся, поняв, как они похожи на отдыхающих из лагеря Ассоциации христианской молодежи, расположенного

[18] *Lewis S.* It Can’t Happen Here. New York: Sun Dial Press, 1935. P. 54.

[19] *Льюис С.* У нас это невозможно // ИЛ. 1937. № 2. С. 50.

> в двадцати милях по тому же шоссе — такие же пуритане, с такими же пустыми назидательными речами и такими же дурацкими играми в резиновый мяч[20].

А.Ю. Кривицкий сообщает, что поскольку практически все идеологически неприемлемые фрагменты, купированные в 1937 г., вложены в романе в уста персонажей и не являются высказываниями от лица автора, было принято решение дать текст романа в собрании сочинений почти целиком, «за исключением буквально нескольких строчек, оскорбительно звучащих для слуха советского человека» [3, с. 501]. Например, одно из немногих невосстановленных мест — упоминание сочинений Маркса в главе IV в связи с книгой героя романа Уиндрипа «В атаку»: «Это была резкая книга, содержащая больше предложений по преобразованию мира, чем все три тома Карла Маркса и все романы Г.Дж. Уэллса вместе взятые»[21]. В русском издании: «Это была острая книга, содержавшая больше планов преобразования мира, чем все романы Г.Дж. Уэллса вместе взятые»[22]. Таким образом, характеристика «Капитала» как сочинения «утопического» была сочтена редакторами оскорбительной для советской читающей публики.

Сергей Динамов еще в первой половине 1936 г. уведомил автора, что в русском переводе его роман выйдет с сокращениями. Из дальнейшей переписки ясно, что речь шла об изображении коммунистов. Краткий ответ Льюиса Динамов точно процитировал в своей сопроводительной критической статье:

> В письме ко мне Льюис пишет: «Что я хотел сказать о коммунизме, я думаю, можно судить по тому, как я показал в моей книге “У нас это невозможно” коммунистических агитаторов как положительных и цельных людей в лучшем смысле этого слова».
>
> Следует приветствовать выраженные в письме писателя симпатии к коммунистам и пожалеть, что он не проявил их в достаточной степени в романе[23].

---

[20] *Lewis S.* It Can’t Happen Here. P. 58. См. сокращение в рус. пер.: ИЛ. 1937. № 2. С. 52.

[21] *Lewis S.* It Can’t Happen Here. P. 37.

[22] ИЛ. 1937. № 2. С. 50; *Льюис С.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Правда, 1965. Т. 6: У нас это невозможно. Статьи. С. 36.

[23] *Динамов С.* Новый роман Синклера Льюиса. С. 187. Ср: «Dear Mr Dinamov: What I mean to say about Communism may, I think, be judged from the gallantry and integrity — and good hard sense — which I attribute to the Communist agitators in “It Can’t Happen Here”. My best greetings & believe me. Cordially yours, Sinclair Lewis. July 6, 1936» (автограф: РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 872. Л. 1).

Подчеркивая в статье злободневность романа («Тема нового романа Синклера Льюиса — фашизм»), Динамов перечисляет сильные стороны новой книги: реалистичность антиутопии («Синклер Льюис берет тенденции и превращает их в полнокровные образы и картины. Эти тенденции — фашистские»), документальность («Чтобы еще более реализовать свою “фантастику”, Синклер Льюис обильно насыщает роман всякого рода документами»), верность жизненной правде (в том числе явная прототипичность героев)[24]. Однако заключительная часть статьи посвящена разбору идейных ошибок писателя — его отношению к коммунистам:

> Самое неприятное в книге то, что Синклер Льюис явно плохо понимает коммунистов: все коммунисты кажутся ему сухими и ограниченным догматиками, слабыми и бессильными людьми, обычно ничего не понимающими в политических процессах.
>
> Синклер Льюис почему-то считает, что американские коммунисты не любят своей родины, что они люди без отечества, что интернационализм американских коммунистов противостоит тому, что они — сыны Америки.

Ошибка Льюиса и в том, что для него главный герой роман Дормас Джессеп, «тихий либерал, издатель и редактор местной газеты», «есть центральная фигура борьбы с фашизмом». «Так ли это? Конечно, нет!» — восклицает Динамов, подробно разъясняя, что не так с Джессепом, который «представляет себе социализм как всеобщую бытовую обезличку», «где он потеряет свою индивидуальность». Индивидуализм мешает ему понять, что прогрессивная «интеллигенция Запада все более и более сближается с народом, что она восстанавливает утраченную близость к народу», поскольку «именно трудящиеся есть основа народного фронта, и интеллигенция без связи с рабочим классом… была бы бессильна». Этого, как подчеркивает Динамов, не понимает не только герой романа, «этого не понимает Синклер Льюис». В итоге Джессеп, «горячий и идейный сторонник демократии», «считает своей обязанностью быть против коммунистов»:

> Джессеп не видит, что коммунисты, проводя политику единого народного фронта, именно и являются сейчас опорой демократизма, и что коммунизм есть самое демократическое учение. Народ и де-

[24] Там же. С. 183. Далее статья Динамова в ИЛ цитируется без указания страниц.

> мократия — неотделимые вещи, но ведь коммунисты и есть партия народа.

Динамов определяет главную ошибку Льюиса: «Он не понял основного в антифашистском движении, он свысока смотрит на народ, эту основу основ народного фронта. <…> Эта поистине роковая ошибка приводит Синклера Льюиса к извращению действительности, к отступлению от реализма».

Получив ответ Льюиса на вопрос о том, что он думает о коммунистах, Динамов в октябре 1936 г. отправляет ему «экземпляр нашей “Интернациональной литературы” (русскую версию) с очень интересной статьей Леонарда Спира о Вашем творчестве»[25]. Большой переводной очерк американского пролетарского поэта Леонарда Спира[26] полностью отвечал канону советских критических статей о творчестве Льюиса. Обозревая творческий путь писателя вплоть до романа «У нас это невозможно», Спир трактовал Льюиса как великого реалиста, давшего художественное изображение «бэббитариата» — паразитической части среднего класса. Вместе с тем критик отмечал классовую ограниченность самого писателя, представителя мелкобуржуазной интеллигенции с ее приверженностью американской традиции индивидуализма и «личного анархизма». Эта мелкобуржуазная ограниченность выражается, в частности, в отношении к коммунистам, которые «в книгах Льюиса или мученики, или люди, одержимые страстью к разрушению». И в его новом романе вся политическая жизнь сводится к «столкновению двух групп “среднего класса” — реакционеров и либералов»:

> Рабочие, как и в других книгах Льюиса, либо вообще не существуют, либо показаны мельком как игрушка в руках «бэббитариата». Льюис живо расправляется с коммунистической партией, изображая ее как замкнутую секту, лишившуюся силы и влияния вследствие устарелых методов пропаганды и неразумного отношения к интересам личности.

---

[25] С. Динамов — С. Льюису. 15.10.1936 // РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 872. Л. 2. Оригинал на англ.

[26] *Спир Л.* Творчество Синклера Льюиса // ИЛ. 1936. № 9. С. 118–133. Леонард Спир (Leonard C. Spier) входил в группу «Бунтующих поэтов» (Rebel Poets), печатался в журналах «Rebel Poet» (1931–1932), «Anvil», редактором которых был пролетарский писатель Джек Конрой, издававшийся в СССР и поддерживавший деловые и дружеские контакты с «Интернациональной литературой».

Сторонник демократии и либерал Льюис, как и его герой Джессеп, боится любой диктатуры — как фашистской, так и пролетарской, «не понимая», что третьего пути не дано.

> Льюис как будто занимает шаткую позицию человека, <…> не желающего признать, что единственным выходом из этого положения является установление пролетарской диктатуры. Он совершенно не уверен в том, что необходимо выбирать между коммунизмом и фашизмом. Он искренне убежден, что американцам, живущим в демократической республике, есть что сказать по вопросу о государственном устройстве[27].

Разумеется, по мнению коммунистической критики, Льюису только кажется, что ему «есть что сказать», на самом же деле в романе видны политическая незрелость классово ограниченного мелкобуржуазаного либерала, который не в состоянии дать глубокий анализ тревожных социальных процессов, не понимая их природы. Спир подкрепляет свое мнение ссылкой на авторитетного критика, коммуниста Грэнвилла Хикса:[28]

> Один из непростительных недостатков книги, как указал Хикс, заключается в том, что совершенно не выяснены причины, обусловившие установление диктатуры. Кажется, что эта перемена произошла случайно, внезапно и что при небольшом усилии либералы могли бы вернуть «доброе старое время», только с некоторыми нововведениями.

В конце статьи Спир задается вопросом о том, есть ли вероятность превращения Льюиса из «попутчика» в «товарища»:

> Американские рабочие любят Синклера Льюиса как художника-сатирика <…>. Они называют его «блестящим писателем». Придется ли им когда-нибудь приветствовать его как великого революционного писателя и как товарища? Конечно, предсказать этого нельзя. Еще недавно это могло показаться маловероятным. Но

---

[27] Там же. С. 129–132.

[28] Грэнвилл Хикс (Granville Hicks, 1901–1982) — американский писатель, публицист, выпускник Гарварда. В 1930-е — один из самых влиятельных марксистских критиков, член КП США, автор биографии Джона Рида. В 1939 г. в знак протеста против советско-германского пакта вышел из компартии и вскоре окончательно разочаровался в идеях коммунизма. Л. Спир ссылается на рецензию: [9].

кто знает, что сделает неподкупно честный, мужественный человек, если он станет лицом к лицу с новым средневековьем…[29]

Эту статью, написанную соотечественником Льюиса, Динамов отправил писателю, полагая, очевидно, что тот должен задуматься над критикой и над прозвучавшим в финале вопросом — а точнее, призывом стать в ряды ведомого коммунистами народного фронта.

Тот же прием дидактического поучения автора Динамов широко использовал и в собственном предисловии к роману, ставя в пример Льюису «правильных» американцев: «Для С. Льюиса было бы очень полезно задуматься над вопросами, поднятыми М. Каули»; «Об этом очень хорошо сказал крупный американский писатель Уолдо Фрэнк»; «Теодор Драйзер правильно пишет, что…»; «Теодор Драйзер правильно предупреждает»; «Джозефина Хербст говорит об этом же»; «Кеннет Бэрк правильно отмечает» и т. д., а при этом — «С. Льюис не заметил того, что знает и чувствует каждый подлинно передовой американский писатель» [1, с. 412–417]. Можно сказать, что статья Динамова – апофеоз воспитательной критики.

Проведя «артподготовку», Динамов в начале 1937 года переходит в решительную атаку. Он пишет письмо Синклеру Льюису, сообщая о публикации романа в русском переводе с небольшими купюрами и предпринимая еще одну попытку «перетащить» живого классика на свою сторону:

февраль 1937
М-ру Синклеру Льюису
В издательство Doubleday Doran Co,
Гарден-сити, шт. Нью-Йорк

Дорогой Синклер Льюис,

Я дважды прочитал Вашу книгу «У нас это невозможно» (во второй раз — когда я получил Ваш ответ на мое письмо, в котором я спрашивал Вас о том, как Вы относитесь к коммунистам).

Надеюсь, Вы не обидитесь, если я откровенно выскажусь по этому вопросу.

Я коммунист, член партии с 1919 года. И почему-то я никогда не замечал, чтобы коммунисты были глупыми, смешными, не умели поддержать культурный разговор, не разбирались в элементарных вопросах политики и т. п.

[29] ИЛ. 1936. № 9. С. 132–133.

Вы, вероятно, тоже знакомы с Грэнвиллом Хиксом и Джозефом Фрименом[30]. Почему же Вы не подумали о таких коммунистах, когда Вы описывали деятельность американских коммунистов? Не стану говорить о тех, с кем я не знаком, но я мог бы кое-что сказать о Роберте Майноре или Эрле Браудере[31] — они вовсе не похожи на тех глупых лидеров американской компартии, которых Вы вывели в своей книге.

У Вас есть дар различать в людях типическое, но в Вашем последнем романе коммунисты совсем не типичны — они карикатурны. Поймите, случилось так, что все коммунисты, описанные в Вашей книге, не похожи на коммунистов. Если бы такие коммунисты пробрались в партию, их бы вскоре выгнали оттуда. Крикуны во всем мире объявляют себя коммунистами — но это просто самозванцы, и они всегда держатся на безопасном расстоянии от партии.

Вы — писатель, к которому прислушивается весь мир, и, конечно, Вы можете рассердиться на меня за эту критику. Но я прошу Вас, не сердитесь! Ведь я — Ваш читатель, зачем же сердиться на своих читателей? И раз так, позвольте мне продолжить этот разговор.

Есть много плохих людей. Некоторых из них можно встретить в компартии. Но зачем обращать внимание только на тех, которые случайно оказались среди коммунистов?

Помните ли Вы нашу беседу в Москве в 1927 году? Вы говорили, что в Америке нет революционеров. Но ведь Вы обнаружили их, не правда ли? И кто они такие? Джессепы, Троубриджы. Да, они героически борются против фашизма. Но неужели Вы думаете, что все революционное движение в Америке ограничивается демократами-антифашистами? Это не так. У вас там это невозможно.

За вычетом этого, Ваша книга замечательно написана. Я собираюсь ее опубликовать в русском издании «Интернациональной литературы». Но поскольку она публикуется в стране, где всем известно, каков типичный коммунист, я беру на себя смелость сделать соответствующие сокращения.

Мои лучшие пожелания мисс Дороти Томпсон. Искренне Ваш Сергей Динамов.

---

[30] Джозеф Фримен (Joseph Freeman, 1897–1965) — американский литератор, критик, член КП США, в 1930-е был редактором ряда левых изданий, в том числе прокоммунистических марксистских «New Masses» и «Partisan Review». Вышел из компартии в 1939 г.

[31] Роберт «Боб» Майнор (Robert Berkeley Minor, 1884–1952) по кличке «Боевой Боб» (Fighting Bob) — леворадикальный журналист, художник-карикатурист, член КП США, занимавший разные ответственные посты (член Исполкома ЦК КП США, член Исполкома Общества друзей Советской России и др.). Эрл Браудер (Earl Russell Browder, 1891–1973) — американский политик, генеральный секретарь КП США (1930–1945).

P.S. Вы, конечно же, получите гонорар за Вашу книгу[32].

Вслед за этим письмом Динамов отправил Льюису оба номера «Интернациональной литературы» с вышедшим переводом (особо указав в сопроводительной записке, что в № 2 также напечатана его, Динамова, статья о романе) и свою статью в журнале «Литературное обозрение» — отклик на только что вышедшее в «Жургазе» отдельное издание романа. Эта рецензия в основном воспроизводит написанное им в предисловии к жургазовскому изданию и послесловии к журнальной публикации. К последнему Динамов добавил пассаж о роли коммунистов в организации учредительного съезда Лиги американских писателей, которые «вели за собой весь конгресс»[33] и всех объединившихся писателей-антифашистов (среди которых, однако, не было Льюиса). Опровергая ошибочные представления американского нобелиата о коммунистах (что они, якобы, «сектанты» и «мечтают только о Москве, работают только для Москвы, и что им не дороги судьбы их родины — Америки»), Динамов снова использовал мнение соотечественника Льюиса, процитировав публикацию в «New Masses» «беспартийного американского литератора» Роберта Форсайта:

> Москва в настоящее время является нашим духовным отечеством, но все надежды мы возлагаем на Америку. Мне кажется невозможным путешествовать по Америке и не почувствовать красоты и величия этой страны. Советская Америка была бы триумфом цивилизации. Коммунист, путешествующий по этой стране, испытывал бы не чувство неловкости, а глубокой грусти: такая прекрасная страна и так изуродована политической и экономической системой, которая не дает ей развиваться полностью[34].

«Синклер Льюис считает, что борьба интеллигентов за демократию должна вестись на два фронта: против фашистов и против коммунистов. Роковая ошибка, выгодная только для врагов демократии», — пишет Динамов и, как и Л. Спир, заканчивает статью призывом к Льюису «встать на правильную сторону», признать руководящую и направляющую роль компартии и присоединиться

[32] РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 872. Л. 3–4. Машинопись, оригинал на англ.

[33] Литературное обозрение. 1937. № 6. С. 29.

[34] Там же. Динамов цитирует рецензию Р. Форсайта на книгу Э. Уилсона «Путешествие по двум демократиям»: [8, p. 29].

к народному антифашистскому фронту — хотя бы из чувства американского патриотизма:

> Коммунисты — лучшие патриоты своей родины. Передовые люди, все честные интеллигенты, все антифашисты и коммунисты не могут не быть патриотами своей страны. Вспомним, с какой гордостью говорил товарищ Димитров на процессе в Лейпциге, что он гордится тем, что он болгарин. Разве американские коммунисты не гордятся тем, что Америка — родина Уолта Уитмена. Но патриотизм передового человечества вовсе не означает любви к тому грязному и отвратительному, что принес и что насаждает капитализм. <…> Хотелось бы думать, что Синклер Льюис, горячо ненавидящий реакцию и фашизм, поймет, что эта его ненависть сближает его с коммунистами, и изживет свои заблуждения и вредные иллюзии[35].

Грэнвилл Хикс писал в вышеупомянутой рецензии на роман Льюиса: «”У нас это невозможно” не является великим романом. Это политический трактат <…> Об этой книге надлежит судить как о политической публицистике и одновременно следует сразу же ясно сказать, что Синклер Льюис выпустил отважную и невероятно полезную книгу» [9, p. 22]. И сам Динамов, всячески подчеркивавший в своих статьях достоинства романа, тоже был не слишком высокого мнения о нем, как и вообще о Льюисе 1930-х. Это мнение он не выражал в печати, но позволил себе высказать его на лекции по американской литературе, прочитанной в апреле 1936 г. в Институте красной профессуры. Говоря о Льюисе как о представителе критически настроенного «поколения 20-х годов», он подчеркивает деградацию романиста, так и не сумевшего преодолеть свою мелкобуржуазную ограниченность и стать писателем революционным.

> Ирония — это пафос Синклера Льюиса, и неслучайно, что он поднимается на волне этого движения 20-х годов. Вместе со спадом этого движения, вместе с просперити, мы наблюдаем и падение Синклера Льюиса.
>
> Чем объясняется то обстоятельство, что Синклер Льюис — очень большой художник, человек, зараженный ненавистью к стандарту, — после этих вещей ничего не мог сказать? <...> Его роман «Человек, который знал Куллиджа» — это просто сборник американских анекдотов, отрывочных новелл. Его работа «Анна

[35] Литературное обозрение. 1937. № 6. С. 29.

Виккерз» (1933) содержит уже оправдание американизма. В этой книге Синклер Льюис проповедует примирение с американской действительностью. Художник все больше и больше падает, к нему стали меньше прислушиваться, о нем стали меньше писать. Утеря иронического отношения к американской действительности означает для него гибель таланта.

Я его спросил: «Почему вы не даете в ваших книгах революционную американскую интеллигенцию, рабочий класс?» Он ответил, что этих людей в Америке нет — «я их не вижу». Однако когда он вернулся в Америку (он провел у нас десять дней и, в сущности, ничего не видел), он поехал к рабочим на Юг. В результате появилась тоненькая книжка: «Дешевый и довольный труд». В этой своей книге, появившейся в начале 1930 года, Синклер Льюис описывает стачку текстильщиков. Однако, месяцев через шесть после этого, он дает уже интервью о том, что он восторженно относится к Америке, что его героям не хватает только одного: нужно, чтобы они меньше ели и больше делали, и тогда его Бэббиты будут замечательными людьми. <…>

Синклер Льюис подчиняет себя американскому стандарту и только в конце прошлого года издает новый роман «Это здесь не может случиться». Роман показывает карьеру фашистского диктатора. Не нужно думать, что Синклер Льюис в этом романе — антифашист. Он вообще выступает против всякой диктатуры — будь то фашистская диктатура, будь то диктатура коммунистическая. <…> Однако в американских условиях эта книжка имела большое антифашистское значение, и неслучайно, что роман был запрещен.

Вот фигура человека, который задержался на полпути и пошел вниз. Даже этот роман его — мрачное произведение с точки зрения художественной. Это сплошная публицистика, всякого рода речи, воззвания, политические разговоры. Здесь нет того искусства, которым дышали его прежние книги, когда в ироническом выражении он давал огромный художественный материал[36].

Критически оценивая позднего Льюиса и его роман «У нас это невозможно», Динамов, честно выполняя партийную установку, использовал все доступные ему средства, чтобы привлечь к движению народного фронта крупного и влиятельного американского писателя и пополнить список выпускаемых в СССР полезных и нужных

[36] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1043.

книг, отвечающих главной задаче литературной политики середины 1930-х.

Роман Льюиса, написанный «на злобу дня», вскоре занял в его наследии второстепенное место, однако в последнее время и на родине автора и в России он снова переживает всплеск популярности и привлекает внимание критики в связи с появлением на политическом Олимпе фигуры Дональда Трампа[37]. Очевидно, что роман Льюиса посвящен тем процессам, которые циклически повторяются в политической истории, и потому вряд ли будет сдан в архив.

Литература

1. *Динамов С.* Зарубежная литература: сб. ст. М.: ГИХЛ, 1960. 455 с.

2. *Красавченко Т.Н.* Синклер Льюис и его американская антиутопия «У нас это невозможно» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал ИНИОН РАН. 2020. № 1. С. 89–100.

3. *Кривицкий А.* У них это есть! (Послесловие, с которым есть смысл ознакомиться до чтения романа) // *Льюис С.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Правда, 1965. Т. 6: У нас это невозможно. Статьи. С. 493–506.

4. *Кузина Д.Д.* «Новая Россия» и старые обиды: о литературном скандале вокруг советских травелогов Т. Драйзера и Д. Томпсон // Studia litterarum. 2020. Т. 5, № 4. С. 146–165. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-146-165

5. *Либман В.А.* Американская литература в русских переводах и критике. Библиография. 1776–1975. М.: Наука, 1977. 452 с.

6. *Панов С.И.*, *Панова О.Ю.* Американские писатели на Октябрьских торжествах 1927 г. // Новый филологический вестник. 2018. № 3 (46). С. 174–184.

7. *Dunaway D.K.* Literature of American Fascism // Литература двух Америк. Сетевая версия. 2017. URL: https://litda.ru/images/online-2017/David_King_Danaway_Lit_of_America_Fascism_2017.pdf (дата обращения: 05.07.2024).

8. *Forsythe R.* The Land of Ours // New Masses. 1936. June 16.

9. *Hicks G.* Sinclair Lewis — Anti-Fascist (Review of “It Can’t Happen Here”) // New Masses. 1935. Oct. 29. Vol. XVII, № 5.

[37] См., напр.: [7; 2].

Research Article and Publication of Archival Documents

Instructive Criticism: Sergei Dinamov and Sinclair Lewis

© 2025. Olga Yu. Panova, Sergey I. Panov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00393 "Russia and the West Viewing Each Other: Literature at the Intersection of Culture and Politics, 20th Century" (https://rscf.ru/en/project/23-18-00393/).

Abstract: The paper concentrates on the reception of American Nobel prize winner Sinclair Lewis in Soviet literary criticism of the 1920s–1930s. The interpretation of Lewis' work by a prominent Americanist, literary critic, Party functionary, and editor-in-chief of the *International Literature* magazine Sergei Dinamov is in the focus of attention. The article traces the publication history of Lewis's political novel *It Can't Happen Here* (1935) in the USSR, its editing, censoring, cutting and translating, as well as its critical analysis and evaluation. In his critical reviews and articles Dinamov sought to give the Soviet reader a "correct" and "up-to-date" interpretation of the novel, and tried, though unsuccessfully, to influence the author, convincing Lewis to reconsider the images of communists in his work. The paper is based on the publications in the 1930s Soviet press as well as archived materials — Dinamov's correspondence with Lewis, Soviet readers' reviews from the 1930s of the American writer's novels, and a transcript of Dinamov's 1936 lecture at the Institute of Red Professors, that contains a critical survey of Lewis's work.

Keywords: Sinclair Lewis, Sergei Dinamov, Soviet literary criticism, American literature, cultural activism, political novel, 20th century literary contacts.

Information about the authors:

Olga Yu. Panova, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, bld. 51, 119991 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2520-120X

E-mail: olgapanova65@gmail.com

Sergey I. Panov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7240-7219

E-mail: sergeipanov@ mail.ru

For citation: Panova, O.Yu, and S.I. Panov. "Instructive Criticism: Sergei Dinamov and Sinclair Lewis." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 246–267. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-246-267

References

1. Dinamov, S. *Zarubezhnaia literatura: sbornik statei* [*Foreign Literature: Collection of Articles*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1960. 455 p. (In Russ.)

2. Krasavchenko, T.N. "Sinkler L'iuis i ego amerikanskaia antiutopiia 'U nas eto nevozmozhno'." ["Sinclair Lewis and His American Anti-utopia 'It Can't Happen Here'."] *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriia 7: Literaturovedenie. Referativnyi zhurnal INION RAN*, no. 1, 2020, pp. 89–100. (In Russ.)

3. Krivitskii, A. "U nikh eto est'! (Posleslovie, s kotorym est' smysl oznakomit'sia do chteniia romana)" ["They Have It There! (Afterword to Be Acquainted with Before Reading the Novel)"]. L'iuis, S. *Sobraniie sochinenii: v 9 t.* [*Collected Works: in 9 vols.*], vol. 6: U nas eto nevozmozhno. Stat'i [It Can't Happen Here. Articles]. Moscow, Pravda Publ., 1965, pp. 493–506. (In Russ.)

4. Kuzina, D.D. "'Novaia Rossiia' i starye obidy: o literaturnom skandale vokrug sovetskih travelogov T. Drajzera i D. Tompson" ["'The New Russia' and the Old Offenses: The Scandal Around T. Dreiser's and D. Thompson's Soviet Travelogues"]. *Studia litterarum*, vol. 5, no. 4, 2020, pp. 146–165. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-146-165 (In Russ.)

5. Libman, V.A. *Amerikanskaia literatura v russkikh perevodakh i kritike. Bibliografiia. 1776–1975* [*American Literature in Russian Translations and Criticism. Bibliography, 1776–1975*]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 452 p. (In Russ.)

6. Panov, S.I., and O.Yu. Panova. "Amerikanskie pisateli na Oktiabr'skikh torzhestvakh 1927 g." ["American Writers at the October Revolution Celebrations, 1927"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (46), 2018, pp. 174–184. (In Russ.)

7. Dunaway, David K. "Literature of American Fascism." *Literature of the Americas. Online version*, 2017. Available at: https://litda.ru/images/online-2017/David_King_Danaway_Lit_of_America_Fascism_2017.pdf (Accessed 05 July 2024). (In English)

8. Forsythe, Robert. "The Land of Ours." *New Masses,* June 16, 1936. (In English)

9. Hicks, Granville. "Sinclair Lewis — Anti-Fascist (Review of 'It Can't Happen Here')." *New Masses*, vol. XVII, no. 5, Oct. 29, 1935, pp. 22–23. (In English)

Статья поступила в редакцию: 05.10.2024
Одобрена после рецензирования: 20.01.2025
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 05.10.2024
Approved after reviewing: 20.01.2025
Date of publication: 25.03.2025

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0, 802.091
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-268-285
https://elibrary.ru/YAXPBG

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Время пустых обещаний миновало»: советские контакты представителей американской еврейской печати

© 2025, О.И. Щербинина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393, «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (https://rscf.ru/project/23-18-00393/).

Аннотация: В статье восстанавливаются советские контакты представителей левой американской еврейской печати, возобновленные в «оттепельном» 1956 г. На основе материалов прессы, а также документов РГАЛИ и РГАНИ, мы прослеживаем, как нью-йоркские «идишисты» П. Новик и Х. Суллер пытались выполнить нетривиальную задачу: не порвав дружеские связи, деликатно, но одновременно решительно стимулировать своих московских коллег к более энергичным действиям, направленным на возрождение еврейской культуры в СССР. Надеясь на возврат к довоенным годам, американцы подчеркивали необходимость открытия еврейских театров, издательств, газет, литературных журналов. В контактную группу по этому вопросу с советской стороны входили председатель Союза писателей А. Сурков, а также «актив» еврейских писателей под руководством А. Вергелиса. В статье реконструируется, как проходил год напряженных переговоров, личных встреч, публичных высказываний и обмена письмами, продемонстрировавший, что возрождение еврейской словесности в «оттепельном» СССР затягивается, а все проактивные предложения американской стороны саботируются. Помня об участи, которая постигла членов Еврейского антифашистского комитета в последние годы правления Сталина, представители контактной группы координировали каждый шаг с вышестоящим руководством из ЦК, что неизбежно вело к длительным проволочкам. В приложении к статье публикуется записка А. Вергелиса председателю Иностранной комиссии Союза писателей Б. Полевому, в которой предупреждается о кризисе

в партнерских отношениях с представителями западной леволиберальной еврейской печати.

Ключевые слова: советско-американские контакты, «оттепель», еврейские писатели, П. Новик, Х. Суллер, А. Вергелис, архивные материалы.

Информация об авторе: Ольга Ивановна Щербинина — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 82, к. 2, 119571 г. Москва Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2102-547X

E-mail: olga-scherbinina24@mail.ru

Для цитирования: *Щербинина О.И.* «Время пустых обещаний миновало»: Советские контакты представителей американской еврейской печати // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 268–285. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-268-285

В начале 1950-х гг., когда в СССР развернулась масштабная антисемитская кампания, советская еврейская литература и театр практически прекратили свое существование. На Западе новости об арестах, репрессиях, убийствах видных деятелей еврейской культуры сразу же запустили волну общественного возмущения. Особо активно недовольство высказали еврейские организации, религиозные протестантские и католические сообщества, либеральная пресса [5, p. 146–155]. Однако левая просоветская («Daily Worker», «Masses and Mainstream», «Political Affairs»), в том числе, еврейская печать («Morgen Freiheit», «Jewish Life») отрицала антисемитский крен в политике СССР и настаивала, что тревожные слухи о сталинских погромах являются очередной антисоветской клеветой и дезинформацией. Признать горькую правду пришлось лишь после XX съезда КПСС, на котором Н. Хрущев 25 февраля 1956 г. выступил с закрытым докладом «О культе личности и его последствиях», текст которого вскоре стал известен и опубликован на Западе (в США на английском — 5 июня).

Исследователи неоднократно отмечали, что реабилитация и частичное восстановление еврейской культуры, литературы и печати в «оттепельном» СССР проводились под давлением внешнеполитического фактора: прессинга еврейских «прогрессивных» сил Запада [1, с. 188]. На основе архивных материалов из фондов РГАЛИ и РГАНИ мы предпримем попытку описать формы и средства этого воздействия, а также продемонстрировать, насколько поверхностным было обоюдное понимание реальных силовых

линий внутри «полей» — социальных и литературных, в советской России и современной ей Америке. Свое внимание мы сосредоточим на 1956 г., когда СССР впервые за десятилетие посетили сразу несколько делегаций, интересующихся положением советских евреев: представитель газеты «Morgen Freiheit» Х. Суллер, издатель нью-йоркской газеты «Day-Morning Journal» Г. Шошкес, главный редактор парижской прокоммунистической газеты «Нейе Прессе» (на идиш) Г. Кениг. С похожими «инспекциями» в Москве также побывали нью-йоркские раввины (шесть представителей Совета раввинов Нью-Йорка во главе с Морисом Керцером, а затем — пять членов ортодоксального Раввинского совета Америки под руководством Дэвида Холландера) и члены политбюро Канадской рабочей прогрессивной партии.

Выдавшийся насыщенным на визиты год начался с весеннего переполоха. В кругах американских «левых» публичные дискуссии о положении еврейской культуры в СССР начались 4 апреля 1956 г., когда в польской газете «Folkstimme» была опубликована статья «Наша боль и наше утешение». В ней признавался факт существования советского антисемитизма, однако ответственность за него возлагалась на «банду Берии». Как отмечают историки, ЦК КПСС курировал публикацию статьи в «Folkstimme», полагая, что признание прошлых ошибок обелит в глазах Запада пришедшего к власти Хрущева и его сподвижников [1, с. 237]. Однако статья произвела совершенно противоположный эффект, а содержавшиеся в ней оправдания режима выглядели не иначе, как спекуляции на крови мучеников.

Совершенно неожиданно одной из первых «взбунтовалась» редакция коммунистической «Daily Worker» — газеты, проявлявшей слепую лояльность Советскому Союзу на протяжении многих десятилетий (в свое время в ней оправдывались «московские процессы» 1930-х гг., «пакт Молотова-Риббентропа», осуждались троцкизм, ревизионизм, в т.ч. американский «браудеризм»). 13 апреля 1954 г. в газете вышла редакционная статья «Прискорбные деяния», в которой была сформулирована резкая позиция в отношении советского правительственного антисемитизма: «Чувство негодования, злости, скорби охватило нас, когда мы узнали о вопиющих нарушениях социалистических принципов, имевших место при Сталине в СССР. <…> Эти принципы были преступно попраны, когда в конце 1940-х гг. против еврейских активистов были сфабрикованы уголовные дела, многих их них казнили, а еврейские газеты и культура в целом оказались под запретом. Со своей стороны, мы признаем, что мы слепо

верили в объяснения, почему еврейская культура прекратила свое существование в СССР в конце 1940-х гг. Если бы мы не были столь слепы, мы бы послужили делу социализма намного лучше»[1].

Редакцию «Daily Worker» на тот момент возглавлял Джон Гейтс — выходец из польско-еврейской семьи, эмигрировавшей в США, в 1949 г. осужденный на пять лет по закону Смита (Smith Act, 1940). Совместно со своими единомышленниками, многие из которых имели еврейские корни — Джозеф Кларк, Бен Левин, Боб Фридман, Говард Фаст, Алан Макс, — Гейтс решился на открытую конфронтацию с фостеровским руководством компартии США, занявшим просоветскую позицию. Вспоминая тот переломный для всего левого движения момент, Г. Фаст писал: «Мы открыли страницы “Daily Worker” для сотен и сотен писем читателей. Мы печатали всех: безумцев, сумасшедших, твердолобых, трезвомыслящих и разумных, грамотных и безграмотных, мудрых и глупцов. Впервые на нашей памяти свободная дискуссия всколыхнула партию»[2].

Это либеральное, протестное крыло компартии, сплотившееся вокруг «Daily Worker», состояло из более молодых представителей американского еврейства: рожденные в США, многие из них получили высшее образование в американских университетах и были хорошо интегрированы в общественную жизнь. Напротив, газета «Morgen Freiheit» оказалась центром притяжения для более пожилых, бедных, родившихся заграницей — преимущественно, в странах Восточной Европы, говоривших на идише евреев. Анализируя послесъездовское «брожение» в среде американских коммунистов, социолог А. Либман приходит к выводу: «“идишисты” “Freiheit” пытались заглушить недовольство Советским Союзом и сохранить лояльность своих читателей компартии. “Американизированные” евреи, контролировавшие “Daily Worker”, выступили с критикой Советского Союза, став первыми диссидентами» [6, p. 519].

К «идишистам» относился и главный редактор «Morgen Freiheit» Пол Новик, председатель еврейской секции компартии США. Он поддерживал тесные рабочие контакты с ЦК ВКП(б) / КПСС и многократно посещал СССР (в 1932, 1936, 1946, 1959, 1965 гг.). Как редактор прогрессивной ежедневной еврейской газеты, «борющейся за мир и дружбу между Соединёнными Штатами и Советским Союзом», Новик счел необходимым лично обратиться к Б. Полевому, который совсем недавно посетил США в составе делегации семерых

[1] Grievous Deeds // Daily Worker. 1956. April 13.

[2] *Fast H*. The Naked God. New York: Praeger, 1957. P. 44.

работников советской печати (см.: [4]). Новик полагал, что руководитель Иностранной комиссии Союза советских писателей Полевой поможет прояснить детали волнующих всех вопроса. Описывая встревоженное состояние еврейской леволиберальной общественности, в письме от 6 июня 1956 г. Новик отмечал:

> Неожиданное исчезновение советской еврейской культуры в ноябре 1948 года, когда были закрыты Еврейский антифашистский комитет и его печатный орган «Эйнигкайт», а также издательство «Эмес», а впоследствии (несколько месяцев спустя) Еврейский Государственный театр — все эти события явились источником беспокойства для друзей Советского Союза и источником антисоветской пропаганды для его врагов. Недавно евреи Соединенных Штатов и, в особенности, наши читатели были потрясены и взволнованы сообщениями из Варшавы о том, что многие известные еврейские писатели и художники, такие, как Давид Бергельсон, Перец Маркиш, Ицик Фефер, Дер Нистор, Лев Квитко, Бениамин Зускин и другие были уничтожены[3].

Успокоить публику могли доказательства того, что «Советский Союз возвращается к ленинским нормам и возрождает ленинскую национальную политику». Со своей стороны Новик приглашал советских еврейских писателей присылать в «Morning Freiheit» свои статьи, рассказы, очерки. Регулярный поток литературной продукции из-за «железного занавеса» мог стать наглядной демонстрацией того, что они здравствуют и плодотворно работают[4].

Пытаясь форсировать ситуацию, «Morning Freiheit» напрямую связалась с редакцией газеты «Биробиджан-штерн». 21 июня П. Новик отправил в Биробиджан письмо: «Сегодня, после 15–16-летнего перерыва, нам удалось посмотреть “Биробиджан-штерн” — удалось случайно. Ставим перед вами вопрос о том, чтобы газета направлялась нам непосредственно, если возможно, авиапочтой. “Morgen Freiheit” вам высылается. Просим Вас немедленно обсудить этот вопрос и поставить нас в известность»[5]. Естественно, евреи Биробиджана, хорошо помнившие, как члены ЕАК поплатились за свои связи с западным миром, и помыслить не могли ни о каких не опосредованных контактах с Нью-Йорком. Однако редакция «Morgen

[3] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3879. Л. 4.

[4] Там же. Л. 5.

[5] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Ед. хр. 4. Л. 69.

Freiheit» продолжала атаковать своих советских коллег запросами. Первый секретарь обкома КПСС Еврейской автономной области Л. Бенькович докладывал:

> 5 июля в адрес газеты «Биробиджан-штерн» поступила телеграмма на английском языке следующего содержания: «Пришлите, пожалуйста, юбилейный номер “Штерн”. — “Морген-фрайхайт”».
>
> 7 июля в адрес газеты поступили две вырезки из нью-йоркской газеты «Морген-фрайхайт», содержащие следующие статьи: «Еврейский вопрос в докладе Хрущева о Сталине» и «Решение национального вопроса должно быть реабилитировано».
>
> Во второй статье красным карандашом подчеркнут абзац, в котором говорится:
>
> «Мы раньше говорили о государственности у различных народностей. Советские евреи имеют такую государственность в Еврейской автономной области. Однако мы не знаем, как там обстоит с еврейской культурой, которая должна быть государственной, и где еврейский язык должен быть государственным языком. Не может быть сомнения, что, если происходили извращения в решении еврейского вопроса, они также происходили и по отношению Еврейской автономной области.
>
> Возврат к тридцатым годам должен, таким образом, означать возврат к тому времени, когда еврейский язык был языком в судах, на вокзале, на почте и т. д., когда были еврейские техникумы и когда еврейский язык был обязательным языком также в русских и других школах, уже не говоря о еврейском государственном театре и подобных культурных учреждениях. Возврат к тридцатым годам будет означать также, будем надеяться, возврат к тем связям, которые были между Биробиджаном и друзьями Советского Союза за рубежом»[6].

Л. Бенькович заверял ЦК в благонадежности своих подчиненных: «На все эти письма и запросы редакция газеты “Биробиджан-штерн” ответа не даёт и своей газеты за границу не посылает. Газета “Биробиджан-штерн” высылается по разрешению ЦК и крайкома КПСС только в редакцию варшавской газеты “Фолксштимме” (“Голос народа”) — орган ЦК Польской Объединённой рабочей партии. Редакция “Фолксштимме” высылает один экземпляр своей газеты

[6] Там же. Л. 69–70.

редакции “Биробиджан-штерн”. Никаких материалов из этой газеты мы не публикуем. Так мы будем поступать и впредь»[7].

Летом 1956 г. «Morgen Freiheit» командировала своего редактора, секретаря еврейской секции компартии Хаима Суллера (1903–1998) в Москву. Суллер родился в Белоруссии, но в начале Первой мировой войны эмигрировал в США, где провел всю свою сознательную жизнь. В 1956 г. он оказался одним из первых представителей зарубежной еврейской печати, посетившим СССР.

Перед отъездом Суллер просил Говарда Фаста — писателя, лауреата Сталинской премии 1953 г., делегата от США на крупнейших конгрессах по защите мира, — договориться о встрече с представителями советской еврейской интеллигенции, задействовав личные связи. С этой просьбой Фаст обратился к своему московскому корреспонденту влиятельному журналисту-международнику Борису Изакову, охарактеризовав Суллера как «серьезного товарища», «проявляющего большой интерес к движению», которому «можно доверять целиком и полностью» [3, с. 242].

Изначально советские чиновники скептически отнеслись к идее организовать круглый стол с участием Суллера и еврейских писателей. Они предупреждали, что многие авторы живут не в Москве и пригласить их будет невозможно. Однако 29 июня встреча все же состоялась. Председательствовал на ней Арон Вергелис — уцелевший в ходе сталинских репрессий начала 1950-х гг., в «оттепельную» эпоху он был назначен на роль главного эксперта по связям с западной общественностью, интересующейся положением советских евреев. Вергелис многократно встречался с иностранными делегациями, в 1960-х гг. бывал в США, а в 1961 г. возглавил советский еврейский журнал «Sovetish Heymland». Среди старших коллег Вергелиса были Ноях Лурье — член Бунда, литературная карьера которого началась еще в революционные годы; Самуил Галкин — фигурант дела ЕАК, отбывавший срок в инвалидном лагере Абезь (1949–1955), после реабилитации он возвратился в Москву и восстановился в Союзе писателей; еще один узник ГУЛАГа Самуил Гордон. На встрече также присутствовали Рахиль Баумволь — поэтесса, автор детских книг, которая в 1971 г. репатриировалась с семьей в Израиль, а также ее муж, поэт Зиновий Телесин.

По словам Х. Суллера, участники круглого стола заверяли: «каждый еврейский писатель в Москве и других частях Советского Союза напряженно работает» и небезосновательно надеется опубликовать

[7] Там же. Л. 71.

свои сочинения в ближайшем будущем. С. Галкин уполномочил Х. Суллера рассказать «скорбящим» американцам, а также другим «причитающим», что, несмотря на преступления сталинского режима, советские еврейские писатели «были и останутся *советскими* еврейскими писателями». В своем разговоре участники встречи затронули и острую проблему ассимиляции советских евреев, заверив Х. Суллера в отсутствии у партии планов по насильственной «интеграции»: «писатели сказали, что среди огромных масс еврейского населения нашлось место для процветания еврейской культуры на идише; в Минске, Белостоке, Вильне, Киеве, Одессе, Биробиджане, Бессарабии, Буковине и многих других регионах проживало огромное количество евреев, говорящих на идише, и даже многие представители молодого поколения говорили на идише». В целом, Суллер оказался доволен встречей — «живые и полные творческих сил», писатели «уверенно смотрели в будущее, несмотря на сложные времена, которые им довелось пережить»[8].

Через несколько дней, после короткой поездки в Ленинград, 2 июля Суллер встретился с председателем Союза советских писателей (ССП) Алексеем Сурковым — «плотно сложенным» пятидесятилетним мужчиной, чья дружелюбная улыбка производила располагающее впечатление. Сурков представил Суллеру краткий экскурс в историю советской еврейской литературы, особенно высоко отозвавшись о творчестве Давида Гофштейна (расстрелян в 1952 г.) и Арона Кушнирова, умершего в 1949 г. от рака. Обращаясь к актуальному положению дел, Сурков настаивал, что проект по восстановлению советской печати на идише важен, но переоценивать его значимость не стоит. По его мнению, с каждым годом носителей идиша по всему СССР становилось все меньше и советские евреи, особенно жители больших городов и индустриальных центров, естественным образом переходили на русский язык. Так поступали и еврейские писатели, поскольку хотели быть услышанными более широкой публикой. В пример он привел Эммануила Казакевича — лауреата Сталинской премии, который в 1930-х гг. проживал в Биробиджане и активно печатался на идише, но в послевоенные годы, а именно, с 1947 г. писал исключительно по-русски. С другой стороны, Сурков подчеркивал, что не все авторы, «впитавшие идиш с молоком матери», могли успешно продолжать свою литературную деятельность на русском. Так, Исаак Бабель, еврей из Одессы, примкнувший к сибирским казакам <sic!> в ходе Гражданской войны,

[8] *Suller Ch*. Eyewitness Report on Jewish Culture in the Soviet Union. Part I // Daily Worker. 1956. August 31.

так и не смог очистить свой стиль от специфической «еврейской местечковости» (yiddishkeit), помноженной на сибирско-казачий орнаментализм.

Переходя к вопросу о советском антисемитизме, Сурков отметил, что после смерти Сталина он практически изжит: евреи занимают важные посты в различных институциях и присутствуют во всех сферах общественной жизни. Так, в Союзе советских писателей «евреи составляли около 35 процентов», причем многие из них добились значительных карьерных успехов, как, например, «Борис Полевой, Маргарита Алигер (в статье Суллера: Мария. — *О.Щ.*), Илья Эренбург, Самуил Маршак, Давид Заславский, Эммануил Казакевич»[9]. Что касалось сталинских чисток, Сурков подчеркнул, что жернова репрессий перемололи не только лиц еврейской национальности, но и тысячи русских.

В итоге из Москвы Суллер увез ряд готовых ответов на имеющие принципиальное значение вопросы. За основу будущих дискуссий по проблеме советского антисемитизма впоследствии американскими партийными ортодоксами будут взяты как раз те тезисы, которые он услышал одним из первых, а именно: гибель еврейских писателей стала большой трагедией для всех советских граждан, однако Сталин истреблял не только евреев, но и деятелей других национальностей; на текущий момент представительство евреев в различных институциях было пропорционально их общему числу; обширная программа по возрождению еврейской культуры находилась в стадии активной разработки, и совсем скоро должно было состояться ее внедрение на практике.

По итогам своей командировки Суллер написал около дюжины статей для «Morgen Freiheit» на идише — три из них были переведены на английский и опубликованы в «Daily Worker». Для американских читателей левой прессы это был ценный обзорный материал, знакомивший их с большим количеством забытых, вовсе неизвестных и новых имен советских еврейских писателей.

Кроме того, по возвращении Суллер дал интервью ежемесячнику «Jewish Life», спонсируемому компартией и выходившему на английском языке. Весь 1956 г. тема советского антисемитизма не сходила с его страниц: в каждом номере с мая по декабрь в журнале печатались развернутые сообщения, заметки от редакции и письма читателей, посвященные последним новостям из СССР — майским

[9] *Suller Ch.* What a Leading Soviet Writer Told Suller about Jewish Culture. Part II // Daily Worker. 1956. September 3.

торжествам по случаю 40-летия смерти Шолом-Алейхема[10], работе комиссии по литературному наследию Переца Маркиша (возглавляемой П. Чагиным), а также планам по изданию сочинений Д. Бергельсона, Л. Квитко, А. Кушнирова, Э. Фининберга и других[11]. Интервью с очевидцем этих духоподъемных изменений — недавно вернувшимся Суллером, придавало весомости высокопарным заявлениям о еврейском культурном возрождении в СССР. Интервьюер Луи Харап, главный редактор ежемесячника, интересовался, пришлось ли лично Суллеру стать свидетелем проявлений государственного и бытового антисемитизма, на что получил ответ:

> Я не увидел признаков антисемитизма в современном Советском Союзе. Однако евреи, с которыми я встречался, производили впечатление, будто боятся последствий того, что происходило с ними до смерти Сталина. Некоторые из них до сих пор с опаской идут на контакт с иностранцами из-за атмосферы холодной войны послевоенных лет. <…> До 1942 г. советские евреи ничего не боялись. Они не были жертвами антисемитизма, к ним относились наравне со всеми. Один еврей сказал: «Мы жили в раю». Если бы не то, что случилось позднее, еще большее число еврейского населения было бы ассимилировано и потеряло свою культурную идентичность, чем это происходит сейчас[12].

В своем интервью Суллер также поделился имеющейся у него информацией о плане по реставрации еврейской культуры. Его основные пункты выглядели многообещающими:

1. Открытие издательства, выпускающего литературу на идише;
2. Открытие театра, который начнет свою деятельность с гастролей;
3. Выпуск газеты на идише с периодичностью три раза в неделю;
4. Выпуск литературного журнала с периодичностью раз в два месяца;
5. Проведение национальной конференции еврейских писателей и деятелей культуры СССР[13].

---

[10] Toward Revival of Soviet Jewish Culture // Jewish Life. 1956. July. P. 16–19.

[11] *Vergelis A.* A Soviet Yuddish Writer Visits His Publisher // Jewish Life. 1956. July. P. 21–23.

[12] *Harap L.* Soviet Jews: Latest Eye-Witness Report // Jewish Life. 1956. August. P. 6.

[13] Там же. P. 5.

Суллер брал на себя большую личную ответственность, выступая перед западной публикой с интервью и статьями, в которых свидетельствовал, что «жизнь в СССР становится свободнее, растет экономическое благосостояние», а советские граждане «заняты трудом и счастливы»[14]. Однако по мере того, как 1956 г. подходил к концу, обнадеженная обещаниями американская еврейская общественность почувствовала себя обманутой. Выступления высокопоставленных советских чиновников холодным душем окатили разгоряченные умы «друзей» СССР. В американской печати не остались незамеченными интервью Е. Фурцевой, которая отрицала антисемитскую направленность сталинской политики и оправдывала кадровые квоты для евреев[15], Л. Кагановича, заявившего, что «в самобытной еврейской культуре нет необходимости»[16], заведующего Отделом печати МИД Л. Ильичева, заклеймившего материал «Folkstimme» как «клеветнический и антисоветский»[17] и др.

В попытке взять ситуацию под контроль и пустить в ход личные связи, в декабре 1956 г. Суллер письменно обратился к А. Суркову:

> После моего возвращения в США в середине июля я объехал США и Канаду с циклом выступлений. Я выступал в разных городах этих двух государств и во многих небольших городах с рассказами о своей поездке в Советский Союз. В довершение к этим выступлениям перед многотысячной аудиторией я написал также 13 статей для нашей газеты «Морнинг фрайхайт», три статьи для газеты «Дейли уоркер», а также давал многочисленные интервью для ряда журналов и газет. Эти статьи и интервью перечитывались и цитировались в периодических изданиях на еврейском и других языках в США, Франции, Польше, Бразилии, Чили, Уругвае, Аргентине и Израиле. Во всех этих выступлениях и интервью я с полной уверенностью говорил о мерах, которые предпринимаются в Советском Союзе для исправления несправедливостей, совершенных в прошлом по отношению к отдельным лицам и к целым народам, а также ссылался на ваши собственные слова о возрождении еврейской культуры на еврейском и других языках. Эти выступления слушали и читали не только люди в основном дружественно относящиеся к Советскому Союзу, но и многие другие. По общему мнению, эти выступления способствуют усилению дружбы американского народа, еврейской

[14] Там же. P. 7.

[15] *Petran T.* Why Khrushchev Spoke // National Guardian. 1956. June 25.

[16] *Pevzner S.* Prospects for Soviet Jewish Culture // Jewish Life. 1956. October. P. 27–29.

[17] The Ilyichev Interview // Jewish Life. 1956. October. P. 30–31.

> и других национальностей, с народами Советского Союза, а также способствуют большему понимаю со стороны американцев того, что произошло и происходит сейчас в Советском Союзе. Однако существует ряд конкретных вещей, которые я не могу уяснить сам себе. Прошло более полугода с момента нашей милой беседы. Насколько мне известно, ничего не изменилось с тех пор в области еврейской культуры (на еврейском языке). Нам ничего не известно об издании в Советском Союзе какой-либо еврейской книги, газеты, журнала (кроме крохотной газетки в Биробиджане, которую нам, невзирая на многочисленные попытки, не удаётся получить). Нам ничего не известно о восстановлении еврейского театра или издательства. Ни слова не говорится о конференции еврейских деятелей культуры, не поступает ни одного материала ни от одного из корреспондентов или еврейских писателей из Москвы. Такое положение, мягко выражаясь, вызывает всеобщее разочарование. Я беру на себя смелость обратиться к вам, ибо я убежден, что это жизненно важная проблема для дружбы наших государств в целом и для прогрессивной еврейской культуры в частности. Я был бы крайне признателен, если бы вы осветили на страницах вашей газеты все вышеупомянутые вопросы[18].

На претензии, сформулированные Суллером, А. Сурков ответить не мог. Все, что было в его компетенции как председателя ССП, он уже сделал: в декабре 1955 г. подал в ЦК КПСС просьбу рассмотреть возможность «издавать в переводах на русский и другие языки» «произведения посмертно или при жизни реабилитированных еврейских писателей», и в апреле 1956 г. его прошение было одобрено Отделом культуры ЦК[19], однако к концу года этот проект был забракован.

Помня, к каким последствиям в позднесталинские годы привели их «слепая вера» советским коллегам и «преступное молчание», «Morgen Freiheit» и «Jewish Life» вынесли обсуждение реформ, касавшихся реставрации еврейской культуры, в публичную плоскость. «Morgen Freiheit» обвинила Москву в антисемитской политике, заявив, что «время пустых обещаний миновало»[20], а в «Jewish Life» было напечатано обращение к советскому руководству с требованием «сделать срочное официальное заявление» по поводу совершенных Сталиным преступлений против евреев и мер, принятых для их искупления — этот меморандум был подписан 26 писателями

[18] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3879. Л. 1–2.

[19] Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 454–455, 490–491.

[20] Freiheit Criticizes USSR on Jewish Culture // Daily Worker. 1956. December 24.

и активистами, среди которых были П. Новик, Х. Суллер, Л. Харап и др.[21]

Таким образом, к концу 1956 г. когда-то единый фронт американского левого движения раскололся на мелкие фракции, хотя в первой половине года он был представлен всего двумя группировками: первая — социалисты, которые продолжали защищать страны соцлагеря перед лицом «разжигателей холодной войны и профессиональных врагов»[22]; многие из них не утратили веру в СССР, решив остаться в компартии; вторая — обескураженные «секретным докладом» Хрущева мятежники, «вопившие от отчаяния и горя», немедленно порвавшие с компартией. К декабрю разлом движения произошел еще по одной линии. Ее контуры предопределило неудовлетворительное и несвоевременное решение «еврейского вопроса» хрущевским правительством. В результате число сочувствующих СССР стремительно сокращалась, чему способствовал и непосредственный опыт взаимодействия американских журналистов, редакторов, писателей с советскими коллегами. Американцы теряли сдержанность и самообладание, когда наблюдали, как масштаб обещанных культурных реформ неуклонно уменьшался, их темпы замедлялись, а советские коллеги отделывались общими фразами. Суть этого процесса выразил Г. Фаст (его скандальный выход из компартии США как раз пришелся на рубеж 1956–1957 гг.) в письме Б. Полевому: «Я поднял вопросы — вопросы душераздирающие, имеющие жизненное значение, неужели на них нет ответов? Кто мы — дети или глупцы, что наши настойчивые мольбы что-либо объяснить в ответ всегда вызывают одну лишь риторику?» [2, с. 171].

Разочарование вызывала и несбывшаяся мечта американских издателей о восстановлении свободного литературного обмена между еврейскими писателями США и СССР. Как отмечал П. Новик в брошюре, посвященной 35-летию «Morgen Freiheit», хотя в 1956 г. читатели журнала получили возможность ознакомиться с произведениями С. Галкина, Н. Лурье, А. Гонтера, И. Платнера, З. Вендрова, И. Серебряного, Г. Полянкера, С. Рабиновича и др.[23], говорить о полном преодолении культурной изоляции не приходилось. В письме А. Суркову Новик жаловался:

[21] A Memo to Soviet Leaders // Jewish Life. 1956. December. P. 27–30.

[22] *Novick P.* Jewish Life in the United States and the Role of the “Morning Freiheit.” New York: Morning Freiheit, 1957. P. 26.

[23] Там же. P. 31.

> Мы с недоумением спрашиваем себя, почему мы должны получать исключительно важные сообщения окружным путем, почему нам не могут сообщить непосредственно письмом, присланным из Москвы вашим учреждением или кем-нибудь из еврейских писателей. В связи с этим позвольте мне затронуть такой вопрос. По возвращении мистер Суллер сообщил нам также о том, что будет выделен еврейский писатель, который будет регулярно посылать статьи, написанные на еврейском языке для газеты «Морнинг Фрайхайт». С сожалением вынужден отметить, что до сих пор мы еще ничего не получили. Напротив, если до поездки мистера Суллера мы получили две статьи от Арона Вергелиса, то после июня мы не получали ничего[24].

Говоря об «оттепельных» писательских контактах, стоит отметить важную роль «актива» еврейских авторов-членов ССП под предводительством А. Вергелиса. С одной стороны, личным примером они доказывали западным «друзьям», что советским евреям ничего не угрожает: они отдыхали на подмосковных дачах, занимали важные посты в различных комитетах и комиссиях, имели возможность публиковаться. С другой, как доверенные лица режима, еврейские писатели, удостоившиеся роли «культурных эмиссаров», пускали пыль в глаза делегациям разного уровня, умело отвечали на провокационные вопросы и не жаловались на свою долю, что порой вызывало удивление, учитывая, что некоторые, как например С. Галкин, «из ссылки и тюремного заключения вышли калеками»[25].

Наблюдая, с каким энтузиазмом представители американской еврейской печати штурмовали ССП на протяжении всего 1956 г., А. Вергелис пытался донести до своего руководства, что ситуация становится взрывоопасной. В приложении к статье мы публикуем его докладную записку, составленную по итогам встреч с представителями западной прогрессивной общественности и согласованную с главой англо-американского отдела Иностранной комиссии ССП Еленой Романовой.

---

[24] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3879. Л. 9.

[25] Реабилитация еврейской культуры в СССР // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1956. 12 августа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Секретарю правления СП СССР
тов. Полевому Б.Н.

Летом 1956 года руководители Союза писателей (тт. Сурков и Симонов) и ряд еврейских писателей встречались с приезжавшими в Советский Союз представителями зарубежной еврейской печати, в т.ч. с издателем нью-йоркской буржуазной газеты «Тогморген-журнал» д-ром Шошкесом и с главным редактором парижской коммунистической газеты «Нейе прессе» Кенингом. Состоялась также встреча с членами Политбюро Канадской рабочей прогрессивной партии.

В ходе этих бесед было затронуто множество вопросов, касающихся положения в еврейской культуре (и в частности — в литературе) в СССР. Представители прогрессивной печати информировали руководителей СП о попытках использования антисоветской печатью фактов отсутствия у нас печати на еврейском языке в своих пропагандистских антисоветских целях. Было высказано пожелание о восстановлении контакта и творческого общения между советскими еврейскими писателями и прогрессивными изданиями за рубежом.

Проконсультировавшись в соответствующих инстанциях, руководство Союза писателей и — по его указанию — отдельные писатели в этих беседах сообщили гостям о предполагаемых мероприятиях по развертыванию издательской деятельности на еврейском языке: об организации в ближайшее время литературно-художественного альманаха с приложением библиотечки, об издании литературной газеты, о предполагаемом восстановлении издательства и о созыве Всесоюзного творческого совещания еврейских писателей. Положительно были встречены руководителями СП также предложения представителей зарубежной печати об установлении тесного контакта между советскими еврейскими писателями и зарубежной периодикой, о регулярной посылке туда публицистических и художественных материалов.

Все побывавшие в СССР деятели зарубежной еврейской печати предали все эти встречи и беседы самой широкой огласке в печати. Судя по многочисленным откликам, эти планы привлекли внимание широких кругов зарубежных читателей и на время парализовали

усилия реакционной пропаганды. Посланные в ноябре 1956 г. во французскую прогрессивную газету «Нейе прессе» поэтические и прозаические произведения советских писателей на еврейском языке были тотчас же полностью опубликованы, получили благоприятные отклики в еврейской печати разных стран, а в США и Канаде были частично перепечатаны.

За истекшие с лета 1956 г. месяцы и в адрес тов. Суркова и Иностранной комиссии, и в адрес многих еврейских писателей поступило множество писем и запросов о реализации упомянутого выше плана, а также по конкретным вопросам, связанным с установлением контактов. Ни на одно из полученных писем ответа не последовало, что не могло не вызвать за рубежом чувства законного недоумения. Так, в Иностранную комиссию поступили запросы и от «Морнинг фрайхайт» (гл. редактор П. Новик), и от Писательской группы компартии Великобритании, в которых подвергается сомнению достоверность опубликованных в зарубежной прессе сообщений о намечаемых в СССР мероприятиях и выражается недоумение по поводу того, что газеты не получили ни одного из обещанных им материалов. Через ВОКС <Всесоюзное общество культурной связи с заграницей> получено на имя председателя Иностранной комиссии СП письмо президента Американо-русского Института в Сан-Франциско Холланда Робертса с просьбой о пересылке текста заявления А. Суркова, сделанного в беседе с Суллером.

Не получило никакого ответа и приглашение тт. Вергелиса и Галкина Еврейским культурным союзом Аргентины (ИКУФ) для участия в работах VI Национального конгресса этой организации в октябре 1956 г. Между тем ИКУФ, имея собственное издательство, 14 вечерних школ и народный театр, ведет в Аргентине большую работу по популяризации советской культуры.

Руководство Союза писателей и отдельные еврейские писатели лишены возможности ответить на все эти запросы из-за отсутствия конкретных решений по реализации тех планов, которые стали достоянием мировой общественности.

Это молчание уже наносит ощутимый ущерб в работе прогрессивных еврейских организаций за рубежом и способствует возникновению новой волны антисоветской пропаганды.

31.1.1957 г.

А. Вергелис, Ел. Романова

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. 3901.

Литература

1. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Международные отношения, 2012. 521 с.

2. *Петров А.* «Эх, Говард!» (История одного неотправленного письма) // Знамя. 1992. № 8. С. 163–186.

3. *Щербинина О.И.* Говард Фаст и советские писатели. Статья вторая. «Жертва самого невероятного мошенничества»: 1955–1959 // Литература двух Америк. 2023. № 15. С. 179–249. https://doi.org.10.22455/2541-7894-2023-15-179-249

4. *Щербинина О.И.* «Уплывало семеро романтиков». Первая поездка группы советских журналистов в США эпохи «оттепели» // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 293–322. https://doi. org/10.22455/2541-8297-2023-29-293-322

5. *Dawidowicz L.* American Reaction to Soviet Antisemitism // American Jewish Year Book. 1954. Vol. 55. P. 146–155.

6. *Liebman A.* Jews and the Left. New York: John Wiley, 1979. 676 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

“Time for Hollow Promises Has Passed”: Soviet Contacts of American Jewish Press

© 2025. Olga I. Shcherbinina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00393 “Russia / USSR and the West Viewing Each Other: Literature in the Context of Culture and Politics in 20th Century” (https://rscf.ru/project/23-18-00393/).

Abstract: The article restores Soviet contacts of the representatives of the left American Jewish press, resumed in 1956 when Khruschev “thaw” set in. Based on press materials and documents deposited in the Russian archives (RGALI and RGANI), we trace how the New York “Yiddishist” Jews like P. Novik and Ch. Suller tried to accomplish a non-trivial task: without breaking friendly ties, they delicately but decisively encouraged their Moscow colleagues to take more energetic actions aimed at reviving Jewish culture in the USSR. Hoping for a return to the 1930s, the Americans deemed necessary to open Jewish theaters, publishing houses, newspapers, literary journals. The contact group on this issue on the Soviet part was headed by the chairman of the Writers’ Union A. Surkov and included major Jewish writers under the leadership of A. Vergelis. In the article we reconstruct the year of intense negotiations, personal meetings, public statements and exchange of letters, and demonstrate that the restoration of Jewish literature during the early “thaw” was being delayed, and all proactive proposals of the American Jews were being sabotaged. Mindful of the

fate that befell the members of the Jewish Anti-Fascist Committee in the last years of Stalin's rule, representatives of the contact group coordinated every step with the higher leadership of the Central Committee, which inevitably led to lengthy delays. In the appendix to the article we publish a report by A. Vergelis to B. Polevoy, the Chairman of the Foreign Commission of the Writers' Union, in which he signals a crisis in partnerships with the representatives of the Western left Jewish press.

Keywords: Soviet-American literary contacts, "thaw," Jewish writers, P. Novik, Ch. Suller, A. Vergelis, archival materials.

Information about the author: Olga I. Shcherbinina, PhD in Philology, Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Vernadsky Ave., 82/2, 119671 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2102-547X

E-mail: olga-scherbinina24@mail.ru

For citation: Shcherbinina, O.I. "'Time for Hollow Promises Has Passed': Soviet Contacts of American Jewish Press." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 268–285. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-268-285

References

1. Kostyrchenko, G.V. *Tainaia politika Khrushcheva. Vlast', intelligentsiia, evreiskii vopros.* [*Khrushchev's Secret Policy: Power, the Intelligentsia, the Jewish Question*]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012. 521 p. (In Russ.)

2. Petrov, A. "'Ekh, Govard!' (Istoriia odnogo neotpravlennogo pis'ma)" ["'Ah, Howard!' (One Unsent Letter)"]. *Znamia*, no. 8, 1992, pp. 163–186. (In Russ.)

3. Shcherbinina, O.I. "Govard Fast i sovetskie pisateli. Stat'ia vtoraia. 'Zhertva samogo neveroiatnogo moshennichestva': 1955–1959" ["Howard Fast and Soviet Writers. Article 2. 'A Victim of the Most Incredible Swindle': 1955–1959"]. *Literatura dvukh Amerik*, no. 15, 2023, pp. 179–249. https://doi.org.10.22455/2541-7894-2023-15-179-249 (In Russ.)

4. Shcherbinina, O.I. "'Uplyvalo semero romantikov'. Pervaia poezdka gruppy sovetskikh zhurnalistov v SShA epokhi 'ottepeli'." ["'Seven Romantics Sailing Away.' Soviet Journalists on the First Cultural Exchange Visit to the US during the Khrushchev 'Thaw'."] *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 293–322. https://doi. org/10.22455/2541-8297-2023-29-293-322 (In Russ.)

5. Dawidowicz, Lucy. "American Reaction to Soviet Antisemitism." *American Jewish Year Book*, vol. 55, 1954, pp. 146–155. (In English)

6. Liebman, Arthur. *Jews and the Left*. New York, John Wiley, 1979. 676 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 15.11.2024
Одобрена после рецензирования: 20.01.2025
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 15.11.2024
Approved after reviewing: 20.01.2025
Date of publication: 25.03.2025

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.131.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-286-313
https://elibrary.ru/XZGRYV

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Первые советские контакты А.М. Рипеллино (по материалам РГАЛИ)

© 2025, А.В. Голубцова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (https://rscf.ru/project/23-18-00393/).

Аннотация: Статья посвящена первым советским контактам итальянского филолога Анджело Мария Рипеллино, исследователя и переводчика русской и советской поэзии. В статье анализируется начало его многолетней переписки и личной дружбы с переводчиком Г. Брейтбурдом и поэтом А. Сурковым и первый визит в СССР в 1957 г. На материалах из РГАЛИ исследуется помощь советской стороны в научной и издательской работе Рипеллино (предоставление иллюстративного материала для книги о Маяковском, текстов стихов и биобиблиографических сведений о поэтах для итальянского издания современной советской поэзии), содействие в организации поездки в Москву, участие Рипеллино во встрече советских и итальянских поэтов, состоявшейся в Риме в октябре 1957 г. под эгидой Ассоциации «Италия-СССР». Особое внимание уделяется взаимоотношениям Рипеллино с Б. Пастернаком, а также работе итальянского исследователя над антологией «Новые советские поэты» (1961 г.) и участию советской стороны в подготовке книги. В приложении публикуются архивные материалы из фондов РГАЛИ, содержащие ценные сведения о советских контактах Рипеллино: переписка с советскими литераторами и беседа с Г. Брейтбурдом в Москве о готовящейся книге Рипеллино «Маяковский и русский авангардный театр», популяризации советской поэзии в Италии и планируемой встрече советских и итальянских поэтов в Риме. Публикуемые документы снабжены комментарием, в качестве дополнительных материалов привлекаются публикации в советской и итальянской прессе (газеты «Правда», «Литературная газета», «Унита»).

Ключевые слова: А.М. Рипеллино, РГАЛИ, Г. Брейтбурд, А. Сурков, Б. Пастернак, Е. Евтушенко, Ассоциация «Италия-СССР», советская поэзия, советско-итальянские литературные связи, корреспонденция.

Информация об авторе: Анастасия Викторовна Голубцова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 121069, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1286-7707

E-mail: ana1294@yandex.ru

Для цитирования: *Голубцова А.В.* Первые советские контакты А.М. Рипеллино (по материалам РГАЛИ) // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 286–313. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-286-313

Анджело Мария Рипеллино (1923–1978), итальянский поэт и славист, был учеником «отца» итальянской славистики Этторе Ло Гатто, преподавал в Болонском, а затем, с 1952 г., в Римском университете, выпустил ряд работ по русской и чешской литературе, в том числе исследования по истории русского театра XX в. и антологии русской и советской поэзии в собственных переводах. Рипеллино с 1950-х гг. являлся консультантом издательства «Эйнауди», активно публиковавшего советскую литературу, и вел переписку с представителями советских литературных кругов. Главным советским корреспондентом Рипеллино был Георгий Брейтбурд — переводчик, консультант по итальянской литературе Иностранной комиссии Союза писателей СССР, который играл ключевую роль в организации советско-итальянских культурных контактов в 1950–1960-е гг.: он участвовал в отборе, переводе и издании в СССР итальянской литературы, в качестве переводчика сопровождал в поездках по Советскому Союзу целый ряд итальянских писателей (Карло Леви, Альберто Моравиа, Курцио Малапарте, Гвидо Пьовене и др.) и сам неоднократно ездил в Италию в составе официальных делегаций. Именно на 50–60-е годы приходится период наиболее тесных контактов Рипеллино с советской стороной, и именно к этому временному отрезку относится интенсивная переписка итальянского слависта с Г. Брейтбурдом, сохранившаяся в фондах РГАЛИ.

Начало переписке было положено весной 1957 г.: 7 марта датировано первое письмо Брейтбурда, свидетельствующее о том, что советский переводчик внимательно следил за изданием русской литературы в Италии. Поводом стало знакомство с антологией «Русская поэзия XX века», опубликованной в переводах и под редакцией Рипеллино в 1954 г. издательством «Гуанда»[1]. В своем

[1] Poesia russa del Novecento / a cura di A.M. Ripellino. Parma: Guanda, 1954. Антология, представлявшая широкую панораму русской и советской поэзии от Серебряного

письме Брейтбурд выражал надежду, что Рипеллино продолжит свою работу, в том числе и в области современной советской поэзии, которая практически не была представлена в антологии 1954 г. С целью пробудить исследовательский интерес итальянского слависта, Брейтбурд отправил ему несколько последних сборников советских поэтов. Не исключено, что эти усилия в какой-то степени способствовали появлению антологии «Новые советские поэты», вышедшей, также под редакцией и в переводах Рипеллино, в 1961 г. в издательстве «Эйнауди» [7] и ставшей своеобразным продолжением издания 1954 г.

Неизвестно, какие именно книги были отправлены в Италию, однако в том же письме Брейтбурд предлагает предоставить Рипеллино биобиблиографические данные о Николае Заболоцком, отсутствующие в антологии 1954 г. В ответном послании (от 18 марта) Рипеллино с благодарностью соглашается принять помощь Брейтбурда. Вероятно, не случайно книга «Новые советские поэты» открывается именно подборкой Заболоцкого, которая оказывается одной из самых обширных в антологии (18 стихотворений). В пространном письме к издателю Джулио Эйнауди, которое послужило предисловием для антологии [7, p. VII–XXV], Заболоцкому также уделяется самое пристальное внимание: Рипеллино пишет о нем подробнее, чем даже об Андрее Вознесенском, которого называет в том же предисловии «вершиной и самым многообещающим представителем сегодняшней советской поэзии» [3]. Насыщенность информации о Заболоцком позволяет предположить, что Брейтбурд действительно оказал итальянскому коллеге помощь в подготовке книги.

Значение, которое советская сторона, очевидно, придавала готовящейся антологии послевоенной советской поэзии, вполне объяснимо. Издание «Русской поэзии XX века» 1954 г. охватывало период лишь до середины 1940-х гг., а состав его отражал субъективные пристрастия Рипеллино, который скептически относился к поэзии сталинской эпохи, поэтому даже творчество поэтов, продолжавших писать в 1950-е гг. (Заболоцкого, Тихонова, Симонова, Щипачева и др.), было представлено, в основном, ранними произведениями, что создавало превратное впечатление о современной советской литературе. Очередная книга Рипеллино была призвана заполнить эту лакуну. Действительно, в антологию 1961 г. будут включены произведения разных лет Заболоцкого, Щипачева, Твардовского, а также

века до середины 1940-х гг., стала значимым событием в итальянских интеллектуальных кругах, о чем свидетельствует ее переиздание в 1960 г., на этот раз в издательстве «Фельтринелли» (Poesia russa del Novecento / a cura di A.M. Ripellino. Milano: Feltrinelli, 1960).

отсутствовавших в издании 1954 г. Л. Мартынова, Я. Смелякова, Б. Слуцкого, В. Бокова, Е. Винокурова, В. Солоухина, К. Ваншенкина, Д. Самойлова, Е. Евтушенко, С. Евсеевой, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского. И все же состав этой антологии, как и предыдущей, будет во многом определяться вкусами переводчика: особенно высоко ценимые им поэты, такие как Заболоцкий и Евтушенко, окажутся представлены почти двумя десятками стихотворений каждый, Вознесенский — более чем двадцатью произведениями, в то время как, например, Твардовский — всего лишь двумя[2]. Возможно, столь слабая представленность его поэзии отчасти связана с тем, что личные предпочтения затрудняли для Рипеллино работу над переводами. Об этом косвенно свидетельствует письмо Брейтбурда от 30 декабря 1957 г., в котором он — может быть, не случайно — интересуется у итальянского коллеги: «Выходит ли у тебя что-нибудь с переводом Твардовского?»

Одновременно с составлением антологии Рипеллино в конце 1950-х гг. ведет работу сразу над несколькими изданиями — сборниками стихов Пастернака и Блока в своих переводах, со вступительными статьями и комментариями, а также монографией о Маяковском и русском авангардном театре. Обо всех этих проектах он упоминает в переписке с Брейтбурдом, который оказывает итальянскому исследователю помощь в подготовке публикаций. В частности, в ответ на просьбу Рипеллино, высказанную в письме от 18 марта 1957 г., он отправляет в Италию внушительное количество иллюстративных материалов для книги о Маяковском. Об этом свидетельствует сохранившийся в РГАЛИ «Список фотоотпечатков» от 9 мая 1957 г. за подписью директора музея А.С. Езерской, который насчитывает 41 наименование (фотографии с репетиций и постановок пьес «Клоп» и «Баня» в Театре им. Мейерхольда и в Театре сатиры, афиши спектаклей, отдельные страницы рукописей и другие документы; см. Приложение 3)[3]. Кроме того, судя по переписке, Брейтбурд регулярно высылал Рипеллино новые книги советских поэтов, что, вероятно, стало для итальянского исследователя подспорьем при составлении антологии 1961 г.

С работой над монографией о Маяковском связано желание приехать в Москву, о котором Рипеллино сообщал своему советскому

---

[2] Художественные вкусы Рипеллино подробно изложены в предисловии к антологии (частичный перевод см. в [3]).

[3] Письма Рипеллино, сохранившиеся в РГАЛИ, свидетельствуют о том, что итальянский исследователь обращался за помощью в подготовке книги и к Лиле Юрьевне Брик: в письме от 2 февраля 1958 г. (Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 419. Л. 2) он просит ее прислать ему ряд редких книг по истории театра.

корреспонденту в письмах от 18 марта и 26 мая 1957 г. Брейтбурд серьезно отнесся к просьбе итальянского коллеги и активно занялся подготовкой визита, который состоялся осенью того же 1957 г. В письме от 26 мая строки, касающиеся возможной поездки, подчеркнуты — вероятно, рукой Брейтбурда. Из писем Рипеллино мы узнаем, что он был включен в состав делегации Ассоциации «Италия-СССР»[4], которая должна была отправиться в Советский Союз еще в 1956 г., однако поездка не состоялась по политическим причинам — в связи с осложнением международной ситуации[5]. В ответ на просьбу Рипеллино об официальном приглашении от Союза писателей Брейтбурд, как явствует из переписки, связался с первым секретарем Правления СП СССР Алексеем Сурковым[6], после чего тот 1 августа написал итальянскому исследователю: «Союз писателей СССР будет рад видеть Вас своим гостем в течение двух недель — в первой половине сентября или в иное удобное для Вас время»[7]. 19 августа Рипеллино информировал Брейтбурда, что в ответ на письмо Суркова немедленно отправил телеграмму и сообщил, что предполагает приехать 10-го или 15-го сентября. Отчета о приезде Рипеллино в документах Союза писателей нам обнаружить не удалось, однако из письма Брейтбурда от 30 декабря 1957 г. можно заключить, что именно он был сопровождающим (или, во всяком случае, одним из сопровождающих) итальянского слависта[8]. Об этом же свидетельствует сохранившаяся в РГАЛИ запись беседы Брейтбурда с Рипеллино в Москве (Приложение 2), которая была посвящена главному поводу для поездки исследователя в СССР — работе над монографией о Маяковском.

---

[4] Ассоциация «Италия-СССР» (Associazione Italia-URSS) была основана в 1944 г. в Риме группой левых интеллектуалов с целью развития культурных связей с Советским Союзом. Ассоциация занималась изданием книг, организацией выставок, лекций, курсов русского языка и поездок в СССР, выполняя при этом в т. ч. и пропагандистские функции и работая в прямом контакте с компартиями Италии и СССР. Подробнее об истории ассоциации см. серию статей Дж. Гравины в журнале «Slavia» [6].

[5] Как следует из адресованного И. Эренбургу письма слависта П. Цветеремича (РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 2341. Л. 9), который, вероятно, должен был приехать в Москву в 1957 г. с той же делегацией, речь идет о венгерских событиях 1956 г. По свидетельству Цветеремича, ввиду «беспорядков в восточной Европе» итальянские власти отказали в выдаче виз, тем самым сорвав путешествие.

[6] Очевидно, именно на состоявшуюся беседу с Сурковым указывают слова Брейтбурда из недатированного, но, вероятно, написанного в июле 1957 г. письма (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1702. Л. 10): «На данный момент я предпринял кое-какие шаги, чтобы упростить организацию Вашей поездки в Москву».

[7] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1702. Л. 12.

[8] Однако следует заметить, что Брейтбурд не упоминается в числе присутствовавших при визите Рипеллино к Б. Пастернаку — во время этой встречи итальянского филолога сопровождал поэт Е. Евтушенко.

После возвращения Рипеллино на родину общение продолжилось: судя по письму Брейтбурда от 30 декабря 1957 г. и ответному письму Рипеллино от 8 января 1958 г., Брейтбурд отправлял в Италию книги, которые итальянский профессор приобрел и получил в дар в Москве, а чуть позже, в октябре того же года, встречался с ним в Риме, во время собственной поездки в Италию в составе советской делегации. 8–10 октября 1957 г. под эгидой Ассоциации «Италия-СССР» в Риме, в Палаццо Браски, где с 1952 г. по настоящее время располагается Музей Рима, состоялась советско-итальянская дискуссия на тему «Поэзия нашего времени». В состав советской делегации вошли Брейтбурд и поэты Сурков, Твардовский, Исаковский, Инбер, Заболоцкий, Слуцкий и др.[9] С итальянской стороны, помимо А.М. Рипеллино, присутствовали такие авторитетные литераторы, как А. Моравиа и К. Леви, Дж. Унгаретти и С. Квазимодо, Дж. Вигорелли, К. Салинари, С. Алерамо, П.П. Пазолини и др. Рипеллино возлагал на эту встречу большие надежды, о чем свидетельствует запись его беседы с Брейтбурдом в Москве (Приложение 2), за несколько недель до приезда советских поэтов в Рим: итальянский исследователь надеялся, что встреча «принесет немалую пользу нашим литературам и откроет новые горизонты», «послужит лучшему знакомству наших писателей друг с другом». После завершения дебатов советские участники совершили поездку по Италии, посетив Флоренцию, Милан и Венецию. Ход встречи и содержание дискуссий подробно освещались газетой «Унита»[10]. С советской стороны об этом мероприятии рассказывает А. Сурков в газете «Правда», в статье «Итальянские встречи»[11], которую упоминает и Брейтбурд в своем письме 30 декабря 1957 г. («Ты, наверное, прочел статью Алексея Александровича в “Правде” о наших встречах»). Интересно, что Сурков в публикации особо отмечает «Антологию русской поэзии» Рипеллино как издание, способствующее ознакомлению итальянцев с произведениями русских

[9] По свидетельству А.К. Гладкова, приглашен был и Б. Пастернак, однако его приезду помешал скандал вокруг готовившейся публикации романа «Доктор Живаго» в итальянском издательстве «Фельтринелли» (подробнее об обстоятельствах, связанных с изданием романа в Италии, см. [4]). Вместо Пастернака поехал Сурков — вероятно, с намерением «вызволить у Фельтринелли обратно рукопись романа. Говорят, что посредником в этих переговорах был Тольятти, но Фельтринелли оказался упрям, и вскоре роман вышел в Милане» [2].

[10] *Zveteremich P.* Incontro a Roma con i poeti sovietici // L’Unità. 5 ottobre 1957; I poeti sovietici a Roma // L’Unità. 8 ottobre 1957; L’incontro dei poeti sovietici con gli uomini di cultura italiani // L’Unità. 9 ottobre 1957; II significato nella poesia di ottimismo e pessimism // L’Unità. 10 ottobre 1957; Un appassionato dialogo sulla poesia ha coronato l’incontro italo-sovietico // L’Unità. 11 ottobre 1957.

[11] *Сурков А.* Итальянские встречи // Правда. 1957. 30 октября. № 303.

советских поэтов, хотя, как уже говорилось, современная советская поэзия в этой антологии представлена недостаточно полно. «Профессора Рипеллино» упоминает и В. Инбер в «Литературной газете», в статье, также посвященной этому мероприятию[12]. Правда, она ошибочно пишет, что Рипеллино «не однажды» бывал в Москве: на самом деле к тому времени исследователь лишь недавно вернулся из своей первой поездки в СССР.

Дальнейшая переписка касалась не только вопросов книгообмена и культурных связей, но и острых политических тем. Рипеллино как главный на тот момент переводчик и популяризатор поэзии Пастернака в Италии не мог не упомянуть о скандале вокруг итальянской публикации «Доктора Живаго» (об этом см.: [4]). Однако его письмо Брейтбурду от 8 января 1958 г., затрагивающее эту тему, отличается осторожностью и подчеркнутой нейтральностью формулировок. Известно, что Рипеллино и Пастернака связывали как профессиональные, так и личные отношения. 34 стихотворения советского поэта вошли в антологию 1954 г. «Русская поэзия XX века», за которую Пастернак благодарил Рипеллино в письме от 29 июля 1956 г. («Только что я получил Вашу замечательную антологию <...> Своим предисловием Вы обязали меня на всю жизнь» [1, с. 207]). Спустя три года Рипеллино выпустил сборник стихов Пастернака[13], о работе над которым неоднократно упоминал в публикуемых письмах к Брейтбурду. 15 сентября 1957 г., незадолго до выхода итальянского перевода «Доктора Живаго» (23 ноября), Рипеллино, находившийся в тот момент в Москве, в сопровождении поэта Е. Евтушенко побывал у Пастернака на его даче в Переделкино, причем Пастернак поначалу принял сицилийца Рипеллино за грузинского поэта [1, с. 207–208][14]. Во время этого визита обсуждалась в том числе и предстоящая публикация «Доктора Живаго»: как отмечает М.А. Ариас-Вихиль, «Рипеллино поразила серьезность Пастернака, который уверял, что прекрасно понимает опасность, угрожающую ему в связи с публикацией ”Доктора Живаго”, но что было бы неверно спрятать роман в чемодан» [1, с. 208]. О тесных личных связях итальянского филолога и советского поэта свидетельствует не только сохранившаяся корреспонденция[15], но и два стихотворения, которые

[12] *Инбер В.* Если поэты всего мира… // Литературная газета. 1957. 24 декабря. № 153.

[13] *Pasternak B.* Poesie / introduzione, traduzione e note di A.M. Ripellino. Torino: Einaudi, 1957. 550 p.

[14] Об этом эпизоде рассказывает в своих воспоминаниях и переводчик Е.М. Солонович, ссылаясь на свидетельство Евтушенко [9].

[15] См., например, документы, отложившиеся в фонде Пастернака в РГАЛИ (Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 334; Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 492; Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 566). Также в РГАЛИ

Рипеллино посвятил Пастернаку[16]. Более позднее — «Безумная бабочка из историй Дзен...» из сборника «Великолепная зеленая скрипка» (1976) — описывает встречу в Переделкино («...Пастернак на даче / встретил меня у калитки, и между нами просвет / сокращая улыбкой и рукопожатьем, спросил: / ”Вы грузинский поэт?”»). Более раннее — «Доктор Живаго» из сборника «Не однажды, а сейчас» (1960) — содержит пронзительные строки, недвусмысленно свидетельствующие об отношении Рипеллино к событиям, связанным с публикацией романа: «Страстотерпец, он все бы отдать готов, / только бы в огне роковом уцелела, / пережив его, хрупкая горстка слов». Однако в письме Брейтбурду итальянский исследователь ограничивается общими словами неодобрения в адрес ситуации в целом: «...все набросились на роман, как изголодавшиеся волки. К сожалению, книгой слишком быстро воспользовались продажные писаки и фальсификаторы литературы, источающие яд. Совсем иной образ Бориса Леонидовича был у меня». Можно предположить, что столь неопределенная позиция, выраженная в письме, объяснялся нежеланием портить отношения с Брейтбурдом, а в его лице — и со всем советским литературным чиновничеством. На протяжении десяти лет после первого визита в СССР Рипеллино удавалось поддерживать самые теплые отношения с советской стороной.

В 1958 г. собственные стихи Рипеллино в переводах Слуцкого, Заболоцкого и Мартынова вошли в состав антологии «Из итальянских поэтов» [5], составителем которой выступил Брейтбурд, а автором предисловия — Сурков. Из сохранившейся в РГАЛИ переписки (Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1814, 1869) следует, что в 1960–1961 гг. Рипеллино планировал приехать в СССР для работы над новой книгой о советском театре (вероятно, речь идет о монографии «Грим и душа»[17], которая выйдет в 1965 г. и сразу же будет отмечена престижной литературной премией Виареджо), однако поездка состоялась только в конце 1962 г. Евгений Солонович сообщает, что «часто

находится по меньшей мере одно письмо Евтушенко, адресованное Рипеллино (Ф. 2820. Оп. 1. Ед. хр. 26), датируемое 1959 г. Письмо свидетельствует о том, что советский поэт и итальянский филолог находились в регулярной переписке. В письме Евтушенко благодарит за поздравления с Новым годом, сообщает новости советской литературной жизни (публикация его рассказа «Четвертая Мещанская» в № 2 журнала «Юность» за 1959 г., выход книги Ю. Казакова «На полустанке» и др.), а также пишет об отправке Рипеллино двух своих стихотворений — «Свадьбы» и «Пролог» — для некой поэтической антологии (маловероятно, что речь идет о сборнике «Новые советские поэты», т. к. два упомянутых стихотворения отсутствуют в числе тех семнадцати, которыми было представлено в нем творчество Евтушенко).

16 Опубликованы в пер. Е. Солоновича: [4, с. 396–397].

17 *Ripellino A.M.* Il trucco e l’anima: i maestri della regia nel teatro russo del Novecento. Torino: Einaudi, 1965. 424 p.

встречал Рипеллино в Москве» вплоть до 1967 г., когда тот в составе итальянской делегации прибыл в СССР на IV Съезд советских писателей, проходивший 22–27 мая 1967 г.[18] Участие Рипеллино в съезде ознаменовалось скандалом: вернувшись в Италию, он опубликовал в журнале «Эспрессо» (L'Espresso) статью «Мыши режима»[19], в которой, излагая свои впечатления, назвал «единственным светом в густой тьме IV Съезда советских писателей» адресованное съезду письмо Солженицына против цензуры, широко разошедшееся в зарубежной прессе [9]. Этот демарш Рипеллино, а также его резкая критика ввода войск в Чехословакию в 1968 г. сделали его «персоной нон-грата» в Советском Союзе и странах Варшавского договора. Однако заслуги исследователя в деле популяризации русской литературы в Италии не были забыты: в 1998 г. в Центральном доме литераторов в Москве при участии Солоновича прошло празднование (к сожалению, посмертное) 75-летия Рипеллино — «яркого, увлекающегося и увлекающего за собой человека <...> страстного поклонника и знатока современной русской литературы»[20].

ПРИЛОЖЕНИЯ

В приложении публикуются документы из фондов РГАЛИ, относящиеся к 1957-му — началу 1958 г. — периоду начала контактов А.М. Рипеллино с Советским Союзом, и освещающие процесс подготовки первого визита Рипеллино в СССР, само путешествие и события, непосредственно последовавшие за ним. Комплекс переписки: Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1702; последнее письмо: Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1738 (л. 1 — оригинал, л. 2 — перевод). Машиноп. подлинники и отпуска с редкими рукописными пометами, конверты отсутствуют. Итальянские оригиналы даются в помещенных в том же архивном деле служебных переводах (при их наличии; значимые расхождения с оригиналом отмечены в примечаниях) или в переводе автора данной статьи. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной нормой.

---

[18] В Большом Кремлевском дворце // Литературная газета. № 67. С. 2, 6.

[19] *Ripellino A.M.* I topi del regime // L'Espresso. 13 giugno 1967. P. 11

[20] 75-летие итальянского поэта, переводчика и слависта Анджело Марии Рипеллино // Литературная газета. 1998. № 46.

1. Переписка А.М. Рипеллино с Г. Брейтбурдом

Г. Брейтбурд — А.М. Рипеллино

7 марта 1957

Уважаемый синьор Рипеллино,

Я с большим интересом прочитал вашу вводную статью к «Антологии русской поэзии». Эта книга (мне ее подарил Карло Леви во время своего пребывания в Москве[1]) — несомненно, серьезный вклад в дело нашего взаимного знакомства; она стоит гораздо больше, чем общие разговоры о необходимости установления культурных связей. В надежде, что Вы продолжите свои изыскания в этой области, я послал Вам несколько новых сборников наших поэтов. Не зная Вашего адреса, я отправил книги на адрес издательства «Гуанда»[2], однако не получил от Вас никакого подтверждения <получения>.

Иностранная комиссия Союза советских писателей, в которой я занимаюсь развитием взаимного обмена между нашими литературами, всегда готова предоставить тексты и сведения о творчестве советских писателей, которые могут заинтересовать Вас (например, биобиблиографические данные о поэте Заболоцком, отсутствующие в Вашей книге).

С уважением. Г. Брейтбурд.

P.S. Ваша «Антология» очень <*нрзб*.: понравилась ?> итальянским актерам, которые были здесь в октябре прошлого года. Так, Дино Черви[3] читал на радио и телевидении Москвы и Ленинграда русскую поэзию в Ваших переводах.

Подл. по-итал., перевод автора статьи.

[1] Итальянский прозаик Карло Леви побывал в СССР в 1955 г. Брейтбурд сопровождал его в поездке в качестве переводчика, что стало началом близкой дружбы и активной переписки. В травелоге 1956 г. «У будущего древнее сердце» (*Levi C.* Il futuro ha un cuore antico: viaggio nell'Unione Sovietica. Torino: G. Einaudi, 1956. 279 p.), написанном Леви по следам этого путешествия, Брейтбурд выведен под именем Стёпы (Степана Георгиевича Наумова).

[2] Пармское издательство «Guanda», выпустившее первое издание антологии «Русская поэзия XX века».

[3] Вероятно, имеется в виду актер и радиоведущий Джино (Луиджи) Черви (1901–1974).

А.М. Рипеллино — Г. Брейтбурду
18 марта 1957

Дорогой господин Брейтбурд,

я очень порадовался Вашему письму. Карло Леви рассказал мне обстоятельно о Вас и о Вашей любезности. Осенью я получил книги, которые Вы мне послали через посредство издателя Гуанды, но я не знал, кого благодарить за милый подарок. Расскажу Вам что-то о себе. Я профессором русской литературы в педагогическом факультете и чешского языка в литературном факультете Римского университета, и управляю славянским отделением итальянской театральной энциклопедии. Мне 33 лет.

В первых числах будущего мая выйдет у издателя Эйнауди моя книга о Пастернаке (перевод стихотворений и поэм, вступительная статья, пояснения)[1]; этим же издательством будет выпущена к концу года моя монография о драматургии Маяковского[2] в связи с театром первого десятилетия советской власти. В декабре месяце у нового миланского издателя Леричи покажется моя работа о Блоке[3].

Как видите, я интересуюсь беспрестанно русской литературой и работаю без дальних слов и с душевной теплотой для сближения наших культур.

К сожалению, я никогда еще не был в Советском Союзе. Мне хотелось бы посетить Москву в этом году, летом или в сентябре месяце. Но не знаю, к кому обратиться с этой просьбой. Думаете, что было бы можно получить приглашение от Союза советских писателей? В прошлом ноябре я вошел в состав делегации, организованной обществом «Италия-СССР», но международная ситуация[4] заставила меня остановиться в Варшаве. Что Вы мне советуете?

Теперь я к Вам с просьбой. Я был бы Вам очень благодарным, если бы Вы могли прислать мне иллюстративный материал для моей книги о театре Маяковского. Я хотел бы, если можно, мало известные, немножко особенные фотографии, чтобы не повторить обыкновенную иконографию всех книг о Маяковском. В точности мне нужны фотографии:

1) из постановки «Мистерии-Буфф» в Театре РСФСР Первом[5]
2) из постановок «Клопа» и «Бани» в Театре имени Мейерхольда
3) из постановок этих пьес в Московском театре сатиры
4) из постановки пантомимы «Москва горит» в Госцирке
5) из театральной жизни Маяковского
6) из фильмов, в которых играл Маяковский
7) из постановок Мейерхольда эпохи конструктивизма

8) шаржи, театральные макеты и т. д.[6]

Я был бы Вам благодарным тоже за сведения о Заболоцком[7], которые будут мне полезными для второго издания Антологии, и за текст пьесы «Мандат» Эрдмана[8].

Надеюсь, что мне поможете в моей работе. Напишите мне, если Вам нужны итальянские книги: очень рад пошлю то, что Вам нужно. Крепко жму Вам руку.

Ваш Анджело Мария Рипеллино.

Подлинник по-русски.

[1] Речь идет о сборнике стихов Пастернака в переводе и с предисловием Рипеллино (*Pasternak B.* Poesie. Torino: Einaudi, 1957).

[2] Монография Рипеллино «Маяковский и русский авангардный театр» выйдет только в 1959 г.(*Ripellino A.M.* Majakovskij e il teatro russo d'avanguardia. Torino: Einaudi, 1959. 259 p.).

[3] Сборник стихов Блока в переводе и с предисловием Рипеллино (*Blok A.A.* Poesie / studio introduttivo, traduzione, note al testo e commento, bibliografia a cura di A.M. Ripellino. Milano: Lerici, 1960. 241 p.) выйдет только в 1960 г.

[4] Речь идет о вооруженном подавлении восстания в Венгрии в октябре–ноябре 1956 г.

[5] Театр, созданный Вс. Мейерхольдом и просуществовавший всего один сезон — 1920–1921 гг.

[6] Около пунктов 1), 7) и 8) — карандашная помета (вероятно, рукой Брейтбурда) о том, что соответствующие материалы находятся в Бахрушинском музее (Театральном музее им А.А. Бахрушина в Москве); п. 2), 3), 5), 6) помечены галочкой, п. 4) — знаком вопроса. Впрочем, как минимум одна фотография из постановки, упомянутой в п. 4, все же была обнаружена: в имеющемся в деле (Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1702. Л. 4–5) списке фотокопий, переданных Иностранной комиссии ССП для А.М. Рипеллино Государственной Библиотекой-музеем В.В. Маяковского (сегодня Государственный музей В. В. Маяковского), среди прочего, фигурирует и «сцена из пантомимы-феерии "Москва горит" ("1905 год") в Московском Гос. цирке 1930 г.» (см. воспроизведение в Приложении).

[7] О переводах Рипеллино из Заболоцкого см. во вступит. статье. Во время поездки Заболоцкого в составе делегации советских поэтов в Италию (осень 1957 г.) он познакомился с Рипеллино (см. воспоминания последнего: Diario con Zabolockij // La Letteratura come itinerario nel meraviglioso. Torino: Einaudi, 1968, pp. 45–57) и перевел три его стихотворения (*Заболоцкий Н.* Поэтические переводы: в 3 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2004. Т. 3. 384 с.).

[8] Пьеса Н. Эрдмана «Мандат» написана в 1925 г. и в том же году впервые поставлена в театре им. Мейерхольда. В 1956 г. постановка Мейерхольда была восстановлена в Театре-студии киноактера — возможно, именно этим и обусловлен интерес Рипеллино к данной пьесе.

Г. Брейтбурд — А.М. Рипеллино
11 апреля 1957

Глубокоуважаемый господин Рипеллино,

Очень признателен Вам за Ваше письмо и за интересное сообщение о Ваших многосторонних исследованиях по русской литературе.

Мы обратились в Музей В. Маяковского с просьбой изготовить интересующие Вас фотокопии. Биографические сведения о Заболоцком я пришлю Вам через две-три недели вместе с его новым сборником. Заболоцкий сам обещал мне написать для вас такую биобиблиографическую справку. Он ознакомился с Вашими переводами, которые его обрадовали. Тем не менее, он считает, что «Столбцы» уже в какой-то мере устарели как характеристика его творчества.

Буду признателен Вам за присылку Ваших последних работ по русской литературе, а также исследований по итальянскому театру и текстов интересных пьес (я сейчас заканчиваю составление сборника переводов по современному итальянскому театру и буду рад, если смогу пополнить этот сборник присланными Вами материалами).

Крепко жму Вашу руку

Ваш Г. Брейтбурд.

Подлинник по-русски.

Г. Брейтбурд — А.М. Рипеллино
Середина мая (?) 1957

Уважаемый профессор!

Отправляю вам посылку с фотографиями, относящимися к театральному творчеству Маяковского. Надеюсь, они будут Вам полезны. Эти фотографии любезно предоставила нам директор Музея Маяковского. Сейчас музей располагается в квартире, где жил поэт[1]. Сотрудники музея будут рады видеть вас своим гостем, когда Вы будете в Москве, и непременно пожелают разместить в экспозиции Вашу книгу о театре Маяковского.

Некрасов[1], вернувшись из Италии, рассказал мне о приятной встрече с Вами.

Напишите мне, если Вам потребуются еще какие-либо книги.

Буду очень благодарен, если Вы пришлете мне свои работы о Блоке, о Маяковском, и свои переводы современников.
Также позволю себе сообщить Вам, что сейчас у нас есть хорошие поэты среди молодых (или относительно молодых).

Через несколько дней, надеюсь, смогу отправить Вам тексты.

С глубоким уважением,

Г. Брейтбурд.

P.S. Если найдете какие-либо недавние и по-настоящему интересные театральные тексты, пришлите мне их. Что Вы думаете о театре Бетти?[3] Стоит его переводить?

Перевод с итал. автора статьи. Примерная дата определяется по ответному письму Рипеллино.

[1] Библиотека-музей В.В. Маяковского был открыт в 1938 г. в квартире, где поэт жил с Л. и О. Бриками с 1926 г. (Гендриков пер., д. 15/13), в 1974 г. перенесен по второму московскому адресу Маяковского (рабочий кабинет, в котором он застрелился) – проезд Серова (Лубянский), д. 3/6. Первым директором музея (до 1960 г.) была Агния Семеновна Езерская (1898–1970).

[2] Писатель В.П. Некрасов был в поездке в Италии в апреле 1957 г. О встрече с Риппелино в Риме в марте 1962 г. он упомянул в путевых очерках «По обе стороны океана» (Новый мир. 1962. № 11. С. 146).

[3] Уго Бетти (1892–1953) — один из крупнейших итальянских драматургов XX века, особенно активный в 1940–1950-е гг. и в настоящее время почти неизвестный в России.

А.М. Рипеллино — Г. Брейтбурду
26 мая 1957

Дорогой Брейтбурд!

С нетерпением жду высланных Вами иллюстраций. Дней через десять у Эйнауди выйдет моя книга о Пастернаке[1] и я вышлю ее Вам. Что до моих исследований о Маяковском и Блоке, то они, как я Вам уже писал, будут напечатаны лишь в конце года.

У меня большое желание побывать в Москве до того, как я закончу свое исследование о Маяковском. Я хочу посетить Музей Маяковского и ознакомиться с другими материалами. Наше общество «Италия-СССР» включило меня в число тех трех-четырех лиц, которые в скором времени должны были бы отправиться в Москву в ближайшее время. Но дело, к сожалению, не двигается с места, а я так хотел бы, чтобы моя книга вышла в свет к 40-летию Октября[2]. Нельзя ли получить приглашение непосредственно от Союза писателей или от Музея Маяковского на июнь или на сентябрь? Хочу также

добавить, что мою поездку горячо приветствует атташе советского посольства по культурным вопросам. Жду вашего совета.

Слежу за Вашей молодой поэзией, в ней много по-настоящему значительного, и я был бы Вам признателен за новые сборники стихов.

Я со своей стороны в ближайшие дни пришлю Вам пьесы Бетти[3] и комедию Пиранделло «Человек, зверь и добродетель»[4]. Из Бетти для советской публики, пожалуй, лучше всего подошли бы «Обвал на северной платформе» и «Гостиница в порту». Сейчас я подыскиваю для вас и другие достойные театральные тексты.

Благодарю Вас за Ваше любезное отношение, шлю Вам сердечный привет

Ваш Анджело М. Рипеллино.

Печатается по рус. переводу. Пропуски в приложенном переводе восполнены по итал. подлиннику. Сохранены подчеркивания фрагментов о желании Рипеллино посетить СССР. Очевидно, Брейтбурд ходатайствовал по этому вопросу в Союзе писателей; сохранилась телеграмма первого секретаря ССП А.А. Суркова к Рипеллино от 1 августа 1957 г.: «Уважаемый коллега! Мы узнали о Вашем желании посетить Советский Союз для завершения работы над своей книгой о творчестве В. Маяковского. Союз писателей СССР будет рад видеть Вас своим гостем в течение двух недель — в первой половине сентября или в иное удобное для Вас время. Прошу Вас сообщить нам, когда Вы предполагаете совершить эту поездку. Для получения визы просим Вас обратиться в Посольство СССР в Риме. Надеюсь, что посещение Советского Союза будет полезно для Вашей литературной работы и даст нам возможность встретиться и побеседовать» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1702. Л. 12).

[1] Сборник стихов Пастернака действительно вышел в 1957 г.

[2] Поездка в СССР в 1957 г. состоится, но книга «Маяковский и русский авангардный театр» будет напечатана не в 1957-м, как планировалось, а в 1959-м.

[3] Возможно, под «пьесами Бетти» («Teatro di Betti») Рипеллино имеет в виду сборник с предисловием авторитетного театрального критика Сильвио д'Амико, вышедший в 1955 г. (*Betti U.* Teatro / prefazione di Silvio D'Amico. Bologna: Cappelli, 1955. 1345 p.). Упомянутая в письме пьеса «Оползень на северной платформе» («Frana allo scalo nord», 1932) рассказывает о расследовании несчастного случая при строительстве железнодорожной линии, действие «Гостиницы в порту» («Un albergo sul porto», 1930) разворачивается в портовой ночлежке для эмигрантов. Вероятно, именно из-за «производственной» и «социальной» тематики Рипеллино считает эти пьесы подходящими для советской сцены.

[4] «L'uomo, la bestia e la virtù» — комедия Л. Пиранделло 1919 г., переосмысляющая классическую коллизию любовного треугольника (муж, жена и любовник).

Г. Брейтбурд — А.М. Рипеллино
Июль (?) 1957

Уважаемый профессор,

надеюсь, Вы уже получили иллюстрации с Маяковским. Хотелось бы дождаться от Вас подтверждения.

Я уезжал из Москвы и только сейчас прочитал Ваше письмо.

На данный момент я предпринял кое-какие шаги, чтобы упростить организацию Вашей поездки в Москву. Дней через десять смогу дать Вам более развернутый ответ.

Я был бы благодарен Вам за театральные тексты. Особенно мне сейчас нужен Пиранделло. В этом году у нас выходят «Новеллы на год»[1], я же хотел бы предложить новое издание комедий. Возможно, Вы могли бы прислать мне несколько текстов, которые сочтете наиболее подходящими для нашего издания. Если нет изданий избранных театральных пьес, возможно, Вы могли бы прислать мне пару томов (последние — четвертый и пятый) издания «Мондадори»[2].

Позавчера я отправил Вам кое-какие наши новые публикации.

С сердечным приветом,

Г. Брейтбурд.

Перевод с итал. автора статьи.

[1] «Novelle per un anno» (1922–1937) — многотомный авторский сборник Пиранделло, включающий в себя более двухсот новелл. Вероятно, говоря о советском издании, Брейтбурд имеет в виду сборник 1958 г. (*Пиранделло Л.* Новеллы. М.: Гослитиздат, 1958. 440 с.)

[2] Вероятно, речь о пятитомном сборнике пьес Пиранделло «Голые маски», выпущенном издательством «Мондадори» в 1933–1935 гг. (*Pirandello L.* Maschere nude. 5 vol. Verona: Mondadori, 1933–1935). 4-й том включает в себя пьесы «Как прежде, лучше, чем прежде» («Come prima, meglio di prima», 1919); «Обнаженные одеваются» («Vestire gli ignudi», 1922); «Какой ты меня желаешь» («Come tu mi vuoi», 1929), 5-й — «Это так (если вам так кажется)» («Cosi è (se vi pare)», 1917); «Все к лучшему» («Tutto per bene», 1906); «Чужой ум» («La ragione degli altri», 1895).

А.М. Рипеллино — Г. Брейтбурду
21 июля 1957

Дорогой Брейтбурд,

Я очень признателен Вам за то, что Вы делаете для меня. Я получил книги и фотографии. Они замечательные: не хватает только «Мистерии-буфф» и «Клопа» в постановке Мейерхольда. Если бы Вы смогли их найти, я был бы очень рад. Также мне хотелось бы

включить в книгу фотоснимки Маяковского-киноактера и сцены из конструктивистских постановок Мейерхольда («Лес», «Великодушный рогоносец», «Д. Е.» и т. д.).

Я отправил Вам свою книгу о Пастернаке, которая недавно вышла в издательстве «Эйнауди»: это томище толщиной более 500 страниц. Тем временем я напряженно работаю над монографией о Маяковском в надежде, что она будет готова к 40-й годовщине Октября. Я также послал Вам несколько томов Пиранделло, изданных «Мондадори».

Благодарю Вас за заботу об организации моей поездки в Москву и жду хороших новостей. В начале августа я на несколько дней уеду отдыхать в Австрию, в горы, а во второй половине августа снова буду в Риме. Напишите мне о своих впечатлениях от книги о Пастернаке, я буду очень рад.

С сердечным приветом,

Ваш Анджело М. Рипеллино.

Перевод с итал. автора статьи. Сохранено подчеркивание в подлиннике.

А.М. Рипеллино — Г. Брейтбурду
19 августа 1957

Дорогой Брейтбурд,

вернувшись с отдыха, который я провел в Австрии, я получил приятный сюрприз, обнаружив телеграмму, в которой Алексей Сурков приглашает меня провести две недели в Советском Союзе. Я очень рад, и поскольку, как мне кажется, это приглашение — дело Ваших рук, шлю Вам свою самую горячую признательность. Я сразу же телеграфировал Суркову и сообщил, что предполагаю приехать числа 10-го (или 15-го): зависит от того, сколько времени у меня уйдет, чтобы оформить паспорт для поездки в Союз. В любом случае я сообщу телеграммой о точном дне приезда. Я также спросил его, будет ли поездка осуществляться за мой счет, или Союз писателей поможет мне и в этом. Прошу Вас тоже написать мне как можно скорее. Вам передали моего «Пастернака»?

Еще раз спасибо и до скорой встречи.

Ваш Анджело М. Рипеллино.

Перевод с итал. автора статьи.

Г. Брейтбурд — А.М. Рипеллино
30 декабря 1957

Дорогой Анджело!

Я болел в эти дни и получил твою телеграмму лишь вчера[1]. Прошу извинить меня за задержку ответа. Прежде всего хочу сообщить тебе, что все твои книги нами были высланы по твоей просьбе; подтверди получение.

С признательностью вспоминаю о твоем внимании, проявленном к нам в Риме[2].

Как жаль, что чересчур напряженная, как ты сам это видел, программа так и не позволила мне как следует с тобой поговорить. В Москве у нас как-то всё было спокойней — без мраморного холода Палаццо Браски и согретых аперитивами салонов, вроде того, в котором мы были с тобой у синьоры Астальди[3].

Ты, наверное, прочел статью Алексея Александровича в «Правде» о наших встречах[4]. Мне статья понравилась. Но это, конечно, лишь первый шаг к осуществлению его (и всех наших) обещаний. Теперь мы готовим сборник итальянских современных стихов, в котором хотят принять участие как переводчики наши крупнейшие поэты.

Сам я после приезда работал очень напряженно и все же сумел закончить перевод того романа, над которым начал работать еще до отъезда в Рим. Думаю, что и ты в эти дни работал напряженно. Буду рад узнать, какие «поэтические результаты» — переводы и прочее — имела наша встреча. Что ответил тебе Гарцанти на твои предложения?[5] Выходит ли у тебя что-нибудь с переводом Твардовского? Мне думается, — это пробел, который следует заполнить.

Прочёл твои стихи, и очень они мне понравились, особенно про «февраль, который плачет, как Горький»[6], и многое другое.

Прошу тебя прислать мне свой сборник, как только он выйдет. Что касается Пиранделло, то я его так и не получил.

Не обижайся на меня, если я иногда медлю с ответом — это вызвано только занятостью. Ты должен знать, что каждое твое письмо меня радует.

Подлинник по-русски.

[1] Рипеллино телеграфировал: «Сообщи, если послали книги, оставленные мною» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1702. Л. 15).

[2] Речь идет о советско-итальянской дискуссии на тему «Поэзия нашего времени», состоявшейся 8–10 октября в Риме в Палацо Браски.

[3] Мария Луиза Астальди (1899–1982) — писательница и коллекционер искусства, основательница журнала «Улиссе» (Ulisse, с 1947 г.), в котором публиковались известные литераторы своего времени, в том числе и Рипеллино. В 1950-е – 1970-е гг. на вилле Астальди на Виа Меркаданте собирался знаменитый в Риме литературный салон.

[4] *Сурков А*. Итальянские встречи // Правда. 1957, 30 окт. № 303.

[5] Речь, очевидно, идет о хранящемся в том же архивном деле (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1702. Л. 14) письме Рипеллино к д-ру Равайоли, руководителю литературного отдела издательства Гардзанти, датированном 21 октября 1957 г. (текст приводится по имеющемуся в деле русскому переводу на л. 14а): «Возвращая Вам исправленные гранки русских и чешских стихов, предназначенных для Антологии, я позволяю себе сделать Вам предложение — включить в эту Антологию отдельные лирические произведения, написанные русскими поэтами за последние годы. Я хотел бы добавить в своем переводе некоторые из самых последних стихотворений: речь идет о текстах большой значимости, достойных лучшей традиции русской лирики. Мы смогли бы добавить стихи 4-х или 5 поэтов европейского значения. Надеюсь на Ваш положительный ответ». Упоминание чешских стихов указывает, что речь идет не о готовящейся антологии «Новые советские поэты» (которая, к тому же, вышла в издательстве Эйнауди в 1961 г. и в 1957-м явно находилась не на стадии гранок). Можно предположить, что в письме говорится о некой антологии восточноевропейской поэзии, однако нам не удалось установить, какое именно издание имеется в виду и вышло ли оно в свет. Как бы то ни было, высказанное в письме намерение расширить готовящуюся антологию за счет «самых последних» стихотворений советских поэтов явно возникло под влиянием контактов Рипеллино с советской стороной.

[6] Имеется в виду стихотворение «Quest'anno a febbraio» («В этом году в феврале»), тогда еще не опубликованное в Италии и спустя два года вошедшее в сборник «Non un giorno ma adesso» («Не однажды, а сейчас»). На русском языке стихотворение было напечатано в 1958 г. в переводе Н. Заболоцкого в антологии «Из итальянских поэтов». Упоминаемая Брейтбурдом строка в русском переводе звучит так: «Он (февраль. — *А.Г.*) плачет и томится, словно Горький» [5, с. 74].

А.М. Рипеллино — Г. Брейтбурду
8 января 1958

Дорогой Георгий,

прости, что отвечаю с таким опозданием, но я сейчас очень интенсивно работаю над книгой о Маяковском, и эта работа, а также энциклопедия[1], университет и другие дела не оставляют ни минуты времени для переписки. И все же я всегда вспоминаю о тебе с теплотой, вспоминаю о наших московских разговорах, о стихах, которые ты читал. Из книг, оставленных в Москве, получил лишь часть, а именно, книги о театре. Великолепные журналы 20-х годов, подаренная мне Мартыновым книга о Блоке, лирика Хлебникова, подаренная Лилей Брик, и другие подобные вещи самым необъяснимым образом не были доставлены. Что ты думаешь об этом? Мне крайне нужны эти журналы для книги, которую я пишу… Вершинин[2] сообщил мне, что друзья-поэты переводят мои лирические стихи на рус-

ский язык. Это волнует и радует меня. Сегодня получил открытку от Мартынова с одной строчкой[3] из переведенного им стихотворения. Я был по-настоящему счастлив. Скоро выйдут мои стихи в Италии[4]. Когда закончу книгу о Маяковском, возьмусь за новейшую советскую поэзию и переведу много текстов. Спасибо за книги, которые время от времени посылает мне Союз писателей. Они нужны мне для предложений Эйнауди и другим издателям. К сожалению, итальянская пресса сейчас занята «скандалом» Пастернака[5], как ты, наверное, видел, все набросились на роман, как изголодавшиеся волки. К сожалению, книгой слишком быстро воспользовались продажные писаки и фальсификаторы литературы, источающие яд. Совсем иной образ Бориса Леонидовича был у меня. И все же это временное мошенничество[6]. Мы должны работать и работать, чтобы дать более точную картину советской литературы в Италии. Верю, что мы многое сможем сделать вместе. Переводил ли ты другие стихи? Надеюсь увидеть тебя весной, если будет возможна моя поездка в Советский Союз. Тебя сердечно приветствует Джанкарло Вигорелли[7]. Он хотел бы получить альбом фотографий о Чехове и чеховских местах. Сможешь ли ты прислать его ему по адресу Виа Лисбона, 12, Рим? Передай мой самый сердечный привет Суркову, а также Заболоцкому, Слуцкому, Евтушенко, Мартынову, Аплетину, Медведеву и всем друзьям. Исаковский прислал мне очень любезную телеграмму, но я не знаю его адреса и не могу ответить ему. Поблагодари его от моего имени.

Твой Анджело.

Печатается по рус. переводу. Пропуски в приложенном переводе восполнены по итал. подлиннику.

[1] Вероятно, имеется в виду многотомная «Энциклопедия театра» («Enciclopedia dello spettacolo», издавалась с 1954 по 1965 гг.), для которой Рипеллино писал статьи о театре славянских стран и о работе в которой он упоминает в письме Брейтбурду 18.03.1957 г.

[2] В оригинале — «Лев». Лев Александрович Вершинин (1926–2013) активно переводил итальянскую художественную прозу, но не занимался поэтическим переводом. Издание, о котором идет речь, это, очевидно, антология «Из итальянских поэтов» 1958 г. [5], в которую вошли семь стихотворений Рипеллино, одно из них — «Лебедь Искануса» — в переводе Леонида Мартынова (это стихотворение Мартынов, очевидно, и цитировал в открытке, отправленной Рипеллино).

[3] В оригинале — «с началом».

[4] Сборник «Не однажды, а сейчас» выйдет в 1960 г. (*Ripellino A.M.* Non un giorno ma adesso. Roma: Grafica, 1960).

[5] Речь идет о скандале, связанном с публикацией романа «Доктор Живаго» итальянским издательством «Фельтринелли», что вызвало недовольство советской стороны. Подробнее об этом см.: [4]. В недатированном переводе фрагмента письма Рипеллино к Брейтбурду, написанного, вероятно, весной 1958 г. (РГАЛИ. Ф. 631.

Оп. 26. Ед. хр. 1738. Л. 3а), тема Пастернака и «Доктора Живаго» получает продолжение: «У нас теперь много разговоров и страшный шум вокруг романа Пастернака, который, к слову, самым ужасным и низменным образом переведен Зветеремичем (славистом Пьетро Цветеремичем. — *А.Г.*). Газеты и газетенки и различного рода листки не жалеют сил “для защиты бедного поэта, с которым так дурно обращаются”. А я говорю всем — хотел бы я иметь такую дачу, как у него в Переделкино. Ненавижу весь этот шум… Меня просили выразить свое одобрение по случаю выхода книги. Но для меня Пастернак остается большим поэтом и незначительным прозаиком, не говоря уже о том, что я не выношу все эти речи, которые соскальзывают на хитрые намеки, направленные против Союза. Могу сказать, что я был пионером “пастернакизма”, но нельзя тратить свою жизнь на одну лишь тему. Есть сотни других русских и советских произведений, которые меня привлекают».

[6] Приложенный перевод неточен. В оригинале — «мимолетные увлечения» (infatuazioni passeggere).

[7] Дж. Вигорелли (1913-2005) — критик, журналист и писатель, основатель литературного журнала «Эуропа леттерариа» («L’Europa letteraria», 1960–1965), генеральный секретарь Европейского сообщества писателей (Comunità Europea degli Scrittori, COMES) — литературного объединения, основанного в Италии в 1958 году и работавшего до конца 1960-х в тесном контакте с советской властью. Подробнее о КОМЕС см.: [8].

2. Запись беседы с Анджело Мариа Рипеллино

Осень 1957 г.

Вот уже десять дней, как в Москве, по приглашению Союза писателей СССР, находится известный итальянский исследователь современной русской поэзии и театра — Анджело Мариа Рипеллино.

Мы попросили профессора Рипеллино рассказать нам о своих последних работах. Итальянский литератор рассказал, что после вышедшей в 1954 году объемистой Антологии современной русской поэзии, в которой представлены русские поэты разных течений — от периода раннего символизма до советской поэзии последних лет, и сборника переводов Пастернака, он приступил к исследованию драматургии Маяковского.

Мы попросили проф. Рипеллино ответить на несколько наших вопросов.

1. *С какого времени вас стало интересовать творчество Владимира Маяковского?*

— Вот уже более десяти лет, как я интересуюсь Маяковским и его влиянием на современную русскую поэзию.

Я перевел «Облако в штанах», «Юбилейное», «Во весь голос» и многие произведения великого поэта. В Маяковском меня привлекает непосредственность отклика на запросы эпохи и животрепещущая актуальность, которая, однако, никогда не идет в ущерб яркости

и богатству стиха. Поэзия Маяковского подобна кораблю, который на всех парусах устремлен к будущему.

Его стихи и вся его жизнь, порывистая и беспокойная, волнуют меня как исследователя и переводчика.

Сейчас я работаю над книгой о драматургии Маяковского. Я хотел бы рассказать итальянским читателям о его пьесах, исследовать театр времен футуризма и послереволюционных лет, показать связи Маяковского с Мейерхольдом и с искусством эпохи. Мне кажется, что пьесы Маяковского удивительно жизненны и сегодня.

В мире много говорят о драматургии Брехта. Мне кажется, что пора всерьез заняться театральной эстетикой Маяковского, нашедшей выражение не только в самом тексте его пьес, но и в его выступлениях, докладах, письмах, не говоря уже о его поэзии. Я смотрел в Москве постановки «Клопа» и «Бани» в театре Сатиры, и мне кажется, что режиссер Плучек[1] сумел глубоко понять драматургию Маяковского. Мне хотелось бы увидеть эти спектакли театра Сатиры у нас в Италии — и до чего обидно мне сейчас уезжать из Москвы, не дождавшись премьеры «Мистерии-Буфф» в этом театре.

Благодаря любезности друзей поэта, а также сотрудников музея Маяковского и музея Бахрушина, мне удалось собрать немало интересных материалов о его работе в театре.

2. *Знают ли в Италии советскую поэзию сегодняшнего дня?*

Поэзию самых последних лет знают хуже, чем стихи Маяковского, Есенина, Пастернака. Но именно в последние годы возрос интерес к новым советским стихам. В свою Антологию[2] я включил переводы отдельных стихотворений Твардовского, Исаковского, Суркова, Щипачева и других поэтов. У нас печатают немало переводов, и только в самые последние месяцы итальянские читатели познакомились со стихами таких интересных поэтов, как Заболоцкий, Мартынов. Немалый интерес вызвали стихи таких молодых поэтов, как Евтушенко и Слуцкий.

Мы сегодня вправе говорить о подъеме советской поэзии. За эти дни в Москве я встречался и серьезно беседовал как с теми поэтами, которых уже переводил, так и с теми, чьи стихи хочу включить в новое издание своей Антологии.

Я хочу поблагодарить Союз писателей и друзей-поэтов за радушную встречу.

3. *Как вам, должно быть, известно, в начале октября в Риме состоится встреча советских и итальянских поэтов. Что думаете вы о значении такой встречи?*

— Мне кажется, что первый опыт такой встречи принесет немалую пользу нашим литературам и откроет новые горизонты. Эта встреча послужит лучшему знакомству наших писателей друг с другом. Поэты наших стран будут читать друг другу свои стихи в атмосфере дружеского и творческого контакта.

Я верю, что стихи помогают людям понять друг друга, а искусство сближает народы. Мы ждем приезда советских поэтов, в которых видим собратьев по искусству.

Г. Брейтбурд.

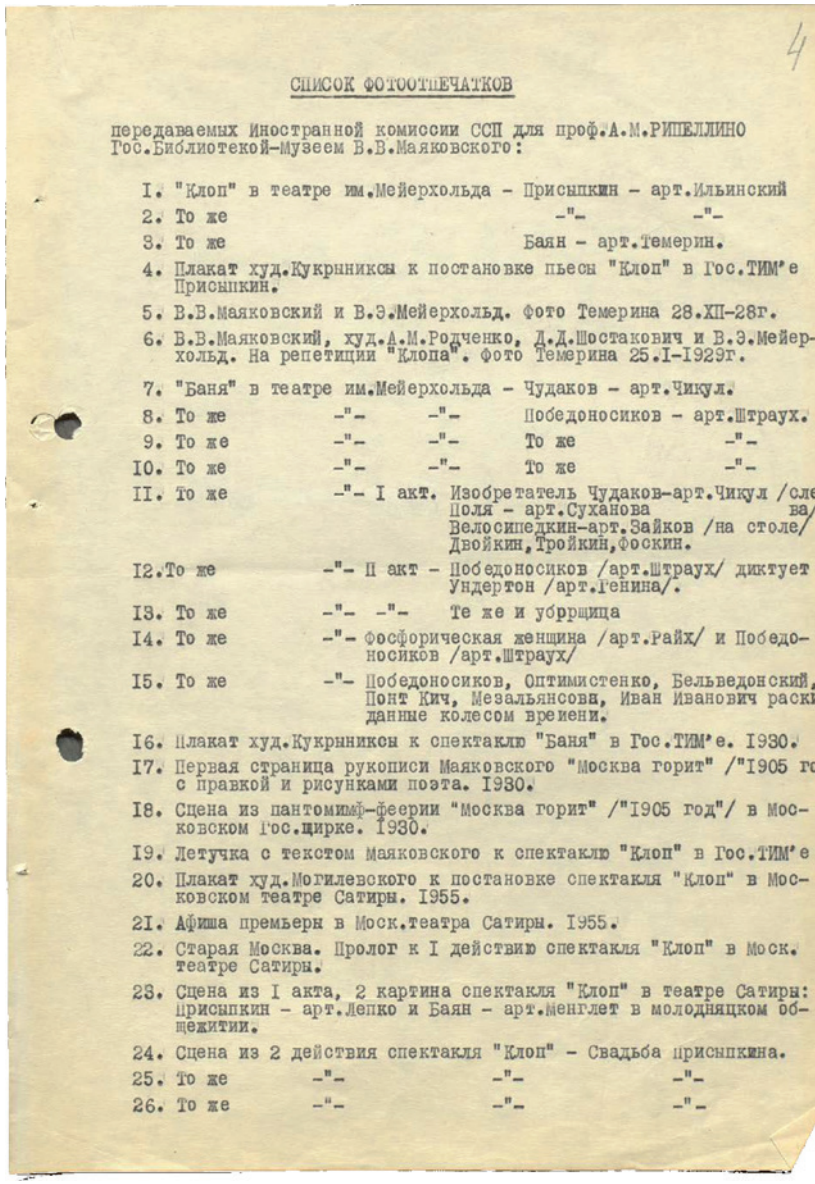
РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1685, машин., 3 лл. Подлинник по-рус.

[1] В.Н. Плучек (И.Н. Гинцбург, 1909–2002) начинал в 1920-е гг. как актер в театре им. Мейерхольда, в 1932–1938 гг. руководил Театром рабочей молодежи при Московском электрозаводе имени В. Куйбышева (ТРАМ электриков), в 1938–1945 гг. работал в Арбузовской студии (официальное название — Государственная московская театральная студия под руководством А. Н. Арбузова и В. Н. Плучека), а после войны — в Театре сатиры, где поставил пьесы Маяковского «Баня» (1953), «Клоп» (1955) и «Мистерия-Буфф» (1957). Рипеллино во время своего пребывания в Москве лично встречался с Плучеком, как явствует из письма к Л.Ю. Брик, не датированного, но написанного, очевидно, вскоре после возвращения итальянского слависта на родину (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 419. Л. 1). Рипеллино в письме характеризует режиссера как «симпатичного, обаятельного человека», выражает сожаление, что не смог еще раз встретиться с ним перед отъездом из СССР и просит прислать фотоснимки и афиши постановки «Мистерии-Буфф», которую не успел посетить, для своей книги о Маяковском.

[2] Очевидно, речь идет об антологии 1954 г., в состав которой Рипеллино действительно включил стихи упомянутых поэтов, но, как уже отмечалось, только ранние (написанные до середины 1940-х гг.) и в очень небольшом количестве по сравнению с подборками поэтов Серебряного века (1 стихотворение Твардовского, 1 — Суркова, 4 — Исаковского, 2 — Симонова и т. д.; на этом фоне выделяется только Щипачев, представленный 9 стихотворениями).

3. СПИСОК ФОТОКОПИЙ,

передаваемых Иностранной комиссии ССП для проф. А.М. Рипеллино Государственной библиотекой-музеем В.В. Маяковского. 9 мая 1957 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1702)

4

СПИСОК ФОТООТПЕЧАТКОВ

передаваемых Иностранной комиссии ССП для проф.А.М.РИПЕЛЛИНО Гос.Библиотекой-Музеем В.В.Маяковского:

1. "Клоп" в театре им.Мейерхольда – Присыпкин – арт.Ильинский
2. То же –"– –"–
3. То же Баян – арт.Темерин.
4. Плакат худ.Кукрыниксы к постановке пьесы "Клоп" в Гос.ТИМ'е Присыпкин.
5. В.В.Маяковский и В.Э.Мейерхольд. Фото Темерина 28.XII-28г.
6. В.В.Маяковский, худ.А.М.Родченко, Д.Д.Шостакович и В.Э.Мейерхольд. На репетиции "Клопа". Фото Темерина 25.I-1929г.
7. "Баня" в театре им.Мейерхольда – Чудаков – арт.Чикул.
8. То же –"– –"– Победоносиков – арт.Штраух.
9. То же –"– –"– То же –"–
10. То же –"– –"– То же –"–
11. То же –"– I акт. Изобретатель Чудаков-арт.Чикул /сле Поля – арт.Суханова ва/ Велосипедкин-арт.Зайков /на столе/ Двойкин,Тройкин,Фоскин.
12. То же –"– II акт – Победоносиков /арт.Штраух/ диктует Ундертон /арт.Генина/.
13. То же –"– –"– Те же и убррщица
14. То же –"– Фосфорическая женщина /арт.Райх/ и Победоносиков /арт.Штраух/
15. То же –"– Победоносиков, Оптимистенко, Бельведонский, Понт Кич, Мезальянсова, Иван Иванович раскиданные колесом времени.
16. Плакат худ.Кукрыниксы к спектаклю "Баня" в Гос.ТИМ'е. 1930.
17. Первая страница рукописи Маяковского "Москва горит" /"1905 го с правкой и рисунками поэта. 1930.
18. Сцена из пантомимф-феерии "Москва горит" /"1905 год"/ в Московском Гос.цирке. 1930.
19. Летучка с текстом Маяковского к спектаклю "Клоп" в Гос.ТИМ'е
20. Плакат худ.Могилевского к постановке спектакля "Клоп" в Московском театре Сатиры. 1955.
21. Афиша премьеры в Моск.театра Сатиры. 1955.
22. Старая Москва. Пролог к I действию спектакля "Клоп" в Моск. театре Сатиры.
23. Сцена из I акта, 2 картина спектакля "Клоп" в театре Сатиры: Присыпкин – арт.Лепко и Баян – арт.Менглет в молодняцком общежитии.
24. Сцена из 2 действия спектакля "Клоп" – Свадьба Присыпкина.
25. То же –"– –"– –"–
26. То же –"– –"– –"–

4

СПИСОК ФОТООТПЕЧАТКОВ

передаваемых Иностранной комиссии ССП для проф.А.М.РИПЕЛЛИНО Гос.Библиотекой-Музеем В.В.Маяковского:

I. "Клоп" в театре им.Мейерхольда – Присыпкин – арт.Ильинский
2. То же –"– –"–
3. То же Баян – арт.Темерин.
4. Плакат худ.Кукрыниксы к постановке пьесы "Клоп" в Гос.ТИМ'е Присыпкин.
5. В.В.Маяковский и В.Э.Мейерхольд. Фото Темерина 28.XII-28г.
6. В.В.Маяковский, худ.А.М.Родченко, Д.Д.Шостакович и В.Э.Мейерхольд. На репетиции "Клопа". Фото Темерина 25.I-1929г.
7. "Баня" в театре им.Мейерхольда – Чудаков – арт.Чикул.
8. То же –"– –"– Победоносиков – арт.Штраух.
9. То же –"– –"– То же –"–
I0. То же –"– –"– То же –"–
II. То же –"– I акт. Изобретатель Чудаков-арт.Чикул /сле Поля – арт.Суханова ва/ Велосипедкин-арт.Зайков /на столе/ Двойкин,Тройкин,Фоскин.
I2. То же –"– II акт – Победоносиков /арт.Штраух/ диктует Ундертон /арт.Генина/.
I3. То же –"– –"– Те же и убрщица
I4. То же –"– фосфорическая женщина /арт.Райх/ и Победоносиков /арт.Штраух/
I5. То же –"– Победоносиков, Оптимистенко, Бельведонский, Понт Кич, Мезальянсова, Иван Иванович раскиданные колесом времени.
I6. Плакат худ.Кукрыниксы к спектаклю "Баня" в Гос.ТИМ'е. I930.
I7. Первая страница рукописи Маяковского "Москва горит" /"I905 го с правкой и рисунками поэта. I930.
I8. Сцена из пантомимы-феерии "Москва горит" /"I905 год"/ в Московском Гос.цирке. I930.
I9. Летучка с текстом Маяковского к спектаклю "Клоп" в Гос.ТИМ'е
20. Плакат худ.Могилевского к постановке спектакля "Клоп" в Московском театре Сатиры. I955.
2I. Афиша премьеры в Моск.театра Сатиры. I955.
22. Старая Москва. Пролог к I действию спектакля "Клоп" в Моск. театре Сатиры.
23. Сцена из I акта, 2 картина спектакля "Клоп" в театре Сатиры: Присыпкин – арт.Лепко и Баян – арт.Менглет в молодняцком общежитии.
24. Сцена из 2 действия спектакля "Клоп" – Свадьба присыпкина.
25. То же –"– –"– –"–
26. То же –"– –"– –"–

Литература

1. *Ариас-Вихиль М.А.* Итальянские писатели в гостях у Пастернака // Путешествие в Италию — путешествие в Россию. М.: ВП-Принт, 2014. С. 203–212.

2. *Гладков А.К.* Встречи с Пастернаком. М.: Арт-Флекс, 2002. 288 с.

3. *Голубцова А.В.* Антология А.М. Рипеллино «Новые советские поэты» в издательстве «Эйнауди»: к истории создания // Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке. URL: http://www.litcontact.ru/izdateli-i-chitateli/a-v-golubtsova-antologiya-a-m-ripellino-novye-sovetskie-poety-v-izdatelstve-ejnaudi-k-istorii-sozdaniya (дата обращения: 04.12.2024).

4. «Доктор Живаго»: Пастернак, 1958, Италия: антология. М.: Река времен, 2012. 420 с.

5. Из итальянских поэтов. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1958. 117 с.

6. *Gravina G.* Per una storia dell'Associazione Italia-URSS. Parte prima // Slavia. 1993. № 3. P. 70–108; Parte seconda // Slavia. 1995. № 1. P. 48–100; Parte terza // Slavia. 1995. № 3–4. P. 103–141; Parte quarta // Slavia. 1997. № 3. P. 135–159.

7. Nuovi poeti sovietici / a cura di A.M. Ripellino. Torino: Einaudi, 1961. 250 p.

8. *Sabbatini M., Litvin E.* La Comunità europea degli scrittori e l'URSS dal disgelo agli anni Settanta // Mondo contemporaneo. 2020. № 2–3. P. 45–63.

9. *Solonovič E.M.* Angelo Maria Ripellino poeta e traduttore // Diacritica. Fasc. 50. 31 dicembre 2023. URL: https://diacritica.it/inediti-e-traduzione/angelo-maria-ripellino-poeta-e-traduttore.html (дата обращения: 04.01.2025).

Research Article and Publication of Archival Documents

First Soviet Contacts of Angelo Maria Ripellino (Documents from Russian State Archive of Literature and Art)

© 2024. Anastasia V. Golubtsova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00393, "Russia and the West Viewing Each Other: Literature at the Intersection of Culture and Politics, 20th Century" (https://rscf.ru/en/project/23-18-00393/).

Abstract: The article is dedicated to the first Soviet contacts of Italian philologist Angelo Maria Ripellino, researcher and translator of Russian and Soviet literature. The article studies the beginning of his long correspondence and friendship with translator Georgij Breitburd and poet Alexey Surkov and his first visit to the USSR in 1957. Documents from Russian State Archive of Literature and Art (RGALI) help us understand how the Soviet part supported Ripellino's research and edition projects: they provided illustrations for his study on Mayakovsky, sent him poetry books and

information about the authors for an Italian edition of contemporary Soviet poets, and helped to organize his trip to Moscow. In 1957, Ripellino also took part in a meeting of Soviet and Italian poets in Rome, organized by the Italy-USSR Association. The article pays special attention to Ripellino's contacts with Boris Pasternak and to his work on the anthology *New Soviet Poets* (1961), and examines the role of the Soviet part in it. As a supplement to the article we publish some of the documents from RGALI providing important information about Ripellino's Soviet contacts. It is correspondence with Soviet writers and a transcript of an interview given to Georgij Brejtburd in Moscow, in which Ripellino discusses his future book *Mayakovsky and Russian Avant-Garde Theatre*, the popularity of Soviet poetry in Italy, and the meeting of Soviet and Italian poets in Rome planned for October 1957. We provide the documents with a comprehensive commentary using information from Soviet and Italian press (*Pravda*, *Literaturnaya Gazeta*, *L'Unità*).

Keywords: Angelo Maria Ripellino, Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), Georgij Breitburd, Alexey Surkov, Boris Pasternak, Evgenij Evtušenko, Italy-USSR Association, Soviet poetry, Soviet-Italian literary contacts, correspondence.

Information about the author: Anastasia V. Golubtsova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1286-7707

E-mail: ana1294@yandex.ru

For citation: Golubtsova, A.V. "First Soviet Contacts of Angelo Maria Ripellino (Documents from Russian State Archive of Literature and Art)." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 286–313. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-286-313

References

1. Arias-Vikhil', M.A. Ital'ianskie pisateli v gostiakh u Pasternaka [Italian Writers Visiting Pasternak]. *Puteshestvie v Italiiu — puteshestvie v Rossiiu* [*Travel to Italy – Travel to Russia*]. Moscow, VP-Print Publ., 2014, pp. 203-212. (In Russ.)

2. Gladkov, A.K. *Vstrechi s Pasternakom* [*Meeting with Pasternak*]. Moscow, Art-Fleks Publ., 2002. 288 p. (In Russ.).

3. Golubtsova, A.V. "Antologiia A.M. Ripellino 'Novye sovetskie poety' v izdatel'stve 'Einaudi': k istorii sozdaniia" ["A.M Ripellino's Anthology 'New Soviet Poets' in the Publishing House 'Einaudi': The History of Publication"]. *Rossiia / SSSR i Zapad: vstrechnyi vzgliad. Literatura v kontekste kul'tury i politiki v XX veke* [*Russia and the West Viewing Each Other: Literature at the Intersection of Culture and Politics in 20th Century*]. Available at: http://www.litcontact.ru/izdateli-i-chitateli/a-v-golubtsova-antologiya-a-m-ripellino-novye-sovetskie-poety-v-izdatelstve-ejnaudi-k-istorii-sozdaniya (Accessed 04 December 2024). (In Russ.)

4. *"Doktor Zhivago": Pasternak, 1958, Italiia: antologiia* [*"Doktor Zhivago": Pasternak, 1958, Italy: An Anthology*]. Moscow, Reka vremen Publ., 2012. 420 p. (In Russ.)

5. *Iz ital'ianskikh poetov* [*From Italian Poets*]. Moscow, Izdatel'stvo Inostrannoi literatury Publ., 1958. 117 p. (In Russ.)

6. Gravina, Giovanni. “Per una storia dell’Associazione Italia-URSS. Parte prima.” *Slavia*, no. 3, 1993, pp. 70–108; “Parte seconda.” *Slavia*, no. 1, 1995, pp. 48–100; “Parte terza.” *Slavia*, no. 3–4, 1995, pp. 103–141; “Parte quarta.” *Slavia*, no. 3, 1997, pp. 135–159. (In Italian)

7. *Nuovi poeti sovietici* [*New Soviet Poets*]. Ripellino, Angelo Maria, editore. Torino, Einaudi Publ., 1961. 250 p. (In Italian)

8. Sabbatini, Marco, e Evgeniya Litvin. “La Comunità europea degli scrittori e l’URSS dal disgelo agli anni Settanta.” *Mondo contemporaneo*, no. 2–3, 2020, pp. 45–63. (In Italian)

9. Solonovič, Evgenij. “Angelo Maria Ripellino poeta e traduttore.” *Diacritica*, fasc. 50, 31 dicembre 2023. Available at: https://diacritica.it/inediti-e-traduzione/angelo-maria-ripellino-poeta-e-traduttore.html (Accessed 04 January 2025). (In Italian)

Статья поступила в редакцию: 10.01.2025
Одобрена после рецензирования: 18.02.2025
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 10.01.2025
Approved after reviewing: 18.02.2025
Date of publication: 25.03.2025

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-314-338
https://elibrary.ru/XUJVGS

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Русский Ташкент в сатирической поэзии начала XX века

© 2025, В.А. Суханов
Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека,
Ташкент, Узбекистан

Аннотация: В статье рассматривается образ Ташкента в том виде, каким он складывается в русской сатирической поэзии начала XX в. Первоначально дается обзор очерков о Ташкенте того времени, сделанных путешественниками из центральной части России. Подчеркивается, что основная черта этих работ — соединение в культурном облике Ташкента азиатских реалий и признаков русской провинции. Далее путем сопоставления выявляются различия в описаниях Ташкента в стихотворениях приезжих поэтов и поэтов-ташкентцев: если в текстах первой категории авторов наблюдается органичное сочетание русских и азиатских мотивов, то в текстах ташкентских поэтов город изображается только как типичная российская провинция. В основной части статьи дан анализ стихотворных фельетонов двух сатирических журналов начала прошлого столетия — «Туркестанского скорпиона» и «Туркестанского Кара-Курта». Методом каталогизации выявляются основные составляющие образа Ташкента того периода, который изображался поэтами-сатириками (постоянными жителями города) как провинциальный российский город с минимальными вкраплениями азиатских реалий.

Ключевые слова: русская литература, сатирическая поэзия, колониальная литература, постколониальный дискурс, ориентализм, Ташкент, Средняя Азия.

Информация об авторе: Виктор Алексеевич Суханов — преподаватель, кафедра русского литературоведения, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, ул. Университетская 4, 100174 г. Ташкент, Узбекистан.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0776-1104

E-mail: viktor.suxanov.99@mail.ru

Для цитирования: *Суханов В.А.* Русский Ташкент в сатирической поэзии начала XX века // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 314–338. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-314-338

1.

После Венского конгресса 1814–1815 гг. Российская империя в качестве государства, сыгравшего ключевую роль в победе над Наполеоном, вошла в круг ведущих европейских держав. Как отмечает А. Моррисон, новый статус вкупе с соответствующим ему новым самосознанием российской политической элиты стали определять дальнейшую политику в отношении соседних государств и территорий. В первую очередь это оказало непосредственное влияние на среднеазиатских соседей империи. К цивилизаторской миссии российских правящих кругов прибавилось недовольство неповиновением и частыми разбоями на торговых путях со стороны кочевых племен, что в свою очередь подрывало престиж империи [8, с. 26].

Активная фаза экспансии России в регион пришлась на 40–80-е гг. XIX в. В ходе череды военных кампаний почти вся территория Средней Азии оказалась под контролем Российской империи. Бухарский эмират и Хивинское ханство, значительно уменьшившиеся в размере и сохранившиеся на политической карте, фактически утратили внешнюю независимость. На подконтрольных территориях в 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, административным центром которого стал присоединенный к России за два года до этого Ташкент.

Становление города в качестве столицы новообразованного региона оказало влияние на его социально-экономическое положение. Уже в начале XX в. Ташкент — «умственный и торгово-промышленный центр русских среднеазиатских владений» и десятый по величине город России с населением более 155 тысяч человек, «из коих около 25000 русских; остальные туземцы»[1].

При ознакомлении с описаниями Ташкента начала XX в. нельзя не заметить одну характерную деталь: в глазах, а порой и в сознании русского/европейского человека Ташкент часто не воспринимался как восточный город, хотя и расположенный в самом центре Азии. Многократный перевес коренного населения и тот факт, что к тому времени Ташкент находился в составе России менее полувека, не могли перевесить европейский колорит его архитектурного и социального ландшафтов. Ташкент рубежа XIX–XX вв. являл собой гибрид европейской и азиатской цивилизаций.

[1] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: Семеновская типолит., 1890–1907. Т. 64. С. 700.

Приведем здесь свидетельства некоторых жителей города и тех, кто его посещал в то время. В частности, А.Ф. Керенский, проведший в Ташкенте несколько лет, вспоминал:

> Улицы города являли причудливое сочетание Европы и Азии. <…> Мы приехали в Туркестан спустя всего шесть лет после экспедиции умиротворения, проведенной генералом М.Д. Скобелевым в туркменском оазисе Геок-Тепе (1881 год), и всего 24 года спустя после захвата самого Ташкента. Тем не менее, собираясь в дальнюю дорогу из Симбирска, мы ни на мгновение не допускали мысли, что будем жить в «оккупированной» стране. Ташкент был просто-напросто далекий уголок России[2].

Керенский отмечает смешение восточного и западного стилей в архитектуре Ташкента, ассоциируя его при этом с типичным уголком российской провинции. Но отнюдь не все, кто посетил Ташкент в тот период, полностью разделяли точку зрения Керенского. Экономист и статистик А.А. Кауфман (1864–1919), командированный в Туркестан в 1901–1903 гг., в путевых очерках пишет о Ташкенте как о городе, в котором западноевропейское причудливо оттеняется азиатским:

> Попав в Ташкент, вы с изумлением видите себя среди сплошного, чисто итальянского сада, в густой зелени которого тонут одноэтажные, по большей части аккуратно и не без вкуса выстроенные, светлоокрашенные каменные домики. <…> Но на каждом шагу вы видите, что этот почти европейский город заброшен в самое сердце Средней Азии[3].

В первый год XX в. Ташкент посетил М.А. Волошин. И хотя в его поэтическом творчестве Ташкент ни разу не появился в качестве объекта изображения, об этом городе весьма подробно рассказывается в письмах поэта. В одном из них он прямо называет Ташкент «русским городом», выделяя в нем при этом непривычные для европейца атрибуты — восточные халаты и верблюдов:

---

[2] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары / пер. с англ. М.: Республика, 1993. С. 9–11.

[3] *Кауфман А.А.* По новым местам. (Очерки и путевые заметки). 1901–1903. СПб.: Изд. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 260–263.

> «Ташкентцев» приходилось много видеть, знал я тоже, что «Ташкент есть понятие собирательное», но что настоящий, конкретный Ташкент так хорош, красив и своеобразен, что ташкентцы не в переносном смысле, а в прямом и так красиво задрапированы в свои разноцветно-полосатые халаты и так картинно ездят на верблюдах по главным просекам (город весь стоит точно в лесу) города и что это первый русский город, где совершенно нету жандармов, — этого я не знал [2, т. 8, с. 403].

В том же году Волошин напишет стихотворение «Пустыня», в тексте которого нет прямых указаний на Ташкент. В начале стихотворения изображается парижский Монмартр, а далее возникают общие для многих ориенталистских текстов мотивы:

> Застывший зной. Устал верблюд.
> Пески. Извивы желтых линий.
> Миражи бледные встают —
> Галлюцинации Пустыни.
> И в них мерещатся зубцы
> Старинных башен. Из тумана
> Горят цветные изразцы
> Дворцов и храмов Тамерлана.
> И тени мертвых городов
> Уныло бродят по равнине
> Неостывающих песков,
> Как вечный бред больной Пустыни [2, т. 1, с. 11–12].

Однако завершается это стихотворение с размытым туркестанским пейзажем весьма конкретным авторским указанием на место написания — «Ташкент — Париж» [2, т. 1, с. 12]. И в этом указании нам видится сознательный жест Волошина, содержащий не только противопоставление, но и парадоксальное сближение восточного и западного городов.

Отчасти похожим образом описал свои впечатления от Ташкента композитор В.Н. Гартевельд (1859–1927), который, как и его предшественники, обратил особое внимание на контраст между европейским и азиатским в городе:

> Ташкент! Лишь только по приезде выйдете вы из вагона на платформу, как сразу почувствуете, что попали в большой город. <…> Дальше вы увидите прекрасные улицы с оживленной толпой,

> с великолепными магазинами и, наконец, очутившись в гостинице «Россия», вы сразу убедитесь, что, после азиатского Туркестана, находитесь в убежище европейской техники и комфорта. <…> На улицах гудят автомобили и встречаются (тоже признак большого города) «жертвы общественного темперамента», чем, кажется, ташкентцы немало гордятся… Одним словом, прогресс и цивилизация!.. <…> И если бы не встречались постоянно сарты и киргизы, верблюды, ослики и другие атрибуты Востока, вы легко могли бы вообразить себя в европейском городе средней руки. Таково первоначальное впечатление от Ташкента. Но, прожив в городе, как я, неделю, вы, к собственному удивлению, убедитесь, что находитесь в глухой провинции![4]

Мы видим, что в глазах тогдашнего путешественника Ташкент предстает европейским городом, в котором, тем не менее, обращают на себя внимание частые вкрапления азиатских реалий и примет, характерных для русской провинции.

2.

Однако в поэтических текстах о Ташкенте начала XX в. можно проследить иную тенденцию: авторы делали акцент либо на азиатских, либо на европейских и характерных для российской провинции реалиях города без их совмещения. При этом приезжие поэты, как правило, тяготели к изображению Ташкента как азиатского города, а в стихотворениях местных поэтов Ташкент часто представал европейским и/или русским провинциальным городом.

В качестве выразительного примера изображения азиатского Ташкента можно привести стихотворение «Старый Ташкент» (1916) москвича Константина Липскерова (1889–1954). В 1914 г. поэт совершил путешествие в Туркестан:

Чтоб описать покой их, хватит слов ли?
О коридоры палевые глин!
В них пыль пустынь, что любит цвет один,
Поймала все в своей искусной ловле.
Порою дети пестрые на кровле
Стелили стебли длинные долин,
Порою ослик желтый нес кувшин,
Да караваны двигались торговли.

[4] *Гартевельд В.Н.* Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913). М.: Изд. И.А. Маевского, 1914. С. 149–151.

Порою путник в дверь кольцом стучал…
И два кокона алых покрывал
Скользнули, промелькнувши на закате.
И юноша явился вдалеке.
Он в белом с узким золотом халате
И с белой розой в бронзовой руке[5].

В 1919 г. вышла в свет поэтическая книга «Край солнца и чимбета» уроженца Самарской губернии Александра Ширяевца (1887–1924), в которую вошло стихотворение «Умирающая арча» (второе его название —«Шейхантаурское кладбище»). Подзаголовок стихотворения повторяет название сонета Липскерова — «Старый Ташкент».

Смерть входит и в священные углы,
Все никнет перед властным Азраилом.
— Дерев священных жалкие стволы
В истоме смертной клонятся к могилам.
Все ниже, ниже… Стережет мазар
Бунчук, чернея в небе ясно-синем.
А рядом жизнь — клокочущий базар,
Торговцев выкрик, запах пряный дыни [7, с. 167].

В изображениях Ташкента, представленных в стихотворениях местных авторов, азиатских реалий гораздо меньше, а порой и вовсе нет. Приведем здесь два соответствующих примера.

Автором первого стихотворения, фрагмент которого мы процитируем, был Георгий Павлюченко (1888–1955), печатавшийся под псевдонимом Георгий Светлый. Вместе с Валентином Вольпиным (1891–1956) и Джурой (псевдоним Юрия Пославского (1890–1938)) он был организатором и участником артели поэтов «Gesvavood». Стихотворение Светлого называлось «Город»:

Как пчела, гудит трамвай;
Звон звонков, — макак банзай,
В магазинах ад и рай;
На окне стоит парик;
Дама в платье электрик;
Рысаки несут кокотку.

[5] *Липскеров К.А.* Песок и розы. Стихи. М.: Альциона, 1916. С. 27.

У казенки тянет водку
Сифилитный тип — старик.
Манит колокол к вечерне,
Раскровянились в харчевне
Два мастеровых.
Мерно двинулись рекламы
Мимо похотливой дамы —
Не лицо, а жмых[6].

Сходным образом Ташкент был описан в еще одном стихотворении, также названном «Город» (1916), соратника Светлого по поэтической артели, Валентина Вольпина:

Пыльные улицы. Дым из фабричных кварталов,
Запах бензина от наглых и шумных моторов,
Зеркало сонных, надолго застывших каналов,
Серые стены, сомкнувшие вольность просторов.

Ночь и весну осквернили разгул, проститутки…
Тюрьмы, решетки, больницы и чахлые скверы.
Тяжко в плену городском! Ночи бессонные жутки.
В звонких бокалах, на дне, притаились враждебно химеры[7].

Ни Светлый, ни Вольпин не дают никаких намеков на Азию. По этой причине у читателя, незнакомого с биографиями этих авторов, может создаться впечатление, что в стихотворениях описывается провинциальный российский город. Объясняется это в первую очередь тем, что завоеванный в 1865 г. Ташкент, как и некоторые другие города Туркестана, не подвергся принудительной вестернизации, а был разделен на старую (азиатскую) и новую (русскую) части. А точнее к старому городу был пристроен новый.

> Русский город начал возникать почти тотчас же после занятия русскими войсками Ташкента. В августе 1865 года генерал Черняев, озабочиваясь размещением войск на зиму, приступил к постройке крепости и зимних помещений. <…> Преемник Черняева генерал Романовский признал своевременным, с наступлением весны

[6] *Светлый Г.* Солнцебунт и ржа. Ташкент: Изд-во артели поэтов «Gesvavood», 1920. С. 3.

[7] *Вольпин В.* Ярмо и воля. Кн. 2. Ташкент: Изд-во артели поэтов «Gesvavood», 1920. С. 26.

> 1866 года, позаботиться о выборе места для будущего русского города. Выбор его остановился… на местности, бывшей тогда свободной от сартовских построек, на восточной стороне старого Ташкента между Боз-су и Чаули. Для разбивки ее на улицы европейского типа и на участки для отдельных владений был составлен в июне того же года комитет под председательством самого Романовского[8].

Атрибуты старого Ташкента были слишком привычным явлением даже для новой части города и просто не замечались местными русскими поэтами. С точки зрения Э.В. Саида, это один из культурных стереотипов, когда в европейской среде игнорируется все, что связано с азиатской культурой [6, с. 46].

3.

Для социально-экономической, политической и культурной жизни Ташкента начала XX в. большое значение имели печатные средства массовой информации. Пресса была основным источником сведений о происходящем в Туркестане и в мире, и часто она оказывала влияние на местную общественную жизнь.

24 ноября 1905 г. император Николай II подписал «Именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах о повременных изданиях», согласно которому во всех городах Российской империи (в том числе и в Туркестанских) отменялась цензура периодической печати[9]. Это дало резкий толчок развитию прессы, в особенности сатирической. В Ташкенте после 1905 г., помимо новых газет, стали выходить сатирические журналы и альманахи, в которых печатались не только фельетоны и карикатуры, но и стихи. Безусловно, поэзия такого рода выполняет функцию художественно-эстетического воздействия на читателя далеко не в первую очередь, а имеет скорее прикладной характер: ее задача комическое изображение и осмеяние постыдных явлений и/или ситуаций, в первую очередь, из жизни того региона, где данное издание выходит.

Подобные стихотворные фельетоны не были предназначены для публикации в авторских и поэтических сборниках или антологиях — их авторы зачастую печатались под сиюминутными псевдонимами, понимая, что их произведения не останутся надолго в памяти чи-

---

[8] *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Электро-паровая типолит. О.А. Порцева, 1912. С. 72.

[9] Полн. собр. законов Российской империи: в 33 т. Собр. 3. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1885–1916. Т. 25. С. 837–840.

тателя. М.Л. Гаспаров следующим образом охарактеризовал такого рода поэзию:

> Сейчас уже мало кто помнит, что такое стихотворный фельетон в дореволюционной газете: почти ежедневные сорок–пятьдесят строчек бойким размером о чем угодно, а чаще всего ни о чем, только чтобы разнообразить страницу; темы их повторялись вновь и вновь, потому что никто из читателей нового фельетона не помнил предыдущего [3, с. 939–940].

Зачастую газеты становились единственным выходом для авторов, пытавшихся опубликовать свои стихотворения, поскольку редакторы газет относились более снисходительно к уровню произведений. Причина тому проста: основная функция газетных изданий — информативная. Стихотворения печатались в них, в основном, для разнообразия контента, а иногда в более практических целях — заполнить пустые страницы. В качестве аргумента можно привести цитату из романа «Дар» В. Набокова:

> Добродушно принимая стихи Федора Константиновича, Васильев помещал их не потому, что они ему нравились (он обыкновенно даже их не прочитывал), а потому, что ему было решительно все равно, чем украшается неполитическая часть «Газеты». Выяснив раз навсегда тот уровень грамотности, ниже которого данный сотрудник не может спуститься по натуре, Васильев предоставлял ему полную волю, даже если данный уровень едва возвышался над нулем. Стихи же, будучи мелочью, вообще проходили почти без контроля, просачиваясь там, где задержалась бы дрянь большего веса и объема [5, с. 248].

Тем не менее, образцы непритязательной сатирической поэзии весьма многое говорят о том типе сознания, который господствовал в среде русскоязычных жителей Ташкента. Выявление примечательных особенностей этого сознания, явленных через сатирические стихотворения, и станет основной целью нашего дальнейшего анализа.

Материалом для нас послужили стихотворения из двух ташкентских сатирико-юмористических журналов. Первый из них назывался «Туркестанский скорпион». Это еженедельный сатирический журнал с карикатурами, выходивший в Ташкенте с 21 октября по 25 декабря 1907 г. Редактором-издателем его была Н.В. Тугарина. Всего было выпущено 10 номеров журнала [1, т. 3, с. 494].

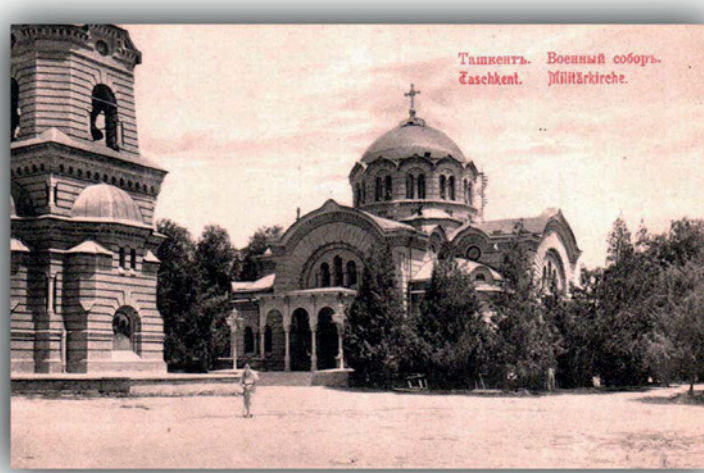
Вторым источником стало издание «Туркестанский Кара-Курт», первоначально выходившее как периодический альманах (1911–1912; всего 8 номеров), позже как ежемесячный журнал «Кара-Курт» (1913; нет данных, какой из номеров стал последним, но известно, что их было по меньшей мере 9). Первым редактором и издателем альманаха был Л.В. Будкевич, позже, в 1912 г., редактором стал Е.Ф. Баранов, а издателем — Л.М. Федорова [1, т. 3, с. 493; см. также: 1, т. 2, с. 138].

В силу значительного количества поэтических текстов, печатавшихся в двух названных журналах, мы далее не будем рассматривать каждое стихотворение по отдельности, полностью цитируя его, но постараемся воссоздать целостную картину Ташкента, приводя отдельные цитаты из стихотворений. Соответственно, нам кажется целесообразным рассматривать тексты из разных журналов вместе, не проводя в данном случае различий между «Туркестанским скорпионом» и «Туркестанским Кара-Куртом».

Кроме «размытых» объектов, чьи адреса на карте Ташкента мы не найдем, поэты-сатирики отсылали читателя и по вполне конкретным городским адресам. Одним из центральных ташкентских локусов предстает Соборная площадь, названная по расположенному на ней Спасо-Преображенскому собору, который был взорван при советской власти в 1935 г. Площадь упоминается в двух стихотворениях. Первое называется «Без обмана не продать» и принадлежит перу Н. Нижегородского. Приведем здесь соответствующий отрывок:

На Соборной крез Ташкентский
Торг по совести ведет,
И барыш первогильдейский
С покупателя дерет.
И всегда товар негодный
Он старается сбывать.
Ведь на то девиз торговый:
— Без обмана не продать! —[10]

[10] Туркестанский скорпион. Ташкент, 1907. № 8. С. 3.

Спасо-Преображенский собор, нач. XX в. Открытка серии «Ташкент» из коллекции С.Г. Пряхина[11]

Transfiguration Cathedral, early 20th century. Postcard from the Tashkent series from the collection of S.G. Pryakhin

Иначе изображена Соборная площадь в стихотворении «Из Ташкентских мотивов», подписанном «Валя Тр-ва». Ташкент предстает здесь городом, в котором основной транспорт это повозки: «*Приди, приди, друг, на Соборку, / Где спят в снегу карагачи. / Мы на десятую пятерку / Эх, крикнем кучеру, — Скачи!*»[12].

Карагачи упоминаются и в фельетоне «Туркестанская лирика» (автор Paul). Там присутствуют и другие традиционные ташкентские реалии — арыки и бачи. Отметим, что бачи упоминаются лишь вскользь и это в принципе единственное возникновение данного, весьма популярного в ташкентской живописи мотива в рассматриваемых нами сатирических стихотворениях:

По арыку струйки мчатся
В тень густых карагачей, —
А Гуляму ночью снятся
Пляски мальчиков-бачей.[13]

[11] Этот и последующий иллюстративный материал размещен на интернет-сайтах «Письма о Ташкенте» (https://mytashkent.uz/) и «Старый Ташкент в документах и фотографиях» (https://oldtashkent.com/)

[12] Туркестанский Кара-Курт. Ташкент, 1912. № 8. С. 10.

[13] Кара-Курт. Ташкент, 1913. № 1 (9). С. 6.

В другом стихотворении «Вали Тр-ва», названном «Двойник», упоминается еще одна ташкентская улица и вновь фигурирует тема тяглового транспорта:

Еду Касьяновской темной
Тихо все. Спят фонари.
Вдруг мой возница наемный
Нож показал: «Не ори!»
Снял с меня брюки, штиблеты,
Шапку, сюртук и жилет…
Где ты, полиция, где ты?
Боже, не слышен ответ[14].

Касьяновская улица была выбрана автором фельетона неслучайно, поскольку в начале 1910-х гг. этот локус хоть и располагался в черте городе, но был практически на его окраине.

Среди изображений ташкентских локаций в фельетонах встречаются описания публики типичных ташкентских улиц. Пример — короткое стихотворение «Праздничная толпа», автор которого подписался псевдонимом Wega:

Шумит, волнуется Ташкент,
Толпа на улицах густая:
Здесь коммерсант, юрист, студент,
Чиновник, дама молодая;
Здесь много юношей, девиц,
Людей с призваньем, без призваний…
Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний![15]

В приведенном стихотворении Ташкент описывается как своего рода аллегория вавилонского мифа (не зря оно названо именно «Праздничная толпа»): многолюдный шумный город, место пересечения разных языков и людей самых разных национальностей и профессий. Но несмотря на упоминание «племен» и «наречий», в стихотворении показательно отсутствуют азиатские мотивы.

К группе стихотворений о ташкентском транспорте можно отнести фельетон «Ташкентский трамвай», автор которого подписался лишь одной буквой «С». Процитируем первые строфы фельетона:

[14] Туркестанский Кара-Курт. Ташкент, 1912. № 8. С. 14.
[15] Кара-Курт. Ташкент, 1913. № 3. С. 9.

Тяжко видеть нам, ей-ей!
Впрямь, возьмет кручина,
Когда бедных лошадей
Бьет кнутом скотина……
Но… кто в этом виноват?..
Кучер лишь беспечный?!...
Нет, хозяин — во сто крат, —
Француз бессердечный!...[16]

Трамвай на конной тяге на улице Романовского, нач. XX в. Открытка серии «Виды Ташкента» из коллекции С.Г. Пряхина
Horse-drawn tram on Romanovsky Street, early 20th century. Postcard from the series "Views of Tashkent" from the collection of S.G. Pryakhin

Речь здесь идет о трамвае на конной тяге «на протяжении 9 верст от базара старого города до вокзала и от Романовской улицы по Петербургской и Пушкинской до бани Метрикова»[17]. Фельетон из «Туркестанского скорпиона» был написан в 1907 г. — за шесть лет до запуска в Ташкенте первого в Туркестане электрического трамвая. Автор-сатирик критикует конку, как устаревший и негуманный по отношению к животным вид транспорта. Под французом, кото-

[16] Туркестанский скорпион. Ташкент, 1907. № 3. С. 3.

[17] Адрес-справочник Туркестанского края с иллюстрациями, календарем на 1910 г., картой края и объявлениями. Ташкент: Изд. Сыр-Дарьинского областного статистического комитета, 1910. С. 110.

рого автор фельетона обвиняет в бессердечии, скорее всего, имеется ввиду глава бельгийского анонимного общества «Ташкентские трамваи», которое и было организатором первой конно-железной дороги в Ташкенте[18].

Другой поэт-сатирик, подписавшийся «М.Ж.», посвятил целое стихотворение еще одному атрибуту западной цивилизации — телефону. Фельетон так и называется — «Ташкентский телефон». Приведем здесь начальную строфу:

Стал звонить он: было рано,
Все тонуло в ярком свете.
На центральную он рьяно
Звонит час, другой и третий[19].

Составитель торгово-промышленного справочника Туркестанского края С.Р. Конопка отмечает:

> Телефон в Ташкенте является городским предприятием. В 1911 году было 708 абонентов, в туземной части города имеется 54 абонента. Четыре телефона-автомата поставлены на железнодорожном вокзале, на товарной станции Ташкентской дороги, на Воскресенском базаре и в Городской Управе[20].

Кроме ташкентских улиц, поэты-сатирики описывают и расположенные на них знаковые объекты. Примером может послужить стихотворение «В летнем театре», снабженное подзаголовком «Городской сад»:

На лице моем несчастном
Бьется чей-то жирный бюст…
Сквозь него, на сцене, ясно
Вижу будочку и куст.
Кто-то дует прямо в ухо…
Там — прическа с париком…[21]

---

[18] Там же. С. 49.

[19] Туркестанский Кара-Курт. Ташкент, 1911. № 3. С. 10.

[20] *Конопка С.Р.* Туркестанский край. Ташкент: Электропечатня при канцелярии туркестанского генерал-губернатора, 1913. С. 107.

[21] Туркестанский Кара-Курт. Ташкент, 1911. № 3. С. 4.

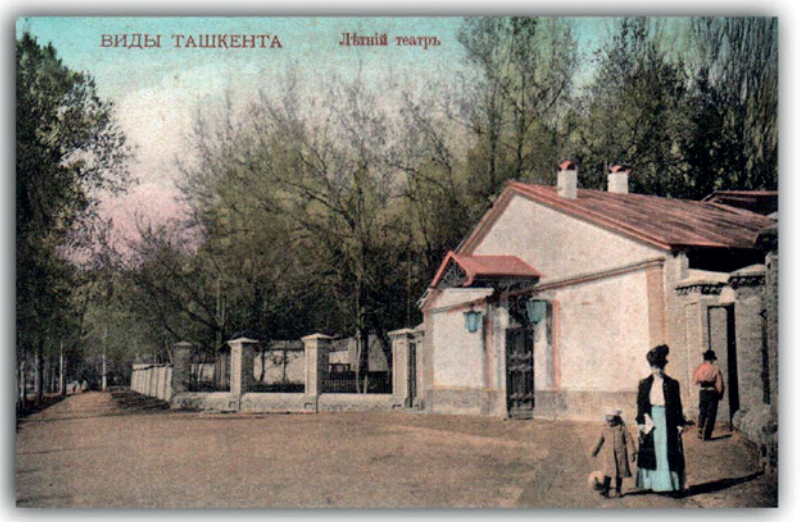

Городской сад, нач. XX в. Открытка серии «Виды Ташкента» из коллекции С.Г. Пряхина
City Garden, early 20th century. Postcard from the series "Views of Tashkent" from the collection of S.G. Pryakhin

В стихотворении описываются атрибуты, характерные отнюдь не для азиатского города, но наиболее важным здесь оказываются название и подзаголовок, отсылающие к конкретному ташкентскому объекту. Подразумевается заложенный в 1882 г. городской сад, в котором в 1894 г. был построен летний театр. В своем путеводителе по туркестанскому краю о городском саде и расположенном в нем летнем театре Ташкента упоминает Конопка: «Театральный вопрос является самым слабым местом в ташкентском хозяйстве. Театра в полном смысле этого слова в Ташкенте совсем нет, если не считать того сарая в городском саду, который по какому-то недоразумению называют "летним театром"»[22].

В поле зрения поэтов-сатириков часто оказывался другой ташкентский объект, связанный со зрелищами — кинотеатр «Хива», располагавшийся на углу Кауфманской и Романовской улиц. В фельетоне «Прочтите Дамы!» (автор «Добрый Поэт») описывается своего рода салон красоты, принадлежащий И. Ненюкову, которого автор иронически называет «чудодеем», а функция «Хивы» в стихотворении сводится к топографическому ориентиру:

[22] *Конопка С.Р.* Туркестанский край. С. 107–108.

Летний театр, нач. XX в. Открытка серии «Виды Ташкента» из коллекции С.Г. Пряхина
Summer Theatre, early 20th century. Postcard from the series "Views of Tashkent" from the collection of S.G. Pryakhin

Но вот меж наших модных дам
Разнесся слух на весь Ташкент,
Что можно, мол, теперь без драм
Красивей стать в один момент!..
<…>
Но где же адрес куафера,
Чтоб стать красивей вне примера?
Шампунем голову где мыть?
Где можно волосы купить:
Гирлянды, локоны, крепоны,
Фризеты, косы, «Диадем»,
Тюрбаны, валики и фроны
И головной из сетки шлем?
Косу из пряди меж, Торсад,
Прическу моды Лизистрат!
Согласны, адрес мы не скроем
И всем читателям откроем —
Без разгильдяйства лишних слов:
Сей чудодей И. Ненюков —

Интеллигенции всей местной,
Под фирмой «Примус» всем известный —
Напротив кинемо — «Хивы»,
Где и найдете его Вы![23]

Помимо «Хивы», в стихотворении упоминается еще один локус — фирма «Примус», под помещением которой, по-видимому, и располагался салон красоты Ненюкова. Очевидно, что оба объекта были хорошо известны ташкентской публике.

Электротеатр «Хива», нач. XX в. Открытка серии «Ташкент» из коллекции С.Г. Пряхина
Kinematograftheater "Chiva," beginning of the 20th century. Postcard of the "Tashkent" series from the collection of S.G. Pryakhin

В качестве характерной приметы нового Ташкента синематограф «Хива» в 1913 г. был упомянут в сатирическом стихотворении «Царевич Май», подписанном псевдонимом «Квазимодо»:

И в «Хиве» полустоличной
Макс, а с ним и Разамат,
Чтоб иметь барыш приличный
Учинили синдикат.

[23] Туркестанский Кара-Курт. Ташкент, 1911. № 3. С. 8.

Ставят драмы, драмы, драмы,
Верст примерно в пять и шесть,
В модных шляпах наши дамы
Там не знают, как им сесть[24].

Вновь «Хива» предстает как одно из наиболее приметных заведений города, достойных специальной строфы стихотворения. Максом и Разаматом автор стихотворения называет крупнейших в то время ташкентских кинопрокатчиков Максимилиана Высокинского и Х. Разматова (подробнее см.: [4, с. 3–4]).

Похожим образом кинотеатр «Хива» описан в серии четверостиший «К летнему сезону», автор которых спрятался под псевдонимом «Рыжий Кок». Приведем здесь одно из этих четверостиший:

Заглянувши в «Хиву», мы встречаем
Тьму нарядных и праздных людей.
О картинках же здесь отмечаем,
Где же Чаринов наш чародей?[25]

К респектабельности кинотеатра здесь добавляется изображение праздно разодетых представителей местной элиты и упоминается еще один деятель ташкентской киноиндустрии Н. Чаринов (подробнее см.: [4, с. 3–4]).

Кроме кинотеатров, поэты-сатирики изображали и другие престижные ташкентские локусы. В стихотворении «Рыжего Кока» «Ташкент ночью» фигурируют сразу несколько городских объектов того времени. Поскольку характерной приметой Ташкента начала XX в. была обильная флора, автор фельетона не мог обойти стороной этот факт и начал свой текст такими строками (пародирующими «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова):

Не ригой, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
«Как часто на Руси…»
Ташкент кончался садиком
Зелененьким, кудрявеньким,
Прохладненьким, нарядненьким
С плеядою забав…[26]

[24] Кара-Курт. Ташкент, 1913. № 4. С. 8.
[25] Там же. № 4. С. 10.
[26] Там же. № 6. С. 12.

А далее в стихотворении возникают указания на конкретные объекты, один из которых сад, носивший среди публики неформальное название «Цветник»:

Уж полночь — всюду парочки
Целуются, милуются,
Спешат идти скорехонько
В соседний сад «Цветник»;
А у кого в карманниках
Шумят бумажки крупные —
Летит поспешно, радостно
В открытый, летний «Буфф».
Там публика отменная,
Потягивая водочку,
Да кофеек с ликерами
Толчется до зари.
А присмотревши дамочку
С глазами подведенными,
Счастливцы направляются
В «Альгамбру» номера……[27]

Знаковым локусом в этом отрывке предстает кафе-театр «Буфф». Заведение располагалось на Московской улице в Ташкенте, но было знаменито не только среди ташкентской богемы. Оно славилось по всему Туркестанскому краю — до наших дней дошли дореволюционные открытки и фотоснимки, изображающие здание кафе-театра.

Завершается отрывок упоминанием еще одного локуса — гостиницы «Альгамбра», местоположение которой нам определить не удалось. Возможно, «Альгамбра» — метафорическое наименование какой-то другой гостиницы. По состоянию на 1910 г. в городе имелись следующие «номера для проезжающих»: «Россия» (Ура-Тюбинская №19 и Иджарская ул.), «Гранд-отель» (Иджарская ул. 25.), «Туркестан» (Ура-Тюбинская №12 и Иканская), «Харьковские номера» (Иканская ул.), «Привокзальная гостиница и номера» (Духовская вблизи Вокзала), «Ориант» (Махрамовская ул., против Реального училища), «Старая Франция» (Куропаткинская и Шипкинская, 30), «Франция» (Пушкинская ул.), «Номера Чернозубова» (Махрамская ул. №15), «Московские номера» (Московская ул. №15), «Бельвю»

[27] Там же. С. 13.

Кафе-театр «Буфф», нач. XX в. Фото Э. Хлубны из архива Б.А. Голендера
Cafe-theatre "Buff," early 20th century. Photo by E. Khlubny from the archive of B.A. Golender

(Джизакская ул., № 27) — в русской части города; «Центральная Азия» (около Большого базара) — в туземной части города[28].

Часто в сатирических стихотворениях о Ташкенте заходила речь о городских ресторанах. Помимо «Буффа», в уже упомянутых нами четверостишиях «К летнему сезону» фигурирует ресторан «Анона», точный адрес которого нам неизвестен:

Дальше карты, «Анона» и клубы;
Маскарады, попойки и флирт,
Как финал упражнения «в зубы»…
А причина? — Филатовский спирт[29].

Об этом же заведении идет речь в стихотворении «Неудачный ужин», подписанном «Квазимодо»:

Ужин кончили в «Аноне»
И желанный час настал.
— Ты моя, — сказал он Тоне,
Едем вместе на вокзал[30].

[28] Адрес-справочник Туркестанского края с иллюстрациями, календарем на 1910 г. С. 110.
[29] Кара-Курт. Ташкент, 1913. № 6. С. 10.
[30] Там же. № 5. С. 8.

Из последующих строк стихотворения становится понятно, что «Анона» был весьма дорогим рестораном: «*Обвела меня плутовка, / Ужин стоил сто рублей!*»[31].

В стихотворении Рыжего Кока «Сказка о Ташкенте» фигурирует еще одно подобное заведение — кафе «Чирчик»:

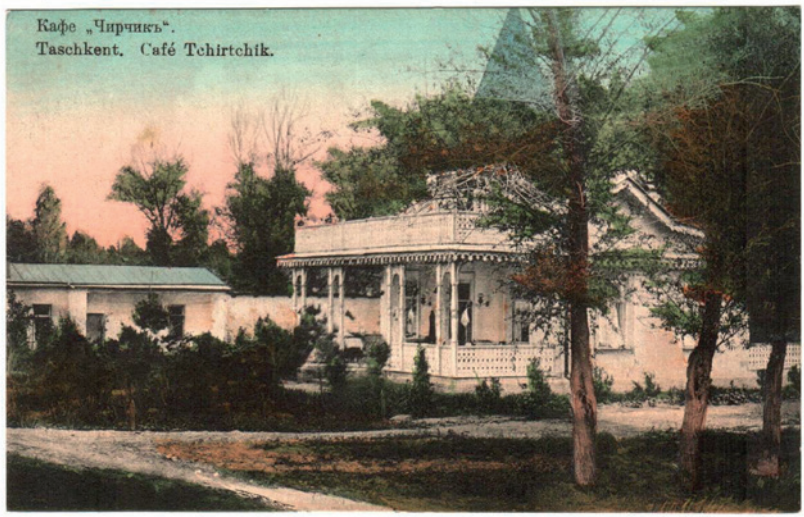
Хочешь, чтоб тебя любили,
Заводи автомобили
И красоток в тот же миг
Увози в «Кафе-Чирчик»[32].

В этом стихотворении в качестве одной из характерных примет крупного города упоминаются ташкентские автомобили. Однако в другом стихотворении, которое называется «Кафе “Чирчик”» (автор «Вокашроп» — обратное написание фамилии Поршаков), это заведение описано как находящееся за пределами города:

Где шумит Чирчик широкий,
Где повис из «злата» мост,
Павильон стоит высокий —
Там кутежки даже в пост.
Громко вывеска вещает:
Се стоит «Кафе Чирчик».
Пьяный кельнер обещает,
Что есть птички «чирик–чик»![33]

Кафе «Чирчик» предстает менее респектабельным заведением, нежели «Анона», к тому же загородным. Тем не менее, можно предположить, что оно все же располагалось в черте Ташкента: сохранилась дореволюционная открытка, на которой изображено кафе «Чирчик» с подписью «Taschkent» — на ней позади заведения видна остроконечная крыша другого здания, которое, скорее всего, является евангелическо-лютеранской церковью, построенной в Ташкенте в конце XIX в. и располагавшейся на Жуковской улице. Похожая крыша была также у минарета мечети Марджани, однако и этот объект располагался на территории города: в непосредственной близости от Воскресенского базара, находившегося на пересечении Махрамского проспекта и Романовской улицы.

[31] Там же. С. 9.
[32] Там же. № 3. С. 11.
[33] Туркестанский Кара-Курт. Ташкент, 1911. № 3. С. 10.

Кафе «Чирчик», нач. XX в. Открытка из коллекции С.Г. Пряхина
Cafe "Chirchik," beginning of the 20th century Postcard from the collection of S.G. Pryakhin

Портреты туземных жителей города в сатирической поэзии из журналов «Туркестанский скорпион» и «Туркестанский каракурт» свелись к единственному изображению из фельетона, подписанном «Ник. Терлик», «На Воскресенском базаре» — локусе, о котором мы уже упоминали:

Какая грязь!... здесь — мусор, кости,
Остатки пиршества собак,
Гнилые овощи и кучи
Тряпья, соломы… — «Тут кабак
На свежем воздухе?» — невольно
Я сарта встречного спросил…
— «Нэт!... Здэсь базар якши!»… спокойно
Мне арбакеш так разъяснил[34].

[34] Там же. С. 7.

Воскресенский базар (на заднем плане виден минарет мечети Марджани с остроконечным куполом), нач. XX в. Фото из личного архива С.Н. Полупанова
Voskresensky Bazaar (the minaret of the Marjani Mosque with its pointed dome is visible in the background), early 20th century. Photo from the personal archive of S.N. Polupanov

Мы видим, что авторы двух ташкентских сатирических журналов детально изображали столицу Туркестанского края как среднестатистический русский провинциальный город, ежедневно сталкивающийся с проблемами, типичными для большинства русских провинциальных городов. Узбекское население, узбекская архитектура и проблемы коренного населения города поэтами из «Туркестанского скорпиона» и «Туркестанского кара-Курта» просто не замечались и, соответственно, не брались в расчет.

Литература

1. Библиография периодических изданий России. 1901–1916: в 4 т. / под общ. ред. В.М. Барашенкова, О.Д. Голубевой, Н.Я. Морачевского. Л.: ГПБ, 1958–1961. Т. 2. 720 с.; Т. 3. 686 с.

2. *Волошин М.А.* Собр. соч.: в 13 т. / сост. А.В. Лавров; под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова при участии Р.П. Хрулевой. М.: Элис Лак, 2003–2015. Т. 1. 608 с.; Т. 8. 832 с.

3. *Гаспаров М.Л.* Собр. соч.: в 6 т. М.: НЛО, 2022. Т. 3: Русская поэзия / сост. О.А. Лекманова, К.М. Поливанова. 992 с.

4. *Каримова Н.Г.* Из истории становления кинопроката в городах Туркестанского края // Central Asian Journal of Social Sciences and History. 2022. № 3 (7). P. 1–5.

5. *Набоков В.В.* Русский период. Собр. соч.: в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; примеч. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. СПб.: Симпозиум, 2002. Т. 4. 784 с.

6. *Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. 637 с.

7. *Ширяевец А.* Песни волжского соловья: избранное / предисл. В.И. Субботина, Е.Г. Койновой. Тольятти: Фонд «Духовное наследие», 2007. 276 с.

8. *Morrison A.* The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, UK: Cambridge University Press Publ., 2020. 640 p.

Research Article

Russian Tashkent in Satirical Poetry of the Early 20th Century

© 2025, Viktor A. Sukhanov
National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract: The article deals with the image of Tashkent as it appears in the Russian satirical poetry of the early 20th century. Initially, the article presents a review of sketches about Tashkent of that time made by travelers from the central part of Russia. The article emphasizes that the main feature of these works is the combination of Asian realities and features of the Russian province in the cultural image of Tashkent. Further, the comparison reveals the differences in the descriptions of Tashkent in the poems of visiting poets and Tashkent poets: while in the texts of the first category of authors there is a unity of Russian and Asian motifs, in the texts of Tashkent poets the city is portrayed as a typical Russian province. The central part of the article analyzes the poetic feuilletons of two satirical journals of the early last century, *Turkestan Scorpion* and *Turkestan Kara-Kurt*. The method of cataloging reveals the main components of the image of Tashkent of that period, which was portrayed by satirical poets (permanent residents of the city) as a provincial Russian city with minimal inclusions of Asian realities.

Keywords: Russian literature, satirical poetry, colonial literature, postcolonial discourse, orientalism, Tashkent, Central Asia.

Information about the author: Viktor A. Sukhanov, Lecturer, Department of Russian Literary Studies, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, University St., 4, 100174 Tashkent, Uzbekistan.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0776-1104

E-mail: viktor.suxanov.99@mail.ru

For citation: Sukhanov, V.A. “Russian Tashkent in Satirical Poetry of the Early 20th Century.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 314–338. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-314-338

References

1. *Bibliografiia periodicheskikh izdanii Rossii. 1901–1916: v 4 t.* [*Bibliography of Periodicals of Russia. 1901–1916: in 4 vols.*], vol. 2, 3, ed. by V.M. Barashenkov, O.D. Golubeva, and N.Ia. Morachevskii. Leningrad, State Public Library Publ., 1958–1961. 720, 686 p. (In Russ.)

2. Voloshin, M.A. *Sobranie sochinenii: v 13 t.* [*Collected Works: in 13 vols.*], vol. 1, 8, comp. by A.V. Lavrov, ed. by V.P. Kupchenko and A.V. Lavrov with the participation of R.P. Khruleva. Moscow, Elis Lak Publ., 2003–2015. 608, 832 p. (In Russ.)

3. Gasparov, M.L. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [*Collected Works: in 6 vols.*], vol. 3: Russkaia poeziia [Russian Poetry], comp. by O.A. Lekmanov and K.M. Polivanov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 992 p. (In Russ.)

4. Karimova, N.G. "Iz istorii stanovleniia kinoprokata v gorodakh Turkestanskogo kraia" ["From the History of Film Distribution in the Cities of the Turkestan Region"]. *Central Asian Journal of Social Sciences and History*, no. 3 (7), 2022, pp. 1–5. (In Russ.)

5. Nabokov, V.V. *Russkii period. Sobranie sochinenii: v 5 t.* [*Russian Period. Collected Works: in 5 vols.*], vol. 4, comp. by N. Artemenko-Tolstoy, foreword by A. Dolinin, notes by O. Skonechnaia, A. Dolinin, Iu. Leving, G. Glushanok. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2002. 784 p. (In Russ.)

6. Said, E.V. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [*Orientalism. Western Conceptions of the Orient*]. St. Petersburg, Russkii Mir Publ., 2006. 637 p. (In Russ.)

7. Shiriaevets, A. *Pesni volzhskogo solov'ia: izbrannoe* [*Songs of the Volga Nightingale: Selected Works*], foreword by V.I. Subbotin and E.G. Koinova. Tolyati, Fond "Dukhovnoe nasledie" Publ., 2007. 276 p. (In Russ.)

8. Morrison, Alexander. *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914.* Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2020. 640 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 22.09.2024
Одобрена после рецензирования: 18.02.2025
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 22.09.2024
Approved after reviewing: 18.02.2025
Date of publication: 25.03.2025

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-339-356
https://elibrary.ru/ZXNLPV

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

М. Горький — редактор рукописей неизданной книги «История Горьковского края» (по архивным материалам)

© 2025, Н.Н. Примочкина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье на основе архивных источников предпринята попытка реконструировать неосуществленный замысел М. Горького 1930-х гг. — создание историко-краеведческого труда о прошлом и настоящем Нижнего Новгорода (Горького). Показано возникновение замысла книги «История Горьковского края» и начало работы коллектива авторов над его воплощением. Установлено, что Горький был очень увлечен этим проектом и прилагал большие усилия для его осуществления. Писатель хотел, чтобы создание труда «История Горьковского края» стало образцом для задуманной им большой книжной серии «История городов как история русского быта» и ярким примером нового коллективного метода творческой работы советских писателей. В ходе исследования выявлены причины, помешавшие реализовать данный проект. При этом главное внимание в статье сосредоточено на изучении работы Горького-редактора над хранящимися в его московском архиве рукописями писателей, предназначенными для этого труда. Редакторский опыт Горького, зафиксированный в его правке, кратких письменных отзывах, замечаниях и советах авторам на полях их рукописей, наглядно демонстрирует специфику его деятельности как редактора, зачастую помогает лучше понять замысел писателя, четче осознать ту цель, которую он преследовал в процессе редактуры, осмыслить общественно-политическую и эстетическую идею, которой он при этом руководствовался.

Ключевые слова: М. Горький, 1930-е гг., «История городов», «История Горьковского края», редактура, Г.П. Шторм, С.Д. Спасский, А.А. Караваева, В.Н. Жакова.

Информация об авторе: Наталья Николаевна Примочкина — доктор филологических наук, главный научный сотрудник; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5536-7657

E-mail: nprim47@yandex.ru

Для цитирования: *Примочкина Н.Н.* М. Горький — редактор рукописей неизданной книги «История Горьковского края» (по архивным материалам) // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 339–356. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-339-356

Кроме богатейшего художественного, публицистического и эпистолярного наследия, которое оставил миру творческий гений М. Горького, существует еще одна, гораздо менее изученная область этого наследия — его редакторская работа над собственными произведениями, а также над многочисленными рукописями писателей-современников. Попытки исследования этой несомненно очень важной, хотя и «периферийной» деятельности писателя в разное время предпринимались отдельными учеными, но пока их явно недостаточно (см., например: [5; 9;12]).

Богатый редакторский опыт Горького, зафиксированный в его правке, кратких письменных отзывах, замечаниях и советах авторам на полях их рукописей, наглядно демонстрирует специфику его деятельности как редактора, зачастую помогает лучше понять тот или иной замысел писателя, четче осознать ту цель, которую он преследовал в процессе редактуры, осмыслить его издательскую стратегию и общественно-политическую или эстетическую идею, которой он при этом руководствовался. Ярким примером вдумчивой и принципиальной редакторской деятельности Горького 1930-х гг. является его работа над рукописями советских писателей — авторов неосуществленного коллективного историко-краеведческого и художественно-публицистического труда «История Горьковского края», задуманного в рамках книжной серии «История городов как история русского быта». Исследованию этой работы и посвящена данная статья.

В то же время нельзя забывать, что редактура Горького — это продукт целого комплекса идеологических, политических, эстетических установок писателя. Главная, ключевая идея Горького, которой он руководствовался, задумывая серию «История городов как история русского быта», и которая, в конечном счете, определила линии отбора и редактирования статей и очерков для книги «История Горьковского края» — это показать, как российские «городки Окуровы», эти «гнездища тупых мещан», превращаются усилиями новой власти в «центры социалистической культуры» (цит. по: [6, с. 249]). Подобная установка писателя в целом совпадала с генеральной партийной линией. Например, секретарь Горьковского крайкома ВКП(б) А.А. Жданов, выступая 6 февраля 1934 г. на страницах «Литературной газеты» (№ 13), утверждал вполне в горьковском духе: «Для Горьковского края в прошлом характерна невероятная культурная отсталость, гнет и нищета национальных меньшинств — чувашей, марийцев, удмуртов <…> Старый Нижний Новгород с его ярмаркой — олицетворение азиатчины и варварства. И теперь в этом отсталом крае развернуто социалистическое строительство, разбужены огромные творческие силы. Горьковский край превратился в один из передовых индустриальных центров».

В 1930-е гг. Горький, кроме интенсивной творческой работы над романом-эпопеей «Жизнь Клима Самгина», был занят реализацией своих

многочисленных и грандиозных культурно-просветительских замыслов. В частности, он хотел с помощью коллективной работы молодых советских писателей подготовить и издать исторические серии книг о прошлом и настоящем России: «История гражданской войны», «История фабрик и заводов», «История молодого человека XIX века», «История женщины», «История деревни» и др. Не все из задуманного было реализовано, многое было осуществлено лишь частично или же только начато. Об этих литературно-издательских проектах можно судить по наброскам, предварительным планам и отдельным черновым рукописям, которые сохранились в московском горьковском архиве. К таким неосуществленным замыслам писателя относится его проект создания книжной серии «История городов как история русского быта», а также работа над одной из книг этой серии — «История Горьковского края».

Среди последних научных работ, в которых на основе многочисленных архивных источников освещены основные проблемы, возникшие при реализации горьковского просветительского проекта «История городов как история русского быта», следует указать на книгу Д.С. Московской «Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920-х – 1930-х гг.: к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения» [7] и на ее же авторское послесловие к книге Н.П. Анциферова и А.А. Золотарева о древнем Ярославле [6]. Кроме того, исследованию идейного замысла, организационной деятельности и определяющей роли Горького в создании научно-популярного труда о прошлом и настоящем Нижнего Новгорода и его окрестностей посвящена наша недавно вышедшая статья «Неосуществленный литературно-издательский проект М. Горького “История Горьковского края”» [11]. Настоящая работа в несколько ином ракурсе продолжает, дополняет и углубляет это исследование.

Первые упоминания Горького о серии «История городов как история русского быта» относятся к осени 1931 г. Однако к его реализации он смог приступить не сразу. Прошло еще несколько лет, пока одна из первых книг задуманной серии — «История Горьковского края» — не начала обретать реальные очертания.

Вероятно, следует сразу пояснить название этой книги. В 1932 г. Нижегородская губерния решением правительства была упразднена и превращена в Нижегородский край, куда вошли территории Чувашской АССР, а также Марийской и Удмуртской автономных областей. В сентябре 1932 г. в СССР широко отмечалось сорокалетие творческой деятельности Горького. Рабочие активисты Нижнего в связи с этим событием выступили с инициативой присвоить родному городу имя великого земляка. Таким образом, 7 октября 1932 г. решением ЦИК Нижний Новгород был переименован в Горький, а Нижегородский край — в Горьковский край.

Судя по сохранившимся документам, первоначальная инициатива создания книги «История Горьковского края» исходила не от Горького, а от партийных властей и литературной общественности Москвы и Нижнего Новгорода. Инициатором проекта (его первоначальное название «Прошлое и настоящее Горьковского края») мог стать известный журналист Л.Ю. Шмидт, в 1920-е гг. успешно работавший в столичных изданиях, а с октября 1933 г. приступивший к работе заведующего Отделом культуры и пропаганды Горьковского крайкома ВКП(б). Вероятно, в начале 1934 г. Шмидт, объединившись с писателями-горьковчанами, составил план будущей книги и послал его в Москву Горькому. 9 марта 1934 г. большая группа литераторов, среди которых были и горьковчане, была приглашена на совещание к Горькому. На этом совещании обсуждался план писателей-горьковчан по изданию книги. Он показался Горькому слишком узким, и в беседе с ними писатель кратко изложил им свой замысел будущей книги:

«— Получил я грамотку вашу насчет книги — прошлое и настоящее края. Был у меня сегодня Лазарь Шмидт. Разговаривали. Пошире, знаете, надо. <…> Чтобы лучше понимать настоящее, надобно знать хорошо прошлое, — сказал Горький» [8, с. 251–253, 254].

Вскоре после этой первой весенней встречи с коллективом авторов «Истории Горьковского края», в конце марта 1934 г. писатель составил и послал в Горьковский крайком партии весьма детальный план будущей книги (см. об этом подробнее: [11]). Писатель хотел, чтобы создание этого труда стало образцом для задуманной им большой книжной серии «История городов как история русского быта» и ярким примером нового коллективного метода творческой работы советских писателей. К делу были привлечены известные столичные литераторы, а также уже снискавшие себе имя писатели-горьковчане.

В первых числах мая 1934 г. группа московских писателей, участников проекта «История Горьковского края», приехала в Горький для знакомства со своими коллегами писателями-горьковчанами, с местным партийным активом, который с самого начала курировал этот труд, и с главными промышленными объектами края, прошлое и настоящее которых им предстояло изобразить в книге. Об этой поездке один из ее участников, С.Г. Гехт, написал «по горячим следам» очерк «В крае Максима Горького. Рассказ о поездке писателей», который уже 8 мая был опубликован в «Литературной газете». «Итак, — писал Гехт в начале очерка, — большинство московских участников выехало в Горький. То были: В. Иванов, Е. Габрилович, Л. Никулин, А. Караваева, Б. Агапов, К. Зелинский, Г. Шторм, В. Нейштадт, Г. Корабельников, Н. Зарудин и пишущий эти строки. В первый же день произошла встреча с горьковскими литераторами — с Кочиным, Штатновым, Бирюковым и другими. И в первый же день мы встретились в зале заседаний

краевого комитета партии с секретарем крайкома Прамнэком, <…> с председателем горисполкома Ю. Кагановичем, <…> с работником крайкома Л. Шмидтом, в котором все узнали старого знакомого, бывшего в свое время их редактором по “Прожектору”»[1].

1-го мая столичные гости были приглашены на трибуну на главной площади г. Горького, с которой могли наблюдать за торжественным парадом. В тот же день они побывали на заводе «Красное Сормово», а в следующие дни — на гигантском бумажном комбинате в Балахне и в центре химической промышленности г. Дзержинске. «Четвертый день, — продолжал свой рассказ Гехт, — мы посвятили горячему обсуждению будущей книги. Каждый выбирал тему, которая ему ближе, которой давно живет его литературная душа. Исторический <…> писатель Г. Шторм избрал, так сказать, прошлое Нижнего Новгорода. Б. Агапов, хорошо знающий автозавод, остановился и сейчас на этой теме <…>; Вс. Иванов облюбовал <…> Волгу и пароходство; тему мещанства и его гибели и полупролетариев Сормова избрал Е. Габрилович. <…> Тема нового города Дзержинска вдохновила А. Караваеву; деревне посвятили себя Н. Кочин и С. Гехт <…>. Балахну изучает А. Муратов — горьковский писатель»[2]. В заключение Гехт сообщил, что авторский коллектив «Истории Горьковского края» решил снова собраться в Горьком в конце мая, чтобы начать работу по собиранию и изучению материала для будущей книги. Но, как будет видно из дальнейшего изложения событий, далеко не все из приезжавших в начале мая 1934 г. в Горький писателей надолго остались в этом проекте и всерьез принялись за работу над книгой.

Сам Горький на первых порах был сильно увлечен новым проектом. Он даже счел необходимым упомянуть о замысле создания книжной серии «История городов» в своем докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей. «Предполагается, — сказал Горький в день открытия съезда, — и частью уже начата работа над историей удельно-княжеских и порубежных городов от времени их основания до наших дней. <…> К этим и многим другим коллективным работам можно привлечь сотни начинающих писателей…» [3, т. 27, с. 332–333]. Как видим, для Горького было важно, чтобы будущий труд «История Горьковского края» стал образцом коллективной творческой работы писателей. Но, как будет видно из дальнейшего, многие из его авторов, каждый из которых был яркой индивидуальностью, поневоле превращали замысел писателя в сборник разнородных очерков, повестей и рассказов.

---

[1] *Гехт С.* В крае Максима Горького. Рассказ о поездке писателей // Литературная газета. 1934. № 57. 8 мая. С. 4.

[2] Там же.

27 августа 1934 г. Горький снова собрал у себя на квартире группу литераторов, чтобы поговорить с ними о ходе работы над книгой. 29 августа в газете «Горьковская коммуна» (№ 199) сообщалось об этой встрече: «Алексей Максимович дал глубокие, исключительно ценные указания о том, как нужно работать над книгой, как нужно собирать материал и его обрабатывать. Горький подробно остановился на вопросе разделения труда среди писателей, подчеркнув, что коллективный труд не умаляет значения каждого писателя в отдельности и предоставляет ему широчайшие возможности для выявления своих индивидуальных способностей».

Как видно из составленного писателем плана книги «История Горьковского края», его гораздо больше волновало художественное отображение исторического прошлого родного города. Он хотел, чтобы участники произвели своеобразные «раскопки», нашли ранее неизвестные факты и новые архивные материалы о прошлом Нижнего Новгорода и изложили их в привлекательной для читателя форме. Поэтому большую часть времени и сил он тратил на разъяснение своих планов и задумок относительно освещения исторического прошлого края, а изображение настоящего, т. е. современной действительности, отдавал на волю авторов.

Но именно эта первая, историческая часть книги вызывала у коллектива наибольшие затруднения. Поэтому координатор проекта Шмидт 21 ноября 1934 г. обратился к Горькому с просьбой «прислать примерный план главы “Нижний Новгород — Горький”»[3]. Составленный по просьбе Шмидта план очерка «Нижний Новгород», в котором писатель рекомендовал авторам «брать жизнь широко, всесторонне, во всех даже мельчайших ее бытовых проявлениях…», сохранился в горьковском архиве[4]. Кроме того, в ответном письме Шмидту писатель посоветовал авторам шире «пользоваться старой беллетристикой» и перечислил произведения о дореволюционном прошлом Нижегородского края: «Посмотрите: Мельникова “На горах”, Короленко “Голодный год”, “Записки”, очерк о Павлове, о нем же — Боборыкина “Русский Шеффильд” <…> “Самокаты” Елпатьевского»[5].

В конце 1934 г. Шмидт послал на суд Горького первые поступившие к нему рукописи: очерки писателей Г.А. Глинки о селе Павлово и Е.Ф. Вихрева о селе Хохлома. Писатель остался недоволен присланными работами, о чем откровенно написал Шмидту: «Присланные Вами рукописи не отвечают теме: Горьковский край <…> Неужели за все время от начала работы Вам даны только эти две рукописи? Плохо»[6].

---

[3] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-нп/а 25-45-1.

[4] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. ПлГ-1-14-1, 2.

[5] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. ПГ-рл 6-6-2.

[6] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. ПГ-рл 54-3-7.

Рукопись Глинки, предназначенная для книги «История Горьковского края», в архиве Горького не сохранилась. Датированная декабрем 1934 г. рукопись Вихрева «Неведомая Хохлома» (52 стр.), с правкой и замечаниями Горького, сохранилась в его архиве. На 1-й стр. писатель сердито отметил: «Этот длинный и скучный очерк не имеет отношения к теме “Горьков<ский> край”». На стр. 3 автор писал: «Палехская миниатюра — индивидуалистка <…> она гордится своей несхожестью с другой палехской миниатюрой, она одинока и не терпит сожительства с себе подобными». Видимо, коллективисту Горькому подобный «устарелый» индивидуализм показался неуместным. Он вычеркнул этот пассаж, а рядом написал: «Смертельная эстетика!» Горький также старался поправить стиль очерка, избавляя его от излишних «красивостей». Например, на стр. 11 во фразе «Улицы поросли лужавинами» он заменил диалектное слово «лужавины» — «сорной травой». На стр. 12 автор писал о городе Семенове: «Зато днем тихо в городе Семенове <…> Только от базарной площади выпорхнет вдруг тяжкокрылая матерая птица и брякнется где-нибудь на могильный камень». Горький рядом иронично спрашивал: «Что же это за птица? И почему же она о могильный камень?» На стр. 13 Вихрев критиковал артель мастеров, которая делала вещи с хохломской росписью на экспорт: «В хорошие организационные формы не влито здесь никакой любви и здесь отсутствует память — традиция». Рядом Горький написал: «Автор извергает эстетику, критику, а цель — дать описание края». Далее писатель отчеркнул всю 16-ю стр. рукописи и на полях заметил: «Это — статья для журнала, который интересуется художественной промышленностью». На стр. 18 на полях Горький написал: «Все это вне темы, требующей описания, рассказа, изображения, а не изложения взглядов автора на кустарное искусство». То же самое и на стр. 23: «Все это — не нужно, а кроме того еще и [не верно] спорно все». Наконец, на стр. 40, где Вихрев писал о том, что в будущей деревне «уничтожатся косность, идиотизм, скука», Горький подчеркнул слово «скука» и рядом не без иронии заметил, намекая на автора: «Скуку будут делать писатели»[7].

Однако, несмотря на негативное в целом отношение Горького к работе Вихрева, вскоре после скоропостижной смерти ее автора (ему было всего 33 года), наступившей 2 января 1935 г., писатель опубликовал его очерк «Неведомая Хохлома» в журнале «Наши достижения», в номере, посвященном художественной промышленности СССР[8].

Судя по сохранившимся архивным документам, издание книги «История Горьковского края» было поручено Горьковскому краевому издательству. Как мы помним, Горький в письме Шмидту выразил большое недовольство

[7] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. РАв-пГ 10-6-1.

[8] *Вихрев Е.Ф.* Неведомая Хохлома // Наши достижения. 1935. № 5–6. С. 92–103.

тем, что большинство авторов этого труда до конца 1934 г. не предоставили заказанные им рукописи. Подобное небрежное отношение писателей к своей работе вызывало тревогу и у заведующего Горьковским краевым издательством М.М. Залесина. В связи с этим он писал 26 марта 1935 г. литературному секретарю и помощнику Горького П.П. Крючкову: «Как Вам известно, в прошлом году по инициативе Крайкома партии в Горький была приглашена группа московских писателей, которые согласились написать эту книгу. Первый приезд был в мае 1934 г., и в июле с <…> авторами были заключены договора <…> Согласно договоров, эти авторы должны были предоставить рукописи к 15/X-34 г. Несмотря на мои неоднократные напоминания, ни один из авторов на 25/III-35 г. рукописи не предоставил <…> Я обращаюсь к Вам с просьбой воздействовать на авторов в смысле предоставления рукописей в апреле месяце, в противном случае я вынужден буду расторгнуть договора»[9]. К письму была приложена ведомость расходов по подготовке книги к изданию. В перечне имен авторов, получивших выплаты, гонорары и командировочные, числились: «Агапов, Вихрев, Гехт, Зарудин, Корабельников, Караваева, Касаткин, Кочин, Нечаев, Нейштадт, Патреев, Спасский, Сейфуллина, Штатнов, Шторм, Яковлев, Шестериков, Хитровский, Федоров, Муратов». Общая сумма расходов по тем временам была весьма внушительная — 35 771 рубль.

В этом же письме Залесин поднял еще одну, не менее важную проблему, возникшую с редактированием рукописей, с необходимостью найти человека, который обладал бы полномочиями одобрять или отклонять предназначенные для «Истории Горьковского края» произведения. Сначала Горьковское краевое издательство заключило договор о таком редактировании с литературным критиком и издательским работником Г.М. Корабельниковым, но к весне 1935 г. выяснилось, что он этой работой заниматься не сможет. Вероятно, вскоре после этого обращения Залесина к Крючкову Горькому пришлось взять на себя непростое и хлопотное дело ответственного редактирования книги.

В течение всего 1935 г. авторы «Истории Горьковского края» работали над своими произведениями по избранной тематике. Готовые рукописи присылались на отзыв и дальнейшую редактуру Горькому. Г.П. Шторм написал очерк об истории Нижнего Новгорода с древнейших времен до 1812 г., С.Д. Спасский — об истории волжского судоходства, А.М. Муратов — о строительстве бумажного комбината в Балахне, А.А. Караваева — о химическом заводе и людях г. Дзержинска (до 1927 г. именовался поселком Черное, до 1929 г. — рабочим поселком Растяпино). Однако Горький одобрил только один очерк — Шторма, признал годным при значительной переработке

[9] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. КК-рл 6-14-1.

очерк Спасского и безоговорочно отверг рукописи известной столичной писательницы Караваевой и ответственного секретаря Горьковского отделения Союза писателей Муратова.

Все упомянутые рукописи сохранились в московском горьковском архиве. Стилистическая правка и многочисленные замечания и уточнения, оставленные в текстах и на полях их внимательным редактором — Горьким, в значительной степени помогают уяснить творческий замысел писателя. Особенно внимательно относился Горький к тем немногочисленным рукописям, которые им были признаны годными для будущей книги. Например, к очерку Шторма «Нижний Новгород (Исторический очерк XII–XIX вв.)». Кроме стилистической правки, рукопись (61 стр.) хранит замечания Горького, которые свидетельствуют о его особой заботе о точности приводимых исторических фактов и событий. Часто он сам вносил необходимые уточнения. Так, на стр. 4 было написано: «Своей самостоятельностью Нижегородское княжество в значительной степени было обязано татарам, поддерживавшим в XIV в. Нижегородских князей и выдавшим им особые грамоты — "ярлыки"». Горький подчеркнул слова «татары» и «ярлыки» и на полях попросил уточнений: «Когда, какими? Что такое ярлык, какие давал права?» На стр. 12 во фразе «…Боярин Борис Иванович Морозов, обладатель крупных *сел* в Нижегородском уезде: *Лыскова* и *Мурашкина* с деревнями…» писатель подчеркнул выделенные курсивом слова, а на полях сделал уточнение: «Оба имели права городов, "ходили войной" на Макарьев». На стр. 26 к фразе «На противоположном Лыскову берегу белели стены Макарьевского монастыря» Горький добавил: «основанного боярином Макарием Писемским, предком писателя Ал.Ф. Писемского». На стр. 27, где рассказывалось о восстании Степана Разина и казни восставших в Арзамасе, Горький уточнил: «По преданию в Арзамасе истреблено было 14 тысяч "мятежников"». На стр. 53, во фразе «Волжские разбои в начале XIX в. были ликвидированы Бетанкуром», он также сделал уточнение к имени известного государственного деятеля и ученого, генерал-лейтенанта и архитектора А.А. Бетанкура, добавив: «строителем зданий ярмарки»[10].

На обложке рукописи Спасского «Волга» Горький красным карандашом написал свой отзыв об очерке: «До 45-й стр. материал требует тщательного просмотра, серьезной правки. Со стр. 45 начинается чрезвычайное многословие и необходимы сокращения. О матросах — особенно много и скучно, о грузчиках — мало, не ясно. Нужно получше обработать фигуры Рукавишникова — Митрофана, Сергея, Ивана — Сироткина, Чернова, Фосса,

[10] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. РАв-пГ 49-14-4.

дать полицейского, дать Баранова. В данном виде рукопись — черновик. *А<лексей> П<ешков>*»[11].

Машинописный очерк Спасского содержит 93 стр. Приведем наиболее содержательные замечания Горького на этой рукописи. На стр. 1, рассказывая о начале судоходства по Волге и страхе местных жителей перед пароходом, который они принимали за «пловучего чёрта», автор писал: «Наиболее отчаянные люди глядели на реку сквозь щели заборов». Горький зачеркнул последние два слова, написал сверху «и через плетни», а на полях пояснил: «Какие же “заборы” в деревнях?». Кроме того, он тут же добавил фразу: «по реке плыло остроносое судно, похожее как будто на огромную птицу», пояснив на полях свою вставку: «Фантастику надо “выдержать”, — изобразить пароход чудовищем». На стр. 5, где автор сообщал, что пароход забрал на борт 150 пудов пшеницы, Горький на полях заметил: «Явная ошибка — мало! Речь, вероятно, идет о 1500 п. и более?» На стр. 12 писатель уточнял имена владельцев пароходов на Каме: «Пароходство по Каме Колчина, затем Курбатова и наконец — Карповой». На стр. 19 он добавил следующую информацию о волжских пароходах: «В конце вступают на линию такой же мощный ходок как “Суворов”, “Александр Второй”». На стр. 43, в том месте, где речь шла о судовладельце М.Я. Кожебаткине, Горький вставил: «Сын его — “декадент”, организатор книгоиздательств с мудреными названиями “Альциона”, “Мусагет”». Писателя раздражали неоправданные длинноты очерка, поэтому на стр. 38 и 45 он написал на полях: «Короче!»[12].

Отвергнутая Горьким рукопись Муратова «Новая Балахна» (79 стр.), посвященная строительству бумагоделательной фабрики, тоже сохранилась в московском горьковском архиве. В отзыве на этот труд Горький попытался объяснить причину своего несогласия с автором. «Мы, — писал он, — хотим дать очерк истории края в прошлом и очерк его развития после Октября <…> Данная рукопись рассказывает о том, с какими “перебоями” рос бумкомбинат Балахны. Он (очерк. — *Н.П.*) имеет вид произведения незаконченного и написанного как бы для того, чтобы рассказать о ротозействе, о равнодушии людей к делу. В этом виде он не найдет места в нашей книге. Нам нужно рассказать историю побед нового хозяина страны. Это не понято автором» [1, с. 242].

Стилистическая правка — подчеркивания, знаки вопроса на полях и вычерки длиннот — свидетельствует о внимательном чтении рукописи писателем. Хотя словесных замечаний и помет здесь значительно меньше, чем в других рукописях. Вероятно, Горький сразу понял, что это произведение, по форме близкое к художественной повести или рассказу, не вписывается

[11] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. ОРГ 4-16-1.

[12] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. РАВ-пГ 41-12-1.

в его замысел книги о Горьковском крае. На стр. 20 Горький во фразе «Они уже знали, что дом принадлежал захудалому барину Килевейну» подчеркнул два последние слова и сделал к ним вставку-уточнение на полях: «Юрист, секретарь партии к<онституционных> д<емократов> в Нижнем». На стр. 33 во фразе «Кайяц так надышался цементной пылью, что она затвердела во рту комками и хрустела на зубах» писатель вычеркнул слова «затвердела во рту комками». На стр. 62 снова вычеркнута фраза: «Сотни тысяч читателей не получили “Правды”». На стр. 70 герой рассказа мальчик Гринька спрашивал отца о хозяине фабрики Ойзермане: «Папа, все хозяева с кнутом ходят? Откуда хозяева, из заграницы? Они люди, как мы?». Горький зачеркнул последнюю фразу, которая, видимо, показалась ему до неправдоподобности наивной, и заменил во втором предложении слово «откуда» на «все»[13].

На обложке рукописи Караваевой «Растяпино — Дзержинск» Горький оставил следующий краткий отзыв: «Эта многословная, плохо организованная статья мало имеет отношения к теме»[14]. Многочисленные замечания и пометы писателя на полях рукописи также свидетельствуют о его отрицательном отношении к этой работе. На стр. 1 Горький пометил фразу о речном песке Нижегородского края: «песок <…> намытый морями незапамятных времен» — и рядом написал: «Лучше не углубляться во времена незапамятные, тем более, что песок этой местности намыт Окой и Клязьмой». Особое раздражение вызвала у писателя вторая глава очерка «Размышления на площади летом 1934 года». На стр. 3 над ее заглавием он написал: «Это — не нужно». На стр. 4: «Все это — лишнее». На стр. 10: «Все это чистописание совершенно не совпадает с темой книги и неинтересно само по себе». На стр. 20, где рассказывалось о станции Растяпино, переименованной в Дзержинск, Горький сделал историческую вставку: «Растяпино жило дачниками. До 61 г. принадлежало кн. Шаховскому, затем часть земли перешла егерю его Захару Растяпину — *это надо проверить*» (последние три слова подчеркнуты синим карандашом). На стр. 24 писатель подчеркнул выделенные ниже курсивом слова во фразах: «Утром *трамвайные звонки, вибрирующие как свирель,* будят меня. Встаю и вижу снежную площадь, *изголуба-желтую* от солнца», а на полях написал: «Пагубно пристрастие к словам красивым!» На стр. 34 опять сердитое замечание: «Какое отношение имеет все это к очерку истории края?» На стр. 63 рядом с фразой о том, что местные жители до революции «кроме академии Николая Палкина ничего не видали», Горьким сделано существенное уточнение: «Палкин — Николай 1-ый». И, наконец, на последней, 96-й странице писатель зачеркнул красным карандашом весь

[13] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. РАВ-пГ 31-10-1.

[14] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. ОРГ 2-15-1.

довольно обширный финальный абзац — лирическое признание автора в любви к городу Дзержинску[15].

В горьковском архиве сохранилась также копия рукописи рассказа А.И. Патреева «Лесная быль» с правкой и замечаниями Горького, который, судя по содержанию, являлся первым вариантом будущей повести Патреева «Ястреб». На первой странице, где давалось «вводное» описание природы, рядом с фразой «свиристели птицы» Горький написал: «Свиристель — птица. Птицы щебечут, поют, а не свиристят». В данном случае писатель, видимо, ошибся. Слово «свиристеть» зафиксировано в академических словарях как обозначение резких звуков, издаваемых птицами, и используется в этом качестве во многих произведениях русской литературы. Вслед за этим он тут же дал свой краткий отзыв обо всей работе: «В данном виде рассказ для печати не пригоден. Его надобно сократить» [10, РАв-пГ 34-11-1].

Патреев позже воспоминал о том, как он работал под руководством Горького в рамках проекта «История Горьковского края»: «Лично я написал повесть “Ястреб” — о лесных рабочих старого Заволжья, о диком лесопромышленнике Павле Бердникове, который, расхищая народные леса, баснословно разбогател, а сам, жадничая на всем, ел черный хлеб с сухой воблой – и дома, и в лесу, и в дороге на Макарьевскую ярмарку.

Эту повесть вместе с рассказом “Базарка” я послал Горькому. Рассказ был потом напечатан в журнале “Колхозник”, и я, сверяясь с текстом, обнаружил четыре поправки, сделанные рукою Горького, карандашом. В повести же “Ястреб” было двенадцать подчеркнутых мест и три пометки на полях рукописи, касающихся отдельных деталей. А в конце было написано: “Для изображения этих людей у автора мало материала. Изучить надо жизнь досконально. Бердников владел, кажется, лесами не только на Ветлуге…”

Мне пришлось потом более двух месяцев прожить в Заволжских лесах, собирая материалы о жизни прежних лесорубов, сплавщиков и о самом лесопромышленнике Павле Бердникове. Повесть значительно разрослась и была мною опубликована в областном журнале и сборнике моих рассказов…» [22, с. 261].

Как видно из предыдущего, Горький раскритиковал и признал непригодными для труда «История Горьковского края» почти все присланные ему рукописи. Осенью 1935 г. он попытался спасти положение, частично скорректировав сам замысел книги. Теперь он предлагал опираться при изображении исторического прошлого Нижнего Новгорода на известные классические литературные произведения и мемуары, отрывки из которых предстояло соединить с помощью приема «монтажа» в цельное связное повествование. Для этой работы он нашел нового автора — молодую талант-

[15] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. РАВ-пГ 22-11-2.

ливую писательницу В.Н. Жакову. Об этом Горький около 6 сентября 1935 г. писал Шмидту из Крыма: «Дорогой т. Шмидт, — для работы по монтажу, о коем я Вам писал, рекомендую Веру Жакову, с полной уверенностью, что она сделает эту работу лучше, чем кто-либо другой. Значит, книга организуется так: исторический очерк Г.П. Шторма. Бытовой очерк Веры Жаковой <…> Очерк этот охватывает время с 812-го <…> и до 914 г.»[16].

Благодаря хлопотам Горького Жакова, приехав в Нижний для работы над очерком об истории города, была принята начальником Управления НКВД по Горьковскому краю М.С. Погребинским и даже некоторое время жила в его семье. Молодая писательница сильно увлеклась новой исторической работой и вскоре сообщила Горькому, что не может ограничить хронологические рамки своего очерка только XIX в., а намерена начать его с древних времен, с XI–XII вв. В ответном письме от октября 1935 г. Горький, который уже одобрил очерк Шторма на эту тему, пытался убедить Жакову: «Мы уговорились, что Вы напишете очерк по истории города и края в XIX столетии. Убедительно прошу Вас вместить работу Вашу в эту рамку. Если Вы находите неизбежным корректировать очерк Г.П. Шторма — договоритесь с ним. Прошу Вас считаться с тем, что на работу по этой книге уже затрачены большие деньги и ее пора двигать быстро, плодотворно. Давайте на этом и решим». В то же время Горький не хотел «подрезать крылья» юному дарованию и далее в том же письме предложил разделить работу на два русла: для книги «История Горьковского края» быстро написать очерк истории Нижнего с 1812 до 1914 г. и параллельно начать большой самостоятельный труд «История г. Нижнего Новгорода от основания до XX в.». «Эту работу, — продолжал писатель, — я заказываю и оплачиваю, и она должна быть для Вас серьезнейшей “пробой пера”, пробой сил <…> Я даю Вам для нее 18 месяцев. Идет?»[17].

В московском архиве писателя сохранилось более десятка рукописных произведений Жаковой с небольшой, очень аккуратной стилистической правкой Горького. Такой же бережной правке писатель подвергнул и ее очерк «Кулибин» (49 стр.), посвященный уроженцу Нижнего Новгорода, известному русскому механику-изобретателю И.П. Кулибину[18]. Горький неоднократно упоминал имя Кулибина среди тех замечательных людей Нижнего Новгорода, о которых необходимо написать в книге «История Горьковского края». Из писем Жаковой Горькому, сохранившихся в его московском архиве, становится ясным, что этот очерк был создан ею в рамках данного проекта.

Кроме того, в архиве Горького хранятся две машинописные рукописи Жаковой с одинаковыми названиями «Нижний». Первая из них представляет

16 Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. ПГ-рл 54-3-5.
17 Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. ПГ-рл-15-2-9.
18 Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. РАВ-пГ 19-40-10.

собой начало очерка о Нижнем Новгороде со дня его основания (8 стр.). Она содержит небольшую стилистическую правку и замечания Горького. На стр. 6 на полях он попросил внести следующие дополнения: «указать на легкость пути Вятка — Кама — Волга вниз и вверх» и раскрыть «роль монастырей как банков». На стр. 7, вероятно, недовольный стилем изложения, написал: «Язык!»[19]. Вторая рукопись сохранилась не полностью (в наличии стр. 2, 4, 7–13, 27–38; всего 21 стр.). Кроме стилистической правки, на стр. 27 этой рукописи, на полях Горький написал: «О кабаках — Прыжова посмотреть “Историю кабаков”, у него, кажется, есть что-то о Нижнем»[20]. Заметим, что в личной библиотеке писателя сохранились два издания книги И.Г. Прыжова «История кабаков в России в связи с историей русского народа», 1868 и 1913 г., оба — с пометами на них Горького [4, с. 44, № 399, 400].

Судя по авторской датировке на второй рукописи, Жакова работала над историческим очерком о Нижнем Новгороде с 1 февраля по 15 марта 1936 г., но смогла довести повествование лишь до XV в. Хотя она не послушала совета Горького ограничить себя рассказом только о XIX в., писатель, судя по его письмам к ней и пометам на ее рукописях, продолжал опекать юную двадцатилетнюю Жакову чуть не до самой своей смерти, наступившей 18 июня 1936 г. Однако, несмотря на все усилия писательницы, бытовую и творческую помощь Горького, работу над очерком о прошлом Нижнего Новгорода она так и не смогла завершить.

Вскоре после смерти Горького серия «История городов как история русского быта», как и многие другие проекты писателя, была закрыта, ни одна из готовившихся в ее рамках книг в то время издана не была. Но, по «крылатому» выражению М.А. Булгакова, к счастью, «рукописи не горят». Несколько трудов, подготовленных в 1930-е гг. для издательства Academia, через несколько десятков лет все же увидели свет благодаря научному энтузиазму и кропотливым усилиям современных ученых-архивистов. В 1990 г. в Переславле-Залесском была издана рукопись известного историка-краеведа М.И. Смирнова «Переславль-Залесский: Исторический очерк (1934 года)», в 2008 г. в Самаре напечатана книга А. Треплева (Смирнова) «Старый Самарский театр и быт: очерки и материалы по истории театра и быта в провинции», в 2019 г. в Ярославле опубликован труд двух замечательных писателей и ученых Н.П. Анциферова и А.А. Золотарева «Ярославль. История. Культура. Быт».

Замысел книги «История Горьковского края» остался неосуществленным. Главная причина, помешавшая реализации этого проекта, носила объективно-исторический, не зависящий от воли Горького-редактора ха-

[19] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. РАВ-пГ 19-4-4.

[20] Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. РАВ-пГ 19-4-2.

рактер. Чем глубже авторы книги погружались в богатое дореволюционное прошлое Нижегородского края, тем все отчетливее вырисовывалось его тяжелое социально-экономическое и культурное положение в настоящем, все явственнее проступало оскудение прежней цветущей жизни в суровую эпоху социалистической индустриализации. Но подобная картина поневоле вступала в противоречие с идеологическими установками партии и самого Горького. Кроме того, как было показано выше, горьковский замысел не был достаточно продуманным и менялся в зависимости от внешних условий и обстоятельств. К тому времени еще не была выработана форма подобного рода историко-краеведческих изданий о городах. По задумке Горького, книга должна была соединять в себе историческую точность фактов с популярной формой изложения, а это, видимо, представляло для авторов значительные трудности. Хотя литературно-издательский проект «История Горьковского края» не был осуществлен, работа над ним не прошла бесследно для его участников. Напротив, она стала для многих из них творческим стимулом к созданию новых произведений. В рамках проекта были написаны очерки, повести и рассказы, которые затем были опубликованы писателями в периодической печати и в отдельных изданиях.

Исследование редакторской работы Горького над рукописями авторов неосуществленного коллективного труда «История Горьковского края» позволило глубже проникнуть в творческий замысел писателя, понять, чего он добивался от участников проекта, почему строго раскритиковал многие из представленных ему произведений, полагая, видимо, что они не отвечают главной идее книги: показать промышленное, хозяйственное развитие Горьковского края и культурный, духовный рост его жителей, произошедшие за советские годы. Несмотря на довольно резкие отзывы и критические оценки, Горький, как мы видели, всегда оставлял авторам отвергнутых рукописей надежду, что со временем они еще смогут проявить себя на литературном поприще. При этом он внимательно читал и анализировал их произведения, бережно относясь к труду писателя и созданному им тексту, проявляя заботу о точности изложения и чистоте языка.

Литература

1. А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов: сб. документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов. М.: Соцэкгиз, 1959. 336 с.

2. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997–2022.

3. *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1946–1953.

4. Личная библиотека А.М. Горького в Москве: Описание. М.: Наука, 1981. Кн. 1. 411 с.

5. *Максимова В.А.* Как Горький редактировал рукописи. М.: Искусство, 1954. 70 с.

6. *Московская Д.* «Предмет нашей братской работы — город Ярославль…» Н.П. Анциферов и А.А. Золотарев в горьковском проекте «История русских городов как история русского быта» // *Анциферов Н.П., Золотарев А.А.* Ярославль. История. Культура. Быт. Ярославль: Академия 76, 2019. С. 237–264.

7. *Московская Д.С.* Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920-х – 1930-х гг.: к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 432 с.

8. *Муратов А.М.* В гостях у великого земляка // А.М. Горький нижегородских лет. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1978. С. 251–254.

9. *Островская С.* Рукой Горького. М.: Сов. писатель, 1985. 238 с.

10. *Патреев А.И.* Воспоминания о А.М. Горьком // А.М. Горький нижегородских лет. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1978. С. 257–261.

11. *Примочкина Н.Н.* Неосуществленный литературно-издательский проект М. Горького «История Горьковского края» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 69–78.

12. *Хмелинина М.И.* А.М. Горький как редактор // Лекции по теории и практике редактирования. М.: МЗПИ, 1956. Вып.1. С. 68–92.

Research Article

M. Gorky as an Editor of Manuscripts of the Unpublished Book *History of the Gorky Region* (Based on Archival Materials)

© 2024. Natalia N. Primochkina

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: Based on archival sources, the article attempts to reconstruct M. Gorky's unfulfilled plan of the 1930s, i. e., the creation of a historical and local history work about the past and present of Nizhny Novgorod (Gorky). The author shows the origin of the idea of the book *The History of the Gorky Region*, and the beginning of the work of the team of authors on its implementation. The article establishes that Gorky was very passionate about this project and made great efforts to implement it. The writer wanted the creation of the work *History of the Gorky Region* to become a model for the large book series *History of Cities as the History of Russian Life* conceived by him, and a vivid example of a new collective method of creative work of Soviet writers. The study revealed the reasons that prevented the implementation of this project. At the same time, the main attention in the article is focused on the study of the work of Gorky, the editor, on the manuscripts of writers, stored in his Moscow archive, intended for this work. Gorky's editorial experience, recorded in his edits, brief written reviews, comments and advices to authors in the

margins of their manuscripts, clearly demonstrates the specifics of his work as an editor, and often helps to better understand the writer's intention, and the goal he pursued in the process of editing. The research also helps us to comprehend the socio-political and aesthetic idea that he was guided by.

Keywords: M. Gorky, 1930s, *History of Cities*, *History of the Gorky Region*, editing, G.P. Storm, S.D. Spassky, A.A. Karavaeva, V.N. Zhakova.

Information about the author: Natalia N. Primochkina, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5536-7657

E-mail: nprim47@yandex.ru

For citation: Primochkina, N.N. "M. Gorky as an Editor of Manuscripts of the Unpublished Book *History of the Gorky Region* (Based on Archival Materials)." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 339–356. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-339-356

References

1. *A.M. Gor'kii i sozdanie istorii fabrik i zavodov: sbornik dokumentov i materialov v pomoshch' rabotaiushchim nad istoriei fabrik i zavodov* [*A.M. Gorky and the Creation of the History of Factories and Plants: A Collection of Documents and Materials to Help Those Working on the History of Factories and Plants*]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1959. 336 p. (In Russ.)

2. Go'rkii, M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 24 t.* [*Complete Works. Letters: in 24 vols.*]. Moscow, Nauka Publ., 1997–2022. (In Russ.)

3. Gor'kii, M. *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [*Collected Works: in 30 vols.*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1946–1953. (In Russ.)

4. *Lichnaia biblioteka A.M. Gor'kogo v Moskve: Opisanie* [*Gorky's Personal Library in Moscow: Description*], book 1. Moscow, Nauka Publ., 1981. 411 p. (In Russ.)

5. Maksimova, V.A. *Kak Gor'kii redaktiroval rukopisi* [*How Gorky Edited Manuscripts*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1954. 70 p. (In Russ.)

6. Moskovskaia, D. "'Predmet nashei bratskoi raboty — gorod Iaroslavl'…' N.P. Antsiferov i A.A. Zolotarev v gor'kovskom proekte 'Istoriia russkikh gorodov kak istoriia russkogo byta'." ["'The Subject of Our Fraternal Work is the City of Yaroslavl...' N.P. Antsiferov and A.A. Zolotarev in the Gorky Project 'The History of Russian Cities as the History of Russian Life'."] Antsiferov, N.P., and A.A. Zolotarev. *Iaroslavl'. Istoriia. Kul'tura. Byt* [*Yaroslavl. History. Culture. Mode of life*]. Yaroslavl, Akademiia 76 Publ., 2019, pp. 237–264. (In Russ.)

7. Moskovskaia, D.S. *N.P. Antsiferov i khudozhestvennaia mestnografiia russkoi literatury 1920-kh – 1930-kh gg.: k istorii vzaimosviazei russkoi literatury i kraevedeniia* [*N.P. Antsiferov and the Artistic Ethnography of Russian Literature of the 1920s – 1930s: On the History of the Interrelationships of Russian Literature and Local History*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. 432 p. (In Russ.)

8. Muratov, A.M. "V gostiakh u velikogo zemliaka" ["Visiting a Great Countryman"]. *A.M. Gor'kii nizhegorodskih let* [*A.M. Gorky in Nizhny Novgorod*]. Gorky, Volgo-Viatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1978, pp. 251–254. (In Russ.)

9. Ostrovskaia, S. *Rukoi Gor'kogo* [*By Gorky's Hand*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1985. 238 p. (In Russ.)

10. Patreev, A.I. “Vospominaniia o A.M. Gor’kom” [“Memories About A.M. Gorky”]. *A.M. Gor’kii nizhegorodskih let* [*A.M. Gorky in Nizhny Novgorod*]. Gorky, Volgo-Viatskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1978, pp. 257–261. (In Russ.)

11. Primochkina, N.N. “Neosushchestvlennyi literaturno-izdatel’skii proekt M. Gor’kogo ‘Istoria Gor’kovskogo kraia’.” [“M. Gorky’s Unreleased Literary and Publishing Project ‘The History of the Gorky Region’.”] *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka*, vol. 82, no. 5, 2023, pp. 69–78. (In Russ.)

12. Khmelinina, M.I. “A.M. Gor’kii kak redaktor” [“A.M. Gorky as an Editor”]. *Lektsii po teorii i praktike redaktirovaniia* [*Lectures on the Theory and Practice of Editing*], issue 1. Moscow, Moskovskii zaochnyi poligraficheskii institut Publ., 1956, pp. 68–92. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.01.2024
Одобрена после рецензирования: 23.07.2024
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 26.01.2024
Approved after reviewing: 23.07.2024
Date of publication: 25.03.2025

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-357-386
https://elibrary.ru/ZRFYDG

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Статья Ахматовой «Последняя сказка Пушкина»: творческая история[1]

© 2025, Я.В. Слепков
Российская национальная библиотека,
Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01206 (https://rscf.ru/project/24-28-01206/).

Аннотация: Статья посвящена истории создания первой пушкиноведческой статьи Анны Ахматовой, опубликованной в журнале «Звезда» в 1933 г. В статье рассматриваются причины, побудившие Ахматову профессионально заняться изучением проблем творчества Пушкина, среди которых, в том числе, ее вынужденное поэтическое молчание. Подробно излагаются этапы изучения Ахматовой пушкинской «Сказки о золотом петушке», а также указывается, кто помогал ей при написании исследования: Г.П. Георгиевский и С.М. Бонди консультировали Ахматову при работе с хранившимися в Москве рукописями Пушкина, М.М. Никитин помог ознакомиться с беловой рукописью Пушкина в Ленинграде, а Н.И. Харджиев — освоить научный стиль изложения, Д.П. Якубович и Т.Г. Цявловская привлекли к проектам Пушкинской комиссии АН СССР. Рассмотрен вопрос об ознакомлении Ахматовой с подлинными рукописями поэта. Впервые публикуются письма С.М. Бонди к Ахматовой за 1931–1932 гг., сохранившиеся в ее личном фонде в ОР РНБ, в которых он рассказывает о пушкинских рукописях и излагает историю заполнения пушкинской тетради № 2374. В приложении к статье публикуется Протокол заседания Пушкинской комиссии от 15 февраля 1933 г., когда Ахматова впервые выступила перед академическими учеными, представив им результаты своих изысканий.

Ключевые слова: «Пушкинские штудии» Анны Ахматовой, творческая история и рецепция, А.С. Пушкин, академическое пушкиноведение, Пушкинская комиссия АН СССР.

Информация об авторе: Яков Вениаминович Слепков — археограф, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Садовая ул., 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Россия.

[1] Автор приносит слова глубокой благодарности Н.И. Крайневой за помощь в работе с архивом Ахматовой; Т.И. Краснобородько за консультации о рукописях Пушкина и о совместной работе Ахматовой с пушкинистами; Р.Д. Тименчику за ценные замечания, в том числе за указание на роль Шкловского в подготовке статьи «Последняя сказка Пушкина»; А.Ю. Балакину, В.В. Турчаненко и А.А. Хробостовой за многочисленные уточнения, советы, дополнения и внимательное отношение к настоящему исследованию.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-6742-1673
E-mail: iakovslepkov@gmail.com
Для цитирования: *Слепков Я.В.* Статья Ахматовой «Последняя сказка Пушкина»: творческая история // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 357–386. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-357-386

В середине 1920-х гг. Анна Ахматова начала заниматься изучением влияния французского поэта Андре Шенье на творчество А.С. Пушкина и Н.С. Гумилева. В автобиографической прозе она кратко упоминала об этом: «Начало пушкинизма в Мр<аморном> Дворце (Григорий Алекс<андрович> Гуковский. Беседа с ним о Пушкине)» [3, т. I, с. 62]. Результаты своих наблюдений Ахматова излагала не только Гуковскому, но и одному из наиболее авторитетных пушкинистов — П.Е. Щеголеву. Как указывал ахматовский конфидент, ученый проявил внимание к результатам ее работы, изложенным ему в личной беседе 11 мая 1926 г.: «Щеголев неожиданно для АА заинтересовался ее работой, был исключительно любезен и принял рассказ АА о ее мнении по поводу взаимоотношений Пушкин — Шенье без возражения, наоборот — соглашаясь со всем; принес книги, искали сравнений по книгам; П.Е. подтвердил правильность суждений АА» [22, т. 2, с. 155]. Видимо, в той же беседе Щеголев указал Ахматовой, что «все найденное ею уже известно по работе Никольского» [22, т. 2, с. 158]. Это лишь обрадовало Ахматову, поскольку подтверждало правильность ее заключений: «Щеголев совсем не в такой форме говорил, чтоб ей огорчаться, — наоборот. И конечно, ей нужно радоваться словам Щеголева: ведь разве не приятно сознавать, что ты сделал без всяких соответствующих знаний, без всякой подготовки — и сделал правильно — то, чего и многие специалисты не умели или не смогли сделать (Щеголев давал задание в прошлом году — где-то в ученом семинарии, в котором его слушали Тынянов, Томашевский, кажется, и т. п. пушкинисты, — проделать именно эту работу: найти влияние Шенье у Пушкина — и никто этого не сделал. Щеголев сам это говорил)» [22, т. 2, с. 159]. Хотя Ахматова советовалась с Щеголевым и показывала ему результаты своей работы, примечательно, что в письмах Ахматовой к нему упоминаний об исследованиях нет [37, с. 453–462]. Тем не менее, в 1928 г. Щеголев планировал привлечь Ахматову к составлению и комментированию книги воспоминаний о М.Ю. Лермонтове. Ахматова была согласна, но вскоре «отказалась от этой крайне срочной работы, не желая хал-

турить» [23, с. 365]. Благодаря Ахматовой в том же году с Щеголевым познакомился В.А. Мануйлов, за год до этого беседовавший с ней о своих исследованиях [25, с. 228]. По рекомендации Ахматовой он стал секретарем Щеголева [25, с. 232].

Осторожность, с какой Ахматова подходила к процессу исследования даже несмотря на похвалу и поддержку Щеголева («Демонстрируя мне каждое новое открытие АА всегда добавляет, что несмотря на, казалось бы, очевидность влияния данного стихотворения Шенье на соответствующее стихотворение Пушкина, она остается неуверенной, что это именно так и есть» [22, т. 2, с. 232]), сохранялась и в поздние годы. Ю.Г. Оксман записал в дневник 19 января 1963 г.: «Меня очень удивляет, как А.А. всегда не уверена в ценности своих писаний о Пушкине. Точнее, она-то всегда уверена в главном, но очень опасается тех или иных мелких промахов, могущих подорвать ценность ее основных догадок и разысканий, возможности неправильных толкований, словом, она слишком дорожит своим именем великой поэтессы и боится подорвать свое положение ложным впечатлением читателей от ее научной работы в области биографии Пушкина» [27, с. 642].

Занимаясь творчеством Пушкина и Шенье в середине 1920-х гг., Ахматова, возможно, именно вследствие того, что Щеголев посчитал ее находки верными, но вторичными, не оформила результаты своих исследований в виде научной статьи. Из дальнейших записей Лукницкого видно, что она не прекратила работу по сравнению текстов Шенье и Пушкина. Интересно и то, что Ахматова спрашивала мнения Щеголева о других ученых. В той же беседе 11 мая Ахматова «спросила Щеголева о знаниях Томашевского — действительно ли он хороший пушкинист? Щеголев взглянул на АА, серьезно, в глаза, помолчал и сказал: “Вот если вы будете руководствоваться тем, что пишет Томашевский, — вы действительно сделаете много ошибок”» [22, т. 2, с. 156]. Впоследствии Ахматова была очень близка с семьей Томашевского, а о нем так отозвалась в письме к исследователю и поэту А. Ранниту: «<…> покойный Борис Викторович Томашевский был моим учителем по линии пушкиноведения» [5, с. 323]. Так же как с Щеголевым, Ахматова советовалась с Томашевским (как и он с ней). Это зафиксировано в письмах его вдовы, И.Н. Медведевой-Томашевской, к Э.Г. Герштейн: «Беседы о Пушкине никогда не носили округлого характера. Это были скорее вопросы и ответы, совместное заглядывание в тексты, некие лаконические замечания, скорее междометия...» [13, с. 321]. В доме Щеголева Ахматова познакомилась ближе с Ю.Г. Оксманом и Б.В. Томашевским, а также, скорее всего,

с Д.П. Якубовичем [32, с. 195]. Именно Якубович сыграл в 1930-х гг. важную роль в формировании авторитета Ахматовой в кругу академических исследователей, когда она решилась на публикацию статьи «Последняя сказка Пушкина» [39, с. 147][2].

15 февраля 1933 г. Ахматова выступила на заседании Пушкинской комиссии в Институте русской литературы с докладом «Об источнике “Сказки о золотом петушке”» [39, с. 159][3]. В качестве текста доклада, который Ахматова в буквальном смысле читала, ею использовалась, как указывает Э.Г. Герштейн, корректура статьи «Последняя сказка Пушкина», опубликованной через две недели после выступления, в первом номере журнала «Звезда» за тот же год[4]. Творческая история этой статьи кратко изложена Герштейн в комментариях к републикации исследования [14, с. 263–264; 13, с. 319], однако ее можно существенно дополнить.

Одним из немногих «белых пятен» остается собственно начало работы над статьей. Главное открытие, описание которого составило содержание первой части исследования Ахматовой[5], как нам кажется, было сделано случайно. Известно, что она часто делала указания на текстуальные совпадения в произведениях разных авторов, в том числе, на заседаниях Пушкинской комиссии, см.: [39, с. 147–150]. Она легко обнаруживала литературные источники скрытых цитат. Очевидно, что Ахматова не занималась прицельно поисками литературного источника «Сказки о золотом петушке». Скорее всего, читая книгу В. Ирвинга, Ахматова обратила внимание на совпадение

---

[2] В стихотворении, которое Якубович посвятил Ахматовой, отражены их беседы о Вашингтоне Ирвинге, см.: [35, с. 114]. Подробнее об эволюции отношения Якубовича к Ахматовой см.: [26].

[3] На заседании присутствовали М.И. Аронсон, С.Д. Балухатый, П.Н. Берков, Б.Я. Бухштаб, Л.Я. Гинзбург, В.В. Гиппиус, Б.П. Городецкий, Л.Г. Гринберг, Г.А. Гуковский, В.А. Десницкий, А.Л. Дымшиц, Б.В. Казанский, Ф.Ф. Канаев, М.К. Клеман, Н.К. Козмин, Л.Б. Модзалевский, Т.И. Немчинова, Д.С. Нестеров, Ю.Г. Оксман, В.Н. Орлов, Н.К. Пиксанов, С.А. Рейсер, А.М. Спиридонова, Б.В. Томашевский, И.М. Троцкий, Ю.Н. Тынянов, Т.К. Ухмылова, А.Г. Цейтлин, О.В. Цехновицер, Я.З. Черняк, Д.П. Якубович, И.Г. Ямпольский и др. [38, с. 159–160].

[4] *Ахматова А.* Последняя сказка Пушкина // Звезда. 1933. № 1. С. 161–176. «Перед заглавием статьи в верстке надпись: “Это представляет собою основные тезисы моей работы о Золотом петушке. В несколько сокращенном виде она будет напечатана в первом номере журнала ‘Звезда’”. Очевидно, это вступительные слова доклада Ахматовой в Пушкинском доме (ИРЛИ АН СССР) 15 февраля 1933 г. (первый номер “Звезды” вышел в марте 1933 г.)». [14, с. 264]. Два экземпляра корректурных листов с рукописными дополнениями Ахматовой сохранились в ее личном фонде, ныне находящемся в ОР РНБ (Ф. 1073. Ед. хр. 444, 445).

[5] Статья Ахматовой поделена на пять разделов, но с точки зрения содержания правомерно условное деление на две части. Первую из них занимает изложение сюжетных и текстуальных совпадений «Легенды об арабском звездочете» В. Ирвинга и «Сказки о золотом петушке» Пушкина. Вторая часть посвящена интерпретации сказки, основной смысл которой Ахматова видела в критике Пушкиным «неисполнения царского слова», а также сатирическом двойном портрете Александра I и Николая I в образе царя Дадона.

сюжетных линий[6]. Американский славист Д. Фиске предполагал, что чтением Ирвинга Ахматова занялась после ознакомления со статьей М.П. Алексеева «К “Истории села Горюхина”»[7] [45, p. 27]. Р.Д. Тименчик связывает обнаружение источника с другими пушкинскими сюжетами: «В зиму 1926/27 г. Ахматова усиленно занималась поисками французских источников Пушкина. По-видимому, с этой работой связаны сведения, которые один из современников сообщал со слов Ю.Н. Верховского: “Весь прошлый год он пробыл в Петербурге. Бывал у Ахматовой. Говорит, что она почти всю зиму пролежала: у нее туберкулез кишок. Она очень, очень много читает, прочла всего Вольтера, всего Буало, которого она, оказывается, очень любит”. В ходе этих занятий Ахматова обнаружила неожиданный источник “Сказки о золотом петушке” — “Легенду об арабском звездочете” Вашингтона Ирвинга из книги “Альгамбра”» [35, с. 113][8]. Уместно вспомнить и свидетельство Ахматовой в передаче Н. Готхарта: «Спрашиваю Анну Андреевну, когда она стала заниматься английским языком.

— Английский я стала учить в 27-м году. Я тогда занималась Пушкиным и решила прочитать Байрона и Шекспира на английском языке. Я знаю “Макбет” наизусть на английском»[9].

Обращение к литературоведческой работе в начале 1930-х гг. могло быть обусловлено не только обнаружением пушкинского заимствования. Возможно, решение публиковать статью было принято как своеобразный ответ на негласное постановление 1925 г., переданное Ахматовой так: «не арестовывать, но и не печатать» [3, т. I, с. 62][10]. Характерно в этом отношении замечание

---

[6] Еще в 1925 г. Ахматова сказала Лукницкому: «Я знаю только Пушкина и архитектуру Петербурга. Это сама выбрала, сама учила» [22, т. 1, с. 40]. Хранящаяся в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме книга Ирвинга «The Alhambra; or the New Sketch Book», изданная в Париже в 1832 г. (МА КП-8616), судя по отсутствию каких-либо помет Ахматовой, была приобретена ею или подарена ей позднее и не использовалась при работе.

[7] См.: [1].

[8] К.И. Чуковский вспоминал, что Ахматова читала «Сказку о золотом петушке» младшему сыну своей соседки по коммунальной квартире, Валентину Смирнову, родившемуся в 1938 г. [42, с. 56]. Если это не художественный вымысел или более позднее воспоминание, не исключено, что имеет место аберрация памяти и сказку Ахматова читала И.Н. Пуниной, которой в 1931 г. исполнилось десять лет.

[9] *Готхарт Н.* Двенадцать встреч с Ахматовой // Время и мы. 1989. [Вып.] 106.С. 243.

[10] Стихотворения Ахматовой не публиковались с 1925 по 1940 г. Ее последнее публичное выступление с чтением стихов состоялось в Москве на вечере журнала «Русский современник» 17 апреля 1924 г. [21, с. 222]. При этом вынужденное «поэтическое» молчание (т. е. невозможность «дойти» до читателей) остро переживалось Ахматовой, что видно из ее ретроспективной автобиографической прозы: «Между 1925–1939 меня перестали печатать совершенно. <…> Тогда я впервые присутствовала при своей гражданской смерти» [3, т. I, с. 62]; «Уже готовый двухтомник издательства Гессена («Петроград») был уничтожен, брань из эпизодической стала планомерной и продуманной (Лелевич

Б.М. Эйхенбаума во вступительном слове на вечере Ахматовой 17 марта 1946 г.: «Историко-литературные работы Ахматовой важны не только сами по себе (они достаточно высоко оценены нашим советским пушкиноведением), но и как материал для характеристики ее творческого пути и ее творческой личности: уход от поэтической деятельности не был уходом от литературы и от современности вообще» (цит. по: [35, с. 118]).

О начале работы Ахматовой над статьей может свидетельствовать дарственная надпись В.А. Щеголевой, датированная 3 июля 1931 г., на книге «Из жизни и творчества Пушкина» ее мужа П.Е. Щеголева, умершего 22 января того же года: «Анне Андреевне Ахматовой на память о Павле Елисеевиче глубоко почитающая ее талант и нежно любящая ее В. Щеголева» [21, с. 322][11]. Незадолго до получения этой книги, весной 1931 г., когда Ахматова приняла решение оформить свое открытие в виде научной статьи, перед ней встала проблема, заключавшаяся в том, что она не владела навыком научного письма. Это косвенно подтверждается и одним эпизодом, изложенном Герштейн: «Как-то я сказала Анне Андреевне, что намерена предложить в журнал статью. Профессионализма тогда у меня еще не было. “Вы раньше напишите, а потом предлагайте, — озабоченно сказала Анна Андреевна, — вы не представляете, как трудно писать статьи. Стихи писать легко, а статьи так трудно!..”» [15, с. 251]. Как известно, помощь в освоении научного стиля письма оказал Ахматовой ее друг Н.И. Харджиев. Приведем еще одно свидетельство, записанное Герштейн: «Упомянутое исследование о “Золотом петушке” Пушкина ей помогал писать Н.И. Харджиев… “Я лежала больная, — с удов-

в журнале «На посту», Перцов в «Жизни искусства» и т. д.), достигая местами 12 баллов, т. е. смертоносного шторма. Так я жила четырнадцать лет. Переводы (кроме писем Рубенса, 30-й год) мне не давали. Однако моя первая пушкинская работа («Последняя сказка Пушкина») была напечатана в «Звезде». Запрещение относилось только к стихам» [3, т. I, с. 71]; а также мемуарных свидетельств — одному из собеседников она говорила: «У каждого поэта своя трагедия. Иначе он не поэт. Меня не знают» [9, с. 77].

[11] Воспроизведение дарственной надписи см.: [28, с. 64]. Кроме того, о работе Ахматовой были осведомлены без подробностей братья Розановы. М.Н. Розанов преподнес ей, скорее всего, в 1930 г., оттиск своей работы «Пушкин и Петрарка», надписав «Глубокоуважаемой Анне Андреевне Ахматовой автор» (хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме — МА КП-8909). Сведения о ранних «пушкинских штудиях» содержатся в недавно проданном на аукционе «Антикварium» дневнике его младшего брата И.Н. Розанова: «Ахматова удивляет меня своими познаниями по литературе и истории. Про Пушкина говорит она не как любительница, а как пушкинистка; особенно интересует ее вопрос о влиянии на Пушкина франц<узских> поэтов, в частности Буало. Татьяна Ларина напрасно признается типично русской, на создание этого типа повлияло стихо<творение> А. Шенье, переведенное Пушк<иным> “Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает”» (см.: URL: https://ru.bidspirit.com/ui/lotPage/anticvarium/source/catalog/auction/53463/lot/70729/share?lang=ru (дата обращения: 30.10.24)). Попутно отметим, что дневник Розанова является источником сведений о еще недостаточно подробно разработанном сюжете — пребывании Ахматовой в Кисловодске в 1927 г. Публикация всех записей об Ахматовой могла бы дополнить и ее пушкиноведческую биографию.

летворением говорила Анна Андреевна, — а Николай Иванович сидел напротив, спрашивал: «Что вы хотите сказать?» — и писал сам". Дело было к спеху, потому, что Харджиев и его друг Цезарь Вольпе, печатавшийся в "Звезде", могли поместить там статью Ахматовой. Она была напечатана в первой книге за 1933 г.» [15, с. 251]. Здесь стоит отметить небольшую неточность мемуаристки: Ц.С. Вольпе в то время не просто печатался в «Звезде», а заведовал, с 1930 по 1933 г., критическим отделением этого журнала[12]. В № 5-м журнала за 1933 г. Вольпе поместил «Путешествие в Армению» О.Э. Мандельштама. Н.Я. Мандельштам настойчиво утверждала, что именно это послужило причиной его увольнения из журнала[13]: «И все же в печать прорвалось еще несколько стихотворений (О.Э. Мандельштама. — *Я.С.*), но за "Путешествие в Армению" («Звезда») сняли редактора отдела — Цезаря Вольпе, который, впрочем, знал, на что идет» [24, с. 130][14]. Кроме того, в одном разделе со статьей Ахматовой в № 1-м «Звезды» за 1933 г. Вольпе опубликовал собственную статью «Заметки о современных писателях (М.М. Зощенко. Н.С. Тихонов)»[15]. В настоящее время этот выпуск является библиографической редкостью (номера журнала нет в ИРЛИ РАН, он почти не встречается на букинистических сайтах и аукционах). Кажется разумным предположение, что причина этого заключается именно в объединении фамилий Ахматовой и Зощенко под одной обложкой: после постановления ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» от 14 августа 1946 г. экземпляры этого номера могли планомерно уничтожаться[16]. В этой связи примечательно, какое

[12] См. автобиографию Вольпе: ОР РНБ. Ф. 1417. Ед. хр. 2. Л. 1 об.

[13] Несмотря на увольнение из «Звезды», Вольпе «в 1936 году был приглашен Гослитиздатом внештатным ответственным редактором однотомника сочинений А. Пушкина» (ОР РНБ. Ф. 1417. Ед. хр. 2. Л. 1 об.). Речь идет о кн.: [29]. Томашевский и Вольпе поднесли в подарок Ахматовой экземпляр этой книги с инскриптом: «Дорогой Анне Андреевне Ахматовой 27.IV.36 Б. Томашевский *и Ц. Вольпе*» (текст написан Томашевским, курсивом обозначена приписка Вольпе). Ныне книга в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (инв. № оф.–3758). Благодарим Н.П. Пакшину за возможность ознакомиться с этим экземпляром, а также с книгой Ирвинга.. См. об этой книге также: [28, с. 53–54, 110].

[14] Этот эпизод второй раз упомянут автором: «Вольпе, тот самый, которого выгнали из редакции "Звезды" за то, что он напечатал "Путешествие в Армению", да еще с концовкой про царя Шапуха, не получившего от ассирийца "один добавочный день". Эта концовка была запрещена цензурой» [45, с. 301].

[15] *Вольпе Ц.* Заметки о современных писателях (М.М. Зощенко. Н.С. Тихонов) // Звезда. 1933. № 1. С. 177–194.

[16] В. н. с. ОР РНБ М.Ю. Любимова сообщила нам, что в 1940-е гг. было принято постановление, копия которого в 2000-е гг. еще хранилась в ОАД РНБ, о сохранении всех запрещенных изданий в фондах «спецхрана» в двух экземплярах — для московской Государственной библиотеки им. В.И. Ленина и ленинградской Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Этим, видимо, и объясняется наличие полного экземпляра первого номера «Звезды» за 1933 г. в РНБ. В библиотеке Музея

выражение использует, явно со слов самой Ахматовой, один из ее собеседников в 1959 г.: «К сожалению, статьи Анны Андреевны о Золотом петушке я не знаю — она похоронена в журнале Звезда за 1933 год, № 1» [16, с. 53].

Как мы указали выше, статью о сказке Пушкина Ахматовой помогал писать Харджиев. Это отразилось и в их переписке, и в его собственных устных рассказах. В недавней публикации высказываний Харджиева, которые конспективно записывала В.Ф. Сулимова, упоминается его совместная работа с Ахматовой: «Вместе с Ахматовой Н<иколай> И<ванович> писал ее статью о “Золотом петушке” Пушкина. Выход из тупика, она долго не писала. Давал ей ценные сведения <…> Геккерн — педераст»[17]. Последнее замечание является сжатым и гиперболизированным изложением ахматовской концепции о виновнике заговора, направленного против Пушкина. Запись Сулимовой ценна тем более, что она прямо указывает на нерешительность Ахматовой в начале научной работы — «выход из тупика». Учитывая приведенные сведения, нельзя не удивиться интерпретации слов Герштейн, которые дает современный исследователь-ахматовед, дочь одного из ахматовских читателей-друзей Н.Г. Гончарова в своей новой книге о прозе Ахматовой: «Фактически это завуалированное указание на то, что статью Ахматовой за нее написал Харджиев. Но следует помнить, что доклад, т. е. собственно работа, был написан и сделан все же ею самой. Воспоминания Герштейн об Ахматовой вообще пристрастны, и к ним следует относиться осторожно. К тому же ведь никто не говорит, что диктовать свой текст — значит не писать его» [17, с. 26]. Мы склонны разделять точку зрения Г.М. Темненко на участие Харджиева в написании статьи: «Честь открытия литературного источника “Сказки о золотом петушке” (результат весьма глубокого исследования!) принадлежит только Ахматовой, и это никогда не подвергалось сомнению, что вполне справедливо. <…> Мы можем догадаться,

Анны Ахматовой в Фонтанном Доме хранятся лишь вырванные из журнала страницы со статьей , а также полный номер с автографом Ахматовой из библиотеки Рыбаковых (МА КП-1446). Однако в списках Главлита на изъятие, насколько нам известно, номер журнала не значится. Не исключен вариант, что журналы воровались преданными читателями Ахматовой (этим наблюдением мы обязаны Р.Д. Тименчику).

[17] Харджиев. Разговоры / публ. и примеч. И. Галеев // Знамя. 2023. № 12. С. 153–154. В архиве Ахматовой сохранилось документальное свидетельство его помощи. В корректуру статьи «Последняя сказка Пушкина» вложен обрезанный тетрадный линованный лист со сделанной Харджиевым выпиской из письма А.Я. Булгакова к брату, опубликованного в № 1-м «Русского архива» за 1902 г. (ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 445. Л. 6). Кроме того, сохранились и другие выписки о Чаадаеве, Ф. Глинке, Гоголе, Мандельштаме, сделанные Харджиевым, приписанные в описи фонда Ахматовой (см.: ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 527); записи на 7 из 8 листов сделаны рукой Харджиева, лишь на л. 8 — запись рукой Ахматовой (выписка на французском языке из Талейрана).

что если Харджиев реально оказывал помощь Ахматовой в декабре, то это было лишь записью результатов проделанного поиска, кроме того, дата окончания работы над текстом статьи приходится на конец января — значит, без него. Видимо, в декабре дружеское участие помогло Ахматовой преодолеть боязнь прозаической речи, ничуть не умалив авторского самолюбия» [34, с. 33–34].

Ахматова в статье указала, что работала над ней с 20 марта 1931 г. по 20 января 1933 г.[18] Весной 1933 г., уже после выступления с докладом и опубликования, она подарила отдельный оттиск статьи Харджиеву, надписав его: «Милому другу Николаю Ивановичу на память о декабрьских днях 1932 года. Благодарная Ахматова» [6, с. 202]. Таким образом, можно выдвинуть предположение, что до весны 1931 г. Ахматова обнаружила источник пушкинской сказки и решила написать статью, но до конца следующего года — почти 20 месяцев — находилась в «тупике» и не начинала ее. В декабре следующего года Харджиев помог Ахматовой «преодолеть молчание», а в начале 1933-го, уже без него, Ахматова завершила свой труд. Еще до того, как Харджиев оказал помощь Ахматовой, осенью 1932 г., один из наиболее активных членов Пушкинской комиссии, Д.П. Якубович предложил Ахматовой выступить на заседании комиссии в Институте русской литературы. Заседание было назначено на 14 октября 1932 г., однако оно было отменено в связи с болезнью докладчицы и перенесено на 15 февраля следующего года [39, с. 147]. Дата, вписанная в типографский штамп, поставленный на корректурных листах, подтверждает, что статья была завершена в конце января: листы были отпечатаны и переданы для вычитки авторам и редакторам 9 февраля 1933 г.[19] Как уже указывалось, именно с этой корректурой Ахматова выступала на заседании Пушкинской комиссии. Следовательно, вступительные слова вписаны ею в корректуру не более чем за пять дней до выступления.

Известно, что Ахматова интересовалась материалами, опубликованными в «Звезде». Так, например, в конце мая – начале июня 1927 г. Лукницкий записал похвалу, высказанную Ахматовой по поводу новых произведений Н.Л. Брауна и Н.С. Тихонова в этом журнале [22, т. 2, с. 259, 262]. К несчастью исследователей, архивы журнала «Звезда» сохранились в крайне плохом состоянии и составе: ни в части архива журнала, отложившемся в ОР РНБ, ни в части, ныне проходящей научную обработку в РО ИРЛИ, нет документов

[18] *Ахматова А.* Последняя сказка Пушкина. С. 176.

[19] ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 444. Л. 1; Там же. Ед. хр. 445. Л. 1.

о деятельности журнала за 1930-е гг.[20] Предположим, что «проводниками» в журнал для Ахматовой были сами Харджиев и Вольпе.

Начав подготовку своего исследования в марте 1931 г., Ахматова решила обратиться к рукописям Пушкина. Видимо, в апреле или мае она попыталась получить доступ к рукописям, хранившимся в то время в Москве. В дневниковых записях одного из ее почитателей, фотографа Л.В. Горнунга, сохранились свидетельства этой неудачной попытки, связанной с ошибкой Ахматовой:

> 8. VI. 1931. Я был у Юрия Верховского по случаю его дня рождения. К нему пришли Мстислав Александрович Цявловский с женой Татьяной Григорьевной, Георгий Чулков, И. Новиков.
>
> За чаем Цявловский сообщил об Анне Ахматовой. Он сказал, что она начала заниматься Пушкиным, для чего затребовала в Ленинград из библиотеки им. Ленина рукопись «Золотого петушка». Ей трижды отказывали и, наконец объяснили, что подлинные рукописи Пушкина на руки не выдаются, причем сообщили, что такой рукописи в рукописном отделе библиотеки нет, но есть недавно приобретенная рукопись Пушкина о Бове-Королевиче, в которой упоминается царь Додон. Цявловский объяснил, что кто-то неправильно осведомил Анну Андреевну о порядке получения рукописей [19, с. 191].

Примечательно, что такую же ошибку впоследствии совершил Ю.Г. Оксман, узнавший об этом только из прений после доклада Ахматовой:

> Юлиан сказал не особенно внятно, что мы, дескать, с вами, Анна Андреевна, многократно беседовали в процессе вашей работы, я вам тогда все свои соображения высказал… Однако я хотел бы вам указать, что вы, к сожалению, не использовали плана «Золотого петушка», который хранится в Москве, в Румянцевской библиотеке.
>
> Анна Андреевна: «Это не план “Золотого петушка”, это план “Бовы”». Юлиан, сбитый: «Что вы говорите?! Я не знал. Придется задержать, под моей редакцией выходят материалы, и там напечатано, что это план “Золотого петушка”» [6, с. 202].

Рукопись, о которой идет речь, была получена Библиотекой из Ульяновска 16 мая 1931 г. вместе с другими автографами Пушкина, как указывал в заметке с их описанием Г.П. Георгиевский [10, с. 13].

[20] За сообщенные сведения о составе архива «Звезды» в Пушкинском Доме приносим глубокую благодарность Т.А. Кукушкиной.

Остается невыясненным, от кого Ахматова и Оксман могли получить неверные сведения о содержании этой рукописи Пушкина, хранившейся в Москве (Б.В. Томашевский и Л.Б. Модзалевский, по свидетельству Герштейн, консультировали Ахматову позднее, начиная с 1934 г.) [15, с. 251]; о том, что она содержит план именно «Бовы», а не «Петушка», еще в 1931–1932 гг. точно знали, наравне с Георгиевским, М.А. Цявловский, подготовивший описание рукописей, и Т.Г. Зенгер-Цявловская, выполнившая их транскрипции (книга сдана в набор 20 декабря 1932 г.). Однако и Цявловский отмечал, что «совершенной новостью являются набросок статьи о литературном обзоре А.А. Бестужева 1825 г. и набросок плана сказки о Бове 1834 г.» [10, с. 13]. Новообретенные рукописи Пушкина стали сенсацией, и, видимо, до опубликования их описания в 1934 г. в среде пушкинистов об их содержании распространялась неверная информация, что и вызвало ошибку как Оксмана, так и Ахматовой.

При этом записанные Горнунгом сведения о том, что в московской библиотеке вообще нет рукописи «Сказки о золотом петушке» — неверны: там хранилась тетрадь № 2347, в которой находится черновой вариант сказки.

Работа над подготовкой факсимильного издания этой тетради была начата в январе 1930 г. [12, с. 13]. Именно об этой работе Георгиевского и Цявловских идет речь в письме В.Б. Шкловского, узнавшего об изысканиях Ахматовой, от 20 июля 1931 г.[21]:

> Дорогая Анна Андреевна.
>
> <…> Работал тоже много. Здесь приготовляют к печати «Золотого Петушка» и вокруг него секретничают. Источника не знают. Не рассказывайте и Вы.
>
> Вернусь в августе. Очень прошу Вас приехать к нам в начале августа (если удобно, после 15-го). Я хочу подучиться Пушкину <…> [36, с. 279].

Из опубликованных материалов, касающихся процесса подготовки статьи «Последняя сказка Пушкина», также стоит назвать письмо сотрудницы Третьяковской галереи В.Ф. Румянцевой к своей подруге М.И. Иконниковой. Московский пушкинист С.М. Бонди, узнав, вероятно, от кого-то из круга Цявловского, что Ахматова работает над «Сказкой о золотом петушке», послал ей письмо с предложением помощи. Это письмо в настоящее время неизвест-

[21] Не исключено, что Харджиев оказался причастен к написанию статьи именно через посредничество Шкловского, с которым они в то время тесно сотрудничали.

но. Сведения о нем возможно найти лишь в письме Румянцевой от 14 августа 1931 г.: «<…> Перед моим отъездом в Ленинград С.М. <Бонди> чтобы доставить мне удовольствие предложил мне исполнить одно поручение — передать письмо Ахматовой. Она занялась сейчас исследованием пушкинского золотого петушка, а у него есть кой-какие материалы по этой сказке, и он ей их предлагает. Я конечно с радостью ухватилась за такое поручение. <…> <Ахматова сказала:> “то что предлагает мне Бонди очень важно для меня” <…>» [33, с. 245–246]. Получив через Румянцеву согласие Ахматовой, Бонди послал ей транскрипции с пушкинской рукописи с письмом-объяснением к ним, которое до настоящего времени не публиковалось. Приводим это письмо полностью[22]:

8/IX <19>31.

Многоуважаемая Анна Андреевна!

Простите, пожалуйста, что до сих пор не послал Вам транскрипцию, но, во-первых, я довольно долго — до возвращения в Москву В.Ф. Румянцевой — не знал, нужно ли ее Вам посылать, пригодится ли она Вам, а затем надо было переписать и проверить еще раз по пушкинскому подлиннику. Позвольте теперь сделать необходимые объяснения к этой транскрипции[23].

Текст этот написан Пушкиным в так наз<ываемой> тетради № 2374. Это по-видимому был альбом для рисования, размера немного меньше листа писчей бумаги, причем, как бывает в таких альбомах — высота страниц меньше его ширины. Бумага плотная белая, с золотым обрезом; кроме того, вплетены листы цветной бумаги. Этот альбом выдран из переплета, который не сохранился; много листов бумаги в нем вырвано, сорок три страницы остались неисписанными, текстом заполнен 31 лист (62 страницы). Они нумерованы жандармами красными цифрами посредине страницы и, кроме того, в углу страницы — черными цифрами перенумерованы опекунами наследников Пушкина. Эти нумерации не совпадают.

В этой тетради Пушкин писал в 1833–1835 гг. Самая ранняя запись (из сохранившихся), по-видимому, план «Капитанской дочки», датированный «31 янв. 1833», самая поздняя — черновик «Полководца» (1835).

[22] ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 747. Л. 1–4. Во избежание путаницы между нашими пунктуационными знаками и знаками, которые приводит в письме Бонди, мы выделили его знаки, а также слова, вписанные карандашом, полужирным шрифтом.

[23] В материалах фонда Ахматовой эта транскрипция не сохранилась.

Написаны в тетради черновики следующих произведений: начало «Медн<ого> Всадника», «Зол<отой> Петушок», «Анджело», «Полководец», Мицкевичу («Он между нами жил…»), «Сват Иван, как пить мы станем», «В поле чистом серебрится...», «Французских рифмачей...», «Везувий зев открыл...», «Чу, пушки грянули…», два плана «Капитанской дочки», прозаический дословный перевод из Вордсворта («Летнее утро. Автор доходит…»), греческий текст и попытки дословного перевода начальных стихов Одиссеи, заметки о русском дворянстве («Руск<ое> Дв<орянство> что наше значит?..») и несколько списков произведений Пушкина — подсчеты для будущих изданий.

Транскрипцию этой тетради делали вдвоем — я и Тат<ьяна> Григ<орьевна> Зенгер-Цявловская; — я делал первые страницы листа (с красн<ой> жандармск<ой> цифрой), а она оборотные. Затем я еще раз проверял оба текста.

В транскрипции, как Вы видите, не приняты обычные условные обозначения: **[ ]** для зачеркнутого, ***** для восстановленного..., а передавался, по мере возможности, вид пушкинской рукописи: зачеркнутое в подлиннике — зачеркивалось, подчеркнутое — подчеркивалось и т. д. Все пометки, узоры — кроме рисунков, также переданы.

Так как рукопись вся писана Пушкиным чернилами, то карандашные пометки — все мои.

Несколько слов осталось, к сожалению, не разобранными. Они обозначены карандашн<ой> пометкой **<неразб.>**, причем это слово зачеркивалось, если неразборчивое слово в подлиннике зачеркнуто. В большинстве случаев эти слова даже не неразборчиво написанные — а просто каракуля, сделанная второпях Пушкиным: («~»), которую нужно не прочесть, а придумать — и я не решался сочинять за Пушкина. Впрочем, иногда, по контексту и можно бывает догадаться, что за слово имел в виду Пушкин. Мне и Т.Г. Зенгер еще раз предстоит тщательная проверка всей транскрипции; я надеюсь, тогда кое-что из неразобранного теперь будет прочитано — и тогда я, если разрешите, сообщу Вам эти дополнения. — Во всяком случае, в оправдание скажу, что рукопись местами очень черновая, неразборчивая, с массой описок и вовсе недописанных слов.

Слова, в правильности чтения которых я не уверен, сопровождены в транскрипции знаками **(?)** или **(??)** — в зависимости от большей или меньшей степени сомнительности чтения.

Во многих случаях Пушкин не дописывал до конца слова: «вс~ сто~» это значит (по контексту ясно) — «всей столицы»; или

«Ш~ Ц~» — это значит «Шемаханская царица» — и т. д. В транскрипции так и оставлены эти слова недописанными, с каракулей вместо конца. Иногда слово целиком заменено каракулей — «волю перв~ ~» — очевидно, значит «волю первую мою».

Бывает, что, исправляя какое-нибудь слово или букву, Пушкин не зачеркивал его и не писал над ним новое, а исправлял по написанному, напр<имер>, «р$_{ы}^{е}$хнулся» — т. е. «рыхнулся» переправлено на «рехнулся». Т. к. при точной передаче этого в транскрипции очень трудно было бы разобрать написанное (и в подлиннике это требует особого труда) — то я ввел условное обозначение: исправленная буква или часть слова пишется над прежней буквой или частью слова, и они объединены скобками **[ ]**;

напр<имер>,
е а

«р**[ы]**хнулся»; «сокол**[ы]**» — значит, что последние «ы» переправлено в «а»;

разо

«**[ращи]**чтемся» — значит, что Пушкин начал было писать «ращи(тайся)» (вероятно) — а затем поверх первых четырех букв снова написал «разо» — и затем дописал «чтемся».

Многочисленные описки подлинника, чтобы их нельзя было принять за описки транскрипции я обвожу карандашом: «народ» (вм<есто> «народъ»), «за Дадон**ъ**» — (вм<есто> «за Дадономъ»), «пол**ца** Царства» — (вм<есто> «полъ Царства» или «полцарства») и т. д.

Рисунки, находящиеся в подлиннике, — не перерисованы в транскрипции, а кратко описаны (карандашом) в соответствующем месте рукописи.

Т. к. все-таки транскрипция не может дать того, что дает при разборе подлинная рукопись — то я позволил себе внизу каждого листа транскрипции написать карандашом — сводку текста этой страницы, т. е. то, что получилось у Пушкина в результате работы над ней, на чем он ее оставил, переходя к следующей странице. Если текст транскрипции представляет собой (по мере возможности) вещь бесспорную, объективную, то эта сводка, конечно, до известной степени субъективна, зависит от правильности догадки, от сообразительности составителя ее.

Как Вы увидите — черновик «Золотого Петушка» довольно мало дает нового в сравнении с печатным его текстом. Тем не менее, очень хотелось бы, чтобы эта транскрипция чем-нибудь помогла Вашей работе. Неужели действительно, как мне говорили, Вам удалось найти

источник и объяснить смысл этой непонятной сказки Пушкина? Это очень было бы интересно!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

С. Бонди.

P. S. Я хотел было послать Вам свою книжечку о новых текстах Пушкина,[24] но не решаюсь сделать это, во-первых, потому, что она мне не очень нравится (исключая текстов Пушкина, опубликованных в ней), и кроме того, боюсь показаться Вам слишком назойливым.

С. Б.

P. P. S. 10/IX. Хотел послать для скорости и верности с оказией — но не нашел ее и посылаю по почте. Очень прошу Вас известить меня открыточкой, дошло ли.

С. Б.

Как видно, обнаружение Ахматовой источника «Сказки о золотом петушке» было своего рода сенсацией в кругу пушкинистов. Ахматова, работая над текстом статьи, получив первое письмо Бонди и его транскрипции, решила сама изучить автограф Пушкина. 10 июля 1932 г., находясь в Москве, с помощью Георгиевского она просмотрела пушкинскую тетрадь [12, с. 13]. Обращение к черновым рукописям Пушкина и их транскрипциям, в которых было отражено постепенное изменение текста, сокращение в нем фрагментов, которые могла не пропустить цензура, составило доказательную базу концепции Ахматовой о сокрытых политических и автобиографических намеках в сказке. В примечании к статье Ахматова специально оговорила: «Черновики до сих пор не были изучены»[25]. Ознакомившись с рукописью, Ахматова для работы использовала транскрипции и, если верить косвенному свидетельству в письме Вольпе к Харджиеву, имела фотокопию пушкинской черновой рукописи. В ответ на замечание Якубовича, касающееся черновика Пушкина, она ответила: «“Зачем же спорить, <…> вот фотография рукописи”» [6, с. 202]. На основании этого свидетельства мы также можем предположить, что содержание статьи Ахматова держала в секрете даже от близкого ей пушкиниста Якубовича, который и пригласил ее выступить с докладом[26]. Точно так же Ахматова не

[24] Речь идет о кн.: [7].

[25] *Ахматова А.* Последняя сказка Пушкина. С. 169.

[26] Впрочем, стихотворение Якубовича, вписанное в альбом Ахматовой ([35, с. 114]), свидетельствует, что о своей находке источника сказки Ахматова ему все же рассказала. Датировка публикатора (1933), видимо не совсем верна. Согласимся с В.В. Турчаненко и А.Ю. Балакиным, непосредственно связывающим разговор Якубовича и Ахматовой, датируемый 30 сентября 1932 г., с приглашением выступить на заседании Пушкинской комиссии.

дала письменного ответа Бонди на вопрос об обнаруженном ею источнике «непонятной» сказки и ее смысле.

Ахматова не исполнила просьбу ее московского помощника «известить [его] открыточкой» о получении. Лишь 14 января 1932 г., то есть спустя 4 месяца, Ахматова отправила ответное письмо:

> Многоуважаемый Сергей Михайлович, позвольте мне от всего сердца поблагодарить Вас за транскрипцию «Зол<отого> Пет<ушка>». Она так совершенна, что по поводу ее не может возникнуть никаких вопросов, мне кажется, что я вижу Пушкинскую рукопись, когда читаю ее. Вера Федоровна объяснит Вам причину моего долгого молчания, и я надеюсь, Вы простите меня. Если у Вас еще есть экземпляр Вашей книги и Вы не сердитесь на меня, пожалуйста, пришлите его мне. Мне бы очень хотелось знать, почему Вы считаете «Зол<отого> Пет<ушка>» — непонятной сказкой. А. Ахматова[27].

Как указывает дочь С.М. Бонди, это письмо было передано лично через Румянцеву[28]. Вероятно, существовало еще одно письмо Ахматовой, отправленное, как можно предположить, после просмотра пушкинского альбома, в конце лета – начале осени 1932 г. (насколько нам известно, в это время Ахматова была еще здорова, и она была уверена, что доклад должен состояться в октябре). Оно содержало дополнительные вопросы, касающиеся процесса заполнения Пушкиным альбома и датировки «Сказки о золотом петушке», на которые сама Ахматова, единожды видевшая подлинник, ответить не могла. К тому времени ею уже было сделано еще одно открытие: она определила, что отрывок «Царь увидел пред собой…» является переводом из Ирвинга и напрямую связан с текстом сказки. Бонди послал Ахматовой развернутый ответ, который также не публиковался до настоящего времени[29]:

> 4/X <19>32
>
> Многоуважаемая Анна Андреевна!
>
> Надеюсь, что это письмо дойдет к Вам до Вашего доклада, и я успею ответить на Ваш вопрос. Если говорить коротко, то я должен был Вам ответить так: по-моему, черновик «Зол<отого> Петушка» написан осенью 1834 г., а набросок «Царь увидел пред

[27] *Валмосова-Бонди Н.* Диалог ученого и поэта // Литературная газета. 1989. № 43 (5265). 25 октября. С. 5.

[28] Там же. Одновременно Ахматова подписала Румянцевой книгу, см.: [1, с. 325].

[29] ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 747. Л. 5–8.

собой» — в 1833 г. (до осени). Но этого будет, я думаю, недостаточно и надо хоть до некоторой степени мотивировать эти положения; позвольте рассказать Вам об этом подробнее. Для того, чтобы Вам удобно было следить за этим, я хочу послать Вам свой макетик начала тетради 2374, который я сделал для своей работы (он мне пока не нужен, а к тому времени, когда он понадобится, я надеюсь, что Вы уже приедете в Москву)*). Этот макет изображает начало альбома в том виде, каким он был у Пушкина до того, как были вырваны первые листы. По красным жандармским цифрам можно судить о нынешнем виде «тетради 2374». (NB. Первые три листа в блокноте оставлены чистыми потому, что на них, как мне кажется, могли быть какие-нибудь «альбомные» записи еще до того, когда он попал к Пушкину — а у него он был уже без переплета и без этих листков (а также без листа, нумерованного у меня 5).

Первые записи Пушкина в этом альбоме, как я думаю, были 1) беловые 10 строф «Езерского» (текст в «тетради» 2375, кроме одного листка, который вовсе пропал) и 2) план «Капит<анской> Дочки» на л. «5» (жанд<армском>). Он датирован «31 янв. 1833 г.» — приблизительно к этому же времени, мне кажется, можно отнести и беловик «Езерского».

После этого времени (скорее всего в первые месяцы 1833 г.) заполнялись след<ующие> листы — продолжение «Езерского» (черновики): лл. 6–14. Попутно, в процессе этой работы Пушкин стал переводить «Одиссею» (л. 8), но бросил, оставив на всякий случай для продолжения пустыми две страницы 8_2 и 9_1. (Они заняты были позже — по-моему, в 1834 г.).

Тогда же (т. е. одновременно с «Езерским» и «Одиссеей») он (на л. 7_2) написал набросок «Царь увидел пред собой». Иначе (если считать, что этот текст написан только в 1834 г.) — не знаю, как объяснить, что при работе над «Езерским» эта страница оказалась пропущенной.

[NB. Если поверить А.М. Эфросу[30], что рисунок на этой странице изображает Нат<алию> Николаевну, которая тогда была бере-

[30] По всей видимости, Бонди излагает Ахматовой следующий пассаж, вошедший несколько позже в книгу их общего знакомого: «Это значит, что Пушкин, зарисовал милую ему деталь интимного облика Наталии Николаевны. Об этом говорят и события внутренней жизни Пушкиных: рисунок сделан в 1833 году — третьем году женитьбы, — который был связан с важными событиями в молодой семье: Наталия Николаевна была уже беременна вторым ребенком, “Сашкой”, ребенком, родившимся в июле того же года» [44, с. 447]. В первом издании [43] описание этого рисунка Пушкина отсутствует. Бонди описание было известно из рукописи Эфроса, который благодарил, среди прочих исследователей, Бонди «за разные указания при составлении каталога» [44, с. 179]. Второе издание книги было сдано в набор 1 октября 1932 г., подписано в печать — 29 апреля 1933 г.

менна, — то датировать этот рисунок (и текст) можно было бы — до 6 июля, когда у нее родился сын.]

К этому же периоду, наконец, относятся записи, идущие с другой стороны альбома (у меня нет макета этой части его): перевод из Вордсворта и стихи «В поле чистом серебрится».

После этого Пушкин писал в этой тетради 6 октября 1833 г. («Медный Всадник», начатый 6 октября, «Чу, пушки грянули…» — и, может быть, «Сват Иван» — с одной стороны тетради и «Анджело» с другой<)>.

Четвертый слой записей в альбоме — осень 1834 г.: «Французских рифмачей суровый судия» (если это не написано еще не в 1833 г.)[31], «Он между нами жил» («10 авг.»), «Везувий зев открыл» и «Зол<отой> Петушок» (о нем — см. немного дальше).

Последний слой — «Барклай де Толли» — 17 и 18 апреля 1835 года.

Когда написаны заметка «О русском дворянстве» и список прозаических сочинений на л. 8 («9» жанд<армский>) — я не знаю.

Черновик «Золотого Петушка» писался по крайней мере в четырех местах: начало его — первые 28 стихов — неизвестно где, далее, 6 стихов (от «Тот пришел к царю с поклоном…» до «Посади ты эту птицу — Говорит мудрец <на спицу>») — на обороте «обложки» альбома; следующие 30 стихов (от «Петушок мой золотой» до «Дал отпор со всех сторон») — на л. 15 — первой свободной в это время странице (теперь этот листок отсутствует — есть только обрывки текста на оставшейся у корешка полоске); все остальное написано на чистом месте в середине альбома, причем пропущено два листа после начала «Везувия» — очевидно, для продолжения этих стихов.

Как видите, Анна Андреевна, хотя положение в тетради не дает точной датировки черновика «Зол<отого> Петушка» — но лучше всего он укладывается в 1834 г., и именно в осень (после «Мицкевича», датированного самим Пушкиным 10-м августа 1834 г. Иначе (т. е. если его относить к 1833 году) — трудно было бы объяснить, почему, написав 30 стихов на л. 15, Пушкин не продолжал на следующих, тогда еще свободных листах, а перешел на середину тетради. В 1834 же году следующие за 15 страницей были заняты 1) продолжением «Французских рифмачей», 2) «Мицкевичем» и 3) «Медным всадником». Остается неясным только одно: почему оставлена пустой страница 16_1, и что было на об<ороте> л. 15. Но я думаю, что это не противоречит всему построению — и можно придумать этому

[31] Описка Бонди. Должно быть: «если это не написано еще в 1833 г.».

разные объяснения, — напр<имер>, что об. л. 15 был уже раньше занят каким-нибудь текстом и что, не желая написать и далее всего одну страницу 16, а затем снова искать свободного места — Пушкин просто пропустил ее и стал продолжать «Петушка» на чистом месте.

Наконец, то, что на Вашем Ленинградском беловике[32] указано не только число, но и час, — показывает, как будто, что здесь отмечен конец сочинения пьесы, а вряд ли только момент позднейшей (через год!) переписки ее.

Это все, кажется, сходится с Вашими соображениями? Только не знаю, согласуется ли с ними моя датировка наброска «Царь увидел пред собой» 1833-м годом (эту датировку, мне кажется, трудно опровергнуть).

До свидания, Анна Андреевна, извините, пожалуйста, за такое длинное и все-таки, кажется, вразумительное письмо. Я бы очень хотел, чтобы оно Вам хоть чем-нибудь пригодилось.

Вера Федоровна говорила, что Вы собираетесь скоро в Москву? Хотелось бы тогда повидаться с Вами и узнать о Вашем открытии. Желаю Вам всего хорошего.

С. Бонди.

* Извините, пожалуйста, за уродливые рисунки в этом макете.

Второе письмо Бонди пригодилось Ахматовой в той части статьи, где она доказывала, что Пушкин прибег «к маскировке политического смысла»[33], и приводила примеры «прозрачных намеков» в беловике и черновике[34], а также в уточнении творческой истории сказки. В одной из сносок Ахматова указала, переформулировав слова из письма Бонди: «Нахождение этих строк на обложке тетради само по себе говорит за то, что вещь создавалась с перерывами»[35]. 10 марта 1933 г. Ахматова подписала Бонди оттиск статьи: «Сергею Михайловичу Бонди в знак глубокой благодарности. Ахматова»[36].

Кроме чернового автографа пушкинской «Сказки» Ахматова ознакомилась и с беловым автографом — отдельным альбомом на восьми листах, который хранился в то время в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде. Не сохранилось ни запросов Ахматовой с просьбой разрешить ей работать в Рукописном отде-

[32] Т. е. рукописи Пушкина, хранившейся тогда в Публичной библиотеке в Ленинграде.

[33] *Ахматова А.* Последняя сказка Пушкина. С. 169.

[34] Там же. С. 170.

[35] Там же. С. 176.

[36] *Валмосова-Бонди Н.* Диалог ученого и поэта. С. 5.

лении, ни записей о выдаче рукописей ей в читальный зал[37]. Вполне вероятно, это связано не столько с ее незнанием порядка работы ГПБ, сколько со страхом оставлять свои автографы [38, с. 252]. Приведем все записи из журналов выдачи рукописей в читальный зал за 1930-е гг., относящиеся к этому альбому Пушкина (в первой графе указан день выдачи, в третьей — день сдачи; во второй графе расписывался человек, которому выдавалась рукопись):

	1932	
3 марта.	М. Никитин.	21 марта.
26 мая.	Модзалевский.	26 мая.
23 декабря.	А. Римский-Корсаков.	29 декабря.
	1933	
6 июля.	Слонимский.	6 июля.
	1934	
18 февраля.	Азадовский.	17 апреля.
22 октября.	Гестеско. (Б<юро> О<бслуживания>).	5 ноября.
	1935	
21 сентября.	Томашевский.	21 сентября.
	1936	
8 декабря.	На Всесоюзную Пушкинскую выставку в Москве. (Графа даты сдачи оставлена пустой. — *Я.С.*)	

Очевидно, что Л.Б. Модзалевский и Б.В. Томашевский, бравшие рукопись всего на один день, заказывали ее для составления описания рукописей Пушкина. А.Л. Слонимский и М.К. Азадовский занимались «Сказкой» параллельно с Ахматовой, но рукописью заинтересовались лишь после опубликования ее статьи. Е.М. Гестеско, работавшая в Бюро обслуживания ГПБ фотографом, исполняла заказ, вероятно, для Академии наук[38]. Предположим, что записанная на филолога и специалиста по лубочному искусству М.М. Никитина, а также на сотрудника Рукописного отделения А.Н. Римского-Корсакова, рукопись на самом деле выдавалась Ахматовой. Никитин был близким другом Харджиева, через которого он познакомился в 1930 г. с Ахматовой. Он переехал из Москвы в Ленинград в сле-

[37] Журналы выдачи материалов в читальный зал Рукописного отделения ГПБ в настоящее время проходят научно-техническую обработку. За возможность ознакомиться с ними благодарим Л.Н. Сухорукова.

[38] О Гестеско см. биографическую справку: URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=572 (дата обращения: 30.09.2024).

дующем году, и спустя некоторое время Ахматова попросила его о помощи с доступом к рукописи. Надо полагать, это произошло в январе 1932 г. — 24 января Никитин писал своему товарищу в Москву: «Анна Андреевна Ахматова (она мне рассказала о своей работе над Пушкиным), несомненно создает <…> новый способ оценивать ту же вещь <…> Ее работа над “Золотым петушком” — это проблема политической сатиры у Пушкина»[39].

Либо от самой Ахматовой во время ее приезда в Москву в июне – июле 1932 г., либо от Бонди или Георгиевского об исследовании Ахматовой узнали Цявловские. Следствием этого стало приглашение Ахматовой (еще до опубликования статьи и выступления с докладом) к участию в фототипическом издании пушкинской тетради. Идея привлечь Ахматову принадлежала Т.Г. Цявловской, которая 9 ноября 1932 г. предложила это Якубовичу: «Бонди, вероятно, пойдет теперь на работу по “Медн<ому> всадн<ику>” в т<етради №> 2374. Он очень сросся с этой поэмой. А Ахматовой вероятно можно будет поручить “Золотого Петушка”?» [38, с. 251]. Результатом этого приглашения стала следующая работа Ахматовой, напрямую связанная с ее статьей, — в фототипическом издании пушкинского альбома (тетрадь № 2374) ей был поручен комментарий к «Сказке о золотом петушке» и отрывку «Царь увидел пред собою…», который, как показала Ахматова в своей статье, являлся переводом из Ирвинга[40] (комментарий Ахматовой см.: [2]).

В связи с материалами, которыми пользовалась Ахматова для написания статьи, укажем также, что продававшийся на аукционе «Литфонд» 8 сентября 2022 г. альбом[41], в котором Ахматова якобы начинала работу над статьей, является подделкой[42]. Фраза, помещенная на первом листе — «В бывш. Пушкинском доме» — взята фальсификаторами из публикации письма Ахматовой к Харджиеву [6, с. 201]. «Бывшим» Пушкинский дом назван потому, что Институт русской литературы в 1929 г. временно лишился этого имени: «В первые годы после завершения “академического дела” и в официальных документах, и в различных изданиях неизбежное уточнение “б<ывший> Пушкинский Дом” сопровождало упоминание

[39] *Харджиев Н.И.* Памяти Михаила Матвеевича Никитина // Советское искусствознание. 1986. Вып. 20. С. 421. Купюры принадлежат публикатору.

[40] Примечательно, что этот отрывок печатался в разделе «Неоконченное и неотделанное» или «Отрывки и наброски» не только до опубликования статьи Ахматовой [31, т. 2. с. 195], но иногда и после [30, т. 2, с. 116].

[41] См.: URL: https://www.litfund.ru/auction/423/276/ (дата обращения: 12.01.2024).

[42] С. н. с. ОР РНБ Н.И. Крайнева подтвердила нам, что проданный под видом подлинной рукописи лот — фальсификат.

Института русской литературы АН СССР» [20, с. 10]. Такими же фальсификатами (и, вероятно, изготовленными тем же «автором») являются записка к Томашевскому и номер «Звезды» с инскриптом А.В. Луначарскому[43]. Если бы Ахматова и решила подарить ему выпуск журнала со своей статьей, она, вероятнее всего, передала бы его через Якубовича — бывшего аспиранта Луначарского и более близкого в то время к ней пушкиниста, — а не через Томашевского.

Обнаружив литературный источник сказки Пушкина и задумав в начале 1930-х гг. статью об этом, Ахматова не сразу смогла «преодолеть молчание», связанное с тем, что она не владела научным стилем изложения. Благодаря дружескому участию Н.И. Харджиева (возможно, привлеченного через Шкловского) в формулировании отдельных положений статьи; Г.П. Георгиевского, предоставившего Ахматовой доступ к тетради Пушкина; М.М. Никитина, помогшего ей получить доступ к беловому автографу «Сказки» Пушкина; С.М. Бонди, который дал ей справки об этих рукописях и датировках отдельных записей; Д.П. Якубовича, пригласившего Ахматову к сотрудничеству с Пушкинской комиссией АН СССР, она смогла войти в круг академических исследователей творчества и биографии Пушкина[44].

ПРИЛОЖЕНИЕ[45]

ПРОТОКОЛ
Заседания Пушкинской Комиссии от 15-го февраля 1933 г.

Присутствовали: Ф.Ф. Канаев, Д.П. Якубович, Ю.Г. Оксман, Б.В. Томашевский, Ю.Н. Тынянов, Н.К. Пиксанов, Л.Б. Модзалевский, Н.К. Козмин, В.А. Десницкий, Б.В. Казанский, В.В. Гиппиус, М.К. Клеман, П.Н. Берков, Г.А. Гуковский, С.А. Рейсер, Л.Я. Гинзбург, Б. Бухштаб, Б.П. Городецкий, О.В. Цехновицер, Вл. Орлов, И.Г. Ямпольский, Цейтлин, И. Троцкий, С.Д. Балухатый, М. Аронсон, Т.К. Ухмылова, Т.И. Немчинова, А.М. Спиридонова, Л.Я. Гринберг, Мещерякова, Черняк, Д.С. Нестеров, А.Л. Дымшиц и др.

[43] См.: URL: https://www.litfund.ru/auction/360/270/ (дата обращения: 12.01.2024).

[44] В связи с «помощниками» Ахматовой в пушкиноведении примечательна оценка Харджиева: «Хорошие пушкинисты: Томашевский, Бонди. Отвратительные все Цявловские» (Харджиев. Разговоры. С. 139).

[45] СПб АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). Д. 16. Л. 97–98. Нами исправлены очевидные опечатки, знак апострофа заменен на «ъ»; орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами; подчеркивания в оригинале сохранены.

Заслушали доклад А.А. Ахматовой — Об источнике «Сказки о золотом петушке».

Д.П. Якубович указывает, что доклад был поставлен в плане работ Пушкинской Комиссии над факсимильным изданием Пушкинской тетради № 2374, значительная часть которой занята исследуемой сказкой. До сих пор эта сказка представляла одну из загадок пушкинского творчества как в смысле источниковедения, так и в смысле неясной датировки и социальной значимости. Вдумчивая и тщательная работа Ахматовой распутывает эти загадки и объясняет впервые отрывок «Царь увидел пред собою». Неясно, однако, почему Пушкин выпустил этот отрывок из основного корпуса сказки. Датировка начала Сказки 1833 годом представляется убедительной. Отныне сказка попадает в русло других западных источников пушкинских сказок. Социальный ее смысл может быть еще уточнен привлечением ряда других материалов.

Ю.Г. Оксман находит, что приходится полностью принять все части доклада, включая и ценную социальную интерпретацию. Спрашивает, не следовало ли привлечь к исследованию новый план сказки, найденный в Ульяновске.

А.А. Ахматова указывает, что новая рукопись ей знакома — это не план сказки, а план «Бовы».

Г.А. Гуковский — доклад совершенно убедителен. Можно возражать лишь по поводу формы изложения: чрезвычайно сжатой, конспективной. Желательно было бы увидеть доклад в развернутом виде.

Б.В. Томашевский спрашивает, чем руководствовался докладчик, привлекая французский перевод, а не оригинал источника.

А.А. Ахматова — Тем обстоятельством, что книга Ирвинга во французском переводе была в библиотеке у Пушкина.

Ф.Ф. Канаев, закрывая прения, присоединился к пожеланию видеть доклад и, в частности его политическую часть, в развернутом виде. Считает, что рядом с подчеркнутым в прениях введением сказки в западное русло, следует также поставить вопрос в свете высказываний Маркса и Энгельса об единой мировой литературе.

Уч. Секретарь Пушкинской Комиссии: Д. Якубович

Литература

1. *Алексеев М.П.* К «Истории села Горюхина» // Пушкин. Одесса: Одесполиграф, 1926. Вып. 2. С. 70–87.

2. *Ахматова А.* «Сказка о золотом петушке» и «Царь увидел пред собой…» // Рукописи А.С. Пушкина: Фототипическое издание. Альбом 1833–1835 г. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Комментарий. М.: Гослитиздат, 1939. С. 23–26.

3. *Ахматова А.* Победа над Судьбой. [Соч.: в 2 т.] / сост., подгот. текстов, предисл., примеч. Н. Крайневой. М.: Русский путь, 2005.

4. *Ахматова А.* Последняя сказка Пушкина // Звезда. 1933. № 1. С. 161–176.

5. *Ахматова А.* Соч.: в 2 т. / под общ. ред. Н.Н. Скатова; сост. и подгот. текста М.М. Кралина. М.: Правда, 1990.

6. *Бабаев Э.Г.* А.А. Ахматова в письмах к Н.И. Харджиеву (1930–1960-е гг.) // «Тайны ремесла»: Ахматовские чтения / ред.-сост. Н.В. Королева, С.А. Коваленко. М.: Наследие, 1992. Вып. II. С. 198–228.

7. *Бонди С.* Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М.: Мир, 1931. 208 с.

8. *Валмосова-Бонди Н.* Диалог ученого и поэта // Литературная газета. 1989. № 43 (5265). 25 октября. С. 5.

9. *Виленкин В.Я.* В сто первом зеркале. М.: Сов. писатель, 1987. 318 с.

10. Вновь открытые автографы А.С. Пушкина / описание рукописей Г.П. Георгиевского; транскрипция и коммент. М.А. Цявловского // Труды публичной библиотеки имени Ленина. [М.]: Academia, 1934. Вып. III. С. 11–43.

11. *Вольпе Ц.* Заметки о современных писателях (М.М. Зощенко. Н.С. Тихонов) // Звезда. 1933. № 1. С. 177–194.

12. *Георгиевский Г.* Пушкинский «Альбом 1833–1835 годов» // Рукописи А.С. Пушкина: Фототипическое издание. Альбом 1833–1835 г. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Комментарий. М.: Гослитиздат, 1939. С. 7–13.

13. *Герштейн Э.Г.* Ахматова–пушкинистка // *Ахматова А.А.* О Пушкине: Статьи и заметки / сост., послесл. и примеч. Э.Г. Герштейн. М.: Книга, 1989. С. 316–362.

14. *Герштейн Э.Г.* Примечания // *Ахматова А.А.* О Пушкине: Статьи и заметки / сост., послесл. и примеч. Э.Г. Герштейн. М.: Книга, 1989. С. 260–315.

15. *Герштейн Э.Г.* Тридцатые годы // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных; коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991. С. 248–257.

16. *Глекин Г.В.* Что мне дано было… Об Анне Ахматовой / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Н.Г. Гончаровой. М.: ИЦ Азбуковник, 2015. 299 с.

17. *Гончарова Н.Г.* Проза Анны Ахматовой: путь к мистерии. М.: Водолей, 2023. 628 с.

18. *Готхарт Н.* Двенадцать встреч с Ахматовой // Время и мы. 1989. [Вып.] 106. С. 229–283.

19. *Горнунг Л.В.* Записки об Анне Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных; коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991. С. 179–218.

20. *Краснобородько Т.И., Турчаненко В.В.* Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930–1940-е годы): по архивным источникам // Русская литература. 2023. № 3. С. 5–29. DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-5-29

21. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966 / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Черных. 3-е изд., испр. и доп. М.: ИЦ Азбуковник, 2016. 943 с.

22. *Лукницкий П.* Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой: [в 2 т.]. Париж; М.: YMCA-Press; Русский путь, 1991, 1997.

23. *Лукницкий П.Н.* Дневник 1928 года. Acumiana. 1928–1929 / публ. и коммент. Т.М. Двинятиной // Лица: Биографический альманах / ред. и сост. М.М. Павлова и А.В. Лавров. СПб.: Феникс, 2002. Вып. 9. С. 341–495.

24. *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания / подгот. текста Ю.Л. Фрейдина, послесл. Н.В. Панченко, автор примеч. и сост. раздела «Стихотворения О. Мандельштама» А.А. Морозов. М.: Книга, 1989. 479 с.

25. *Мануйлов В.А.* Подарок судьбы // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных; коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991. С. 226–227.

26. Неопубликованная рецензия Д.П. Якубовича на сборник А.А. Ахматовой «Четки» / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Я.В. Слепкова и В.В. Турчаненко // Русская литература. 2024. № 3. С. 115–128.

27. *Оксман Ю.Г.* Из дневника, которого я не веду // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных; коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991. С. 640–647.

28. *Позднякова Т.С., Пакшина Н.П.* Библиотека Анны Ахматовой // Библиофилы России. Альманах. М.: Любимая Россия, 2004. Т. 1. С. 47–119.

29. *Пушкин А.* Соч. / ред., биогр. очерк и примеч. Б. Томашевского, вступ. ст. В. Десницкого. Л.: ГИХЛ, 1936. 975 с.

30. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 6 т. / под ред. Ю.Г. Оксмана и М.А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936.

31. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 6 т. / под общ. ред. Д. Бедного, А.В. Луначарского, П.Н. Сакулина, В.И. Соловьева, П.Е. Щеголева; вступ. ст. А.В. Луначарского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930.

32. *Рабиянц А.Г.* Анна Ахматова и пушкинисты // Пушкинский музеум. Альманах. СПб.: Дорн, 2000. Вып. 2. С. 195–197.

33. *Румянцева В.Ф.* Из письма к М.Н. Иконниковой // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных; коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991. С. 345–347.

34. *Темненко Г.М.* Критическая статья Ахматовой: обмен мистификациями или скрытая полемика? // Крымский Ахматовский научн. сб. Симферополь: Крымский Архив, 2006. Вып. 4. С. 17–37.

35. *Тименчик Р.* Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография / отв. ред. В.Н. Баскаков. Л.: Наука, 1982. С. 106–118.

36. *Тименчик Р.* Виктор Шкловский, филолог: из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти А.Ю. Галушкина / отв. ред. В.В. Полонский; сост. М.П. Одесский, М.Л. Спивак. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 271–284.

37. *Тименчик Р.* Из переписки Анны Ахматовой // Themes and Variations. In Honor of Lazar Fleishman / ed. by K. Polivanov et al. Stanford: Stanford University, 1994. P. 453–462. (Stanford Slavic Studies. Vol. 8)

38. *Турчаненко В.* Анна Ахматова и Дмитрий Якубович: штрихи к портретам пушкинистов // «Одна великолепная цитата…»: сб. ст. и материалов к 70-летию Наталии Ивановны Крайневой / сост. и ред. Я.В. Слепков. М.: Азбуковник, 2023. С. 245–258.

39. *Турчаненко В.В.* Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг.: (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2020. Вып. 34. С. 144–180.

40. Харджиев. Разговоры / публ. и примеч. И. Галеева // Знамя. 2023. № 12. С. 120–155.

41. *Харджиев Н.И.* Памяти Михаила Матвеевича Никитина // Советское искусствознание. 1986. Вып. 20. С. 420–422.

42. *Чуковский К.* Из воспоминаний // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных; коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991. С. 48–64.

43. *Эфрос А.* Рисунки поэта. М.: Федерация, 1930. 365 с.

44. *Эфрос А.* Рисунки поэта. 2-е изд. М.: Academia, 1933. 468 с.

45. *Fiske J.C.* The Soviet Controversy over Pushkin and Washington Irving // Comparative literature. 1955. Vol. 7, no. 1. P. 25–31.

Research Article and Publication of Archival Documents

Akhmatova's Article "Pushkin's Last Fairy Tale": The History of Creation

© 2025. Iakov V. Slepkov
National Library of Russia,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is devoted to the history of the creation of the first Pushkin-related article by Anna Akhmatova, published in the journal *Zvezda* in 1933. The article examines the reasons that prompted Akhmatova to professionally study the problems of Pushkin's work, including, among others, her forced poetic silence. The stages of Akhmatova's study of Pushkin's "The Tale of the Golden Cockerel" are described in detail, and it is also mentioned who helped her in writing the study: namely, Grigory Georgievsky and Sergey Bondi advised Akhmatova on Pushkin's manuscripts stored in Moscow, Mikhail Nikitin helped to get acquainted with the Pushkin's protein manuscript in Leningrad, Nikolay Khardzhiev helped her to master the scientific style of writing, and Dmitry Yakubovich and Tatyana Tsyavlovskaya got her involved in the projects of the Pushkin Committee of the Academy of Sciences of the Soviet Union. The article also considers the issue of Akhmatova's familiarization with the Pushkin's original manuscripts. For the first

time, we present Sergey Bondi's letters to Akhmatova for 1931–1932, preserved in her personal archive at the Manuscripts department of National Library of Russia, in which he talks about Pushkin's manuscripts and outlines the history of filling Pushkin's notebook No. 2374. The appendix contains the Protocol of the session of the Pushkin Committee dated February 15, 1933, when Akhmatova first spoke to academic scientists, presenting them the results of her research.

Keywords: Anna Akhmatova's "Pushkin Studies," history of creation and reception, A.S. Pushkin, academic Pushkin studies, Pushkin Committee of the Academy of Sciences of the Soviet Union.

Information about the author: Iakov V. Slepkov, Archaeographer, Manuscripts Department, National Library of Russia, Sadovaya St., 18, 191069 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-6742-1673

E-mail: iakovslepkov@gmail.com

For citation: Slepkov, I.V. "Akhmatova's Article 'Pushkin's Last Fairy Tale': The History of Creation." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 357–386. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-357-386

References

1. Alekseev, M.P. "K 'Istorii sela Goriukhina'." ["Towards 'The History of Goryukhino Village'."] *Pushkin* [*Pushkin*], issue 2. Odessa, Odespoligraf Publ., 1926, pp. 70–87. (In Russ.)

2. Akhmatova, A. "'Skazka o zolotom petushke' i 'Tsar' uvidel pred soboi…'." ["'The Tale of the Golden Cockerel' and 'The King Saw Before Him'."] *Rukopisi A.S. Pushkina: Fototipicheskoe izdanie. Al'bom 1833–1835 g. Tetrad' No. 2374 Publichnoi biblioteki SSSR im. V.I. Lenina. Kommentarii* [*Alexander Pushkin's Manuscripts: A Phototypic Edition. The Album of 1833–1835. Notebook No. 2374 of the USSR Public Library Named After Vladimir Lenin. Commentary*]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1939, pp. 23–26. (In Russ.)

3. Akhmatova, A. *Pobeda nad Sud'boi. Sochineniia*: *v 2 t.* [*Victory over Fate. Works: in 2 vols.*], comp., text prep., foreword and notes by N. Kraineva. Moscow, Russkii put' Publ., 2005. (In Russ.)

4. Akhmatova, A. "Posledniaia skazka Pushkina" ["Pushkin's Last Fairy Tale"]. *Zvezda*, no. 1, 1933, pp. 161–176. (In Russ.)

5. Akhmatova, A. *Sochineniia: v 2 t.* [*Works: in 2 vols.*], ed. by N.N. Skatov, comp. and text prep. by M.M. Kralin. Moscow, Pravda Publ., 1990. (In Russ.)

6. Babaev, E.G. "A.A. Akhmatova v pis'makh k N.I. Khardzhievu (1930–1960-e gg.)" ["Anna Akhmatova in Letters to Nikolai Khardzhiev (1930s–1960s)"]. Koroleva, N.V., and S.A. Kovalenko, editors. *"Tainy remesla": Akhmatovskie chteniia* [*"Secrets of the Profession". Akhmatova Readings*], vol. 2. Moscow, Nasledie Publ., 1992, pp. 198–228. (In Russ.)

7. Bondi, S. *Novye stranitsy Pushkina: Stikhi, proza, pis'ma* [*New Pages of Pushkin: Poems, Prose, Letters*]. Moscow, Mir Publ., 1931. 208 p. (In Russ.)

8. Valmosova-Bondi, N. "Dialog uchenogo i poeta" ["The Dialogue Between the Scientist and the Poet"]. *Literaturnaia gazeta*, no. 43 (5265), 25 October, 1989, pp. 5. (In Russ.)

9. Vilenkin, V.Ia. *V sto pervom zerkale* [*In the One Hundred and First Mirror*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 318 p. (In Russ.)

10. “Vnov’ otkrytye avtografy A.S. Pushkina” [“Newly Discovered Pushkin’s Autographs”], description of the manuscripts by G.P. Georgievskii, transcription and comm. by M.A. Tsiavlovskii. *Trudy publichnoi biblioteki imeni Lenina* [*Works of the Lenin Public Library*], issue 3. Moscow, Academia Publ., 1934, pp. 11–43. (In Russ.)

11. Vol’pe, Ts. “Zametki o sovremennykh pisateliakh (M.M. Zoshchenko. N.S. Tikhonov)” [“Notes on Contemporary Writers (Mikhail Zoshchenko, Nikolai Tikhonov)”]. *Zvezda*, no. 1, 1933, pp. 177–194. (In Russ.)

12. Georgievskii, G. “Pushkinskii ‘Al’bom 1833–1835 godov’.” [“Pushkin’s ‘Album of 1833–1835’.”] *Rukopisi A.S. Pushkina: Fototipicheskoe izdanie. Al’bom 1833–1835 g. Tetrad’ No. 2374 Publichnoi biblioteki SSSR im. V.I. Lenina. Kommentarii* [*Alexander Pushkin’s Manuscripts: A Phototypic Edition. The Album of 1833–1835. Notebook No. 2374 of the USSR Public Library Named After Vladimir Lenin. Commentary*]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1939, pp. 7–13. (In Russ.)

13. Gershtein, E.G. “Akhmatova-pushkinistka” [“Akhmatova as a Pushkin Scholar”]. Akhmatova, A.A. *O Pushkine: Stat’i i zametki* [*About Pushkin: Articles and Notes*], comp., afterword and notes by E.G. Gershtein. Moscow, Kniga Publ., 1989, pp. 316–362. (In Russ.)

14. Gershtein, E.G. Primechaniia [Notes]. Akhmatova A.A. O Pushkine: Stat’i i zametki [*About Pushkin: Articles and notes*], comp., afterword and notes by E.G. Gershtein. Moscow, Kniga Publ., 1989, pp. 260–315. (In Russ.)

15. Gershtein, E.G. “Tridtsatye gody” [“The Thirties”]. *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi* [*Memories About Anna Akhmatova*], comp. V.Ia. Vilenkin and V.A. Chernykh, comm. by A.V. Kurt and K.M. Polivanov. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1991, pp. 248–257. (In Russ.)

16. Glekin, G.V. *Chto mne dano bylo… Ob Anne Akhmatovoi* [*What Was Given to Me... About Anna Akhmatova*], comp., text prep., introd. article and comm. by N.G. Goncharova. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015. 299 p. (In Russ.)

17. Goncharova, N.G. *Proza Anny Akhmatovoi: put’ k misterii* [*Anna Akhmatova’s Prose: The Path to Mystery*]. Moscow, Vodolei Publ., 2023. 628 p. (In Russ.)

18. Gotkhart, N. “Dvenadtsat’ vstrech s Akhmatovoi” [“Twelve Meetings with Akhmatova”]. *Vremia i my*, issue 106, 1989, pp. 229–283. (In Russ.)

19. Gornung, L.V. “Zapiski ob Anne Akhmatovoi” [“Notes About Anna Akhmatova”]. *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi* [*Memories About Anna Akhmatova*], comp. V.Ia. Vilenkin and V.A. Chernykh, comm. by A.V. Kurt and K.M. Polivanov. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1991, pp. 179–218. (In Russ.)

20. Krasnoborod’ko, T.I., and V.V. Turchanenko. “Pushkinskii Dom i protsess kontsentratsii v SSSR rukopisei Pushkina (1930–1940-e gody): po arkhivnym istochnikam” [“The Pushkin House and the Process of Concentration of Pushkin’s Manuscripts in the USSR (1930s–1940s): Based on Archival Sources”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2023, pp. 5–29. DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-5-29 (In Russ.)

21. *Letopis’ zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. 1889–1966* [*The Chronicle of the Life and Work of Anna Akhmatova. 1989–1966*], comp., text prep., introd. article and comm. by V.A. Chernykh. 3rd ed., rev. and enl. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 943 p. (In Russ.)

22. Luknitskii, P. *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi: v 2 t.* [*Acumiana: Meetings with Anna Akhmatova: in 2 vols.*]. Paris, Moscow, YMCA-Press Publ., Russkii put’ Publ., 1991, 1997. (In Russ.)

23. Luknitskii, P.N. “Dnevnik 1928 goda. Acumiana. 1928–1929” [“Diary of 1928. Acumiana. 1928–1929”], publ. and comm. T.M. Dviniatina. *Litsa: Biograficheskii al’manakh*

[*Persons: The Biographical Almanac*], vol. 9, ed. and comp. M.M. Pavlova and A.V. Lavrov. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 341–495. (In Russ.)

24. Mandel'shtam, N.Ia. *Vospominaniia* [*Memories*], text prep. by Iu.L. Freidin, afterword by N.V. Panchenko, author of notes and compiler of the section "Poems by O. Mandelstam" A.A. Morozov. Moscow, Kniga Publ., 1989. 479 p. (In Russ.)

25. Manuilov, V.A. "Podarok sud'by" ["A Gift of Fate"]. *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi* [*Memories About Anna Akhmatova*], comp. V.Ia. Vilenkin and V.A. Chernykh, comm. by A.V. Kurt and K.M. Polivanov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991, pp. 226–227. (In Russ.)

26. "Neopublikovannaia retsenziia D.P. Iakubovicha na sbornik A.A. Akhmatovoi 'Chetki'." ["Dmitry Iakubovich's Unpublished Review of Akhmatova's Book 'The Rosary'."], introd. article, text prep. and comm. by Ia.V. Slepkov and V.V. Turchanenko. *Russkaia literatura*, no. 3, 2024, pp. 115–128. (In Russ.)

27. Oksman, Iu.G. "Iz dnevnika, kotorogo ia ne vedu" ["From a Diary I Don't Keep"]. *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi* [*Memories About Anna Akhmatova*], comp. V.Ia. Vilenkin and V.A. Chernykh, comm. by A.V. Kurt and K.M. Polivanov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991, pp. 640–647. (In Russ.)

28. Pozdniakova, T.S., and N.P. Pakshina. "Biblioteka Anny Akhmatovoi" ["Anna Akhmatova's Library"]. *Bibliofily Rossii. Al'manakh* [*Bibliophiles of Russia: The Almanac*], vol. 1. Moscow, Liubimaia Rossiia Publ., 2004, pp. 47–119. (In Russ.)

29. Pushkin, A. *Sochineniia* [*Works*], ed., biographical essay and notes by B. Tomashevskii, introd. article by V. Desnitskii. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Khudozhestvennaia literatura Publ., 1936. 975 p. (In Russ.)

30. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 t.* [*Complete Works: in 6 vols.*], ed. by Iu.G. Oksman and M.A. Tsiavlovskii. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1936. (In Russ.)

31. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 t.* [*The Complete Works: in 6 vols.*], ed. by D. Bednyi, A.V. Lunacharskii, P.N. Sakulin, V.I. Solov'ev, and P.E. Shchegolev, introd. article by A.V. Lunacharskii. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1930. (In Russ.)

32. Rabiiants, A.G. "Anna Akhmatova i pushkinisty" ["Anna Akhmatova and the Pushkin Scholars"]. *Pushkinskii muzeum. Al'manakh* [*Pushkin Museum. The Almanac*], issue 2. St. Petersburg, Dorn Publ., 2000, pp. 195–197. (In Russ.)

33. Rumiantseva, V.F. "Iz pis'ma k M.N. Ikonnikovoi" ["From a Letter to Maretta Ikonnikova"]. *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi* [*Memories About Anna Akhmatova*], comp. V.Ia. Vilenkin and V.A. Chernykh, comm. by A.V. Kurt and K.M. Polivanov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991, pp. 345–347. (In Russ.)

34. Temnenko, G.M. "Kriticheskaia stat'ia Akhmatovoi: obmen mistifikatsiiami ili skrytaia polemika?" ["Akhmatova's Critical Article: Hoax Exchange or Hidden Controversy?"]. *Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik* [*The Crimean Akhmatova Scientific Collection*], issue 4. Simferopol', Krymskii Arkhiv Publ., 2006, pp. 17–37. (In Russ.)

35. Timenchik, R. "Anna Akhmatova i Pushkinskii Dom" ["Anna Akhmatova and the Pushkin House"]. Baskakov, V.N., editor. *Pushkinskii Dom: Stat'i. Dokumenty. Bibliografiia* [*The Pushkin House: Articles. Documents. Bibliography*]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 106–118. (In Russ.)

36. Timenchik, R. "Viktor Shklovskii, filolog: iz Imennogo ukazatelia k 'Zapisnym knizhkam' Akhmatovoi" ["Viktor Shklovskii, Philologist: From the Nominal Index to Akhmatova's Notebooks"]. Polonskii, V.V., editor. *Literaturnaia zhizn'. Stat'i. Publikatsii.*

Memuary. Pamiati A.Iu. Galushkina [*Literary Life. Articles. Publications. Memoirs. In Memory of Alexander Galushkin*], comp. M.P. Odesskii, M.L. Spivak. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 271–284. (In Russ.)

37. Timenchik, R. "Iz perepiski Anny Akhmatovoi" ["From the Correspondence of Anna Akhmatova"]. Polivanov, K., et al., editors. *Themes and Variations. In Honor of Lazar Fleishman*. Stanford, Stanford University, 1994, pp. 453–462. (Stanford Slavic Studies, vol. 8) (In Russ.)

38. Turchanenko, V. "Anna Akhmatova i Dmitrii Iakubovich: shtrikhi k portretam pushkinistov" ["Anna Akhmatova and Dmitry Iakubovich: Touches to Portraits of Pushkin Scholars"]. *"Odna velikolepnaia tsitata…": sbornik statei i materialov k 70-letiiu Natalii Ivanovny Krainevoi* [*"One Great Quote…": Collection of Articles and Materials for the 70th Anniversary of Natalia Kraineva*], comp. and ed. Ia.V. Slepkov. Moscow, Azbukovnik Publ., 2023, pp. 245–258. (In Russ.)

39. Turchanenko, V.V. "Nauchnye zasedaniia, organizatsionnye sobraniia i soveshchaniia Pushkinskoi komissii Akademii nauk SSSR v Leningrade v 1931–1936 gg.: (po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN)" ["Scientific and Organizational Meetings and Conversations of the Pushkin Committee of the USSR Academy of Sciences in Leningrad in 1931–1936: (Based on the Materials of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences)"]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [*Almanac of the Pushkin Committee*], issue 34. St. Petersburg, Rostok Publ., 2020, pp. 144–180. (In Russ.)

40. "Khardzhiev. Razgovory" ["Khardzhiev. Conversations"], publ. and notes by I. Galeev. *Znamia*, no. 12, 2023, pp. 120–155. (In Russ.)

41. Khardzhiev, N.I. "Pamiati Mikhaila Matveevicha Nikitina" ["In Memory of Mikhail Matveevich Nikitin"]. *Sovetskoe iskusstvoznanie*, issue 20, 1986, pp. 420–422. (In Russ.)

42. Chukovskii, K. "Iz vospominanii" ["From the Memoirs"]. *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi* [*Memories About Anna Akhmatova*], comp. V.Ia. Vilenkin and V.A. Chernykh, comm. by A.V. Kurt and K.M. Polivanov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991, pp. 48–64. (In Russ.)

43. Efros, A. *Risunki poeta* [*The Poet's Drawings*]. Moscow, Federatsiia Publ., 1930. 365 p. (In Russ.)

44. Efros, A. *Risunki poeta* [*The Poet's Drawings*]. 2nd ed. Moscow, Academia Publ., 1933. 468 p. (In Russ.)

45. Fiske, John C. "The Soviet Controversy over Pushkin and Washington Irving." *Comparative literature*, vol. 7, no. 1, 1955, pp. 25–31. (In English)

Статья поступила в редакцию: 30.09.2024
Одобрена после рецензирования: 23.12.2024
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 30.09.2024
Approved after reviewing: 23.12.2024
Date of publication: 25.03.2025

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1; 82.09
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-387-417
https://elibrary.ru/BECZFA

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Анна Ахматова и Пушкинская комиссия Академии наук СССР

© 2025, А.Ю. Балакин, В.В. Турчаненко
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено в ИРЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01206 (https://rscf.ru/project/24-28-01206/).

Выражаем глубокую признательность Н.И. Крайневой и Я.В. Слепкову за подробные консультации в процессе работы с фондом А.А. Ахматовой. Благодарим Т.И. Краснобородько, К.А. Чудакову и Д.С. Красильникову за помощь в архивном поиске, Р.Д. Тименчика — за ценные библиографические указания.

Аннотация: Причисление Анны Ахматовой к цеху пушкинистов имеет своим основанием не только ее глубокие и абсолютно профессиональные статьи о Пушкине, но и ее непосредственную прикосновенность к институциональной работе отечественных ученых-пушкинистов. Предлагаемая статья проблематизирует взаимоотношения Ахматовой с представителями академического пушкиноведения в 1930–1960-е гг. На архивном материале (в том числе с привлечением документов из личного фонда А.А. Ахматовой в ОР РНБ) авторы реконструируют историю одной из ключевых отечественных гуманитарных академических институций — Пушкинской комиссии АН СССР в 1940–1950-е гг., параллельно заполняя «белые пятна» в биографии Ахматовой. Особое внимание уделяется выявлению свидетельств ее личных контактов с Д.П. Якубовичем, Ю.Г. Оксманом, В.В. Виноградовым. Впервые публикуются персональные составы Пушкинской комиссии (1945 и 1958 гг.), письмо Т.Г. Цявловской к Ахматовой от марта 1934 г., посвященное работе над томом «Рукою Пушкина», и другие материалы к биографии Анны Ахматовой; приводятся исчерпывающие сведения о материалах Пушкинской комиссии и сектора (группы) пушкиноведения, отложившихся в личном архивном фонде Ахматовой. Статья завершается атрибуцией группового фотопортрета.

Ключевые слова: «Пушкинские штудии» Анны Ахматовой, А.С. Пушкин, академическое пушкиноведение, В.В. Виноградов, Ю.Г. Оксман, Б.В. Томашевский, Д.П. Якубович.

Информация об авторах:

Алексей Юрьевич Балакин — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7194-5461
E-mail: balakin@inbox.ru
Владимир Владимирович Турчаненко — младший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0573-4583
E-mail: vladimir.turchanenko@mail.ru
Для цитирования: *Балакин А.Ю., Турчаненко В.В.* Анна Ахматова и Пушкинская комиссия Академии наук СССР // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 387–417. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-387-417

I

Пушкинская комиссия Академии наук — одна из важнейших отечественных гуманитарных институций, в ведении которой находилось академическое пушкиноведение в переломные моменты своей истории. Она была образована 30 сентября 1900 г. для продолжения первого академического издания сочинений А.С. Пушкина, начатого в юбилейном 1899 г. скоропостижно скончавшимся академиком Л.Н. Майковым († 7 апреля 1900 г.).

Череда смертей руководителей комиссии — И.Н. Жданова († 11 июля 1901 г.), А.Н. Веселовского († 10 октября 1906 г.), Ф.Е. Корша († 16 февраля 1915 г.), а также отсутствие четкого плана и стратегии подготовки издания не могли не отразиться на работе исследователей: собрание сочинений предсказуемо не было доведено до конца[1].

Последним проектом старой комиссии, которая уже долгое время существовала лишь на бумаге, стал сдвоенный выпуск издания «Пушкин и его современники» (Вып. 38–39. Л., 1930), посвященный памяти его многолетнего редактора Б.Л. Модзалевского. Книга, подготовленная при ближайшем участии Н.В. Измайлова, а также И.А. Кубасова и Б.В. Томашевского, вышла под редакцией академика П.Н. Сакулина. Его скоропостижная смерть в сентябре 1930 г. прервала работу над очередным, 40-м по счету выпуском «повременного издания Пушкинской комиссии при Отделении Гуманитарных Наук Академии Наук СССР».

Новый этап в истории Пушкинской комиссии отсчитывается с 28 апреля 1931 г. — тогда институция возобновила работу под председательством недавно назначенного директором Института но-

[1] Всего в составе первого академического издания 1899–1929 гг. [18] вышли 6 томов (т. 1–4, 9 (в 2 кн.) и 11.).

вой литературы А.В. Луначарского; обязанности секретаря комиссии были возложены на его аспиранта, Д.П. Якубовича. Задачи, которые ставила перед собой реорганизованная комиссия, были направлены прежде всего на подготовку твердой научной базы для нового академического Полного собрания сочинений Пушкина — его инициатором во второй половине 1920-х гг. выступил П.Е. Щеголев[2]. В марте 1928 г. состоялось совещание крупнейших пушкинистов, которые признали такое издание «преждевременным и пока невозможным» [11, с. 50]. Идея и энергия Щеголева нашли выход в работе над т. н. «репетиционным» изданием, которое мыслилось его участниками как подготовительное к академическому, — шеститомным собранием сочинений для «Красной нивы» (М.; Л., 1930–1931). Это издание готовили Ю.Г. Оксман, Б.В. Томашевский, М.А. Цявловский и Д.П. Якубович — те, кому предстояло сделать следующий шаг в истории отечественной пушкинистики.

Первые проекты новой комиссии также наследовали идеям умершего в январе 1931 г. Щеголева. Создание научного описания рукописей Пушкина, издание рабочих тетрадей поэта фототипическим способом, составление исчерпывающей библиографии изданий Пушкина и литературы о нем, наконец, проведение регулярных научных заседаний — вот основные направления работы комиссии в первой половине 1930-х гг. Все они (в той или иной степени) были призваны обеспечить новое академическое издание сочинений Пушкина, обсуждение проспекта которого началось в 1932 г.

Координатором проектов комиссии в это время был Дмитрий Петрович Якубович (1897–1940) — один из самых ярких пушкинистов первой половины XX в., исследователь взаимосвязей русской и зарубежной литератур, поэт[3]. Во многом благодаря его таланту организатора и неуемной творческой энергии работа комиссии в 1930-е гг. получила должный размах; его стараниями были подготовлены первый «пробный» том советского академического издания [19], проект «юбилейной» пушкинской выставки в Эрмитаже, целый ряд вспомогательных изданий. На посту секретаря, а затем и председателя Пушкинской комиссии ему не раз удавалось прими-

[2] П.Е. Щеголев был членом Пушкинской комиссии; в «старом» (первом) академическом издании Полного собрания сочинений Пушкина ему была поручена подготовка биографического тома (т. XII). «Но годы шли, а биография не двигалась, — вспоминал Н.В. Измайлов. — П.Е. увлекся другой темой и написал другое замечательное исследование — “Дуэль и смерть Пушкина”, классическое по размаху, документированности и точности, хотя и устаревшее вскоре по концепции» [11, с. 48].

[3] Краткая научная биография Д.П. Якубовича написана его ближайшим коллегой и товарищем Б.В. Томашевским, см.: [29]. Поэтическое творчество Якубовича еще ждет своего исследователя и публикатора.

рять враждующие стороны и находить компромиссные решения. Он привлекал новых людей к участию в научных заседаниях комиссии, к работе в ее проектах — и неизменно поддерживал старые связи, стремясь сохранить каждого исследователя, способного принести хотя бы малую пользу. «Когда думаешь о Пушкинской комиссии, о Пушкинском Доме, трудно представить Пушкинский Дом и Пушкинскую комиссию без Димитрия Петровича, — говорил о Якубовиче его старший современник и коллега А.Л. Слонимский. — Он казался душой Пушкинской комиссии и душой Пушкинского Дома» [30, с. 258].

К началу 1930-х гг. А.А. Ахматова уже была знакома с членами комиссии — Б.В. Томашевским и Ю.Г. Оксманом, однако именно Якубовичу принадлежит роль проводника поэта в круг академических ученых. В альбоме Ахматовой сохранилось стихотворение Якубовича — поэтическое свидетельство их знакомства «в день Веры, Надежды и Любви», 30 сентября 1932 г. [23, с. 114]. В нем отразилась и одна из тем их беседы — вопрос об источнике пушкинской «Сказки о золотом петушке». Тогда же Ахматова получила от него приглашение выступить с докладом на одном из ближайших заседаний Пушкинской комиссии 14 октября [32, с. 147]. Однако позднее по причине затяжной болезни Ахматовой[4] доклад был перенесен — он состоялся 15 февраля 1933 г. и имел большой резонанс в профессиональной среде[5]. Скептически отнеслись к отдельным положениям доклада и статьи Ахматовой московские пушкинисты — С.М. Бонди, М.А. Цявловский и Т.Г. Зенгер-Цявловская [30, с. 251–252], что, впрочем, никак не отразилось на их совместной работе по подготовке комментария к фототипическому изданию рабочей тетради Пушкина[6].

---

[4] См. приписку Т.Г. Зенгер-Цявловской на письме М.А. Цявловского к Д.П. Якубовичу от 16 октября 1932 г.: «Мы слышали, что тяжело заболела А.А. Ахматова. Успела ли она у Вас прочесть доклад о золотом петушке? Мы ее ждали и сюда» (РО ИРЛИ. Ф. 800. № 174. Л. 2 об.).

[5] Впервые об этом докладе написал Р.Д. Тименчик в своей программной статье «Анна Ахматова и Пушкинский Дом» [23, с. 113–114]. В ней учтен ряд одобрительных отзывов на статью «Последняя сказка Пушкина», опубликованную в № 1 журнала «Звезда» за 1933 г. (номер вышел в свет в марте). Впечатления же собственно о докладе и прениях после него сохранились в письме Ц.С. Вольпе к Н.И. Харджиеву от 27 февраля 1933 г. [4, с. 202] и в записных книжках Л.Я. Гинзбург [8, с. 418] (см.: [32, с. 147–148]). Протокол заседания Пушкинской комиссии 15 февраля 1933 г. публикуется в качестве приложения к статье Я.В. Слепкова в настоящем номере журнала.

[6] Фототипическое издание факсимиле рукописей Пушкина стало первым проектом реорганизованной Пушкинской комиссии. Оно предполагало «охватить в фототипическом воспроизведении все рукописное наследие А.С. Пушкина и уже к 100-летнему юбилею со дня смерти поэта (1937 г.) осуществить ряд показательных выпусков» ([*Якубович Д.П.*] Фототипическое издание рукописей А.С. Пушкина // Вестник АН СССР. 1933. № 10. Стб. 65). Первой для факсимильного издания была выбрана рабочая тетрадь Пушкина

В 1933–1934 гг. Ахматова оказалась вовлечена и в другие проекты Пушкинской комиссии. Для тома лицейской лирики нового академического издания сочинений Пушкина она отредактировала переводы с французского[7]; для книги «Рукою Пушкина» [22] — просмотрела гранки раздела «Изучение языков и переводы», а также перевела несколько текстов с английского[8]. Уже опубликованные биографические свидетельства этой работы, включая общение с ученым хранителем Пушкинского рукописного фонда Л.Б. Модзалевским[9], в личном фонде которого отложились автографы переводов Ахматовой [30, с. 252–253], дополняет письмо Т.Г. Цявловской, датируемое приблизительно первой половиной марта 1934 г.[10]:

> Дорогая Анна Андреевна,
>
> как Вы себя чувствуете? Как Ваше здоровье? Что Лева? Как идет Ваша работа?
>
> У нас работы очень много, и она кипит[11], потому что со всех сторон угрозы, что если вовремя не сдать гранки, то типография рассыплет набор, если вовремя не сдать тома, то типография в этом году не будет набирать и тому подобные радости.
>
> Сейчас у нас в корректуре, среди прочего, 80 гранок нашей книги «Рукою Пушкина», о которой мы Вам рассказывали. Первый отдел ее: Изучение языков и переводы.
>
> Среди входящих в него 15 упражнений при изучении языков имеется, между прочим, попытка перевода на франц<узский> язык

1833–1835 гг., хранившаяся в Ленинской библиотеке (шифр ЛБ 2374, новый шифр ПД 845): «Альбом избран Пушкинской комиссией в качестве первого выпуска ввиду возможности показа на нем многообразия творческого процесса Пушкина. <…> Большая часть альбома представляет собою первые слои черновиков, перемешанных с беловиками, программами, рисунками, записями» (Там же. Стб. 67). Для этого альбома Ахматова подготовила комментарий к «Сказке о золотом петушке» и отрывку «Царь увидел пред собой…» [21, с. 23–26].

[7] См.: [20, т. 1, с. XV]. Ср.: «<…> для первого тома академического издания Пушкина я перевела на русский язык все французские стихи, печатающиеся в комментариях, а также французские стихи Пушкина» (*Ахматова А.* Над чем я работаю // Литературный Ленинград. 1936. № 45 (190). 29 сент.).

[8] В «Рукою Пушкина» Ахматовой принадлежат переводы с английского отрывков из «Гяура» Байрона, «Экскурсии» Вордсворта и «Марциана Колонны» Барри Корнуолла [22, с. 28–29, 91–92, 96]; ею же атрибутирована французская выписка Пушкина из «Новой Элоизы» Руссо [22, с. 884–885].

[9] Добавим, что в академической записной книжке Л.Б. Модзалевского на 1935 г. сохранились адрес и номер телефона Ахматовой (РО ИРЛИ. Ф. 187. Оп. 2. № 17. Л. 65).

[10] ОР РНБ. Ф. 1073. № 1042. Л. 1–2 об. В оригинале сноски отмечены арабскими цифрами; в настоящей публикации для удобства они заменены на *.

[11] Ср. в письме Т.Г. Зенгер-Цявловской к Д.П. Якубовичу от февраля 1933 г.: «Вы не можете себе представить той горы корректур и строящихся томов, которыми он <М.А. Цявловский> окружен. <…> Количество приходящих и звонящих нелегко сосчитать. Они поглощают все время и силы» (РО ИРЛИ. Ф. 800. № 173. Л. 8).

начала «Гяура» Байрона, и то же в стихах (всего три) на русский язык.

В маленький комментарий к этому «опусу» я ввела начало* «Гяура» по-английски, но так как большинство русской публики (ваша покорная служанка у compris[12]) не знает английского языка, то требуется тут же дать и перевод этих стихов на русский язык. Хотим просить Вас сделать это, дорогая Анна Андреевна. Во всех подобных случаях мы даем прозаический перевод, т. к. это ближе *буквально*, а это в данном случае нужнее. М<ожет> б<ыть>, Вам это будет небезынтересно сделать? (Я думаю, не нужно говорить, что работа Ваша будет указана?) И еще. Дальше имеется один текст**, мне кажется, несомненно являющийся переводом с какого-то английского оригинала[13]. Я искала и у Байрона, и у Мильтона, и где-то еще, — но пока тщетно. Думается мне, что кому как не Вам найти его?[14]

Просмотрела сейчас до конца этот отдел и вижу, что без перевода на русский язык остались и «Marcian Colonna» Корнуоля (часть III, строфа VI***), и посвящение поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда», и начало поэмы Вордсворта «The Excursion». Два последние перевода, впрочем, у Пушкина м<ожет> б<ыть> сделаны достаточно близко?

Я решаюсь вот что просить Вас, Анна Андреевна. Не откажите взять на себя труд прочитать весь этот раздел и из указанных <окончание письма отсутствует>

* No breath of air…
…
These Edens of the eastern wave

** В начале [мира] [все] не было ни жизни, ни света

*** The earth hath nought…
…
Thy broad green forehead.

---

[12] В том числе (*франц.*)

[13] Речь идет о пушкинском тексте середины 1820-х гг. под условным (редакторским) заглавием «<Сотворение мира>» («<Создание мира>»), впервые напечатанном по автографу (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 266) в книге «Рукою Пушкина» [22, с. 33–34]. По справедливому замечанию М.Ф. Мурьянова, предположение Т.Г. Цявловской о переводном характере пушкинской записи предопределило дальнейшую судьбу этого текста, который оказался не включенным в собрания сочинений поэта. «Перед нами — не перевод, а оригинальный пушкинский эскиз, который, по всей вероятности, предназначался для дальнейшей переработки в стихотворение или поэму», — заключает Мурьянов [14, с. 6].

[14] Ср. комментарий Т.Г. Зенгер-Цявловской в «Рукою Пушкина»: «Текст представляет собою, по-видимому, опыт перевода, вероятнее всего с какого-то английского источника, установить который пока не удалось» [22, с. 34].

С февраля 1933 г. по декабрь 1936 г. Ахматова посетила не менее одиннадцати научных заседаний Пушкинской комиссии. Приведем список этих заседаний с указанием их содержания[15]:

15 февраля 1933 г. Доклад А.А. Ахматовой «Об источнике “Сказки о золотом петушке”».

20 декабря 1933 г. 1. Сообщение Ю.Г. Оксмана по поводу проекта юбилейных мероприятий 1937 г. 2. Сообщение Д.П. Якубовича о работах Пушкинской комиссии над фототипическим изданием тетради № 2374. 3. Сообщение Ю.Г. Оксмана (комментарий к планам «Капитанской дочки» для упомянутой тетради). 4. Сообщение Д.П. Якубовича (комментарий к «Анджело» для той же тетради). 5. Сообщение Ю.Г. Оксмана о предположениях Пушкинской комиссии по изданию пушкинской библиографии с 1911 по 1937 гг.

7 февраля 1934 г. Доклад Д.П. Якубовича «Пушкин в библиотеке Вольтера».

20 марта 1934 г. Доклад Д.П. Якубовича «Дневник Пушкина (1833–1835)».

8 июня 1934 г. 1. Доклад Л.Б. Модзалевского «К истории библиотеки Пушкина». 2. Сообщение В.М. Базилевича «Новооткрытый автограф Пушкина». 3. Сообщение Г.Б. Сандомирского и А.И. Моргулиса «Карьера Дантеса».

27 июня 1934 г. Доклад М.П. Алексеева «Источники “Моцарта и Сальери”».

7 октября 1934 г. 1. Доклад А.Л. Слонимского «Комедийные отрывки Пушкина». 2. Доклад Д.П. Якубовича «Комментарий к отрывку “Она меня зовет”».

23 октября 1934 г. 1. Доклад Л.Я. Гинзбург «Пушкин и Бенедиктов». 2. Сообщение Я.И. Ясинского «Значение мифологических уподоблений Пушкина (“дар Изоры”)».

5 ноября 1934 г. 1. Доклад Д.П. Якубовича «Из комментариев к VII тому (Отрывок “От этих знатных господ…”)». 2. Доклад В.А. Мануйлова «Историческая концепция “Полтавы”».

19 октября 1935 г. 1. Доклад М.П. Алексеева «Пушкин и Джордж Борро». 2. Доклад С.Я. Гессена «Пушкин накануне декабрьских событий 1825 года».

23 апреля 1936 г. Доклад А.А. Ахматовой «“Адольф” Бенжамена Констана в творчестве Пушкина»[16].

---

[15] Более подробную роспись указанных заседаний (присутствующие лица, библиографические и архивные ссылки) см. в хронике работы Пушкинской комиссии 1931–1936 гг. [32].

[16] Изначально был намечен на 22 апреля (см.: РО ИРЛИ. Ф. 387. № 489. Л. 34). Содержание прений по докладу Ахматовой см. в уже упомянутой статье Р.Д. Тименчика [23, с. 115–117]; краткое дополнение см.: [32, с. 150].

Второй и последний доклад Ахматовой о пушкинских штудиях был вчерне готов к концу 1934 г.: сохранились повестки на 21-е научное заседание Пушкинской комиссии 11 января 1935 г., первым пунктом в которых значилось выступление Ахматовой «Из заметок о Пушкине»[17]. О причинах, по которым доклад тогда не состоялся, можно только догадываться; с полной уверенностью можно утверждать, что замена состоялась в последний момент. Вообще же статистика посещения Ахматовой заседаний комиссии свидетельствует, что 1934 год был для нее одним из самых насыщенных в части собственно научной работы над текстами Пушкина. Это, кстати, вполне соответствует общему эмоциональному подъему в среде пушкинистов, который наметился после конференции, посвященной подготовке нового академического издания сочинений Пушкина[18].

Протоколы фиксируют участие Ахматовой в прениях по докладам [32, с. 148–150]. Так, она указывает Д.П. Якубовичу на цитату из Вольтера в одном из писем Пушкина к невесте[19], а М.П. Алексееву — на не учтенный им перевод пушкинского «Талисмана» на английский язык[20]. Именно замечание Ахматовой подтолкнуло пушкинистов к важной находке: в личной библиотеке поэта была обнаружена брошюра со стихотворными переводами «Талисмана» и «Русалки», пропущенная при фронтальном описании книжного собрания Б.Л. Модзалевским[21].

Несмотря на деятельное участие в работах Пушкинской комиссии, Ахматова так и не стала ее членом[22]. Агония пушкинского «юби-

---

[17] См.: РО ИРЛИ. Ф. 187. Оп. 2. № 109. Л. 9 (исправлено карандашом рукой Л.Б. Модзалевского на: «Сообщение Л.Б. Модзалевского. Лицейская поэма Пушкина “Тень Фонвизина”»); повестки без исправлений (с извещением о докладе Ахматовой) сохранились в архивах москвичей — см., напр., фонд Цявловских (Там же. Ф. 387. № 484. Л. 192; № 489. Л. 29).

[18] Конференция пушкинистов проходила с 8 по 11 мая 1933 г. в Ленинграде. Атмосферу, царившую в кругу ближайших товарищей Ахматовой по пушкинским штудиям в то время, передает переписка Б.В. Томашевского и Д.П. Якубовича (см.: [34]).

[19] «Целую кончики ваших крыльев, как говаривал Вольтер людям, которые вас не стоили» (письмо от 11 октября 1830 г.) [20, т. 14, с. 417]. Впоследствии это наблюдение — без указания на его принадлежность Ахматовой — было отражено в статье Д.П. Якубовича [36, с. 921].

[20] В докладе «Пушкин и Джордж Борро» Алексеев не учел переводов текстов Пушкина из «Таргума» (*Borrow G.* Targum, or Metrical Translations from thirty Languages and Dialects. St. Petersburg, 1835) (замечание Д.П. Якубовича); не знал он и «Талисмана» в переводе Борро (указание Ахматовой).

[21] Указанная 14-страничная брошюра (The Talisman. From the Russian of Alexander Pushkin. With other Pieces. St. Petersburg. Printed by Schulz and Beneze, 1835) находится в одном переплете с «Таргумом» (№ 666 по каталогу Б.Л. Модзалевского; см. уточнение описания в [5, с. 106]).

[22] Динамика персонального состава Пушкинской комиссии в 1931–1936 гг. представлена в [32, с. 153–154].

лея» 1937 г. внесла коррективы в устоявшийся в первой половине 1930-х годов ритм работы пушкинистов. «Скомпрометированное» деятельностью арестованного в ноябре 1936 г. Ю.Г. Оксмана руководство комиссии в Ленинграде потеряло свою монополию, вследствие чего московская секция Пушкинской комиссии стала автономной. Количество научных заседаний в Ленинграде и Москве сократилось (с 1937 г. начал собираться редакционный комитет Полного собрания сочинений Пушкина), а проекты-спутники академического издания отошли на второй план. В официальной хронике работы Пушкинской комиссии в 1937–1941 гг. имя Ахматовой не упоминается[23].

II

Прерванная в годы войны деятельность Пушкинской комиссии возобновилась весной 1945 г. под руководством Б.М. Эйхенбаума (председатель) и Б.С. Мейлаха (заместитель председателя)[24].

В архиве Ахматовой сохранилось письмо от 30 мая 1945 г.:

> Глубокоуважаемая Анна Андреевна!
>
> Институт Литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР извещает Вас, что Вы утверждены членом Пушкинской Комиссии АН СССР нового состава и просит Вас принять участие в предстоящих работах Комиссии.
>
> Возобновление работ Пушкинской Комиссии приурачивается ко дню 146-й годовщины рождения Пушкина и отмечается торжественным собранием в Институте Литературы 9 июня (суббота) в 6 час. вечера.
>
> Институт Литературы просит Вас, глубокоуважаемая Анна Андреевна, не отказаться присутствовать на этом собрании и принять участие в его торжественной части.
>
> Ученый Секретарь
> Института Литературы АН СССР,
> Профессор
>
> Б.П. Городецкий[25].

---

[23] См.: 1) Пушкинская комиссия Академии наук СССР // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. [Т.] 4–5. С. 583–585; 2) Пушкинская комиссия Академии наук СССР // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [Т.] 6. С. 546–548.

[24] До недавнего времени было принято считать, что Пушкинская комиссия АН СССР не возобновляла работу во второй половине 1940-х гг. Укреплению этого ошибочного утверждения способствовал, в частности, академик М.П. Алексеев, который относил возрождение комиссии — после долгого перерыва — к концу 1950-х гг. (см.: [Алексеев М.П.] Предисловие // Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5).

[25] ОР РНБ. Ф. 1073. № 1632. Л. 1. В «Летописи жизни и творчества Ахматовой» ошибочно указано, что Ахматова получила указанное письмо 3 мая [13, с. 465]. О включении в состав комиссии Ахматова сообщала Э.Г. Герштейн в начале июня 1945 г.: «Меня выбрали членом Пушкинской Комиссии» [13, с. 466].

Среди бумаг ученого секретаря вновь организованной Пушкинской комиссии Л.Б. Модзалевского сохранился список ее членов с указанием домашних адресов и номеров телефонов. Он был составлен, вероятно, после получения согласий сотрудничать с комиссией, и использовался для рассылки писем-уведомлений о текущих делах. В связи с тем, что до настоящего времени в научной литературе отсутствовали сведения о работе Пушкинской комиссии в 1940-е гг., публикуем указанный список полностью:

Список членов Пушкинской Комиссии

1. Председатель Б.М. Эйхенбаум — кан. Грибоедова, д. 9, кв. 48
2. Зам. председателя Б.С. Мейлах — Лиговка, д. 65, кв. 16
3. Уч. секретарь Л.Б. Модзалевский — ул. Халтурина, д. 27, кв. 25

В Ленинграде

4. Азадовский Марк Константинович — ул. Герцена, д. 14, кв. 19
5. Алексеев Михаил Павлович — ул. Халтурина, д. 27, кв. 1
6. Ахматова Анна Андреевна — Фонтанка, д. 34, кв. 44
7. Гинзбург Лидия Яковлевна — кан. Грибоедова, д. 24, кв. 65
8. Городецкий Борис Павлович — ул. Скороходова, д. 22, кв. 10
9. Десницкий Василий Алексеевич — Кировский пр., д. 73/75, кв. 151
10. Жирмунский Виктор Максимович — ул. Плеханова, д. 33/5, кв. 4
11. Мануйлов Виктор Андроникович — Мал. Посадская, д. 10, кв. 11
12. Мордовченко Николай Иванович — ул. Железноводская, д. 17, кв. 6
13. Орлов Александр Сергеевич — В. О., 7 линия, д. 2, кв. 9
14. Орлов Владимир Николаевич — кан. Грибоедова, д. 32, кв. 66
15. Томашевский Борис Викторович — кан. Грибоедова, д. 9, кв. 130
16. Яковлев Николай Васильевич — ул. Халтурина, д. 24, кв. 20

В Москве

17. Благой Дмитрий Дмитриевич — Чистые Пруды, д. 1а, кв. 4

18. Бонди Сергей Михайлович — ул. Первая Брестская, д. 18, кв. 4а
19. Бродский Николай Леонтьевич — Замоскворечье, ул. Валовая, д. 7, кв. 10
20. Бельчиков Николай Федорович — Полуэктов пер., д. 7, кв. 11
21. Виноградов Виктор Владимирович — Большой Афанасьевский, д. 41, кв. 8
22. Винокур Григорий Осипович — Арбат, д. 20, кв. 14
23. Гроссман Леонид Петрович — ул. Кропоткина, д. 32, кв. 7
24. Зенгер Татьяна Григорьевна — Плющиха, Новоконюшенный пер., д. 13, кв. 12
25. Кирпотин Валерий Яковлевич — Мал. Лаврушинский пер., д. 17/19, кв. 62
26. Новиков Иван Алексеевич
27. Пиксанов Николай Кириакович — Большая Калужская ул., д. 13, кв. 10
28. Слонимский Александр Леонидович — Чкаловская ул., д. 37а, кв. 4
29. Тарле Евгений Викторович — ул. Серафимовича, д. 2, кв. 188
30. Эфрос Абрам Маркович
31. Цявловский Мстислав Александрович — Плющиха, Новоконюшенный пер., д. 13, кв. 12

32. Гуковский Григорий Александрович — Саратов, ул. Астраханская, д. 83 (Гос. университет. Редактор)

Технический секретарь Пушкинской Комиссии — Хмелевская Екатерина Митрофановна — В.О., 8 линия, д. 39, кв. 6[26].

Осенью 1945 г. возобновилась подготовка седьмого выпуска «Временника Пушкинской комиссии». Составлением и редактированием этого тома занимался еще Д.П. Якубович. После его смерти в 1940 г. редакторская работа продолжалась вплоть до начала войны силами ближайших коллег — Б.В. Томашевского, В.В. Гиппиуса и Б.С. Мейлаха.

13 октября 1945 г. Томашевский обратился к комиссии с предложением пересмотреть состав тома, обновить раздел с хроникальными заметками и подготовить несколько некрологов наиболее

[26] РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 392. Л. 9–10. Машинопись (листы склеены между собой) с дополнениями чернилами рукой Л.Б. Модзалевского. При публикации опущены номера телефонов (указаны у всех ленинградцев кроме Л.Я. Гинзбург и Н.И. Мордовченко).

крупных пушкинистов, умерших во время войны. Процесс работы пушкинистов над так и не состоявшейся книгой был реконструирован благодаря сохранившимся протоколам заседаний Пушкинской комиссии в 1945–1946 гг. [33]. Сохранились и материалы седьмого «Временника», долгие годы считавшиеся утерянными; сегодня они введены в научный оборот [33, с. 233–235].

Хроника работы комиссии в 1940-е гг. еще не написана. Приведем список научных докладов, которые обсуждались на заседаниях. Нам удалось обнаружить, что Ахматова точно посетила одно из этих заседаний, — не исключено, что она могла присутствовать и на других.

11 июля 1945 г. Доклад В.А. Мануйлова «Пушкин в жизни и творчестве юного Лермонтова»[27].

17 октября 1945 г. Доклад Б.В. Томашевского «Онегинская строфа».

Присутствовало 36 человек. «В прениях принимали участие — Бухштаб, Эйхенбаум, Берков, Ахматова, Боброва и Городецкий»[28].

10 ноября 1945 г. Доклад М.С. Кагана «Семантика стиля “Евгения Онегина”»[29].

12 декабря 1945 г. Доклад Г.А. Гуковского «Маленькие трагедии Пушкина»[30].

16 января 1946 г. Доклад М.П. Алексеева «Джон Уильсон и его “Город чумы”»[31].

27 февраля 1946 г. Доклад Л.Я. Гинзбург «К проблеме русского романтизма 20-х гг. XIX века»[32].

2 марта 1946 г. Прения по докладу Л.Я. Гинзбург[33].

11 мая 1946 г. Доклад Н.И. Мордовченко «Борьба за романтизм в 20-е гг. XIX века»[34].

22 мая 1946 г. Прения по докладу Н.И. Мордовченко[35].

<…>

---

[27] Там же. Л. 19–19 об. (протокол).

[28] Там же. Л. 20 (протокол). Ср. в письме Ахматовой к И.Н. Медведевой-Томашевской от 21 марта 1944 г.: «Как Вы, как Борис Викторович? Очень бы хотела продолжить с ним разговор о строфах Пушкина» [28, с. 426].

[29] РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 392. Л. 21–22 (протокол).

[30] Там же. Л. 23–24 (протокол).

[31] Там же. Л. 25 (протокол).

[32] Там же. Л. 26–28 (протокол).

[33] Там же. Л. 29–30 (протокол).

[34] Там же. Л. 31–32 об. (протокол).

[35] Там же. Л. 33–34 (протокол).

19 марта 1947 г. 1. Сообщение Б.П. Городецкого «К вопросу о плагиате Булгарина из “Бориса Годунова”». 2. Сообщение М.П. Алексеева «Письмо Пушкина к Тургеневу». 3. Сообщение Б.В. Томашевского «Заметка покойного П.А. Садикова о стихотворении “Ты Богоматерь, нет сомненья…”»[36].

III

В определенный момент деятельность созванной после войны Пушкинской комиссии затухает. К очередному пушкинскому юбилею — 150-летию со дня рождения поэта — требовалось завершить работу над неоконченным академическим собранием сочинений. «Цеховой» принцип работы над изданием, реализованный в 1930-е гг., оказался неподходящим для реалий послевоенных лет. Потеря четвертой части расширенного состава редакции АПСС[37] и существенное уменьшение финансирования (что повлекло за собой сокращение количества регулярных командировок для участия в заседаниях и совещаниях) привели к атомизации профессионального сообщества: пушкинисты сосредоточились на работе над отдельными томами собрания сочинений, вынужденно игнорируя заявленный в инструкции к изданию принцип коллективной редактуры.

Сплочению пушкинистов отчасти способствовало выдвижение академического Полного собрания сочинений на Сталинскую премию [31]. До недавнего времени этот эпизод биографии издания оставался неизвестным — прежде всего потому, что сами участники проекта не предавали эту историю огласке. Формальное завершение АПСС в июне 1949 г. позволило члену редакционного комитета Д.Д. Благому выдвинуть издание от Института мировой литературы в качестве номинанта на получение премии. Правда, среди «основных подготовителей издания» значились лишь пять человек, двое из которых (М.А. Цявловский и Г.О. Винокур, ушедшие из жизни в 1947 г.) уже не могли претендовать на денежные премии. «Случайно забытыми» и не включенными в список номинантов оказались ключевые сотрудники АПСС — Б.В. Томашевский, Т.Г. Цявловская, Н.В. Измайлов. Отчасти восстановить справедливость удалось благодаря настойчивости Т.Г. Цявловской, которая спешно подготовила

[36] РО ИРЛИ. Ф. 187. Оп. 2. № 109. Л. 28 (повестка).

[37] К середине 1948 г. умерли 9 редакторов академического издания (в скобках указаны даты смерти): Г.О. Винокур (17 мая 1947 г.), В.В. Гиппиус (1 марта 1942 г.), А.И. Заозерский (1 октября 1941 г.), В.Л. Комарович (17 февраля 1942 г.), Б.И. Коплан (29 декабря 1941 г.), Л.Б. Модзалевский (26 июня 1948 г.), М.А. Цявловский (11 ноября 1947 г.), Д.П. Якубович (30 мая 1940 г.), Я.И. Ясинский (12 марта 1942 г.); а также двое членов редакционного комитета — М. Горький (18 июня 1936 г.) и П.И. Лебедев-Полянский (4 апреля 1948 г.).

необходимые документы и выступила автором коллективного письма участников академического издания председателю правления Союза писателей СССР (по совместительству — председателю Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства) А.А. Фадееву [31, с. 546–548]. Сталинскую премию академический Пушкин не получил.

В год завершения работы над Полным собранием сочинений и закрытия редакции издания Президиум Академии наук постановил собирать ежегодные научные конференции пушкинистов Союза, призванные подводить критические итоги многолетней работы и намечать дальнейшие пути развития советского пушкиноведения. Организация таких съездов была поручена Институту русской литературы в Ленинграде. Первая Всесоюзная Пушкинская конференция состоялась в апреле 1949 г.[38] Таким образом на некоторое время вопрос координации исследований в области пушкинистики был формально закрыт.

Вместе с тем отсутствие постоянно действующего органа — специальной комиссии — ощущалось пушкинистами все более явно. Не решаясь возобновить работу Пушкинской комиссии, руководство института в марте 1955 г. учредило при Секторе новой русской литературы Пушкинскую группу под председательством Б.П. Городецкого. Деятельность группы носила эпизодический характер[39], и сводилась исключительно к проведению заседаний (1955 г. — 4, 1956 г. — 9) с обсуждением докладов и сообщений. Такое положение дел не устраивало исследователей.

В конце 1956 г. Отделение литературы и языка Академии постановило создать в институте Сектор пушкиноведения. Его инициатором и первым руководителем стал заведующий Рукописным отделом Б.В. Томашевский, который возлагал большие надежды на новую структуру. Выступая на IX Всесоюзной Пушкинской конференции 8 июня 1957 г. со специальным сообщением, Томашевский определил круг первостепенных задач сектора: продолжение научного описания автографов Пушкина, возобновление регулярной библиографической работы, завершение академического издания ПСС выпуском трех дополнительных томов, организация издательской работы сектора[40]. Особое внимание Томашевский уделил созданию

[38] Всесоюзная пушкинская конференция // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1949. Т. 8. Вып. 4. С. 389–391.

[39] Хроника работы Пушкинской группы Института русской литературы в 1955–1956 гг. написана Л.С. Сидяковым, см.: 1) Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 477; 2) Там же. 1958. Т. 2. С. 472–473.

[40] РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 31. № 285. Л. 177–183 об.

комментария к академическому изданию. В завершение он подробно остановился на трудностях, которые в тот момент не позволяли развернуть указанные направления, прежде всего отмечая отсутствие в секторе ставок как научного, так и научно-технического персонала.

С критикой этого сообщения выступил Ю.Г. Оксман. В целом разделяя позицию Томашевского о необходимости активизации работы, Оксман настаивал на необходимости созыва Пушкинской комиссии:

> Неужели она опорочена? Или не нужна? Или новые формы работы оказались более рациональными? <…> Без Пушкинской комиссии пушкиноведение беспризорно, стало хиреть. <…> Те скромные силы, которыми располагает одна или многие ячейки Пушкинского дома, не могут обеспечить широких планов в области пушкиноведения, которые стоят на очереди. Мне бы хотелось Борису Викторовичу, который возглавляет этот сектор, адресовать по парламентским правилам вопрос: до каких пор будет продолжаться это безобразие? До каких пор Пушкинская комиссия не будет создана теми, которые обязаны ее создать? Или вы хотите, чтобы ее созвал Институт мировой литературы или Союз советских писателей? Это очень просто сделать. Но мне представляется, что инициатива должна быть проявлена Вами, поскольку судьба поставила Вас во главе этого дела, и поскольку Вы можете возглавить <комиссию> как крупнейший живой пушкиновед[41].

Признавая дефицит квалифицированных кадров в области академического пушкиноведения и финансовые затруднения, Оксман предложил включать в состав комиссии «пушкинистов-историков, пушкинистов-эстетов, пушкинистов-философов» etc., которые готовы работать на общественных началах:

> Специалист по жанрам, специалист по лирике <18>20-х–<18>30-х гг., специалист по романтизму — комиссия должна обратить внимание на расширение своих рядов. <…> Пушкиноведение нельзя поднять штатными ассигнованиями и расписаниями! Стоит пушкинисту назначить оклад, как он перестанет работать. Все, что делается в пушкиноведении, делается не в порядке выполнения плана, а на каких-то других началах. Чувство ответственности не связано с получаемым окладом, званием, степенями. И Пушкинская

[41] Там же. Л. 205 об.–206.

> комиссия является таким органом, в котором охотно будут работать в порядке выполнения общественного долга, реализуя то, что является самым дорогим, и сотрудники Пушкинского Дома, и профессора Ленинградского университета, Московского, периферийных вузов, специалисты, работающие в Кишиневе, Одессе, Казани. Борис Викторович в своем плане не учел главного фактора — энтузиазма специалистов, которые хорошо и плодотворно будут работать, когда не будут получать денег и не будут подчинены в своих мнениях нажиму руководителей того или иного сектора или ученого секретаря[42].

По мнению Оксмана, именно демократические принципы комиссии и ее внеинституциональное положение — в противовес сектору в структуре академического учреждения — могли бы оживить стагнирующую пушкинистику. Выступление было встречено длительными аплодисментами: аудитория заняла сторону москвича.

Реализации амбициозных планов Томашевского помешала его внезапная смерть. Задуманный им сектор[43], просуществовавший лишь несколько лет под управлением сначала М.П. Алексеева, а затем Б.П. Городецкого, в марте 1961 г. был вновь преобразован в группу и слит с Сектором новой русской литературы[44]. Вместе с тем публичный конфликт Оксмана и Томашевского все же оказал заметное влияние на судьбу отечественного пушкиноведения.

IV

Очередная, третья по счету (после 1931 и 1945 гг.) реорганизация Пушкинской комиссии прошла в 1958 г. под непосредственным контролем академика В.В. Виноградова. 8 июля состоялось заседание Бюро Отделения литературы и языка, на котором были утверждены положение о комиссии и ее состав. Копии этих документов (вместе с выпиской из протокола заседания Бюро) отложились в архиве Ахматовой[45]: они были присланы ей 11 октября 1958 г. секретарем комиссии О.А. Пини — после того, как Президиум Академии наук СССР в заседании от 26 сентября 1958 г. постановил возобновить деятельность комиссии.

---

[42] Там же. Л. 207.

[43] О работе сектора пушкиноведения Института русской литературы в 1957–1958 гг. см. хроникальную заметку Н.Н. Петруниной (Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. С. 504–506).

[44] Там же. 1962. Т. 4. С. 421.

[45] ОР РНБ. Ф. 1073. № 1632. Л. 3 (письмо О.А. Пини), 2 (выписка из протокола распорядительного заседания Бюро ОЛЯ от 8 июля 1958 г.), 4 (положение о Пушкинской комиссии АН СССР при Отделении литературы и языка АН СССР), 5–6 (состав комиссии (см. ниже)).

Список членов реорганизованной комиссии, как и опубликованный ранее аналогичный документ 1945 г., несомненно, заслуживает внимания. На первоначальном этапе инициативной группой (в нее входили М.П. Алексеев, Д.Д. Благой, В.В. Виноградов и др.) был составлен список из «50–60»[46] фамилий, который позднее был сокращен по указанию Президиума Академии наук до 37 человек, что вызвало справедливое возмущение участников первого пленарного заседания Пушкинской комиссии 8 июня 1959 г.[47] Позднее персональный состав комиссии был вновь расширен (до 49 человек[48]); его сопоставление с публикуемым ниже «кратким» списком 1958 г. позволяет сделать любопытные наблюдения о расстановке сил вокруг Пушкина на рубеже 1950-х–1960-х гг. Так, например, имя Ахматовой — при ее очевидном охлаждении к пушкинистам — сохраняется в обоих списках (прежде всего, за счет личных симпатий Виноградова[49], Алексеева и Оксмана[50]); вместе с тем из расширенного списка пропадают поэт и сценарист, главный редактор «Беларусьфильма» А.А. Кулешов и поэт Н.С. Тихонов.

Состав Пушкинской Комиссии при Отделении литературы и языка Академии наук СССР[51]

1. Алексеев М.П.	(зам. председателя по Ленинграду)	Ленинград
2. Ахматова А.А.		Ленинград
3. Бабайцева З.А.		Одесса
4. Белецкий А.И.		Киев

[46] РО ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 1. № 260. Л. 54 об.

[47] В архиве Ахматовой сохранилось письмо от 23 мая 1959 г., подписанное Б.П. Городецким и О.А. Пини, с приглашением принять участие в этом заседании (на бланке ИРЛИ, № исх. 338/5) — (ОР РНБ. Ф. 1017. № 1632. Л. 8)..

[48] См.: *Пини О.А.* Пушкинская комиссия при Отделении литературы и языка Академии наук СССР // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 4. С. 423–424.

[49] Ср. текст поздравительной телеграммы к Ахматовой, направленной 24 июня 1959 г. В.В. Виноградовым от имени Пушкинской комиссии: «От Пушкинской комиссии Академии Наук шлем Вам в день Вашего семидесятилетия горячие приветствия и искренние пожелания здоровья, творческих радостей, поэтических и литературных успехов. Уверен, что Ваша поэтическая деятельность, сдружившая Вас с творчеством Пушкина, побудит Вас создать новые труды по изучению пушкинской поэзии. Академик Виноградов» (ОР РНБ. Ф. 1073. № 767. Л. 1).

[50] «Я надеюсь, что вас уже известили о восстановлении Пушкинской Комиссии АН СССР и о включении вас в число ее действительных членов?» — писал Ю.Г. Оксман Ахматовой 18 августа 1958 г., восхищаясь ее статьей о «Каменном госте» Пушкина, законченной в 1947 г.: «… написана вами статья с таким мастерством и блеском, с каким, с каким... и должна писать свои работы о Пушкине именно Анна Ахматова» (Там же. № 931. Л. 1 об.).

[51] ОР РНБ. Ф. 1073. № 1632. Л. 5–6. Машинопись.

5. Берков П.Н.		Ленинград
6. Благой Д.Д.	(зам. председателя по Москве)	Москва
7. Блок Г.П.		Ленинград
8. Богач Г.Ф.		Кишинев
9. Бонди С.М.		Москва
10. Виноградов В.В.	(председатель)	Москва
11. Глебка П.Ф.		Минск
12. Городецкий Б.П.		Ленинград
13. Гейченко С.С.		Пушкинские Горы
14. Гудзий Н.К.		Москва
15. Гроссман Л.П.		Москва
16. Жирмунский В.М.		Ленинград
17. Измайлов Н.В.		Ленинград
18. Калаушин М.М.		Ленинград
19. Кулешов А.А.		Минск
20. Левин В.Д.		Москва
21. Мануйлов В.А.		Ленинград
22. Мейлах Б.С.		Ленинград
23. Новиков И.А.		Москва
24. Оксман Ю.Г.		Москва
25. Петров С.М.		Москва
26. Пиксанов Н.К.		Ленинград
27. Пини О.А.	(ученый секретарь)	Ленинград
28. Рыльский М.Ф.		Киев
29. Слонимский А.Л.		Москва
30. Степанов Н.Л.		Москва
31. Тихонов Н.С.		Москва
32. Фатов Н.Н.		Черновцы
33. Федин К.А.		Москва
34. Фейнберг И.Л.		Москва
35. Цявловская Т.Г.		Москва
36. Шадури В.С.		Тбилиси
37. Яковлев Н.В.		Ленинград

Здесь стоит сказать и о других материалах, связанных с работой сектора (группы) пушкиноведения ИРЛИ и Пушкинской комиссии

АН СССР в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг., отложившихся в архиве Ахматовой.

Во-первых, это повестки на научные заседания сектора в 1960 г.[52]: сообщение А.И. Гербстмана «К вопросу о пропуске строф о военных поселениях в главе “Странствие” романа Пушкина “Евгений Онегин”» (8 марта)[53]; доклад И.Ф. Бэлзы «Историческая основа трагедии Пушкина “Моцарт и Сальери” в свете новых зарубежных материалов» (22 марта)[54]; доклад Н. В. Королевой «Тютчев и Пушкин» (1 ноября)[55]. Ни одно из этих заседаний Ахматова не посетила.

Во-вторых — официальное письмо от 26 января 1960 г.[56] о проведении XII Всесоюзной Пушкинской конференции в июне 1960 г. («дирекция института и его сектор пушкиноведения хотели бы выяснить возможность Вашего непосредственного участия в работах конференции в качестве докладчика по вопросам и проблемам, над которыми Вы работаете в настоящее время»). В этом же письме содержалось предложение участвовать в четвертом томе сборника «Пушкин. Исследования и материалы»[57] и возрождаемом «Временнике Пушкинской комиссии». Аналогичные письма были разосланы 13 адресатам (список сохранился в делопроизводственном архиве сектора)[58]; в соответствующей подшивке с ответными письмами отклика Ахматовой нет.

Приглашение на второе пленарное заседание Пушкинской комиссии 5 июня 1961 г.[59] (доклад Б.П. Городецкого «О проведении

---

[52] Всего в 1960 г. состоялось 22 заседания Сектора пушкиноведения, из них с научными докладами — 8.

[53] ОР РНБ. Ф. 1073. № 1631. Л. 1 (в повестке опечатка — ошибочно указан 1959 г. вместо 1960 г.). На заседании присутствовало 19 человек (РО ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 6. № 32. Л. 31).

[54] ОР РНБ. Ф. 1073. № 1631. Л. 2. Заседание проходило совместно с Сектором взаимосвязей русской и зарубежных литератур; присутствовало более 90 человек (в регистрационном листе — 39) (РО ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 6. № 32. Л. 34, 39).

[55] ОР РНБ. Ф. 1073. № 1631. Л. 3. На заседании присутствовало 20 человек (РО ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 6. № 32. Л. 93).

[56] ОР РНБ. Ф. 1073. № 1632. Л. 10 (на бланке ИРЛИ, б/н; подписи М.П. Алексеева и Б.П. Городецкого).

[57] Напомним, что статья Ахматовой «“Каменный гость” Пушкина» была опубликована во втором томе этого сборника. В архиве Ахматовой отложилось письмо О.А. Пини от 28 июля 1958 г. с просьбой зайти в бухгалтерию ленинградского отделения Издательства АН для получения гонорара за статью (см.: ОР РНБ. Ф. 1073. № 1629. Л. 2).

[58] РО ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 6. № 29. Л. 1 об. (адресаты — В.В. Виноградов, Д.Д. Благой, Ю.Г. Оксман, С.М. Бонди, Л.П. Гроссман, А.Л. Слонимский, Н.Л. Степанов, С.М. Петров, А.И. Белецкий, Н.Н. Фатов, А.А. Ахматова, Н.К. Пиксанов, Б.В. Казанский).

[59] ОР РНБ. Ф. 1073. № 1632. Л. 11 (б. д., подпись О.А. Пини). 5 июня 1961 г. состоялось выездное заседание Бюро ОЛЯ АН СССР в Институте русской литературы. Отдельным пунктом в повестке дня значилось утверждение записки «Итоги и проблемы советского пушкиноведения» (См.: Основные проблемы пушкиноведения на современном этапе // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1962. Т. 21. Вып. 1. С. 14–33).

125-летней годовщины со дня смерти Пушкина») также осталось без ответа. К 1965 г. относятся два документа — повестка на заседание группы пушкиноведения 2 марта[60] (доклад Е.А. Тудоровской «Историческая действительность в “Повестях Белкина”») и телеграмма пушкинистов от 23 ноября[61], посланная в седьмую палату Боткинской больницы:

> Пушкинская комиссия Академии наук, собравшись на очередное заседание, сожалеет о Вашем отсутствии. Шлем Вам самый сердечный привет, добрые пожелания, скорейшего выздоровления. Алексеев, Андроников, Городецкий, Измайлов, Макогоненко, Мейлах, Мануйлов, Степанов, Шадури, Пини.

Таков корпус официальных документов, демонстрирующий попытки вовлечь Ахматову в работу академических институций, связанных с изучением жизни и творчества Пушкина. Отсутствие обратной связи со стороны поэта в этот период объясняется, как нам кажется, не только истощением сил и проблемами со здоровьем, но и утратой дружеских, товарищеских связей в кругу пушкинистов. После ухода из жизни ее ближайших собеседников-пушкинистов — Д.П. Якубовича († 30 мая 1940 г.) и Б.В. Томашевского († 24 августа 1957 г.)[62] — Ахматова продолжала работу над пушкинскими штудиями, хотя в 1950-е – 1960-е гг. эти занятия носили скорее фрагментарный, несистематический характер[63]. В основном она пыталась развить и дополнить старые наблюдения. Так, например, сюжет о гибели Пушкина, более всего занимавший Ахматову в то время, был разработан ею «в основном еще до войны» [3, с. 272]; статья о «Каменном госте», восхитившая Оксмана в 1958 г., была написана при ближайшем участии Томашевского[64] еще в 1947 г.;

---

[60] ОР РНБ. Ф. 1073. № 1631. Л. 4.

[61] Там же. № 697. Л. 1. Текст этой телеграммы сохранился и в делопроизводстве комиссии (РО ИРЛИ); отметки и квитанции свидетельствуют, что точно такие же телеграммы были направлены Л.П. Гроссману и Ю.Г. Оксману.

[62] Отношениям Ахматовой и Якубовича посвящены специальные публикации — см. [24, с. 136–145; 30; 15, с. 115–120]. Аналогичная работа о контактах Ахматовой и Томашевского еще не написана.

[63] Контраргументом этому тезису может послужить, напр., план книги «Мои полвека (1910–1960)», в третьей части которого (1946–1961) значится «С 1950 г. — <…> Работа над Пушкиным» [10, с. 140]. Вместе с тем здесь, на наш взгляд, стоит говорить скорее об амбициозных планах Ахматовой, связанных с замыслом книги о Пушкине. Внимательное изучение комплекса пушкинских штудий поэта [3], а также переписки (в т. ч. с Э.Г. Герштейн) все же не позволяет говорить о систематической работе.

[64] Одно из свидетельств совместной работы над текстом отложилось в архиве Томашевского: это два листа машинописи «“Каменного гостя” Пушкина» с авторской правкой рукой Ахматовой (НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 44. № 2).

попытки «биографической» интерпретации повести В.П. Титова «Уединенный домик на Васильевском» относятся к началу 1950-х гг.[65] etc. В конце 1950-х гг. Ахматова задумала книгу о Пушкине[66] (трансформация этого замысла отразилась в планах 1959 и 1963 гг. [3, с. 260–261]), однако и этот проект не получил должного развития, несмотря на заинтересованность издательств и усердие, с каким Ахматова периодически возвращалась к своим штудиям[67].

В последние годы жизни Ахматовой ее контакты с представителями академического пушкиноведения были сведены к минимуму: она не принимала участия в работе Пушкинской комиссии, не посещала Всесоюзные Пушкинские конференции, почти не вела переписку с пушкинистами. Ахматова показывала свои пушкинские штудии старым знакомым — Т.Г. Цявловской, С.М. Бонди, В.В. Виноградову, Ю.Г. Оксману, но горячую поддержку встречала лишь со стороны последнего [16, с. 644–645][68]. Общение с руководителями Пушкинской комиссии — М.П. Алексеевым и В.В. Виноградовым — носило скорее товарищеский, не профессиональный характер: соседи по даче Алексеевы в поздравительных телеграммах «тепло вспоминали интереснейшие встречи в Комарово»[69], москвичи Виноградовы изредка принимали Ахматову у себя в гостях и навещали ее[70]. Незадол-

---

[65] По предположению Ахматовой, сюжет повести соотносится с биографией Пушкина, а в действующих лицах выведены сам Пушкин и его окружение. Ср. запись Ю.Г. Оксмана от 19 января 1963 г.: «Написано это уже давно, но ее смущал отрицательный отзыв Б.В. Томашевского. Сейчас она вернулась к этой теме (может быть, под влиянием беседы с В.В. Виноградовым и рассказов о его докладе на эту тему в Пушкинском музее)» [16, с. 644]. Доклад Виноградова «Сюжет о влюбленном бесе в творчестве Пушкина и в повести Тита Космократова (В.П. Титова) “Уединенный домик на Васильевском”» состоялся в Государственном музее А.С. Пушкина (Москва) и в Институте русской литературы АН СССР (Ленинград) в 1962 г. [6, с. 121].

[66] Толчком к этому послужило, вероятно, письмо Оксмана от 18 августа 1958 г.: «Дорогая Анна Андреевна, вы обязаны подготовить к печати сборник статей о Пушкине. К тому, что уже сделано, можно и не прибавлять ничего, кроме еще десятка-другого некоторых “заметок на полях” о Пушкине — форма самая удобная, без “упаковочного материала”. На нее (эту форму) не имеем права мы, книжники и фарисеи, но вам-то зачем сковывать себя китайскими церемониями сухой учености?» (ОР РНБ. Ф. 1073. № 931. Л. 2–2 об.).

[67] См., напр., воспоминания Н.Н. Глен: «В те месяцы, которые пришлись на мой дом (конец сентября 1962 г. – январь 1963 г., с перерывами. — *А.Б., В.Т*), Ахматова очень много работала: продолжала свои пушкинские штудии — дополняла, перерабатывала, снова и снова возвращалась к тексту и “Александрины”, и “Bande и старшие”, и “Невского взморья”» [9, с. 633].

[68] Мы говорим здесь исключительно о представителях *академического пушкиноведения*. Вместе с тем сочувствие и поддержку пушкинским штудиям Ахматовой оказывали Э.Г. Герштейн, Б.В. Казанский и др.

[69] ОР РНБ. Ф. 1073. № 698. Л. 2.

[70] Хроника общения восстанавливается в «Летописи жизни и творчества Ахматовой» по записным книжкам — см., напр.: [13, с. 669 (25 октября 1960 г.), 738 (5 июня 1963 г.) и др.]. Вместе с тем в «Летописи» не отражено, что Виноградовы посетили Ахматову у Ардовых вечером 8 ноября 1965 г. [10, с. 683], — это учтено Р.Д. Тименчиком: «Вслед за Л. Чуковской пришли Виноградовы <…>, после их ухода начался четвертый инфаркт»

го до своей смерти Ахматова узнала о роли последнего в уголовном процессе против А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля: «Академик Виноградов участвовал в этой подлости, был председателем экспертной комиссии, — сообщала она Р.Д. Орловой и Л.З. Копелеву 27 февраля 1966 г. — А ведь он настоящий ученый, мы пятьдесят лет знакомы, даже дружны. Он интересно писал о моих стихах. Но теперь нельзя подавать ему руки» [17, с. 290].

* * *

В одной из бесед с М.В. Латманизовым в июне 1963 г. Ахматова так описала рельеф современного ей пушкиноведения:

> С изучением Пушкина — пушкиноведением — сейчас очень плохо. Старые специалисты сейчас уходят один за другим, а молодежь не хочет им заниматься. <…> А Пушкинская комиссия почти совсем не работает. Проведет одно-два заседания в год по случаю знаменательных дат — в июне и в феврале — этим и ограничиваются. Собираются в эти юбилейные дни, сделают один-два доклада и этим ограничиваются, друг другу в глаза не смотрят — стыдно! [12, с. 82]

Ахматова справедливо указывает на отсутствие регулярных заседаний Пушкинской комиссии в конце 1950-х – начале 1960-х гг. (что отчасти компенсировалось заседаниями сектора, а затем группы пушкиноведения в ИРЛИ), однако с общим критическим посылом этого высказывания согласиться трудно: выше мы показали (в т. ч. с опорой на документы, отложившиеся в фонде Ахматовой), как функционировало академическое пушкиноведение в этот период. Примечательны и следующие ее слова о пушкинских штудиях:

> Это очень трудно: надо знать иностранные языки, надо знать прекрасно историю того времени, жизнь общества, условия жизни, современников Пушкина, их интересы. Это одно уже очень сложно, трудно, требует большой культуры исследователя и очень много труда. Чтобы написать одну оригинальную работу, надо очень много

[26, т. 1, с. 477; т. 2, с. 603–604]. 28 ноября 1965 г. Ахматова надписала Виноградовым два экземпляра «Бега времени» (обе книги находятся в личной библиотеке В.В. Виноградова в ИРЛИ РАН, № 2584 и 8740). Инскрипты дублированы в записной книжке Ахматовой рукой А.Г. Наймана [10, с. 688–689]. Дарительная надпись Виноградову передана там неточно; верно: «Виктору Владимировичу Виноградову в надежде услышать его мудрые слова об этих стихах». Инскрипты Виноградова к Ахматовой приведены в: [25, с. 384].

> затратить времени в библиотеках, в архивах и т. д. Это, по-видимому, и отталкивает молодых литературоведов от этого пути [12, с. 82].

Говоря о молодых, Ахматова — как это ни парадоксально — говорит в том числе и о себе: в то время у нее уже не было сил на такую работу; не было рядом и товарищей-пушкинистов, готовых ей помочь.

Все это отнюдь не отменяет блестящей «пушкинской» эрудиции Ахматовой. «Первым и лучшим знатоком Пушкина была она всю жизнь, — говорил председатель Пушкинской комиссии Академии наук М.П. Алексеев, стоя у гроба Ахматовой в Доме писателей. — От нас, повторяю, ушел не только лучший знаток нашего великого поэта, <…> мы провожаем в последний путь лучшего исследователя. Не все, немногие знают, сколько замечательных работ Анна Андреевна посвятила Пушкину. Статьи, посвященные роману Б. Констана “Адольф”, “Каменному гостю”, сказкам Пушкина» [2, с. 234][71].

Ахматова не была профессиональным пушкинистом — но в разные периоды своей жизни стремилась стать «своей» в кругу академического пушкиноведения. Эти отношения взаимного притяжения и отталкивания и определяют систему координат, в которой локализуются пушкинские штудии Ахматовой.

P.S.

Для развития вынесенной в заглавие настоящей публикации темы, как это было показано выше, крайне важны не только официальные документы, но и свидетельства неформального общения Ахматовой с организаторами советской академической науки о Пушкине. Фронтальная разработка этих сюжетов на архивных материалах — дело будущего. Пока же мы решили внимательнее вглядеться в уже известные нам фотографии. Попытка описать одну из них превратилась в сюжет, достойный небольшого постскриптума.

В 1991 году сразу в двух книгах был опубликован совместный портрет Ахматовой и В.В. Виноградова. В сборнике воспоминаний [7, с. 604] существенно обрезанный снимок сопровождается аннотацией: «Комарово. 1960-е годы. Публикуется впервые»; качество воспроизведения фотографии крайне невысокое. Вторая публикация — в книге Аманды Хейт [35, вклейка между с. 160 и 161] — заслуживает большего внимания. Так, оказывается, что по правую

[71] Купюра в публикации («статьи, посвященные <…> “Каменному гостю”») восстановлена по стенограмме (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 1. № 160. Л. 5).

руку от Виноградова, рядом со скамьей, стоит мужчина в пальто и шляпе; вместе с тем в подписи к фотографии этот человек не указан: «Анна Ахматова и В. Виноградов в доме отдыха. Болшево. Начало 60-х годов».

Помимо вариативности локаций (Комарово или Болшево), пространной датировки (1960-е гг.) и неизвестного лица на снимке наше внимание привлекла необычная поза Ахматовой. Она обращена в противоположную сторону от Виноградова; ее правая рука с вскинутым указательным пальцем поднята почти на уровень лица: несомненно, в момент фотографирования Ахматова говорит с кем-то, кто находится слева от нее. Но скамейка пуста, а кадр построен так, что изображенные на нем лица будто бы смещены — по отношению к фотографу (зрителю) — влево: вероятнее всего, карточка была по каким-то причинам обрезана. Вглядевшись в первую публикацию [7, с. 604], убеждаемся в правоте наших наблюдений: на спинке скамейки едва видна кисть руки, тщательно затушеванная публикаторами во втором случае.

Недолгий архивный поиск дал результаты. Оригинальная фотография (как и предполагалось, с обрезанным краем) оказалась среди материалов В.В. Виноградова, переданных его вдовой, Н.М. Малышевой-Виноградовой, на постоянное хранение в Пушкинский Дом. Впрочем, именно этот отпечаток составителям изданий 1991 г. оказался незнаком — иначе они наверняка бы обратили внимание на пояснительную запись, оставленную Надеждой Матвеевной на обороте карточки: «“Узкое”. Н.П. Пахомов, В.В., А.А. Ахматова и кусочек Н.М.»[72].

Оставался вопрос с датировкой, но и он вскоре был снят. «Посылаем Вам фотографии, сделанные нашим водителем в Узком[73], — писала Н.М. Виноградова Ахматовой 24 декабря 1959 г. — Он только что их отпечатал. Я отрезала себя на одной из карточек. Во-первых, карточка не помещалась в конверт, а во-вторых (вернее, во-первых), — у меня вышел глупый вид, с разинутым ртом и пр. Сбоку остался стоять Ваш поклонник Николай Павлович Пахомов[74]. Вид у него тоже непрезентабельный, но его я оставила.

[72] Литературный музей ИРЛИ РАН. Инв. 92081.

[73] Узкое — бывшая дворянская усадьба в Подмосковье; с 1922 г. — санаторий Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), затем — Комиссии содействия ученым (КСУ). С 1937 г. — санаторий Академии наук СССР. В разное время в Узком отдыхали О. Мандельштам (1928), Б. Пастернак (1957) и др.

[74] Пахомов Николай Павлович (1890–1978) — искусствовед, литературный критик, библиофил. Автор монографий «Лермонтов в изобразительном искусстве» (1940) и «Живописное наследство Лермонтова» (1948). С 1948 г. до конца 1960-х гг. — директор

Но у Вас вид везде чудесный, поэтому и посылаю эти карточки, несмотря на их ультра-дилетантский фотографический стиль»[75].

Теперь, спустя три десятилетия, фотография, наконец, получает верную атрибуцию:

Н.П. Пахомов, В.В. Виноградов, А.А. Ахматова, Н.М. Малышева-Виноградова. Санаторий «Узкое», Подмосковье. Сентябрь или октябрь 1959 г. (ИРЛИ)
N.P. Pakhomov, V.V. Vinogradov, A.A. Akhmatova, N.M. Malysheva-Vinogradova. Sanatorium "Uzkoe," Moscow region. September or October 1959 (IRLI)

Литература

1. Анна Ахматова в записях Дувакина / вступ. ст., сост. и коммент. О.С. Фигурновой. М.: Наталис, 1999. 367 с.

музея-усадьбы «Абрамцево» Академии наук СССР. Широко известен также как специалист по русским гончим.

Встречу с Ахматовой осенью 1959 г. Н.П. Пахомов упоминает в беседе с В.Д. Дувакиным 14 августа 1972 г.: «Несколько лет тому назад, когда я отдыхал в “Узком”, то там отдыхал Виноградов Виктор Владимирович. <…> Он сказал: “Николай Павлович, я послал машину за Анной Андреевной — они были знакомы, — Ахматовой. Приходите, мы вместе пойдем по парку”. Ну, она приехала. Она в это время уже очень болела сердцем, и, поднявшись на второй этаж, она не смогла уже больше выходить. Пришла ко мне в номер Надежда Матвеевна, жена Виноградова. “Приходите к нам”. Ну, я пришел. И вот мы встретились с Анной Андреевной, которая была уже очень монументальна, полная, совсем не тот образ...» [1, с. 34].

[75] ОР РНБ. Ф. 1073. № 767. Л. 3–3 об. Это письмо учтено в «Летописи жизни и творчества Ахматовой» [13, с. 655], однако до сих пор — насколько нам известно — никем не соотносилось с описываемой фотографией.

2. Анна Ахматова и Союз писателей / публ., вступ. заметки и заключ. В. Бахтина // Звезда. 1996. № 8. С. 228–238.

3. *Ахматова А.А.* О Пушкине: Статьи и заметки . 3-е изд. / сост., послесл. и примеч. Э.Г. Герштейн. М.: Книга, 1989. 367 с.

4. *Бабаев Э.Г.* А.А. Ахматова в письмах к Н.И. Харджиеву (1930–1960-е гг.) // «Тайны ремесла»: Ахматовские чтения. М.: Наследие, 1992. Вып. 2. С. 198–228.

5. Библиотека А.С. Пушкина: Приложение к репринтному изданию / авт. ст. и примеч. Л.С. Сидяков. М.: Книга, 1988. 116 с.

6. *Виноградов В.В.* Сюжет о влюбленном бесе в творчестве Пушкина и в повести Тита Космократова (В.П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском» // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. Т. 10. С. 121–146.

7. Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных; коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991. 720 с.

8. *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе / вступ. ст. А.С. Кушнера. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.

9. *Глен Н.* Вокруг старых записей // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных; коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991. С. 627–639.

10. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; научн. консульт., вводн. заметки, указатели В.А. Черных. М.; Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. 850 с.

11. *Измайлов Н.В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. / публ. и коммент. Н.А. Прозоровой // Пушкинист Н.В. Измайлов. В Петербурге и Оренбурге. Калуга: Золотая аллея, 2008. С. 9–120.

12. *Латманизов М.В.* Разговоры с Ахматовой / предисл., публ. и прим. А.Г. Терехова // Русская литература. 1989. № 3. С. 67–96.

13. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966 / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Черных. 3-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2016. 944 с.

14. *Мурьянов М.Ф.* Пушкинское «Сотворение мира» // Московский пушкинист: ежегод. сб. М.: Наследие, 1997. Вып. 4. С. 5–14.

15. Неопубликованная рецензия Д.П. Якубовича на сборник А.А. Ахматовой «Четки» / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Я.В. Слепкова и В.В. Турчаненко // Русская литература. 2024. № 3. С. 115–128.

16. *Оксман Ю.Г.* Из дневника, которого я не веду // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных; коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991. С. 640–647.

17. *Орлова Р., Копелев Л.* Мы жили в Москве: 1956–1980. М.: Книга, 1990. 447 с.

18. *Пушкин А.С.* Сочинения. СПб.; Л.: Имп. Акад. наук; Изд-во АН СССР, 1900–1929.

19. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 7: Драматические произведения. 728 с.

20. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. / ред. комитет: М. Горький, Д.Д. Благой, С.М. Бонди, В.Д. Бонч-Бруевич, Г.О. Винокур, А.М. Деборин, П.И. Лебедев-Полянский, Б.В. Томашевский, М.А. Цявловский, Д.П. Якубович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

21. Рукописи А.С. Пушкина: Фототипическое издание. Альбом 1833–1835 годов. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Комментарий. М.: Гослитиздат, 1939. 69 с.

22. Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / подгот. к печати и коммент. М.А. Цявловский, Л.Б. Модзалевский, Т.Г. Зенгер. М.; Л.: Academia, 1935. 926 с. (Труды Пушкинской комиссии Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР)

23. *Тименчик Р.Д.* Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л.: Наука, 1982. С. 106–118.

24. *Тименчик Р.Д.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь: Крымский Архив, 2011. Вып. 9. С. 109–145.

25. *Тименчик Р.Д.* [Комментарии к статье В.В. Виноградова «О символике Анны Ахматовой»] // Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей: От Гоголя до Ахматовой / отв. ред. А.П. Чудаков. М.: Наука, 2003. С. 382–387.

26. *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы / 2-е изд., испр. и расш. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2014. Т. 1. 592 с. Т. 2. 632 с.

27. *Тименчик Р.Д., Лавров А.В.* Материалы А.А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 53–82.

28. *Томашевская З.Б.* Я — как петербургская тумба // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / сост. М.М. Кралин. Л.: Лениздат, 1990. С. 417–438.

29. *Томашевский Б.В.* Д.П. Якубович // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [Т.] 6. С. 5–14.

30. *Турчаненко В.В.* Анна Ахматова и Дмитрий Якубович: штрихи к портретам пушкинистов // «Одна великолепная цитата…»: сб. ст. и материалов к 70-летию Наталии Ивановны Крайневой. М.: Азбуковник, 2023. С. 245–258.

31. *Турчаненко В.В.* К истории выдвижения академического издания Полного собрания сочинений А.С. Пушкина на Сталинскую премию // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 5. С. 524–552.

32. *Турчаненко В.В.* Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг.: (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2020. Вып. 34. С. 144–180.

33. *Турчаненко В.В.* Незавершенный редакторский труд Д.П. Якубовича (седьмой «Временник Пушкинской комиссии») // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2024. Вып. 38. С. 223–240.

34. *Турчаненко В.В.* «Пишу в стихах посланье в Сочи...»: Черноморские открытки Б.В. Томашевского и Д.П. Якубовича (лето 1933 года) // «... и не кончается строка»: сборник в честь Марии Наумовны Виролайнен. СПб.: Росток, 2024. С. 267–297.

35. *Хейт А.* Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой / пер. с англ. М. Тименчика; предисл. А. Наймана; коммент. В. Черных, Э. Бабаева, Э. Герштейн. М.: Радуга, 1991. 383 с.

36. *Якубович Д.П.* Пушкин в библиотеке Вольтера // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18. С. 905–922.

Research Article and Publication of Archival Documents

Anna Akhmatova and the Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences

© 2025. Alexey Yu. Balakin, Vladidmir V. Turchanenko
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The study was carried out at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences with the grant of the Russian Science Foundation no. 24-28-01206 (https://rscf.ru/project/24-28-01206/).

We express our deep gratitude to N.I. Krayneva and Ya.V. Slepkov for detailed consultations during the work with the A.A. Akhmatova fund. We thank T.I. Krasnoborodko, K.A. Chudakova and D.S. Krasilnikova for assistance in archival research, and R.D. Timenchik for valuable bibliographical references.

Abstract: Anna Akhmatova's participation in the guild of Pushkin scholars consists not only of her profound and absolutely professional articles about Pushkin, but also of her direct involvement in the institutional work of Russian Pushkin scholars. The proposed article problematizes Akhmatova's relationships with representatives of academic Pushkin studies in the 1930s–1960s. Using archival material (including documents from A.A. Akhmatova's personal collection in the OR RNB), the authors reconstruct the history of one of the crucial Russian humanitarian academic institutions, i. e., the Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences in the 1940s–1950s, while simultaneously filling in the "blank spots" in Akhmatova's biography. Particular attention is paid to identifying evidence of her personal contacts with D.P. Yakubovich, Yu.G. Oksman, and V.V. Vinogradov. For the first time, the article presents the personal compositions of the Pushkin Commission (1945 and 1958), the letter of T.G. Tsyavlovskaya to Akhmatova from March 1934, dedicated to the work on the volume "By Pushkin's Hand," and other materials for the biography of Anna Akhmatova, and provides comprehensive information on the materials of the Pushkin Commission and the sector (group) of Pushkin studies, deposited in Akhmatova's personal archival fund. The article ends with the attribution of a group photo portrait.

Keywords: "Pushkin Studies" by Anna Akhmatova, A.S. Pushkin, academic Pushkin studies, V.V. Vinogradov, Yu.G. Oksman, B.V. Tomashevsky, D.P. Yakubovich.

Information about the authors:

Alexey Yu. Balakin, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7194-5461

E-mail: balakin@inbox.ru

Vladimir V. Turchanenko, Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0573-4583

E-mail: vladimir.turchanenko@mail.ru

For citation: Balakin, A.Yu., and V.V. Turchanenko. “Anna Akhmatova and the Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 387–418. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-387-418

References

1. *Anna Akhmatova v zapisiakh Duvakina* [*Anna Akhmatova in Duvakin’s Notes*], introd., comp. and comm. by O.S. Figurnov. Moscow, Natalis Publ., 1999. 367 p. (In Russ.)

2. “Anna Akhmatova i Soiuz pisatelei” [“Anna Akhmatova and the Writers’ Union”], publ., introd. and afterword by V. Bakhtin. *Zvezda*, no. 8, 1996, pp. 228–238. (In Russ.)

3. Akhmatova, A.A. *O Pushkine: Stat’i i zametki* [*About Pushkin: Articles and Notes*], comp., afterword and notes by E.G. Gershtein. Moscow, Kniga Publ., 1989. 367 p. (In Russ.)

4. Babaev, E.G. “A.A. Akhmatova v pis’makh k N.I. Khardzhievu (1930–1960-e gg.)” [“A.A. Akhmatova in Her Letters to N.I. Khardzhiev (1930–1960s)”]. *“Tainy remesla”: Akhmatovskie chteniia* [*“Secrets of the Craft”: Akhmatova Readings*], issue 2. Moscow, Nasledie Publ., 1992, pp. 198–228. (In Russ.)

5. *Biblioteka A.S. Pushkina: Prilozhenie k reprintnomu izdaniiu* [*The Library of A.S. Pushkin: Supplement to the Reprint Edition*], author of the article and notes L.S. Sidiakov. Moscow, Kniga Publ., 1988. 116 p. (In Russ.)

6. Vinogradov, V.V. “Siuzhet o vliublennom bese v tvorchestve Pushkina i v povesti Tita Kosmokratova (V.P. Titova) ‘Uedinennyi domik na Vasil’evskom’.” [“The Plot of the Enamored Demon in Pushkin’s Works and in Titus Kosmokratov’s (V.P. Titov’s) Story ‘The Secluded House on Vasilievsky Island’.”] *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [*Pushkin: Research and Materials*], vol. 10. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 121–146. (In Russ.)

7. *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi* [*Memories About Anna Akhmatova*], comp. V.Ia. Vilenkin and V.A. Chernykh, comm. by A.V. Kurt and K.M. Polivanov. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1991. 720 p. (In Russ.)

8. Ginzburg, L.Ia. *Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse* [*Notebooks. Memories. Essays*], introd. article by A.S. Kushner. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2002. 768 p. (In Russ.)

9. Glen, N. “Vokrug starykh zapisei” [“Around the Old Notes”]. *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi* [*Memories About Anna Akhmatova*], comp. V.Ia. Vilenkin and V.A. Chernykh, comm. by A.V. Kurt and K.M. Polivanov. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1991, pp. 627–639. (In Russ.)

10. *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)* [*Anna Akhmatova’s Notebooks (1958–1966)*], comp. and text prep. by K.N. Suvorova, introd. article by E.G. Gershtein, scientific adv., introd. notes and indexes by V.A. Chernykh. Moscow, Torino, Giulio Einaudi Publ., 1996. 850 p. (In Russ.)

11. Izmailov, N.V. “Vospominaniia o Pushkinskom Dome. 1918–1928 gg.” [“Memories of the Pushkin House. 1918–1928”], publ. and comm. by N.A. Prozorova. *Pushkinist N.V. Izmailov. V Peterburge i Orenburge* [*Pushkinist N.V. Izmailov. In St. Petersburg and Orenburg*]. Kaluga, Zolotaia alleia Publ., 2008, pp. 9–120. (In Russ.)

12. Latmanizov, M.V. “Razgovory s Akhmatovoi” [“Conversations with Akhmatova”], foreword, publ. and notes by A.G. Terekhov. *Russkaia literatura*, no. 3, 1989, pp. 67–96. (In Russ.)

13. *Letopis’ zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. 1889–1966* [*Chronicle of Anna Akhmatova’s Life and Work. 1889–1966*], comp., text prep., introd. article and comm. by V.A. Chernykh. 3rd ed., rev. and enl. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 944 p. (In Russ.)

14. Mur'ianov, M.F. "Pushkinskoe ʻSotvorenie mira'." ["Pushkin's ʻCreation of the World'."] *Moskovskii pushkinist: ezhegodnyi sbornik* [*Moscow Pushkinist: Annual Collection*], issue 4. Moscow, Nasledie Publ., 1997, pp. 5–14. (In Russ.)

15. "Neopublikovannaia retsenziia D.P. Iakubovicha na sbornik A.A. Akhmatovoi ʻChetki'." ["D.P. Yakubovich's Unpublished Review of A.A. Akhmatova's Collection ʻRosary'."], introd. article, text prep. and comm. by Ia.V. Slepkov and V.V. Turchanenko. *Russkaia literatura*, no. 3, 2024, pp. 115–128. (In Russ.)

16. Oksman, Iu.G. "Iz dnevnika, kotorogo ia ne vedu" ["From the Diary that I Don't Keep"]. *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi* [*Memories About Anna Akhmatova*], comp. V.Ia. Vilenkin and V.A. Chernykh, comm. by A.V. Kurt and K.M. Polivanov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991, pp. 640–647. (In Russ.)

17. Orlova, R., and L. Kopelev. *My zhili v Moskve: 1956–1980* [*We Lived in Moscow: 1956–1980*]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 447 p. (In Russ.)

18. Pushkin, A.S. *Sochineniia* [*Works*]. St. Petersburg, Leningrad, Imperial Academy of Sciences Publ., Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1900–1929. (In Russ.)

19. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii* [*Complete Works*], vol. 7: Dramaticheskie proizvedeniia [Dramatic Works]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1935. 728 p. (In Russ.)

20. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii.* [*Complete Works*], ed. committee M. Gor'kii, D.D. Blagoi, S.M. Bondi, V.D. Bonch-Bruevich, G.O. Vinokur, A.M. Deborin, P.I. Lebedev-Polianskii, B.V. Tomashevskii, M.A. Tsiavlovskii, D.P. Iakubovich. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1937–1959. (In Russ.)

21. *Rukopisi A.S. Pushkina: Fototipicheskoe izdanie. Al'bom 1833–1835 godov. Tetrad' № 2374 Publichnoi biblioteki SSSR im. V.I. Lenina. Kommentarii* [*A.S. Pushkin's Manuscripts: Phototype Edition. Album of 1833–1835. Notebook no. 2374 of the Lenin Public Library of the USSR. Commentary*]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1939. 69 p. (In Russ.)

22. *Rukoiu Pushkina: Nesobrannye i neopublikovannye teksty* [*By Pushkin's Hand: Uncollected and Unpublished Texts*], prep. for publ. and comm. M.A. Tsiavlovskii, L.B. Modzalevskii and T.G. Zenger. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 926 p. (Trudy Pushkinskoi komissii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR) (In Russ.)

23. Timenchik, R.D. "Anna Akhmatova i Pushkinskii Dom" ["Anna Akhmatova and Pushkin House"]. *Pushkinskii Dom: Stat'i. Dokumenty. Bibliografiia* [*Pushkin House: Articles. Documents. Bibliography*]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 106–118. (In Russ.)

24. Timenchik, R.D. "Iz Imennogo ukazatelia k ʻZapisnym knizhkam' Akhmatovoi" ["From the Name Index to Akhmatova's ʻNotebooks'."]. *Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorchestvo. Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik* [*Anna Akhmatova: Era, Fate, Creativity. Crimean Akhmatova Scientific Collection*], issue 9. Simferopol, Krymskii Arkhiv Publ., 2011, pp. 109–145. (In Russ.)

25. Timenchik, R.D. "Kommentarii k stat'e V.V. Vinogradova ʻO simvolike Anny Akhmatovoi'." ["Comments on the Article by V.V. Vinogradov ʻOn the Symbolism of Anna Akhmatova'."] Vinogradov, V.V. *Izbrannye trudy. Iazyk i stil' russkikh pisatelei: Ot Gogolia do Akhmatovoi* [*Selected Works. Language and Style of Russian Writers: From Gogol to Akhmatova*], ex. ed. A.P. Chudakov. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 382–387. (In Russ.)

26. Timenchik, R. *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody* [*The Last Poet. Anna Akhmatova in the 60s*], vol. 1,2. 2nd ed., corr. and exp. Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., Gesharim Publ., 2014. 592 p., 632 p. (In Russ.)

27. Timenchik, R.D., and A.V. Lavrov. "Materialy A.A. Akhmatovoi v Rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma" ["A.A. Akhmatova's Materials in the Manuscript Department of the Pushkin House"]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1974 god*

[*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1974*]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 53–82. (In Russ.)

28. Tomashevskaia, Z.B. “Ia — kak peterburgskaia tumba” [“I Am Like a St. Petersburg Pedestal”]. *Ob Anne Akhmatovoi: Stikhi, esse, vospominaniia, pis’ma* [*About Anna Akhmatova: Poems, Essays, Memoirs, Letters*], comp. M.M. Kralin. Leningrad, Lenizdat Publ., 1990, pp. 417–438. (In Russ.)

29. Tomashevskii, B.V. “D.P. Iakubovich” [“D.P. Yakubovich”]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii* [*Pushkin: Almanac of Pushkin Commission*], vol. 6. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1941, pp. 5–14. (In Russ.)

30. Turchanenko, V.V. “Anna Akhmatova i Dmitrii Iakubovich: shtrikhi k portretam pushkinistov” [“Anna Akhmatova and Dmitry Yakubovich: Touches to the Portraits of Pushkin Scholars”]. *“Odna velikolepnaia tsitata…”: sbornik statei i materialov k 70-letiiu Natalii Ivanovny Krainevoi* [*“One Magnificent Quote...”: Collection of Articles and Materials for the 70th Anniversary of Natalia Ivanovna Krayneva*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2023, pp. 245–258. (In Russ.)

31. Turchanenko, V.V. “K istorii vydvizheniia akademicheskogo izdaniia Polnogo sobraniia sochinenii A.S. Pushkina na Stalinskuiu premiiu” [“On the History of the Nomination of the Academic Edition of the Complete Works of A.S. Pushkin for the Stalin Prize”]. *Codex manuscriptus* [*Codex Manuscriptus*], issue 5. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 524–552. (In Russ.)

32. Turchanenko, V.V. “Nauchnye zasedaniia, organizatsionnye sobraniia i soveshchaniia Pushkinskoi komissii Akademii nauk SSSR v Leningrade v 1931–1936 gg.: (po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN)” [“Scientific Sessions, Organizational Meetings and Conferences of the Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences in Leningrad in 1931–1936: (Based on Materials from the St. Petersburg Branch of the RAS Archives)”]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [*Pushkin: Almanac of Pushkin Commission*], issue 34. St. Petersburg, Rostok Publ., 2020, pp. 144–180. (In Russ.)

33. Turchanenko, V.V. “Nezavershennyi redaktorskii trud D.P. Iakubovicha (sed’moi ‘Vremennik Pushkinskoi komissii’)” [“Unfinished Editorial Work of D.P. Yakubovich (The 7th ‘ Almanac of Pushkin Commission’)”]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [*Almanac of Pushkin Commission*], issue 38. St. Petersburg, Rostok Publ., 2024, pp. 223–240. (In Russ.)

34. Turchanenko, V.V. “‘Pishu v stikhakh poslan’e v Sochi...’: Chernomorskie otkrytki B.V. Tomashevskogo i D.P. Iakubovicha (leto 1933 goda)” [“‘I Am Writing a Message in Verse to Sochi...’: Black Sea Postcards by B.V. Tomashevsky and D.P. Yakubovich (Summer 1933)”]. *“... i ne konchaetsia stroka”: sbornik v chest’ Marii Naumovny Virolainen* [*“... and the Line Never Ends”: A Collection in Honor of Maria Naumovna Virolainen*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2024, pp. 267–297. (In Russ.)

35. Kheit, A. *Anna Akhmatova. Poeticheskoe stranstvie. Dnevniki, vospominaniia, pis’ma A. Akhmatovoi* [*Anna Akhmatova. Poetic Journey. Diaries, Memories, Letters of A. Akhmatova*], trans. from English by M. Timenchik, foreword by A. Naimana, comm. V. Chernykh, E. Babaeva, E. Gershtein. Moscow, Raduga Publ., 1991. 383 p. (In Russ.)

36. Iakubovich, D.P. “Pushkin v biblioteke Vol’tera” [“Pushkin in Voltaire’s Library”]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 16–18. Moscow, Zhurnal’no-gazetnoe ob”edinenie Publ., 1934, pp. 905–922. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.08.2024
Одобрена после рецензирования: 18.02.2025
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 02.08.2024
Approved after reviewing: 18.02.2025
Date of publication: 25.03.2025

К 130-летию со дня рождения и 100-летию смерти Сергея Есенина

С.А.Есенин. Фото. Между 29 июня и 3 июля 1922. Дюссельдорф.

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

Научный обзор
УДК 821.161.1.0 + 802.091
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-418-443
https://elibrary.ru/BGEEMF

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Сергей Есенин в энциклопедическом формате. Статья первая. От Полного собрания сочинений и Летописи к Есенинской энциклопедии

© 2025, Н.И. Шубникова-Гусева
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
Москва, Россия

Аннотация: Статьи посвящены осуществляемому в ИМЛИ РАН научному проекту «Есенинская энциклопедия» — своду сведений о жизни и творчестве С.А. Есенина и его роли в русской и мировой культуре, основанному на фундаментальных академических трудах: Полном собрании сочинений С.А. Есенина в 7 т. (9 кн.) (1995–2001), Летописи жизни и творчества С.А. Есенина в 5 т. (7 кн.) (2003–2018), и исследованиях последних лет. Рассмотрены вопросы концепции, состава и структуры этого труда и пути их решения. Уделяется внимание вышедшему в свет к 125-летию со дня рождения и готовящемуся к переизданию выпуску «Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Памятные места. Литературная география», связанному с биографией и творчеством поэта и памятью о нем в России и мире (вошло 357 статей о 442 топонимах). Показано своеобразие статей о реальных и литературных топонимах разного типа, значение которых состоит в том, чтобы раскрыть их смысл и функции, семантику, источники, историко-литературный контекст, восприятие современниками и трактовку исследователями. Приводятся характерные примеры статей о реальных и литературных, в т. ч. библейских, религиозно-философских и созданных самим поэтом, топонимах (Инония, Страна Негодяев и др.). Анализируется готовящийся к изданию второй выпуск «Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Произведения» (около 450 статей, 200 ил.), снабженный библиографией научных работ об этих произведениях и многоуровневым комментарием — текстологическим, реальным, поэтиковедческим и общекультурным. Обоснованы состав и структура статей о произведении, предусмотрено приложение, с расширенным текстологическим комментарием (автограф (рукописи), датировка, публикации, переводы и др.). Отдельный раздел энциклопедической статьи посвящен библиографии переводов С.А. Есенина, в которой впервые дается перечень прижизненных и первых посмертных переводов произведений С.А. Есенина (1920–1927 гг.), а в ряде

случаев их характеристика. Отражена динамика вхождения поэта в мировой литературный процесс стран Азии, Америки, Европы в 20-е годы прошлого века.

Ключевые слова: С.А. Есенин, Есенинская энциклопедия, концепция, состав, структура, биография, топонимы, произведения, переводы

Информация об авторе: Наталья Игоревна Шубникова-Гусева (Гусева) — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3753-2935

E-mail: shubnikova-gus@mail.ru

Для цитирования: *Шубникова-Гусева Н.И.* Сергей Есенин в энциклопедическом формате. Статья первая. От Полного собрания сочинений и Летописи к Есенинской энциклопедии // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 418–443. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-418-443

«Есенинская энциклопедия» (далее ЕЭ), готовящаяся в Институте мировой литературы Российской академии наук, является одним из итоговых проектов перспективного плана работы по подготовке и выпуску фундаментальных трудов, посвященных изучению жизни и творчества великого русского поэта Сергея Александровича Есенина (1895–1925). Этот план был утвержден в 1993 г., и за прошедшие 30 лет работы группы изучения жизни и творчества С.А. Есенина подготовлены и изданы Полное собрание сочинений С.А. Есенина в 7 т. (9 кн.) (1995–2001) (ПСС), Летопись жизни и творчества С.А. Есенина в 5 т. (7 кн.) (2003–2018) (Летопись), «Есенинская энциклопедия: Памятные места. Литературная география» (2020), 25 научных сборников-спутников этих изданий, а также целый ряд комментированных трудов и монографий, посвященных не исследованным ранее проблемам биографии, текстологии, поэтики, критики, рецепции творчества Есенина за рубежом и др.

«Есенинская энциклопедия» (ЕЭ), подводя итог современному этапу изучения творчества поэта, даст возможность получить полный свод данных о его жизни и творчестве, литературном и бытовом окружении, истории его наследия в искусстве, воздвигнутых ему памятниках, о литературных музеях и т. д.

К истории вопроса

Учитывая сложность и объем нового научно-исследовательского проекта, было решено начать разработку и обсуждение концепции, проблем и состава авторов будущей ЕЭ параллельно с созданием Летописи жизни и творчества С.А. Есенина. После выхода второго

тома Летописи и существенного задела на следующие тома этого труда в 2006 г. по инициативе ИМЛИ РАН была проведена научная конференция «Есенинская энциклопедия: Концепция, проблемы, перспективы», а затем расширенное заседание с участием сотрудников Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина (РГУ), Государственного музея-заповедника С.А. Есенина в Константинове (ГМЗЕ)424 и видных исследователей творчества поэта из России и зарубежья, а также родных поэта. Все последующие ежегодные Международные научные конференции и другие научные мероприятия, а также научные труды по их материалам были проведены с учетом наиболее актуальных и малоисследованных проблем ЕЭ: «Есенинская энциклопедия: Концепция, проблемы, перспективы» (2007), «Есенин и мировая культура» (2008), «Поэтика и проблематика творчества С.А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии» (2009), «Проблемы научной биографии С.А. Есенина» (2010), «Сергей Есенин. Диалог с XXI веком» (2011), «Биография и творчество С.А. Есенина в энциклопедическом формате» (2012), «Сергей Есенин и русская история» (2013), «Сергей Есенин и искусство» (2014), «Сергей Есенин и его современники» (2015) и др.

Подготовительная работа за десять лет прошла три этапа. С 2006 г. разрабатывалась концепция и формировался состав авторов ЕЭ. На втором этапе — исследование «белых пятен». На третьем — проект проспекта, словника и научного аппарата издания ЕЭ.

Концепция Есенинской энциклопедии

Один из основных концептуальных вопросов — вопрос о типе издания. В его решении учтен опыт родственных академических трудов, прежде всего «Лермонтовской энциклопедии» ([3], далее ЛЭ), которая явилась образцом академического издания. ЛЭ строится по принципу «все для всех» и представляет свод знаний по всем проблемам изучения жизни и творчества писателя, его многосторонней роли в истории русской и мировой культуры. Здесь решаются вопросы соотношения строгой научности и популярности. Так же и ЕЭ должна быть не только научным трудом, но и «народной» книгой, настольной для каждого, кто любит поэзию Есенина и русскую литературу. Возникает вопрос, чем же она может быть полезной для исследователей. Ответ на него, по мнению Б.С. Мейлаха, четко сформулирован в предисловии к «Шекспировской энциклопедии» (Лондон, 1974): энциклопедия позволяет «будущим ученым избежать прихотливых суждений, самоуверенных необоснованных обобщений и более всего — безуспешно маскируемых повторений

устарелых истин. Таким образом, дальнейшее изучение поэта сможет основываться на надежном историческом и эстетическом фундаменте» [5, с. 98].

ЕЭ, ориентированная на ЛЭ, должна быть во многом оригинальной по перечню, типу и содержанию статей, что связано с особенностями творчества самого персонажа, революционной эпохи и литературного процесса первой четверти XX в. Объем материала, без которого не может обойтись ЕЭ, значительно превышает ЛЭ, например, по количеству прижизненных авторских публикаций и критических отзывов на них — в несколько сотен раз (о поэме Есенина «Пугачев» — почти 100 откликов, об «Инонии» — 50). То же можно сказать об активности участия Есенина в литературной жизни и круге его общения.

Творчество Есенина отразило многие особенности первых десятилетий XX в., и хотя отбор материала ЕЭ определяется стремлением осветить факты и события строго в их отношении к Есенину, подобный свод документальных и исследовательских данных явится важным источником для понимания различных аспектов истории русской культуры этого периода. В основу ЕЭ ляжет разработанная современным есениноведением и нашедшая отражение в Полном собрании сочинений С.А. Есенина концепция творчества великого национального поэта, оказавшего мощное воздействие на русскую культуру и имеющего мировое значение. Есенин — лирический и эпический поэт и прозаик, историк русской жизни (автор «Песни о Евпатии Коловрате», «Марфы Посадницы», «Яра», «Пугачева», «Песни о великом походе», «Гуляй-поля», «Ленина», «Анны Снегиной»), философ, теоретик искусства, один из родоначальников новейшей русской литературы и реформатор русского литературного языка. Есенин — один из культурных и образованных людей своего времени, открывший, по его собственным словам, «новую полосу в эре искусства», создавший мифопоэтику, в которой ориентировался на «многорукое и многоглазое хозяйство русского искусства». Есенина еще в 1922 г. во Франции называли первым поэтом 150-миллионной России, видя в его творчестве то вечное и непреходящее, что будет всегда понятно каждому, и сравнивая русского поэта как явление природы с Данте и Шекспиром.

Известный польский критик Анджей Ставар в 1926 г. в рецензии на книгу Есенина «Пугачев» в переводе В. Броневского высказал неожиданную для того времени мысль: «Простота и крестьянский характер поэзии Есенина — в значительной мере продукт большой интеллектуальной изощренности» (см.: [9, с. 652]). Сегодня мы

можем сказать, что эта особенность поэзии Есенина конкретно раскрыта в научном аппарате ПСС С.А. Есенина и Летописи. Основное отличие ЕЭ состоит в том, что основанием для интерпретации философских и многослойных произведений Есенина является текстология. Такой подход определяет своеобразие методологии ЕЭ, в которой особое внимание уделяется именно текстологическим вопросам: датировкам, контексту и источникам, рукописным, литературным и биографическим.

Сегодня Есенин вышел далеко за рамки крестьянской поэзии и «органа, созданного природой» и предстал одной из ярчайших фигур литературы Серебряного века, поэтом-новатором, одним из наиболее сложных и глубоких поэтов своего времени. В последние годы наука выходит на новый уровень изучения творчества Есенина в мировом контексте. Изучение стратегий рецепции творчества поэта в Европе, Азии и Америке в разные годы также позволяет по-новому взглянуть на личность поэта и его творчество. Позволяет понять, чем же притягивает поэзия Есенина, в чем видится его новаторство представителями разных национальных культур и наметить перспективы дальнейшего изучения его творческого наследия.

Вопреки сложившемуся облику «гуляки праздного» Есенин раскрылся суровым мастером, как он называл себя сам. Мастером, неустанно работающим над текстами своих произведений. Мастером не только лирических, но и эпических жанров. Мудрым и ироничным художником, творчество которого всегда характеризовалось множеством противоположных интерпретаций, реально заложенных в многоголосии его произведений. Таким Есенин будет представлен на страницах ЕЭ.

Большой вклад в подготовку ЕЭ внесли родные поэта, научные сотрудники РГУ им. С.А. Есенина, ГМЗЕ в Константинове и Московского государственного музея С.А. Есенина, российские и зарубежные специалисты, исследователи творчества поэта, члены Есенинского международного общества «Радуница». В работе над статьями планируется участие специалистов разных областей знания: лингвистов, историков, переводчиков, искусствоведов и др. (для сравнения: в Лермонтовской энциклопедии — 200 авторов, в Шевченковской — 500).

Авторами ЕЭ стали сотрудники ИМЛИ Н.И. Гусева (Шубникова-Гусева), А.А. Николаева, Т.К. Савченко, Е.А. Самоделова, С.А. Серегина, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, а также А.П. Зименков, Н.В. Михаленко, В.Н. Терехина. На подготовительном этапе сотрудникам есенинской группы ИМЛИ удалось привлечь ученых,

архивистов, музейных сотрудников и переводчиков нашей страны и зарубежья, в том числе тех, кто работал над Летописью (Н.М. Солобай (историк-архивист, независимый исследователь), О.Е. Воронова, А.А. Никольский (РГУ им. С.А. Есенина), Б.И. Иогансон, О.Л. Аникина, Н.Н. Бабицына (ГМЗЕ), Л.А. Алексеева (ГЛМ), Н.М. Солнцева, А.Г. Машкова, Е.Ф. Фирсов (МГУ), Н.В. Чикина, А.В. Амелина (Россия), а также: М. Никё (Франция), Г. Маквей (Англия), М. Мейкин (США), Г. Бобилевич и Е. Шокальски (Польша), Г. Кубишова (Словакия), Д. Балан (Румыния), И. Макарем (Сирия), В. Молодяков (Япония) Гун Цинцин (Китай), Дао Туан Ань (Вьетнам), З.Г. Айрян (Армения), И. Исаханлы, Г.И. Шипулина (Азербайджан), Х.Ш. Табатадзе, Г.Ломидзе (Грузия) и др.), а также педагогов, литераторов, библиотечных работников, библиографов и краеведов.

Состав и структура

Структура ЕЭ содержит Предисловие, основную Алфавитную словарную часть и Приложение, включающее Хронику жизни и творчества С.А. Есенина, Основную литературу о жизни и творчестве С.А. Есенина, Словарь рифм Есенина. Кроме указателя статей по тематическим разделам ЕЭ, планируется указатель имен, упоминаемых в ЕЭ, и список иллюстраций. Вошедшие в словарную часть статьи можно объединить в 15 тематических рубрик (в ЛЭ — 10). Некоторые из них состоят в свою очередь из подразделов.

Всего планируется около 2 500 статей. Предполагаемый тематический указатель статей словарной части энциклопедии будет включать перечень всех вошедших в ЕЭ статей (Словник), объединенных в соответствующие тематические рубрики (разделы), и в будущем будет служить путеводителем, позволяющим читателю ориентироваться в содержании книги.

Планируемые тематические рубрики (разделы):

I. Произведения (в т. ч. незаконченные и приписываемые Есенину);

II. Биография;

III. Окружение Есенина (родственники, близкое окружение, знакомые и современники);

IV. Мировоззрение. Поэтика. Язык;

V. Есенин и русская литература;

VI. Есенин и литература народов России и ближнего зарубежья;

VII. Есенин и русское зарубежье;

VIII. Есенин и зарубежные литературы;

IX. Есенин и фольклор;

X. Прижизненные сборники и отдельные издания произведений;

XI. Коллективные сборники и альманахи;

XII. Периодические органы печати;

XIII. Есенин и искусство;

XIV. Есенинские памятные места и музеи. Литературная топография;

XV. История изучения и восприятия творчества Есенина. Есениноведение.

Из перечисленных разделов в ЛЭ пять отсутствуют: Фольклор, Русское зарубежье, Прижизненные книги и отдельные издания произведений, Коллективные сборники и альманахи; Периодические органы печати (имеются в виду прижизненные публикации произведений Есенина и литературы о нем).

Анализ исследовательской литературы по ключевым вопросам планируемых разделов выявил немало неизученных проблем есениноведения, которые прежде всего касались разделов «Есенин и зарубежные литературы», «Есенин и искусство», «Мировоззрение, поэтика, язык». Изучению этих «белых пятен» был посвящен второй этап подготовительного периода. Особое внимание этим вопросам было уделено при завершении работы над Летописью.

Особая сложность состояла в составлении Словника — оптимального перечня словарных статей, включающих необходимые понятия, события, явления, имена и факты жизни и творчества Есенина. Проект Словника ЕЭ объемом около 2 500 позиций, выполненный коллективом есенинской группы по гранту РГНФ в 2014–2016, имеет самостоятельное научное значение. Такого рода работа, «Словник Пушкинской энциклопедии», опубликована (М.: Сов. энциклопедия. 1976). Составителями ЕЭ были подготовлены и в 2015 г. изданы в качестве рабочих материалов «Методические рекомендации для авторов», где был полностью опубликован разработанный на тот момент Словник с пояснительными преамбулами по каждому разделу, перечень планируемых статей в каждом из них и Приложение с примерами статей ЕЭ. В процессе работы над текстами ЕЭ словник может уточняться. Подготовка энциклопедии — длительный и трудоемкий процесс. В связи с этим по ходу работы над ЕЭ возможна подготовка отдельных выпусков по основным разделам энциклопедии.

Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Памятные места. Литературная география

Первый внеплановый выпуск ЕЭ «Памятные места. Литературная география. 1895–1925» [2], подготовленный к 125-летию со дня рождения поэта, издан при финансовой поддержке Правительства Рязанской области. Выбор темы обусловлен тем, что она непосредственно связана с биографией и творчеством поэта, с памятью о нем в России и мире. Кроме того, первый выпуск ЕЭ тематически связан с путеводителями по Государственному музею-заповеднику С.А. Есенина, по отделу Государственного музея-заповедника С.А. Есенина в городе Спас-Клепики и с Всемирными картами есенинских мест (Европейский и Американский векторы), изданными в Константинове и Рязани в 2019 и 2020 гг. Такой труд представлен впервые и не имеет аналогов, поэтому особое внимание уделено содержанию и структуре, вошедших в первый выпуск ЕЭ статей.

Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Памятные места. Литературная география
Yesenin Encyclopedia. 1895–1925. Memorable Places. Literary Geography

Все статьи, вошедшие в том (их 357), отражают 442 есенинских, реальных и литературных, топонимов. Наиболее сложными являются статьи, посвященные литературным топонимам, которые встречаются в творческом наследии Есенина (произведениях, письмах, автобиографиях и др.). Эти статьи связаны с идейно-художественным содержанием и поэтикой произведений. Их назначение состоит в том, чтобы раскрыть смысл и функции литературного топонима в текстах, его источники, семантику, восприятие современниками и исследователями, а также литературные параллели и историко-литературный контекст. Литературные топонимы могут быть реальными и вымышленными, созданными автором. Реальные топонимы создают фон для развития сюжета, помогают очертить контуры художественного пространства, изображенного в произведении.

Характерными для творчества Есенина являются топонимы Россия и Русь, подчеркивающие историческое величие и многовековые традиции родины поэта, а также Русь уходящая, Русь бесприютная и Русь советская. По этой модели образован и условный топоним Есенинская Русь, обозначающий достопамятное место, которому посвящена в томе специальная статья, написанная М.В. Скороходовым.

Приведем один из примеров статьи о литературном топониме, который отражен в поэтическом цикле «Персидские мотивы» (1924–1925) и входит в автобиографический миф Есенина о его посещении Персии.

> **ТЕГЕРАН** (перс. تهران), столица и крупнейший город *Персии* (ныне — Исламская Республика Иран), административный, политический, экономический, торгово-финансовый и культурный центр страны, один из самых больших городов *Азии*; расположен на ее севере у подножья горного хребта Эльбурс, в 90 км от побережья *Каспийского моря*. Место гибели *А.С. Грибоедова*.
>
> Топоним *Т* неоднократно возникает в переписке Е. 1924–1925. В сент. 1924 в *Баку* поэт знакомится и заводит дружбу с вернувшимся из *Т В.И. Болдовкиным,* получает от него первые достоверные сведения о Персии. Далее предпринимает неоднократные попытки выехать в *Т.* Из его телеграмм *С.А. Виноградской* (25 сент. 1924) и *Г.А. Бениславской* (8 окт. 1924): «Еду Тегеран» (Шубникова-Гусева-2008, 291). В письмах к Бениславской (17 и 20 окт. 1924), сообщая о своих планах («Думаю засесть писать в Тегеране»), Е. признавался: «Зачем черт несет, не знаю» (6, 180). 21 окт. 1924 приглашал к поездке в *Т А.А. Берзинь* (6, 182), 17 нояб. 1924 извещал о намерении

отправиться туда П.М. Денисову-Соколову (6, 185), а 14 дек. 1924 писал *П.И. Чагину* (уже не столь уверенно): «Черт знает, может быть, я проберусь <…> в Тегеран» (6, 188). Наконец, 8 апр. Бениславской: «…я должен лететь в Тегеран. Аппараты хорошие. За паспорт нужно платить, за аэроплан тоже» (6, 209) Побывать в *Т* Е. не удалось.

Как лит. топоним, *Т* (а также производное от него) появляется в стих. из цикла Е. *«Персидские мотивы»* (1924–1925) *«Улеглась моя былая рана…»* (1924) и *«Руки милой — пара лебедей…»* (1925). В первом акцентируется целительное воздействие «синих цветов Тегерана» (1, 248), врачующих душу и сердце лирич. героя; в другом же образ «тегеранской луны», к-рая не может согреть «сердце теплотою» (1, 269), оттеняет его ностальгическое настроение.

Лит.: Шубникова-Гусева-2008; *Солнцева Н.М.* Персия в сознании поэтов Серебряного века // СЕ: Диалог, 289–306; *Болдовкин В.* Он всем нам родной: Восп.... // Юсов-2012, 476–509; ПСС, ук.; Летопись, ук.

Т.К.Савченко [2, с. 312–313].

Особое место занимают так называемые библейские топонимы, раскрывающие сложные религиозно-философские искания Есенина: Голгофа, Елеон, Назарет, Иордань, Сион, Содом, Фавор и др. Одним из примеров может служить статья С.А. Серегиной и С.И. Субботина о Назарете,

«городе в Палестине (ныне на территории Израиля), где, согласно Новому Завету, совершилось Благовещение и прошли детство и юность Иисуса Христа. В апокрифических Евангелиях (Евангелие Фомы, 859) и в Евангелии от Иоанна *Н* — место Его рождения (Ин. 1: 45–46). Эта христ. традиция определяет смысловое наполнение топонима в произведениях Есенина 1917–1918 о мессианской роли революционной *России*. Является составной частью топонима *Восток»* [2, с. 185].

Основное внимание уделяется традиционным христианским смыслам топонима в русской культуре (в т. ч. в картинах В.Д. Поленова, поэзии И.А. Бунина, А. Белого, Н.А. Клюева) и творчестве Есенина:

В цикле *библейских поэм* Е. ***Назарет*** — это метафизическое пространство *России* (*Руси,* Руссии), дающей миру нового Спаса и новую веру «без креста и мук» (2, 68; см. также *Голгофа*). Впер-

вые топоним возникает в поэме *«Певущий зов»* (1917): «В мужичьих яслях / Родилось пламя / К миру всего мира! / Новый Назарет / Перед вами» (2, 26–27). *К.В. Мочульский* характеризовал смысл этих строк: «Исполнились сроки, сбылось писание: избранный народ — “чудотворец”, “широкоскулый и красноротый” принял в свои “корузлые руки” Младенца. Значит, правда, что “деревянная Русь” — рай, что русский мужик — священен и величав, как библейские пастыри. <…>. После дней крови — Страстей Господних — должно наступить “Преображение” русской земли» (Мочульский, 314). Этот комплекс идей оформился у Е. в творч. общении с *Р.В. Ивановым-Разумником,* Клюевым и Белым, став частью скифского мифа (см. *«Скифы»*): «Рождение нового мировоззрения грядущего Социализма — происходит в наши дни <…> И Россия — та страна, где в крови и муках революции совершается это рождение, рождение не голой, отвлеченной идеи, а тела мира нового» (Иванов-Разумник, 8). В стих. *«Тучи с ожерёба…»* (<1917>), близком библейским поэмам по содержанию и поэтике, *Н* становится объектом пророческого утверждения: «Верю: завтра рано, / Чуть забрезжит свет, // Новый под туманом / Вспыхнет Назарет» (1, 106). Локализация *Н «*под туманом» и его возникновение на рассвете, возможно, связаны здесь с аллюзиями Е. на Небесный (Новый) Иерусалим в Евангелии (Откр. 21: 1–27).

В *«Инонии»* (1918) *Н* возникает в заключительной «песне с гор», начинающейся со строк рождественского песнопения: «Слава в вышних Богу / И на земле мир!» (2, 68). В ней раскрываются истоки богоборческого пафоса поэмы в целом: «пророк Есенин Сергей» (2, 61) отказывается «воспринять спасение» через муки и крест (гл. 1), потому что он утверждает Голгофу «без креста и мук» (гл. 4). В *Н* уже родился новый Спас — носитель этой новой веры: «Новый в небосклоне / Вызрел Назарет. / Новый на кобыле / Едет к миру Спас» (2, 68). <…>

С.А. Серегина, С.И. Субботин [2, с. 185–186].

В этой связи обращаем внимание на отличие в характере статей о литературных топонимах в произведениях «Яр» (1915), «Пугачев» (1921) и «Песнь о великом походе» (1924), где особую роль играют этнографические, фольклорные и исторические реалии. Географическое пространство в творчестве Есенина может быть представлено названиями реальных топонимов, часть которых уже не существует: Матово, Белоборка, Кукариха и др. В основном это касается ландшафта родины поэта, приметы которой наиболее

подробно, любовно и тщательно выписаны в повести Есенина «Яр» (автор статьи Е.А. Самоделова).

Одну из групп составляют статьи, связанные с биографией поэта (есенинские места). Это статьи обо всех частях света, странах, городах и других населенных пунктах, реках, озерах, морях, которые видел и посетил поэт или бывал там проездом: в том числе города Москва, Петроград, а также: Бахмач, Бердичев, Белгород, Берлин (Германия), Бостон (США), Брюссель (Бельгия), Бузулук, Вологда, Гатчина, Гданьск (Польша), Дивово, Ессентуки, Ковно, Конотоп, Мцхета (Грузия), Падуя (Италия), Страсбург (Франция), Ялта и мн. др. За свою недолгую жизнь Есенин проехал по многим городам России, объездил страны Европы и северные штаты Америки.

Статьи этой группы вводятся в ЕЭ под современным Есенину географическим названием, вслед за которым указывается наименование, соответствующее нынешнему (*ныне*…). Имеется краткая характеристика административно-территориальной принадлежности (в есенинское время и ныне) и географического положения. Все остальные сведения об этом памятном месте (в том числе железнодорожное сообщение, население, история, достопримечательности) приводятся только в связи с Есениным при появлении того или иного сюжета, связанного с ним (ехал по железной дороге, на пароме, посещал какой-либо музей, здание, кафе и т. д.). Дается целостная характеристика этому топониму в связи с биографией поэта: даты пребывания в этом городе, жизненные и творческие события (написание произведений, посещения учреждений и издательств, издания сборников и отдельных публикаций, знакомства и встречи, выступления, творческие связи и т. д.) приводятся в хронологической последовательности, по источникам.

Существенной составляющей статей о памятных местах являются сведения о том, как отмечена память поэта: памятные мероприятия и мемориализация (музеи, памятные доски, улицы и т. д.). Имеются краткие сведения о посещении памятных есенинских мест известными писателями, музыкантами и др. Одним из примеров может служить фрагмент статьи о Ташкенте, вошедшей в книгу:

> В 1926 в *Т* прошли вечера памяти Е. с чтением докладов, стихов поэта и посв. ему пр-ний: 10 янв. — в Доме работников просвещения (Правда Востока. 1926. 13 янв.), 29 янв. — в партийном клубе *Т* (организаторы — Ташкентская ассоциация пролетарских писателей и лит. кружок партклуба; Правда Востока. 1926. 5 февр.).

> В *Т* жила со времени эвакуации в 1941 до смерти в 1992 дочь Е. *Т.С. Есенина*. В *Т* работает музей Е., с 1981 — общественный, с 1988 — гос. (возобновление работы после длительной реконструкции — 1999; ныне — *Музей Сергея Есенина* Министерства культуры Республики Узбекистан; туп. Л. Толстого, 20). С 1992 музей издавал газ. «Мир Есенина». В 2000—2011 под грифом Рус. культурного центра Республики Узбекистан и Есенинского об-ва «Радуница» в *Т* выходил информационный бюллетень «Мир Есенина» (вып. 1–11; сост. С.И. Зинин и А.В. Маркевич).
>
> М.В. Скороходов [2, с. 309–310].

Статей о местах, не упомянутых в произведениях Есенина, относительно немного. Но парадоксально, что к ним относятся родные Есенину места — село Константиново и река Ока. Можно сказать, что эти места струят поэту «несказанный свет», как и его любовь к матери. Статья о селе Константиново — родине поэта, занимает в томе исключительное место. Автор статьи Н.М. Солобай отмечает, что родное село не упоминается, но «зримо присутствует во многих поэтических и прозаических произведениях поэта: “тихая река” с чередой правобережных приокских сел, составляющих “тропу деревень”, своеобразный береговой ландшафт с грядой крутых холмов, равнины, где “не видать конца и края — / Только синь сосет глаза” (“*Гой ты, Русь, моя родная*...”; 1914)» [2, с. 118]. Образ Константинова и его окрестности поэт запечатлел в повести «Яр» и поэме «Анна Снегина» (1925). Образ Оки также лишь угадывается во многих произведениях Есенина разных лет в обращении к родному любимому краю: «... сердцу снятся / Скирды солнца в водах лонных» («Край любимый! Сердцу снятся…»; 1914); «Люблю разлив / Стремительным потоком, <…> // Такой простор, / Что не окинешь оком» («Ответ»; 1924) и многие другие.

Почти каждая статья содержит ранее неизвестные факты и документы. Новые подробности узнают читатели и о зарубежной поездке Есенина с Айседорой Дункан в 1922–1923 гг. Наиболее насыщены событиями и новыми фактами статьи о Москве, Петрограде, Париже и Берлине. В день приезда Есенина в Берлин, в начале 1920-х — центр русской эмиграции, состоялось первое известное публичное авторское чтение отрывков из поэмы «Страна Негодяев» и стихотворения «Всё живое особой метой…». Вечер с пением «Интернационала» имел огромный резонанс. В берлинском Доме искусств Есенин видится с И.Г. Эренбургом. На одной из встреч Эренбург дает поэту брюссельский адрес своего друга, бельгийского писателя Франца

Элленса, который подготовит первую книгу переводов произведений Есенина на французский язык. Есенин встретится с Элленсом не в Париже, как считалось ранее, а в Брюсселе, куда приедет, чтобы получить согласие переводчика и оплатить аванс за работу (установлено М. Никё). Подготовка Элленсом переводов продолжится в Париже в особняке Дункан на улице Помп 109 (ныне 99). Здесь же художник Борис Григорьев выполнит известный портрет Есенина, оригинал которого приобрел американский миллионер.

С.А.Есенин. Портрет работы Б.Д.Григорьева. 1923.

Немало нового и интересного можно узнать даже о железнодорожных станциях Бердичев, Евпатория, Жмеринка, Здолбунов, Клевань, Кривин, Курск, Новоселицы, Окница, Ровно и др. Во время остановок Полевого Царскосельского Военно-санитарного поезда Ее Величества (поезда № 143) Есенин, проходивший воинскую службу в Царском Селе, в качестве санитара вагона № 6 совершил две поездки к линии Юго-Западного фронта 27 апреля – 16 мая 1916 и 28 мая – 13 июня 1916, участвовал в выгрузке и приеме раненых офицеров и нижних чинов. Все остановки в статьях датированы по материалам Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург).

> **КОНОТОП**, уезд. город Черниговской губ. (ныне — административный центр Конотопского р-на и Конотопского гор. совета Сумской обл., Республика *Украина*) с ж.-д. станцией. Е. в составе команды санитаров *Поезда 143* в 1916 дважды проследует *К*: 31 мая (на пути в *К* он, набело переписав поэму «*Русь*» (1914), делает на рукописи помету: «У Конотопа» (2, 288)) и с остановкой 10 июня.
>
> *Лит*.: Юсов, Шабунин, 27–30; ПСС, ук.; Летопись, ук.
>
> *А.А. Николаева* [2, с. 111].

При помощи соподчиненности макро- и микротопонимов и системы отсылок, принятых в энциклопедических статьях, отражается индивидуальный географический ландшафт Есенина и система географических образов, воплощенных в его произведениях, которые объединяют земное и небесное пространство в единый художественный мир, мир, который принимает масштабы Вселенной и сохраняет приметы не только разных частей света, стран, городов, сел, рек, морей и океанов, но и дорогие черты родной земли вплоть до Белоборки, Кукарихи и Афонина перекрестка, местожительства мельника Афанасия Афанасьевича, в повести «Яр» — Афонюшки, образ которого отзовется в последней большой поэме Есенина «Анна Снегина» (1925).

Первый выпуск ЕЭ «Памятные места. Литературная география» общим объемом 92 п.л. вызвал большой интерес и получил высокую оценку специалистов в России и за рубежом.

Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Произведения

Замысел издания второго тематического выпуска родился в процессе работы над статьями о биографии поэта и произведениях, со-

ставляющими основное содержание ЕЭ. Планируется подготовить около 450 энциклопедических статей, дать более 200 иллюстраций (в т. ч. из фондов ИМЛИ РАН, РГАЛИ, ГМИРЛИ им. В. Даля и др.: автографы Есенина, иллюстрации к его произведениям). Издание, имеющее итоговый характер, основано на фундаментальных академических трудах и исследованиях последних лет. Одним из важных стимулов подготовки этого издания стал проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий» (по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.). Предметом исследования есенинской группы ИМЛИ является корпус комментированных текстов художественных произведений С.А. Есенина, вошедших в Полное собрание сочинений, расширенный по составу не известными в период подготовки ПСС (за 30 лет после выхода первого тома): семь ранних стихотворений Есенина 1910 г. (тетрадь с датированными автографами поэта ГМЗЕ), Вторая песнь поэмы «Гуляй-поле», «Когда я был мальчишкой…» (отрывок повести), беловой автограф «Пугачева», рукописи поэтического цикла «Любовь хулигана» (1923), «Сестре Шуре» (1925) и другие с уточнением датировок и событий биографии поэта.

Результатом этого проекта станет цифровое издание текстов всех известных на сегодняшний день произведений С.А. Есенина с энциклопедическими статьями о них, с библиографией научных работ об этих произведениях и многоуровневым комментарием — текстологическим, реальным, поэтиковедческим и общекультурным.

Структура энциклопедических статей о произведениях

Каждая статья ЕЭ об отдельном произведении Есенина содержит его целостную характеристику, учитывающую имеющийся научный задел о творчестве поэта и проведенные дополнительные разыскания. Статьи строятся по следующей структуре:

– Заголовочный комплекс: год написания, краткая жанровая характеристика (послание, исповедь, элегия, сонет, акростих, песнь, частушка, маленькая поэма, баллада, драматическая поэма, статья, экспромт и др., а также: ученическое, юношеское, раннее, позднее, программное, характерное; и т. д.);

– Основное содержание:

– историко-литературный контекст и контекст творчества поэта;
– творческая история;
– характеристика критических отзывов;
– идейно-художественное содержание;
– литературные источники, поэтика;
– свод фактических сведений о произведении, его судьбе, в т.ч. в кино и театре;

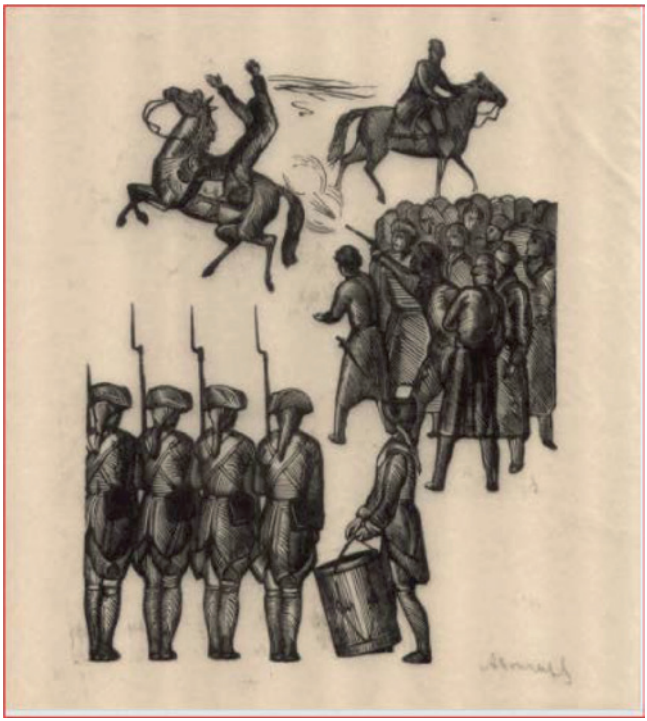
Приложение:

– Переводы
– Музыка
– Автографы
– Датировка
– Публикации
– Сочинения
– Литература

Значительное место в работе над статьями заняла проблема жанрового своеобразия произведений Есенина. Как правило, в статьях представлено многообразие исследовательских подходов к жанру и трактовкам вопросов поэтики, связанных с тяготением поэта к синтезу литературных форм. Заметно в большем объеме, чем в комментариях к ПСС, Летописи и научных работах учтены переклички есенинских текстов с произведениями его современников, что позволяет широко представить историко-литературные контексты эпохи.

Приложение — специальный раздел, рассчитанный в основной части на исследователей творчества Есенина (набран петитом): Автографы, Датировка, Публикации, где дается текстологический комментарий: характеристика рукописей и мест их хранения, датировка и ее возможные уточнения по сравнению с ПСС и Летописью.

Для раздела «Музыка» темы «Есенин в искусстве» Борис Розенфельд специально для ЕЭ дополнил материалы своего справочника «Сергей Есенин и музыка» (1988) (картотека хранится в архиве есенинского группы; ср. переиздание 2024 г.). В разделе «Иллюстрации» учитываются сведения о художниках-иллюстраторах. В ряде случаев эта информация, а также данные о театральных постановках и экранизации произведения могут быть даны в завершении основной части энциклопедической статьи и иллюстрированы.

А.Д. Гончаров. Из цикла иллюстраций к поэме С.А. Есенина «Пугачев» (1926–1927)
A.D. Goncharov. From the series of illustrations to the poem by S.A. Yesenin "Pugachev" (1926–1927)

В. Васковский. Из цикла иллюстраций к поэме С.А. Есенина «Пугачев» (1949). Польша
V. Vaskovsky. From the series of illustrations to the poem by S.A. Yesenin "Pugachev" (1949). Poland.

Нынешний этап цифровизации научных изданий, периодики и музейных коллекций позволяет учесть при подготовке статей материалы из редких изданий, специально не посвященных Есенину. В ряде случаев появилась возможность учесть в справочном аппарате к статьям малоизвестные и редкие произведения живописцев и графиков, иллюстрировавших стихотворение и поэмы Есенина, поскольку электронные копии музейных собраний в значительной своей части представлены в электронной версии Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации.

Особое внимание в процессе подготовки энциклопедии уделено сбору и изучению переводов произведений Есенина на иностранные языки, прежде всего прижизненных. Эта тема до недавнего времени была мало изучена. Составленная в процессе подготовки ЕЭ аннотированная «Библиография переводов произведений Сергея Есенина (1920–1927)», значительная часть которой уже введена в научный оборот [7, с. 828–872], еще раз убедительно подтвердила активное включение русского поэта в мировой литературный контекст и дала возможность представить в ЕЭ перечень прижизненных и посмертных переводов, а в ряде случаев — и их краткую характеристику. Эта работа основана на обобщении предшествующего исследовательского опыта и дополнительных исследованиях, проведенных совместно с нашими зарубежными коллегами. Рассматривается динамика вхождения Есенина в литературный процесс Европы, Азии, Америки в 1920-е гг. Основное внимание уделено переводам произведений поэта в Германии, Бельгии, Франции, Италии, Польше, Югославии, Японии и Китае.

При жизни Есенина его произведения были переведены на 17 языков: немецкий, английский, шведский, французский, итальянский, польский, чешский, болгарский, сербский, словенский, украинский, белорусский, латышский, армянский, грузинский, японский и идиш. Из них в то время не вышли из печати только переводы на идиш (отдельная книга Есенина на идише увидела свет в 1931 г.). Всего на данный момент насчитывается 136 публикаций прижизненных переводов 48 произведений Есенина (и/или их фрагментов). Некоторые из них печатались неоднократно. По количеству переводов, опубликованных в 1920–1927 гг., лидируют переводы на славянские языки: чешский язык, за ним польский. Это является ярким свидетельством близости славянских культур, чему в контексте рецепции произведений Есенина посвящены исследования З. Збыровского, А. Машковой, Е. Шокальского, Г. Бобилевич, А. Амелиной и др.

В 1926–1927 гг. добавились переводы на испанский, литовский, словацкий, венгерский и эстонский языки. На сегодняшний день удалось описать за 1920–1927 гг. 206 публикаций на 22 языках переводов 95 есенинских произведений или их значительных фрагментов, цитируемых в статьях иноязычных авторов, а также в переводных антологиях и сборниках русской или мировой поэзии, выполненных 94 переводчиками, не считая анонимных. Кроме того, представлены росписи семи книг переводов из Есенина, вышедших в указанный период: два издания книги «Confession d'un voyou» («Исповедь хулигана», Париж, 1922 и 1923) и книги «Requiem» (Париж, 1926) на французском языке; «Pugaczow» («Пугачев», Варшава, 1926) на польском; «O Rusku a revoluci» («О России и революции», Прага, 1926) и «Iná země» («Инония», Прага, 1926) на чешском, а также две книги на грузинском языке: «ლექსები» («Стихи», Тифлис, 1926) и «ანნა სნეგინა» («Анна Снегина», Тбилиси, 1927).

Из писем Есенина известно еще о нескольких подготовленных книгах переводов, сведения о которых не выявлены в европейской печати начала 1920-х годов. В Варшаве, например, печаталась книга с есенинской «Исповедью хулигана» и «Разочарованием» А.Б. Мариенгофа в переводе на идиш (упоминаются типографские оттиски переводов), а в Вене — сборник на немецком языке, тоже не увидевший свет (письмо от 19 ноября 1921 г. [1, т. 6, с. 126–128]). Книги «Inonion» (на немецком языке, Berlin, 1921) и «Inonion» (на французском языке, Paris, 1921), которые поэт обозначил как вышедшие [1, т. 7 (2), с. 164] в рекламном перечне «Книги Есенина», содержащемся в его сборнике «Трерядница» (1921), — неизвестны.

Библиографический перечень переводов сопровождается указателями: произведений поэта, языков их переводов и имен переводчиков, среди которых известные писатели и критики европейских стран. Представленный материал системно и полно описан с помощью зарубежных коллег: Павла Лавринца (Вильнюс), Василия Молодякова (Токио), Мишеля Никё (Кан, Франция), Наталии Шром (Рига) и др., которым авторы выражают свою признательность.

Собранные данные существенно изменили бытовавшие ранее представления о начальном этапе рецепции поэзии Есенина в Европе. Есенин при жизни приобрел особую известность в литературных кругах Франции и Германии, имевших длительную традицию культурного общения с Россией. Важное значение имел и тот факт, что Есенин вместе со своей женой, А. Дункан, продолжительное время находился в Германии и Франции.

Особенно тесной была связь Есенина с Германией, прежде всего русскоязычной. Первые из выявленных публикаций о поэте в русском зарубежье датируются 1918 г. С 1920 г. в Берлине выходят в свет книги поэта на русском языке: «Триптих: Поэмы» (Берлин: Скифы, 1920) с поэмами «Пришествие» (1917), «Октоих» (1917) и «Преображение» (1917), а также коллективный сборник «Россия и Инония» (Берлин: Скифы, 1920), в который вошли поэмы Есенина «Товарищ» (1917) и «Инония» (1918). Книга Есенина «Триптих» и сборник «Россия и Инония» продавались в книжных магазинах Берлина, Парижа, Лондона, Праги, Вены, Белграда, Нью-Йорка, Константинополя и Рима. Пребывание Есенина в Германии с Дункан и вышедшие в Берлине в 1922–1923 гг. есенинские книги «Собрание стихов и поэм», «Пугачев» и «Стихи скандалиста», шумные выступления перед немецкой публикой с чтением своих стихов принесли поэту еще большую известность.

Есенин стал известен за рубежом в 1920-е гг. прежде всего как революционный поэт, а затем уже как «крестьянский» («Последний поэт деревни»). Наиболее востребованными стали революционно-мистические поэмы Есенина «Товарищ», «Преображение» и «Инония». Их зарубежную популярность можно сравнить лишь с «Левым маршем» Маяковского. Среди неоднократно переведенных переводчиками разных стран при жизни и вскоре после смерти поэта «Исповедь хулигана» (1920), «Сорокоуст» (1920), «Не жалею, не зову, не плачу…» (1921), «Да! Теперь решено. Без возврата...» (1922), «Песнь о собаке» (1915), «Устал я жить в родном краю...» (1916), «Табун» (1915). Первой европейски известной большой поэмой стал «Пугачев» (1921).

Сборник «Поэзия большевистских дней» (Берлин, 1921) под редакцией и с предисловием И.Г. Эренбурга, куда вошла поэма А. Блока «Двенадцать» (1918) и «Преображение» Есенина, широко рекламируемый в печати, берется за основу ряда зарубежных публикаций, а напечатанные в нем тексты входят в поле зрения переводчиков разных стран. Ориентируясь на берлинские издания, шведский журналист, переводчик, прозаик, Ялмар Даль включает «Товарища» (в переводе на шведский язык финско-шведского писателя и переводчика Рафаэля Линдквиста) в сборник «Избранные русские стихотворения большевистских дней» (1924), изданный в Финляндии, и пишет о Есенине в предисловии к нему[1].

Недавним открытием оказался тот факт, что первой страной, познакомившей западных читателей с творчеством Есенина в 1920 г.,

[1] Sånger I rött och svart. Ett urval ryska dikter från bolsjevismens dagar. Gelsingfors, 1924: *Jesenin Sergej*. Tavaristsj. S. 62–66; *Hjalmar Dahl*. Sånger I rött och svart. S. III–VIII.

является Германия. Немецкий историк искусств, публицист и переводчик с русского языка Вальдемар Гартман (Waldemar Hartmann; 1888–1942) выполнил первые известные на сегодняшний день полные переводы произведений Есенина: «чудесного» стихотворения «Осень» («Тихо в роще можжевеля по обрыву…», 1914) и «революционной» поэмы «Певущий зов» (1917), и включил их в свою статью «Русская революционная поэзия новейшего поколения», опубликованную в журнале «Новый Меркурий»[2] (см: [4, т. 5 (2), с. 122]). Ранее эти переводы не были учтены даже в полной библиографии переводов Есенина, подготовленной Л. Кошутом в трехтомном Собрании сочинений поэта на немецком языке (1995), а имя переводчика не упоминалось в литературе о Есенине.

Самым значительным событием этого времени становится первая зарубежная книга Есенина «Confession d'un voyou» («Исповедь хулигана»), которая вышла в свет в сентябре 1922 г. в Париже в переводе Ф. Элленса. В книгу с предисловием Элленса вошло 9 произведений: «Исповедь хулигана», «Песнь о собаке», «Все живое особой метой...», «Устал я жить в родном краю...», «Закружилась листва золотая...», «Песнь о хлебе», «Дождик мокрыми метлами чистит...» («Хулиган»), «Кобыльи корабли» и полный перевод драматической поэмы «Пугачев».

В 1926 г. в Париже вышло новое издание под названием «Requiem» — без «Пугачева», но с добавлением новых стихотворений в переводах М. Милославской: «Сорокоуст» (который уже был опубликован в журнале «La revue européenne» от 1 июня 1926 г.), «Разбуди меня завтра рано...», «Корова», «Пойду в скуфье смиренным иноком...», «Я последний поэт деревни...», «Зеленая прическа, девическая грудь...», «Преображение», «Сторона ль ты моя, сторона!..», «Не жалею, не зову, не плачу...», «Я покинул родимый дом...» По сведениям М. Никё, этот сборник Элленса и Милославской был переиздан в 1956, 1983 и 2001 гг. с добавлением поэмы «Пугачев» [6, с. 496]. Но все же в наши дни во Франции Есенин известен менее, чем в Германии.

Работа по изучению переводов поэзии Есенина продолжается. Наиболее значимое дополнение недавно было сделано нашей коллегой из Карелии Н.В. Чикиной. Библиография переводов 1920–1927 гг. дополнена первым переводом на финский язык стихотворения «Письмо матери» Хемми Ато (Хемми Аро) из Карелии[3]. Отмечаются

[2] *Hartmann W.* Die jüngste russische Revolutionsdichtung // Der neue Merkur. München, 1920. Jg. 4. Hf. 2/3 (Mai-Juni). S. 117–119.

[3] Данные об этом переводчике противоречивы. Н.В. Чикина предполагает, что за

особенности первого перевода, опубликованного в журнале «Soihtu» («Факел») в 1927 г. и перевода Т. Сумманена (1931–1988) этого же стихотворения спустя десятки лет [8, с. 667–668]. Сумманен перевел 22 стихотворения русского поэта.

Главная трудность, с которой столкнулись авторы ЕЭ — это отбор материала, сочетание исчерпывающей полноты с лаконичностью изложения. В процессе подготовки энциклопедических статей проведена большая архивная и научно-исследовательская работа по сбору литературы о произведениях Есенина. Такого рода аналитическая работа систематически не проводилась при подготовке ПСС и Летописи поэта ввиду специфики этих изданий. Все это делает «Есенинскую энциклопедию. 1895–1925. Произведения» важным справочным изданием, актуальным как для исследователей русской литературы, так и для искусствоведов, историков, музейных и библиотечных работников, для школьников и студентов, а также для самых широких кругов читателей.

Литература

1. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995–2001.

2. Есенинская энциклопедия, 1895–1925 / науч. и отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. Константиново: Гос. музей-заповедник С.А. Есенина; ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 1: Памятные места и литературная география. 412 с.

3. Лермонтовская энциклопедия. 1814–1841 / гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. 784 с.

4. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. (7 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев, А.Н. Захаров, Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2003–2018.

5. *Мейлах Б.* Персональные энциклопедии: об итогах «Лермонтовской энциклопедии» и перспективе других // Вопросы литературы. 1982. № 9. С. 87–101.

6. *Никё М.* Переводы произведений С.А. Есенина на французский язык // Сергей Есенин в контексте эпохи. Коллективная монография / отв. ред. и сост. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 493–506.

7. *Субботин С.И., Шубникова-Гусева Н.И.* Библиография переводов произведений Сергея Есенина (1920–1927) // Сергей Есенин в контексте эпохи. Коллективная монография / отв. ред. и сост. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 828–872.

8. *Чикина Н.В.* Переводы поэзии С.А. Есенина на финский язык в Карелии (1920–1980-е гг.) // Сергей Есенин в контексте эпохи. Коллективная монография / отв. ред. и сост. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 658–685.

9. *Шубникова-Гусева Н.И.* С.А. Есенин в мировом литературном процессе (1920-е годы) // Русская литература в зеркалах мировой культуры / ред.-сост. М.Ф. Надъярных, В.В. Полонский; отв. ред. акад. РАН А.Б. Куделин. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 620–660.

псевдонимом Хемми Ато (Хемми Аро) скрывается Г.П. Лаукканен (1892–1938), однако учитывая, что он родился в деревне Лаакканен Миккельского уезда Финляндии, можно предположить, что это его настоящее имя. В статье Сумманена о Лаукканене указывается другая дата его смерти — 1943 г. Вероятно, он был репрессирован, см. [8, с. 658, 667].

Scientific Review

Sergei Alexandrovich Yesenin in an Encyclopedic Format Article 1. From the Complete Works and Chronicles to the Yesenin Encyclopedia

© 2025. Natalia I. Shubnikova-Guseva
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The series of articles are devoted to the scientific project "Yesenin Encyclopedia" carried out at the IWL RAS. It is a collection of information about the life and work of S.A. Yesenin and his role in Russian and world culture, based on the fundamental academic works, i. e., the *Complete Works of S.A. Yesenin: in 7 vols. (9 books)* (1895–2001), *Chronicles of Life and Work S.A. Yesenin: in 5 vols. (7 books)* (2003–2018), and recent studies. The issues of the concept, composition and structure of this work and the ways to solve them are considered. Attention is being paid to the issue of the *Yesenin Encyclopedia. 1895–1925. Memorable Places. Literary Geography*, which was published on the occasion of the 125th anniversary of his birth and is being prepared for republication, related to the biography and work of the poet and the memory of him in Russia and the world (357 articles on 442 toponyms were included). The author shows the uniqueness of articles about real and literary toponyms of various types, the meaning of which is to reveal their meaning and functions, semantics, sources, historical and literary context, perception by contemporaries and interpretation by researchers. The article gives typical examples of articles about real and literary, including biblical, religious, philosophical, and place names created by the poet himself (Inonia, The Land of Scoundrels, etc.). The article analyzes the second issue of the *Yesenin Encyclopedia. 1895–1925. Works* (about 450 articles, 200 figures), equipped with a bibliography of scientific papers on these works and a multi-level commentary: textual, real, poetical, and general cultural. The composition and structure of articles about the work are substantiated, and an appendix is provided with an expanded textual commentary (autograph (manuscripts), dating, publications, translations, etc.). A separate section of the article is devoted to the bibliography of S.A. Yesenin's translations, which for the first time provides a list of lifetime and first posthumous translations of S.A. Yesenin's works (1920–1927), and in some cases their characteristics. The article reflects the dynamics of the poet's entry into the world literary world.

Keywords: S.A. Yesenin, Yesenin Encyclopedia, concept, composition, structure, biography, toponyms, works, translations.

Information about the author: Natalia I. Shubnikova-Guseva (Guseva), DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3753-2935

E-mail: shubnikova-gus@mail.ru

For citation: Shubnikova-Guseva, N.I. "Sergei Alexandrovich Yesenin in an Encyclopedic Format. Article 1. From the Complete Works and Chronicles to the

Yesenin Encyclopedia." Literaturnyi fakt, no. 1 (35), 2025, pp. 418–443. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-418-443

References

1. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [*Complete Works: in 7 vols. (9 books)*], ed. Iu.L. Prokushev. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995–2001. (In Russ.)

2. Shubnikova-Guseva, N.I., editor. *Eseninskaia entsiklopediia, 1895–1925* [*Yesenin Encyclopedia, 1895–1925*], issue 1: Pamiatnye mesta i literaturnaia geografiia [Memorial Places and Literary Geography]. Konstantinovo, S.A. Yesenin State Museum-Reserve Publ., IWL RAS Publ., 2020. 412 p. (In Russ.)

3. Manuilov, V.A., editor. *Lermontovskaia entsiklopediia. 1814–1841* [*Lermontov Encyclopedia. 1814–1841*]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1981. 784 p. (In Russ.)

4. Prokushev, Iu.L., A.N. Zakharov, and N.I. Shubnikova-Guseva, editors. *Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Esenina: v 5 t. (7 kn.)* [*Chronicle of the Life and Work of S.A. Yesenin: in 5 vols. (7 books)*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2003–2018. (In Russ.)

5. Meilakh, B. "Personal'nye entsiklopedii: ob itogakh 'Lermontovskoi entsiklopedii' i perspektive drugikh" ["Personal Encyclopedias: On the Results of the 'Lermontov Encyclopedia' and the Prospects for Others"]. *Voprosy literatury*, no. 9, 1982, pp. 87–101. (In Russ.)

6. Nike, M. "Perevody proizvedenii S.A. Esenina na frantsuzskii iazyk" ["Translations of Works by S.A. Yesenin into French"]. Shubnikova-Guseva, N.I., editor. *Sergei Esenin v kontekste epokhi. Kollektivnaia monografiia* [*Sergei Yesenin in the Context of the Era. Collective Monograph*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 493–506. (In Russ.)

7. Subbotin, S.I., and N.I. Shubnikova-Guseva. "Bibliografiia perevodov proizvedenii Sergeia Esenina (1920–1927)" ["Bibliography of Translations of Works by Sergei Yesenin (1920–1927)"]. Shubnikova-Guseva, N.I., editor. *Sergei Esenin v kontekste epokhi. Kollektivnaia monografiia* [*Sergei Yesenin in the Context of the Era. Collective Monograph*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 828–872. (In Russ.)

8. Chikina, N.V. "Perevody poezii S.A. Esenina na finskii iazyk v Karelii (1920–1980-e gg.)" ["Translations of S.A. Yesenin's Poetry into Finnish in Karelia (1920–1980s)"]. Shubnikova-Guseva, N.I., editor. *Sergei Esenin v kontekste epokhi. Kollektivnaia monografiia* [*Sergei Yesenin in the Context of the Era. Collective Monograph*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 658–685. (In Russ.)

9. Shubnikova-Guseva, N.I. "S.A. Esenin v mirovom literaturnom protsesse (1920-e gody)" ["S.A. Yesenin in the World Literary Process (1920s)"]. *Russkaia literatura v zerkalakh mirovoi kul'tury* [*Russian Literature in the Mirrors of World Culture*], ed. and comp. M.F. Nad"iarnykh and V.V. Polonskii, ex. ed. A.B. Kudelin. Moscow, IWL RAS Publ., 2015, pp. 620–660. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.09.2024
Одобрена после рецензирования: 20.12.2024
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 02.09.2024
Approved after reviewing: 20.12.2024
Date of publication: 25.03.2025

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2025 № 1 (35)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25А. стр. 1
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 25.03.2025
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 27,75
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н